

В.Д. ИГНАТОВ



· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

# ПАЛАЧИ И КАЗНИ В ИСТОРИИ РОССИИ И СССР



ПАЛАЧИ И КАЗНИ В ИСТОРИИ  
РОССИИ И СССР





**В.Д. ИГНАТОВ**



**· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·**

# **ПАЛАЧИ И КАЗНИ В ИСТОРИИ РОССИИ И СССР**

Москва  
«ВЕЧЕ»

УДК 94(47)  
ББК 63.3(2)  
И26



**Игнатов, В.Д.**

**И26** Палачи и казни в истории России и СССР / В.Д. Игнатов. — М. : Вече, 2013. — 416 с. : ил. — (Историческое расследование).

ISBN 978-5-4444-1238-1

Знак информационной продукции **16+**

С древнейших времен человечество применяло смертную казнь как высшую меру наказания за преступления. Палачи — люди, приводившие приговор в исполнение, — имели зловещую репутацию в обществе.

В истории нашего государства были мрачные периоды, когда работа палачей кипела днем и ночью. Автор книги подробно рассказывает об истории и видах казней в России и Советском Союзе, о знаменитых палачах, о матерых преступниках и невинно пострадавших людях.

**УДК 94(47)  
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-4444-1238-1

© Игнатов В.Д., 2013  
© ООО «Издательство «Вече», 2013



**Убитым при подавлении крестьянских восстаний,  
умершим от голода после коллективизации и расстрелянным  
в годы Большого террора посвящается**

## ГЛАВА 1. ИЗ ИСТОРИИ СМЕРТНЫХ КАЗНЕЙ

Смертная казнь является одним из наиболее древних видов наказаний. Ее прообразом стал обычай кровной мести, когда смертная казнь считалась справедливым наказанием за причинение смерти другому человеку. Казнь в отмщение у многих народов являлась священной обязанностью для членов семьи и рода. Не мстить, по убеждениям первобытных народов, значило изменить своей семье, нанести величайшее оскорбление тени умершего, нарушить религиозную обязанность, окаяться существом подлым. В первобытное время обязанность мщения переходила по наследству из поколения в поколение и была тесно связана с участием в наследовании имущества. Сын убитого лишался наследства, если не мстил за смерть отца. Исландские саги рассказывают о людях, которые из Исландии и Норвегии преследовали убийц до Константинополя, пока им не удавалось отомстить за смерть убитых родичей. История сохранила существование кровной мести у евреев, греков, римлян, германских и славянских племен, у многих других народов. Остатки кровной мести в Шотландии, Ирландии, Швеции и Швейцарии существовали еще в XVI и XVII столетиях. В Черногории, Албании, на Корсике и у некоторых народов Кавказа смертная казнь сохранилась и в более поздние времена. Мщение освящено древними религиями, идеалом божества в которых является бог-мститель, карающий смертной казнью малейшее отступление от закона. В роли мстителей предстают, например, боги на Олимпе и в Валгалле. Таким образом, кровная месть, по существу, является разновидностью смертной казни, которую приводит в исполнение родственник убитого.

С возникновением государств существовавший во многих обществах обычай кровной мести трансформируется в уголовное наказание — смертную казнь, применяемую от имени власти. Историю смертной казни рассматривают с того времени, когда действия, подлежащие наказанию, стали определяться законом, а наказания стали назначать представители государственной власти. Такой подход исключает из истории большой

период кровной мести, когда обиженный человек сам или с помощью родни мстил за обиду или за нанесенный вред убийством обидчика. Таким образом, древние государства получили смертную казнь как уже действующее средство наказания в виде убийства в отмщение. Очевидно, что в убийстве в виде мести и смертной казни в виде наказания много общего. Разница состоит лишь в том, что в государстве смертная казнь назначается на основании установленных властью законов, а убийства в виде отмщения происходили и происходят согласно соблюдаемым обычаям и считаются не только правом, но и обязанностью мстителей.

В подходах к убийству из мести и казни от имени государства имеются и другие общие моменты. Если убийство из мести сопровождалось разрушением дома и разграблением имущества виновного, то и при государственном наказании дом казненного часто разрушался или сжигался, а его имущество конфисковалось. Если во время мести убивали вместе с виновным и его близких родственников, то остатки этого обычая некоторое время сохранялись и при назначении смертной казни государством. Таким образом, именно в первобытные времена зародились и окрепли жестокие обычаи, по которым возмездие осуществлялось по принципу «воздай равным за равное», искупление и очищение больших и малых преступлений производилось кровью, а устрашение — посредством жесточайших мук.

В первобытных сообществах и в государствах Древнего мира подход к выбору наказания за убийства и другие преступления базировался на принципе талиона (лат. *lex talionis*), согласно которому наказание должно возместить вред, причиненный преступлением, т.е. уравнивать наказание с причиненным ущербом. Принцип талиона просматривается в еврейском праве и закреплён в Ветхом Завете («Око за око»): «...а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, ушиб за ушиб» (Исх. 21: 23—25). Он просматривается также в римских Законах двенадцати таблиц и в средневековых германских законах. В русском праве этот принцип сохранился в Соборном уложении 1649 г., которое, например, за телесное повреждение предписывало отплачивать преступнику тем же: «Отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы отрежет, или глаз выколет... самому ему тоже учинить». В Воинском артикуле Петра Первого 1715 г. предписывалось за богохуление прожигать язык раскаленным железом, за лжеприсягу отсекать два пальца, за убийство «паки отметить и без всякой милости голову отсечь». Однако у многих народов уже на ранних этапах развития существовало и понятие «цены крови», означавшее, что за убитого можно было расплатиться не собственной жизнью, а деньгами или их эквивалентом.



## ОСНОВНЫЕ ВИДЫ КАЗНЕЙ

Смертная казнь во все времена выполняла и выполняет функцию превенции, т.е. общего предупреждения совершения преступлений. При этом основную сдерживающую роль играет страх преступника перед наказанием, которое с большой вероятностью может последовать за преступлением. Зная это, древние правители стремились сделать казнь наиболее мучительной и устрашающей. На различных этапах человеческой истории применялись как простые виды смертной казни (повешение, отсечение головы, расстрел), так и квалифицированные, т.е. более жестокие, назначаемые за особо опасные преступления. Известный русский юрист и правовед Александр Федорович Кистяковский в своем «Исследовании о смертной казни» приводит такие способы умерщвления, распространенные в прошлом, как повешение, колесование, забрасывание камнями, сдирание кожи, повешение за ребро, посажение на кол, вливание раскаленного свинца в горло, сожжение, сваривание в масле, вине, воде, раздирание или рассечение на мелкие части, утопление, сбрасывание с башни, с возвышенности в море, в пропасть, распятие на кресте, отдание на съедение диким зверям, вытягивание кишок, затаптывание слоном, сожжение в чреве раскаленного металлического быка, закапывание в землю живым, отрезание грудей и другие (1: 272)\*. Известны и некоторые другие жестокие виды казней. Так, в Древнем Китае одной из разновидностей казни было обескровливание комарами, слепнями и другими насекомыми привязанного к столбу раздетого человека. Известна китайская притча, когда монах, увидев казнимого таким образом преступника, из жалости стал отгонять от него сосущих кровь насекомых. Почувствовав это, несчастный открыл глаза, поднял голову и плюнул в лицо монаху. На вопрос монаха, почему вместо благодарности он плюет ему в лицо, человек ответил, что теперь вместо уже насытившихся насекомых прилетят новые, голодные и злые, и это только увеличит его муки.

Римский император Тиберий практиковал следующий вид казни: напоив несчастных допьяна вином, им, охмелевшим и беспомощным, перевязывали члены, и они изнемогали и погибали от задержки мочи. Другой император, Калигула, приказывал перепиливать живых людей пилой. (Случаи такой казни были во время восстания крестьян в Там-

---

\* Здесь и далее в скобках приводится номер источника, двоеточием выделен номер страницы. Список источников и примечания приведены в конце каждой главы.

бовской области в 20-е гг. прошлого столетия.) Император Макрин в качестве казни замуровывал в стену живых людей (2: 128).

Российские правители — Иван Грозный и Петр Первый — сажали своих противников на кол. Одним из видов казней, сохранившихся с древних времен до XX века, была казнь по жребию — децимация (от лат. *decimatio*, от *decimus* — «десятый»). Децимация применялась как высшая мера наказания в римской армии за потерю знамени, бунт и даже за дезертирство. Самый ранний документированный случай ее применения относится к 471 г. до н.э. При децимации наказываемое подразделение разделялось на десятки независимо от ранга и срока службы. Каждая десятка бросала жребий, и того, на кого он выпадал, казнили его же девять товарищей, иногда путем забивания камнями или дубинками. Оставшиеся в живых солдаты также наказывались: в их рационе пшеница заменялась ячменем, им запрещалось спать внутри лагеря и т.д. (3: «Красс», X). Децимация как возможное наказание прописана и в Воинском уставе Петра I — «Артикул воинский», назначающий наказания за воинские преступления. В России децимация применялась также во время Гражданской войны наркомом Львом Троцким (Бронштейн Лейба Давидович). Так, 29 августа 1918 г. 2-й Петроградский полк под Казанью был разгромлен Каппелем, оставил позиции и бежал. По указанию Троцкого были расстреляны комиссар полка Пантелеев, командир Гнеушев и каждый десятый красноармеец. Трупы расстрелянных побросали в Волгу и для верности проутюжили винтами катеров. На следующий день утром жители Свияжска выловили несколько обезображенных тел. Это были петроградские рабочие — полиграфисты, не обученные даже азам военного дела. Несчастных похоронили монахи на монастырском кладбище Успенского монастыря (4: Гл. 4). Во время обороны Петрограда в октябре 1919 г. в отступающих красноармейских частях также расстреливали каждого десятого красноармейца. Децимации подвергались и другие части Красной Армии (например, на Хабаровском фронте 26 декабря 1921 г. и 5 января 1922 г.). В Финляндии во время Гражданской войны в начале 1918 г. был случай применения децимации к пленным красногвардейцам белофиннами, которые расстреляли всех командиров и каждого пятого рядового бойца. Этот случай известен как «лотерея Хуруслаhti» по названию реки, на льду которой была осуществлена казнь (5: 316).

Наиболее распространенными видами казней в Древнем мире и в Средние века были обезглавливание, повешение, распятие и сожжение. Обезглавливание было едва ли не самым распространенным способом лишения жизни в человеческой истории. Оно широко применялось



в государствах Древнего Востока, в Османской империи, в Древнем Риме и в средневековой Европе. Таким способом были казнены английские короли Ричард II и Карл I, шотландская королева Мария Стюарт, французский король Людовик XVI и его жена Мария-Антуанетта. В настоящее время обезглавливание применяется только в Саудовской Аравии, а как способ лишения жизни законодательно установлено в Йеменской Арабской Республике и Объединенных Арабских Эмиратах.

До середины XVI века основными орудиями при совершении казни были топор и меч, однако с увеличением числа казней такая технология стала не соответствовать требованиям времени. Казнь занимала много времени, и «производительность» палачей была низкой, — она снижалась также из-за необходимости постоянно затачивать затупленные мечи. Неточный удар палача при отсечении головы от тела мечом или топором приводил к мучениям казнимого. Бывали случаи, когда неопытному палачу для отсечения головы надо было сделать до десяти ударов. Поэтому в разных странах делались попытки механизировать процесс казни. Первые механические устройства для обезглавливания появились в Европе в конце XIII века. В Италии такое устройство называлось *манная* (*mannaia*; досл. «топор»). Известно, что с его помощью в 1268 г. в Неаполе был казнен последний представитель династии Гогенштауфенов Конрадин Швабский. В XIV веке в Германии изобрели механизм, позволявший вколачивать молотом тяжелый и острый железный топор в шею осужденного. В 1564 г. в Шотландии и Ирландии начали использовать приспособление для обезглавливания, которое получило название «девица» (*maiden*), или Шотландская дева. Рабочим органом такой машины был острый нож весом 30—40 килограммов. С момента появления и вплоть до запрещения ее применения в 1708 г. на Шотландской деве было казнено более 150 человек. Устройства, подобные этой машине, пытались использовать в Великобритании, Италии и Швейцарии, однако широкого распространения они не получили.

Причиной для дальнейшего совершенствования машины для совершения казней стал массовый террор во время Великой французской революции, который привел к дефициту палачей. Изменить технологию исполнения смертных приговоров предложил Жозеф Гильотен (Гийотен) (1738—1814 гг.). Будучи избранным в Учредительное собрание, он в декабре 1789 г. внес предложение, чтобы смертная казнь для всех категорий граждан проводилась только путем обезглавливания и с использованием машины (до этого отсечением головы казнили преимущественно дворян). Цель предложения заключалась в том, чтобы казнь проходила как можно быстрее и, таким образом, причиняла казнимым

меньше страданий, а применение одного вида казни к преступникам из всех слоев общества подчеркивало их равенство перед законом. Предложение Гильотена было принято. По предложению хирурга Антуана Луи в качестве прототипа было решено взять Шотландскую деву. Первую гильотину в начале 1792 г. сконструировал и изготовил инженер и мастер по клавишам Тобиас Шмидт. Голову приговоренному отсекал тяжелый (от 40 до 100 килограммов) нож, падающий сверху по направляющим пазам. Нож поднимали на высоту 2—3 метра веревкой, где он удерживался зашелкой. Приговоренного привязывали к вертикальной доске, которую затем опускали в горизонтальное положение таким образом, чтобы его шея находилась на линии падения ножа. Его голову помещали в специальное углубление у основания механизма и закрепляли сверху деревянной доской с выемкой для шеи, после чего рычажным механизмом зашелка, удерживающая нож, открывалась, и он падал с большой скоростью на шею жертвы.

В конце апреля 1792 г., после испытаний на животных и трупах, в Париже, на Гревской площади, гильотина была впервые использована в качестве орудия казни. При большом стечении народа палачом Шарлем Анри Сансоном был казнен вор Никола Пеллетье. Толпа зевак, приученная со времен Средневековья к мучительным казням, была разочарована быстротой казни. Казнь продолжалась всего несколько секунд, после чего обезглавленное тело подручные палача столкнули в подготовленный ящик. Первоначально машине дали имя «Луизон» или «Луизетта» (Louison, Louisette; от А. Луи), но вскоре его заменили на «гильотину» (guillotine; от Ж.И. Гильотена); народ же окрестил ее «Вдовой» (la Veuve). После опробования гильотина заработала на полную мощность — во время массового террора в отдельные дни на ней казнили по 60 и более человек. Вскоре ее перевезли с Гревской площади и смонтировали на площади Революции (ныне площадь Согласия), где и произошло большинство казней и где 21 января 1793 г. был гильотинирован король Людовик XVI.

В период якобинской диктатуры (сентябрь 1793 г. — июль 1794 г.) гильотина стала символом террора. Во Франции в это время «работало» 50 гильотин, с помощью которых было казнено более 20 тыс. человек. Во время казни палач поднимал отрубленную голову и показывал ее толпе. Это делалось потому, что считалось, будто отрубленная голова могла видеть и соображать на протяжении примерно десяти секунд после ее отделения от тела. Таким образом, голову человека поднимали, чтобы он мог в последний миг перед смертью увидеть смеющуюся над ним толпу. Несмотря на одиозную репутацию, которую гильотина приобрела в эпоху революционного террора, во Франции она использовалась



почти два столетия. В 1870—1872 гг. она была усовершенствована помощником палача и плотником Леоном Берже. Гильотины конструкции Берже были разборными, легко перевозились и не требовали специального эшафота.

На гильотине во Франции среди прочих были казнены Людовик XVI, Мария-Антуанетта, представитель королевской династии Филипп Орлеанский, видные деятели и вожди революции Жорж Жак Дантон, Максимилиан Робеспьер, Жорж Кутон, Луи Антуан Сен-Жюст, Камилл Демулен и основатель современной химии Антуан Лавуазье. В 1932 г. за убийство президента Франции Поля Думера на гильотине был казнен русский эмигрант, врач и писатель Павел Горгулов. 17 июня 1939 г. в Версале, на бульваре, гильотинировали немца Ойгена Вейдмана, убийцу семи человек. Это была последняя публичная казнь во Франции: из-за «непристойного поведения толпы во время приведения приговоров» дальнейшие казни проводились на территории тюрем. Последняя казнь на гильотине и последняя смертная казнь в Западной Европе была в Марселе в период правления Жискара д'Эстена 10 сентября 1977 г., когда казнили араба Хамида Джандуби.

В Германии гильотина использовалась с XVII века и была основным видом казни вплоть до ее отмены в 1949 г. В отличие от французских образцов немецкая гильотина была ниже и имела лебедку для подъема тяжелого ножа. Гильотины были установлены в тюрьмах Берлина (знаменитая тюрьма Плетцензее), Лейпцига и Бранденбурга. В период с 1933 по 1945 г. в Германии и Австрии было обезглавлено около 40 тыс. человек. В это число входят и борцы Сопротивления, отнесенные нацистами к уголовным преступникам. Обезглавливание в Германии считалось «неблагородным» видом казни в противоположность расстрелу. В число казненных гитлеровцами на гильотине вошли поджигатель рейхстага Маринус ван дер Люббе, чехословацкий журналист и антифашист Юлиус Фучик, татарский поэт Муса Джалиль и участница Сопротивления во Франции русская княгиня Вера Аполлоновна Оболенская. В ГДР обезглавливание применялось до 1966 г., до замены на расстрел.

И.С. Тургенев, наблюдавший в 1870 г. гильотинирование преступника Тропмана, так описывает свои впечатления: «Смутно и более странно, нежели страшно, рисовались на темном небе ее два, на 3 аршина друг от друга отстоявшие столба с косою линией соединявшего их лезвия. Я почему-то воображал, что эти столбы должны отстоять гораздо дальше друг от дружки; эта их близость придавала всей машине какую-то зловещую стройность — стройность длинной, внимательно вытянутой, как у лебедя, шеи. Чувство отвращения возбуждал большой плетеный

кузов, вроде чемодана, темно-красного цвета. Я знал, что палачи бросят в этот кузов теплый, еще содрогающийся труп и отрубленную голову...»

О самом моменте казни Тургенев говорит: «Я видел, как он (Тропман) появился наверху, как справа и слева два человека бросились на него, точно пауки на муху, как он вдруг повалился головой вперед и как подошвы его брыкнули... Но тут я отвернулся — и начал ждать, — а земля тихо поплыла под ногами... И показалось мне, что я ждал страшно долго. Я успел заметить, что при появлении Тропмана людской гам внезапно как бы свернулся клубком — и наступила бездыханная тишина... Наконец послышался легкий стук как бы дерева о дерево — это упал верхний полукруг ошейника с продольным разрезом для прохода лезвия, который охватывает шею преступника и держит его голову неподвижной... Потом что-то вдруг глухо зарычало и покатилося — и ухнуло... Точно огромное животное отхаркнулось... Все помутилось...» (6: 84).

Русский писатель Петр Боборыкин, вспоминая о казнях в Париже во второй половине XIX века, пишет: «Кто жывал в Париже подолгу, как я, тот знает, что это было за отвращение: публичные казни, происходившие около тюрьмы “La Koquette”. Гаже, гнуснее этого нельзя было ничего и вообразить! Тысячи народа, от светских виверов и первоклассных кокоток до отребья — сутенеров, уличных потаскушек, воров и беглых каторжников, проводили всю ночь в окрестных кабачках, пьянствовали, пели похабные песни и с рассветом устремлялись к кордону солдат, окружавшему площадку, где высились “les bois de la justice” (гильотины), как официально называют этот омерзительный аппарат. Издали нельзя было хорошенько видеть, но вся эта масса чувствовала себя в восхищении только оттого, что она “была на казни”, так лихо и весело провела ночь в ожидании такого пленительного зрелища» (7: 194).

Повешение также было весьма распространенным наказанием, как в древности, так и в Средние века. Одно из ранних упоминаний о повешении встречается в Книге Чисел: «И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем, и отвратится от Израиля ярость гнева Господня» (Числ. 25: 4).

О популярности казни через повешение говорит тот факт, что еще в конце XX века она сохранялась в качестве единственного вида казни в законодательстве таких стран, как Бирма, Ангилья, Антигуа и Барбуд, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Бермуды, Ботсвана, Бруней Даруссалам, Великобритания, Виргинские острова, Гайана, Гамбия, Гонконг, Гренада, Доминика, Замбия, Западное Самоа, Зимбабве, Израиль, Ирландия, Каймановы острова, Кения, Кипр, Лесото, Маврикий, Малави, Малайзия, Монтсеррат, Намибия, Новая Зеландия,

Папуа — Новая Гвинея, Свазиленд, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Кристофер и Невис, Сент-Люсия, Сингапур, Танзания, острова Теркс и Кайкос, Тонга, Тринидад и Тобаго, Турция, Фиджи, Шри-Ланка, ЮАР, Ямайка, Япония (6: 92). (Следует отметить, что большинство из перечисленных стран в настоящее время хотя и сохраняют смертную казнь в законодательстве, но фактически отказались от нее.) Повешение производилось разнообразными способами. Сначала вешали на деревьях; впоследствии — на столбах, на специально построенных виселицах, на воротах и башнях зданий. Особым видом повешения было повешение на кресте головой вверх или вниз. Этот способ был широко распространен на Востоке, в Греции и Риме, где так казнили в основном рабов.

В средневековой России людей вешали на специально построенных на городских площадях виселицах в виде букв Т, Г или П, либо просто на деревьях вдоль дорог (это применялось к разбойникам). Иногда виселицы строились на плотях. Таким образом расправлялись с участниками бунтов и восстаний. Плоты с повешенными пускали вниз по большим рекам для устрашения населения. В Индии преступников вешали на берегу Ирравади так, чтобы вода при приливе медленно заливала осужденного.

По данным А.Ф. Кистяковского, «в Германии для отягчения казни преступников, в особенности из евреев, вешали их вместе с двумя собаками или двумя волками; тяжких воров украшали пред вешанием смешным образом: чем тяжелее было воровство, тем выше вор был вешаем. Повешение в Европе считалось более тяжким и более бесславным, чем, например, отсечение головы. Поэтому оно было казнью, которой карали преступников из народа. Преступники из привилегированных классов были казнимы посредством отсечения головы. Женщины вместо повешения были сжигаемы или утопливаемы» (8: 38).

В античные времена и Средние века повешение получило широкое распространение из-за простоты организации казней, а также из-за того, что публичные казни являлись, по существу, единственным культурно-развлекательным и воспитательным мероприятием и привлекали толпы зрителей. Для устрашения смертная казнь совершалась принародно, с торжественными процессиями, в центре города, около церквей и дворцов, на самых людных площадях. Для привлечения народа на казни звонили в колокола, как, например, в Испании при сожжении еретиков или в России в царствование Ивана Грозного, посылали глашатаев или трубили в трубы. Как на Востоке, так и в Европе основным местом размещения виселиц и эшафотов были городские ворота, улицы и доро-

ги. Виселицы имелись в каждом большом городе Европы. Собственные виселицы имелись почти у каждого сеньора.

В работе «История цивилизации в Европе» Гизо Франсуа отмечает, что в Средние века в Европе во всю длину дорог стояли виселицы и валялись разорванные члены казненных (9). Это подтверждает и известный российский криминалист, доктор права Баршев Сергей Иванович, который отмечает, что «не было, можно сказать, ни одной проезжей улицы во всей Европе, где бы в это время не стояли постоянно виселицы» (10). Тела преступников годами не снимали с виселиц, чтобы они служили постоянным напоминанием и отвращали народ от преступлений.

С течением времени технология повешения совершенствовалась и развивалась. От казней на деревьях и на простейших виселицах, рассчитанных на 1—2 человек, властители постепенно перешли к строительству монументальных сооружений. В XIII веке к северо-востоку от Парижа, во владениях некоего графа Фалькона (Фокона), была построена огромная каменная виселица, которая получила название Montfaucou (от фр. mont — гора, faucou — сокол). Одновременно на Монфоконе могло быть повешено до 50 человек. (На некоторых гравюрах можно увидеть, что в одной ячейке могли быть повешены два человека.) Считается, что виселица была построена по проекту советника Филиппа IV Красивого — Ангеррана де Мариньи. По его замыслу, жуткое зрелище множества разлагающихся тел повешенных должно было производить сильнейшее впечатление на подданных короля и предостерегать их от серьезных правонарушений. По иронии судьбы, де Мариньи впоследствии сам же был повешен на Монфоконе.

По описанию Виктора Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери» и современников виселица представляла собой квадратное трехъярусное сооружение на высоком каменном фундаменте. Ее верхняя часть представляла платформу, на которой с трех сторон были установлены 16 массивных четырехугольных столбов из камня высотой 12 метров. Столбы были соединены вделанными в них перекладинами, к которым были прикреплены цепи, предназначенные для повешения осужденных. Другой ряд перекладин, также предназначенных для повешения, соединял столбы посередине. Повешение производили в трех боковых сторонах виселицы. Четвертая сторона использовалась для подъема и спуска тел и представляла собой каменную лестницу с воротами, ключ от которых хранился у городских палачей. Тела повешенных оставлялись на виселице до частичного разложения. По воспоминаниям современников, на виселице постоянно висело от 50 до 60 высохших, обезображенных и качаемых ветром трупов. Сгнившие трупы сбрасывались в специальный каменный



колодец (оссуарий), так как повешенных запрещалось хоронить по христианскому обычаю. (Обычай не снимать трупы казненных существовал также у евреев, у римлян и германцев.) Последняя казнь на Монфоконе была произведена в 1629 г., после чего виселица по назначению не использовалась и к 1760 г. полностью разрушилась.

В 1571 г. в деревушке Тайберн под Лондоном (район современного Гайд-парка) была построена знаменитая виселица «Тайбернское дерево». Она состояла из трех массивных опор, соединенных в виде треугольника балками, на которых можно было одновременно повесить 24 человека. Виселица прослужила больше 200 лет и была разрушена в 1783 г., когда местом публичных казней стала площадь перед тюрьмой Ньюгейт. Традиционное повешение, при котором из-под человека выбивалась опора, не гарантировало быстрого и надежного наступления смерти. Чтобы ускорить процесс казни, применялись разные приемы: палачи запрыгивали жертвам на плечи или тянули их за ноги; во времена Людовика XIII палач держался руками за перекладину виселицы и давил ногами на связанные руки жертвы.

Современная технология повешения, которой пользуется большинство стран, применяющих этот вид казни, была разработана в 1949—1953 гг. Королевской комиссией по смертной казни в Великобритании. По этой технологии «осужденного вешают на веревке, обвивающей шею; смерть наступает в результате давления веревки на тело под воздействием силы тяжести. Потеря сознания и смерть наступают в результате повреждения спинного мозга или, если этого недостаточно для наступления смерти, вследствие асфиксии от сдавливания трахеи» (6). Комиссия исходила из «гуманной» необходимости «наступления скорой и безболезненной смерти путем смещения позвонков без отделения головы от тела». В соответствии с рекомендациями комиссии, после того как на шею осужденного надевали петлю, у него под ногами открывался люк. При этом длина веревки (и соответственно расстояние падения) подбиралась с учетом роста и веса осужденного таким образом, чтобы добиться разрыва спинного мозга без отрыва головы. Однако при неверном расчете или неопытности палача разрыва спинного мозга не происходило, и осужденный погибал от удушения. Английская виселица стала образцом совершенства. Ее не смогли превзойти ни немцы с их казнью на струне, ни советские исполнители «высшей меры социальной защиты», заменившие выбиваемую из-под ног преступника табуретку отъезжающим грузовиком.

«Лидерство» по количеству повешенных в конце прошлого века принадлежало Ирану и Южно-Африканской Республике. В ЮАР за период

с 1985-го по первую половину 1988 г. было повешено 537 человек. В Иране, по официальным данным, только за вторую половину 1981 г. (с июля по декабрь) было казнено 2444 человека, из них большая часть — через повешение. В Иране публичные казни через повешение практикуются и в настоящее время, при этом в качестве виселиц используются стрелы автомобильных кранов.

Разновидностью повешения было удушение. Применялось в Древней Греции и в Древнем Риме. Как самостоятельный вид казни широко применялось в Испании с 1828 г., когда Фердинанд VII отменил повешение и ввел удушение как единственный способ казни для уголовных преступников. Орудием казни при этом служила гаррота (исп. *garrote* — закручивание, затягивание), представляющая собой петлю с палкой, закручивая которую палач умерщвлял жертву. С течением времени гарроту усовершенствовали, и в окончательном виде она представляла собой металлический ошейник с винтом сзади, который палач вращал за рукоятку. При закручивании винт тянул назад концы ошейника, затягивая его, и медленно удавливал осужденного. Эта форма казни была мучительной и длилась до 10 минут. Перед казнью осужденного привязывали к столбу, а на голову ему надевали мешок. После исполнения приговора мешок снимали, чтобы зрители могли видеть лицо жертвы.

Вот как описывает Лион Фейхтвангер казнь разбойника Торреса в романе «Гойя»: «Палач втащил осужденного на помост, заставил его сесть на деревянный стул и очень прочно привязал его к столбу. Был случай, когда один осужденный, вырвавшись, убил палача, собиравшегося его казнить. Затем он накинул на голову осужденного черный платок и начал быстро закручивать винт гарроты. Было видно, как страшно вздымается грудь и трепещут колени задыхающегося человека. До толпы доносился его клопочущий хрип. Наконец все затихло. Палач быстро заглянул под платок, сдернул его и пошел выкурить сигару. Взору публики предстало жуткое посиневшее лицо с разинутым оскаленным ртом, далеко вывалившимся языком, по которому стекала, окрашенная кровью, слюна, остекленевшие глаза, всклокоченная борода. Зеваки, радостно хохоча, указывали друг другу на приподнятые в паху штаны казненного, где виднелось мокрое темное пятно».

В каталонской гарроте винт был заострен и, постепенно ввинчиваясь в шею или голову осужденного, дробил ему шейные позвонки или повреждал мозг. Гаррота использовалась также для пыток. Удушение гарротой производилось в Испании до отмены смертной казни в этой стране в 1977 г. В период завоевания Америки гаррота получила распространение и в испанских колониях. С ее помощью был казнен последний

император Империи инков Атауальпа. Гаррота применялась и в США до изобретения Эдисоном электрического стула.

Гарротой называют также оружие, изготовленное из прочного шнура длиной 30—60 см с прикрепленными к его концам рукоятками. В начале XX века такая гаррота получила широкое распространение среди членов преступных банд в США, став орудием профессиональных убийц из «Cosa nostra». Убийство такой гарротой производится либо при постепенном (в течение 2—4 мин.) сдавливании шнуром шеи, что приводит к асфиксии, либо при резком рывке наброшенного на шею шнура, в результате чего происходит перелом шейных позвонков.

Распятие как вид казни производилось на Т-образном кресте, однако известны казни и на крестах другой формы: на двух перекрещенных брусах и на кресте в форме «X». Иногда в нижней части креста делался небольшой выступ, на который распятый мог опереться ногами. Такая опора облегчала дыхание казнимого, но увеличивала его мучения до 5—6 дней. Для ускорения казни осужденным перебивали дубиной голени, что лишало их дополнительной опоры. Часто распятию предшествовала процессия, в ходе которой осужденный на смерть должен был нести патибулум, деревянный брус, который затем служил горизонтальной перекладиной креста. По прибытии на место осужденного укладывали на землю и гвоздями прибивали руки к перекладине. Гвозди вбивали не в ладони, а в запястья, так как вбитые в ладони гвозди не удерживали тело на кресте. Затем с помощью веревок казнимого подтягивали к верхней части заранее вкопанного в землю столба. Иногда приговоренного к казни прибивали к перекладине на лежащем на земле кресте, а крест с телом поднимали веревками и закрепляли в заранее вырытой яме. Основной причиной смерти при распятии являлась асфиксия, вызванная развивающимся отеком легких. Дополнительными причинами смерти служили обезвоживание и потеря крови.

Распятие как казнь была известна у евреев, в Древнем Вавилоне, Греции, Палестине, Карфагене. Согласно христианскому вероучению, распятию был подвергнут Иисус Христос, что сделало крест символом христианской религии. Казни через распятие были также преданы христианские святые апостолы Андрей и Петр. В Иерусалиме, в музее Рокфеллера у Шхемских ворот, выставлен страшный экспонат: кость ноги с застрявшим в ней ржавым гвоздем. Эта находка была сделана археологом Василиосом Цаферисом (Vassilios Tzaferis) в 1968 году при раскопках горы Скопус в северной части Иерусалима. В этой местности были обнаружены четыре пещеры, представлявшие собой семейные усыпальницы, с костями людей, погибших от насильствен-

ной смерти — от удара меча, стрелы и распятия. Во многих склепах кости хорошо сохранились. Всего было обнаружено 15 известняковых склепов, в которых хранились останки 35 человек. По найденным глиняным предметам удалось установить, что захоронение относится к периоду между концом II века до н.э. и 70 г. I века н.э. В одной из гробниц были останки взрослого мужчины и ребенка, которые подтверждают драматические детали технологии распятия во времена Понтия Пилата. У мужчины пяточная кость при распятии была пронзена гвоздем длиной около 17 сантиметров и намеренно перебиты обе голени (11: 44—53).

По свидетельству Иосифа Флавия, иудейский царь Александр Яннай после взятия мятежного города увел забранных оттуда в плен воинов в Иерусалим. Здесь он велел распять на городской площади около 800 пленников, среди которых находилось много ученых фарисеев, и, пока они еще были живы, велел резать на их глазах жен и детей. Предание прибавляет, будто во время этих казней царь весело пировал с любовницами. Эта неслыханная жестокость навела такой панический страх на противников царя, что в ту же ночь 8000 из них бежали из Иудеи и не смели вернуться на родину прежде, чем Яннай умер (12: Гл. 14, 2).

Казнь через распятие получила широкое распространение и в Древнем Риме, где стала основным видом казни для особо опасных преступников. После подавления восстания Спартака все взятые в плен рабы, около 6000 человек, были распяты вдоль Аппиевой дороги от Капуи до Рима, где их останки висели на крестах годами. Как вид смертной казни распятие до сих пор существует в законодательстве Судана и Саудовской Аравии. Но перед распятием выполняется предварительное повешение осужденного, то есть распинают уже мертвое тело. В XX веке распятие применялось чеченскими боевиками по отношению к русским военнопленным во время первой чеченской войны (13: Гл. 15).

Сожжение как способ казни применялось почти у всех древних восточных и западных народов. У евреев сжигали за плотские преступления, у римлян — за политические преступления, при цезарях — за поджоги, колдовство, святотатство, отцеубийство и оскорбление величества. В Средние века сожжение в Европе было безальтернативным видом казни для еретиков, колдунов и ведьм, а также за преступления, подсудные церковным судам, такие как богохульство, мужеложство, скотоложство, прелюбодеяние и другие. Сожжением казнили поджигателей, а также женщин, приговоренных к повешению за убийство мужа. Особенно широко применялось сожжение в Европе в Средние века, когда святая инквизиция избрала этот метод казни для своих жертв.

Ритуал приведения в исполнение приговоров святой инквизиции описан многими современниками. Обычно казни совершались несколько раз в год по праздничным дням. О казнях население оповещалось за месяц и призывалось принимать в них участие. Участвующим в аутодафе священники обещали индульгенции (освобождение от грехов) на сорок дней. Уклонение от участия рассматривалось как проявление жалости к казненным и могло навлечь подозрение в ереси. Присутствие женщин и детей на казнях приветствовалось. Накануне казни город украшался флагами и гирляндами цветов, на балконах вывешивались ковры, и проводилась генеральная репетиция праздника. По улицам проходило торжественное шествие прихожан, священников, персонала местной инквизиции с ее осведомителями-фискалами в белых балахонах, скрывающих лица (родственниками инквизиции). Участники шествия строили помост и «жаровню», место сожжения приговоренных, и украшали место казни.

Сожжению предшествовало аутодафе — торжественное богослужение, оглашение приговора и казнь. Осужденные находились в тюрьме и не знали о подготовленной им участи — приговор объявлялся только на аутодафе. Стража готовила их к экзекуции: их стригли, брили, одевали в чистое белье, кормили обильным завтраком, иногда для храбрости давали стакан вина. Затем набрасывали на шею петлю из веревки и в связанные руки вкладывали зеленую свечу. В таком виде осужденных выводили на улицу, где их ожидали стражники и «родственники» инквизиторов. Особо злостных еретиков сажали задом наперед на ослов и привязывали к животным. Заключенных вели к кафедральному собору, где и образовывалась процессия. В ней участвовали те же лица, что и накануне, — теперь они несли штандарты приходов, зятые в знак траура черной материей. Фискалы несли манекены, изображавшие умерших, сбежавших или непоиманных еретиков, осужденных на костер.

Процессия, участники которой пели траурные церковные гимны, медленно направлялась к площади, где должно было состояться аутодафе. Монахи и «родственники», сопровождавшие заключенных, громко призывали их покаяться и примириться с церковью. Горожане наблюдали за процессией из окон домов или с мостовой. Следуя указаниям церковников, многие из них осыпали заключенных бранью, однако бросать в еретиков какие-либо предметы запрещалось, так как могли пострадать священники, «родственники» и персонал инквизиции. На место свершения аутодафе собирались светские и духовные власти и гости, занимавшие места на отведенных им трибунах, а также горожане, заполнявшие

площадь. С прибытием процессии заключенных усаживали на скамьях позора, установленных на помосте, несколько ниже почетных трибун. Вслед за тем начиналась траурная месса, за ней следовала грозная проповедь инквизитора, которая кончалась оглашением приговоров. Приговоры зачитывались по-латыни, и заключенные с трудом улавливали их смысл; были они длинными, начинались цитатами из Библии и из произведений Отцов церкви, читались медленно. Если осужденных было много, то на оглашение приговоров иногда уходило несколько часов. Аутодафе венчалось экзекуциями: одних осужденных облакали в сан-бенито (желтый саван с красным крестом — одежда, в которой сжигали еретиков) и шутовские колпаки, других стегали плетьюми, третьих стражники и монахи волокли на «жаровню».

«Жаровня» располагалась на соседней площади, куда вслед за смертниками переходили церковные и светские руководители и рядовые горожане. На «жаровне» осужденных привязывали к столбу и обкладывали эшафот дровами и хворостом. Сопровождавшие смертников монахи и «родственники» пытались и в эту последнюю минуту вырвать у своих жертв отречение. О желании раскаяться осужденный мог дать знать только знаком, так как, опасаясь, что он будет агитировать перед народом в пользу ереси, его часто вели на казнь с кляпом во рту. Если осужденный раскаивался, то его предварительно душили, после чего сжигали мертвое тело; если же упорствовал, то его сжигали заживо. Когда зажигался костер, особо уважаемым прихожанам предоставлялось почетное право подбрасывать в огонь хворост, чем они приумножали перед церковью свои добродетели.

Хотя палачи пытались поддерживать костер так, чтобы тело осужденного сгорело полностью, но это не всегда удавалось. В большинстве случаев обуглившиеся останки разрывались палачами на мелкие части, кости дробились, и это ужасное месиво повторно предавалось огню. Затем пепел тщательно собирался и выбрасывался в реку. Так инквизиторы пытались лишить еретиков возможности сохранить останки своих мучеников и поклоняться им. Если осужденный на сожжение умирал до казни, то сжигали его труп. Сожжению после эксгумации подвергались и останки тех, кто был осужден посмертно.

В испанской и португальской инквизиции было принято сжигать на костре куклы, изображавшие осужденных (казнь *in effigie*). Такой символической казни подвергались осужденные на пожизненное заключение, а также бежавшие из тюрем или от преследований жертвы инквизиции. Костер использовался инквизицией и для уничтожения сочинений вероотступников, иноверцев и неудобных церкви писателей.

В разработанном в начале XIV века главным инквизитором Арагонского королевства Николае Эймериком руководстве для инквизиторов («*Directorium inquisitorum*») приводятся любопытные разъяснения о возможных «судебных ошибках» и ответственности за них инквизиции. Эймерик утверждает: «Если невинный несправедливо осужден, он не должен жаловаться на решение церкви, которая выносила свой приговор, опираясь на достаточные доказательства, и которая не может заглядывать в сердца, и если лжесвидетели способствовали его осуждению, то он обязан принять приговор со смирением и возрадоваться тому, что ему выпала возможность умереть за правду». Возникает вопрос, продолжает рассуждать на ту же тему Николае Эймерик, вправе ли оговоренный лжесвидетелем верующий, пытаясь спастись от смертного приговора, признаться в несовершенном преступлении, т.е. в ереси, и покрыть себя в результате такого признания позором. Во-первых, объясняет инквизитор, репутация человека — внешнее благо, и каждый свободен пожертвовать ею с тем, чтобы избежать пыток, приносящих страдания, или спасти свою жизнь, являющуюся самым драгоценным из всех благ; во-вторых, потерей репутации не наносится никому вреда. Если же, заключает инквизитор, такой осужденный откажется «пожертвовать своей репутацией» и признать себя виновным, то исповедник обязан призвать его встретить пытки и смерть со смирением, за что ему будет уготовлена на том свете «бессмертная корона мученика» (14: 336—352). Таким образом, из рассуждений одного из руководителей инквизиции следует, что «священный» трибунал действовал с поущения Божьего и за его поступки конечную ответственность несет сам Господь Бог. Эти рассуждения свидетельствуют о преступной морали инквизиторов и их покровителей, включая монархов и глав церкви, возглавлявших инквизицию. Именно им — наместникам Бога на земле служила и подчинялась эта кровавая машина, созданная церковью и существовавшая с ее благословения. Деятельность «святой» инквизиции наложила зловещий отпечаток на теорию и практику дальнейшего судопроизводства, из которого под ее влиянием исчезли зачатки объективности и беспристрастности.

Как справедливо отмечает Г.Ч. Ли, до конца XVIII века в большинстве стран Европы инквизиционное судопроизводство, целью которого было уничтожение ереси, сделалось обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах судьи обвиняемый становился человеком, стоящим вне закона, виновность его всегда предполагалась, и из него надо было во что бы то ни стало хитростью или силой вырвать признание. Однако и в XX веке в СССР применение принципа «при-



знание — царица доказательств» приводило к трагическим результатам, когда признания, полученные под пытками в период массовых репрессий 1936—1938 гг., являлись основанием для вынесения смертных приговоров (15).

По данным испанского историка, католического священника и доктора канонического права Хуана Антонио Льоренте, число людей, подвергшихся преследованию со стороны только испанской инквизиции за период с 1481 до 1809 г., составило 341 021 человек. Из них 31 912 человек были публично сожжены, 17 659 человек сожжены заочно (*in effigie*), 291 460 подверглись тюремному заключению и другим наказаниям. Утверждая, что приведенные данные о числе казней не полные, Льоренте отмечает: «Было бы невозможно определить точно и достоверно число жертв, которые Святой трибунал погубил в первые годы со времени его учреждения. Его костры начали пылать в 1481 году; но Верховный совет был создан только в 1483 году. Реестры его архивов и архивов подчиненных трибуналов относятся к еще более ранней эпохе. Если бы я присоединил к числу жертв инквизиции полуострова всех несчастных, которые были осуждены трибуналами Мексики, Лимы и Картахены Американской, Сицилии, Орана, Мальты и морских галер, количество их было бы поистине неисчислимо... Невозможно определить меру стольких несчастий и бед» (16: Гл. 66).

Масштабы действий палачей в сутанах характеризует и решение святой инквизиции от 16 февраля 1568 г., когда она осудила на смерть всех жителей Нидерландов как еретиков. «Только некоторые лица, поименно означенные, были исключены из числа осужденных. Филипп II своею прокламациею утвердил приговор инквизиции и дал повеление о немедленном приведении его в исполнение, без различия пола, возраста и ранга. Приговор этот, конечно, не был исполнен в полном объеме, тем не менее суды Карла V казнили, по исчислению Сарпи, 50 тыс., а по исчислению Гуго Гроция — 100 тыс. нидерландцев, а суды Филиппа — 25 тыс. Герцог Альба в одном письме к королю спокойно насчитывает “до 800 голов, назначенных на казнь после Святой недели”» (8: Гл. 5).

Костры инквизиции горели по всей Европе в течение нескольких веков. «Как ни омерзительны подробности преследования, поднятого против колдовства до XV столетия, — пишет в “Истории инквизиции” Г.Ч. Ли, — они были только прологом к слепым и безумным убийствам, наложившим позорное пятно на следующее столетие и на половину XVII века. Казалось, что сумасшествие охватило весь христианский мир и что сатана мог радоваться поклонениям, которые воздавались его могуществу, видя, как без конца возносился дым жертв, свидетельствовавший

о его торжестве над всемогущим. Протестанты и католики соперничали в смертельной ярости. Уже больше не сжигали колдуний поодиночке или парами, но десятками и сотнями... «Говорят, что один женевский епископ сжег в три месяца пятьсот колдуний; епископ Бамберга — шестьсот, епископ Вюрцбурга — девятьсот; восемьсот было осуждено, по всей вероятности, за один раз сенатом Савойи...»

В Италии после опубликования буллы о ведьмах папы Адриана VI (1522—1523 гг.), адресованной инквизитору района Комо, стали ежегодно сжигать более 100 ведьм. Во Франции первое известное сожжение состоялось в Тулузе в 1285 г., когда одну женщину обвинили в сожительстве с дьяволом, отчего она якобы родила помесь волка, змеи и человека. В 1320—1350 гг. на костры в Каркасоне взойшли 200 женщин, в Тулузе — более 400. В Тулузе же 9 февраля 1619 г. был сожжен известный итальянский философ-пантеист Джулио Ванيني. Процедура казни регламентировалась в приговоре так: «Палач должен будет протащить его в одной рубахе на циновочной подстилке, с рогаткой на шее и доской на плечах, на которой должны быть написаны следующие слова: “Атеист и богохульник”. Палач должен доставить его к главным воротам городского собора Сент-Этьен и там поставить на колени, босым, с обнаженной головой. В руках он должен держать зажженную восковую свечу и должен будет умолять о прощении Бога, короля и суд. Затем палач отведет его на площадь Сален, привяжет к воздвигнутому там столбу, вырвет язык и задушит его. После этого его тело будет сожжено на приготовленном для этого костре и пепел развеян по ветру» (14: 360).

Немецкий историк Иоганн Шерр пишет, что массовые казни еретиков в Германии начались около 1580 г. и продолжались почти целое столетие. «В то время, как вся Лотарингия дымилась от костров... в Падеборне, в Бранденбургии, в Лейпциге и его окрестностях совершалось тоже множество казней. В графстве Верденфельде в Баварии в 1582 г. один процесс привел на костер 48 ведьм... В Брауншвейге между 1590—1600 гг. сожгли столько ведьм (ежедневно по 10—12 человек), что позорные столбы их стояли “густым лесом” перед воротами. В маленьком графстве Геннеберг в одном 1612 г. сожжены 22 ведьмы, в 1597—1876 гг. — всего 197... В Линдгейме, насчитывавшем 540 жителей, с 1661 по 1664 г. сожжено 30 человек. Фульдский судья колдунов Бальтазар Фосс хвастался, что он один сжег 700 человек обоего пола и надеется довести число своих жертв до 1000. В графстве Нейссе, принадлежавшем епископству Бреславльскому, с 1640 по 1651 г. сожжено около 1000 ведьм; мы имеем описания более чем 242 казней. Между жертвами попадают дети от 1 до 6 лет. В то же время в епископстве Ольмюц умерщвлено несколько

сотен ведьм. В Оснабрюке в 1640 г. сожгли 80 ведьм. Некий господин Ранцов сжег в один день в 1686 г. в Гольштейне 18 ведьм. По дошедшим документам, в епископстве Бамбергском при населении 100 000 человек сожжено в 1627—1630 гг. 285 человек, а в епископстве Вюрцбургском за три года (1727—1729 гг.) сожжено более 200; среди них встречаются люди всех возрастов, званий и пола...

Последнее сожжение в огромных размерах было устроено архиепископом Зальцбургским в 1678 г.; при этом жертвой святой ярости пало 97 человек. Ко всем этим казням, известным нам по документам, мы должны присоединить еще, по крайней мере, столько же казней, акты которых потеряны для истории. Тогда окажется, что каждый город, каждое местечко, каждое прелатство, каждое дворянское имение в Германии зажигали костры, на которых погибали тысячи людей, обвиняемых в колдовстве. Мы не преувеличим, если определим число жертв в 100 000 человек. В 1586 г. в Рейнских провинциях запоздало лето, и холода держались до июня; это могло быть делом только колдовства, и Трирский епископ сжег сто восемнадцать женщин и двух мужчин, у которых исторгли сознание, что это продолжение холодов было делом их заклинаний. О Вюрцбургском епископе Филиппе-Адольфе Эренберге (1623—1631 гг.) следует сказать особо. В одном только Вюрцбурге он организовал 42 костра, на которых были сожжены 209 человек, в том числе 25 детей в возрасте от 4 до 14 лет. Среди казненных были самая красивая девушка, самая полная женщина и самый толстый мужчина — отклонение от нормы казалось епископу прямым свидетельством связей с дьяволом» (17).

Последняя ведьма была сожжена в Камарго (Мексика) в 1860 г. Среди европейских знаменитостей, сожженных на костре, — Жанна д'Арк, Джордано Бруно, Савонарола, Ян Гус, Иероним Пражский, Мигель Сервет. Стоит отметить, что даже перед лицом столь страшной казни никто из них не отрекся от своих взглядов. Человечество до сих пор не избавилось от суеверий и даже от таких, за которые приходится расплачиваться человеческими жизнями. Массовые политические убийства в ленинско-сталинской России, полпотовской Камбодже, иди-аминовской Уганде, саддам-хусейновском Ираке и других странах, в определенной степени являются отголосками ритуальных жертвоприношений. Поменялась только терминология — теперь людей приносят в жертву не божествам, а идее. Справедливости ради надо сказать, что древние божества требовали значительно меньше крови, чем идеологический Молох, пожирающий миллионы безвинных жертв (6).

Особенно жестокими видами казней в Средние века были колесование и четвертование (разрывание). Колесование как способ казни был

известен в Древнем Риме, в Германии, Франции и Англии. В России его применяли с XVII века, особенно часто — во время царствования Петра I, когда колесование стало «законным» методом казни и было включено в Воинский устав. Способ колесования состоял в следующем: к эшафоту привязывали в горизонтальном положении андреевский крест, сделанный из двух бревен (18). На каждой из ветвей этого креста делали две выемки на расстоянии примерно 30 см одна от другой. На кресте преступника привязывали лицом к небу, а каждую его конечность привязывали к одной из ветвей креста. Палач наносил удары по рукам и ногам железным ломом над выемками, переламывая кости каждой конечности в двух местах. Операция оканчивалась двумя-тремя ударами по животу и переломом спинного хребта. Искалеченного таким образом преступника укладывали на горизонтально поставленное колесо так, чтобы пятки касались головы, и оставляли в таком положении умирать.

Четвертование (разрывание). Привязывание преступника к конскому хвосту для разрывания тела было известно многим первобытным народам. Такая казнь применялась и у римлян во времена правления императоров. Но наибольшее распространение она получила в Средние века во Франции, Англии, Германии, Италии и России. Этим способом казнили за оскорбление величества, за покушение на жизнь государя и иногда за измену. Это была едва ли не самая жестокая казнь. Преступника, положенного спиной на невысокий эшафот (7—10 см), привязывали к нему накрепко цепями, которые охватывали грудь, шею, нижнюю часть живота и бедра. Привязывали к руке преступника орудие совершения преступления и жгли ее серным огнем. Затем клещами вырывали плоть в разных частях тела и в раны лили сплав свинца, масла, смолы и серы. Наконец, каждую конечность привязывали к лошади и сначала делали лошадьми небольшие рывки вперед, что причиняло казнимому страшные мучения, а затем пытались разорвать несчастного. У большинства казнимых сопротивление сухожилий и связок было так велико, что предварительно их нужно было рассекать. Только после этого лошади могли оторвать от тел конечности. После казни оторванные руки и ноги бросали к оставшемуся на эшафоте туловищу; все это сжигали на костре, а пепел пускали по ветру. Так во Франции в 1610 г. за убийство короля Генриха IV был казнен Франсуа Равальяк, а в 1757 г. за покушение на жизнь Людовика XV — Робер Дамьен.

Расчленение человека на более мелкие части палач проводил при казни, известной под названием «Разрезание на 10 тысяч частей», применяемой в Средние века в Китае. Этой казнью карались преступники за преступления против императора, за убийство отца и мужа. Раздетого пре-

ступника (преступницу) растягивали и привязывали к мраморному столу. Орудиями убийства служили ножи различной формы и назначения: для вырывания глаз, вскрытия полости живота, удаления внутренних органов, отрезания ногтей, рук, половых органов и т. д. Эти ножи имели надпись, обозначающую их предназначение, и находились в ящике, закрытом покрывалом. Палач вынимал орудия казни из ящика в случайном порядке и выполнял ту операцию, которая на них написана (1: Гл. 7).

Расстрел как вид казни получает большое распространение с появлением огнестрельного оружия. Как наказание за воинские преступления он стал применяться в XVI веке. В России первый случай расстрела, или «аркебузирования», как называли этот вид казни в петровские времена, отмечен в 1679 г., но официально он был введен Воинским артикулом Петра I с 1715 г. В то время расстрел полагался за богохульство, самовольное обнажение шпаги с целью угрозы, небрежность офицера при несении караула, самовольное оставление караула или сон на посту, нападение на караул или на часового, невыполнение солдатом приказа, продажу солдатом мундира или оружия. С XIX века в России «узаконенными» видами казней остались только расстрел и повешение (19: 17—24). В настоящее время расстрел как способ смертной казни особенно широко применяется в Китае, где приводится в исполнение наибольшее число смертных приговоров в мире. Власти этой страны периодически устраивают публичные показательные расстрелы осужденных, включая государственных чиновников — коррупционеров и взяточников. Казнь осуществляется путем выстрела в затылок стоящему на коленях преступнику. Во Вьетнаме, Сомали и Белоруссии расстрел также является единственным методом исполнения смертной казни. Наряду с повешением применяется расстрел и в КНДР. В США он сохраняется в качестве запасного метода казни только в штате Оклахома. Расстрел может производиться как одним исполнителем так и стрелковым подразделением. В Советском Союзе основной формой смертной казни был расстрел путем одиночного выстрела, как правило, в затылок. В 1943—1947 гг. к военным преступникам и коллаборационистам применялось также повешение. В Российской Федерации расстрел является единственной формой смертной казни. Порядок приведения смертных приговоров определен Государственной думой РФ 18 декабря 1996 г. Согласно постановлению думы смертная казнь исполняется не публично путем расстрела. Исполнение смертной казни в отношении нескольких осужденных производится отдельно в отношении каждого и в отсутствие остальных. При исполнении смертной казни присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь, и врач. На-

ступление смерти осужденного констатируется врачом. Об исполнении приговора суда составляется протокол, который подписывается лицами, указанными в части второй настоящей статьи. Администрация учреждения, в котором исполнена смертная казнь, обязана поставить в известность суд, вынесший приговор, а также одного из близких родственников осужденного; тело для захоронения не выдается и о месте его захоронения не сообщается (20). С 1996 г. в связи с вступлением в Совет Европы в стране введен мораторий на смертную казнь.

Среди казненных посредством расстрела наследный французский принц герцог Энгиенский, император Мексики Максимилиан, последний русский государь Николай Второй и члены его семьи, советские политические деятели Бухарин, Каменев и Зиновьев, руководители советских карательных органов Ягода, Ежов и Берия, лидер итальянских фашистов Муссолини и лидер Румынии Чаушеску с женой.

## КАЗНИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В России смертная казнь как мера наказания упоминается в ряде древних памятников, например в Краткой Русской Правде (XI век). В летописях сохранились упоминания о казне разбойников по указанию Владимира Мономаха. В 1069 г. Изяслав казнил 70 человек в поверженном Киеве. Были случаи казней в 1071 и 1157 гг. за «порицание веры», за «причинение мятежа и разделение в народе». Первым сводом законов, определяющим ответственность за совершение преступлений на Руси, была Русская Правда, разработанная в период с 1068 по 1072 г. сыновьями Ярослава Мудрого Изяславом, Святославом и Всеволодом. В этом своде законов было сохранено право кровной мести: «Убьет муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или сын брата, или сын сестры; если не будет никто мстить, то 40 гривен за убитого». Однако основными наказаниями за нарушение имущественных прав и личной безопасности граждан, включая убийство, в Русской Правде были штрафы: «Если убитый — русин, или гридин, или купец, или ябедник, или мечник, или же изгой, или из Словении, то 40 гривен уплатить за него».

Весьма сурово относился законодатель к воровству. Так, любому предоставлялось право убить застигнутого на месте преступления ночного вора. Запрещалось лишать жизни вора лишь в дневное время или находящегося в связанном виде. В случае же убийства вором собственного окола своего дома либо во время кражи его имущества закон разрешал убить преступника на месте без каких-либо ограничений. В Двинской Уставной грамоте 1397 г. смертная казнь была предусмотрена лишь за кражу, совершенную в третий раз. По Псковской судной

грамоте 1467 г. смертью наказывались: воровство в церкви, конокрадство, государственная измена, поджог (26: 17—24).

Правовые нормы об уголовных наказаниях и их исполнении получили дальнейшее развитие в период образования и укрепления Российского централизованного государства. Важными источниками таких норм стали Судебники 1497 и 1550 гг., где были учтены предписания Русской Правды, и судебная практика. По Судебнику 1497 г. к числу преступлений, караемых смертью, были добавлены разбой, убийство, повторная кража, убийство своего господина, святотатство, хищение церковного имущества, кража холопов. С 1550 г. смертные приговоры дополнительно выносились за первую кражу, если вор пойман с поличным или признался в краже в результате пытки, за вторую кражу и второе мошенничество, если преступник сознался в этом, за ябедничество (клевету) или иное «лихое» дело, за супружескую измену.

Особенно жестокими были наказания в XVI веке во времена правления Ивана Грозного (1533—1584 гг.). Русские люди видели в Иване Грозном воплощенного Антихриста, посланца сил тьмы, ибо такого до него на Руси никто не творил. Обвинив в попытке отравления, он приказал выпить яд своему двоюродному брату, князю Владимиру Старицкому, его жене и двум малолетним сыновьям. Были убиты и их слуги, а мать князя Владимира, монахиня Ефросинья, вместе с сопровождавшими ее монахинями и слугами была утоплена в реке Шексне. После возвращения из Александровской слободы, обвинив бояр в «своевольстве, нерадении, строптивости, желании извести царя, супругу, сыновей его», Иван Грозный начал репрессии против реальных и мнимых врагов. Казни начались уже 4 февраля 1565 г., через два дня после его возвращения в Москву. По лживому доносу, что Новгородские «святитель, духовенство, чиновники и весь народ поддаются Литве», царь организовал карательную экспедицию. Его путь к Новгороду через Клин, Городню и Тверь был буквально залит кровью. «Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренные его дедом, суть тайные враги московского самодержавия, убийства, грабеж там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали государя как отца и защитника. Дома, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обагряя их кровию бедных жителей до самой Твери».

Так же как и Клин по пути к Новгороду Иван залил кровью и разграбил Тверь, Медное и Торжок. В Торжке, в одной из башен, находились окованные цепями пленные ливонцы и крымцы, которых умертви-



ли. Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Ивана. «Вышний Волочок и все места до Ильмена были опустошены огнем и мечом. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того что поход Иоаннов долженствовал быть тайною для России» (27: 588—591).

2 января 1570 г. передовая многочисленная дружина вошла в город, окружив его заставами со всех сторон, чтобы ни один человек не мог спастись бегством. Во время массовых казней в Новгороде царь приказал поджигать людей специальным горючим составом («пожаром»), затем, обожженных и изувеченных, их привязывали к саням и пускали лошадей вскачь. Тела волочились по мерзлой земле, оставляя кровавые полосы. Затем их сбрасывали в реку Волхов с моста, «где сия река не мерзнет зимою». Вместе с несчастными к реке везли их жен и детей. Женщинам закручивали назад руки и ноги, привязывали к ним детей и также бросали в студеную реку. «Ратники московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались пять недель и заключились грабежом общим. 8 сентября оставшиеся в живых духовенство и миряне собрались в поле у церкви Рождества Христова служить общую панихиду за усопших над тамошнею скудельницею, где лежало 10 000 неотпетых тел христианских». Н.М. Карамзин пишет: «Уверяют, что граждан и сельских жителей погибло тогда не менее шестидесяти тысяч. Кровавый Волхов, запруженный телами и членами истерзанных людей, долго не мог пронести их в Ладожское озеро».

25 июля 1570 г. на большой торговой площади в Китай-городе поставили 18 виселиц, разложили орудия для пыток и убийств, зажгли «высокий» костер и над ним повесили огромный чан с водой. В этот день «умертили в четыре часа около двухсот человек» — и ни одна казнь не повторяла другую (27: 597).

Современники рассказывают, что царь приказал у многих «вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу, и каждому своему придворному определил, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних он приказал отрубить правую и левую руку и ногу, а только затем голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ноги и голову».

Брата одной из своих жен, Михаила Темрюковича, Грозный приказал посадить на кол; так же он поступил и с бывшим своим любимцем, князем Борисом Тулуповым. Врачу Елисею Бомбелию по приказу Ивана Грозного вывернули из суставов руки, вывернули ноги, искромсали спину проволочными плетями, затем привязали к столбу и раз-

вели под ним огонь. Затем несчастного полуживым отвезли в тюрьму, где он и скончался от ран.

Главу иностранного приказа (министра иностранных дел) Ивана Михайловича Висковатого по приказу Грозного привязали к столбу, а затем приближенные царя подходили к осужденному, и каждый вырезал у него из тела по куску мяса. Один из опричников, Иван Реутов, так «неудачно» отрезал кусок, что Висковатый умер. Тогда Грозный обвинил Реутова в том, что он сделал это, чтобы сократить муки Висковатого, и приказал казнить и его. От казни Реутов спасся тем, что заболел чумой и быстро умер.

Из других видов казней, применявшихся Грозным, следует назвать попеременное обливание осужденного крутым кипятком и холодной водой — так был казнен казначей Никита Фуников-Курпев. Тела казненных были оставлены без погребения на растерзание собакам. «Жены избитых дворян числом 80 были утоплены». Иван Васильевич любил экзотические казни. Одним из любимых видов казни у него была травля «преступников» собаками. Для этого неудобных зашивали в медвежьи шкуры (называлось это «обшить медведно») и затем травили псами. Так был казнен Новгородский епископ Леонид. Иногда медведей, по указанию царя, просто натравливали на людей. Однажды царь приказал привязать к бочке с порохом и взорвать принявшего монашество воеводу михайловского Никиту Казаринова, заявив, что схимники — ангелы и должны лететь на небо.

Любимым видом казни у Ивана Грозного было и сожжение. Особый вид казни применялся грозным царем по отношению к изменникам. Приговоренного сажали в котел, наполненный маслом, вином или водой, закрепляли его руки во встроенные в котел кольца, ставили котел на огонь, постепенно нагревая жидкость до кипения. Известен случай, когда, прервав трапезу, царь «устремился растерзать литовских пленников, сидевших в московской темнице. Один из них, дворянин Быковский, вырвал копье из рук мучителя и хотел заколоть его, но пал от руки царевича Иоанна, который вместе с отцом усердно действовал в таких случаях... Умертвив более ста человек, тиран с торжеством возвратился в свои палаты и снова сел за трапезу» (27: 600).

Историки описывают и многие другие случаи, когда Иван Грозный лично убивал людей, включая и убийство собственного сына. В Синодике опальных, составленном по указанию Ивана Грозного в конце его жизни (около 1583 г.), царь объявил прощение всем казненным им боярам и пожертвовал монастырям на помин их душ крупные денежные суммы. Одновременно в десятки монастырей были разосланы поми-

нальные списки. Синодик включает подробные списки лиц, казненных по делу о заговоре князя В.А. Старицкого в 1567—1571 гг. (примерно 3200 человек из 3300 записанных), а также списки казненных в 1564—1565 и 1571—1575 гг. В него включена лишь часть убитых по приказу царя опричниками, точное число жертв террора неизвестно. Синодик приводит также некоторые данные о разорении Иваном Грозным Новгорода в 1570 г. Составители включили в Синодик текст отчета («сказку») Малюты Скуратова: «По Малютине скаске в новгородской посылке Малюта отдал 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отделано 15 человек». Имена этих посадских людей в Синодике не перечисляются — по именам указано несколько сотен дворян и их домочадцы (28).

По Соборному уложению царя Алексея Михайловича 1649 г., смертная казнь назначалась за шестьдесят видов преступлений. Наиболее опасными считались преступления против веры. Первая статья Уложения гласила: «Будет кто иноверцы, какие ни буди веры, или и русской человек, возложит хулу на господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на рождышую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивати всякие сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, сжечь». А в 24-й статье 22-й главы Уложения было указано: «А будет кого бусурман какими-нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнити, сжечь огнем безо всякого милосердия. А кого он русского человека обусурманил, и того русского человека отослать к патриарху, или к иной власти, и велети ему учинити указ по правилам святых апостол и святых отец». Простая смертная казнь без указания ее вида полагалась за «святотатственную кражу, убийство в церкви и нарушение благочиния во время литургии, последствием которого явилась невозможность совершения последней».

Смертная казнь назначалась за «злоумышление против особы государя, а равно составление заговора или скопа против него; убийство или нанесение раны в присутствии государя или на государственном дворе; бунт против существующего правительства и государственная измена». К преступлениям против властей, караемых смертью, отнесены также «открытое восстание против властей; причинение смерти приставу, явившемуся из Москвы для вызова к суду; нанесение на суде смертельных ран судье; подложенное составление или порча акта, исходящего под авторитетом государственной власти, недозволенный

выезд за границу с целью измены, произведение в среде населения смут и злоумышлений на «затейные дела». Смертью карались также «приготовление фальшивой монеты и порча настоящей, за что назначается залитие горла расплавленным металлом, и корчемная продажа табака, угрожаемая простою смертною казнью». Смертною казнью «без пощады» карались квалифицированные убийства: убийство родителей детьми, убийство матерью незаконнорожденного ребенка и мужеубийство, за которое виновной грозит «окапание заживо в землю». Смертная казнь назначалась и за оскорбление чести женщин, сопряженное с насильственными действиями, поджог, караемый сожжением преступника, вторичный разбой и квалифицированная кража; в последних двух случаях преступники карались обыкновенной казнью (29: 44—71).

Уложение 1649 г. вносило в ритуал казни стадию «покаяния». Самой казни предшествовало пребывание осужденного в «покаянной избе» в течение 6 недель, затем следовало причастие и через 2—3 дня — казнь. По Указу 1669 г. срок пребывания в «покаянной избе» был сокращен до 10 дней, из которых 7 дней назначались для поста, два дня — на исповедь и принятие Святых Тайн, а на десятый день наступало исполнение приговора. В воскресные дни и дни «царского поминания» смертные казни не совершались. Казнь беременных женщин отлагалась до разрешения их от бремени. Экзекуцию «вершение» предписывается совершать, по возможности, на месте совершения преступления, но во всяком случае в городе или селении, а не в нежилом месте.

Интересное описание правил вершения правосудия, действующих в царствование Алексея Михайловича, оставил Котошихин Григорий Карпович — чиновник российского Посольского приказа, перебежавший в Швецию и написавший по заказу шведского правительства обширное сочинение, являющееся важным источником по истории России XVII века. Делами, связанными с убийствами и разбоями, занимался Разбойный приказ, в штате которого только в Москве было 50 «мастеров заплочных» — палачей. В других городах расследование подобных дел производилось в «приказных губных избах», и были «устроены для всяких воров тюрьмы». «И какова чину нибуди князь, или боярин, или и простой человек, изыман будет на розбое, или в тадбе, или в злом деле в смертном убийстве, и в пожоге, и в ыных воровских статьях, и приведут его на Москве в Розбойной или в земской Приказ, а в городе в Приказы ж и в губную избу: и кто будет был на розбое и учинил убийство, или пожог и татбу, а таварыщи их розбежались и не пойманы, и таких злочинцов в празники и в иные дни пытаются и мучат без милосердия...» «А устроены для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку

и руки его назади завяжут, подле кисти, веревкою, обшита та веревка войлоком, и подымут его к верху, учинено место что и виселица, а ноги его свяжут ремнем; и один человек палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его отягивает, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом ззади палач начнет бить по спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом мало не до костей. А учинен тот кнут ременной, плетеной, толстой, на конце ввязан ремень толстой шириною на палец, а длиною будет с 5 локтей. И пытав его начнут пытать иных потому ж, и будет с первых пыток не винятся, и их спустя неделю времени пытаются вдругорядь и вытретье, и жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огонь, а иным розжегши железные клещи накрасно ломают ребра; и будет и с тех пыток не повинятца, и таких сажают в тюрьму.

...А как они в тюрьме отсидят года два и больше, а порук не будет, и таких из тюрем свободяют и ссылают в дальние города, в Сибирь и в Астарахань, на вечное житье. А которые воры бывают на разбое, хотя и двояды пойманы, а убийства смертного и пожару не учинили: и таких бив кнутом по торгам, за первую вину отрезав левое ухо сошлют в ссылку, а за другую вину, как будет пойман в таких же делах, бив кнутом, отрезав и правое ухо, сошлют в сылку ж, а за иные вины потомуж бывает наказание и казни, по рассмотрению, кто чего будет достоин. А в средних и малых винах бывает наказание, бьют кнутом и батогами, смотря по вине, а потом свободяют. А бывают мужскому полу смертные и всякие казни: головы отсекут топором за убийства смертные и за иные злые дела, вешают за убийства ж и за иные злые дела; живого четвертают, а потом голову отсекут за измену, кто город здаст неприятелю, или с неприятелем держит дружбу листами, или и иные злые изменные и противные статьи объявятся; жгут живого за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дело, за волховство, за чернокнижество, за книжное преложение, кто учнет вновь толковать воровски против Апостолов и Пророков и Святых Отцов с похулением; оловом и свинцом заливают горло за денежное дело, кто воровски делает, серебреником и золотарем... также кто на царском дворе, или где-нибудь, вымет на кого саблю, или нож, и за царское бесчестье, кто говорит про него за очи бесчестные. Женскому полу (Зри в Уложенной Книге) бывают пытки против того же, что и мужскому полу, окромь того что на огне жгут и ребра ломают. А смертные казни женскому полу бывают: за богохульство ж и за церковную татьбу, за содомское

дело жгут живых, за чаровство и за убийство отсекают головы, за погубление детей и за иные такие ж злые дела живых закопывают в землю, по титки, с руками вместе, отоптывают ногами, и от того умирают того ж дни или на другой и на третей день. А за царское бесчестье указ бывает таков же что мужскому полу. А которые люди воруют с чужими женами и з девками, и как их изымают, и того ж дни или на иной день обеих мужика и жонку, кто б каков ни был, водя по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутом» (30: 94—96).

По данным Котошихина, в царствование Алексея Михайловича по случаю смуты из-за подделки монет в один день было казнено 150 человек, а всего «за эти годы» — 7 тысяч человек. Значительную часть казненных составили участники крестьянских восстаний и, в частности, восстания под руководством Степана Разина, который в июне 1671 г. был четвертован в Москве вместе с братом. В Уложении 1649 г. способы смертной казни были регламентированы. Казни подразделялись на простые и квалифицированные. Целью простой казни было лишение жизни преступника, а квалифицированной — дополнительное причинение ему мучений и страданий. К простым казням относились повешение, обезглавливание и утопление, к квалифицированным — сожжение, заливание расплавленного металла в горло, четвертование, колесование, сажание на кол, закапывание живьем в землю и другие.

Наиболее распространенным видом квалифицированной казни в России в Средние века было сожжение заживо. Преступников сжигали на обыкновенном костре или в деревянном срубе, иногда предварительно заключив в железную клетку. Еще в начале XIII века киевские князья и высокопоставленные священнослужители казнили за хулу православной веры путем сожжения. Считалось, что огонь сжигает исходящее от провинившихся «зло». Главной целью казни были не только страдания казнимых, но и уничтожение «нечистой силы».

Как говорит летопись, в 1227 г. в Новгороде «изъжогша волхвов четьре». В 1230 г. в Новгороде же, во время голода, бояре присуждали к сожжению граждан, доведенных крайностью до людоедства. В 1411 г., после начала эпидемии чумы, в Пскове по обвинению в «напущении» болезни были сожжены 12 женщин. На другой год массовое сожжение людей произошло в Новгороде. В 1442 г. в Новгороде многие сожжены были по подозрению в совершении поджогов. В 1444 г. по обвинению в чародействе в Можайске вместе с женой был сожжен боярин Андрей Дмитриевич. В 1493 г. в Москве по подозрению в намерении отравить Иоанна III сожжены в железных клетках князь Лукомский и толмач Матиас. В 1684-м вышел указ, который предписывал «хватать» тех, «кто

не ходит в церкви, не бывает у святого причастия и не пускает к себе в дом священников — и подвергать таких людей пытке; кто окажется при этом нераскаившимся грешником — сжигать».

Во второй половине XVII века сожжение особенно часто применялось в виде наказания за упорство в «старой вере». В 1666—1667 гг. состоялся большой Московский собор, на котором староверов, а также всех не покоряющихся церкви предали анафеме и объявили достойными «телесной» казни: «Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнет прекословить и противиться нам, и мы такового противника данной нам властью... проклятию и анафеме предаем ... мы таковых накажем духовно: аще же и духовное наказание наше начнут презирать, и мы таковым приложим и телесные озлобления». После этого собора «отступников от Веры Христовой» сжигать стали чаще.

Для получения представления о личности казнимых и характере обвинений приведем несколько примеров из работы Е.О. Шацкого «Русская православная церковь и сожжения»: в 1666 г. в вязниковских лесах был схвачен и после допроса сожжен старообрядческий проповедник Вавила. В 1671 г. старообрядец Иван Красулин был сожжен в Печенгском монастыре. Зимой 1671—1672 гг. в Москве сожжен видный старообрядец Авраамий, несколько раньше него в Москве взошел на костер старообрядец Исайя. В 1672 г. в Астрахани воевода Одоевский сжег К. Семенова, у которого была найдена тетрадка с заговорами. Женка Федосья, обвиненная в порче, попала на костер в 1674 г. в северном городе Тотьме. Перед казнью она заявила, что никого не портила и наговорила на себя, не стерпев пыток. В 1676 г. в селе Сокольском царским указом было повелено сжечь Панко и Аноску Ломоносовых, колдовавших с помощью кореньев: «Сокольскому пушкарю Панке Ломоносову и жене его Аноске дать им отца духовного и сказать им их вину в торговый день при многих людях, и велеть казнить смертью, сжечь в срубе с корнем и с травы».

В том же 1676 г. старообрядец, инок Филипп, который налаживал связи Аввакума с центрами раскола, «сожжен огнем бысть» в Москве. В 1677 г. поп-старообрядец был сожжен в Черкасске по приказанию атамана донского войска М. Самарина. 14 апреля 1682 г. были сожжены Аввакум и три его товарища по заключению: Феодор, Епифаний и Лазарь (32). В сочинениях Аввакума сохранилось много сведений о сожжении старообрядцев. Иларион, стрелец, сожжен в Киеве. Полиект, священник, сожжен в Боровске («и с ним 14 человек сожгли»). Иван Юродивый сожжен в Холмогорах. «В Казани никонияне тридцать

человек сожгли, в Сибири столько же, во Владимире — шестерых, в Боровске — четырнадцать человек».

Иногда сожжение производилось на медленном огне. В 1701 г. таким образом были казнены за распространение возмутительных «тетрадей» (листовок) о Петре I Гришка Талицкий и его сообщник Савин. В синодском указе по этому поводу сказано, что Талицкий «во время казни, копчением творимой, не стерпя того, покаялся». Обоих осужденных, по свидетельству Штраленберга, в течение 8 часов окуривали едким составом, от которого у них вылезли все волосы на голове и бороде и все тело медленно таяло, как воск; в конце концов их истаявшие тела были сожжены вместе с эшафотом.

Сожжения колдунов, колдуний и прочих отступников продолжались и в XVIII веке. Особенно жестокими репрессиями преследовалась «ересь» во времена правления Анны Иоанновны (1730—1740 гг.). Это наглядно демонстрирует указ императрицы о наказаниях за волшебство от 25 мая 1731 г.: «Ежели впредь кто, гнева Божьего не боясь и сего Ея Императорского Величества указу не страшась, станут волшебников к себе призывать, или к ним в дома для каких волшебных способов приходить, или на путях о волшебствах разговоры с ними иметь, и учению их последовать, или какие волшебники учнут собою на вред, или мняще, якобы на пользу кому волшебства чинить; и за то оные обманщики казнены будут смертию, сожжены; а тем, которые для мнимой себе душевной пользы, станут их требовать, учинено будет жестокое наказание, биты кнутом, а иные, по важности вин, и смертию казнены будут».

В 1730 г. приговорены к сожжению за богохульство 19-летний солдат Филипп Сизимин и дворовый Иван Столяр. В 1732 г. по доносу некоего разбойника Караулова в Москве были арестованы более ста сектантов — «хлыстов». Четыре человека, в том числе почитаемая сектантами как богородица монахиня Анастасия (Агафья) Карпова, были казнены, а 116 человек биты кнутом и сосланы (33). В 1732 г. жена симбирского посадского знахаря Якова Ярова донесла на своего мужа, что видела, как он «по книгам своим еретическим чинил еретичество и молился на запад левою рукою ниц»; а когда она была беременна, якобы говорил: «Ежели родит, чтобы того младенца отдать крестить отцу ево Сатану-илу». Сам Яров на допросе в Симбирской ратуше винулся, что, найдя «приворотную к блуду» книжку, отрекся от Христа, призвал Сатану, неких еретиков Дионисия и Варлаамия и назвал себя их рабом. Хотя дальнейшие показания были противоречивы, Ярова сожгли. В 1738 г. две женщины были сожжены в срубе за то, что во время литургии выплюнули Святые Тайны. В 1738 г. протопоп Иван Федосьев был казнен



за то, что в пьяном виде заявил: «Что мне Богородица, я с ней трижды сквернодеяние учиню» (и выговорил прямо народным речением).

В 1738 г. еврей Борух Лейбов ухитрился обратиться в иудаизм флотского капитан-поручика Александра Возницына. Возницын даже совершил обрезание и был изобличен в вероотступничестве собственной супругой. Та подала донос, и Лейбов, и Возницын были сожжены. Приговор гласил: «...обоих казнить смертью, сжечь, чтобы другие смотря на то невежды и богопротивники, от христианского закона отступить не могли (как Возницын) и таковые прелестники, как и оный жид Борох, из христианского закона прельщать и в свои законы превращать не дерзали». Благочестивая вдова, кроме законной части из имения мужа, получила еще сто душ с землями «в вознаграждение за правый донос».

В 1738 г. был сожжен татарин Тойгильда Жуляков за то, что он, «крестясь в веру греческого вероисповедания, принял снова магометанский закон и тем не только в богомерзкое преступление впал, но яко пес на свои блевотины возвратился и клятвенное свое обещание, данное при крещении, презрел, чем Богу и закону его праведному учинил великое противление и ругательство». Казнь была совершена «при собрании всех крещеных татар», «на страх другим таковым, кои из магометанства приведены в христианскую веру».

В 1743 г. Сенат приговорил к сожжению вероотступника Несмеяно-Кривого. Последний не только отрекся от православной веры и снял с себя крест, но и расколол икону. Последнее известное сожжение произошло в 70-е гг. XVIII века на Камчатке, где в деревянном срубе сожгли колдунью-камчадалку. Руководил казнью капитан Тенгинской крепости Шмалев.

В 1744 г. императрица Елизавета распорядилась представлять ей на подпись все смертные приговоры и ни одного из них не утвердила, однако и в ее царствование приговоры за «отступничество» были довольно жестокими. Так, в 1744 г. по указу Синода в Соловецкую монастырскую тюрьму заключили матроса Никифора Куницына «за богоотступное своеручное его письмо, каково писал на князя тьмы, содержать его в вечных монастырских до смерти его никуда неисходных трудах и что за такое его тяжкое пред Богом согрешение во всю свою жизнь приносить Господу Богу покаяние, приходя с работы в церковь ко всякому славословию по вся дни» (31).

Указания на применение казни путем «залития горла расплавленным металлом», совершавшейся над фальшивомонетчиками, известны из Окружной грамоты 1637 г., в которой говорится: «В прежних летах, при прежних великих государях, таким ворах заливали теми их воров-

скими деньгами горло». В 1672 г. эта казнь была заменена отсечением у преступников обеих ног и левых рук.

Четвертование назначалось за государственные преступления и считалось одной из самых позорных казней. В 1497 г. в Москве по повелению великого князя Иоанна III были четвертованы сторонники его сына Василия. Четвертованием был казнен в первой половине XVII века самозванец Анкудинов (лже-Шуйский). Этой же казни был подвергнут Стенька Разин — «в Москве живой рассечен». Колесование заключалось в том, что осужденного распластывали на земле лицом кверху и затем раздробляли члены его колесом. После казни колесо устанавливалось в горизонтальном положении на шесте, и раздробленное, иногда еще с признаками жизни, тело казненного клали на него, что считалось увеличивающим позорность казни. Эта казнь особенно часто применялась в царствование Петра I. Рассказывая в своих записках про казни мятежных стрельцов, современник Петра Иван Афанасьевич Желябужский говорит, что «у них, за их воровство, ломаны руки и ноги колесами; и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и те стрелыцы положены были на те колеса и живы были немного не сутки, а на тех колесах стонали и охали» (34: 201—216).

Посажение на кол, как и четвертование, применялось главным образом к бунтовщикам и государственным преступникам — «воровским изменникам». Так в 1598 г. был казнен «атаман воровских казаков». В 1606 г. казнь эта совершена над мятежником Аничкиным, а в 1614 г. над Заруцким, известным сообщником Марины Мнишек (35). Этим способом Иван Грозный иногда казнил бояр — так им был посажен на кол князь Дмитрий Шевырев (27: 583). По свидетельствам современников и, в частности, австрийского посланника Плейера, именно таким способом Петр I расправился с майором Степаном Глебовым, любовником своей сосланной в монастырь жены Евдокии. В три часа дня 15 марта 1718 г. измученного пытками Глебова привезли на Красную площадь, заполненную толпами народа. Петр приехал в отапливаемой карете и остановился неподалеку от места казни. Рядом стояла телега, на которой сидела опальная Евдокия. Ее охраняли два солдата, которые должны были держать бывшую государыню за голову и не давать ей закрывать глаза. Посреди помоста торчал кол, на который усадили раздетого донага Глебова. Чтобы он не умер от переохлаждения в тридцатиградусный мороз, на него, по личному указанию Петра, надели шубу, шапку и сапоги. Глебов мучился пятнадцать часов и умер только в шестом часу утра следующего дня. Голова его была отрублена, а тело было снято с кола и брошено среди тел других казненных по этому делу. В тот

же день, 15 марта, на Красной площади были казнены проходившие по тому же делу ростовский епископ Досифей (в миру Демид Глебов), казначей Покровского монастыря и духовник бывшей царицы Федор Пустынный, певчий царевны Марии Алексеевны Федор Журавский. Ряд лиц был подвергнут телесным наказаниям. Через три с половиной года — 15 августа 1721 г. — Петр вдобавок повелел Святейшему Синоду предать покойного Степана Глебова вечной анафеме. Во исполнение этого повеления преосвященный Варлаам, епископ Суздальский и Юрьевский, издал 22 ноября 1721 г. т. н. архиерейский указ, в котором привел форму провозглашаемой анафемы. В ней майор Глебов был назван «злостью закона Божия преступником», «царского величества противником», «лютейшим благочестия преступником и презирателем» (36: 442—443).

В 1738 г., в царствование Анны Иоанновны, объявился самозванец Миницкий, объявивший себя царевичем Алексеем Петровичем. Самозванцу удалось «смутить» бывшего священника Г. Могилу и нескольких солдат и казаков. Дело сочли важным и решили произвести сильное впечатление на народ варварскими казнями. «Миницкий и священник села Ярославца Г. Могила были посажены живые на колья; некоторые из участников были четвертованы, другим отрубили головы». После казни самозванца Анна Иоанновна издала специальный указ, где рассказала о выступлении Миницкого и о мучительной казни, которой подвергся сам самозванец и те, кто ему поверил. Указ был оглашен по всей стране (37: 98).

Посаждение на кол было одной из самых мучительных казней: под тяжестью тела казнимого кол медленно проникал в его внутренности и выходил наружу в грудь или между лопатками. Для увеличения мучений на колу делалась перекаладина, которая задерживала опускание тела и тем самым замедляла смерть, доставляя казненному адские страдания. Иногда во время сидения преступника на колу ему проводился последний допрос, а священник давал напутствие. «Окопание заживо в землю» назначалось за мужеубийство. Осужденная зарывалась живой в землю по плечи с завязанными за спину руками. В этом положении несчастную под стражей оставляли до тех пор, пока она не умирала от голода и жажды. Прохожим позволялось только бросать деньги, которые использовались на покупку ей гроба и свечей. Пока она была жива, к ней приходил священник, который напутствовал ее и молился за нее при зажженных свечах. По словам Котошихина, смерть при такой казни наступала на второй или третий день, но в отдельных случаях страдания прекращались лишь на 7-й, 8-й и даже на 12-й день. В течение второй половины XVII века смертная казнь через «окопание» то отме-

нялась с заменой ее другими видами казни, то вновь восстанавливалась. Известны случаи применения этой казни в 1702, 1730 и даже в 1740 гг.

Со второй половины XVII века в России применяется такой вид квалифицированной казни, как повешение на железном крюке за ребро. Этот один из самых жестоких видов казней описан в «инструкции для искоренения разбойников».

Еще один вид экзотической казни-пытки описывает известный немецкий путешественник и ученый Адам Олеарий в Путевых записках о Московии XVII века. «Жертву привязывают к спине сильного человека, стоящего прямо на ногах и опирающегося руками на особое приспособление, похожее на высокую, в человеческий рост, скамейку, и в таком положении наносят 200 или 300 ударов кнутом, преимущественно по спине. Удары начинают наносить пониже затылка, и они идут сверху вниз. Палач с таким искусством наносит удар, что с каждым разом отрывает кусок мяса. Подвергшиеся истязанию большей частью умирают» (38: 289). Подобная казнь применялась на Руси и в XIX веке, при Николае I, когда формально смертной казни не существовало. Преступника приговаривали более чем к ста ударам кнута, что равносильно смертельному приговору. Палач, понимая, что означает такой приговор, из чувства человеколюбия убивал несчастного третьим или четвертым ударом кнута.

В России квалифицированные способы смертной казни применялись вплоть до XVIII века. Утопление как вид казни применялось главным образом при массовых казнях. Так, в 1607 г. было утоплено по повелению царя Василия Шуйского до 4 тыс. мятежников: «Пленных мятежников каждую ночь выводили сотнями, ставили их в ряд и убивали как быков, ударяя дубиною по голове, а тела спускали под лед в Яuzu». При царе Алексее Михайловиче казнь эта была применена к лицам, обвиненным за участие в бунте 1662 г.: «Пушим (т.е. главным) вора в ночи учинен указ, — пишет Котошихин, — завязав руки назад, посадя в большие суды, потопили в Москве реке». При Алексее Михайловиче утопление вместе с собакою, петухом, ужом и котом назначалось также за отцеубийство и матереубийство (30: 95).

Как и в Европе, в России казни совершались публично при большом стечении народа. Устраивались торжественные процессии к месту казней, а трупы или части тела казненных выставлялись на месте казни. Иногда казненные надолго оставлялись на виселицах, на колу или на колесе; при четвертовании отрубленные члены выставлялись в разных концах города или прибывались к деревьям по дорогам, а голова казненного водружалась в публичном месте на кол. Иногда казни носи-

ли издевательский характер. В работе историка русского права Николая Павловича Загоскина «Очерк истории смертной казни в России» приводится пример такой казни, когда две женщины, казненные «окопанием в землю», после смерти были еще повешены верх ногами на виселице. В 1696 г. по приказанию Петра I была совершена казнь над трупом умершего за 13 лет перед тем боярина И.М. Милославского, которого Петр считал идейным вдохновителем стрелецкого движения. Тело умершего было извлечено из могилы и отвезено на тележке, запряженной шестью свиньями, в Преображенский приказ, где было облито кровью казненных стрельцов, а затем рассечено на части (39: 27). Нередко тела казненных отдавались на съедение собакам. Так, части тела четвертованного Стеньки Разина были выброшены в различных местах Москвы, а внутренности брошены собакам. По свидетельству современника, «псам на съедение отдан»; равным образом, и Никита Пустосвят был «главосечен и в блато псом на снесь» (40).

Иногда «заплечных дел мастера» еще и от себя усугубляли характер казней. Так, при царе Василии Шуйском при повешении самозванца лже-Петра веревка оказалась слишком толстой и петля не могла затянуться; тогда палач, взяв дубину у стоявшего поблизости мужика, размозжил повешенному голову. Через несколько лет при повешении четырехлетнего ребенка «паньи Маринки проклятого сынка-ворёнка», из-за того, что ребенок был легок, мочальная петля не затянулась, и несчастный, полуживым, был оставлен в метель и стужу мученически умирать на виселице. Речь идет о сыне Марины Мнишек и Лжедмитрия II. Марина Юрьевна Мнишек (1588—1614) — дочь Сандомирского воеводы Ежи Мнишека и Ядвиги Тарло, жена Лжедмитрия I, венчанная с ним в мае 1606 г., незадолго до его гибели, и коронованная как русская царица. Единственная женщина, коронованная в России до Екатерины I. После казни Лжедмитрия I — жена следующего самозванца, Лжедмитрия II, выдававшего себя за первого. Активно участвовала во всех основных событиях Смутного времени. По сообщениям русских послов польскому правительству, после ареста «умерла с тоски по своей воле»; по другим источникам — была повешена или утоплена. Перед смертью, узнав о казни сына, якобы прокляла род Романовых, предсказав, что ни один из них не умрет своей смертью (29: 65).

Православный народ России смотрел как на Антихриста и на другого горячего поклонника смертной казни — на Петра I (1682—1725). Воинский устав Петра I 1716 г. предусматривал смертную казнь за 123 преступления. Примерно в половине случаев в уставе был определен способ смертной казни. В остальных — его оставляли на усмотрение суда. В от-

личие от Уложения 1649 г. число способов смертной казни при Петре было сокращено до трех: расстрел (аркебузирование), обезглавливание и повешение. Расстрел применялся только к военным служащим. Обезглавливание осужденных производили мечом на плахе или бревне, а не топором, как при предшественниках Петра. По сравнению с Уложением царя Алексея Михайловича в Воинском уставе Петра число преступлений, караемых смертью, увеличилось почти в два раза. Преступлениями против веры в Петровскую эпоху считались «союз с дьяволом», «заговор ружья», «непосредственное сношение с адом с целью причинения вреда другим людям». Эти «преступные деяния» карались сожжением. Богохуление влекло за собой смертную казнь с предварительным прожжением языка раскаленным железом. К преступным деяниям была отнесена и лжеприсяга — при значительных последствиях преступление каралось смертью, при незначительных — отсечением двух пальцев и каторгой. Важным политическим преступлением в Воинском уставе считались неуважительные высказывания против царя: «Кто против Его Величества особы, — говорит 20-й артикул этого документа, — хулительными словами погрешит, его действия и намерения презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, имеет живота лишен быть и отсечением главы казнен».

Как и во времена Алексея Михайловича, «залитием» горла расплавленным металлом наказывалось изготовление фальшивых монет. Об этом свидетельствует указ Петра от 5 февраля 1723 г., предписывающий отсекал «для скорой смерти» головы тем из подвергающихся этой казни преступникам, которые не сразу умрут после экзекуции над ними. К этой же группе преступных деяний были отнесены растрата или «утайка» казенных денег, караемые повешением. К такой же казни приговаривались и доношители по таким делам. Смертной казнью при Петре карались виновные во всяком умышленном убийстве. Состоявшаяся дуэль, хотя бы в результате ее не было ни смертного исхода, ни нанесения раны, наказывалась позорной казнью через повешение как для обоих противников, так и для их секундантов. Даже убитый на дуэли не избегал казни — его мертвого вешали за ноги. При Петре I впервые в российском светском законодательстве появляется определение посмертных наказаний за самоубийство. Воинский устав отличал самоубийство, совершенное при здравом уме, от самоубийства, совершенного в болезненном психическом состоянии. В первом случае труп самоубийцы волочился палачом по улицам, после чего его бросали «в бесчестном месте»; во втором случае самоубийца лишался христианского обряда погребения. Воинский устав предусматривал также наказания и за по-

кушение на самоубийство. Если солдат покусится на самоубийство «от мучения, досады или в беспамятстве», он с бесчестьем изгоняется из полка; если же он покусится на него без этих смягчающих вину обстоятельств, его наказывали смертной казнью. Прелюбодеяние, блуд, кровосмешение, многобрачие, похищение и изнасилование женщин, мужеложство и скотоложство — все эти преступные деяния по Военскому уставу карались смертной казнью, иногда заменяемой каторгой или телесным наказанием. Суровое наказание за прелюбодеяние смягчалось, если уличенная в нем сторона докажет, что она «в супружестве способом не может получить телесную охоту утолить».

Как и в Уложении 1649 г., смертная казнь через сожжение назначалась за поджог, если будет доказана умышленность деяния. За разбой и грабеж виновные карались колесованием «с последующим наложением на колесо тела казненного». Крупная кража (на сумму свыше 20 рублей), «а равно кража хоть и мелкая, но совершенная в четвертый раз, всякая кража во время наводнения или пожара, кража из казенного цейхгауза, у своего господина, у товарища или на карауле, если цена покраденного даже и незначительна», наказывалась смертной казнью через повешение. Военский устав предусматривал наказания и за другие квалифицированные виды кражи: святотатственная кража из церкви (храмская татьба) влечет за собой смертную казнь путем усекновения головы. В качестве воров рассматриваются и «одинаковую с ними кару несут» лица, утаившие украденное и не объявившие о краже начальству.

Особенно жестокими были казни Петра I в 1698 г., при подавлении стрелецкого бунта, вызванного тяготами службы в пограничных городах, изнурительными походами и притеснениями со стороны полковников. После разгрома восставших стрельцов в 40 верстах к западу от Москвы войсками А. Шеина и П. Гордона 22 и 28 июня были повешены 56 «пуших заводчиков» бунта, а 2 июля — еще 74 «беглеца в Москву». Кроме того, 140 человек были биты кнутом и сосланы, а 1965 человек разосланы по городам и монастырям.

Срочно возвратившийся из-за границы 25 августа 1698 г. Петр I возглавил новое следствие («великий розыск»). Из городов и монастырей велено было свезти сосланных ранее стрельцов, которых разместили по московским монастырям и в подмосковных селах под крепким караулом. Всего было задержано 1714 стрельцов. Допрос происходил в Преображенском селе под руководством князя Федора Юрьевича Ромодановского, заведовавшего Преображенским приказом. Для допросов было устроено четырнадцать застенков, каждым из которых заведовал один из думных людей и ближних бояр Петра. Признания добывались пытками.

Подсудимых привязывали к перекладине за связанные назад руки и сначала поролы кнутом до крови. Если стрелец не давал желаемых показаний, его клали на раскаленные угли. По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до тридцати костров с угольями для поджаривания стрельцов. Царь присутствовал при этих варварских истязаниях. Если пытаемый ослабевал и нужен был для дальнейших показаний, то призывали медика и лечили несчастного, чтобы затем вновь подвергнуть мучениям. Основной целью пыток было получение показаний, изобличающих сестру Петра, царевну Софью, в подстрекательстве стрельцов на бунт. Под пытками стрельцы сознались, что у них было намерение поручить правление царевне Софье и истребить немцев, но никто из них не показал, чтобы царевна сама призывала их к этому.

Петр подозревал сестру и приказал пытать стрельцов сильнее, чтобы вынудить у них показания, обвиняющие Софью. 30 сентября при въезде в каждые ворота Москвы были построены по две виселицы, каждая из которых была предназначена для шести бунтовщиков. 30 сентября на этих виселицах был казнен 201 человек. Через 10 дней 200 других бунтовщиков были повешены на бойницах кремлевской ограды, а через три дня несколько сот человек были повешены на ограде Белого города, так называемой Белой стене (1: 69). Затем снова пытали как стрельцов, так и стрелецких жен.

Новые казни ежедневно проводились в Москве на Красной площади с 11 до 21 октября. Одним ломали руки и ноги колесами, другим рубили головы, большую часть стрельцов вешали. 11 октября было казнено 144 человека, 12 октября — 205 человек, 13 октября — 141 человек, 17 октября 109 стрельцам отрубили головы в Преображенском селе. Этим занимались по приказанию царя бояре и думные люди, а сам царь, сидя на лошади, смотрел на это зрелище. 18 октября были казнены 65 человек, 19 октября — 106 человек. 21 октября перед Новодевичьим монастырем повесили 195 человек, прямо перед кельями царевны Софьи. Троим из них, висевшим под самыми окнами, дали в руки бумагу в виде челобитных. Последние казни над стрельцами совершены были в феврале 1699 г. Тогда в Москве было казнено разными казнями 177 человек. Всего было казнено около 2000 стрельцов; биты кнутом, клеймены и сосланы 601 (преимущественно несовершеннолетние). Пятерым стрельцам Петр I отрубил головы лично. Головы казненных стрельцов были водружены на колья и выставлены на всеобщее обозрение. Тела казненных лежали неприбранные до весны, и только тогда велено было зарыть их в ямы



близ разных дорог в окрестностях столицы, а над их могилами специальным указом велено было поставить каменные столбы с чугунными досками, на которых были написаны их вины; на столбах были закреплены спицы с воткнутыми на них головами казненных (41: Гл. 13. Софья).

Софья по приказанию Петра была пострижена под именем Сусанны в том же Новодевичьем монастыре, в котором жила прежде. Дворовые места стрельцов в Москве были розданы, а строения проданы. Следствие и казни продолжались до 1707 г. В конце XVII — начале XVIII века 16 стрелецких полков, не участвовавших в восстании, были расформированы, а стрельцы с семьями высланы из Москвы в другие города и записаны в посадские.

При Петре в ноябре 1724 г., пожалуй впервые в российской истории, «за взятку и казнокрадство» был обезглавлен любимец императрицы Виллим Монс. На его казнь Петр привез Екатерину и показал ей насаженную на шест голову казненного.

При Петре I существовала казнь «по жребию». Она применялась, когда среди множества людей нельзя было выявить конкретных виновников или когда в преступлении участвовало много людей, но не было смысла казнить всех. Например, за драку на спорных землях, т.е. землях, которые оспаривались между собой разными селами, убивали «по жребию» каждого двадцатого.

Время царствования ближайших преемников Петра I — Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича, до воцарения императрицы Елизаветы Петровны, — также характеризуется господством в уголовной практике идеи устрашения. В это время применяются все виды смертных казней, широко применявшихся Петром. Уже через полтора месяца после смерти Петра указом от 24 марта 1727 г. Екатерина вводит наказание, которое можно поставить в один ряд с самыми жестокими карами предшествующих десятилетий. Этим указом рекрутов, прибегающих к «членовреждению» с целью избавиться от военной службы, велено вешать по жребию в количестве одного из десяти; остальным же рвать ноздри, бить кнутом и ссылать в вечную каторгу (35).

Во время царствования Анны Иоанновны (1730—1740 гг.) жестокость способов смертной казни вновь возросла. Императрица в самом начале своего царствования особым указом напоминает о том, что по действующим законам за волшебство полагается сожжение. В годы ее царствования к ранее известным способам казни добавилось «подвешение на крюк за ребро». Казнимый таким образом висел вниз

головой, пока не наступала смерть. В 1731 г. подтверждено применение этого вида казни к «вящим» ворам и разбойникам. Подвешение за ребро вместе с колесованием широко употреблялось при усмирении пугачевщины: «...при всех тех селениях, которые бунтовали — поставить и впредь до указа не снимать по одной виселице, по одному колесу, и по одному глаголу для вешания за ребра» (42: 111). Во время правления Анны Иоанновны по ложному доносу — «сделать себя государем хотел» — после мучительной пытки отрубили правую руку и голову видному деятелю того времени, военному и дипломату Артемию Волынскому.

Взошедшая в 1741 г. на престол Елизавета Петровна заменила ссылкой смертную казнь для всех противников ее воцарения, присужденных к колесованию, четвертованию и отсечению голов. Она приостановила исполнение смертных казней в империи, хотя и не отменила это наказание. Это привело к переполнению тюрем приговоренными к смертной казни, поэтому в 1754 г. был издан указ, в соответствии с которым вместо смертной казни стали применять «жестокое наказание кнутом, клеймить словом “вор” и рвать ноздри». На практике такие наказания часто заканчивались смертью.

В подготовленном в 1755 г. при Екатерине II новом проекте Уложения о наказаниях широко фигурировала смертная казнь, причем к известным способам за тяжкие политические преступления предлагалось добавить новый — «разорвание на части пятью лошадьми». Сенат одобрил это Уложение, но императрица его не утвердила. Смертная казнь формально не применялась, но фактически осужденных лишали жизни путем засечения кнутом, плетью, батогами и розгами. Такие казни наблюдались в России еще долгие годы. Выступая в принципе противницей смертной казни, Екатерина II, однако, не отрицала ее полностью. Во время ее царствования казни применялись весьма широко, особенно после подавления восстания Пугачева, которого велено было четвертовать. Многие его сторонники были повешены, некоторые четвертованы и колесованы. Однако после казни Пугачева и его сообщников Сенат постановил уничтожить все орудия казни и по отношению к смертным приговорам впредь снова руководствоваться указом от 30 сентября 1554 г., приостанавливающим действие смертной казни.

Во второй половине XVIII века наблюдается сокращение смертной казни в законодательстве и ограничение ее фактического применения. Основными способами смертной казни остались повешение и расстрел, хотя запрета на применение других способов казни не было. Так, 36 декабристам была определена смертная казнь четвертовани-

ем, однако многие из них были помилованы, а пятеро казнены путем повешения. Ни общего, ни уголовного законодательства (Уложения) в царствование Екатерины II не появилось, тем не менее она осталась верна взгляду на смертную казнь, выраженному ею в «Большом Наказе». По ее мнению, смертная казнь может быть применима лишь в эпохи общественных возмущений, в годы анархии, и не должна допускаться при спокойном состоянии государства. Видимо, в этом смысле следует понимать и случаи казней во время ее правления — Мировича в 1764 г., убийц архиепископа Амвросия во время Чумного бунта 1771 г. и Пугачева и его сообщников в начале 1775 г. Последний в царствование Екатерины II случай смертного приговора по обвинению в политических преступлениях Радищева в исполнение не приведен «за помилованием осужденного» (43).

По мнению Н.П. Загоскина (35) и других историков, «Большой Наказ» Екатерины представляет собой выборку из известных сочинений Монтескье «О духе законов» и трактатов Беккариа: «О разуме» и «О человеке». В сочинениях Чезаре Беккариа Бонесано (1738—1794) наиболее ярко выражены гуманистические взгляды эпохи Просвещения на систему уголовного правосудия, подвергнут резкой критике феодальный инквизиционный процесс и особенно пытки как неотъемлемый атрибут последнего. Одним из первых в Европе Беккариа выступил за отмену смертной казни и других наиболее жестоких наказаний. Екатерина II пыталась реализовать в России идеи Беккариа и даже приглашала его приехать в страну для участия в составлении нового Уложения законов, однако поездка не состоялась (44).

С приходом к власти дочери Петра Елизаветы Петровны в России начинается долгая (1741—1905 гг.) эра милосердия. Смертная казнь в этот период применяется редко в отношении обычных уголовников и как действительно исключительная мера в отношении государственных преступников. В июле 1826 г. на кронверке Петроградской крепости были публично повешены руководители восстания декабристов К.Ф. Рылеев, П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин и П.Г. Каховский. В сентябре 1866 г. был повешен стрелявший в Александра II Дмитрий Каракозов. В апреле 1881 г. казнены участники убийства Александра II — Рысаков, Михайлов, Желябов, Кибальчич и Софья Перовская, которая непосредственно руководила терактом. В марте 1882 г. за убийство прокурора Стрельникова были повешены террористы Халтурин и Желваков. В мае 1887 г., при Александре III, за подготовку террористического акта против царя были преданы суду 15 человек. Из них пятеро: Ге-

нералов, Андреюшкин, Осипов, Шевырев и брат Владимира Ленина Александр Ульянов были повешены.

В Уложении 1845 г. Николая I смертная казнь допускалась только за важнейшие государственные и карантинные преступления: «а) всякого рода злоумышления на жизнь, честь, свободу и верховные права Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и других особ императорского Дома, б) бунт, т.е. восстание скопом и заговором против Верховной Власти, умысел низвергнуть существующее правительство или изменить существующий образ правления, равно как и приготовление к преступным деяниям этого рода, в) государственная измена, в наиболее тяжких случаях ее», а также «преступления, совершаемые во время эпидемий или соединенные с насильственными действиями по отношению к карантинной страже и карантинным учреждениям».

Однако, несмотря на сокращение числа смертных казней и исключение их квалифицированных видов, в России широко применялись наказания кнутом и шпицрутенами, которые очень часто были не чем иным, как мучительным видом смертной казни. «Кнут — пуще четвертования», — заявлял князь Щербатов, современник императрицы Екатерины II. А вот характеристика наказания кнутом, которую представил известный противник смертной казни адмирал Мордвинов в своем письменном мнении по этому вопросу, поданном им в 1824 г. на общее собрание Государственного совета: «С того знаменитого для правосудия и человечества времени, когда европейские народы отменили пытки и истребили орудия ее, — одна Россия сохранила у себя кнут, коего одно наименование поражает ужасом народ российский и дает повод иностранцам заключать, что Россия находится еще в диком состоянии. Кнут — есть орудие, которое раздирает человеческое тело, отрывает мясо от костей, мечет по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливает тело человека; мучение, лютейшее всех других известных. При кровавом зрелище такого мучения, — продолжает Мордвинов, — зрители приводимы бывают в иступленное состояние: каждый зритель видит лютость мучения и болезнует о страждущем, себе подобным; при наказании кнутом многие из зрителей плачут, многие дают наказанному милостыню, трепещут, негодуют на жестокость мучения»... «До тех пор, пока будет существовать кнут в России, — говорит Мордвинов, — с кнутом в употреблении напрасны будут уголовные законы, судейские приговоры и точность в определении наказания: действие законов и мера наказания останутся всегда в руках и воле палача, который стами ударов может сделать наказание — легким, десятью жестоким и увечным,

если не смертельным. Осужденные к наказанию кнутом торгуются с палачом из-за большей или меньшей силы наказания; бывали примеры, что осужденные к наказанию, чтобы не быть изувеченными, платили палачу до 10 тысяч рублей» (35).

Кнут как орудие кары исключен в России только Уложением о наказаниях 1845 г. с заменой его более легким наказанием плетьюми и с определением в каждом конкретном случае количества ударов. Не менее страшным орудием кары, чем кнут, являлись и шпицрутены, впервые введенные Петром I. Это было наказание, предназначавшееся для «лиц военного звания», однако оно применялось и к гражданским лицам, которых судили по военным законам. Наказание шпицрутенами, всегда производившееся «сквозь строй», часто было смертельным, особенно в тех случаях, когда назначалось 6 и даже 12 тыс. ударов. Часто в таких случаях экзекуция заканчивалась над полуживым телом. Только 17 апреля 1863 г. был обнародован закон, которым отменялись наказания плетьюми и шпицрутенами для гражданских лиц, солдат и матросов. Наказания плетьюми были сохранены в ограниченных пределах лишь для ссыльных и каторжников.

Однако, отменяя плети и шпицрутены, Александр II тем же законом от 17 апреля 1863 г. предписывает судить в исключительных случаях лиц, обвиняемых в наиболее тяжких преступлениях против дисциплины и общественной безопасности, по законам военного времени. По этим законам смертная казнь назначалась также и за преступления, не подлежащие наказанию по общим законам, такие как убийство, грабеж, поджог, истребление лесов и жатв и изнасилование женщин. Как отмечали современники, ужасы смертной казни не возмущали общественное мнение, не производили какого-либо потрясающего впечатления, не вызывали протеста и отвращения. Роль палача была даже почетной, причем это было характерно как для России, так и для Европы. Публичные казни стали явлением настолько обычным и общество того времени настолько привыкло к почти ежедневным зрелищам «вершений» и «нешадных» наказаний кнутом, батогами и шпицрутенами, что вид пыток и казней перестал достигать той главной цели, которая преследовалась ими, — устрашения. Казни сделались явлением совершенно обыденным. Смертная казнь стала заурядным, никого не устрашающим наказанием, а борьба государства с «лихими» и «воровскими» людьми, с «ослушниками» и нарушителями царских указов принимала все более острый характер, вызывая новые меры устрашения, только деморализующие общество.

Иностранцы, посещавшие Россию, поражались тому, с какой легкостью относились к казням сами осужденные. «Они шли под топор, под колесо, в петлю, в сруб или на костер с той же безмолвной покорностью, — пишет профессор Н.П. Загоскин, — с какой пошли бы на вражеский строй или на всякую другую службу государству»... «Русские ни во что не ставят смерть и не боятся ее, — пишет англичанин Перри в своих записках о России при Петре I. — Когда им приходится идти на казнь, они делают это совершенно беззаботно»... «Стрельцы сотнями шли на казнь, не связанные и не скованные, — говорит другой современник, Гордон, рассказывая про знаменитые стрелецкие казни, — шли спокойно, сами всходили на лестницу к виселицам, прощались с народом, сами спускали с себя саваны, надевали на шею петли и — бросались с подмостков». Третий современник, Коллинс, также утверждает, что приговоренные к повешению всегда сами надевают на себя петли и сами сбрасываются вниз. Корб рассказывает поразительный факт самообладания осужденного на казнь. Присутствуя на массовой казни мятежных стрельцов, царь стал слишком близко к одной из плах. «Отойди, государь, мне здесь лечь надо!» — заметил царю осужденный, которому нужно было класть голову именно на эту плаху. Берхгольц был свидетелем того, как один парень, подвергшийся колесованию, вынул с большим трудом из колеса раздробленную руку, утер себе ею нос и спокойно снова положил ее на прежнее место; затем, увидав, что колесо запачкано им кровью, он снова вытащил раздробленную руку и отер рукавом запачканное место (35).

В начале прошлого века Россию охватила эпидемия «революционного» террора. С 1901 по 1911 г. жертвами террористических актов стали около 17 тыс. человек. Из них 9 тыс. убитых приходится на период революции 1905—1907 гг. В 1907 г. каждый день от рук «революционеров» различных мастей погибали в среднем до 18 человек. По данным полиции, только с февраля 1905 по май 1906 г. было убито: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников — 8; вице-губернаторов и советников губернских правлений — 5; полицеймейстеров, уездных начальников и исправников — 21; жандармских офицеров — 8; генералов (строевых) — 4; офицеров (строевых) — 7; приставов и их помощников — 79; околоточных надзирателей — 125; городских — 346; урядников — 57; стражников — 257; жандармских нижних чинов — 55; агентов охраны — 18; гражданских чинов — 85; духовных лиц — 12; сельских властей — 52; землевладельцев — 51; фабрикантов и старших служащих на фабриках — 54; банкиров и крупных торговцев — 29. В числе жертв террора много извест-

ных деятелей, в том числе: министр просвещения Н.П. Боголепов (15.03.1901), министр внутренних дел Д.С. Сипягин (2.04.1902), уфимский губернатор Н.М. Богданович (6.05.1903), министр внутренних дел В.К. Плеве (15.07.1904), генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович (4.02.1905), московский градоначальник граф П.П. Шувалов (28.06.1905), бывший военный министр генерал-адъютант В.В. Сахаров (22.11.1905), тамбовский вице-губернатор Н.Е. Богданович (17.12.1905), начальник Пензенского гарнизона генерал-лейтенант В.Я. Лисовский (2.01.1906), начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Ф.Ф. Грязнов (16.01.1906), тверской губернатор П.А. Слепцов (25.03.1906), командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г.П. Чухнин (29.06.1906), самарский губернатор И.Л. Блок (21.07.1906), пензенский губернатор С.А. Хвостов (12.08.1906), командир л-гв. Семёновского полка генерал-майор Г.А. Мин (13.08.1906), симбирский генерал-губернатор генерал-майор К.С. Старынкевич (23.09.1906), бывший киевский генерал-губернатор член Государственного совета граф А.П. Игнатьев (9.12.1906), акмолинский губернатор генерал-майор Н.М. Литвинов (15.12.1906), петербургский градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц (21.12.1906), главный военный прокурор В.П. Павлов (27.12.1906), пензенский губернатор С.В. Александровский (25.01.1907), одесский генерал-губернатор генерал-майор К.А. Карангозов (23.02.1907), начальник Главного тюремного управления А.М. Максимовский (15.10.1907).

Особую ненависть у революционеров вызывал министр внутренних дел и премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин, реформатор и видный государственный деятель, который провел целый ряд законопроектов, вошедших в историю как столыпинская аграрная реформа. Всего на Столыпина было совершено одиннадцать покушений. С 1906 г. покушения на Столыпина производились организованными группами террористов. Так, в декабре 1906 г. Добржинским была организована «боевая дружина», которая по поручению Центрального Комитета партии социалистов-революционеров должна была убить П.А. Столыпина. Однако группа была раскрыта и арестована до совершения акта. В июле 1907 г. был арестован «летучий отряд», целью которого также было убийство Столыпина. В ноябре 1907 г. была обезврежена еще одна группа социалистов-революционеров (максималистов), готовивших бомбы для устранения высших должностных лиц, в том числе Столыпина. В декабре того же года в Гельсингфорсе был арестован руководитель северного боевого «летучего отряда» Трауберг. Главной целью отряда был Столыпин.

В декабре все того же 1907 г. была арестована Фейга Элькина, организовавшая революционную группу, которая занималась подготовкой покушения на Столыпина.

Активизация террористической деятельности вызвала ответную реакцию властей. Начались казни террористов. В мае 1905 г. был повешен убийца великого князя Сергея Александровича Романова и участник покушения на министра внутренних дел и шефа Корпуса жандармов В.К. Плеве И.П. Каляев. В марте 1906 г. были расстреляны руководители восстания в Севастополе: Шмидт, Антоненко, Частник и Гладков. В августе 1906 г. в чрезвычайном порядке был принят «Закон о военно-полевых судах» для террористов. Военно-полевые суды вводились как чрезвычайная мера в борьбе с революционными выступлениями и террористическими актами, число которых в 1906 г. возросло. Поводом их введения послужил взрыв дачи Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 г., при котором погибли 27 человек и были ранены 32 человека, в том числе сын и дочь премьер-министра — Аркадий и Наталья. Во время взрыва сам Столыпин не пострадал. По свидетельству одной из его дочерей, Елены, от смерти его спас адъютант, генерал-майор А.Н. Замятнин, погибший при взрыве (45). Великой утратой для России было убийство Петра Аркадьевича Столыпина 1 сентября 1911 г. Дмитрием (Мордко) Гершковичем Богровым, повешенным в Киеве 12 сентября 1911 г. (46). Революционеры всех мастей хотя и отрицали свое участие в убийстве Столыпина, но позже откровенно говорили, что если бы Столыпин не был убит, то революция в России была бы окончательно задушена. Если бы не прозвучал этот роковой выстрел, то не было бы ни мировой войны, ни Февральской революции. Как сказал в интервью французскому телевидению Александр Солженицын: «Выстрел в Столыпина — это был выстрел в Россию, в ее будущее». Военно-полевые суды вводились в местностях, объявленных на военном положении или на положении чрезвычайной охраны. Суд состоял из председателя и 4 членов суда, назначаемых из строевых офицеров начальником местного гарнизона по приказу генерал-губернатора или главнокомандующего. Предварительное следствие не проводилось — вместо него использовались материалы охранного отделения или жандармского управления. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду. Судебное заседание проводилось без участия прокурора, защитника или свидетелей защиты, при закрытых дверях. Приговор выносился не позже чем через 48 часов и в течение 24 часов приводился в исполнение по распоряжению начальника гарнизона. Осужденные имели право подавать прошение о помиловании, однако 7.12.1906 г. Военное министерство отдало распоряжение «оставлять эти просьбы без движения». По решениям этих судов военнослужащих должны были расстреливать,



а гражданских лиц вешать. Из-за нехватки палачей повешение часто заменяли расстрелом, который производился воинскими подразделениями. Итоговые данные, характеризующие интенсивность казней в России в период с 1826 по 1910 г., приведены в таблице (по данным Вентина) (47).

#### Казни в Российской империи по пятилеткам

|   |            |
|---|------------|
| 1826—1830 гг.   | 19 казней  |
| 1831—1835   | 24 казни   |
| 1836—1840   | 1 казнь    |
| 1841—1845   | 0          |
| 1846—1850   | 3 казни    |
| 1851—1855   | 0          |
| 1856—1860   | 0          |
| 1861—1865   | 8 казней   |
| 1866—1870   | 9 казней   |
| 1871—1875   | 0          |
| 1876—1880   | 126 казней |
| 1881—1885   | 77 казней  |
| 1886—1890   | 92 казни   |
| 1891—1895   | 48 казней  |
| 1896—1900   | 78 казней  |
| 1901—1905   | 40 казней  |
| Всего за указанные 80 лет было совершено 525 казней, из них по политическим мотивам — 192 казни |            |
| 1905—1910   | 3741 казнь |
| Из них по политическим мотивам — 3015 казней  |            |

Таким образом, за период с 1905 по 1910 г. в России в среднем казнили по 52, а по политическим мотивам — по 42 человека в месяц. По приговорам военно-полевых судов в 1906 г. были казнены 249 человек, в 1907 г. — 1307 человек, в 1908 г. — 1340 человек, т.е. около 80 человек в месяц. Реакция российского общества на казни была болезненной. В Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. было убито около 100 человек (по данным большевистской печати, около 1000 человек), и это явилось катализатором революции 1905—1907 гг. В 1912 г. на Ленских приисках было убито 270 и ранено 250 человек, и это потрясло всю Россию. Несчастливая Россия, знала бы она, что ждет ее впереди!

## ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. 2-е изд. СПб.: Типография А. Ф. Пантелеева, 1896. — 353 с. Репринтная копия.
2. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. Юлий Капитолин. Опилий Макрин, с. 128 (XII, 10). М.: Наука, 1992.
3. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М.: Наука, 1994. — 384 с.
4. *Широкопад А. Б.* Великая речная война 1918—1920 гг. Глава 4. — М.: Вече, 2006. — 416 с.
5. Революция и гражданская война в России: 1917—1923 гг. Энциклопедия в 4-х т. — М.: Терра, 2008. Т. 3. — 560 с.
6. *Лаврин А. П.* Хроники Харона: Энциклопедия смерти. — М.: Московский Рабочий, 1993. — 511 с.
7. *Боборыкин П. Д.* За полвека. Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. 688 с.
8. *Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. 2-е изд. — СПб.: Типография А. Ф. Пантелеева, 1896. — С. 38.
9. *Гизо Франсуа.* История цивилизации в Европе. Пер. с франц. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. — 336 с.
10. *Баршев С.* Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях: В 2-х разделах. — Репринтная копия. — М.: Унив. тип., 1841. — 385 с.
11. *Василиос Цаферис.* Археологическое свидетельство распятия. Научный богословский портал. 9 марта 2010 г. Перевод статьи осуществлен священником Димитрием Кирьяновым по изданию: Tzaferis, Vassilios. Crucifixion — The Archaeological Evidence // Biblical Archaeology Review, Jan/Feb 1985, 44—53.
12. *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Книга XIII. Гл. 14, 2.
13. *Миронов В. Н.* Я был на этой войне. Чечня 1995. Гл. 15. — М.: Издательство «Библион-Русская книга», 2001.
14. *Ли Г.-Ч.* История инквизиции в Средние века / Пер. с французского. Т. 1; под ред. С. Г. Лозинского; пер. А. В. Башкирова. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1911. — 627 с.
15. «Признание — царица доказательств», лат. — Regina probationum — так в римском праве называли признание вины самим подсудимым, которое делает излишними все иные доказательства, улики и дальнейшие следственные действия.

16. *Льоренте Х.А.* История испанской инквизиции. — М.: Издательство «Ладомир», 1999. — 1424 с. Гл. 66. Исчисление жертв инквизиции и хронологический список великих.
17. *Шерр И.* Германия. История цивилизации за 2000 лет. В 2-х т. Том 1. — М.: Издательство МФЦП, 2005. С. 543.
18. Андреевский крест — косой крест в виде буквы Х. По преданию, на таком кресте был распят первокреститель Руси апостол Андрей Первозванный. Петр I поместил изображение Андреевского креста на государственном гербе, на своей ручной печати и на военно-морском флаге.
19. *Михлин А.С.* Высшая мера наказания. История, современность, будущее. — М.: Дело. — 176 с.
20. Уголовно-исправительный кодекс Российской Федерации. Гл. 23. Ст. 186.
21. Ливий. Т. 2. — М.: Наука, 1989. С. 379—380 (XXVII, 37, 5—7).
22. *Лев Диакон.* История. — М.: Наука, 1988. Кн. 9.
23. *Тираспольский Г.И.* Беседы с палачом. Казни, пытки и суровые наказания в Древнем Риме. — М.: Интрада, 2003.
24. *Домиций Ульпиан.* Об обязанностях проконсула / Пер. А. Смышляева // Хрестоматия по истории Древнего Рима / Ред. В.И. Кузищин. — М., 1987. С. 298—314.
25. *Роосбрек Роберт.* Вильгельм Оранский. Мятежный принц. Ростов-на-Дону: Феникс. 1998. 218 с.
26. *Михлин А.С.* Высшая мера наказания: история, современность, будущее. — М.: Дело, 2000. С 17—24.
27. *Карамзин Н.М.* Предания веков. — М.: Издательство «Правда», 1988. — 766 с.
28. Синодик опальных царя Ивана Грозного. (Реконструкция текста). Источник РПЦ. Интернет.
29. *Исаев И.А.* История государства и права России. — 3-е изд. — М.: Юрист, 2004. С. 44—71.
30. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Издание археографической комиссии. — СПб., 1859. С. 94—96.
31. *Шацкий Е.О.* Русская православная церковь и сожжения. Текст на сайте «Разум или вера» от 6 июня 2004 г.
32. Протопоп Аввакум (Аввакум Петрович Кондратьев) — противник церковной реформы патриарха Никона, духовный писатель. Ему приписывают 43 сочинения, в том числе «Житие», «Книга бесед», «Книга толкований», «Книга обличений» и др. Старообрядцы почитают Аввакума священномучеником и исповедником.

33. Хлысты, или христововеры, — одно из старейших русских внецерковных религиозных течений (сект), возникшее в середине XVII века среди православных крестьян. Самоназвание — «люди Божьи», «Христова вера». Название «хлысты» происходит от встречавшегося в их среде обряда самобичевания или от видоизмененного слова «христы». По учению секты Божий сын Христос воплощается не один раз, а постоянно — Христами называли себя главы секты.

34. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. — М.: Современник, 1990. С. 201—327.

35. Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная на годичном акте Императорского Казанского университета ордин. проф. Н.П. Загоскиным // Известия и ученые записки Казанского Университета — 1892 г. — № 1 // Allpravo.ru — 2004. Интернет.

36. *Тихонравов К.Н.* Проклятие Глебова. 1721 г. // Русская старина, 1876. Т. 15. № 2. С. 442—443.

37. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 20. Царствование императрицы Анны Иоанновны. — М.: Издательство ИДДК, 2007. С. 98.

38. *Адам Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. С. 289.

39. *Загоскин Н.П.* Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 27.

40. *Никита Пустосвят* (настоящее имя Никита Константинович Добрынин). Казнен 6 (16) июля 1682 г. в Москве — суздальский священник, противник церковной реформы патриарха Никона. Прозвище Пустосвят было дано его оппонентами.

41. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях главнейших ее деятелей. — М.: Эсмо, 2007. — 596 с. (Глава 13. Софья).

42. *Сергиевский Н.Д.* Наказание в русском праве XVII века. — СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, 1887. — 314 с. Репринтная копия.

43. *Мирович Василий Яковлевич* (1740 — 1764) — организатор неудачной попытки дворцового переворота. Подпоручик Смоленского пехотного полка, обедневший потомок некогда богатых и знатных мало-российских дворян в 1764 г. нес караульную службу в Шлиссельбургской крепости. Узнав, что таинственный узник № 1 — бывший император Иоанн Антонович, он решил его освобождением и возведением на престол приобрести богатства и славу. В результате попытки Мировича

во главе солдат караульной команды освободить Иоанна Антоновича бывший император был убит 5 июля 1764 г. приставами — капитаном Власевым и поручиком Чекиным.

*Архиепископ Амвросий*, в миру Андрей Степанович Зертис-Каменский (1708—1771) — епископ Русской церкви, с 18 января 1768 г. архиепископ Московский, член Святейшего Синода. Погиб трагической смертью, растерзанный толпой 16 сентября 1771 г. в Донском монастыре при возмущении народа во время чумы, свирепствовавшей в Москве. Причиной убийства стало его распоряжение запечатать короб для приношений Боголюбской иконе Божией Матери, а саму икону убрать во избежание скопления народа и дальнейшего распространения эпидемии. Погребен в Донском монастыре в Москве.

*Радищев Александр Николаевич* (1749—1802). Автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву». После известных слов Екатерины II «он бунтовщик хуже Пугачева» книга была конфискована, Радищев арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Смертную казнь Екатерина II заменила 10 годами ссылки в сибирский острог Илимск.

44. *Беккариа Ч.* О преступлении и наказаниях. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 184 с.

45. Архив Саратовского Культурного центра им. П.А. Столыпина. С. 29—30/24.

46. *Сидорович Г.П.* П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. — М.: Поколение, 2007. С. 584—629.

47. *Вентин А.* Пятилетние итоги. Современный мир. 1910. № 12. С. 80—92.

## ГЛАВА 2. КАЗНИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР

### ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Смертная казнь как наказание в истории Советского государства применялась практически всегда. Однако независимо от того, насколько широко она применялась на практике, в законе постоянно подчеркивался ее временный характер. Для обозначения смертной казни в разное время использовались эвфемизмы «высшая мера социальной защиты», «высшая мера наказания» и «исключительная мера наказания», так как официально считалось, что смертная казнь в СССР как мера

наказания не практикуется, а применяется лишь в виде исключения как наказание за особо тяжкие преступления. После революции предпринималось несколько попыток отменить смертную казнь. Впервые об отмене смертной казни было объявлено Декретом II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 г. Однако уже 21 февраля 1918 г. декретом СНК «Социалистическое отечество в опасности» было разрешено применение расстрела без суда, на месте и за достаточно широкий круг деяний — за совершение преступлений неприятельскими агентами, спекулянтами, погромщиками, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами. Такие практически безграничные права предоставлялись ВЧК, которая ими и воспользовалась. В Постановлении Наркомюста РСФСР от 16 июня 1918 г. говорилось, что революционные трибуналы в выборе мер борьбы с преступлениями не связаны никакими ограничениями. Кроме трибуналов смертные приговоры выносились также тройками или пятерками чрезвычайных комиссий на основе «революционного правосознания». Обжалованию они не подлежали. После убийства Моисея Урицкого и ранения на заводе Михельсона Ленина под нажимом Дзержинского 5 сентября 1918 г. правительство легализовало террор, издав знаменитый декрет «О красном терроре», который содержит несколько разделов:

*О расстрелах.* Подтвердить прежнее постановление об оружии (расстрел контрреволюционеров за нахождение у них оружия). Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать. Дать соответствующие инструкции районам.

*О заложниках.* Взять заложников (крупных фабрикантов) от буржуазии и союзников, объявить, что никакие ходатайства за арестованных буржуа не принимаются. Район определяет, кого брать в заложники. Освободить арестованных только в крайнем случае на день, а ночью держать их под арестом. Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря.

*Указания провинции.* В ближайшие дни созвать совещание от представителей ВЧК, народного комиссариата юстиции и ЦИК. Обратиться к ЦК РКП, чтобы он посылал людей (по возможности) в Губчрезкомы.

*Об арестованных.* Сегодня же ночью Президиуму ВЧК рассмотреть дела к.р. и всех явных к.р. расстрелять. То же сделать районным ЧК. Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах. Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах. Предложить комиссариату юстиции в специальном порядке разгрузить тюрьмы от мелких преступников.

*Об инструкциях районам.* Поручить избранной комиссии выработать инструкции.

*О других партиях.* Поскольку левые эсеры стоят на точке зрения ЦК (своего) и выступают активно, арестовывать их. Что касается правых эсеров, центровиков, меньшевиков, кадетов и др. черносотенцев, то вопрос о них ясен. Декрет подписали Народный комиссар юстиции Д. Курский, Народный комиссар по внутренним делам Г. Петровский и Управляющий делами СНК Вл. Бонч-Бруевич (1).

На активизацию террора было направлено и постановление СНК от 27 марта 1919 г. (протокол № 271): «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей плановости, необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей, что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» (2: 18).

Следующая попытка отмены смертной казни была предпринята 17 января 1920 г., когда Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР была отменена высшая мера наказания. На Украине в это время смертная казнь отменена не была. Всеукраинский революционный комитет в Постановлении от 2 февраля 1920 г. пришел к выводу, что «не ликвидированы еще условия, угрожающие советской власти, и враг оказывает сопротивление Красной Армии». Однако и в РСФСР смертная казнь была восстановлена уже через несколько месяцев Постановлением ВЦИК и СТО от 11 мая 1920 г. «Об объявлении некоторых губерний на военном положении» и декретом от 28 мая 1920 г. Декрет ЦИК от 22 мая 1920 г. «О порядке приведения в исполнение губернскими революционными трибуналами приговоров к высшей мере наказания в местностях, объявленных на военном положении, а также в местностях, на кои распространяется власть революционных военных советов фронтов» предоставлял право губернским революционным трибуналам «входить с

представлением в местный губернский революционный комитет или его президиум, или в местный революционный комитет в течение 24 часов с момента получения трибуналом кассационной жалобы или ходатайства о помиловании, о непропуске таковых и приведении приговора к немедленному исполнению». Для этого требовалось лишь, чтобы трибунал признал, что в силу безусловной ясности дела, тяжести совершенного деяния и политической обстановки в данной губернии приговор требует немедленного исполнения. Таким образом, было достаточно решения губернского исполкома, чтобы лишить осужденного права на обжалование и помилование и привести приговор в исполнение немедленно.

В первом Уголовном кодексе, принятом в 1922 г., высшая мера наказания также была объявлена временной мерой, которая действует «впредь до отмены Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом». Временный характер расстрела подчеркивался и в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., в Уголовном кодексе 1926 г. и в первоначальной редакции Уголовного кодекса 1960 г., где указывалось, что применение смертной казни допускается «впредь до ее полной отмены» (3).

Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг., хотя и не включили смертную казнь в систему наказаний, но предусмотрели ее в отдельных статьях. В санкциях Особенной части кодексов она была представлена весьма широко. Наряду с этим в 20-е гг. расстрел заменялся лишением свободы и в порядке амнистии. Так, Постановлением Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. «Об амнистии» к 10-летию Октябрьской революции всем осужденным к высшей мере социальной защиты (расстрелу), кроме виновных в государственных и воинских преступлениях, а также вооруженном разбое, расстрел по приговорам, не приведенным в исполнение, был заменен лишением свободы на срок 10 лет со строгой изоляцией и с конфискацией имущества.

Попытка отказаться от смертной казни была предпринята также Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», который упразднил эту меру наказания в мирное время, заменив ее лишением свободы сроком на 25 лет. В 1949 г. Советский Союз на сессии Генеральной Ассамблеи ООН внес предложение об отмене смертной казни во всех государствах, которое в то время поддержано не было. Однако и в это время, когда смертная казнь была формально отменена, действовала секретная директива о возможности применения этого наказания специальными судами МГБ по делам о так называемых контрреволюционных преступлениях (4: 124). Но и этот,



по сути, формальный запрет был отменен в 1950 г., когда высшую меру наказания было разрешено применять к изменникам Родины, шпионам, диверсантам-подрывникам, а с 1954 г. — и за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. расширил перечень преступлений, караемых смертной казнью, доведя их до 30. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации был принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. и вступил в силу с 1 января 1997 г. По Кодексу, смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. УК РФ содержит 5 статей, предусматривающих наказание в виде смертной казни: статья 105 «Убийство»; статья 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»; статья 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»; статья 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» и статья 357 «Геноцид». В условиях военного времени допускается принятие самостоятельного уголовного закона об уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке (часть 3 статьи 331 УК РФ). Смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. Смертная казнь не назначается также лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи, либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям.

Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет. В настоящее время в Российской Федерации расстрел является единственной формой смертной казни. Порядок исполнения наказания в виде смертной казни предусмотрен ст. 186 Уголовного кодекса. Смертная казнь исполняется не публично путем расстрела. Исполнение смертной казни в отношении нескольких осужденных производится отдельно в отношении каждого и в отсутствие остальных. При исполнении смертной казни присутствуют прокурор, пред-

ставитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь, и врач. Администрация учреждения, в котором исполнена смертная казнь, обязана поставить в известность суд, вынесший приговор, а также одного из близких родственников осужденного; тело для захоронения не выдается и о месте его захоронения не сообщается. В связи с вступлением в Совет Европы с 1996 г. в стране введен мораторий на смертную казнь.

## ПЕРВАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ КАЗНЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Первым казненным в Советской России после принятия «Декрета о восстановлении смертной казни» в 1918 г. стал адмирал Алексей Михайлович Щастный. Причины и обстоятельства его обвинения поражают воображение даже на фоне ставших ныне известными казней «врагов народа» из ближайшего окружения Ленина (Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева и других), а также видных военачальников (Якира, Тухачевского, Блюхера, Уборевича и других). Алексей Михайлович Щастный (1881—22 июня 1918) — российский морской офицер. В 17 лет поступил в Морской кадетский корпус, в 1901 г. — мичман. С конца 1902 г. служил на Дальнем Востоке. В Русско-японскую войну служил на кораблях Порт-Артурской эскадры, участвовал в боевых операциях. Был в японском плену, а потом служил на Балтике. Первую мировую войну А. Щастный встретил старшим офицером линкора «Полтава». В октябре 1915 г. он — командир эскадренного миноносца «Пограничник». В июле 1917 г. Щастному было присвоено очередное звание — капитан I ранга. За боевые отличия в Первой мировой войне награжден мечами к ранее полученным им орденам Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени. Октябрьские события 1917 г. перевернули очередную страницу биографии А. М. Щастного, которая, к сожалению, оказалась последней. Он был одним из тех военных специалистов, которые откликнулись на призыв новой власти и верно служили ей. После революции Балтийский флот переживал трудные времена. Подписанием Брестского договора его судьба была предрешена: Балтийский флот ожидала передача в руки Германии или уничтожение. Флот находился тогда в Гельсингфорсе (Хельсинки) и Ревеле (Таллин), и Германия настаивала на его срочной передаче. 24 марта 1918 г. Советом флагманов Балтийского флота Алексей Михайлович Щастный был избран исполняющим обязанности Начальника морских сил Балтийского моря. После заключения «похабного» Брестского мира Щастный получил секретный приказ от

Троцкого и Ленина подготовить суда Балтийского флота к взрыву. Троцкий даже обещал выплатить «подрывникам» денежное вознаграждение, приказав депонировать для этого специальные суммы в банках, понимая, что иначе будет трудно заставить моряков уничтожать родные для них корабли. Однако Щастный не стал минировать боевые корабли, решив их спасти. В первой декаде апреля возникла реальная угроза захвата флота; разведка сообщила: германская эскадра уже на подходе к Гельсингфорсу. Ранним утром 11 апреля с борта немецкого флагмана поступила радиограмма-ультиматум: «Германское командование вынуждено занять Гельсингфорс для защиты интересов Финляндии сегодня, а не 12 апреля в 12 часов дня. Все суда и вооруженные пункты просят поднять бело-красные флаги...» Немцы замыслили захват Балтийского флота. «Высадка немцев в Ганга, — сообщалось в одном из агентурных донесений в Морской Генеральный штаб, — имеет целью в ближайшее время занять Гельсингфорс, дабы помешать русским военным судам выйти в Кронштадт. Завладев ими, в случае возобновления войны с Россией немцы будут смотреть на суда как на военную добычу; в противном случае суда будут переданы Финляндской Республике. Во всяком случае, немцы хотят покончить с русским флотом до начала навигации в Финском заливе, дабы иметь там полную свободу действий...» В апреле — мае 1918 г. по инициативе и под командованием Начальника морских сил Балтийского флота А.М. Щастного, вопреки приказу большевистского правительства, состоялся Ледовый поход Балтийского флота. Корабли с помощью ледоколов были выведены через льды из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. В результате похода были спасены 211 кораблей, в их числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 54 эскадренных миноносца, 12 подводных лодок, 10 тральщиков, 5 минных заградителей, 15 сторожевых судов, 14 вспомогательных судов, 4 посыльных судна, 45 транспортов, 25 буксиров, один паром, плавучий маяк и 7 яхт. Эти корабли и стали основой Красного Балтийского флота и ряда флотилий (5). Как известно, Черноморский флот, чтобы не достаться врагу, был затоплен, все корабли Северного и Тихоокеанского флотов достались интервентам, а Балтийский флот служил России, защищая ее в годы Великой Отечественной войны. Так, линкор «Марат» (бывший «Петропавловск») героически оборонял осажденный Ленинград, громя гитлеровцев своими мощными орудиями. Успешное руководство флотом в сложных условиях Ледового похода подняло авторитет Щастного — он стал популярным среди моряков, и это насторожило новых правителей России. 27 мая он был арестован по личному распоряжению народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого «за преступления по долж-

ности и контрреволюционные действия». Приговор трибунала звучал нелепо, так как из него следовало, что Щастный героическим спасением Балтийского флота намеренно завоевывал расположение матросов для развертывания контрреволюционной деятельности. Однако в протоколе заседания трибунала и в показаниях Троцкого имеются детали, которые позволяют считать, что у обвинителей была более веская причина для казни Щастного.

Так, при его аресте был изъят портфель с документами «красного адмирала». Что находилось в том загадочном портфеле, остается судить лишь по высказываниям Троцкого. Из свидетельских показаний Льва Давыдовича следует, что кроме всего Щастный виновен в распространении и поддержании слухов о связи большевиков с Германией, а также фальсификации неких документов, подтверждавших указанную связь. На заседании ревтрибунала, на котором судили спасителя Балтфлота, Троцкий заявил: «Вы знаете, товарищи судьи, что Щастный, приехавший в Москву по нашему вызову, вышел из вагона не на пассажирском вокзале, а за его пределами, в глухом месте, как и полагается конспиратору. И ни одним словом не обмолвился о лежавших в его портфеле документах, которые должны были свидетельствовать о тайной связи советской власти с немецким штабом». Из приговора можно выделить фразу, которая явно свидетельствует о наличии таких документов, поскольку их именуют не только фальшивыми, но и засекреченными. Одновременное признание бумаг, находившихся в портфеле Алексея Михайловича, и подложными, и секретными наталкивает на определенные размышления, так как считать секретным фальшивый документ не имеет смысла (6). Чего же так опасался Троцкий? Почему так спешили уничтожить первого «красного адмирала»? Об этом мы уже никогда не узнаем. Можно только догадываться, что в портфеле, с которым Щастный приехал в Москву, были документы, обнародования которых смертельно боялись большевики. В книге Владимира Попова «Возвращение Руси» утверждается, что «адмирал Щастный увел флот из Гельсингфорса в Кронштадт, поставив Ленина в совершенно идиотское положение перед своими хозяевами, за что и был расстрелян» (7: Гл. 28). Несмотря на отсутствие прямых улик, доказывающих его участие в контрреволюционной деятельности, 21 июня Щастный был приговорен Революционным трибуналом к расстрелу. Многочисленные протесты в ходе процесса и по его завершении были проигнорированы. После отказа в помиловании адмирала из состава ревтрибунала демонстративно вышли его члены — эсеры, подчеркивая, таким образом, незаконность приговора. Приговор поддержали Троцкий, Ленин и Свердлов. Свою

вину Щастный не признал и в ночь с 21 на 22 июня в 4 часа 40 минут утра китайцами из дежурной части трибунала был расстрелян. Спасителя Балтийского флота казнили во дворе Александровского военного училища. Наемниками командовал некий Андриевский. Впоследствии был опубликован его шокирующий рассказ о казни: «Я подошел к нему: “Адмирал, у меня маузер. Видите, инструмент надежный. Хотите, я застрелю вас сам?” Он снял морскую белую фуражку, отер платком лоб. “Нет! Ваша рука может дрогнуть, и вы только раните меня. Лучше пусть расстреливают китайцы. Тут темно, я буду держать фуражку у сердца, чтобы целились в нее”. Китайцы зарядили ружья. Подошли поближе. Щастный прижал фуражку к сердцу. Была видна только тень да белая фуражка... Грянул залп. Щастный, как птица, взмахнул руками, фуражка отлетела, и он тяжело рухнул на землю» (8). По свидетельствам Андриевского, тело адмирала в мешке было зарыто китайцами под полом в том же училище. Приказ о срочном захоронении поступил от руководства, а для контроля за его исполнением был прислан специальный агент. Предсмертными словами Алексея Михайловича были: «Смерть мне не страшна. Свою задачу я выполнил — спас Балтийский флот». В одной из предсмертных записок Щастный писал: «В революции люди должны умирать мужественно. Перед смертью я благословляю своих детей Льва и Галину, и, когда они вырастут, прошу сказать им, что иду умирать мужественно, как подобает христианину». Дело Щастного пролежало в архивах КГБ более 70 лет. В советской военно-исторической литературе о его роли во время Ледового похода не упоминалось. Судьба А.М. Щастного и его семьи, к сожалению, так же трагична, как и судьбы многих его современников — моряков, прославивших Россию. Через тюрьмы и лагеря прошли А.Н. Гарсоев (первый «главный подводник» Советской России), А.Н. Бахтин (командир знаменитой подлодки «Пантера»), следы Н.А. Зарубина, возрождавшего подводные силы Советской России, не найдены до сих пор. Все они были офицерами царского флота, честно ставшими на сторону революции. А.М. Щастный был реабилитирован в 1995 г. В Научно-информационном центре «Мемориал» в г. Санкт-Петербурге хранится копия его предсмертной записки и вышитая рубаша адмирала (9).

## ВЧК — КАРАЮЩИЙ МЕЧ РЕВОЛЮЦИИ

После Великой Октябрьской революции и образования ВЧК нужно было в кратчайшие сроки уничтожить сотни тысяч и даже миллионы классовых врагов. Человеческая жизнь обесценилась. Казни стали мас-

совыми. Казнь как «высшая мера наказания» или «высшая мера социальной защиты» в чекистском жаргоне стала иметь много терминов: выпшка, разменять выпшак, получить девять граммов, послать к Духонину, получить дырку в затылке, пустить в земельный отдел, отправить во мхи, отправить в Могилевскую губернию, пустить налево, сыграть на гитаре, запечатать, цокнуть, отправить на Машук фиалки нюхать, осудить по первой категории, списать в расход, расшлепать или шлепнуть, отвезти рябчиков в Кронштадт, шпокнуть, расхлопать, получить семь копеек, отправить в Иркутск, поставить к стенке, ухлопать (хлопнуть) и другие. В 1920-е гг. использовался также особенно циничный термин для конспиративного обозначения расстрела — «свадьба» (надо полагать, имелось в виду венчание со смертью). В тридцатые годы расстрел маскировали как: «убытие по первой категории», «десять лет без права переписки», «спецоперация». Характерно, что эсэсовцы также маскировали слово «убийство», употребляя такие выражения, как «особая акция», «чистка», «приведение в исполнение», «исключение», «переселение».

Идеологами красного, вернее кровавого, террора были революционные вожди: Ленин, Троцкий и Свердлов, а его «рабочим органом» — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем — карательная организация, которая в течение десятилетий под разными названиями была главным орудием борьбы с «врагами народа». ВЧК была образована 20 декабря 1917 г. и располагалась в Петрограде на Гороховой ул., д. 2 (ныне Музей политической полиции России). В марте 1918 г. ее центральный аппарат вместе с советским правительством был переведен в Москву. ВЧК являлась органом «диктатуры пролетариата» по защите государственной безопасности РСФСР, «руководящим органом борьбы с контрреволюцией на территории всей страны». Главный идеолог ее создания — В.И. Ленин — называл Всероссийскую чрезвычайную комиссию, без которой «власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры...», «нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас» (10).

ВЧК возглавляла коллегия, членами которой были: Шкловский, Кнейфис, Кронберг, Цейстин, Хайкина, Карлсон, Шауман, Леонтович, Ривкин, Антонов, Делафарб, Циткин, Е. Розмирович, Г. Свердлов, Бисенский, Блюмкин (убийца посла Мирбаха), Александрович (сообщник Блюмкина), Модель, Ройтенберг, Финес, Гольдин, Гальперштейн, Книгиссен, Закс, Лацис, Дайбол, Сейзан, Депкин, Либерт (начальник

Таганской тюрьмы), Фогель, Закис, Шилленкус, Янсон. Председателем комиссии и практическим организатором «красного террора» был Дзержинский. Несмотря на заслуги перед партией — шесть арестов, три побега из ссылки, 11 лет неволи, фанатизм в работе (спал в кабинете за ширмой), — Ленин не включил Дзержинского в Политбюро, а держал на политических задворках. Он поставил его на пост главного карателя как «пролетарского якобинца». Рассуждения о том, что «чекистом может быть человек с чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем», — ложь. «Сам Дзержинский не был никогда расслабленно-человечен», — заметил его преемник Менжинский (11). Выполняя указания Ленина, Дзержинский отменил всякую законность. Первыми, кого казнили по его приказу без суда и следствия, были заложники из представителей высшего чиновничества бывшей Российской империи. Всего было расстреляно до 80 человек. Среди них — министр внутренних дел Н.А. Маклаков, бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов, последний председатель Государственного совета, протоиерей Иоанн Восторгов, видные деятели А.Н. Хвостов, С.П. Белецкий и другие.

Как вспоминал очевидец расстрела Сергей Кобяков, казнь была совершена публично в Москве, в Петровском парке. Расстреливали китайцы. Чекист выкрикивал имена казнимых. Указывая на Щегловитова, он кричал: «Вот бывший царский министр, который всю жизнь проливал кровь рабочих и крестьян...» После расстрела все казненные были ограблены (12: 84).

Справедливости ради следует отметить, что лично расстреливать людей так, как это делали его подчиненные, Феликс Эдмундович, будучи тонкой и чувствительной натурой, не мог. Это подтверждает рассказ его бывшего помощника, левого эсера Александровича. В 1918 г., когда отряды чекистов, наряду с латышами, китайцами и мадьярами, включали и матросов, один такой матрос вошел в кабинет Дзержинского, как говорят, пьяный «в стельку». Аскет Дзержинский сделал ему замечание, но пьяный внезапно обложил Дзержинского, вспомнив всех его родителей. Дзержинский затрясся от злобы, не помня себя, выхватил револьвер и, выстрелив, уложил матроса на месте. Но тут же с ним случился припадок падучей. То есть для непосредственного убийства Дзержинский был слишком слаб. Для этого и были необходимы те «рукастые» коммунисты, которых требовал найти для защиты своей диктатуры Ленин. Их и возглавил эстет Дзержинский, росчерком пера убивавший десятки тысяч людей. ВЧК имела территориальные подразделения для «борьбы с контрреволюцией на местах».

В 1918 г. насчитывалось 40 губернских (Губчека) и 365 уездных чрезвычайных комиссий. В конце 1918 г. для организации борьбы с контрреволюцией в армии и в прифронтовой полосе, шпионажем и для проведения разведки в тылу неприятеля в Красной Армии созданы фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии, которые 21 февраля 1919 г. были преобразованы в Особые отделы по борьбе со шпионажем и контрреволюцией. С августа 1918 г. действуют железнодорожные ЧК на крупных железнодорожных станциях и узловых пунктах, а также пограничные и водно-транспортные органы ВЧК. В начале июня 1918 г. в ВЧК работало 12 000 сотрудников, к концу 1918 г. их было уже 40 000, а к началу 1921 г. — 280 000. Председателями и уполномоченными ВЧК в крупнейших городах России в 1918—1920 гг. были: Петроград — М.С. Урицкий, Г.И. Бокий (Берг); Москва — С.А. Мессинг, Г.Я. Раппопорт; Нижний Новгород — Я.З. Воробьев (Кац); Киев — М. Блувштейн; Одесса — С.М. Деноткин, М. Вихман, Б. Юзефович; Харьков — И.И. Шварц, Я. Лившиц; Николаев — В.М. Горожанин; Чернигов — Л.И. Рейхман; Херсон — И.Я. Дагин, А.М. Минаев-Цихановский; Закавказское ЧК — С. Могилевский; Крымская ЧК — И.Я. Дагин, И.М. Радзивилловский; Брянск — И. Визнер, Пенза — Е. Бош; Самара — И.М. Леплевский, Я.С. Визель; Ростов — М.А. Дейч; Таганрог — И.М. Островский; Симбирск — Л.М. Бельский (Левин); Курск — Г.М. Каминский; Смоленск — Н.Е. Этингон; Екатеринбург — М.Д. Берман; Воронеж — Я.Д. Раппопорт; Архангельск — З.Б. Кацнельсон; Омск — С.Г. Южный; Томск — С.Г. Чудновский; Ашхабад — М.И. Диментман; Самарканд — К.В. Паукер.

С издания декрета «О красном терроре» началась эпопея террора, которой нет аналогов в истории. Следующие четыре с лишним года Россия буквально захлебывалась собственной кровью. Всероссийская чрезвычайная комиссия получила ничем не ограниченные права — права на самостоятельные обыски, аресты и расстрелы. Был введен институт заложников — один из самых мерзких методов борьбы, когда ни в чем не повинных людей хватали на улицах в облавах, арестовывали на квартирах, на вокзалах, в театрах. Хватали и расстреливали только потому, что кто-то другой где-то совершил убийство или теракт. К террору призывают телеграммы Ленина, разосланные 9 августа 1918 г.: Г. Федорову — в Нижний Новгород. «Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор». Евгении Бош — в Пензу. «Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардей-



цев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь». На другой день в ту же Пензу. «1. Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2. Опубликовать их имена. 3. Отнять у них весь хлеб. 4. Назначить заложников — согласно вчерашней телеграммы. Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал...» Исполкому — Ливны. «Необходимо... конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков...» О борьбе с Юденичем. «...Покончить с Юденичем... Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича».

К террору с пеной у рта призывают и другие вожди. В сентябре 1918 г. Председатель Петроградского Совета Зиновьев (Радомысльский) публично заявил: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить». Судьба или другая какая-то сила, управляющая вселенной, распорядилась так, что Зиновьев «попал» в число тех, кого следует уничтожить. 24 августа 1936 г. он был приговорен к высшей мере наказания по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и после оглашения приговора написал следующее прошение о помиловании. В Президиум ЦИК СССР. Заявление «О совершенных мною преступлениях против Партии и Советской Власти я рассказал до конца пролетарскому суду. Прошу мне верить, что врагом я больше не являюсь и остаток своих сил горячо желаю отдать социалистической родине. Я прошу Президиум ЦИК о помиловании меня. Г. Зиновьев. 26 августа 36 года 4 часа 30 минут». Призывающий к децимации русского народа Зиновьев расстрелян 25 августа в Москве, в здании ВКВС. По воспоминаниям, перед казнью он униженно молил о пощаде, целовал сапоги своим палачам, а затем от страха вообще не смог идти, на что Каменев сказал ему: «Перестаньте, Григорий, умрем достойно!» Бывший сотрудник НКВД А. Орлов писал, что при расстреле присутствовали глава НКВД Г.Г. Ягода, заместители главы НКВД Н.И. Ежов и начальник охраны Сталина К.В. Паукер (13: 82).

Другой видный деятель большевистской партии, Николай Бухарин, сразу же после завоевания власти большевиками заявил: «У нас могут быть только две партии: одна — у власти, другая — в тюрьме». Интересен также предложенный им метод «выработки коммунистического человека»: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека

из человеческого материала капиталистической эпохи». Находясь во внутренней тюрьме НКВД СССР, приговоренный к расстрелу Бухарин, так же как и Зиновьев, 13 марта 1938 г. обратился в Президиум Верховного Совета СССР с прошением о помиловании: «Прошу Президиум Верховного Совета СССР о помиловании. Я считаю приговор суда справедливым возмездием за совершенные мною тягчайшие преступления... У меня в душе нет ни единого слова протеста. За мои преступления меня нужно было расстрелять десять раз. Пролетарский суд вынес решение, которое я заслужил своей преступной деятельностью, и я готов нести заслуженную кару и умереть, окруженный справедливым негодованием, ненавистью и презрением великого героического народа СССР, которому я так подло изменил... Я рад, что власть пролетариата разгромила все то преступное, что видело во мне своего лидера и лидером чего я действительно был... Прошу я Президиум Верховного Совета о милости и пощаде... Я твердо уверен: пройдут годы, будут переилены великие исторические рубежи под водительством Сталина, и вы не будете сетовать на акт милосердия и пощады, о котором я вас прошу. Я постараюсь всеми своими силами доказать вам, что этот жест пролетарского великодушия был оправдан».

3 декабря 1987 г. в «Московских новостях» было напечатано письмо-завещание Бухарина «Будущему поколению советских руководителей». Заканчивается письмо такими словами: «Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови». Этого, по известному выражению Ленина, «любимца партии» характеризует его письмо от 1 сентября 1936 г. Климу Ворошилову: «Каменев — циник-убийца, омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак, страшно рад» (14: Гл. Бухарин).

К массовому террору призывает и революционная пресса. 31 августа 1918 г. газета «Правда» писала: «...настал час, когда мы должны уничтожить буржуазию, если мы не хотим, чтобы буржуазия уничтожила нас. Наши города должны быть беспощадно очищены от буржуазной гнили. Все эти господа будут поставлены на учет и те из них, кто представляет опасность для революционного класса, будут уничтожены. Гимном рабочего класса отныне будет песнь ненависти и мести!» «Мы железной метлой выметим всю нечисть из Советской России, — писал в журнале «Красный террор» от 1 ноября 1918 г. председатель Всеукраинского ЧК М. Лацис. — Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советов оружием или словом, — учил Лацис. — Первым

долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какое у него происхождение, какое образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть красного террора».

Журнал «Еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» ради устрашения начал публиковать списки расстрелянных. «В ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина... Красному террору подвергнуты: Сумской уездной ЧК — трое летчиков; Смоленской областной Комиссией — 38 помещиков Западной области; Новоржевской ЧК — ... Александра, Наталия, Евдокия, Павел и Михаил Росляковы; ... Пошехонской ЧК — 31 человек (5 Шалаевых, 4 Волковых...)» — зафиксировано в «Еженедельнике ВЧК» № 2 за 1918 г. «Взято... в общем количестве 184 виднейших представителей местной и крупной буржуазии и социал-предателей», — рапортовала Комиссия ЧК Иваново-Вознесенска в «Еженедельнике...» № 3. «По постановлению Петроградской Чрезвычайной Комиссии, — докладывает “Еженедельник ВЧК” № 5 от 20 октября 1918 г., — расстреляно 500 человек заложников» (15: 20—38).

«В своей картотеке, относящейся только к 1918 г., я пытался определить социальный состав расстрелянных, — пишет в своей книге “Красный террор в России 1918—1923” С. Мельгунов, живший в то время в Москве. — По тем немногим данным, которые можно было уловить, у меня получились такие основные рубрики, конечно, очень условные. Интеллигентов — 1.286 человек, заложников... — 1.026, крестьян — 962, обывателей — 468, неизвестных — 450, преступных элементов... — 438, преступления по должности — 187, слуг — 118, солдат и матросов — 28, буржуазии — 22, священников — 19» (15: 43). Священник, инженер, фельдшер, купец, заводчик, бывший редактор газеты, лесничий, бывший охранник, отставной артиллерист, лидер местного отделения партии «Народная воля», студент, выдающий себя за матроса, — все это из перечисленных профессий расстрелянных, опубликованных в различных еженедельниках ВЧК. Это была какая-то вакханалия насилия! «Нелепо ввести деятельность ЧК в юридические рамки», — доходчиво объясняет в № 6 «Еженедельника ВЧК» чекист Шкловский. И — не вводили! По всей стране чекисты без суда и следствия пытали, насиловали гимназисток и барышень, убивали родителей на глазах детей, сажали на кол, били железной перчаткой, надевали на головы кожаные «венчики», закапывали живыми, закрывали в камеры, где пол был устлан трупами с разможженными черепами...

Читать «Архив русской революции» И. Гессена или «Красный террор» С. Мельгунова невозможно. Невозможно представить, что живешь в стране, где ради некоего «светлого будущего» земля была превращена в сплошной погост. «Наш террор был вынужденный, — восклицали большевистские лидеры. — Это террор не ЧК, а рабочего класса». То, что это был террор именно ЧК, возражают им очевидцы, историки, наконец, собственные инструкции ЧК. Вот одна из них — весны 1918 г.: «Применение расстрелов: 1. Всех бывших жандармских офицеров по специальному списку, утвержденному ВЧК. 2. Всех подозрительных по деятельности жандармских и полицейских офицеров соответственно результатам обыска. 3. Всех, имеющих оружие без разрешения, если нет на лицо смягчающих обстоятельств (например, членство в революционной Советской партии или рабочей организации). 4. Всех с обнаруженными фальшивыми документами, если они подозреваются в контрреволюционной деятельности. В сомнительных случаях дела должны быть переданы на окончательное рассмотрение ВЧК. 5. Изобличение в сношениях с преступной целью с российскими и иностранными контрреволюционерами и их организациями, как находящимися на территории Советской России, так и вне ее. 6. Всех активных членов партии социалистов-революционеров центра и правых. (Примечание: активными членами считаются члены руководящих организаций — всех комитетов, от центральных вплоть до местных городских и районных; члены боевых дружин и состоящие с ними в сношениях по делам партии; выполняющие какие-либо поручения боевых дружин; несущие службу между отдельными организациями и т. д.). 7. Всех активных деятелей к/революционных партий (кадеты, октябристы и проч.). 8. Дело о расстрелах обсуждается обязательно в присутствии представителя Российской партии коммунистов. 9. Расстрел приводится в исполнение лишь при условии единогласного решения трех членов Комиссии. 10. По требованию представителя Российского комитета коммунистов или в случае разногласия среди членов ЧК дело обязательно передается на решение Всероссийской ЧК. Арест с последующим заключением в концентрационный лагерь. 11. Всех призывающих и организующих политические забастовки и другие активные выступления для свержения Советской власти, если они не подвергнуты расстрелу. 12. Всех подозрительных, согласно данных обысков, и не имеющих определенных занятий бывших офицеров. 13. Всех известных руководителей буржуазной и помещичьей контрреволюции. 14. Всех членов бывших патриотических и черносотенных организаций. 15. Всех без исключения членов партий с.-р. центра

и правых народных социалистов, кадетов и прочих контрреволюционеров. Что касается рядовых членов партии с.-революционеров, центра и правых рабочих, то они могут быть освобождены под расписку, что осуждают террористическую политику своих центральных учреждений и их точку зрения на англо-французский десант и вообще соглашение с англо-французским империализмом. 16. Активных членов партии меньшевиков, согласно признакам, перечисленным в примечании к пункту 6. Должны быть произведены массовые обыски и аресты среди буржуазии, арестованные буржуа должны быть объявлены заложниками и заключены в концлагерь, где для них должны быть организованы принудительные работы. В целях терроризации буржуазии следует также применять выселение буржуазии, давая на выезд самый короткий срок (24—36 часов)» (16).

«Вся Россия покрылась сетью чрезвычайных комиссий... Не было города, не было волости, где не появились бы отделения всесильной Всероссийской Чрезвычайной комиссии, которая отныне становится основным нервом государственного управления и поглощает собой последние остатки права», — пишет Мельгунов. И добавляет: «Это такой открытый апофеоз убийства как орудия власти, до которого не доходила ни одна власть в мире» (15: 6). Крупной акцией «красного террора» был расстрел в Петрограде 512 представителей элиты (бывших сановников, министров, профессоров). Данный факт подтверждает сообщение газеты «Известия» от 3 сентября 1918 г. о расстреле ЧК города Петрограда свыше 500 заложников. По официальным данным ЧК, всего в Петрограде в ходе «красного террора» было расстреляно около 800 человек.

Согласно исследованиям итальянского историка Дж. Боффы, в ответ на ранение В.И. Ленина Ф. Каплан в Петрограде и Кронштадте было расстреляно около 1000 контрреволюционеров (17: 92). Массовые казни в подвалах ЧК происходили по всей России, однако объемы репрессий не всегда можно было установить. О казнях на Украине и в Южной России известно гораздо больше, чем о том, что творилось на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири или на Урале, благодаря работе Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Последний этап «ликвидации буржуазии как класса» — казни заключенных в тюрьмах, «подозреваемых» и заложников — разворачивался во многих украинских городах после взятия их большевиками. В Харькове от 2000 до 3000 казненных в феврале—июне 1919 г.; от 1000 до 2000 во время второго прихода большевиков в декабре 1919 г. В Ростове-на-Дону — около 1000 в январе 1920 г.; в Одессе — 2200 в мае—августе 1919 г.,

а затем от 1500 до 3000 в период между февралем 1920 и февралем 1921 г.; в Киеве — не менее 3000 в феврале—августе 1919 г.; в Екатеринодаре — не меньше 3000 между августом 1920 и февралем 1921 г.; в Армавире, маленьком городе на Кубани, — от 2000 до 3000 в августе—октябре 1920 г. При этом все население города составляло до войны менее 30 000 человек. В Екатеринодаре перепутавшийся приближения казачьего десанта врангелевского генерала Улагая глава местной ЧК Атарбеков приказал расстрелять 1600 «буржуев» за три дня — 17, 18 и 19 августа 1920 г. Этот список можно продолжить (15: 62).

В России до революции 1917 г. публично извещали об исполнении каждого смертного приговора. В первые годы советской власти расстрел по приговору суда исполнялся органами наркомата юстиции, ВЧК (ГПУ, ОГПУ) зачастую прямо во дворе этих учреждений. Расстреливаемых выводили из подвала ночью, ослепляли фарами грузовиков и открывали по ним огонь. Шум заведенных моторов заглушал выстрелы. С конца 1920 г. монополия расстрелов принадлежала только ОГПУ, а с 1934 г. перешла в ведение НКВД (НКГБ, МГБ, МВД, КГБ) СССР. Казни совершались не публично, в подвалах специальных расстрельных тюрем.

В первые годы советской власти, как правило, применялись «упрощенные» технологии казней. «Для расстрела был оборудован специальный сарайчик... — при доме на Институтской, № 40, уг. Левашевской, куда перешла с Екатерининской “губчека”. В этот сарайчик палач (...а иногда “любители” из чекистов) заводил совершенно нагою свою жертву и приказывал ей лечь ничком. Затем выстрелом в затылок кончал со своею жертвой. Расстрелы производились из револьверов (чаще всего кольты). Но ввиду стрельбы на близком расстоянии обыкновенно от выстрела черепная коробка казенного разлеталась в куски... Следующая жертва приводилась тем же порядком и укладывалась рядом... Когда число жертв превышало... вмещаемое сарайчиком, то новые жертвы укладывались на прежде казенных или расстреливались при входе в сарайчик... Все жертвы шли на казнь, обыкновенно не сопротивляясь» (18: 111—141).

А вот свидетельство о расстрелах в Московской ЧК в 1918—1920 гг.: «Иногда стрельба неудачна. С одного выстрела человек падает, но не умирает. Тогда в него выпускают ряд пуль: наступая на лежащего, бьют в упор в голову или грудь. 10—11 марта Р. Олеховскую, приговоренную к смерти за пустяковый поступок, который смешно карать даже тюрьмой, никак не могли убить. 7 пуль попало в нее — в голову и грудь. Тело трепетало. Тогда Кудрявцев (чрезвычайник из прапорщиков, очень

усердствовавший, недавно ставший “коммунистом”) взял ее за горло, разорвал кофточку и стал крутить и мять шейные хрящи» (15: 146).

Большевики во время Гражданской войны для казней применяли и шашки. Так, в Пятигорске в 1918 г. казнили генералов Рузского, Радко-Дмитриева и других заложников. Эта казнь описана Антоном Ивановичем Деникиным в его работе «Очерки русской смуты» (19: Гл. 9). «Когда умер командовавший Северо-Западным фронтом “товарищ” Ильин от ран, полученных в бою с добровольцами, Чрезвычайная комиссия казнила в его память 6 заложников. После расстрела Сорокиным членов ЦИК обещание было исполнено в более широком масштабе: “чрезвычайка” постановила “в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей” расстрелять заложников — по двум спискам 106 человек. В их числе были генералы Рузский и Радко-Дмитриев, зверски зарубленные 18 октября. Обоим им большевистские главари неоднократно предлагали стать во главе Кавказской Красной Армии, и оба они отказались от предложения, заплатив за это жизнью». «В одном белье, — говорится в описании “Особой комиссии”, — со связанными руками повели заложников на городское кладбище, где была приготовлена большая яма... Палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шеи. Вслед за этим наносили удары шашками... Каждого заложника ударяли раз по пять, а то и больше... Некоторые стонали, но большинство умирало молча... Всю эту партию красноармейцы свалили в яму... Наутро могильщики засыпали могилы... Вокруг стояли лужи крови... Из свежей, едва присыпанной могилы, слышались тихие стоны заживо погребенных людей. Эти стоны донеслись до слуха Обрезова (смотрителя кладбища) и могильщиков. Они подошли и увидели, как “из могильной ямы выглядывал, облокотившись на руки, один недобитый заложник (священник И. Рябухин) и умолял вытащить его из-под груды наваленных на него мертвых тел... По-видимому, у Обрезова и могильщиков страх перед красноармейцами был настолько велик, что в душах их не осталось более места для других чувств, — и они просто забросали могилу землей... Стоны затихли»». Сохранился рассказ о последнем разговоре генерала Рузского со своим палачом: «Признаете ли вы теперь великую российскую революцию? — Я вижу лишь один великий разбой» (20, 21).

Во время Гражданской войны в России политических противников казнили также путем сожжения и утопления. А.И. Деникин в упомянутой выше работе, говоря о расправах большевиков в Крыму в январе 1918 г., пишет: «Ужаснее всех погиб шт. ротм[истр] Новацкий, которого матросы считали душой восстания в Евпатории. Его, уже

сильно раненного, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта». «Людей, приговоренных к смерти, топили, бросали массажи и живых, но в этом случае жертве отводили назад руки и связывали их веревками у локтей и у кистей; помимо этого связывали и ноги в нескольких местах, а иногда оттягивали и голову за шею веревками назад и привязывали к уже перевязанным рукам и ногам. К ногам привязывались колосники» (19: Гл. 9). В эти годы многие видные палачи-чекисты буквально залили кровью отданные под их неограниченную власть области. Так, латыш Петерс залил кровью Дон, Петербург, Кронштадт, Тамбов. Его земляк Лацис (Судрабс) залил кровью Украину, Кедров (Цедербаум) — Архангельск и Вологду, Артабеков — Кавказ и Астрахань, грузин Саджая — Одессу.

Осенью 1921 г. начальник секретного отдела Новониколаевской губчека Карл Крумин так характеризовал работу начальника секретно-оперативного отдела и зампреда губчека Сергея Евреинова: «Тов. Евреинов лично принимал участие и проявлял максимум энергии в раскрытии нескольких белогвардейских организаций. Сам лично расстреливал участников в количестве нескольких сотен человек. Кто думает бросить тень сомнения на таких революционеров, тот враг Революции». О том, как выглядели «рабочие места» чекистов в эти годы, видно из сообщения, которое оставил член Сибревкома В.Н. Соколов, в июне 1920 г. обследовавший работу Енисейской губчека, чье руководство во главе с В.И. Вильдгрубе за несколько недель (с марта) расстреляло более 300 человек. В телеграмме, адресованной в Сиббюро ЦК РКП(б), он сообщал: «Расстреливали в подвалах на дворе. Говорят о пытках в этом подвале, но когда я его осматривал, (он) оказался закрытым, и я подозреваю, что его подчистили. Кровь так и стоит огромными черными лужами, в землю не впитывается, только стены брызгают известью. Подлый запах... гора грязи и слизи, внизу какие-то испражнения. Трупы вывозят ночью пьяные мадьяры. Были случаи избиения перед смертью в подвале, наблюдаемые из окон сотрудниками чека» (22). Справедливости ради отметим, что среди чекистов, правда нечасто, встречались эстеты и поэты. Так, ближайший подручный Дзержинского, член Коллегии ВЧК в 1919—1921 гг. латыш А. Эйдук, опубликовал в 1921 г. в Тифлисе в сборнике с символическим названием «Улыбка ЧеКа» лирическое стихотворение, в полной мере отражающее сущность палаческой профессии:

На вашем столике бутоны полевые  
Ласкают нежным запахом издалика,  
Но я люблю совсем иные,  
Пунцовые цветы ЧеКа.



Когда влюбленные сердца стучатся в блузы,  
И страстно хочется распять их на кресте,  
Нет большей радости, нет лучших музык,  
Как хруст ломаемых и жижней и костей.  
Вот отчего, когда томятся Ваши взоры,  
И начинает страсть в груди вскипать,  
Черкнуть мне хочется на Вашем приговоре  
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

Чекистские методы уничтожения и пыток были столь ужасными, что следственные комиссии белых армий, отвоевывавшие у красных города, поражались изуродованным трупам: у них часто были выколоты глаза, отрезаны носы, уши и конечности, раздавлены половые органы и вырваны кишки; тела не хоронили и не выдавали родственникам, а выбрасывали на свалки, в море, в реки и карьеры. Помещения для расстрелов были покрыты коркой от запекшейся крови и разлетевшихся мозгов — и их не убирали не только по нечистоплотности, но, возможно, и из садистского желания унижить жертву в последние моменты ее жизни: человек должен был с ужасом сознавать, что сейчас и его мозги добавятся в эту зловонную кашу. Судя по этим картинам, для работы в ВЧК нормальный человек был непригоден. Карательная машина Дзержинского производила некий естественный отбор сотрудников, принимая патологически кровожадных и даже психически ненормальных изуверов, находивших удовольствие в работе палача. «Волею революционной власти, — писал первый народный комиссар юстиции, левый эсер Штейнберг, — создавался слой революционных убийц, которым суждено было вскоре стать убийцами революции» (15: 55).

ЧК изначально была не только карательной, но и мародерской организацией. В августе 1919 г. ВЧК издала приказ о том, что вещи расстрелянных концентрируются у видного чекиста А.Я. Беленького — начальника охраны Ленина — и распределяются по указанию Президиума ВЧК. Награбленное шло в первую очередь начальству. Сам Ленин получил от хозотдела Московской ЧК счет за полученные костюм, сапоги, подтяжки, пояс — всего на 1.417 руб. 75 коп. У Петрочека «был свой счет в Нарбанке, на который поступали конфискованные у осужденных деньги и выручка за продажу их имущества; рядовые чекисты не брезговали торговать одеждой и обувью казенных и, случалось, предлагали выкупить все это их родственникам» (22).

В архивах ЦК партии и в архиве Дзержинского сохранились многочисленные рапорты ответственных партийцев, ревизоров ВЧК, рисующие «разложение» местных органов политической полиции, «опьянен-

ных кровью и властью». Упразднение всех юридических и моральных норм способствовало полной самостоятельности местных ЧК, их превращению в кровавые, никем и ни в чем не контролируемые застенки. Приведем выдержки из подобных рапортов. Инструктор ВЧК Смирнов сообщает Дзержинскому 22 марта 1919 г. из Сызрани: «Я просмотрел дело о кулацком восстании в Ново-Патренской волости. Пришел в ужас от хаотического ведения дел. Допрошено 75 лиц. Из всех показаний невозможно уловить, что произошло <...>. Расстрелы производились так: 16. II — 5; 17. II — 13. Постановления вынесены 28. II, через двенадцать дней позже произведения в исполнение. Когда я спросил местного начальника ЧК, он мне ответил: “Некогда разбираться и писать постановления. И к чему же, раз ликвидируем кулачество и буржуазию?”» Ярославль, 26 сентября 1919 г., донесение секретаря губкома РКП(б): «Чекисты грабят и задерживают кого угодно. Зная, что они будут безнаказанными, они превратили местную ЧК в сплошной притон, куда приводят “буржук”. Пьянствуют вовсю. Кокаин употребляется местным начальством». Астрахань, 16 октября 1919 г., донесение Н. Розенталя, инспектора Управления особыми отделами: «Начальник Особых Отделов XI армии Атарбеков не признает даже и центральной власти. 30 июля, когда тов. Ваковский, сотрудник ВЧК, откомандированный из Москвы для ревизии и налаживания работы, зашел к Атарбекову, тот ему заявил: “Скажите Дзержинскому, что я проверять себя не дам”. <...>. Штат состоит из подозрительных, а иногда и уголовных элементов, не соблюдающих никаких норм <...>. Дела опера[ионного] отдела в полном беспорядке. О расстрелах даже нет личных постановлений, лишь списки, часто неполные, с краткой заметкой, что “расстрелян по распоряжению тов. Атарбекова”. В деле мартовских восстаний даже не разберешь, кого, за что и почему расстреляли <...>».

В письме, адресованном Ленину, большевик Гопнер описал деятельность чекистов в Екатеринославе (письмо датировано 22 марта 1919 г.): «В этой организации, пораженной преступностью, насилием и произволом, управляемой уголовным сбродом, вооруженные до зубов субъекты расправляются с каждым, кто придется им не по нраву, производят обыски, грабят, насилуют, сажают в тюрьму, сбывают фальшивые деньги, вымогают взятки, а потом шантажируют тех, кто им эти взятки дал, и освобождают за суммы в десять, а то и в двадцать раз крупнее».

25 декабря 1918 г. ЦК РКП(б) обсудил новое положение о ВЧК. Инициаторами были Бухарин и ветераны партии Ольминский и Петровский. Они критиковали «полновластие организации, ставящей себя не только выше Советов, но и выше самой партии». Требовали принять

меры, чтобы «ограничить произвол организации, напичканной преступниками, садистами и разложившимися элементами люмпен-пролетариата». Л.Б. Каменев, назначенный председателем комиссии политического контроля, предложил упразднить ВЧК. В.И. Ленин заявил о решительной защите ЧК, «подвергшейся за некоторые свои действия несправедливым обвинениям со стороны ограниченной интеллигенции, ...неспособной взглянуть на вопрос террора в более широкой перспективе». По предложению В.И. Ленина и без того нерешительная критика действий ЧК была окончательно прекращена и законодательно запрещена Постановлением ЦК партии от 19 декабря 1918 г.: «На страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях» (23: 122).

Ученые-историки Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский в работе «Красный террор» утверждают, что «в отличие от белых, которые не находили в массовом терроре идеологической и практической необходимости, так как воевали не против народа, террористическая политика большевиков носила принципиально иной характер, так как несмотря на все демагогические заявления и заверения большевистских лидеров, советская власть воевала не за интересы народа, а против народа. Поэтому курс насилия лидерами большевиков проводился в отношении почти всего крестьянства. Опиралась в этих своих действиях советская власть на сельских маргиналов — пьяниц, лентяев и проходимцев, которых украсила при этом регалиями “сельского пролетариата”». «Советской властью смертельным врагом был объявлен почти весь слой образованных и хозяйственно активных людей, которые несли на себе бремя экономического прогресса страны и являлись носителями ее культуры». Авторы приходят к выводу, что основная причина «красного террора» заключалась в отчуждении советской власти от основных социальных структур общества, в ее враждебности простым трудовым людям, людям знаний и общественной инициативы. «Красный террор», проводившийся с «высочайшего благословения» лидера партии большевиков и главы правительства В.И. Ленина, по своим масштабам, глубине, бесчеловечности ни в коем случае не может быть уподоблен «белому террору», который являлся вторичным, ответным и обусловленным обстоятельствами и конъюнктурой Гражданской войны (24: 508).

В октябре 1919 г. ВЧК потребовал от местных органов «создать гибкий и прочный информационный аппарат, добываясь того, чтобы каждый коммунист был вашим осведомителем». Дзержинский предпочитал действовать методами внесудебных расправ. В январе 1922 г. он пишет

Ленину: «Есть целый ряд дел, по которым в трибуналах из-за отсутствия фактического материала будут вынесены оправдательные приговоры, в то время как у нас имеется агентурный материал, вполне достаточный для строгого приговора вплоть до высшей меры наказания. По отношению к деятелям антисоветских партий при известной обстановке на территории всей республики или в отдельных частях необходимо применять те или другие репрессии, не имея против них конкретных материалов».

Для борьбы с интеллигенцией большевики создали цензурно-контрольные органы: первоначально политотдел Госиздата РСФСР (20 мая 1919 г.), позднее — Главлит (6 июня 1922 г.), комитет по контролю за репертуаром — Главрепертком (9 февраля 1923 г.). В структуре центрального аппарата ВЧК-ОГПУ были созданы отдел политконтроля (исполнение режима цензуры Главлитом и Главреперткомом, перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции), 4-е и 5-е отделения секретно-политического отдела (агентурные данные и организация сети осведомителей в художественной и научной среде, сбор агентурных данных). Деятельность этих подразделений поражает своим охватом. Как свидетельствует докладная начальника отдела политконтроля от 4 сентября 1922 г., в течение августа сотрудники отдела вскрыли и подвергли проверке 135 000 из 300 000 поступивших в РСФСР почтовых отправок. Все 285 000 писем, отправленных за границу, также подверглись перлюстрации. Работники этого отдела готовили рецензии на литературные произведения, имели право вносить предложения об отмене решений Главлита и Главреперткома, если они оказывались положительными. Запретительная практика шла рука об руку с репрессивной.

Уже летом 1918 г. по подозрению в причастности к заговору левых эсеров арестовали Александра Блока. По надуманному делу «ЦК партии кадетов» в августе 1919 г. взяли под стражу Владимира Немировича-Данченко и Ивана Москвина, а 19 октября 1920 г. арестовали Сергея Есенина. Сохранились арестантская карточка (№ 13699) и протокол допроса поэта в качестве обвиняемого. В архиве КГБ имеется также записка в Президиум ВЧК об освобождении Есенина. «По делу Есенина Сергея Александровича, обвиняемого в контрреволюции. Произведенным допросом выяснено, что гр. Есенин в последние три месяца в Москве не находился, а был командирован НКПС в Кавказ и Тифлис, прибыл в Москву с докладом и был арестован на квартире у гр. Куסיковых. Допросом причастность Есенина к делу Куסיковых недостаточно установлена, и посему полагаю гр. Есенина Сергея Александровича из-под ареста освободить под поручительство тов. Блюмкина».

От начала и до конца было сфальсифицировано чекистами «дело Таганцева», по которому расстреляно 97 человек, в том числе и Николай Гумилев. По делу проходили также основоположник отечественной урологии Федоров, бывший министр юстиции Манухин, известный агроном Вырво, архитектор Леонтий Бенуа — брат Александра Бенуа, крупнейшего русского художника, сестра милосердия Голенищева-Кутузова и другие (25). В 20-е гг. Россия понесла самые большие интеллектуальные утраты. Ее покинули тысячи виднейших представителей отечественной интеллигенции. Уезжали за рубеж философы, писатели, юристы, художники. Покинули Россию выдающиеся представители русской культуры — Шаляпин, Бунин, Репин, Андреев, Бальмонт, Мережковский, Коровин, Шагал. Ленин предложил и через ОГПУ реализовал и такую форму репрессий, как насильственные высылки виднейших ученых за границу. В письме Сталину он пишет: «Решено ли “искоренить” всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др. По-моему, всех выслать. Тоже А.Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники “Экономиста” (Озеров и мн. мн. другие). Розанов (враг хитрый)... Н.А. Рожков (надо его выслать, неисправим); С.А. Франк (автор “Методологии”). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их — вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!» (26: 43).

18 августа 1922 г. руководство ОГПУ направило Ленину списки интеллигенции, высылаемой из Москвы, Петербурга и Украины — Николай Бердяев, Семен Франк, Федор Степун, Николай Лосский, Иван Ильин. За пределами России оказался ректор Московского университета биолог Новиков. Тяжелый урон понесла историческая наука: выслали Кизеветтера, Флоровского, Мельгунова и других. На одном из пароходов уехал Питирим Сорокин. От высылаемых требовали гарантий, что они никогда не возвратятся на Родину, и объявляли, что самовольный приезд обратно будет караться расстрелом. Академик Александр Яковлев опубликовал текст расписки известного русского писателя, философа и публициста Ильина: «...Дана сия мною, гражданином Иваном Александровичем Ильиным, Государственному Политическому управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской власти (статья 71 Уголовного кодекса РСФСР, карающего за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, мне объявлена)» (25).

В борьбе с инакомыслием и контрреволюцией большевикам представлялась важной ликвидация влияния церкви на политическую и социально-культурную ситуацию в стране и избавление от так называемого реакционного духовенства. Репрессии против священников Русской православной церкви начались еще до опубликования Декрета об отделении Церкви от государства (20.01.1918 г.) и изъятия у Церкви капиталов, земли и зданий, и постановления наркомата юстиции (14.02.1919 г.) о вскрытии мошей, которые вызвали массовые протесты верующих. Волна репрессий против духовенства в 1917—1918 гг. унесла около 20 000 жизней (27). Многие убийства священнослужителей проходили с особой жестокостью или осуществлялись публично с различными унижениями казнимых лиц. Так, священнослужитель старец Золотовский был предварительно переодет в женское платье и затем повешен. 8 ноября 1917 г. Царскосельский протоиерей Иоанн Кочуров был подвергнут продолжительным избиениям, затем был убит путем волочения по шпалам железнодорожных путей. В 1918 г. три православных иерея в г. Херсоне были распяты на кресте. В декабре 1918 г. епископ Соликамский Феофан (Ильменский) был публично убит «путем периодического окунания в прорубь и замораживания, будучи подвешенным за волосы». В Самаре бывший Михайловский епископ Исидор (Кололов) был посажен на кол. Епископ Пермский Андроник (Никольский) был убит «путем захоронения в землю заживо». Архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий) был убит, согласно документально не подтвержденным данным, «путем публичного повешения вниз головой в севастопольском соборе». Епископ Серапульский Амвросий (Гудко) был убит «путем привязывания к хвосту лошади». В Воронеже в 1919 г. было одновременно убито 160 священников во главе с архиепископом Тихоном (Никаноровым), которого повесили на Царских вратах в церкви Митрофановского монастыря.

В начале января 1919 г. в числе других был зверски умерщвлен епископ Ревельский Платон (Кульбуш) (28: Кн. 9). Избранный в ноябре 1917 г. патриархом Московским и всея Руси митрополит Тихон в январе 1918 г. обратился к народу с воззванием и предал анафеме «всех, проливающих невинную кровь». «Явные и тайные враги стремятся к тому, чтобы... всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани... Ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному, все это совершается не только под покровом ночной темноты,

но и въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и с беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны... Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенны в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной... Заклинаем и всех вас, верных чад Православной церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение» (27).

13 октября 1918 г. в послании Совету Народных Комиссаров патриарх Тихон писал: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... Вы обещали свободу... Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали; во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода... Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко-большевистской, задушена совершенно... Дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая, и от меча погибнете сами вы, взявшие меч» (29).

В 1921 г. Россию охватил голод. Церковь не могла остаться равнодушной к смерти миллионов людей, и 21.08.1921 г. патриарх Тихон образовал Всероссийский Комитет помощи голодающим, который был закрыт по распоряжению властей ровно через неделю. Патриарх пишет письмо Ленину и предлагает передать часть церковных ценностей для закупки хлеба. Ленин зачитал послание патриарха на Политбюро и заявил, что, воспользовавшись случаем, надо обвинить церковь в нежелании помочь голодающим. 23 февраля 1922 г. был опубликован «Декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей», а 19 марта Ленин направил секретное письмо членам Политбюро, руководству ОГПУ, Наркомата юстиции и ревтрибунала: «Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны!) провести изъ-

ятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимо... Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом: официально выступить с каким-то ни было мероприятием должен только тов. Калинин — никогда и ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий. Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменена. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретная, противник, конечно, скоро узнает)... Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были, как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно. На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, Народног[о] к[омиссара] ю[стиции] и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной реши-



тельностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет, ни о каком сопротивлении они не смели и думать. Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии тов. Троцкого и тов. Калинина без всякой публикации об этой комиссии и с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях...» (30).

Отряды ОГПУ — преемника ВЧК ринулись в храмы и монастыри. Вся кампания по изъятию ценностей вылилась в чистейшее мародерство, которое нанесло огромный моральный и материальный ущерб России. Потрясенный происходящим 28 февраля Тихон обратился с воззванием ко всем «верующим чадам Российской Православной Церкви», объявив действия властей «святотатством». С протестующими не церемонились. Документы сообщают о случаях, когда толпы верующих рассеивались пулеметным огнем, а арестованных в тот же день расстреливали.

В ходатайстве на имя Ленина 16 июня приходская община села Барант Красноярского уезда Енисейской губернии в количестве 6 тыс. прихожан просила заменить изъятие немногочисленных ценностей из местного сельского храма продуктами в количестве 150 пудов хлеба, 75 пудов мяса, 15 пудов масла. ЦК Помгмола (Комитета помощи голодающим) отказал в ходатайстве. Большевикам нужно было золото, а не хлеб для голодающих. По данным Помгмола по состоянию на 1 ноября 1922 г., было изъято следующее количество церковных ценностей: золота — 33 пуда 32 фунта, серебра — 23 997 пудов 23 фунта, бриллиантов — 35 670 штук, других драгметаллов — 71 762 штуки, жемчуга — 14 пудов 32 фунта, золотой монеты — 3115 рублей, серебряной монеты — 19 155 рублей, различных драгоценных камней — 52 пуда 30 фунтов. Стоимось изъятых оценивалась на сумму 4 650 810 рублей 67 копеек. Кроме того, было изъято 964 единицы антикварных изделий (31: 59—60).

По самой скромной оценке специалистов, чистая прибыль мародеров составила два с половиной миллиарда золотых рублей. Некоторые исследователи утверждают, что эту цифру можно, не греша против истины, увеличить раза в три.

А как же обстояло дело с закупками хлеба? Официальная советская статистика указывает, что в 1922—1923 гг. хлеба за границей было заку-

плено всего на один миллион рублей — и то на семена. Что же касается закупок скота и сельскохозяйственных орудий, то их не было вообще. Церкви и монастыри были разграблены, как и приказал Ленин, «с беспощадной решительностью» и «в кратчайший срок». Чекисты расстреляли 32 митрополита и архиепископа, тысячи священников, дьяконов, монахов и простых верующих. В их числе был и митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, расстрелянный 13.08.1922 г. вместе с архимандритом Сергием (Шеиным), адвокатом И.М. Ковшаровым и профессором Ю.П. Новицким. Причислен к лику святых в 1992 г.

По неполным данным, в течение 1922 г. было уничтожено 8100 духовных лиц; кроме того, тысячи людей погибли, защищая святые иконы и священные сосуды от комиссий по изъятию церковных ценностей (32: 143). Патриарх Тихон был арестован вместе с членами Священного Синода в мае 1922 г. Скончался 25 марта 1925 г. в возрасте 60 лет — по официальным данным, от сердечной недостаточности, хотя существует версия о его отравлении. По оценкам некоторых историков, с 1918 г. до конца 1930 г. в ходе репрессий в отношении духовенства было расстреляно либо умерло в местах лишения свободы около 42 000 священнослужителей.

Подобные данные по статистике расстрелов приводит Свято-Тихоновский Богословский институт, проводящий анализ репрессий в отношении священнослужителей на основе архивных материалов, сообщая о 3000 расстрелов в 1918 г. По данным этого института, более чем 400 архиереев подверглись репрессиям, из них свыше 300 были казнены или скончались в заключении, «но даже и эти огромные цифры потерь среди православного епископата далеко не являются исчерпывающими, и можно ожидать заметного увеличения этого списка».

В числе жертв «красного террора» Николай II, его семья, доктор Боткин и прислуга, великие князья: Михаил Александрович (убит и его секретарь англичанин Брайан Джонсон), Николай Михайлович, Павел Александрович, Николай Константинович, Дмитрий Константинович, Георгий Михайлович. Были убиты также великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович; князья императорской крови Иоанн Константинович, Константин Константинович (младший), Игорь Константинович (дети великого князя Константина Константиновича), князь Владимир Павлович Палей (сын великого князя Павла Александровича от его морганатического брака с Ольгой Пистолькорс). Казнены были также царские министры А.Н. Хвостов, Н.А. Маклаков, А.А. Макаров, А.Г. Булыгин, А.Д. Протопопов, И.Г. Щегловитов, генералы Н.Н. Духонин, Я.Г. Жи-

линский, Н.В. Рузский, Радко-Дмитриев, П.К. Ренненкампф, адмиралы А.В. Колчак, Н.А. Непенин, Р.Н. Вирен, А.М. Щастный, В.К. Гирси и многие, многие другие.

Точные данные о числе жертв большевистского террора отсутствуют. Согласно сведениям, опубликованным лично Лацисом, в 1918 г. и за 7 месяцев 1919 г. были расстреляны 8389 человек, заключено в концлагеря 9496 человек, в тюрьмы — 34 334; взяты в заложники 13 111 человек и арестованы 86 893 человека. Согласно Роберту Конквесту, всего по приговорам ревтрибуналов и внесудебных заседаний ЧК в 1917—1922 гг. было расстреляно 140 тыс. человек. Особой следственной комиссией по расследованию злодеяний большевиков в начале 1920-х гг. была обнародована цифра в 1 млн 700 тыс. человек жертв «красного террора». Современный исследователь истории ВЧК Олег Борисович Мозохин на основании архивных данных утверждает, что «со всеми оговорками и натяжками число жертв органов ВЧК можно оценивать в цифру никак не более 50 тыс. человек» (33). Общий итог «победы» революции был трагичным. В стране умерло от голода 5—6 млн человек, погибло в Гражданской войне, по разным данным, от 2 до 7 млн человек. Примерно 2 млн человек оказались в эмиграции. «Красный террор» открыл дорогу и послужил фундаментом для всех последующих репрессивных кампаний советского режима, включая искусственный голод и большой сталинский террор. «Идеи диктатуры пролетариата, красного террора, насильственного устранения эксплуататорских классов, так называемых врагов народа и Советской власти привели к массовому геноциду населения страны 20—50-х гг., разрушению социальной структуры гражданского общества, чудовищному разжиганию социальной розни, гибели десятков миллионов безвинных людей» (34).

## ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ АРМИЕЙ

Гражданскую войну в России обычно рассматривают как войну красных и белых. Однако за подвижными фронтами между Красной Армией и разнородными формированиями, входящими в белую армию, на так называемом «внутреннем фронте» полыхали крестьянские восстания. Они начались летом 1918 г. и достигли кульминации зимой 1920/21 г. Две причины толкали крестьян к выступлениям: реквизиции и насильственная мобилизация в Красную Армию. Солдаты, вернувшиеся домой после трехлетнего пребывания в окопах, отказывались вступать в ряды Красной Армии. Крестьяне, уклоняющиеся от мобилизации, уходили

в леса, составляя основной контингент отрядов зеленых. Число дезертиров в 1919—1920 гг. оценивается в три с лишним миллиона. В 1919 г. было задержано и арестовано различными подразделениями ЧК и специальных комиссий по борьбе с дезертирством около 500 000 человек; в 1920 г. — от 700 до 800 тыс. От полутора до двух миллионов дезертиров, в основном крестьян, отлично знавших местность, смогли избежать поимки. В мае 1918 г. Ленин подписал декрет «О продовольственной диктатуре», согласно которому все продовольствие в стране изымалось у хозяев и распределялось исключительно советской властью. Свободный рынок запрещался. Большевики хорошо понимали: у кого в руках хлеб, у того и власть. Вскоре был подписан Декрет о принудительной «продразверстке». Для изъятия хлеба у крестьян была создана продармия, главным комиссаром и военным руководителем которой был Г.М. Зусманович. Примерно половину бойцов продармии составляли рабочие охваченного безработицей Петрограда и других городов, привлеченные регулярным содержанием и получением части конфискованного зерна. В деятельности продотрядов принимали участие будущие генералы С.Г. Поплавский, С.А. Калинин и другие впоследствии видные деятели советской эпохи. Бойцами продотрядов и сотрудниками ЧК были и писатели М.А. Шолохов и И.Э. Бабель. В состав продотрядов, а также в части особого назначения (ЧОН) и ЧК, изымающие хлеб наряду с продотрядами, кроме рабочих, включались латыши, венгры, китайцы и прочих интернациональный сброд, попавший в Россию во время военно-революционной смуты и безжалостный к чуждому ему населению (35). Презирующие русский народ, почти не знающие языка, они были идеальными исполнителями воли революционных вождей. По данным историка М. Бернштама, в 1918 г. «интернационалисты» составляли 19 % от общей численности Рабоче-крестьянской Красной Армии, а в 1920 г., после всеобщей мобилизации, — 7,6 %. Эти карательные войска общей численностью до 300 тыс. бойцов и сыграли решающую роль в подавлении всех восстаний. Бернштам утверждает, что интернационалисты «сыграли ключевую роль в победе режима над населением», «спасли мировую революцию от русского народа», контролировали и «террористически прочищали» ненадежную армию, «стали главной, решающей силой социализма в 1917—1920 гг.» (36). Активная роль инородцев в российских делах подтверждается и тем, что на памятниках погибшим при подавлении «кулацких» восстаний в основном нанесены фамилии воинов-интернационалистов.

Декретом от 11 июня 1918 г. были созданы комитеты деревенской бедноты (комбеды), призванные тесно сотрудничать с продовольственными

отрядами, а также участвовать в реквизициях в обмен на передаваемую им часть изъятого у зажиточных крестьян зерна. Однако реквизиции коснулись большинства крестьян. Это вызвало всеобщее недовольство. В то время как горы зерна гнили на элеваторах и в вагонах, эшелонами отправлялись в Германию по позорному Брестскому миру, в стране начался голод. Не признавая большевиков, видя в них грабителей, крестьяне как могли противились изъятию хлеба. Продовольственные отряды входили в села, сгоняли жителей на сход и, угрожая оружием, требовали выдать зерно. Для устрашения продотрядовцы расстреливали упорствующих. Крестьяне не верили в «светлое будущее», которое не просматривалось за штыками китайцев, латышей и люмпен-пролетариев. Им были более понятны мысли, изложенные, например, в одной из листовок восставших: «Повстанческая армия считает своим святым долгом стать на защиту интересов трудового крестьянства против попытки господ коммунистов впрячь в свой хомут трудовое крестьянство. Повстанческая армия — меч в руках трудового народа призывает Вас, товарищи крестьяне и рабочие, самим взять в свои руки и дальнейшее строительство своего счастья, и свои народные трудовые богатства без помощи партийных лиц, пророков и большевистских шарлатанов, которые достойны смерти как гнусные воры, трусы и разбойники перед трудовым народом, в котором они находят только “человеческий материал” и пушечное мясо» (37: 337).

Действия продотрядов и реакцию на них крестьян можно проследить по событиям, происходящим в то время в российской деревне. В Тамбовском селе Козловка, куда прибыл «летучий отряд» из китайцев для установления советской власти и изъятия хлеба, продотрядовцы согнали крестьян на сход к церкви. Комиссар отряда, в пенсне, с черной бородкой, на вид добрый дядюшка, влез на тачанку с пулеметом и обратился к крестьянам с речью. Он сказал, что отныне в селе будет советская власть, от которой им ничего плохого не будет, а поэтому нужно будет создать совет из уважаемых людей. Крестьяне, переговорив между собой, начали называть имена уважаемых в селе людей. Когда они были названы, комиссар ласковым голосом предложил всем рекомендованным в совет выйти к тачанке. Вышедших сразу же взяли в кольцо китайцы и, шелкая затворами винтовок, стали оттеснять к церковной стене. Раздалась команда, и прозвучал винтовочный залп. Среди народа раздался истошный женский вопль, а затем заголосили и остальные женщины. Мужики, шокированные произошедшим, не сразу смогли прийти в себя от такой подлости. Первыми на китайцев кинулись бабы,

а потом опомнились и мужики, похватав оглобли и колья. Раздались беспорядочные выстрелы, но народ уже смял пришельцев. Комиссар кинулся к пулемету, но у того перекосило ленту. Озверевший народ, отбирая у китайцев винтовки, забивал их оглоблями и колами, топча ногами под вой и крики. Помимо расстрелянных в селе было убито несколько женщин и ребенок четырех лет. Отряд был уничтожен озверевшей толпой, а комиссара чуть живого с выбитыми глазами мужики подтащили к козлам для распиловки дров и кинули на них. Держа за голову и ноги, вопящего от боли, его распилили пилой пополам.

Такой же «летучий отряд» из матросов, анархистов и мадьяр возглавляла комиссар Гельберг С.Н., получившая в тамбовских селах клички Красная Соня и Кровавая Соня. Эта садистка в присутствии сельян лично расстреливала «богатеев», священников, офицеров и гимназистов, издеваясь при этом над своими жертвами. Отряд Кровавой Сони крестьянами также был уничтожен, а она, захваченная живой, по решению схода нескольких сел была посажена на кол, где умирала в течение трех дней.

В 1918 г. в одном из сел Тамбовской губернии «пьяная орава коммунистов — установителей Советской власти» ногами до смерти забила священника Космодемьянского, дедушку будущих Героев Советского Союза Зои и Шуры Космодемьянских, разграбила его дом, запретив под страхом смерти хоронить убитого старика. Он был предан земле через пять дней, когда бандиты ушли дальше устанавливать советскую власть. Семья Космодемьянских бежала от этого кошмара на Дальний Восток к родственникам. Однако всюду полыхала война, и семья переехала в Москву, стараясь затеряться среди многолюдья. В 1937 г. отец Зои и Шуры был арестован органами НКВД и навсегда канул в бездну сталинских лагерей (38: 46—49).

Осенью 1918 г. «Известия Пензенской Губчека» публикуют следующую информацию: «За убийство товарища Егорова, петроградского рабочего, присланного в составе продотряда, было расстреляно 152 белогвардейца. Другие, еще более суровые меры будут приняты против тех, кто осмелится в будущем посягнуть на железную руку пролетариата». (Егоров был убит уголовником, сбежавшим из тюрьмы. — В.И.) Донесения ЧК позволяют представить накал этой войны. 10 октября 1918 г. Череповецкая уездная ЧК. В уезде убит организатор комитетов бедноты. В ответ на это в г. Череповце расстреляны заложники: Кирилловский епископ Варсонофий, игуменья Ферапонтиевского монастыря Серафима, Бурлаков, Барашков, Трубников, Метышев, Пронин,

Фокин, Савин и Агашин. В Субботинской волости Тверской губернии крестьянами дер. Двоенки и Подберезовки зверски убиты трое. Среди них член Зубцевского Исполкома Павлов (по имеющимся сведениям, зарыт живым, что видно из того, что в могиле оказалось много крови). Трупы вырыты в одном белье и отправлены в Зубцов. Отряд Тверского батальона возвращается обратно».

«Из оперативной сводки за 12 июля 1919 г.: сообщено по прямому проводу из Ярославля Кузмичевым 11 июля с.г. в 23 час. ночи. По сведениям разведки, дезертиры группируются в дер. Никольской Петропавловской вол. Костромской губ., которых насчитывается около 5 тыс. человек. Нашими отрядами ведется наступление на линии Кабаново. Отрядом захвачен караул зеленых численностью 40 человек. Тамбовская губ. 31 июля. Работа отрядов по ловле дезертиров протекает успешно. В лесах Темниковского уезда скрывается около 1400 дезертиров, в Кирилловской и Сядемской вол. Спасского уезда скопилось около 1500 дезертиров. Костромская губ. Политическое положение. Кирилловская вол. После пере-выборов в волсовет прошли кулаки. Военное положение... Белые банды продолжают скрываться по лесам и терроризировать население. Было несколько случаев зверского убийства сторонников и работников Советской власти. При столкновении отрядов Советской власти с дезертирами от снарядов сгорели два села — Саметь и Селюце. Общее положение...

Воздвиженская вол. Председатель волисполкома к уничтожению дезертирства относится крайне пассивно. Отряды во главе с начальниками, работавшие по подавлению восстаний в Красносельской, Семеновской, Быгизинской и Мисковской вол. бесчинствовали — незаконные реквизиции продуктов сопровождалась убийствами.

30 апреля 1919 г. Тамбовская губерния. В начале апреля в Лебедянском уезде вспыхнуло восстание кулаков и дезертиров на почве мобилизации людей и лошадей и учета хлеба. Восстание шло под лозунгом: «Долой коммунистов! Долой советы!» Восставшие разгромили четыре волисполкома, замучили варварски семь коммунистов, заживо распиленных. Прибывший на помощь продармейцам 212-й отряд внутренних войск ликвидировал кулацкое восстание — 60 человек арестовано, 50 расстреляно на месте; деревня, откуда вспыхнуло восстание, — сожжена.

11 июня 1919 г. Воронежская губерния. Положение улучшается. Восстание в Новохоперском уезде можно считать ликвидированным. Бомбами с аэропланов сожжено село Третьяки — гнездо восстания. Операции продолжаются.

Из Ярославля. 23 июня 1919 г. Восстание дезертиров в Петропавловской вол[ости] ликвидировано. Семьи дезертиров были взяты в качестве

заложников. Когда стали расстреливать по мужчине в каждой семье, зеленые стали выходить из леса и сдаваться. Расстреляно 34 вооруженных дезертира».

В донесениях ЧК приводятся также обобщенные итоги войны по усмирению деревни: за период между 15 октября и 30 ноября 1918 г. только в двенадцати губерниях России вспыхнуло 44 бунта, в результате которых 2320 человек были арестованы, 620 убиты в бою, 982 расстреляны. При этом погибли 480 советских работников и 112 бойцов продовольственных отрядов Красной Армии и частей ЧК. За сентябрь 1919 г. «в десяти губерниях, о которых есть обобщенная информация, арестованы 48 735 дезертиров и 7325 “бандитов”, 1826 человек убиты в бою и 2230 — расстреляны, 430 жертв насчитывается среди военных и советских работников. Этот далеко не полный перечень не включает жертвы крупнейших крестьянских восстаний» (39: 85, 104, 139, 150, 163, 181).

10 августа Ленин предлагает наркому продовольствия Цюрупе проект декрета: «...взять в каждой хлебной волости 25—30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков». Помимо системы заложничества большевистские руководители применили летом 1918 г. другой репрессивный инструмент — концентрационные лагеря. 9 августа 1918 г. Ленин телеграфировал в Пензенский губисполком: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Число заключенных как в трудовых, так и в концентрационных лагерях постоянно росло от примерно 16 000 в мае 1919 г. до 70 000 в сентябре 1921 г. И это без учета лагерей, созданных в Тамбовской губернии к лету 1921 г.

К июню 1918 г. волнения приняли форму настоящей войны. По материалам ВЧК, в 1918 г. в 20 губерниях России произошло 245 восстаний. В результате этих восстаний большевики потеряли 875 человек, а восставшие — 1821. Кроме того, 2431 человек из числа восставших были расстреляны. Восстания и массовые отказы солдат и унтер-офицеров от явки на приемные пункты начались в Орловской, Курской и Воронежской губерниях. В августе началось восстание в ряде волостей Пензенской губернии, а в ноябре очаги восстания запылали в Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ярославской и Череповецкой губерниях. В ноябре 1918 г. практически вся территория России, контролируемая большевиками, оказалась охвачена крестьянским движением.

Наивысший накал сопротивления крестьян отмечен в марте 1919 г. В этом месяце крестьяне должны были сдать 30 % разверстки. В это



время восстания повсеместно произошли в Пензенской, Уральской, Оренбургской, Вятской, Казанской и частично в Московской губерниях. Восстало до 10 тыс. казаков в районе Поворино-Царицыно и Лиски-Миллеровская, а также в станицах Вешенская, Шумилинская и Еланская. Осенью 1919 г. вспыхнули восстания в ряде волостей Череповецкой и Новгородской губерний, которые отказались сдавать скот для Красной Армии. Волости были объявлены на военном положении. Восстания разрастались: в марте — августе 1919 г. — в районах Средней Волги и Украины; в феврале — августе 1920 г. — в губерниях Самарской, Уфимской, Казанской, Тамбовской, в Средней Азии. Выкачав все, что можно, из сельских районов Южной России и Украины, большевики осенью 1920 г. обратили свой взор на Западную Сибирь, где размеры продразверстки были произвольно установлены «...с учетом экспорта зерна из края в 1913 г.».

Как и повсюду, сибирские крестьяне поднялись на защиту плодов своего труда и ради собственного выживания. В январе—марте 1921 г. большевики утратили контроль над губерниями Тобольской, Омской, Оренбургской, Екатеринбургской, т. е. территорией, превосходящей по размерам Францию. Транссибирская магистраль — единственная железная дорога, связывающая европейскую часть России с Сибирью, — оказалась перерезанной. 21 февраля Народная крестьянская армия овладела Тобольском и удерживала город до 30 марта. С конца 1920 г. и в течение всей первой половины 1921 г. крестьянские волнения, жестоко подавляемые на Украине, Дону, Кубани, Западной и Восточной Сибири, достигают в России масштабов подлинной крестьянской войны с центром в Тамбовской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях. В 1920 г., когда на территории Центральной России, Поволжья, Урала и Сибири уже не было интервентов и белых армий, в 36 губерниях сохранялось военное положение и шла борьба с крестьянским движением. В феврале—марте 1920 г. восстания разгорелись в Уфимской, Вятской, Пермской и Екатеринбургской губерниях, где хлеб выметали «под метелку». Восстания распространились на уральские и сибирские территории: Омскую, Томскую, Енисейскую и Алтайскую.

В январе 1922 г. Горный Алтай был объявлен на чрезвычайном положении. Кровавый след оставили после себя каратели в Сибири. Там произошло более тысячи крестьянских восстаний, что тщательно скрывалось и стало известно только в последние годы. В борьбе с повстанчеством местные власти особенно широко использовали институт заложничества и круговой поруки. Заложники подлежали расстрелу не

только в случаях приближения повстанческих отрядов к уездным или волостным центрам, но и при «малейшем поползновении на попрание прав представителей власти» (40: 7—22).

На подавление крестьянских восстаний, как правило, бросали значительные силы Красной Армии, части особого назначения. Например, против повстанцев Степного Алтая выступили три полка 26-й стрелковой дивизии, четыре бригады, курсанты военной школы, коммунистические отряды. Общее командование ими было поручено начальнику 26-й дивизии Яну Гайлиту. С восставшими расправлялись самым жестоким образом. Документы свидетельствуют, что, например, 13 июля 1920 г. в бою за село Волчиха красноармейцы имели одного убитого и 12 раненых, а повстанцы — около 900 погибших. Последних хладнокровно зарубили бойцы 1-го кавалерийского дивизиона 87-й бригады ВОХР. А красноармейцы 226-го Петроградского полка 26-й дивизии за 13—17 июля 1920 г. только в пяти селах Славгородского уезда убили около 1600 мятежников (41).

В 1921 г. засуха поразила обширные территории Поволжья, Казахстана и Западной Сибири, южные районы Украины и Черноземного Центра, в результате чего разразился голод. Крестьяне резали скот, в пищу употреблялись собаки и кошки, в хлеб — мох, желуди, жмых и мякина. Отовсюду поступали сведения о многочисленных случаях голодной смерти, самоубийств и каннибализма. Всего в 1921—1922 гг. голодало свыше 30 миллионов человек, а от голода погибли от 1,5 до 2 миллионов человек (42: 42, 49).

Наиболее крупными народными восстаниями против советской власти с формированием крупных повстанческих армий были восстания в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова и на Украине под руководством Н.И. Махно. В Тамбовской губернии в 1920 г. была резко повышена продразверстка, которую проводили губпродкомиссар Гольдин, секретари губкома Райвид и Пинсон, заведующий отделом пропаганды Эйрман и председатель губисполкома Шлихтер. Губерния вместо 18 миллионов пудов зерна должна была сдать 27 миллионов. Но еще до этого распоряжения крестьяне, зная, что все, что они не смогут употребить, будет реквизировано, резко сократили посевные площади. Таким образом, выполнение продразверстки означало голодную смерть для крестьянства.

Осенью 1918 г. хлеб у крестьян в губернии реквизировали 50 продотрядов численностью до 50 тыс. человек. Такой плотности реквизиторов не было ни в одной губернии (43). «Крестовый поход» за хлебом и дея-

тельность продотрядов комбедов вызвали волнения крестьян, которые в августе переросли в народное восстание, которое наряду с Кронштадтским восстанием заставило Ленина отказаться от продразверстки. Численность восставших достигла 20—25 тыс. человек, многие из которых были вооружены огнестрельным оружием. Из восставших были сформированы две армии, имеющие в своем составе соответственно девять и четыре полка по 300—500 человек в каждом (44: 241). Максимальное число бойцов в повстанческой армии, не считая внутренней охраны, достигло в феврале 1920 г. 40 тыс. человек, которое к весне 1921 г. снизилось до 25 тыс. Армия была хорошо организованной: в ней имелись отделы, обеспечивающие разведку, связь, медицинское обслуживание и снабжение.

В феврале 1921 г. в Тамбов для борьбы с бандитизмом был направлен Антонов-Овсенко, который возглавил Полномочную комиссию ВЦИК. В апреле по решению Политбюро ЦК «единоличным командующим войсками Тамбовской губернии» был назначен «герой» Кронштадта М.Н. Тухачевский. Он прибыл в Тамбов с военачальниками Н.Е. Какуриным, И.П. Уборевичем, Г.И. Котовским и представителями карательных органов Г.Г. Ягодой и В.В. Ульрихом. Прекращение польской кампании и войны против Врангеля позволило бросить на подавление восстания почти стотысячную армию, в которую вошли специальные части ВЧК, бронепоезд, бронеавтомобили, тяжелая артиллерия и авиация. Командующий войсками Тухачевский и председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсенко установили в Тамбовской губернии подлинный оккупационный режим, применяя массовое взятие заложников, смертные казни, заключение в наспех оборудованные концлагеря, атаки отравляющими боевыми веществами и депортации целых деревень, заподозренных в помощи «бандитам». Какими методами проводилось «умиротворение» Тамбовской губернии, видно из приказов карателям, подписанных Антоновым-Овсенко и Тухачевским. Приказ № 171 от 11 июня 1921 г. Тамбов. «1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте, без суда. 2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия. 3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье. 4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда. 5. Семьи, укрывающие членов

семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда. 6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать. 7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно». На следующий день после объявления этого приказа «красный маршал» и «победитель Кронштадта» по согласованию с вождями Лениным и Троцким приказал применить против повстанцев газы.

«Приказ № 0116 (Оперативно-секретный). Тамбов. 12 июня 1921 г. Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей. Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами; точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось. 2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов. 3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ. 4. О принятых мерах донести. Командующий войсками Тухачевский. Начальник штаба войск Какурин».

Это было первое в мире после Первой мировой войны применение отравляющих газов и единственное в истории человечества их применение против собственного народа. (Организаторы массового уничтожения крестьян — Тухачевский, его заместитель Уборевич и Антонов-Овсеенко — были расстреляны в 1937—1938 гг. Реабилитированы Хрущевым. Нарушивший присягу царский полковник Какурин арестован органами НКВД и умер в 1936 г. в тюрьме. Интересно было бы узнать, вспомнили ли перед смертью каратели об отравленных газом тамбовских крестьянах и расстрелянных кронштадтских матросах.)

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о порядке чистки в «бандитски настроенных» волостях и селах № 116 от 23 июня 1921 г. «Опыт первого боеучастка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу чистки. Намечаются наиболее бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители уполиткомиссии, особотделения, отделения РВТ и командования вместе с частями, назначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60—100 наиболее видных заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд из волости должны быть на время операции запрещены. После этого

созывается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полнком ВЦИК № 130 и 171 и написанный приговор для этой вол[ости]. Жителям дается два часа срока на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения взятые заложники через два часа будут расстреляны. Если население бандитов и оружие не указало по истечении 2-часового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники, и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желаящие это исполнить становятся отдельно, разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию [из] представителей особотдела РВТ. Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства производятся новые расстрелы и т. д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей, [которые] направляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция. Настоящее Полнком ВЦИК приказывает принять к неуклонному руководству и исполнению. Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко. Командующий войсками М. Тухачевский. Предгубисполкома Лавров».

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о взятии и расстреле заложников в случае разрушения мостов. № 189, г. Тамбов. 9 июля 1921 г. «Разгромленные банды прячутся в лесах и вымещают свою бессильную злобу на местном населении, сжигая мосты, портя плотины и прочее народное достояние. В целях охранения мостов Полнком ВЦИК приказывает: 1. Немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важные мосты, не менее пяти заложников, коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать. 2. Местным жителям организовывать под руководством ревкомов оборону мостов от бандитских налетов, а также вменить населению в обязанность исправление разрушенных мостов не позднее, чем в 24-часовой срок. 3. Настоящий приказ широко распространить по всем деревням и селам. Предполком ВЦИК Антонов-Овсеенко. Командвойск Тухачевский. Предгубисполкома Лавров» (45).

Для оценки ситуации в области представляет интерес ответ руководителя тамбовского восстания А. С. Антонова на предложение большевиков сдаться: «Я был довольно удивлен, когда от Вас получил письмо. Вы мне пишете: “Если вы сознательный, а мы в этом уверены, вы должны

прийти к нам и сдать все имеющееся у вас оружие, а людей своих распустить по домам". Так вот на что вы надеетесь. Это становится довольно интересно. Так какое оружие вы от нас хотите получить? То, которое добыто нами у вас ценой нашей крови? Для защиты своего имущества и собственной жизни от вас — насильников, разбойников и самозванцев. Это с вашей стороны придумано не умно. У вас еще хватает нахальства и наглости называть нас "бандитами". Вы оглянитесь кругом и назад, что вы натворили за то короткое время, как самозвано захватили в стране власть. Кругом одно насилие над нашим народом и сплошное его ограбление с уничтожением ни в чем не повинных людей, будь то старики, дети и женщины. Если взять и собрать все жертвы всевозможных властителей и деспотов, а также всех простых убийц и положить их на чашу весов, а на другую всех убитых вашей подлой рукой, то ваша чаша с убитыми и замученными вами людьми с грохотом упадет на стол, перетянув первую. Потому что таких извергов, как вы, еще никогда не видала наша земля. Посмотрите сами кругом, что вы наделали. Стон стоит от этого. Сплошь грабежи и убийства. От кого летят у крестьян в щепки двери амбаров и ворота, от кого льется народная кровь? Только от вас — самозванцев и хамов. А вы нас зовете "бандитами". У кого мы отняли его имущество? Тронули ли мы хоть единым пальцем старика, вдову или ребенка? Нет, не тронули. Все это делаете вы — коммунисты, вампиры и кровососы народной крови. Это вы-то не знаете, за что мы боремся против вас? Прошу вас прислать двух или трех представителей вашей Красной Армии. Жизнь им гарантирована, как и никакого над ними насилия. И пусть смотрят сами, кто есть кто. Но если вы по-прежнему будете в деревнях и селах убивать семьи наших народных партизан и их детей и жен, от нас пощады не будет. Антонов» (46: 78).

Массовые расстрелы восставших производили по ночам в подвалах резиденции Полномочной комиссии ВЦИК, Казанском монастыре и в уездах. Расстрелянных вывозили на Петропавловское кладбище или зарывали в ямах на берегу реки Цны. Б.В. Сенников приводит данные о трех этапах, включающих 850, 563 и 490 детей повстанцев, направляемых в тамбовские лагеря из различных уездов. Сохранился список фамилий 23 подростков в возрасте 14—16 лет, изъятых из одного из таких этапов и расстрелянных по постановлению Особого отдела Полномочной комиссии ВЦИК РСФСР, подписанному начальником Особого отдела Турунбергом и его заместителем Рубинштейном (46: 102). К июлю 1921 г. военные власти и органы ЧК открыли в губернии десять концентрационных лагерей, в том числе по два лагеря в Тамбове, Моршанске и

Борисоглебске и по одному в Козлове, Кирсанове, Инжавино и Сампуре. Тамбовские каратели в 1921 г. докладывают: «В качестве заложников берутся ближайшие родственники лиц, участвующих в бандитских шайках, причем берутся они целиком, семьями, без различия пола и возраста. В лагерь поступает большое количество детей, начиная с самого раннего возраста, даже грудные». В докладе по улучшению жизни детей при тамбовском Губисполкоме приводились сведения о количестве детей, содержащихся в концлагерях губернии на 1 августа 1921 г.: до 3-х лет — 397, до 5 лет — 758 детей. Всего 1155 детей (47).

В лагерях было размещено по меньшей мере 50 000 человек, главным образом стариков, женщин и детей, «заложников» и членов семей крестьян-дезертиров. Обстановка в них была ужасающей: там свирепствовали тиф и холера, и полуодетые узники страдали от всех возможных бед. Летом 1921 г. дал о себе знать голод. Смертность к осени поднялась до 15—20 % в месяц. Заложники и заложницы содержались как в Тамбове, так и отправлялись в тюрьмы других городов, включая Москву и Петроград («Выборгская тюрьма»). Начиная с ноября 1921 г. тысячи тамбовских крестьян из «усмиренных» деревень и сел вывозились в концентрационные лагеря на север России, в Архангельск и Холмогоры. По данным С. Мельгунова, «в одном Кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921—1922 гг.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в числе их дети от 1 месяца до 16 лет. Среди этих раздетых (без теплых вещей), полуголодных заложников осенью 1921 г. свирепствовал сыпной тиф» (48: 28—30).

Осенью 1921 г. Тамбовскую губернию, как и другие регионы страны, поразил голод. О его масштабах можно судить хотя бы по неполным данным, приведенным в отчете губкома РКП(б) за декабрь 1921 г. «О голоде и уголовной преступности в Тамбовской губернии». «...Объективные условия, создающие экономическую конъюнктуру губернии, суть — голод, охватывающий преимущественно южные уезды — Борисоглебский, в котором насчитывается 120 104 голодающих, Кирсановский — до 160 000 человек, Тамбовский — 60 000 человек и Усманский — свыше 100 000 человек, причем в прочих уездах также количество голодающих превышает несколько сот тысяч человек. По сведениям, представленным специальными обследованиями голодающих уездов, на каждые 100 случаев рождения приходится в среднем до 216 смертей (точно — на 100 случаев рождения от 122 до 136 смертей по Костино-Отделецкой, Кулябовской и др. волостям Борисоглебского уезда), причем установлено, что 72 % смертей происходит на почве голода; что же касается

заболеваемости, то она, по мнению врачей, должна быть целиком отнесена за счет голода. По данным губздравотдела, крестьянское население многих волостей, отчаявшись в возможности просуществовать, покидают целыми деревнями свои насиженные места и движутся в поисках хлеба. Главная тяжесть голода падает на детей, которые в этой обстановке гибнут сотнями...» (49).

Летом 1921 г. основные силы повстанцев были разбиты. Руководитель восстания Александр Степанович Антонов еще целый год скрывался в лесах, был выслежен и убит 24 июня 1922 г. в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда. В этой войне «отличились» многие герои Гражданской войны. В автобиографии А.П. Голиков-Гайдар пишет: «...Был командиром 58-го отдельного полка армии по подавлению восстания в Тамбовской губернии (антоновщина)...» Активное участие в подавлении восстания принимали такие известные деятели, как Федько И.Ф., будущий генерал Тюленев И.А., известный «экспроприатор» Котовский и другие. Как это ни печально, но и прославленный маршал Жуков свой первый орден получил за «усмирение» тамбовских крестьян. По данным Б.В. Сенникова, за 1920—1922 гг. население Тамбовской области сократилось на 240 тыс. Из них треть погибла в боях и от террора большевиков.

Крестьянское восстание под руководством Н.И. Махно охватило Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Полтавскую и Харьковскую губернии. Оно распространилось также на некоторые районы Дона, Кубани, Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний. По данным советского командования, в мае 1919 г. повстанческая армия Махно насчитывала 20 тыс. штыков и 2 тыс. сабель. Сам Махно по состоянию на июнь 1919 г. оценивал ее в 27 тыс. бойцов. Осенью того же года численность повстанческой армии достигла 30—35 тыс. (50: 145, 228).

Махно в июне 1918 г. в Москве встречался с Лениным и Свердловым. Он трижды заключал соглашения с советской властью. В феврале 1919 г. его отряды стали третьей бригадой советской Заднепровской дивизии, а он — комбригом Красной Армии. В мае того же года бригада была реорганизована в дивизию и «батька» соответственно стал советским начдивом. Он боролся против Красной и Добровольческой армий, Петлюры, Скоропадского и Врангеля. После совместной победы над Врангелем началась ликвидация «махновщины». 26 ноября 1920 г. приказом Фрунзе Махно и его отряды объявлялись врагами Советской Республики. Командиры Крымской группы махновцев были приглашены на совещание в штаб Фрунзе, где были арестованы и расстреляны. Против махновцев была развернута мощная пропагандист-



ская кампания, в которой использовались провокационные средства вроде мифа о тайном союзе Махно с белогвардейскими генералами.

В декабре 1920 г. председатель СНК Украины Раковский, секретарь ЦК КПУ Молотов и командующий вооруженными силами Украины Фрунзе утвердили «Краткую инструкцию по борьбе с бандитизмом на Украине». Согласно этой инструкции устанавливалась система заложников, которые расстреливались в случае невыдачи селами «бандитов» и имеющегося у населения оружия или воинского снаряжения, недонесения о появлении «бандитов» или неизвестных лиц, порчи мостов, железнодорожных путей и средств связи на территориях, прилегающих к населенному пункту. На местное население через систему заложников возлагалась также ответственность за какое бы то ни было волнение или выступление против советской власти. По инструкции на села в районах восстания устанавливались «плановые» показатели по сдаче оружия. При невыполнении «плана по сдаче оружия» разрешалось сдавать за несданную винтовку, например, свинью или корову. В случае обнаружения несданного оружия виновные расстреливались.

Основными задачами органов ВЧК в районах борьбы с повстанцами было выявление руководителей банд, мест их пребывания, определение численности банд, их вооружения, расположения штабов, отношение населения к бандитам и наличие оружия у населения. Для решения этих и других задач органы ВЧК создавали широкую агентурную сеть среди населения, а также вербовали осведомителей среди работников советских органов — волисполкомов и волревкомов для выявления проникших в них бандитских элементов и их ликвидации. После окончания крымской кампании власти развернули на Украине активную борьбу с отрядами Махно под лозунгом борьбы с бандитизмом и «ликвидации партизанщины». Крупные военные соединения были брошены против восставших. Отряды Махно с боями ушли из окружения в районе Гуляй-поля и несколько месяцев перемещались по Украине, уходя от преследования. После столкновений с превосходящими силами Красной Армии остатки отрядов Махно были прижаты к румынской границе, и 28 августа 1921 г. Махно с отрядом из 78 человек перешел границу. С 1921 по 1925 г. Нестор Иванович Махно находился в Румынии, Польше и Германии. С апреля 1925 г. жил во Франции, в пригороде Парижа. В последние годы жизни Махно бедствовал, работал разнорабочим (маляром), публиковал отдельные очерки в анархическом журнале «Дело труда», готовил мемуары. Его здоровье было подорвано множеством ранений, в том числе тяжелых, полученных в боях. Умер Махно 6 июля 1934 г. в больнице от

костного туберкулеза в возрасте 45 лет. Урна с его прахом была замурована в стене колумбария кладбища Пер-Лашез, в ячейке под номером 6685.

Одновременно с Нестором Махно и после его поражения на Украине действовали десятки других, более мелких отрядов под руководством местных вождей и атаманов, которые боролись под лозунгами: «Земля — крестьянам», «Свободная торговля», «Свободно избираемые Советы без коммунистов, москалей и жидов». Среди войн, которые большевики вели против крестьянства, особое место занимает расказачивание, т. е. ликвидация казачества Дона и Кубани как социальной группы, искоренение вековых устоев казачества, физическое уничтожение его наиболее трудолюбивой и свободолюбивой части. Коммунистический режим предпринял ряд карательных мер, чтобы уничтожить и выселить все население с территории, именовавшейся на лексиконе большевистских вождей «советской Вандеей». Эта операция не была ответной мерой, предпринятой в разгаре сражений; она была спланирована заранее, стала предметом многочисленных распоряжений, отданных на самом высоком государственном уровне многими ответственными лицами в большевистском руководстве (Свердлов, Ленин, Орджоникидзе, Сырцов, Сокольников (Бриллиант), Рейнгольд).

Расказачивание, неудавшееся с первой попытки весной 1919 г. из-за отступления большевиков, возобновилось с новой силой в 1920 г., когда большевики вернулись на казачьи земли. Как признавал в июне 1919 г. председатель Донского ревкома Исаак Рейнгольд, на которого была возложена задача «навести большевистский порядок» на казачьих землях, «у нас была тенденция проводить массовое уничтожение казачества без малейшего исключения». С середины февраля до середины марта большевистские отряды уничтожили более восьми тысяч казаков. В каждой казачьей станице революционным трибуналам требовались минуты, чтобы просмотреть списки подозреваемых; всех их, как правило, приговаривали к «высшей мере» за «контрреволюционное поведение». Перед лицом такого разгула репрессий казакам ничего не оставалось, как поднять восстание, которое и началось в Вешенском округе 11 марта 1919 г. Восставшие объявили мобилизацию всех мужчин от шестнадцати до пятидесяти пяти лет. Они разослали во все округа Войска Донского и в соседнюю Воронежскую губернию телеграммы с призывом к населению подниматься против большевиков. «Мы, казаки, не против Советов. Мы за свободно избранные Советы. Мы против коммунистов, коммун и жидов. Мы против разверстки, грабежа и безобразий, причиненных большевицкими охранками».

К началу апреля 1919 г. восставшие казаки представляли собою армию в тридцать тысяч опытных и хорошо вооруженных бойцов. Действуя в тылу Красной Армии, сражавшейся южнее с Деникиным и кубанскими казаками, донские казаки, как и восставшие украинские крестьяне, обеспечили стремительное продвижение армии белых в мае — июне 1919 г. В начале июня восставшие казаки соединились с основными частями белой армии и кубанскими казаками. Вся «казачья Вандея» была освобождена от позорной власти «москалей, жидов и большевиков». Однако военное счастье переменчиво, и большевики вернулись на Дон в феврале 1920 г. Вторая оккупация казачьих земель оказалась гораздо разрушительней и смертоносней первой. На область Войска Донского была наложена контрибуция в 36 миллионов пудов зерна — количество, явно превосходящее возможности края; у сельского населения отбирались не только скудные запасы продовольствия, но и все имущество, «включая обувь, одежду, подушки и самовары», как уточняется в одном из донесений ЧК. В ответ на эти грабежи и притеснения все мужчины, способные носить оружие, присоединялись к партизанским отрядам зеленых. К июлю 1920 г. в таких отрядах на Кубани и Дону было по меньшей мере 35 тыс. человек. Занятие Крыма большевиками стало причиной самых массовых убийств за все время Гражданской войны: десятки тысяч гражданских лиц были уничтожены большевиками в ноябре—декабре 1920 г.

Оказавшись в лагере побежденных, казаки в очередной раз подверглись «красному террору». В октябре 1920 г. особоуполномоченный по Северному Кавказу чекист Карл Ландер, проинструктированный перед поездкой в регион лично Лениным, пообещал с «неумолимой жестокостью» подавить все выступления «бело-зеленых банд». Его приказом на Северном Кавказе был введен порядок, согласно которому станицы и селения, укрывавшие «белых и зеленых», подлежали уничтожению, а взрослое население — поголовному расстрелу. Для «наведения порядка» Ландер организовал на местах специальные трибуналы (тройки) по расказачиванию. За один только октябрь 1920 г. эти тройки приговорили к смерти с немедленным исполнением приговора более шести тысяч человек. Трибуналы рассматривали в день до 50 дел, смертные приговоры выносились старикам, женщинам и детям. В сохранившихся расстрельных списках казаков в графе «за что расстрелян» указывались, в числе других, следующие причины: за критику советской власти; за несочувствие большевикам; как отец офицера; офицер, отставной генерал, хуторской атаман, сельский священник, учитель, адвокат, ювелир, брат служит в Донской Армии; за сочувствие кадетам; и даже за то, что казачка отвергла любовь комиссара (51).

Дома расстрелянных подвергались разграблению и сжигались. Семьи, а иногда и просто соседи зеленых и казаков, еще не попавших в руки властей и боровшихся с оружием в руках против большевиков, повсеместно арестовывались, объявлялись заложниками и попадали в концентрационные лагеря, представлявшие собой, по сути, лагеря смерти. Вот красноречивое свидетельство Мартына Лациса, в то время председателя Украинской ЧК: «Заложники — женщины, дети, старики — изолированы в лагере недалеко от Майкопа, выживают в страшных условиях при холоде, октябрьской грязи <...>. Дохнут, как мухи <...>. Женщины готовы на все ради спасения, и стрелки, охраняющие лагерь, этим воспользуются».

Наиболее быстрым и распространенным методом раскачивания было разрушение казачьих станиц и депортация их обитателей. В архиве Орджоникидзе, крупного большевистского руководителя, направленного в те дни на Северный Кавказ, сохранились документы, относящиеся к одной такой операции, проводимой в октябре — ноябре 1920 г. 23 октября Орджоникидзе приказал: «1. станицу Калиновскую сжечь. 2. станицы Ермоловская, Романовская, Самашинская и Михайловская отдать беднейшему безземельному населению и в первую очередь — всегда бывшим преданным соввласти нагорным чеченцам, для чего: 3. все мужское население вышеназванных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжелых принудительных работ; 4. стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться на хутора или станицы на Север; 5. лошадей, коров, овец и проч. скот, а также пригодное имущество передать Кавтрудармии...» Три недели спустя в донесении, адресованном Орджоникидзе, так описывался ход операции: «Калиновская: <...> полностью выселена. Ермоловская — от жителей очищена (32: 18). Романовская — выселено 1600; остается к выселению 1661 чел. Самашинская — выселено 1018 чел.; остается к выселению 1900 чел. Михайловская — выселено 600 чел.; остается к выселению 2200 чел. Кроме того, в Грозный вывезено 154 вагона продовольствия. Из трех станиц, где выселение еще не закончилось целиком, выселены в первую очередь семьи злостных бело-зеленых и принимавших участие в последнем восстании. Не выселенные еще составляют часть населения, сочувственно относящихся к Советской власти: семьи красноармейцев, советских служащих и коммунистов. Медленное выселение объясняется плохой подачей вагонов, которых подается в количестве одного эшелона в сутки. К настоящему времени для выселения людей требуется еще 306 вагонов». Осенью 1920 г. около

9 тыс. семей (или примерно 45 тысяч человек) терских казаков были выселены из ряда станиц и депортированы в архангельскую губернию. Самовольное возвращение выселенных казаков пресекалось. Освободившаяся земля была передана нагорным ингушам и чеченцам, поддерживающим большевиков (52).

Война шла не только против крестьян, но и против «гегемона» — рабочего класса. Расстрелы голодных маршей, митингов и манифестаций были в Петрограде, Колпине, Березовском Заводе под Екатеринбургом, Ярославле, Нижним Тагиле, Белорецке, Златоусте, Екатеринбурге, Ижевске, Ярославле и других городах. Войскам Красной Армии и отрядам чекистов хватило нескольких дней для подавления этих восстаний, и только в Ярославле восставшие смогли продержаться две недели. После падения города Дзержинский направил туда специальную следственную комиссию, которая за пять дней, с 24 по 28 июля, расстреляла 428 человек.

10 марта 1919 г. общее собрание рабочих Путиловского завода (10 000 участников) одобрило воззвание, осуждающее большевиков, чье правительство «представляет собой диктатуру Центрального Комитета партии коммунистов и правит с помощью ЧК и революционных трибуналов». В воззвании были выдвинуты требования перехода всей власти к Советам, свободных выборов в Советы и заводские комитеты, отмены ограничений на ввоз рабочими продуктов питания из деревни в Петроград (разрешено было только полтора пуда (24 килограмма) муки в месяц на семью), освобождения всех политических заключенных из числа «настоящих революционных партий». С целью обуздания все шире распространявшихся рабочих волнений 12 марта в Петроград прибыл Ленин. Однако когда он попытался взять слово на захваченном бастующими рабочими заводе, его, как и Зиновьева, встретили свистом и криками: «Долой евреев и комиссаров!» 16 марта войска Петроградской ЧК взяли штурмом Путиловский завод. Около 900 рабочих были немедленно арестованы. В последующие дни примерно 200 забастовщиков были бессудно расстреляны в Шлиссельбургской крепости. Отныне рабочие находились под неусыпным надзором. С весны 1919 г. секретный отдел ЧК имел на всех важных заводах осведомителей из рабочей среды, которым было поручено поставлять регулярную информацию о настроениях на том или ином заводе.

Весна 1919 г. отмечена жестоко подавленными забастовками во многих рабочих центрах России: в Туле, Сормове, Орле, Твери, Брянске, Иваново-Вознесенске, Астрахани. Требования рабочих повсюду были

почти одинаковы. Доведенные до голода нищенским жалованьем, которого едва хватало на оплату скудных (полфунта хлеба в день на человека) карточных рационов, забастовщики требовали уравнивания их пайков с солдатскими пайками Красной Армии. Но, главное, они выдвигали и политические требования: отмена привилегий для коммунистов, освобождение всех политических заключенных, свободные выборы в заводские комитеты и советы, прекращение мобилизации в Красную Армию, свобода союзов, слова, печати и т.п.

Наиболее опасным для большевиков было то обстоятельство, что в эти движения часто оказывались вовлеченными расквартированные в рабочих городах части Красной Армии. В Орле, Брянске, Гомеле, других городах взбунтовавшиеся красноармейцы присоединялись к забастовщикам. В апреле 1919 г. восстали рабочие в Туле. 3 апреля 1919 г. в Тулу прибыл Дзержинский, чтобы ликвидировать забастовку на оружейных заводах. Прекратили забастовку «железной рукой голода». Все рабочие были уволены, и их продовольственные карточки в течение многих недель не отоваривались. Чтобы получить новые карточки на 250 граммов хлеба и вернуться на предприятия, рабочие должны были подписать прошение о приеме на работу, в котором указывалось, что всякая остановка работы приравнивается к дезертирству, влекущему за собой наказание вплоть до смертной казни. 10 апреля работа возобновилась. Накануне 26 «зачинщиков» были расстреляны. В Астрахани стачка рабочих была подавлена с особой жестокостью. 10 марта красноармейцы 45-го пехотного полка отказались стрелять в рабочую демонстрацию, проходившую по центру города. Присоединившись к забастовщикам, солдаты двинулись к зданию горкома партии, разгромили его и убили нескольких ответственных работников. С.М. Киров, председатель Временного военно-революционного комитета Астраханской губернии, приказал «уничтожать безжалостно белогвардейских гадов». Оставшиеся верными правительству части и отряды ЧК, заблокировав все подступы к городу, начали методическое вытеснение мятежников из занятых ими кварталов. Когда тюрьмы оказались наполненными до отказа, забастовщиков и солдат-бунтарей грузили на баржи и с привязанными на шею камнями сотнями сбрасывали в Волгу. От двух до четырех тысяч «пленных» было расстреляно и утоплено в дни 12—14 марта.

Начиная с 15 марта взялись за городскую буржуазию, ведь это якобы «буржуи» стояли во главе заговора «белогвардейцев» и «вдохновляли» его. За два дня дома богатых торговцев Астрахани были разграблены, а их владельцы арестованы и убиты. Точное количество убитых в Астра-

хани «буржуев» установить трудно, но оценки колеблются между 600 и 1000 человек. В общей сложности за одну неделю было расстреляно и утоплено от 3 до 5 тыс. человек. Что же касается числа астраханских коммунистов, убитых и сгоревших во время грандиозного пожара 18 марта, в День Парижской коммуны, то, по данным властей, их погибло 47 человек. Астраханские убийства предстают как наиболее грандиозная расправа большевиков с рабочими, если не считать Кронштадта 1921 г.

Забастовка рабочих в Туле повторилась в июне 1920 г. В городе было введено военное положение. Забастовка ширилась, аресты множились; сначала сотни, а затем и тысячи работниц и домохозяек стали приходить в ЧК с требованием арестовать также и их. Движение разраслось — теперь уже и рабочие требовали, чтобы арестовали их всех. За четыре дня более десяти тысяч человек были заключены в тюрьму, вернее, размещены на обширной поляне на открытом воздухе под охраной чекистов. Комитет по ликвидации заговора в Туле допрашивал тысячи рабочих и работниц в надежде отыскать воображаемых виновников. Чтобы выйти на свободу, снова получить работу и новые продовольственные карточки и не умереть с голода, все арестованные должны были подписать следующую бумагу: «Я, нижеподписавшийся, гнусный вонючий пес, раскаиваюсь перед революционным трибуналом и Красной Армией в своих преступлениях и обещаю впредь добросовестно трудиться».

24 февраля 1921 г. в Петрограде начались забастовки и митинги рабочих с политическими и экономическими требованиями. Петроградский комитет РКП(б) расценил волнения на заводах и фабриках города как мятеж и ввел в городе военное положение, арестовав рабочих-активистов. Эти события послужили толчком к восстанию гарнизона Кронштадта. 28 февраля 1921 г. состоялось собрание команд линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». Моряки и красноармейцы вынесли резолюцию о поддержке рабочих Петрограда и потребовали освобождения из заключения всех представителей социалистических партий, проведения перевыборов Советов и исключения из них всех коммунистов, предоставления свободы слова, собраний и союзов всем партиям, обеспечения свободы торговли, разрешения кустарного производства собственным трудом, разрешения крестьянам свободно пользоваться своей землей и распоряжаться продуктами своего хозяйства, т.е. ликвидации продовольственной диктатуры. 1 марта 1921 г. в крепости был создан Временный революционный комитет, который через радиостанции кораблей передал в эфир резолюцию митинга и просьбу о помощи. 2 марта

Петроград и Петроградская губерния были объявлены на осадном положении. Ежедневные донесения ЧК о положении в Петрограде в первые дни марта 1921 г. свидетельствуют о растущей народной поддержке восставших Кронштадта: «Кронштадтский Ревком со дня на день ожидает всеобщего восстания в Питере. Установлена связь между мятежниками и многими заводами... Сегодня на общезаводском собрании “Арсенала” рабочие приняли резолюцию, призывающую к восстанию».

7 марта Петроградская ЧК получила приказ «предпринять решительные действия на заводах». Были произведены более двух тысяч арестов среди рабочих, членов социалистических партий и сочувствующих. Подавление восстания возглавил «герой» проигранной польской кампании Тухачевский. По состоянию на 12 марта 1921 г. силы мятежников насчитывали 18 тыс. солдат и матросов, 100 орудий береговой обороны (с учетом корабельных орудий линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» — 140 орудий), свыше 100 пулеметов с большим количеством боеприпасов. 7 марта начался артобстрел Кронштадта. На рассвете 8 марта 1921 г., в день открытия X съезда РКП(б), начался штурм Кронштадта, который был отбит, и войска с потерями отступили на исходные рубежи. Как отмечал К.Е. Ворошилов, после неудачного штурма «политико-моральное состояние отдельных частей вызывало тревогу». Два полка 27-й Омской стрелковой дивизии отказались участвовать в сражении и были разоружены. В действующие части для усиления направили около 300 делегатов X съезда партии, 1114 коммунистов и три полка курсантов военных училищ. При подготовке ко второму штурму численность оружия карателей была доведена до 24 тыс. штыков, 159 орудий, 433 пулеметов. Второй штурм начался в ночь на 16 марта 1921 г., и Кронштадт пал. По данным советских источников, штурмующие потеряли 527 человек убитыми и 3285 ранеными. При штурме были убиты тысяча мятежников, свыше 2 тыс. было «ранено и захвачено в плен с оружием в руках», более 2 тыс. сдались в плен. Перед самым падением Кронштадта около восьми тысяч человек успели спастись, уйдя по замерзшему заливу в Финляндию. Они были интернированы в транзитные лагеря. Обманутые обещанной амнистией, многие из них возвратились в 1922 г. в Россию, где были арестованы и отправлены на Соловецкие острова и в Холмогоры вблизи Архангельска — один из самых страшных концентрационных лагерей. Согласно сведениям из анархистских кругов, из пяти тысяч узников Кронштадта, отправленных в этот лагерь, к весне 1923 г. в живых оставалось не больше полутора тысяч. Началась жестокая расправа не только над теми, кто держал в руках оружие, но и над населением, поскольку все жители мятежного города считались виновными. К высшей



мере наказания были приговорены 2103 человека и к различным срокам наказания 6459 человек. Весной 1922 г. началось массовое выселение жителей Кронштадта с острова.

## УНИЧТОЖЕНИЕ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА

Все политические деятели и историки с советских времен и до настоящего времени старательно уходят от ответа на естественный и простой вопрос: откуда, каким образом и с чьей подачи в России появилась модель колхоза, положенная в основу государственной сельскохозяйственной политики? И не просто уходят от ответа, а делают все, чтобы такой неудобный вопрос и не задавался. Стратегия решения аграрной проблемы была сформулирована на XV съезде ВКП(б) Я.А. Яковлевым (Эпштейном): «Из трех теоретически мыслимых путей развития крестьянского хозяйства (рост кулацкого крупного хозяйства, гниение мелкого хозяйства, создание крупного хозяйства на кооперативной основе) единственно мыслимым путем развития в наших условиях является третий путь. Первый путь мыслим только в результате победы контрреволюции. Второй путь был бы предпосылкой контрреволюции. Только третий путь есть путь действительного движения к социализму».

7 декабря 1929 г. был образован наркомат земледелия, наркомом был назначен Эпштейн, возглавивший комиссию Политбюро по вопросам социалистической реконструкции сельского хозяйства. Эта комиссия и должна была рекомендовать модель «крупного кооперативного хозяйства». Под руководством Я.А. Эпштейна и руководителя Аграрного института марксиста-аграрника Л.Н. Крицмана комиссия изучила опыт работы разных типов сельскохозяйственных кооперативов. В 20-е гг. такой опыт был обобщен в нескольких крупных трудах, изданных в Германии, Англии и других странах. Так вот, марксисты — недоучившийся в политехническом институте Эпштейн и химик Крицман — самыми эффективными для условий России признали кооперативы типа кибуцев, модель которых была разработана и опробована в начале века Всемирной сионистской организацией. Кибуц (от евр. *квуца* — «группа») — сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении, социальных услугах и отказе от наемного труда. В основе создания кибуцев лежит сочетание идей европейских социалистов-утопистов с социально-этическими идеалами библейских пророков. Программу создания кибуцев в Палестине возглавлял ученый из Германии видный сионист А. Руппин, который описал ее в книге, вышедшей в Лондоне в 1926 г. Программа пыталась

реализовать одну из главных целей сионизма — переход евреев к производительному труду. Ее финансирование осуществлялось Рокфеллером.

Создание киббуцев явилось самобытным и важным социальным явлением. Это, по существу, была попытка организации нового образа жизни. Программа была рассчитана на колонистов-горожан. Это были эмигранты — евреи из малых городов и местечек Польши, Украины, Белоруссии, России с мироощущением жителей небольшого города. Программа соответствовала их культурным стереотипам. Они не собирались ни создавать крестьянских подворий, ни заводить скот. Обобществление в киббуцах было доведено до высшей степени. Членам киббуцев не разрешалось иметь никакой собственности, даже обедать дома им было запрещено.

Первое поселение было организовано в 1909 г. и к концу Первой мировой войны было создано восемь киббуцев, в которых работало 200—250 человек. За годы британского правления на территории Палестины число киббуцев возросло до 176, а их население насчитывало 47,4 тыс. человек (около 23 тыс. членов). Строительство киббуцев активизировалось после Второй мировой войны. Они показали себя как весьма эффективный производственный уклад и остаются таковыми вплоть до настоящего времени. Так, в 2001 г. в Израиле было 267 киббуцев, в которых проживало 116 тыс. человек, в том числе 69 тыс. трудоспособных. В их распоряжении было 38 % земель, и они производили 39 % сельскохозяйственной продукции. В еврейском населении Израиля жители киббуцев составляли около 3 % (до основания государства — 7 %).

На первом этапе коллективизации, используя опыт киббуцев, российских крестьян «организовывали в коммуны» с обобществлением всего имущества, включая весь инвентарь, птицу и мелкий скот. Не желая отдавать имущество и скот в колхозы и опасаясь репрессий, которым подверглись зажиточные крестьяне, люди резали скот и сокращали посевы. Другой, более рациональный путь развития сельского хозяйства предлагал видный ученый-аграрник, доктор наук, профессор Петровской сельскохозяйственной академии, директор НИИ сельскохозяйственной экономики Александр Васильевич Чаянов. Еще в 1919 г. вышел в свет один из основных научных трудов Чаянова — книга «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации», где он писал: «...не разрушая тех сторон хозяйства, где мелкое семейное производство было технически удобнее крупного... выделить и организовать в крупнейшие кооперативные предприятия те отрасли, в которых это укрупнение давало заметный положительный эффект». Этот процесс Чаянов назвал «кооперативной коллективизацией». Он отрицал «коммунизацию про-

изводства» в сельском хозяйстве, указывая на такие труднейшие проблемы, как «стимуляция работы», «организация труда» и «хозяйствующая воля», т. е. управление. Чаянов полагал, что основой аграрного строительства должно стать кооперативное крестьянское хозяйство. Не сомневаясь в преимуществах крупного хозяйства перед мелким в промышленности, Чаянов считал, что высокая степень концентрации сельскохозяйственного производства нерентабельна, и делал вывод о желательности мелкого и среднего крестьянского хозяйства.

Взгляды Чаянова и его школы были объявлены антимарксистскими; в вину ученому вменялись желание сохранения индивидуального крестьянского хозяйства, недооценка роли пролетариата, защита интересов кулачества. С развертыванием сталинской «революции сверху» в 1928—1929 гг. нарастала волна идеологической и политической критики в адрес Чаянова. Его обвиняли в «защите интересов кулачества» и «протаскивании буржуазных аграрных теорий». На Конференции аграрников-марксистов (20—29 декабря 1929 г.) «чаяновщина» была объявлена «агентурой» империализма, находящейся в связи с «правым уклоном» в ВКП(б). Выступивший на конференции И.В. Сталин обрушился на Чаянова. В частности, он сказал: «Непонятно только, почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати» (53).

В июле 1930 г. Чаянов был арестован и осужден по сфабрикованному делу «Трудовой крестьянской партии», а 3 октября 1937 г. вновь судим Особым совещанием при НКВД СССР и в тот же день расстрелян. Реабилитирован. Известно, что отправной точкой коллективизации явилась статья Сталина в «Правде» «Год великого перелома» от 7 ноября 1929 г. Однако хребет российскому крестьянству начали ломать гораздо раньше. Декрет от 9 мая 1918 г. объявлял всех, имевших излишек хлеба и не заявивших о нем в недельный срок, «врагами народа», которые подлежали революционному суду и тюремному заключению на срок не менее 10 лет, конфискации хлеба и имущества. Тем, кто доносил на «врагов народа», полагалась половина стоимости не заявленного к сдаче хлеба.

Еще 8 ноября 1918 г., на совещании делегатов комитетов бедноты, В.И. Ленин заявляет о решительной линии по ликвидации кулачества: «...если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист». Уже тогда отметил свое начало «великий крестовый поход против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, ...последний и решительный бой всем кулакам-эксплуататорам». В мае—июне 1918 г., после создания продармии, Декретом от 11 июля «Об организации деревенской бедноты» «повсеместно учреждаются волостные и сельские комитеты деревенской бедноты», в

одну из задач которых входит «оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев». В качестве поощрения «сельским пролетариям» выделялась часть изъятого хлеба. 6 августа выходит Декрет «Об организации специальных уборочных и уборочно-реквизиционных отрядов». Каждый такой отряд должен состоять не менее чем из 75 человек и иметь 2—3 пулемета. При помощи их Советское правительство планировало обеспечить уборку урожая озимых, засеянных кулаками и помещиками осенью 1917 г. На вооруженное насилие деревня, наводненная вернувшимися с фронта солдатами, ответила вооруженным сопротивлением и целым рядом восстаний. За полтора месяца до нового урожая 1918 г. продотряды «добыли» более 2 млн пудов хлеба, оплатив его жизнями более 4100 коммунистов, рабочих и бедняков. За десятилетие, с 1917 по 1927 г., было экспроприировано 1,3—1,4 миллиона крестьянских и около 900 тыс. казачьих хозяйств, а спустя пять лет, к 1932 г., еще 4 миллиона хозяйств с 18—19 миллионами душ.

Перестройка сельского хозяйства в России, к сожалению, началась не по Чаянову. Ноябрьский (1929) пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в котором отметил, что в стране начато широкомасштабное социалистическое переустройство деревни и строительство крупного социалистического земледелия. В постановлении было указано на необходимость перехода к сплошной коллективизации. На пленуме было принято решение направить в колхозы на постоянную работу 25 тыс. городских рабочих для «руководства созданными колхозами и совхозами» (фактически их было более 73 тыс.). 15 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) образовало комиссию из 21 человека во главе с В.М. Молотовым, которая должна была предложить конкретные меры по отношению к кулачеству в районах сплошной коллективизации. В состав комиссии вошли Я.А. Яковлев (Эпштейн), И.Д. Кабаков, Н.В. Крыленко, С.С. Одинцов, секретари партийных комитетов ведущих регионов страны — С.В. Косиор, М.М. Хатаевич, Б.П. Шеболдаев, И.М. Варейкис, С.А. Бергавинов. Эта комиссия и разработала меры «по ликвидации кулачества как класса».

Комиссией в Политбюро ЦК ВКП(б) был представлен проект постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». 30 января 1930 г. проект был утвержден Политбюро и передан по телеграфу всем местным партийным органам. Комиссией «кулаки» были разделены на три категории: 1-я — контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации

колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение; 2-я — наиболее богатые местные кулацкие авторитеты, являющиеся оплотом антисоветского актива; 3-я — остальные кулаки.

2 февраля 1930 г. был издан приказ ОГПУ СССР № 44/21. В нем говорилось, что «в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации — в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар». Приказ предусматривал: немедленную ликвидацию «контрреволюционного кулацкого актива», особенно «кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций и группировок» и «наиболее злостных, махровых одиночек». Эти люди были отнесены к «первой категории» и подлежали расстрелу. Массовому выселению в отдаленные северные районы СССР подлежали наиболее богатые кулаки, «местные кулацкие авторитеты», «кулацкий антисоветский актив», «все кулацкие кадры, из которых формируется контрреволюционный актив», «церковники и сектанты» и их семейства — вторая категория. Все их имущество подлежало конфискации. Остальные «кулаки» были отнесены к третьей категории. Их имущество конфисковывалось, но выселению они не подлежали.

Основными «погонялами» при «нанесении сокрушительного удара» по крестьянству и «переломе» его хребта были Джугашвили-Сталин, Каганович, Скрыбин-Молотов, Эпштейн-Яковлев, Калинин, Бубнов, Бауман, Каминский, Жданов, Киров, Андреев, Эйхе, Хатаевич, Шиболдаев, Варейкис, Шая Голощекин, Постышев, Чубарь, Гай и Ягода. Подручными Ягоды как главы ОГПУ на местах, так называемыми полномочными представителями, были: Фредберг на Северном Кавказе, Пилер, Круковский и Солоницын в Средней Азии, Пуркис в Закавказье, Заковский-Штубиц в Западной Сибири, Дерibas на Дальнем Востоке, Золин в Казахстане, Райберг, Касперс, Преображенский на Севере, Соколинский, Балицкий и Карлсон на Украине, Блат на Западе, Реденс в Центре, Драбкин, Литвин и Шапиро на Северо-Западе, Райский на Урале и многие другие. Области и районы соревновались между собой за высокий процент коллективизации. Для ускорения применялись репрессивные меры, которые Сталин позднее (в марте 1930) подверг критике в статье «Головокружение от успехов». А пока в списки кулаков мог попасть практически любой крестьянин.

Для обеспечения ускоренных темпов коллективизации репрессии применялись не только к кулакам и середнякам, но нередко и к беднякам — «подкулачникам», «уличенным» в прокулацких и антиколхозных действиях. Для принуждения крестьян к вступлению в колхоз широко применялась угроза раскулачиванием. В многочисленных работах и воспоминаниях очевидцев приводятся факты, когда под угрозой раскулачивания крестьяне были вынуждены вступать в колхозы. Очевидец сообщал о подходе к раскулачиванию следующее: «Дом хороший, давай раскулачивать. Выносят из дома все, вплоть до того, что с ребят снимают обувь и выгоняют на улицу... Вопли женщин, плач детей, разбазаривание имущества, отсутствие учета — все это создавало картину ночного грабежа...»

В литературе приводятся многочисленные факты «перегибов» при раскулачивании. При изучении документов тех лет создается впечатление, что процесс коллективизации состоял из одних перегибов. Вот навскидку несколько фактов. Так, обком ВЛКСМ Центральной Черноземной области отмечает: «Был допущен целый ряд таких вещей, которые дискредитировали идею коллективизации, были случаи, когда комсомольцы отбирали сапоги, тулуп, шапку у кулака, выходили на улицу, одевали все это и чувствовали себя на высоте положения. Были случаи, когда отнимали все вплоть до сапог, а такие крупные вещи, как мельницу, крупные средства производства оставались в стороне. Были случаи мародерства, когда люди дискредитировали себя, забирая такие вещи, которые нам не нужны». Борисоглебские комсомольцы в процессе раскулачивания ликвидировали несколько батрацких хозяйств за то, что дочери хозяев вышли замуж за кулацких сыновей. Среди «перегибов» со стороны проводящих раскулачивание комсомольцев встречались и формы особой жестокости, что следует из действий кирсановских комсомольцев, на общем собрании принявших решение о расстреле 30 кулаков (54). Правда, неизвестно, сами ли комсомольцы привели приговор в исполнение или передали кулаков для «исполнения» в ОГПУ.

Газета «Правда Севера» сообщала о раскулачивании середняков следующее: «В Чебоксарском районе “сгоряча” раскулачили несколько середняков и даже бедняков. Раскулачивание происходило без участия бедняцко-середняцкого схода и при игнорировании сельсовета. Это раскулачивание кончилось тем, что один из раскулаченных середняков в Чебоксарском районе наложил на себя руки». Об аналогичных нарушениях сообщает и газета «Рабочий край»: «Вместе с кулаками страдают и середняцкие хозяйства. В деревне Власове вынесено постановление — взять на учет имущество не только кулаков, но и середняков. В четырех сельсоветах проводились опись, обыск и конфискация имущества у кре-

стьян, имеющих только по одной лошади и по одной корове, никогда не пользовавшихся наемным трудом и не лишенных избирательных прав».

Так происходило по всей стране. Для обеспечения более эффективной борьбы с кулачеством и расхитителями социалистической собственности по инициативе И.В. Сталина было принято Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», получившее в народе названия «закон о трех колосках», а также закон «семь восьмых», «закон от седьмого-восьмого», указ «7—8».

За хищение колхозного и кооперативного имущества, хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте закон предусматривал расстрел с конфискацией имущества, который при смягчающих обстоятельствах мог быть заменен на лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества. В качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны «кулацких элементов» предусматривалось лишение свободы на срок от 5 до 10 лет. Осужденные по этому закону не подлежали амнистии. Закон подписали Калинин, Молотов и Енукидзе. По этому закону на срок не менее пяти лет осуждались крестьяне даже за кочан капусты, срезанный на колхозном поле. Название «закон о колосках» он получил из-за того, что по нему часто осуждались крестьяне за срез неспелых колосков на полях, и даже за сбор оставшихся на поле после уборки колосьев. Всего, по некоторым сведениям, по закону за 1932—1939 гг. было осуждено 183 000 человек.

Коллективизация привела к голоду. Голодом была охвачена территория около 1,5 млн км<sup>2</sup> с населением в 65,9 млн человек. Наиболее сильным был голод в районах, которые в дореволюционное время были наиболее богатыми по количеству производимого хлеба и где был наиболее высок процент коллективизации крестьянского хозяйства. Согласно исследованиям доктора исторических наук В. Кашина, в ряде регионов РСФСР и, в частности, в Поволжье массовый голод был создан искусственно и возник «не из-за сплошной коллективизации, а в результате принудительных сталинских хлебозаготовок». Данное мнение подтверждают очевидцы событий, говоря о причинах трагедии: «Голод был потому, что хлеб сдали», «весь, до зерна, под метелку государству вывезли», «хлебозаготовками нас мучили», «продразверстка была, весь хлеб отняли». Села были ослаблены раскулачиванием и массовой коллективизацией, лишившись тысяч репрессированных хлеборобов-единоличников. В Поволжье комиссия ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок во главе с секретарем ЦК партии П.П. Постышевым постановила изъять запасы хлеба у единоличников и хлеб, заработанный работниками колхозов. Под угрозой репрессий предсе-

датели колхозов и руководители сельских администраций были вынуждены сдать практически весь произведенный и имеющийся в запасе хлеб. Это лишило регион запасов продовольствия и привело к массовому голоду. Аналогичные меры были приняты В.М. Молотовым и Л.М. Кагановичем на Украине и Северном Кавказе, что вызвало соответствующие последствия — голод и массовую смертность среди населения. Несмотря на наступающий голод, продолжался экспорт зерна. В годы коллективизации было вывезено зерновых за рубеж (миллионов тонн): в 1930 г. — 4,8; в 1931 г. — 5,1; в 1932 г. — 1,8; в 1933 г. — 1,8; в 1934 г. — 0,8; в 1935 г. — 1,6 (55).

Крестьяне, сопротивлявшиеся изъятию хлеба, подвергались репрессиям. Вот как их описывает Михаил Шолохов в письме к Сталину от 4 апреля 1933 г. «...Но выселение — это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 т хлеба: 1. Массовые избиения колхозников и единоличников. 2. Сажание “в холодную”. “Есть яма?” — “Нет”. — “Ступай, садись в амбар!” Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль; часто в амбары сажали целыми бригадами. 3. В Ващавском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: “Скажешь, где яма! Опять подожду!” В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос. 4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК, кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, — горячо; тогда под него лили из кружки воду, а потом “прохладиться” выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара — снова на плиту и снова допрашивают. Он же (Плоткин) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: “Стреляйся, а нет — сам застрелю!” Тот начал спускать курок, не зная того, что наган разряженный, и, когда шелкнул боек, упал в обмороке. 5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и приказал не выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский, при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином. 6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков. 7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами. 8. В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к



хутору рысью. 9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхознику, подозреваемому в краже, во двор ночью; после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал “огонь” по связанному колхознику. Если уstraшенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу. 9. (Нумерация нарушена Шолоховым. — *В.И.*) В Кружилинском колхозе уполномоченный РК Ковтун на собрании 6-й бригады спрашивает у колхозника: “Где хлеб зарыл?” — “Не зарывал, товарищ!” — “Не зарывал? А ну, высовывай язык! Стой так!” Шестьдесят взрослых людей, советских граждан, по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7-й и в 8-й бригадах с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял еще становиться на колени. 10. В Затонском колхозе работник агитколлонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству. 11. В Солонцовском колхозе в помещении комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом. 12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили босых же на мороз. 13. В Колундаевском колхозе разутых до боса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу. 14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали. 15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полутолых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по нескольку раз. 16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели “прохладную” комнату, куда выводили с собрания для “индивидуальной обработки”. Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток. Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — “метод” проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти “методы” на себе и после приходили ко мне с просьбами “прописать про это в газету”. Помните ли

Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко “В успокоенной деревне?”. Так вот этакое “исчезание” было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью. Аналогичная история происходила и в Верхне-Донском районе, где особоуполномоченным был тот же Овчинников, являющийся идейным вдохновителем этих жутких издевательств, происходивших в нашей стране и в 1933 г. Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда. Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу “Поднятой целины”. С приветом М. Шолохов».

Интересен ответ вождя. И.В. Сталин — М.А. Шолохову. 6 мая 1933 г. «Дорогой товарищ Шолохов! Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже. Для разбора дела придёт к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь. Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов. Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлебоборы вашего района (и не только вашего района) проводили “итальянку” (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлебоборы по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов... Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлебоборы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали. Ну, всего хорошего и жму Вашу руку. Ваш И. Сталин» (56).

Как писал 13 апреля 1933 г. в газете «Файнэншл таймс» советник бывшего британского премьер-министра Ллойд Джорджа Гарет Джонс, трижды посетивший СССР в период с 1930 по 1933 г., основной причиной массового голода весной 1933 г., по его мнению, стала коллективиза-

ция сельского хозяйства, которая привела к следующим последствиям: изъятие земли у более чем двух третей российского крестьянства лишило его стимулов к труду, кроме того, в предыдущем (1932 г.) у крестьян был насильственным путем изъят практически весь собранный урожай; массовый забой крестьянами скота из-за нежелания отдавать его на колхозные фермы, массовая гибель лошадей из-за нехватки фуража, массовая гибель скота из-за эпидемий, холода и бескормицы на колхозных фермах катастрофически снизили поголовье скота по всей стране; борьба с кулачеством, в ходе которой 6—7 млн лучших работников были согнаны со своих земель, нанесла удар по трудовому потенциалу государства; увеличение экспорта продовольствия из-за снижения мировых цен на основные экспортные товары (лес, зерно, нефть, масло и т. д.).

Общие оценки числа жертв голода, вызванного насильственной коллективизацией, сделанные различными авторами, значительно различаются и доходят до 8 млн человек. Официальная оценка, изложенная 2 апреля 2008 г. в заявлении Государственной Думы РФ «Памяти жертв голода 1930-х гг. на территории СССР», подтверждает эти выводы. Согласно заключению комиссии при ГД РФ на территории Поволжья, Центрально-Черноземной области, Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии «от голода и болезней, связанных с недоеданием» в 1932—1933 гг. погибло около 7 млн человек, причиной чему были «репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок», которые «значительно усугубили тяжелые последствия неурожая 1932 г.».

Во время одной из союзнических конференций Второй мировой войны Сталин сказал Черчиллю, обратившемуся к нему с соболезнованиями по поводу огромных людских потерь СССР: «При коллективизации мы потеряли не меньше». — «Я так и думал, ведь вы имели дело с миллионами маленьких людей», — заметил Черчилль. «С десятью миллионами, — ответил Сталин. — Все это было очень скверно и трудно, но необходимо. Основная их часть была уничтожена своими батраками».

Насильственные хлебозаготовки, сопровождавшиеся массовыми арестами и разорением хозяйств, вызывали резкое сопротивление крестьян. Согласно данным, приводимым О.В. Хлевнюком, в январе 1930 г. было зарегистрировано 346 массовых выступлений, в которых приняли участие 125 тыс. человек, в феврале — 736 (220 тыс.), за первые две недели марта — 595 (около 230 тыс.), не считая Украины, где волнениями было охвачено 500 населенных пунктов. В марте 1930 г. в целом в Белоруссии, Центрально-Черноземной области, в Нижнем и Среднем Поволжье, на Северном Кавказе, в Сибири, на Урале, в Ленинградской, Московской, Западной, Иваново-Вознесенской областях, в Крыму и Средней Азии было зарегистрировано 1642 массовых крестьянских выступления, в которых приняли

участие не менее 750—800 тыс. человек. На Украине в это время волнениями было охвачено уже более тысячи населенных пунктов. Не желая отдавать имущество и скот в колхозы и опасаясь репрессий, которым подверглись зажиточные крестьяне, люди резали скот и сокращали посевы (57).

По приказу ОГПУ № 44/21 от 6 февраля 1930 г. началась операция по «изъятию 60 тыс. кулаков первой категории». Уже в первый день проведения операции ОГПУ было арестовано около 16 тыс. человек, на момент 9 февраля 1930 г. были «изъяты» 25 тыс. человек. В спецсводке ОГПУ от 15 февраля 1930 г. содержатся следующие данные о проведении операции: «При ликвидации кулаков как класса “изъято” в массовых операциях и при индивидуальных чистках 64 589 человек, из них в ходе подготовительных операций (1-й категории) — 52 166 человек, а в ходе массовых операций — 12 423 человека». Согласно отчетам ОГПУ по состоянию на 1 октября 1930 г.: «За первый период раскулачивания до 15 апреля 1930 г. “по первой категории” было арестовано 140 724 человека, из них кулаков — 79 330, церковников — 5028, бывших помещиков и фабрикантов — 4405, антисоветских элементов — 51 961 человек. За второй период раскулачивания, с 15 апреля 1930 г. по 1 октября 1930 г., арестованы 142 993 человека, кулаков — 45 559 и 97 434 антисоветчика». В 1931 г. «за один только январь... зафиксировано 36 698 арестованных», причем «подавляющее большинство — кулацко-белогвардейские контрреволюционеры». Всего в 1929—1932 гг. раскулачено около 4 миллионов семей. В ссылку направлено около 2 миллионов человек, из них умерли 389 521 человек.

Отдел центральной регистрауры ОГПУ в справке о выселении кулаков с начала 1930 г. до 30 сентября 1931 г. число «спецпереселенцев» определял в 517 665 семей с населением в 2 437 062 человека. За 1932—1940 гг. в спецпоселения прибыло еще 489 822 раскулаченных. Согласно секретной справке, подготовленной в 1934 г. оперативно-учетным отделом ОГПУ, около 90 тыс. кулаков погибли в пути следования и еще 300 тыс. умерли от недоедания и болезней в местах ссылки. (Смертность среди переселенных в 1932 г. была 6,8 %, а в 1933 г. — 13,3.) Тяжелые условия жизни спецпоселенцев вынуждали их совершать побеги. В 1932—1940 гг. число «беглых кулаков» составило 629 042 человека, из них пойманы и возвращены — 235 120 человек. К осени 1932 г. в колхозах состояло 62,4 % крестьянских хозяйств и было объявлено, что сплошная коллективизация в основном завершена.

Процесс коллективизации в 1931—1932 гг. привел к катастрофическим последствиям. Сборы зерна в 1933 г. сократились до 68,4 млн т. против 83,5 млн т в 1930 г. поголовье коров и лошадей сократилось вдвое, овец — втрое. От голода и болезней погибли 7 миллионов человек. Последствия коллективизации для России оказались более страшными, чем

татаро-монгольское иго. Был разрушен традиционный вековой уклад жизни, питающий национальную культуру, уничтожены физически носители народной культуры, хранители национальных и религиозных традиций. Уничтожена наиболее активная часть сельского населения — первые представители российского фермерства, появившиеся в результате реформы Петра Аркадьевича Столыпина. В катастрофических результатах коллективизации, естественно, виновными оказались враги народа. В декабре 1932 г. началась чистка партии и Наркомзема СССР, в декабре 1932 — январе 1933 г. была выявлена «вредительская контрреволюционная организация, проводившая шпионскую и вредительскую деятельность в сельском хозяйстве», — так называемая «Группа Конрада (зам. наркома Наркомзема СССР) — Вольфа (зам. наркома Наркомсовхозов) — Коварского (зам. председателя Трактороцентра)» и других. Члены этой организации Коллегией ОГПУ 11 марта 1933 г. приговорены к расстрелу и 12 марта расстреляны. Реабилитированы. Идеолог и организатор колхозов — нарком земледелия Я.А. Яковлев (Эпштейн) — расстрелян в 1938 г.; сменивший его на этом посту Чернов расстрелян в этом же году, а их преемник Роберт Эйхе, уничтоживший до этого в Сибири десятки тысяч людей, арестован в том же 1938 г. и расстрелян в 1940 г. В 1938 г. умер, не дожидаясь ареста, химик по специальности и марксист-аграрник по призванию Л.Н. Крицман.

## КАЗНИ И ПЫТКИ В ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

Уводили тебя на рассвете,  
За тобой, как на выносе, шла,  
В темной горнице плакали дети,  
У божницы свеча оплыла.  
На губах твоих холод иконки,  
Смертный пот на челе... Не забыть!  
Буду я, как стрелецкие женки,  
Под кремлевскими башнями жить.

*Анна Ахматова*

«Русский народ живет в порочном кругу насилия и страха. Страх разлит по всему лицу земли Российской. Страх заползает под крыши “дворцов” советских сановников и “хижин” трудового народа. Страх заставляет молчать или славословить, лгать и предавать. Страх растлевает человеческий ум и калечит душу» (Деникин А.И.).

В годы Большого террора пик репрессий пришелся на 1937—1938 гг. Этот период выделяется в советской истории особенно кровавыми и

труднообъяснимыми репрессиями. По официальным данным, за два года по политическим мотивам было арестовано 1 548 366 человек, из них расстреляно 681 692, т. е. в этот период в стране в среднем казнили в день по 934 человека (без учета казненных за уголовные преступления) (58).

Но даже эти ужасные цифры вряд ли являются полными. В число арестованных не включены, например, сотни тысяч депортированных и ссыльных. Непонятно, в какую категорию власти отнесли погибших под пытками во время «следствия». Неизбежно возникают вопросы: в чем причины такого скачка массовых расстрелов именно в эти два года? Почему репрессии происходят спустя 20 лет после революции в условиях относительной политической стабильности? В годы Гражданской войны и во время коллективизации террор совпадал с периодами острейших социально-политических конфликтов, сопровождающихся перераспределением собственности. Но в конце 1930-х гг. не было таких острых социальных конфликтов, для решения которых необходимо было применить столь массовое насилие. Известно, что террор и массовые репрессии в 1936—1938 гг. обосновывались сталинской теорией усиления сопротивления свергнутых классов, хотя на самом деле к тому времени ни сопротивления, ни самих этих классов уже не было и в помине. Если в 1913 г. 16,3 % всего населения России составляли помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы и кулаки, то в 1928 г. на их долю приходилось 4,6 % населения, а к 1937 г. эксплуататорские классы в СССР были ликвидированы (59).

Несмотря на это, вождь и его ближайшие соратники призывали советских людей к бдительности, разоблачению и уничтожению врагов: «“Шахтинцы” (враги народа, вредители. — *В.И.*) сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко не все выловлены» (60). «Во все советские учреждения и организации проникло много врагов, они замаскировались под советских служащих, рабочих, крестьян, ведут жесткую и коварную борьбу против советского народного хозяйства, против Советского государства» (61). Теория вождя об усилении классовой борьбы при приближении к социализму «подтверждается» на больших и малых открытых и закрытых судебных процессах, на которых прилюдно разоблачают и жестоко карают врагов народа.

В 1936—1938 гг. состоялись три крупных открытых процесса над бывшими высшими деятелями ВКП(б), которые были в 20—30-е гг. XX века связаны с троцкистской или правой оппозицией. На первом процессе «троцкистско-зиновьевского террористического центра»

основными обвиняемыми были Зиновьев и Каменев. Помимо прочих обвинений, им инкриминировалось убийство Кирова и заговор с целью убийства Сталина. Все шестнадцать обвиняемых были приговорены к смертной казни и сразу же после оглашения приговора расстреляны. Второй процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра» проходил над 17 менее крупными деятелями, такими, как Радек, Пятаков и Сокольников. 13 человек были расстреляны, остальные отправлены в лагеря, где вскоре умерли. На третьем процессе над 21 членом так называемого «Правотроцкистского блока» главными обвиняемыми были Николай Бухарин — бывший член Политбюро и глава Коминтерна и Алексей Рыков — бывший член Политбюро и председатель СНК, а также Г.Г. Ягода, Х.Г. Раковский, Н.Н. Крестинский, М.А. Чернов и другие. Целью «преступной группировки» был «шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокация военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии» (62).

Все подсудимые были признаны виновными и, кроме троих, расстреляны. В работах В.П. Наумова, М. Геллера и А. Некрича утверждается, что в ходе допросов над участниками этих и последующих процессов широко применялись шантаж (угрозы расправы с близкими родственниками), пытки и истязания, а признательные показания были вырваны силой (63).

Происходило массовое истребление руководящих кадров и рядовых членов партии. Из 267 членов ЦК, избранных в его состав с 1917 по 1934 г., к началу репрессий умерли 34, пережили репрессии 36, в основном те, кто особо рьяно прислуживал Сталину, и вошедшие в ЦК в 1920—1930-е гг. Остальные были уничтожены (А.И. Козлов. «Сталин: борьба за власть». — Ростов Н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1991, с. 381). Таким образом, было уничтожено 197 из 233 членов ЦК, доживших до начала репрессий.

Какой извращенной фантазией надо обладать, чтобы утверждать, что Сталин и его подручные, осуществившие эти репрессии, «продолжали дело Ленина и Октябрьской революции»? А может быть, и в самом деле продолжали? Ведь и во время революции пламенные революционеры марксисты-ленинцы также в первую очередь уничтожали лучших пред-

ставителей российской элиты. По утверждению ответственного работника КПК при ЦК КПСС Каткова в 1991 г., среди лиц, репрессированных в 1937—1938 гг., было 116 885 коммунистов, т.е. тех, у кого был партбилет на момент ареста. Те же, кого исключили перед арестом или несколькими годами ранее при разгроме различных оппозиций, числились беспартийными. Трудно сказать, сколько было репрессировано таких «беспартийных», но, как заявил на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. Сталин, с 1922 г. из рядов партии было исключено около 1,5 миллиона человек (Роговин В.З. «Партия расстрелянных». — М., 1997, с. 487). По данным Вадима Роговина, коммунисты составляли более половины всех репрессированных. Жестоким репрессиям подверглись и представители зарубежных компартий. На IX съезде СЕПГ в январе 1989 г. было официально объявлено, что в СССР во время «великой чистки» было уничтожено 242 видных деятеля КПГ (В.И. Пятницкий. «Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории». — Минск: Харвест, 2004, с. 541).

Югославские историки приводят списки более 800 своих эмигрантов и коммунистов, погибших от сталинского террора, и среди них четыре генеральных секретаря КПЮ, занимавших этот пост в партии в разное время. «В руководстве югославской компартии, кроме Тито, не осталось никого» (там же). «В подвалах Лубянки, Лефортовской тюрьмы и других местах погибло более 600 болгарских коммунистов» (там же, с. 542). В сталинских застенках погибли основатели Коминтерна Г. Клиnger, Г. Эберлейн (КПГ), швейцарский соратник Ленина Ф. Платтен. Жертвами сталинизма стали 10 из 16 членов первого ЦК Коммунистической партии Венгрии и 11 из 20 народных комиссаров Венгерской Советской Республики 1919 г. Были арестованы почти все польские коммунисты, находившиеся в СССР. Руководители Компартии Польши, в том числе ее генеральный секретарь Ленский и один из основателей Социал-демократической и коммунистической партий Польши 70-летний Варский, были расстреляны. Было принято постановление Исполкома Коминтерна о роспуске партии. В Монголию, находившуюся в полной зависимости от СССР, был послан заместитель наркома внутренних дел Фриновский. Из 11 членов монгольского Политбюро ЦК было уничтожено 10, кроме одного Чойбалсана. Были расстреляны лидер Компартии Ирана Султан-Заде и Компартии Мексики Гомес (там же, с. 340).

11 июня 1937 г. на закрытом судебном заседании без участия защитников и без права обжалования приговора было рассмотрено дело по обвинению Маршала Советского Союза Тухачевского, командармов 1-го ранга Уборевича и Якира, командарма 2-го ранга Корка, комкоров



Фельдмана, Эйдемана, Примакова и Путны в шпионаже, измене Родине и подготовке террористических актов. Высших офицеров РККА судило образованное Сталиным Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе председательствующего В.В. Ульриха и членов Я.И. Алксниса, В.К. Блюхера, С.М. Буденного, Б.М. Шапошников, И.П. Белова, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширина и Е.И. Горячева. Все подсудимые были расстреляны сразу же после окончания суда. Из членов «присутствия» эпоху Большого террора пережили лишь Буденный и Шапошников, остальные «судьи» вскоре были расстреляны.

После «Процесса военных» начались репрессии в РККА. Особенно большой урон понес высший командный состав — с командиров полков и выше. Всего в армии за контрреволюционные преступления было осуждено командиров всех рангов и бойцов: в 1936 г. — 925 человек, в 1937 — 4079, в 1938 — 3132, в 1939 — 1099 и в 1940 — 1603 человека. По данным Архива Военной коллегии Верховного суда СССР к высшей мере наказания в 1938 г. были приговорены 52 военнослужащих, в 1939 г. — 112 и в 1940 г. — 528 военнослужащих (64).

Чистка способствовала быстрому продвижению остающихся на свободе офицеров вверх по служебной лестнице и круто меняла их судьбы. Например, военный летчик старший лейтенант Иван Проскуров (1907 г. рождения) с октября 1936 по июнь 1937 г. воевал в Испании командиром 1-й интернациональной бомбардировочной эскадрильи. В июне 1937 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза и, по указанию Сталина, минуя звание капитана, — воинское звание майора. Это определило карьерный взлет молодого летчика. В 1937 г. ему было присвоено звание полковника, а в начале 1938 г. — комбрига. 7 октября 1938 г. Проскуров утвержден членом Военного совета при народном комиссаре обороны СССР, а 14 апреля 1939 г. назначен заместителем наркома обороны СССР и начальником Разведывательного управления РККА. С июня 1940 г. — генерал-лейтенант авиации. Командовал ВВС Дальневосточного фронта, с начала июня 1941 г. — командующий ВВС 7-й армии. 27 июня 1941 г. Иван Иосифович Проскуров был арестован, а 28 октября расстрелян по личному распоряжению Берии: «Следствие прекратить, суду не предавать, немедленно расстрелять». В протоколе значилось: «Виновным себя не признал». В один день с ним были казнены 20 человек, в том числе генералы Локтионов, Штерн, Арженухин, Рычагов, Смушкевич, Володин, Каюков, Савченко и другие. Реабилитирован 15 мая 1954 г. (65).

Однако основную массу казненных в годы Большого террора составили не партийные деятели — маршалы и генералы, — а сотни тысяч

простых советских граждан. 2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик следующую телеграмму: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте, и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке». Телеграмма была подписана Сталиным.

16 июля 1937 г. состоялось совещание Ежова с начальниками областных управлений НКВД, где обсуждались вопросы проведения предстоящей операции. В следственных делах на наркома Н.И. Ежова и его заместителя М.П. Фриновского имеются показания С.Н. Миронова (начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю), А.И. Успенского (нарком внутренних дел УССР), Н.В. Кондакова (нарком внутренних дел Армянской ССР) и других об этом совещании. С.Н. Миронов показал: «Ежов дал общую оперативно-политическую директиву, а Фриновский уже в развитие ее прорабатывал с каждым начальником управления “оперативный лимит”» (количество лиц, подлежащих репрессии в том или ином регионе СССР. — *В.И.*). В заявлении на имя Л.П. Берии С.Н. Миронов писал: «...в процессе доклада Ежову в июле я ему заявил, что столь массовые широкие операции по районному и городскому активу... рискованны, так как наряду с действительными членами контрреволюционной организации они очень неубедительно показывают на причастность ряда лиц. Ежов мне на это ответил: “А почему вы не арестовываете их? Мы за вас работать не будем, посадите их, а потом разберетесь — на кого не будет показаний, потом отсеете. Действуйте смелее, я уже вам неоднократно говорил”. ...При этом он мне заявил, что в отдельных случаях, если нужно, с вашего разрешения могут начальники отделов применять и физические методы воздействия» (66).

«Начальники управлений, — показывал А.И. Успенский, — стараясь перешеголять друг друга, — докладывали о гигантских цифрах арестованных. Выступление Ежова на этом совещании сводилось к директиве: “Бей, громи без разбора”. Ежов прямо заявил, — продолжал он, — что “в связи с разгромом врагов будет уничтожена и некоторая часть невинных людей, но что это неизбежно”. На мой вопрос, как быть с арестованными 70- и 80-летними стариками, Ежов отвечал: “Если держится на ногах — стреляй”» (67).

30 июля 1937 г. был принят приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». По этому приказу определялись следующие категории лиц, подлежащих репрессиям: «1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность; 2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность; 3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность; 4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность; 5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований. Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены; 6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу; 7. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой. Репрессированию подлежат

также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены; 8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность».

Все репрессируемые разбивались на две категории: «наиболее враждебные элементы» подлежали немедленному аресту и после рассмотрения их дел на тройках — расстрелу. «Менее активные, но все же враждебные элементы» подлежали аресту и заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Приказом НКВД для ускоренного рассмотрения тысяч дел были образованы «оперативные тройки» на уровне республик и областей. В состав «тройки» обычно входили: председатель — местный начальник НКВД, члены — местные прокурор и первый секретарь областного, краевого или республиканского комитета ВКП(б). Для каждого региона Советского Союза устанавливались лимиты по обеим категориям. (Приказ впервые был напечатан в газете «Труд» 4 июня 1992 г. Другие документы о массовых операциях Большого террора были напечатаны в еженедельнике «Московские новости» 21 июля того же года. До этого времени информация о приказе была полностью засекречена. Даже в засекреченном выступлении в 1956 г. Н.С. Хрущев, который сам принимал участие в «кулацкой операции», не упомянул о нем ни слова.)

Для подготовки репрессий в Москве и регионах прошли рабочие совещания сотрудников НКВД и прокуратуры, на которых было указано на необходимость придерживаться строжайшей секретности, на допустимые упрощения при ведении следствия и быстрое проведение судебных процессов. Рекомендовалось также подобрать подходящие места для осуществления расстрелов и захоронения тел. Участники такого заседания в Новосибирске, например, приветствовали предстоящую операцию «громкими возгласами поддержки» (68).

В изданном Ежовым приказе лимиты по обеим категориям были уменьшены по сравнению со списками от регионов. В общей сложности 59 республик, краев и областей предоставили список из 263 076 бывших кулаков и преступников: 85 511 предлагалось расстрелять, а 181 562 — выслать. Приказом же предусматривалось число репрессированных примерно на 29 тыс. человек меньше: 59,2 тыс. по первой категории, 174,5 тыс. — по второй. Уменьшение лимитов было произведено в основном за счет регионов, в чьих списках было более 4 тыс. кандидатов. Наибольшее количество кандидатов на расстрел и депортацию представил первый секретарь Московского обкома Н.С. Хрущев. По состоянию на

10 июля им было предложено репрессировать 41 305 «криминальных и кулацких элементов», из которых 8500 предлагалось расстрелять (первая категория) и 32 805 выселить (вторая категория) (69: 274—282).

Приказ утверждал личный состав 64 «троек» на республиканском, краевом и областном уровнях. В «кулацкой операции» «тройки» были «оперативным костяком массового террора» и имели не только те же задачи, что и ускоренные суды по раскулачиванию, но иногда и тех же членов, например: Станислав Реденс, Ефим Евдокимов, Леонид Заковский, Василий Каруцкий, Борис Бак, Роберт Эйхе и другие. Председателем заседаний был представитель НКВД, материалы для принятия решений «тройкой» также готовили сотрудники НКВД — «докладчик»-следователь и «секретарь» «тройки». Следствие проводилось «ускоренно и в упрощенном порядке». Заседания происходили за закрытыми дверями, в отсутствие обвиняемого, не оставляя ему никакой возможности для защиты. Пересмотр вынесенных «тройками» решений не был предусмотрен приказом, поэтому расстрельные приговоры быстро приводились в исполнение (70: 28, 31, 228).

Лимиты на уничтожение неоднократно увеличивались как по инициативе центра, так и по многочисленным ходатайствам территориальных органов НКВД. Например, 15 октября 1937 г. Политбюро приняло увеличение лимитов на 120 тыс. человек, из них 63 тыс. по первой категории и 57 тыс. — по второй. В Омске назначенный 28 июля 1937 г. председатель «тройки» уже 1 августа просил Лубянку увеличить лимиты. Он объяснил это «стахановскими темпами», которыми арестовано уже 3008 человек по первой категории (71).

В 1938 г. репрессии приобрели еще более жестокий характер — в некоторых регионах подавляющее большинство приговоров были смертными. Так, в Украинской ССР и Молдавской АССР с 1 января по 1 августа 1938 г. лишь 830 человек были отправлены в лагеря, а 36 393 приговорены к смерти. Одной из причин особой жестокости репрессий на Украине, видимо, стали кадровые изменения в партийном руководстве. 27 января первым секретарем Коммунистической партии Украины стал Н.С. Хрущев. Работа «троек» была поставлена на конвейер. Например, Ленинградская «тройка» 9 октября 1937 г. вынесла 658 смертных приговоров заключенным на Соловецких островах. Омская «тройка» 10 октября вынесла 1301 приговор, по которым 937 человек были осуждены на смертную казнь. «Тройка» Татарской АССР 28 октября вынесла 256 смертных приговоров. Карельская «тройка» 20 ноября рассмотрела 705 дел и вынесла 629 смертных приговоров. В тот же день Краснодарская «тройка» вынесла 1252 приговора. Репрессии проводилась также в отношении

лиц, уже осужденных и находившихся в лагерях. Для них в приказе был выделен лимит на расстрел на 10 тысяч человек, который впоследствии был увеличен. По данным ГУГБ НКВД СССР, по состоянию на 31 декабря 1937 г. в процессе «кулацкой операции» было арестовано 555 641 человек, из них 239 252 приговорены к смерти, 314 110 человек осуждены на сроки в лагерях или тюрьмах и 14 600 заключенных лагерей были приговорены к расстрелу (72: 150—152).

Современные российские историки оценивают общее число заключенных только в «кулацкой операции» до 820 тыс., из них от 437 тыс. до 445 тыс. были расстреляны. Начальники УНКВД, получив разверстку на арест нескольких тысяч человек, были поставлены перед необходимостью арестовывать сразу сотни и тысячи человек. А так как всем этим арестам надо было придать какую-то видимость законности, то сотрудники НКВД стали повсеместно выдумывать всякого рода организации, «центры», «блоки» и просто группы.

Из материалов следственных дел того времени видно, что почти во всех краях, областях и республиках действовали широко разветвленные повстанческие, «правотроцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские» организации и центры, и, как правило, эти «организации» или «центры» возглавляли первые секретари обкомов, крайкомов или ЦК компартий союзных республик. Так органами УНКВД Западно-Сибирского края было сфабриковано широкомасштабное дело, названное позднее «эсеров-ровсовским заговором». «Ровсовская» операция представляла собой репрессивную акцию, инициированную и реализованную руководством Западно-Сибирского края, которому удалось заручиться поддержкой Москвы. Поданная в Москву информация сыграла существенную роль и в разработке будущей «кулацкой» операции.

Кроме крупной «ровсовской» организации в Новосибирской области были «разоблачены» «Сибирский комитет польской организации войсковой», «Новосибирская троцкистская организация в РККА», «Новосибирский троцкистский террористический центр», «Новосибирская фашистская национал-социалистическая партия Германии», «Новосибирская латышская национал-социалистическая фашистская организация» и еще 33 другие «антисоветские» организации и группы. В конце июля 1937 г. члены оперативной бригады секретно-политического отдела УНКВД Западно-Сибирского края, в значительной степени укомплектованной курсантами межкраевой школы НКВД под руководством П.И. Молостова, ходили по предприятиям и стройкам Новосибирска, выясняя у администрации наличие «антисоветского элемента».

Курсанты обходились без протоколов, ограничиваясь записями вроде «антисоветски настроен», «кулак» и т.д. Аресты «врагов народа» производились как поодиночке, так и облавами. Так сотрудники НКВД ночью оцепили огромную площадку строительства оперного театра и в течение трех дней арестовали до 200 строителей. Один из сотрудников НКВД, проводивший подобную операцию в Прокопьевске, позднее показал: «Ночью к зданию городского отдела были подогнаны около 15 грузовых автомашин с вооруженной охраной. По указанию Дымнова мы выехали на поселок Южный, где в основном жили спецпоселенцы, и... подвергли аресту всех мужчин. Ордеров на арест у нас не было... брали всех подряд, кто окажется дома... В этот раз было арестовано свыше 200 человек... Руководством городского отдела, видимо, с участием Дымнова, был составлен список всех арестованных, которых вписали в заранее подготовленную схему повстанческой организации...» До 15 марта 1938 г. только по «ровсовской» организации было осуждено 24 383 человека, из них 21 129 человек были расстреляны (73).

«Кулацкая операция» была лишь одним из направлений в общей кампании чисток. Были приняты и другие меры государственного терроризма для чистки советского общества от нежелательных «элементов». 9 марта 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) издало Постановление «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». В соответствии с ним был усложнен въезд в страну политэмигрантов и была создана комиссия для «чистки» международных организаций на территории СССР (74).

25 июля 1937 г. Ежов подписал приказ № 00439, которым обязал местные органы НКВД в 5-дневный срок арестовать всех германских подданных, в том числе и политических эмигрантов, работающих или ранее работавших на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, а также на железнодорожном транспорте, и в процессе следствия по их делам «добиваться исчерпывающего вскрытия не разоблаченной до сих пор агентуры германской разведки». По этим делам было осуждено 30 608 человек, в том числе приговорено к расстрелу 24 858 человек (75).

11 августа 1937 г. Ежов подписал приказ № 00485, которым приказал начать с 20 августа широкую операцию, направленную на полную ликвидацию местных организаций «Польской организации войсковой» и закончить ее в 3-месячный срок. По этим делам было осуждено 103 489 человек, в том числе приговорено к расстрелу 84 471 человек (76).

15 августа был издан приказ НКВД № 00486 о начале репрессий против «изменников родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военным

трибуналом по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 г., а также о порядке «арестов жен изменников родины, участников правотроцкистских организаций, шпионов и диверсантов». 17 августа 1937 г. издан приказ о проведении «румынской операции» в отношении эмигрантов и перебежчиков из Румынии в Молдавию и на Украину. Осуждено 8292 человека, в том числе приговорено к расстрелу 5439 человек.

В связи с продажей КВЖД в Советский Союз вернулось несколько десятков тысяч советских граждан, ранее работавших на КВЖД, а также эмигрантов. Вся эта группа лиц получила нарицательное имя «харбинцы» и затем была подвергнута репрессиям по приказу НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. Всего было осуждено 29 981 «харбинец», из них расстреляно 19 312 человек. 20 ноября 1937 г. издана директива НКВД о проведении операции в отношении перебежчиков из Латвии, активистов латышских клубов и обществ, по которой осуждено 21 300 человек, в том числе 16 575 человек были расстреляны. 11 декабря 1937 г. издана директива НКВД о репрессиях в отношении греков, по которой осуждено 12 557 человек, в том числе 10 545 человек расстреляны. Директивой НКВД от 14 декабря 1937 г. репрессии по «латышской линии» распространялись также на эстонцев, литовцев и финнов. По «эстонской линии» осуждено 9735 человек, в том числе расстреляно 7998 человек, по «финской линии» осуждено 11 066 человек, из них приговорено к расстрелу 9078 человек. В январе — феврале 1938 г. изданы директивы НКВД о проведении «иранской операции», «национальной операции» в отношении болгар и македонцев и по «афганской операции». Всего по этим «операциям» осуждено 14 455 человек, из которых 2412 приговорены к расстрелу. В начале 1938 г. дела инвалидов, осужденных по разным статьям на 8—10 лет лагерей, пересматривались «тройкой» по Москве и Московской области, которая приговаривала их к высшей мере наказания, так как их нельзя было использовать как рабочую силу.

В 1937—1938 гг. репрессии проводились не только органами госбезопасности. В областных и краевых управлениях милиции устанавливались лимиты на аресты «социально вредного» и уголовного элемента, которые доводились до местных милицеских начальников. Всего «милицеские тройки» в 1937—1938 гг. осудили около 420—450 тыс. человек из числа деклассированных и беспаспортных. Кампания террора и преследований привела к переполнению тюрем, лагерей и поселений ГУЛАГ. Количество заключенных выросло с 786 595 (на 1 июля 1937 г.) до более 1 126 500 (на 1 февраля 1938 г.) и более 1 317 195 (на 1 января



1939 г.). Ухудшились и без того неблагоприятные условия содержания. По официальным данным, в 1937 г. погибло 33 499 заключенных, а в 1938 г. — 126 585 заключенных. Во время депортации и перевозки в 1938 г. погибли на 38 тыс. человек больше по сравнению с предыдущим годом. По данным статистики, в 1938 г. более 9 % заключенных, или чуть более 100 тыс. человек, были нетрудоспособными по болезни, инвалидности или из-за упадка сил. В 1939 г. количество нетрудоспособных, не считая инвалидов, составило уже 150 тыс. человек (77).

«Рабочую» обстановку в низовых звеньях чекистского карательного аппарата во времена Большого террора можно представить по ставшей известной докладной записке сотрудника Белозерского РО НКВД Вологодской области И.В. Анисимова секретарю Вологодского обкома ВКП(б) Овчинникову. Ввиду уникальности документа приведем его полностью. Докладная записка И.В. Анисимова секретарю Вологодского ОК ВКП(б) Овчинникову о нарушениях, совершенных работниками УНКВД. (Написана не позднее 27 декабря 1938 г. Стил и орфография соблюдены.) «Доношу до Вашего сведения, тов. ОВЧИННИКОВ, об искривлениях политики партии большевиков по вопросу практики оперативной чекистской работы о нарушении постановления ЦК ВКП(б) и указаний лично т. СТАЛИНА о дискредитации органами НКВД СССР отдельными работниками УНКВД по ЛО и ВО. В подтверждение этого излагаю факты этих нарушений, совершенных в 1937 г. на территории г. Белозерска Вологодской Области.

Будучи на работе в Белозерском РО НКВД по ВО в должности начальника Бюро Исправительно-трудовых работ, мне известно, что с целью подготовить большое количество следственных дел на тройку УНКВД работники Белозерского сектора арестовали совершенно невинных граждан, а именно: бывш. начальник опер. сектора ВЛАСОВ перед началом своей работы собрал у себя в кабинете совещание и сказал, что наш сектор должен дать больше всех секторов дел на тройку и в осуществление этого он, ВЛАСОВ, организовал группу из своих работников, так называемую “вербовочную комиссию”, в которую входили: 1. Бывш. Начальник оперативного сектора ВЛАСОВ; 2. Чекист запаса ЕМИН; 3. Зам. Начальника Белозерского РО ОВЧИННИКОВ; 4. ВОРОБЬЕВ — работник Ленинградского УНКВД; 5. Начальник Белозерского РО ПОРТНОГО; 6. Сотрудник Ленинградского УНКВД ЛЕВАШОВ; 7. Капитан школы им. Ворошилова АНТИПОВ и другие. Тут же в кабинете у себя распределил ВЛАСОВ обязанности между этими лицами: 1. ЛЕВАШОВ был секретарем по выдаче денежных аван-

сов; 2. ВОРОБЬЕВ — “доктором”; 3. ЕМИН, ВЛАСОВ и ОВЧИННИКОВ были агентами “вербовочной комиссии”, причем договаривались в закрытом кабинете и об этом никто не знал, а лично мне рассказал ОВЧИННИКОВ, впоследствии стало известно от самих заключенных. Нужно сказать, что все они переоделись в штатскую форму и уехали.

Работа этой “комиссии” была построена следующим образом: вызывали по одному человеку из камеры, совершенно не располагая на последнего компрометирующими материалами и “доктор” ВОРОБЬЕВ начинал производить “медицинский осмотр”, а ВЛАСОВ, ОВЧИННИКОВ и ЕМИН сидели, писали протоколы допроса, пользуясь ранее составленным еще в Белозерске протоколом. После осмотра ВОРОБЬЕВ кричал “годен”, подводили к столу и, не читая ему протокола, говорили — подписывай акт медицинского осмотра и таким образом они в течение 4-х суток арестовали 200 человек, на которых не было совершенно материалов о к. р. агитации и других. Вернувшись обратно в Белозерское РО НКВД, ВЛАСОВ созвал вторично совещание и поставил вопрос перед работниками, что не соответствует с указаниями ЦК ВКП(б), а именно: 1. Протоколы писать хорошие, а хорошие нужно понимать так — они должны быть крепкие и длинные и больше вписывать актов к. р. деятельности на обвиняемого и тут же роздал всем работникам стандартный протокол, написанный лично ВЛАСОВЫМ и ОВЧИННИКОВЫМ, что и выполняли все. 2. Увязывать на к. р. организацию, хотя они пусть были и не связаны по к. р. работе.

После этого совещания ВЛАСОВ, ПОРТНОГО, ОВЧИННИКОВ и ЕМИН составили списки на лиц подлежащих аресту, а в списки заносили так — придет от председателя с/совета заявление, что на территории этого с/с проживает гражданин, имеющий ранее судимость или взяли в Райисполкоме списки кто в прошлом облагался твердым заданием и вот только по этому производили аресты. Мне известно, что по 30—40 человек арестовывали так, что после ареста у следователей был один его паспорт и вписывал в протокол обвиняемому, что ему вздумается, а после этого принуждали подписывать его написанное. Я помню как мне дали 15 штук паспортов (женщин) и Власов сказал, что садись, пиши протоколы, вот тебе мой черновик, а когда я ему сказал, что т. Начальник, у них нет состава преступления, то он ответил — “Партия нам так диктует, а ты должен подчиняться решениям партии”.

Кроме этого ВЛАСОВ, ПОРТНОГО, ОВЧИННИКОВ, ВОРОБЬЕВ и др. применяли фашистские методы допроса и убивали в кабинетах путем физического насилия тех кто упорно не подписывал протоколы,

заготовленные ранее ОВЧИННИКОВЫМ и ВЛАСОВЫМ. Одному “обвиняемому”, фамилии сейчас не помню, ВЛАСОВ, ВОРОБЬЕВ и ОВЧИННИКОВ в кабинете у ВЛАСОВА сломали железным крюком нос и выкололи глаза, после свалили его под пол в это помещение. Двух граждан, фамилии тоже не помню, ОВЧИННИКОВ, ВОРОБЬЕВ и АНТИПОВ убили в помещении ЗАГСа и зарыли его под полом в этом помещении, причем убивали этих лиц железным молотом в голову, окна помещения были заставлены досками и одеждой. После этих убийств 3-х граждан ВЛАСОВ вызвал меня в кабинет и отобрал подписку о неразглашении этого дела, а в подтверждение с целью запугивания сказал, что если выдашь нашу работу, то убьем сразу, как собаку. Я подписку его не подписал и отказался, тогда он поручил мне убить обв. СКВОРЦОВА в кабинете железным молотом и когда я отказался от этого дела, то он прислал в кабинет ВОРОБЬЕВА, а меня выгнали из кабинета и там большой чернильницей СКВОРЦОВУ разбили всю голову и после этого он подписал им “показания”, причем мне давали 15 рублей денег за то, чтобы СКВОРЦОВА я заставил насильно подписать написанный им протокол и тогда как мною этого не было выполнено, то ВЛАСОВ назвал меня “тряпкой” лишил обещанных денег.

Кроме этого в один вечер, по договоренности с ВЛАСОВЫМ, ПОРТНОГО дает свое распоряжение в помещении РО НКВД в течение всей ночи никому не входить из рядового состава и после этого ВЛАСОВ и ПОРТНОГО собрали совещание и сказали, что по указанию ЦК ВКП(б) мы должны убить около 70 человек, причем бить будем их холодным оружием. После всех этих разговоров ВОРОБЬЕВ, ОВЧИННИКОВ и ЕМИН достали из шкафа топор, железный молот и сказали — вот чем будем убивать сегодня человек 30. Будем рубить головы и крохи мяса закапывать в могилы, подготовленные сторожем кладбища, который очевидец этого дела. Приводили из тюрьмы по 15—20 человек, вязали им в помещении ЗАГСа руки, ложили в сани, а сверху валили одеяла и садились сами. По приезду на могилу ЕМИН, АНТИПОВ и другие брали по одному из саней и подносили его туловище на плаху, а ВОРОБЬЕВ и ОВЧИННИКОВ рубили топором, а после куски этого мяса бросали в могилу и вот таким образом они в течении 3-х суток уничтожили большое количество человек. Нужно сказать, что до отъезда на могилу ВЛАСОВ, ПОРТНОГО поили всех водкой в кабинете у ПОРТНОГО, а когда возвращались с могилы, пили водку на квартире у ОВЧИННИКОВА. Водкой поили курсантов, работающих на практике из Ворошиловской школы. Одежду свою забрызганную кровью жгли в огне и также жгли вещи убитых. К этой работе был привлечен Начальник

тюрьмы МИХАЙЛОВ. Особенно издевались ОВЧИННИКОВ и ВОРОБЬЕВ, а после выпивки-водки ОВЧИННИКОВ выступал в сильном самоопьянении и говорил в присутствии своей жены, что “молодцы мы с ВОРОБЬЕВЫМ, не имея практики, рубили человеческое тело как репу”. Мне хорошо известно, что они пьянствовали на гос. средства в течение всей операции и доходило до массовых скандалов о том, что ОВЧИННИКОВ приписывал все эти заслуги себе, а ВЛАСОВ выступая говорил, что мое руководство было, а поэтому мои заслуги. Не случайно у т. ОВЧИННИКОВА в Белозерском РО НКВД два самоубийства и оба совершены на почве систематической пьянки. В этом деле должны нести ответственность и руководящие работники Управления, как то, ЖУПАХИН и БЕНЮК Начальник ОК НКВД по ВО, ибо они способствовали и способствуют в настоящее время.

В 1938 г. меня выдвинули на работу Пом. опер. уполномоченного УГБ в Кадуйское РО НКВД, куда был в порядке выдвижения начальником назначен ОВЧИННИКОВ Василий Дмитриевич. Узнав БЕНЮК, что я знаю о преступных действиях по Белозерскому РО НКВД в отношении ОВЧИННИКОВА, он вызвал меня к себе в кабинет и стал изыскивать на меня компрометирующие материалы с целью уволить из органов НКВД. Он сказал, что я не выполняю указаний ОВЧИННИКОВА и не пишу протоколов допроса, так как пишет ОВЧИННИКОВ, а ОВЧИННИКОВ на протяжении ряда лет имеет стандартную форму допросов — об этом известно всему составу Белозерского РО НКВД. Дальше он говорит: Ты еще в 1937 г. не хотел выполнять наши указания, а когда ему повторил я, что Ваши указания не соответствуют с постановлением ЦК ВКП(б) и об этих указаниях я хочу сообщить т. ОВЧИННИКОВУ в Обком ВКП(б), тогда он, БЕНЮК, сказал: “Какое отношение имеет ОВЧИННИКОВ и Обком к нашей работе, к нашему руководству” и после этого обозвал меня “болтуном” и “треплом”. После этого предупредил в отношении подписки о неразглашении. В этот же день уволил меня из органов УГБ НКВД и меня перевел в милицию, где и работаю в настоящее время.

В декабре месяце 1938 г. по этому делу мною было сказано Особополномоченному УНКВД по ВО СУКОНКИНУ, но последний мер к расследованию совершенно не принял и не придал значения этому делу, так как по его мнению это дело не имеет никакого значения, тогда как я ему подробно изложил о всех действиях Белозерского РО НКВД. Где был организован настоящий фашистский застенок и эти работники Белозерского РО ПОРТНОГО, ОВЧИННИКОВ стоят в большом почете у руководства по Вологодской области УНКВД. Если потребуется,

могу подробно доложить о всех действиях, которых я еще не указал здесь. Анисимов» (78).

В материалах «комиссии Шверника» приведены и другие факты нарушения законности в органах НКВД Вологодской области. В частности, о незаконном осуждении к высшей мере наказания заключенных Вологодской и Грязовецкой тюрем ГУГБ НКВД СССР, отбывавших наказание по приговорам Военной коллегии Верховного суда и Особого совещания при НКВД СССР, которые, «находясь в заключении, продолжали вести активную борьбу с Советской властью». Так, 23 ноября 1937 г. были осуждены 25 заключенных Вологодской тюрьмы, 1 декабря 1937 г. были осуждены 15 заключенных Грязовецкой тюрьмы, 17 января 1938 г. 15 заключенных Вологодской и 8 заключенных Грязовецкой тюрем. 7 декабря 1937 г. «...за проведение контрреволюционной агитации, срыв политико-воспитательных и общих мероприятий, нарушение режима к ВМН были приговорены 100 заключенных ИТК № 14 УНКВД по Вологодской области».

В письме А.Я. Вышинского от 1 февраля 1939 г. И.В. Сталину и В.М. Молотову о результатах расследования нарушений в Вологодском УНКВД подтверждены и дополнены факты, изложенные в докладной записке Анисимова и детально описана процедура «следственных действий»: «Бывш. начальник Белозерского оперсектора УНКВД лейтенант госбезопасности Власов, получив задание о разработке и выявлении кулацких, антисоветских элементов, занимающихся к/р деятельностью, вместо честно и добросовестного выполнения этого задания встал на путь подлогов и фабрикаций фиктивных дел. В этих целях Власов и работники оперсектора сержант госбезопасности Воробьев, старший лейтенант, чекист запаса Емин, сотрудник Левашов и прикомандированный к оперсектору начальник пограничной школы в Ленинграде капитан Антипов прибыли в исправительно-трудовую колонию № 14 под видом “медицинской комиссии”, якобы для отбора и направления осужденных в другие колонии. Отобрав здесь из отбывающих наказание 100 человек, Власов и его сотрудники составили подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в совершении тяжчайших государственных преступлений. Подписи обвиняемых на этих протоколах были получены под видом подписей на “свидетельствах о болезни”. Сфабрикованные таким образом дела были переданы на рассмотрение во вне судебном порядке на Тройку при УНКВД по Вологодской области и все 100 человек были расстреляны. Власов, Емин, Воробьев, Левашов и начальник Белозерского РО НКВД Портного во

время допросов доходили до изуверства, применяя к допрашиваемым всевозможные пытки. Дело дошло до того, что во время допросов этими лицами четверо допрашиваемых были убиты...» (79).

«Искривления социалистической законности» имели место не только в Вологодской области. По единоличным распоряжениям начальника УНКВД по Житомирской области Вяткина в 1937—1938 гг. расстреляно свыше четырех тысяч арестованных, среди которых были беременные женщины и несовершеннолетние дети. В момент расследования этого факта выяснилось, что более чем на две тысячи расстрелянных протоколы членами «тройки» не подписаны и на многих из расстрелянных не оказалось даже следственных дел (80). В Ленинграде в августе—ноябре 1937 г. по расследуемому делу арестовали 53 человека, в том числе 51 глухонемого, обвинив их в подготовке террористических актов против Жданова, Молотова и Сталина. По решению «тройки» все эти лица были осуждены, причем 34 человека расстреляны. На 1 июля 1938 г. по Свердловской области значились осужденными 9853 поляка и 1237 латышей. В конце того же года была проведена выборочная проверка дела на 4123 поляков и 237 латышей. Выяснилось, что из осужденных по проверенным делам поляками по национальности являлись только 390 человек, а латышами — 12 человек (81).

«Тройки» рассматривали дела в отсутствие обвиняемых, десятки и даже сотни дел на каждом заседании. По воспоминаниям бывшего чекиста М.П. Шрейдера, проработавшего на руководящих должностях в системе НКВД до 1938 г. и затем арестованного, порядок работы «тройки» по Ивановской области был следующий: составлялся так называемый «альбом», на каждой странице которого значились имя, отчество, фамилия, год рождения и совершенное «преступление» арестованного. При просмотре «альбома» начальник областного управления НКВД красным карандашом писал на каждой странице большую букву «Р» и расписывался, что означало «расстрел». В тот же вечер или ночью приговор приводился в исполнение. Обычно на следующий день страницы «альбома» подписывали другие члены «тройки» (82). Протоколы заседания «троек» направлялись начальникам оперативных групп НКВД для приведения приговоров в исполнение. Приказ устанавливал, что приговоры по «первой категории» приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников областных управлений и отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение. Подбору мест расстрелов и массовых захоронений в НКВД уделялось большое

внимание. 25 июля 1937 г. начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю Миронов С.Н., который впоследствии был сам расстрелян, на совещании так инструктировал начальников оперсекторов управлений НКВД: «Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспирировать место, где приведен приговор в исполнение — потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговора в исполнение, ничего не должен знать абсолютно — потому что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений» (83).

8 августа 1937 г. заместитель Ежова Фриновский направил телеграмму: «Всем начальникам УНКВД. В дополнение оперприказа № 00447. Приговора троек объявлять осужденным только второй категории. Первой категории — не объявлять. Повторяю — не объявлять. Фриновский». В результате обреченные на смерть узнавали о своей участи лишь на месте расстрела. В годы массовых репрессий приведение приговоров в исполнение осуществляли сотрудники тюрем и так называемые «расстрельные» команды, в которые входило по четыре-пять сотрудников НКВД. В официальных документах 1930—1940-х гг. для обозначения исполнителей приговоров использовался термин «сотрудники для особых поручений».

В период Большого террора 1937—1938 гг. для массовых расстрелов привлекались также оперативные работники органов безопасности, следователи, сотрудники милиции и даже штатские партийные активисты. Исполнители пользовались личным оружием, обычно это был наган, который они считали самым подходящим оружием. Стреляли с расстояния менее метра в левую часть затылка или под череп, в шею снизу вверх, целясь в первый шейный позвонок. В этом месте находится нервный узел, соединяющий мозг со всем телом, и при его разрушении смерть наступает мгновенно.

Изучая акты на списание патронов у расстрельных команд, исследователи пришли к выводу, что в ряде случаев в одного казнимого стреляли два-три раза с контрольным выстрелом. Расстреливали, как правило, партиями. Расстрелянных на территории тюрем раздевали до белья или донага. Обнаруженные в 1979 г. многочисленные мумифици-

рованные трупы на размытой Обью территории колпашевской тюрьмы и в других, ставших известными, местах массовых захоронений были в нижнем белье. При казнях за городом, как показывают раскопки последних лет, в могилах обнаруживают обувь и остатки верхней одежды. Технология расстрелов и беспредельный цинизм «органов правосудия» видны из материалов дела дважды расстрелянного крестьянина колхоза «Труженик» Ново-Борчатского сельсовета Крапивинского района Кемеровской области Г.Н. Чазова. Григория Чазова арестовали 5 декабря 1937 г., 19 февраля следующего года он был допрошен фельдшером Крапивинского райотдела НКВД Н. Молевым, протокол подписал не читая. Шесть дней спустя был переведен в Кемеровскую тюрьму, а 20 марта 1938 г. в отделение Кемеровской тюрьмы в селе Ягуново, где содержались 312 человек, в том числе и его 63-летний отец Николай Чазов. 22 марта около девяти вечера всем заключенным было приказано немедленно собраться для отправки на этап. Их по одному выводили из камеры и направляли за дом, где уже была приготовлена братская могила. Чазова комендант тюрьмы сзади ударил по голове, «а двое неизвестных, насунув ему шапку на глаза, повели за дом и сильным толчком бросили в глубокую яму». Упав в яму, Чазов почувствовал под собой тела стонущих людей. По этим людям неизвестные ему лица ходили и стреляли в них. Чазов, лежа между трупами, не шевелился и таким образом остался жив. А когда расстреливавшие люди уехали, оставив яму не закопанной, — вылез и пошел домой в колхоз, находившийся за 45 километров от места происшествия».

Вместе с братом Федором Григорий Чазов 4 апреля того же года приехал в Москву, и из приемной М.И. Калинина они оба были направлены в Прокуратуру СССР. На следующий день их допросил дежурный прокурор Главной военной прокуратуры военюрист 1-го ранга Качанов и затем доложил по существу дела начальнице 2-го отдела ГВП военюристу 1-го ранга Софье Ульяновой. С санкции армвоенюриста Н.С. Розовского оба брата были арестованы (Федор — как укрыватель беглеца). Прокурор Г.К. Рогинский написал первому заместителю наркома внутренних дел Фриновскому о необходимости проверки дела и привлечения к ответственности лиц, «небрежно выполнивших приговор о расстреле». В июне 1938 г. Григорий Чазов был повторно расстрелян в Москве, а его брат по докладу Рогинского как социально вредный элемент осужден на 5 лет заключения и отправлен на Колыму. Дело № 33160 на Чазова и еще 16 человек (все осуждены к расстрелу) было сфабриковано с образцовой грубостью и цинизмом: обвинительное за-



ключение составлено 19 января 1938 г., а допросы проведены — с 16 по 19 февраля. Чазова обвиняли в поджоге Тайгинского пихтового завода, отравлении стрихнином трех колхозных лошадей, поджоге тока с соломой и антисоветских разговорах. Ни документов, ни свидетельских показаний в деле не было.

В 1939 г. Прокуратура СССР внесла протест на решение по делу о расстреле Чазова, не проводя расследования в отношении 16 его подельников. Случай с обнаружением могил и побегами из-под расстрела сильно компрометировали чекистское начальство. Из НКВД СССР в Новосибирск отправили требование выяснить обстоятельства «небрежного» расстрела, тем более что случаи деконспирации казней в Новосибирской области были и ранее. Бывший начальник Новосибирского УНКВД Горбач на следствии в конце 1938 г. показал, что в результате его «вредительской работы» в г. Ленинске-Кузнецком массовые операции по арестам кулацкого элемента задели также середняков «и, кроме того, там приговора в исполнение были приведены в таком месте и так, что на второй день какой-то человек натолкнулся на место, где был обнаружен труп». Указал Горбач и на промашку с Чазовым: в Кемеровском горотделе НКВД, согласно его показаниям, один из осужденных к ВМН «фактически не был расстрелян, после операции ушел и явился в Москве, кажется, в приемную М.И. Калинина» (84).

Поражает интенсивность расстрелов. Так, в небольшом городе Минусинске за август 1938 г. было расстреляно 310 человек, а своеобразный «рекорд» был поставлен в ночь на 8 декабря 1937 г. — 222 расстрела. В Славгороде «рекорд» был поставлен 22 января 1938 г. (298 расстрелов), в Тобольске 14 октября 1937 г. (217 расстрелов). Так как сотрудники УНКВД в маленьких провинциальных городах были малочисленны и с таким объемом расстрелов не справлялись, к исполнению приговоров привлекались работники милиции, красноармейцы и партактив. Начальник УНКВД по Куйбышевской области 4 августа 1937 г. своим постановлением особо запретил привлекать к расстрелам красноармейцев и рядовой милицейский состав, в Тобольске 22 апреля 1938 г. отдельным постановлением было запрещено привлекать к расстрелам партактив (85).

Однако в годы Большого террора применялись и более жестокие методы казней. Так, в небольшом городе Куйбышеве Новосибирской области прямо в здании райотдела НКВД жертвы подвергались удушению. Бывший начальник Куйбышевского оперсектора УНКВД по Новосибирской области Л.И. Лихачевский, арестованный за нарушения

законности, в августе 1940 г. показывал: «Осуждено к ВМН за 1937—1938 гг. по Куйбышевскому оперсектору было около 2 тыс. человек. У нас применялось два вида исполнения приговоров — расстрел и удушение. Сжиганием не занимались. Сжигали только трупы. Всего удушили примерно 600 человек. Постоянными участниками этих операций были Плотников, Малышев, Иванов, Урзля, Вардугин и другие работники как НКВД, так и милиции. Операции проводились таким путем: в одной комнате группа в 5 человек связывала осужденного, а затем заводили в другую комнату, где веревкой душили. Всего уходило на каждого человека по одной минуте, не больше». Лихачевский также добавил: «При исполнении приговоров в первой комнате сидел я и проверял личность осужденного, затем после меня (его) заводили в другую комнату, где связывали, а затем оттуда выводили в третью комнату, где и расстреливали». По каким-то причинам одно время «в условиях Куйбышевского района» расстреливать было нельзя, «и я отдал распоряжение согласно указанию начальника Управления применять удушение. Всего было задушено человек 500—600».

Некоторые из палачей соревновались в умении убить осужденного с одного удара ногой в пах. Казнимым забивали рот кляпом, причем у С. Иванова был специальный рожок, которым он раздирал рты, выворачивая зубы сопротивляющимся. Этот садист расхаживал во время «ликвидаций» в белом халате, за что «коллеги» прозвали его «врачом». Тройка палачей (Лихачевский, Малышев и Иванов) трибуналом войск НКВД Западно-Сибирского округа 27—29 августа 1940 г. была осуждена к высшей мере. Никто из них в последнем слове не выразил сочувствия к своим жертвам — говорили только о собственной невинности и расстройстве здоровья от усиленной работы по исполнению (86).

В «Записке Комиссии Президиума ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов» сказано: «Работники Белозерского райотдела НКВД Вологодской области Анисимов, Воробьев, Овчинников, Антипин и другие в декабре 1937 г. вывезли в поле 55 человек, осужденных “тройкой” к расстрелу, и порубили их топорами. (Сначала били приговоренных арестованных молотом по голове, а затем клали на плаху.) В том же райотделе поленьями убили 70-летнюю старуху и 36-летнюю женщину-инвалида» (87).

С 1939 г. близким казненных не сообщалось об их расстреле. На вопросы родственников отвечали, что их отец, муж или брат «осужден к

10 годам ИТЛ без права переписки и передач». С осени 1945 г. на запросы стали отвечать, что «осужденный умер в местах лишения свободы».

В ходе репрессий для получения признательных показаний в широких масштабах применялись пытки. В записке комиссии Н.М. Шверника в Президиум ЦК КПСС отмечено, что арестованные, которые старались доказать свою невиновность и не давали требуемых показаний, как правило, подвергались мучительным пыткам и истязаниям. К ним применялись так называемые «стойки», «конвейерные допросы», заключение в карцер, содержание в специально оборудованных сырых, холодных или очень жарких помещениях, лишение сна, пищи, воды, избиения и различного рода пытки. В записке, среди фактов пыток, приводится выдержка из письма заместителя командующего Забайкальским военным округом комкора Лисовского: «...Били жестоко, со злобой. Десять суток не дали минуты сна, не прекращая истязаний. После этого послали в карцер... По 7—8 часов держали на коленях с поднятыми вверх руками или сгибали головой под стол и в таком положении я стоял также по 7—8 часов. Кожа на коленях вся слезла, и я стоял на живом мясе. Эти пытки сопровождалась ударами по голове, спине» (88).

Во времена хрущевской «оттепели» советская прокуратура осуществила проверку ряда политических процессов и групповых судебных дел. Во всех случаях проверка вскрыла факты грубой фальсификации дел, когда «признательные показания» были получены под пытками. Специальная комиссия ЦК КПСС под руководством секретаря ЦК П.Н. Поспелова также подтвердила, что имели место «факты незаконных репрессий, фальсификации следственных дел, применения пыток и истязаний заключенных» (89).

Один из первых пяти советских маршалов, первый кавалер почетных боевых орденов Красного Знамени и Красной Звезды, «судья» на процессе по делу Тухачевского и других военачальников, Василий Константинович Блюхер скончался от жестоких пыток в Лефортовской тюрьме НКВД 9 ноября 1938 г. Во время пыток у него был выбит глаз. По приказу Сталина его тело отвезли для медицинского освидетельствования в печально известную Бутырку и сожгли в крематории. (По заключению «судмедэксперта», смерть наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза.) Через 4 месяца после убийства, 10 марта 1939 г., судебная инстанция приговорила мертвого маршала к высшей мере наказания за «шпионаж в пользу Японии», «участие в антисоветской организации правых и в военном заговоре». Этим же решением к расстрелу были приговорены первая жена Блюхера

Галина Покровская и жена его брата Лидия Богуцкая. Через четыре дня расстреляли его вторую жену, Галину Кольчугину, а третью — Глафиру Безверхову, Особое совещание при НКВД СССР приговорило к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Был расстрелян и брат Василия Константиновича, капитан Павел Блюхер — командир авиазвена при штабе ВВС ОКДВА. До ареста Блюхера были брошены в казематы НКВД его порученец Павлов и шофер Жданов. Из пяти детей маршала от трех браков старшую — Зою Белову, в апреле 1951 г. осудили на 5 лет ссылки, судьба самого младшего, Василина (на момент ареста Блюхера 24 октября 1938 г. ему было 8 месяцев), неизвестна. Василий Константинович Блюхер и все члены его семьи реабилитированы (90).

Конструктору первых советских ракетно-космических систем, первому гражданину СССР, которому звание Героя Социалистического Труда было присвоено во время пребывания в заключении, Сергею Павловичу Королеву во время допросов сломали челюсти и вызвали сотрясение мозга. Видному партийному деятелю, кандидату в члены Политбюро Р.И. Эйхе и деятелю литовской Компартии З.И. Ангаретису во время «следствия» сломали позвоночника, сотруднику Коминтерна В.Г. Кноринышу паяльной лампой жгли спину (91).

Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский провел три года в сталинских застенках, где его пытали и выбили передние зубы. Затем была реабилитация и Великая Отечественная. Битва за Москву, Сталинградское сражение, Курская битва. Рокоссовский был главным идеологом крупнейшей за всю историю войн операции «Багратион».

Герой Советского Союза генерал Горбатов Александр Васильевич, вспоминая дни, проведенные в сталинских застенках, пишет «...Прошло три дня. Начались вызовы к следователю. Сперва они ничем не отличались от допросов, которые были на Лубянке. Только следователь был здесь грубее, площадная брань и слова “изменник”, “предатель” были больше в ходу». «...Допросов с пристрастием было пять с промежутком двое-трое суток; иногда я возвращался в камеру на носилках. Затем дней двадцать мне давали отдышаться» (92: 123).

Видный чекист Михаил Шредер также оставил свидетельства о пыточных застенках в НКВД в 1930-е гг. «...Я категорически отказался от дачи ложных показаний. В это время в кабинет вошел Минаев и спросил Ильицкого: — Ну что, эта фашистская б... все еще не дает показаний? — Ты сам фашистская сволочь, — вне себя заорал я. — Ты же лучше других знаешь меня как работника, преданного делу партии. — Не смей гово-

рить о партии, фашистский гад, — закричал Минаев, снова изо всей силы ударил меня по лицу, а затем сказал: — Обработайте его так, чтобы он не мог узнать свою собственную задницу. Тут же появились несколько молодцов. Избиение было настолько сильным, что обратно в камеру я уже идти не мог и меня, окровавленного, в полубессознательном состоянии, отволокли туда вахтеры...» (93: 124).

Всеохватывающую и ужасающую картину пыток дает Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». В главе, посвященной следствию, на основе многочисленных свидетельств людей, прошедших сквозь ад советских застенков, перечислены мыслимые и немыслимые виды истязаний и пыток. Тут и многодневная выдержка подследственного без сна — «стойка», самый распространенный метод, и многочасовое стояние на коленях, и сидение на краю или ножке стула... «Ну а всех способов битья и не перечислить: плетками, резиновыми палками, мешками с песком, наконец, и вовсе бесхитростно — кулаками и ногами. Были и экзотические приемы, например, тесный бокс с клопами». В 1937—1938 гг., отмечает Солженицын, виды пыток не регламентировались — «допускалась любая самодеятельность». «Ни хозяйственный аппарат НКВД, ни тем более советская промышленность не озаботились снабдить следователей годным для пыток инвентарем. Из положения выходили кто как. Сами мастерили и приспособливали к делу — туго скрученные жгуты из веревки или из проволоки, резиновые или кожаные плетки с грузом и без, цепи, куски шлангов, резиновые дубинки из автопокрышек и т. п.».

Арестованный начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР И.Я. Дагин в показаниях от 15 ноября 1938 г. сообщал: «Ежов... пристально посмотрел на меня и сказал: “Был у меня такой хороший приятель Марьясин... вместе с ним работали мы в ЦК. Марьясин пошел против нашего дела, и за это по моему указанию его каждый день били... Дело Марьясина было давно закончено, назначалось к слушанию, но каждый день откладывалось по моему распоряжению для того, чтобы продолжать избивать Марьясина. Я велел отрезать ему ухо, нос, выколоть глаза, резать Марьясина на куски. И так будет со всеми”». (Очевидно, речь идет о Льве Ефимовиче Марьясине, советском государственном и партийном деятеле, председателе Госбанка СССР, близком друге и собутыльнике Ежова, расстрелянном в Москве 10 сентября 1937 г.) (94).

Избиение и пытки арестованных во время следствия были заурядным и массовым явлением и практиковались во всех республиканских и областных управлениях НКВД. Начальник отдела УГБ НКВД Белоруссии Сотников писал в своем объяснении: «Примерно с сентября месяца

1937 г. всех арестованных на допросах избивали... Среди следователей шло соревнование, кто больше “расколет”. Эта установка исходила от Бермана (бывший наркомвнудел Белоруссии), который на одном из совещаний следователей наркомата сказал: ...Каждый следователь должен давать не менее одного разоблачения в день... Избиение арестованных, пытки, доходившие до садизма, стали основными методами допроса. Считалось позорным, если у следователя нет ни одного признания в день. В наркомате был сплошной стон и крик, который можно было слышать за квартал от наркомата. В этом особенно отличался следственный отдел».

По этому же вопросу начальник 3-го отдела УГБ НКВД БССР Гепштейн показал: «В августе месяце в Белоруссии согласно приказу НКВД была начата широкая операция по польской агентуре... Во второй половине октября 1937 г. вернулся из Москвы Берман и заявил мне, что мы, оказывается, очень резко отстали от всех без исключения УНКВД Союза, что в Ленинграде разоблачено 2000 человек, на Украине 4000 человек и что поэтому нам необходимо резко перестроить всю работу. Берман предложил мне созвать совещание следователей, на котором он даст указания... Берман заслушал доклад каждого следователя, и здесь, на этом совещании, впервые и была дана установка о том, что арестованных можно бить, о том, что протоколы должны быть короткими, что по групповым делам надо включать арестованных в альбом каждого сразу по мере отработки, а не всей группой... В Минске вскоре началось поголовное битье арестованных. Это распространилось чрезвычайно быстро и широко во всех остальных отделах наркомата».

Кроме побоев в НКВД Белорусской ССР применялись и другие виды пыток: арестованных затыгивали в смиренные рубашки, обливали водой и выставляли на мороз, вливали в нос нашатырный спирт, издевательски называемый «каплями искренности» (95).

В НКВД Туркменской ССР арестованных сажали в дезкамеру, насыщенную слабой концентрацией хлорпикрина, в летнюю жару выставляли на солнцепек, смазывали волосы клеем, а когда клей высыхал, прочесывали голову гребнем. В УНКВД по Житомирской области во время «следствия» возникали нежелательные специфические проблемы. Как отмечалось в справке секретариата НКВД от 8 января 1939 г., опиывавшей примеры беззакония в годы Большого террора: «В результате жестокого избивания з/к крики и стоны последних были слышны на улице, что могло стать достоянием масс» (96).

В УНКВД по Ленинградской области каждому следователю был установлен лимит — за день не менее пяти «признаний». И следователи старались. Арестованный в 1937-м в Ленинграде комсомольский активист А.К. Тамми, которому запомнились, по его выражению, только садисты из садистов, писал: «...Карпов сначала молотил табуреткой, а затем душил кожаным ремнем, медленно его закручивая»... Вероятно, речь идет о Георгии Карпове — будущем генерале и председателе Совета по делам Русской православной церкви. Хотя в то же время в Ленинградском НКВД работал и другой чекист — Иван Карпов, также сделавший карьеру, — с 1954-го он возглавил КГБ Эстонии. Ни тот, ни другой за «искривления социалистической законности» наказаны не были. Особенно ретиво выполняли указания вождя о «выкорчевывании» врагов народа его земляки — грузинские чекисты. Их деятельность можно наглядно представить, например, по показаниям подследственных по делу бывшего министра внутренних дел Грузии Рушадзе. Бывший начальник Тбилисской тюрьмы Окрошидзе на допросе в июне 1954 г. показал об избиениях арестованного командира грузинской дивизии комдива Буачидзе: «...все тело Буачидзе было покрыто сплошными синяками и кровоподтеками. Он не мог мочиться естественным способом, т. к., видимо, у него был поврежден мочевой пузырь, и моча выходила через живот... Буачидзе был уже в предсмертной агонии... на следующий день он скончался» (97).

Свидетель Свиридов, допрошенный в январе 1954 г. по тому же делу, показал об избиениях в 1937 г. арестованного пчеловода совхоза Леткемана: «Рушадзе, я это видел лично, бил Леткемана кулаком в живот и по голове, бил его веревочным шнуром, а однажды дошел до того, что привязал к половым органам Леткемана шпагат и стал дергать его, требуя показаний от Леткемана. Я в это время составлял протокол допроса Леткемана и лично видел эту картину» (98).

Избиения и истязания быстро вошли в арсенал средств «следствия» и стали привычкой. Чекисты били осужденных даже когда везли их к месту казни, в чем не было никакого практического смысла. Очевидец расстрелов, бывший сотрудник НКВД Грузинской ССР Глonti на допросе в КГБ 10 июня 1954 г. показал: «Жуткие сцены разыгрывались непосредственно на месте расстрелов. Кримян, Хазан, Савицкий, Парамонов, Алсаян, Кобулов... как цепные псы набрасывались на совершенно беспомощных, связанных веревками людей, и нещадно избивали их рукоятками от пистолетов» (99).

Особо свирепствовали грузинские чекисты по отношению к своим, приговоренным к смерти, коллегам. Осужденного Михаила Дзидзигури

начали избивать на глазах других осужденных, как только все они были размещены в грузовой машине, чтобы следовать к месту расстрела. Его били рукоятками пистолетов и убили еще до расстрела. Перед расстрелом били также бывшего чекиста Морковина. «Савицкий и Кримян обвиняли его в том, что он не присваивал им очередные специальные звания, и издевательски спрашивали его: “Ну как, теперь ты присвоишь нам звания?”» Парамонов во дворе внутренней тюрьмы насмерть забил осужденного чекиста Зеленцова, и в машину, следовавшую к месту расстрела, его отнесли уже мертвого. Парамонов пояснил и причину расправы: его бывший начальник ему «жизни не давал». На месте расстрела уже били всех подряд. В обвинительном заключении по делу Савицкого, Кримяна, Парамонова и других бывших работников НКВД Грузии, осужденных в 1955 г., отмечено, что указание об избияниях приговоренных к смерти им дал первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Берия: «Перед тем как им идти на тот свет, набейте им морду» (100).

От пыток в Тбилисской тюрьме скончался известный грузинский композитор и дирижер Е.С. Микеладзе, которому, по слухам, Берия лично проткнул уши. В результате истязаний и пыток многие арестованные умирали, кончали жизнь самоубийством, становились калеками, сходили с ума. Так умерли во время следствия в НКВД СССР подвергавшиеся жестоким избияниям ответственный работник Коминтерна Анвелът, начальник Политуправления наркомата совхозов Соме. Через день после ареста скончался член ЦК ВКП(б), заведующий отделом ЦК партии Бауман (101).

Покончили жизнь самоубийством, будучи арестованными, председатель СНК Белорусской ССР Голодед, заведующий секретариатом председателя СНК СССР Могильный, второй секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Липендин и другие. По свидетельству бывшего врача Лефортовской тюрьмы Розенблюм, с декабря 1936 по январь 1938 г. в этой тюрьме было зарегистрировано 49 случаев смерти арестованных от побоев и истощения (102).

Пытки подследственных сочетались с методами психологического воздействия. Чекисты давали задание внутрикамерной агентуре уговаривать арестованных «сознаться» в несовершенных преступлениях. Когда и это не помогало — попросту подделывали подписи арестованных под протоколами допросов.

Пытки не исчезли из арсенала сталинской госбезопасности и после окончания Большого террора. Главный прокурор ВМФ направил 3 января 1940 г. письменную жалобу начальнику Особых отделов ГУГБ



НКВД Бочкову и Прокурору СССР Панкратьеву о нарушениях закона в Особом отделе Черноморского флота. И, в частности, сообщал, что на вопрос о практикуемых там в ходе следствия избиениях начальник Особого отдела флота Лебедев открыто заявил прокурору: «Бил и бить буду. Я имею на сей счет директиву Берия».

Большинство отечественных историков поддерживают точку зрения об управляемом характере репрессий. Эту концепцию сформулировал О. Хлевнюк в работе «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг.». По его мнению, «чистка» 1937—1938 гг. была целенаправленной операцией, спланированной в масштабах государства. Основным и важнейшим доказательством целенаправленного воздействия высшего руководства страны на ход массовых операций является тот факт, что их начало и завершение определялись соответствующими постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства. Основной целью такой политики он считает ликвидацию «пятой колонны» — миллионов людей, обиженных политикой власти в предыдущий период (103).

Жестокое противостояние в ходе Гражданской войны, репрессии периода нэпа, многочисленные акции конца 1920-х — 1930-х гг. — чистки партии и аресты оппозиционеров, коллективизация и «раскулачивание», борьба с «саботажниками хлебозаготовок» и «расхитителями социалистической собственности», аресты и высылки после убийства Кирова и т. д. — затронули многие миллионы людей. В число «обиженных» попала значительная часть населения страны.

Произвол всегда порождает противодействие и ненависть, и, чтобы удержаться у власти, диктатура прибегает к более жестокому террору. Репрессии и насилие можно рассматривать и как необходимое условие функционирования советской экономики, основу которой составляло прямое принуждение к труду. Беспощадность сталинского руководства подпитывал и своеобразный синдром «неполноценности власти», власти «в первом поколении».

Лишь пятнадцать лет прошло со времени завершения Гражданской войны, и вожди партии еще хорошо помнили, как нелегко далась победа, сколь часто стоял вопрос о судьбе нового режима. Многие из них пережили страшные минуты неопределенности и страха за собственную жизнь, и растущая угроза новой войны, а значит, новых испытаний для власти возвращала к этим воспоминаниям.

О боязни утраты власти достаточно откровенно высказался в своих рассуждениях о событиях 1930-х гг. один из ближайших соратников Сталина и один из главных организаторов террора — В.М. Молотов.

Он говорил писателю Ф. Чуеву: «1937 г. был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной... Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было. ...И пострадали не только ярые какие-то правые или, не говоря уже, троцкисты, пострадали и многие колебавшиеся, которые нетвердо вели линию и в которых не было уверенности, что в трудную минуту они не выдадут, не пойдут, так сказать, на попятную. ...Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны» (104).

Таким образом, массовые репрессии в период Большого террора, по существу, были «профилактическим» мероприятием с целью «очистки» страны от потенциальных врагов сталинского режима, удержания в повиновении общества, подавления инакомыслия и оппозиционности, укрепления единоличной власти вождя. Число безвинных жертв при этом власть не интересовало, в соответствии с известным сталинским принципом — «лес рубят — щепки летят». Это не означает, конечно, что в репрессивных операциях 1937—1938 гг. не присутствовала известная доля стихийности и местной «инициативы». На официальном языке эта стихийность называлась «перегибами», «искривлениями» или «нарушениями социалистической законности». К «перегибам» относили, например, «слишком большое» количество убитых на допросах.

В новейшей отечественной историографии сложилось устойчивое представление о том, что именно Сталин является главным «творцом» трагических событий 1937—1938 гг. Существует большое количество документальных свидетельств о том, что Сталин в годы Большого террора тщательно контролировал и направлял деятельность Ежова. Он правил основные документы, готовившиеся в ведомстве Ежова, регулировал ход следствия и определял сценарии политических процессов. В период следствия по делу Тухачевского и других военачальников Сталин принимал Ежова почти ежедневно. Как следует из журнала записей посетителей кабинета Сталина, в 1937—1938 гг. Ежов побывал у вождя

более 270 раз и провел у него в общей сложности более 840 часов. Это был своеобразный рекорд: чаще Ежова в сталинском кабинете появлялся только Молотов (105: Приложение 4).

Несмотря на то что большинство директив о терроре оформлялись как решения Политбюро, их истинным автором был, судя по имеющимся документам, Сталин.

Как утверждал в своих мемуарах Хрущев, значительную роль в 1937 г., помимо Сталина, играли также Молотов Ворошилов, Каганович, однако многие решения Сталин принимал единолично. За подписью Сталина на места шли директивы ЦК о проведении арестов и организации судов. В ряде случаев Сталин рассылал телеграммы с указаниями от своего имени. Например, 27 августа 1937 г. в ответ на сообщение секретаря Западного обкома партии Коротченко о ходе суда над «вредителями, орудовавшими в сельском хозяйстве Андреевского района», Сталин телеграфировал: «Советую приговорить вредителей Андреевского района к расстрелу, а о расстреле опубликовать в местной печати». Аналогичную телеграмму от своего имени в тот же день Сталин послал в Красноярский обком (106).

Сохранились собственноручные резолюции Сталина на поступавших к нему от Ежова протоколах допросов арестованных, в которых он требовал «бить». Например: 13 сентября 1937-го в письменном указании Ежову Сталин требует: «Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)»; или 2 сентября 1938-го на сообщении Ежова о «вредительстве в резиновой промышленности» Сталин оставляет пометку: «Вальтер (немец)» и «избить Вальтера» (107).

До конца своих дней Сталин остался приверженцем применения пыток при дознании по политическим делам. Его жестокость в особой степени проявилась в последние годы жизни. В потоке поступавших на стол Сталина государственных бумаг все большую часть составляли протоколы допросов арестованных. Вновь были инспирированы громкие дела: «Ленинградское дело», «Дело Еврейского антифашистского комитета», «Мингрельское дело», «Дело Абакумова» и «Дело врачей», особенно беспокоившее Сталина. Ему казалось, что «вредительское» лечение» кремлевской верхушки является частью «всеобщего заговора», нити которого ведут за океан. Диктатор лично давал указания министру госбезопасности С.Д. Игнатьеву, в каком направлении вести следствие, и о применении к арестованным истязаний. Докладная записка Игнатьева Сталину от 15 ноября 1952 г. свидетельствует, что и за три с половиной

месяца до смерти «вождь народов» настаивал на пытках арестованных: «Докладываю Вам, товарищ Сталин, что во исполнение Ваших указаний от 5 и 13 ноября с. г. сделано следующее: ...2. К Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия и усилены допросы их, особенно о связях с иностранными разведками» (108).

Позднее Игнатьев описывал, как Сталин устроил ему разнос за неповоротливость и малую результативность следствия: «Работаете как официанты — в белых перчатках». Сталин внушал Игнатьеву, что чекистская работа — это «грубая мужицкая работа», а не «барская», требовал «снять белые перчатки» и приводил в пример Дзержинского, который не гнушался «грязной работой» и у которого для физических расправ «были специальные люди».

Н.С. Хрущев вспоминал, как в его присутствии разъяренный Сталин требовал от Игнатьева заковать врачей в кандалы, «бить и бить», «лупить нещадно». Сталинская жестокость зафиксирована и в его пометках «бить, бить» на многих опубликованных ныне так называемых расстрельных сталинских списках. Нарком Ежов был лишь способным и инициативным «учеником» Сталина. Он достаточно успешно справился с подготовкой нескольких открытых процессов, которые завершились полным признанием подсудимыми — видными деятелями большевистской партии — своей вины. Ежов лично участвовал в допросах и отдавал приказы о применении пыток. От НКВД, который возглавлял Ежов, исходила инициатива в проведении многих репрессивных акций. Сталин, несомненно, подталкивал Ежова к более активным действиям. В литературе неоднократно отмечался факт невиданной по интенсивности пропагандистской кампании, которая была организована вокруг НКВД и лично Ежова.

В 1937—1938 гг. Ежов получил все возможные награды и звания, занимал сразу несколько ключевых партийно-государственных постов. Его именем называли города, предприятия и колхозы. Однако Сталин расчетливо сохранял определенную дистанцию между собой и Ежовым и предпочитал возлагать «лавры» за массовое «разоблачение врагов» на НКВД и его руководителя. «Сейчас мне думается, когда я вспоминаю то время, — рассуждал в 70-е гг. по этому поводу известный советский писатель К. Симонов, — что раздувание популярности Ежова, его “ежовых рукавиц”, его железного наркомства, наверное, нисколько не придерживалось, наоборот, скорее, поощрялось Сталиным в предвидении будущего, ибо, конечно, он знал, что когда-то наступит конец тому процессу чистки, которая ему как политике и человеку, беспощадно жестокому,

казалась, очевидно, неизбежной; раз так, то для этого последующего периода наготове имелся и вполне естественный первый ответчик» (109).

«Великое кровопускание» было приостановлено решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П65/116 от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Сталин и Молотов, подписавшие директиву, подвели итоги репрессий. Они положительно оценили итоги кампании против внутрипартийной оппозиции (троцкистов и бухаринцев) и массовых кампаний против кулаков, преступников, антисоветских элементов и т. д. Но в то же время подвергли острой критике допущенные НКВД и прокуратурой «ошибки», которые вызвали «нарушениями революционной законности». Это, конечно же, было допущено врагами, которым удалось проникнуть в НКВД, прокуратуру и вырвать их из-под партийного контроля.

25 ноября 1938 г. Берия возглавил НКВД. Ответственность за допущенные во время Большого террора нарушения возложили на Ежова, который был арестован 10 апреля 1939 г. и 4 февраля 1940 г. расстрелян по обвинению в сочувствии троцкизму, шпионаже и подготовке государственного переворота. Прodelано это было без обычных шумных кампаний. Аккуратность, с какой убрали Ежова, свидетельствует о том, что Сталин опасался вызвать слишком широкий общественный интерес к деятельности НКВД и обстоятельствам проведения Большого террора. Ежов стал очередным «козлом отпущения», одним из тех, кто, выполнив волю вождя, расплатился жизнью во имя того, чтобы сам вождь оставался вне подозрений. Такая же судьба постигла и всех подручных Ежова: Агранова, Заковского, Реденса, Балицкого, братьев Берманов, Дагина, Кацнельсона, Фриновского и прочих. Однако далеко не все организаторы репрессий разделили судьбу своих жертв, немало было и таких, как Берия и его сподвижники, организовавшие Большой террор в Грузии, которые сделали в эти годы большую карьеру и выдвинулись на руководящие посты в государстве. 10 января 1939 г., уже после окончания Большого террора, от имени ЦК на места была разослана телеграмма, где разъяснялось, «что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП», и, несмотря на то, что «впоследствии на практике метод физического воздействия был заглажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими», «ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь... в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод» (110).

## КАЗНИ ПО СТАЛИНСКИМ СПИСКАМ

Среди 681 692 человек, расстрелянных в 1937—1938 гг. по политическим мотивам, значительную долю составляют люди, уничтоженные по личному приказу Сталина и его подручных по так называемым Сталинским спискам. В 2002 г. Обществом «Мемориал» и Архивом Президента РФ в 11 томах опубликованы 383 списка, в которых содержатся фамилии 44 477 человек, из них санкцию «вождей» на осуждение по первой категории, т.е. на расстрел, получили 38 955 человек (111).

Справедливости ради следует заметить, что упрощенный порядок уничтожения личных врагов (они же и «враги народа») по спискам был изобретен не «великим вождем всех народов». Более чем на две тысячи лет его опередил римлянин Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н.э.) со своими проскрипциями. В СССР «упрощенный порядок» уничтожения «врагов народа» по Сталинским спискам впервые был применен 4 октября 1936 г., через несколько дней после назначения Ежова на должность наркома внутренних дел СССР. В этот день Политбюро рассмотрело просьбу Ежова и Вышинского санкционировать осуждение 585 человек по списку, и приняло — «опросом» — следующее постановление: «Согласиться с предложением тт. Ежова и Вышинского о мерах судебной расправы с активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек». На подлиннике решения стояли подписи: «За. Каганович, Молотов, Постышев, Андреев, Ворошилов, Ежов». Решение было принято в отсутствие Сталина, который в этот момент отдыхал в Сочи.

С февраля 1937 г. началось регулярное утверждение таких списков Сталиным и его ближайшими соратниками. Следующий список, утвержденный таким образом, датирован 27 февраля 1937 г. В нем записаны фамилии 479 человек, мерой наказания для которых был определен расстрел. Потрясает простота и деловитость при «оформлении» массовых убийств сотен людей. Так 20.08.1938 г. Ежов пишет: «Товарищу Сталину. Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду, на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу». Резолюция вождя не вызывает сомнений в дальнейшей судьбе 736 человек — «За. 20.08. И. Ст., В. Молотов».

Списки составляла «специальная группа» в центральном аппарате НКВД на основе справок из территориальных управлений. На списках имеются подписи и визы чекистов М.П. Фриновского, В.М. Кур-

ского, С.Г. Гендина, Я.С. Агранова, М.И. Литвина, Л.Н. Бельского, В.Е. Цесарского и И.И. Шапиро. По данным комиссии Н.М. Шверника, которая в начале 1960-х гг. расследовала преступления сталинского режима, «вопросы о мерах наказания предreshались руководящими работниками НКВД СССР, председателем Военной Коллегии Верховного Суда СССР Ульрихом и заместителем Прокурора СССР Рогинским». Все чекисты, причастные к процедуре уничтожения «врагов народа» по Сталинским спискам, уничтожены. Зам. наркома М.П. Фриновский расстрелян 3.02.1940 г., старший майор госбезопасности С.Г. Гендин — 23.02.1939 г., комиссар госбезопасности 1-го ранга Я.С. Агранов — 1.08.1938 г., комиссар госбезопасности 2-го ранга Л.Н. Бельский — 16.10.1941 г., старший майор госбезопасности В.Е. Цесарский — 21.01.1940 г., старший майор госбезопасности И.И. Шапиро — 5.02.1940 г. Комиссары госбезопасности 3-го ранга В.М. Курский и М.И. Литвин застрелились.

Заместитель Генерального прокурора СССР (Вышинского) Г.К. Рогинский «за создание контрреволюционной организации в прокуратуре СССР» в 1940 г. получил 15 лет лагерей и умер в местах заключения. «Рогинский, как отмечалось в справке комиссии ЦК, — благодаря своей беспринципности использовался бывшим вражеским руководством НКВД в необоснованном массовом избиении партийного и советского актива. Рогинский давал санкции на аресты по простым, ничего не говорящим справкам НКВД, не проверяя дела по существу. Он по требованию НКВД давал санкции по телефону из квартиры и даже из дома отдыха». «Он, — говорилось далее в справке, — разлагал и развращал аппарат, устранял его от надзора за следствием, запрещал военным прокурорам, участвующим в выездных сессиях, снимать сомнительные дела на доследование или для направления в другие суды. Военным прокурорам, выезжавшим на места, запрещалось вмешиваться в следствие и осуществлять права прокурора». (Шапиро, Бельский, Гендин и Рогинский реабилитированы.)

В подписании списков принимали участие только те члены Политбюро, которые были наиболее приближены к Сталину. На списках нет автографов Калинина, Андреева, Чубаря, в то время как подпись Жданова, кандидата в члены Политбюро, встречается очень часто. Молотовым завизировано 372 списка. Собственноручные резолюции «за» и подписи Сталина сохранились на 357 списках, Каганович подписал 188, Ворошилов — 185, Жданов — 176, Микоян — 8, а вскоре расстрелянный Косиор — 5 списков. На 8 списках стоит подпись Ежова, который подписывал их не как нарком внутренних дел, а как секретарь ЦК, хотя он

почти всегда присутствовал при утверждении списков. Рекорд в деле уничтожения «врагов народа» «великий вождь и учитель» Иосиф Сталин и его подручный Вячеслав Молотов поставили 12 декабря 1938 г., когда за один присест подписали сразу несколько списков и отправили на смерть 3167 человек. Именно Сталин и его подручные вынесли приговор каждому из них. Военная коллегия была лишь техническим оформителем этих заранее вынесенных приговоров.

Осуждение по спискам продолжалось и после 1938 г., хотя с приходом Л.П. Берии на пост главы НКВД СССР масштабы репрессий сократились. (За 1939 г. по обвинению в контрреволюционных преступлениях были осуждены к высшей мере наказания «всего» 2600, а за 1940 г. — 1600 человек.) Сталинские списки с этого времени стали утверждать постановлениями Политбюро. Принятое 16 февраля 1939 г. по записке Берии и Вышинского постановление Политбюро за № П68/112-оп гласило: «Дела активных врагов партии и Советской власти, входящих в руководящий состав контрреволюционной правотроцкистской, заговорщической и шпионской организации, в количестве 469 человек — передать на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР с применением Закона от 1 декабря 1934 г.». Из них расстреляны 413 человек. Решением от 8 апреля 1939 г. за № П1/217-оп, принятым также на основании записки Берии и Вышинского, Политбюро постановило «дела активных участников контрреволюционной правотроцкистской, заговорщической организации» (всего 931 человек) передать Военной коллегии Верховного суда для рассмотрения в соответствии с Законом от 01.12.1934 г., причем в отношении 198 руководящих участников применить высшую меру наказания — расстрел, а остальных 733 человек приговорить к заключению в лагерь «на срок не менее 15 лет каждого».

Решением Политбюро от 17 января 1940 г. (№ П11/208-оп) на основании списка, представленного Берией Сталину, «осуждено» несколько сотен человек. В сопроводительной записке (№ 265/б) говорилось об окончании следствия в отношении арестованных «врагов ВКП(б) и Советской власти, активных участников контрреволюционной, правотроцкистской заговорщической и шпионской организации в количестве 457 человек» и о том, что НКВД считает необходимым передать их дела в Верховную коллегия для рассмотрения в порядке Закона от 01.12.1934, причем 346 человек следует приговорить к ВМН, а 111 — на сроки не менее 15 лет. «Просим Вашей санкции», — завершал записку Берия. В прилагаемом списке среди 346 человек, подлежащих расстрелу, были Исаак Бабель, Михаил Кольцов, Надежда Михайловна Бухарина-



Лукина, Всеволод Мейерхольд. Большую часть списка заняли имена чекистов-«ежовцев» и членов их семей, включая Ежова и Фриновского с женой и сыном. Предложение Берии было принято без изменений.

6 сентября 1940 г. Берия попросил санкцию на передачу в Верховную коллегия дел еще на 537 человек. Из приложенного списка предполагалось 472 человека расстрелять (в том числе 41 по обвинению в принадлежности к «заговорщической организации, готовившей вооруженное восстание против правительства МНР»), а остальных 65 человек приговорить к заключению на срок не ниже 15 лет каждого.

Списочные расстрелы военного времени оформлялись решениями Государственного комитета обороны (ГКО). Так 6 сентября 1941 г. по представлению Берии Сталин подписал решение ГКО № 634 сс, санкционировавшее расстрел заключенных Орловской тюрьмы. В нем говорилось: «Применить высшую меру наказания — расстрел к 170 заключенным, одновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной коллегии Верховного суда СССР». В 1941 г. Берия направил Сталину список на 46 «арестованных, числящихся за НКВД СССР». На этот раз вопрос был решен без формальностей. Никаких постановлений не принималось, была лишь наложена резолюция: «Расстрелять всех поименованных в списке. И. Сталин». В этом списке было несколько генералов, командующие ВВС округов, бывший нарком боеприпасов И.П. Сергеев и другие видные военные деятели. Расстрелянные генералы были арестованы по сфабрикованным обвинениям накануне и в самом начале войны (аресты начались 8 июня). 22 июля 1941 г. расстреляны командующий войсками Западного фронта генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич и генералы Климовских, Григорьев, Тауринский, Оборин, Коробков. Генерал Копец Иван Иванович застрелился. 16 октября 1941 г. были приведены в исполнение смертные приговоры в отношении генералов Н.А. Клича, С.А. Черных, С.М. Мищенко, Р.Ю. Клявиньша, А.Н. Крустыньша, А.И. Дальберга и А.Я. Даннебергса. 23 октября 1941 г., в праздничный День Красной Армии, в то время, когда армия истекала кровью и задыхалась от нехватки квалифицированных кадров, по указанию «великого вождя всех времен и народов» в Куйбышеве были расстреляны еще несколько заслуженных генералов и руководителей оборонной промышленности. Вот их имена. Штерн Григорий Михайлович, генерал-полковник, начальник Главного управления ПВО Наркомата обороны СССР. Локтионов Александр Дмитриевич, генерал-полковник, с 1940 г. — командующий

войсками Прибалтийского военного округа. Смушкевич Яков Владимирович, генерал-лейтенант авиации, помощник начальника Генерального штаба РККА по авиации. Савченко Георгий Косьмич, генерал-майор артиллерии, заместитель начальника Главного артиллерийского управления РККА. Рычагов Павел Васильевич — генерал-лейтенант авиации, заместитель наркома обороны СССР. Сакриер Иван Филимонович, дивизионный инженер, заместитель начальника вооружения и снабжения Главного управления ВВС РККА. Засосов Иван Иванович, полковник, временно исполняющий должность председателя артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления РККА. Володин Павел Семенович, генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС РККА. Проскуров Иван Иосифович, генерал-лейтенант авиации, начальник штаба ВВС РККА. Склизков Степан Осипович, бригадный инженер, начальник Управления стрелкового вооружения Главного артиллерийского управления РККА. Арженухин Федор Константинович, генерал-лейтенант авиации, начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС РККА. Каюков Матвей Максимович, генерал-майор, генерал-адъютант при заместителе наркома обороны СССР. Соборнов Михаил Николаевич, военинженер 1-го ранга, начальник опытного отдела Технического совета Наркомата вооружения СССР. Герои Советского Союза генералы Птухин Евгений Саввич, Пумпур Петр Иванович и Шахт Эрнст Генрихович. Таубин Яков Григорьевич, конструктор стрелково-пушечного вооружения, начальник Особого конструкторского бюро № 16 Наркомата вооружения СССР, создатель первого в мире пехотного автоматического гранатомета. Нарком боеприпасов Сергеев И.П. и другие. О некоторых расстрелянных генералах стоит рассказать особо.

Григорий Михайлович Штерн служил в рядах Красной Армии с 1919 г. В 1937—1938 гг. он участвовал в гражданской войне в Испании, где был главным военным советником, а в 1938—1939 гг., когда произошло резкое обострение отношений между СССР и Японией, Штерн руководил Дальневосточной армией и Дальневосточным фронтом и тогда же получил звание Героя Советского Союза. Во время советско-финской войны 1939—1940 гг. он командовал 8-й армией. К 1941 г. в числе наград Штерна были два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды.

Яков Владимирович Смушкевич свою службу в рядах Красной Армии начал в 1918 г. в должности комиссара стрелкового полка, но потом был направлен в авиацию. В 1936—1937 гг. он под псевдонимом легендарного

«генерала Дугласа» принимал участие в гражданской войне в Испании, где занимал пост старшего военного советника республиканского правительства по авиации. За участие в испанской кампании Смушкевич был удостоен звания Героя Советского Союза. В мае—августе 1939 г., во время боев на реке Халхин-Гол, он командовал авиацией 1-й армейской группы, за что вскоре был награжден второй медалью «Золотая Звезда», став, таким образом, первым в стране дважды Героем Советского Союза. С ноября 1939 г. Смушкевич — начальник ВВС РККА, командарм 2-го ранга, а с декабря 1940 г. — помощник начальника Генерального штаба РККА по авиации. Смушкевич был арестован в госпитале, вскоре после тяжелой операции ног, и в тюрьму доставлен на носилках. Его 15-летняя дочь буквально «прорвалась» к Берии, и тот пообещал ей скорое освобождение отца. Однако вскоре дочь Смушкевича вместе с его женой оказались в тюрьме.

Павел Васильевич Рычагов всю свою жизнь тоже связал с авиацией. В 1936—1939 гг. он участвовал в гражданской войне в Испании, за что получил звание Героя Советского Союза. Затем он защищал небо Китая в период начала японской оккупации, был главным советником китайского правительства по авиации. Во время советско-финской войны Рычагов командовал авиацией 9-й армии. В 1940 г. в возрасте всего 29 лет он был назначен начальником Главного управления ВВС РККА, а в феврале 1941 г. — заместителем народного комиссара обороны СССР по авиации. Вместе с ним была расстреляна и его жена, известная летчица Мария Петровна Нестеренко, которая вышла замуж за Рычагова после испанской войны. Все расстрелянные генералы реабилитированы.

Известен послевоенный список, который 11 апреля 1950 г. представил Сталину министр государственной безопасности В. Абакумов. Всех 35 человек, названных в этом списке, осудили и расстреляли в апреле 1950 г. 12 августа 1952 г. в подвалах Лубянки по обвинению в космополитизме были расстреляны 13 членов президиума Еврейского антифашистского комитета, в том числе такие видные еврейские литераторы, как Лев Квитко, Перец Маркиш, Давид Бергельсон и Давид Гофштейн.

Под топор сталинской гильотины попадали и сотрудники карательных органов, которых иногда убивали и как нежелательных свидетелей. В число казненных вошли и бывшие руководящие работники ВЧК — «соратники Дзержинского». Всего по Сталинским спискам в период с 1 октября 1936 по 15 августа 1938 г. было арестовано 2273 сотрудника госбезопасности, из них за «контрреволюционные преступления» — 1862 человека. После прихода Берии, в 1939 г., к ним прибавилось еще

937 человек. Приговоры на видных сотрудников НКВД оформлялись «особым образом». В их следственных делах отсутствуют как протоколы об окончании следствия, так и приговоры. Их и уничтожали в так называемом особом порядке. После утверждения Сталиным и ближайшими членами его окружения расстрельного списка жертву без судебной процедуры выдавали коменданту Военной коллегии Верховного суда СССР с предписанием расстрелять. Предписания выполнялись от руки, что говорило об особой секретности данной категории расстрелов.

### КАЗНИ В ГУЛАГе

Главное Управление ОГПУ-НКВД, осуществлявшее руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ), было создано по личному приказу И.В. Сталина в 1929 г. и объединяло 53 лагеря с тысячами лагерных отделений и пунктов, 425 колоний и более 2000 спец. комендатур. Организаторами и первыми руководителями ГУЛАГа были: Ф.И. Эйхманс (апрель — июнь 1930), Л.И. Коган (до 9 июня 1932), М.Д. Берман (до 16 августа 1937), И.И. Плинер (до 16 ноября 1938). (Расстреляны в 1937—1938 гг. Реабилитированы.)

В 1936—1937 гг. управления ГУЛАГа в регионах возглавляли: заместитель начальника ГУЛАГа Фирин Самуил Яковлевич; начальники концлагерей: в Украине — Кацнельсон, Белицкий; в Карелии — Коган Самуил Львович; в Северной области — Финкельштейн; на Соловецких островах — Серпуховский; в Московской области — Раппопорт, Абрамопольский, Файвидович, Зелигман, Шкляр, Реденс; в Свердловской области — Погребинский, Шкляр; в Казахстане — Полин; в Западной Сибири — Шабо, Гогель; в Верхоуральске — Мезенец; в Ленинградской области — Заковский; в Западной области — Плятт; в Азово-Черноморском районе — Фридберг; в Саратовской области — Пиляр; в Оренбургской области — Райский; на Северном Кавказе — Файвилович; в Башкирии — Зелигман; в Восточно-Сибирской области — Троицкий; в Дальневосточном районе — Дерибас; в Среднеазиатском районе — Круковский; в Белоруссии — Леплевский. 11 июля 1943 г. в соответствии с Указом ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев... шпионов и изменников родины и их пособников» был издан приказ НКВД № 00968 «Об организации отделений каторжных работ при ИТЛ НКВД», в соответствии с которым, в частности, «начальнику лагерей Дальстроя» Никишову предписывалось сформировать на добыче золота и олова каторжные лагерные отделения на 10 000 человек, «выделив их от остальных лагерных отделений».

Осужденные-каторжане в лагерном делопроизводстве шли отдельной строкой: для каторжан было принято писать «з/к КТР», в отличие от «з/к ИТЛ» — для остальных (112).

Постановлением Совета Министров СССР № 416—159 сс от 21 февраля 1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников» для «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп» в системе ГУЛАГа в шестимесячный срок создавались особые лагеря, общей численностью на 100 000 человек, в том числе в районах Колымы на Дальнем Севере на 30 000 человек... Такие лагеря: Степлаг, Минлаг, Дубровлаг, Озерлаг и Берлаг были созданы. Заключенные в них должны были носить номера на одежде. Всего в системе лагерей, тюрем и колоний в 1930—1956 гг. одновременно содержалось 2,5—2,75 млн человек. За годы существования системы ГУЛАГа через него прошли 15—18 млн человек. Смертность заключенных в лагерях ГУЛАГа достигла в 1933 г. — 15,3 %, в 1942 г. — 24,9 % и в 1943 г. — 22,4 % от среднесписочной численности узников. Согласно официальным данным МВД СССР, с 1930 по 1956 г. в системе ГУЛАГа умерли 1 606 742 человека (113). Заключенные ГУЛАГа в 1930—1950-х гг. строили каналы (Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, канал имени Москвы, Волго-Донской канал имени Ленина); ГЭС (Волжскую, Жигулевскую, Угличскую, Рыбинскую, Нижнетуломскую, Усть-Каменогорскую, Цимлянскую и др.); металлургические предприятия (Норильский и Нижнетагильский МК и др.); объекты советской ядерной программы; железные дороги (Трансполярную магистраль, Кольскую железную дорогу, тоннель на Сахалин, Караганда — Моинты — Балхаш, Северную железную дорогу, вторые пути Сибирской магистрали, Тайшет — Лена (начало БАМа) и другие); а также автомобильные дороги. Учреждениями ГУЛАГа были основаны и построены города Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань, Дудинка, Воркута, Ухта, Инта, Печора, Молотовск, Дубна, Находка, Волжский, Джезказган. Труд заключенных широко использовался на добыче золота и других полезных ископаемых.

В 1938 г. только на Колыме в забоях шахт, рудников и на строительстве дорог работало 93 978 заключенных из 113 930 человек трудоспособного населения. В этом году было добыто 62 008 килограммов химически чистого золота. Заключенные работали в нечеловеческих условиях. В магаданских архивах говорится, что «сокращение норм питания, за-

частую ниже установленных норм всем без исключения лагерникам, без установления пайка в зависимости от производительности труда в период массовой промывки золота не могло не отразиться на работе лагерников... За 1938 г. среди заключенных умерло 10 251 человек, главным образом от истощения».

Назначенный руководителем «Дальстроя» старший майор госбезопасности К.А. Павлов приказом № 91 от 26 февраля 1938 г. установил «с 1 марта на открытых горных работах 11-часовой рабочий день для заключенных дневной смены и 10-часовой день для ночных смен». В последующие месяцы продолжительность рабочего дня была увеличена до 16 часов (десятичасовой рабочий день был восстановлен с 1 октября 1938 г., с выходными каждого 10-го, 20-го и 30-го числа). Через два года число заключенных возросло до 176 685 человек, а 1940 г. стал самым «урожайным» на золото в истории Колымы — было добыто 80 028 килограммов золота.

Помимо высокой смертности от невыносимых условий труда и содержания, плохого питания и медицинского обслуживания, многие заключенные были расстреляны по указанию властей. Расстрелы в лагерях и тюрьмах начались сразу же после выхода приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. В первую очередь расстреливали троцкистов и «контрреволюционеров», а также «отказников», сектантов, «за саботаж и попытку восстания», за побеги и т.д. Известны массовые расстрелы заключенных на Колыме, в Воркутинских лагерях и в урочище Сандармох в Медвежьегорском районе Карелии. В колымском «Дальстрое» вдохновителями таких расстрелов были начальники С.Н. Гаранин и К.А. Павлов, а «техническую сторону» вопроса решали палачи: начальник УНКВД по Дальстрою В.М. Сперанский с так называемой московской бригадой в составе чекистов Кононовича, Каценеленбогена (Богена), Бронштейна и Веницкого. Используя методы фальсификации, провокации и прямого физического воздействия, «московская» бригада разрабатывала дело о «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации», которая якобы была организована и возглавлялась бывшим директором «Дальстроя» Э.П. Берзиным. По данному делу в числе остальных был арестован и бывший начальник Севвостлага И.Г. Филиппов. Уже через несколько дней он дал следующие показания: «Антисоветская организация, активным участником которой я состоял, ставила перед собой основную задачу — свержение Советского правительства. В этих целях организация вела практическую работу в направлениях: а) подготовки на Колыме вооруженного выступления

против советской власти в момент возникновения конфликта между СССР и Японией или же Германией; б) подготовки и совершения террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства; в) возбуждения местного коренного населения против советской власти; г) широкого вредительства во всех областях хозяйства Дальстроя; д) передачи различных сведений иностранным разведкам. Кроме того, организацией переправлялось за границу золото... Вредительство по линии лагерей проводилось под моим и Берзина непосредственным руководством... Мы считали заключенных на Колыме своими людьми и старались всемерно улучшить их материально-бытовое положение...» (114: 217).

«Тройкой» НКВД по «Дальстрою» до начала декабря 1937 г. были рассмотрены дела около 3000 человек, по которым вынесено 2428 расстрельных приговоров. С 16 декабря 1937 г. по 15 ноября 1938 г. «тройка» рассмотрела еще 10 734 дела, по которым был расстрелян 5801 человек. Таким образом, общее количество казненных более чем за год деятельности «тройки» УНКВД было не менее 8000 человек, включая вольнонаемных работников «Дальстроя» (114: 218). В «Справке по делу вскрытой на Колыме антисоветской шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации», подписанной 4 июня 1938 г. начальником УНКВД по «Дальстрою» В.М. Сперанским, приводились следующие данные: репрессировано вольнонаемных — 285 человек, среди которых выявлены 150 шпионов, работавших на 12 разведок, в том числе: на японскую — 52 человека, на немецкую — 35, польскую — 21, итальянскую и литовскую разведки — по 2 человека. В «Справке» также отмечалось, что «... в погранзоне Охотского побережья ликвидирована японская шпионская сеть организации в 116 человек», включая: 54 кулака, 17 служителей культа, 11 бывших жандармов и полицейских, 3 родовых князя и т.д. Все репрессированы по 1-й категории». Кроме того, в «Справке» было указано, что уже «арестовано и осуждено заключенных 3302 человека». В это число входило: «троцкистов и правых — 60 %, шпионов, террористов, вредителей и других контрреволюционеров — 35 %, бандитов и воров — 5 %» (115).

Расстрелы заключенных проводились в Магадане, на так называемой «Серпантинке», на «Мальдяке» и некоторых других приисках «Дальстроя». Так, 13 августа 1938 г. на прииске «Мальдяк» по двум актам было расстреляно 159 человек. Тела всех расстрелянных затем были «зарыты в землю в районе 3-й командировки прииска «Мальдяк»». Принимавший участие в расстреле сотрудник НКВД А.И. Гарусов позже показывал:

«В начале августа 1938 г. я был командирован начальником РО НКВД Мельниковым на прииск “Мальдяк” в распоряжение члена бригады Богена. По прибытии в его распоряжение Боген поручил мне и группе товарищей проводить следствие, давая сроки за три часа заканчивать 20 дел. Когда мы ему жаловались на непосильную работу, он прямо приказывал бить арестованных. Боген сам показал нам пример, вызвал одного заключенного и избил кочергой, после чего и мы били, чем придется. Через несколько дней приехал капитан Кононович с прокурором Метелевым в 2 часа ночи и к 6 часам утра рассмотрели больше 200 дел... 133—135 приговорили к высшей мере наказания. Прокурор арестованных не смотрел и ни с кем из них не разговаривал» (116).

О самом страшном расстрельном месте Колымы — «Серпантинке» — свидетельствует А.И. Солженицын: «...расстреливали каждый день 30—50 человек под навесом близ изолятора... Ожесточение колымского режима внешне было озаменовано тем, что начальником УСВИТлага (Управление Северо-Восточных лагерей) был назначен Гаранин, а начальником Дальстроя вместо комдива латышских стрелков Э. Берзиня — Павлов... Тут отменили (для Пятьдесят Восьмой) последние выходные... летний рабочий день довели до 14 часов, морозы в 45 и 50 градусов признали годными для работы, “активировать” день разрешили только с 55 градусов. По произволу отдельных начальников выводили и при 60... Еще приняли на Колыме, что конвой не просто сторожит заключенных, но отвечает за выполнение ими плана, и должен не дремать, а вечно их подгонять. Еще и цынга, без начальства, валила людей. Но и этого всего оказалось мало, еще недостаточно режимно, еще недостаточно уменьшалось количество заключенных. И начались “гаранинские расстрелы”, прямые убийства. Иногда под тракторный грохот, иногда и без...” (117).

27 сентября 1938 г. С.Н. Гаранин был арестован как «польский шпион» и обвинен в проведении необоснованных массовых репрессий. После ареста был распространен слух о «разоблачении японского шпиона», который под видом убитого им Гаранина занимался вредительством и уничтожал заключенных. 17 января 1940 г. заседание Особого совещания НКВД СССР приговорило С.Н. Гаранина «за участие в контрреволюционной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет». Позже этот срок был продлен. Согласно справке 1-го отдела Печерского ИТЛ МВД СССР, «Гаранин Степан Николаевич умер 9 июля 1950 г.». Реабилитирован 6 февраля 1990 г. В апреле 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего начальника УНКВД



по «Дальстрою» Сперанского по статьям 58—7 и 58—11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение. Каценеленбоген (Боген) М.Э. 7 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР также приговорен к расстрелу.

Массовые расстрелы заключенных в Воркутинских лагерях проводились по приговору «тройки» по Архангельской области «за вновь совершенные преступления в лагере». С 29 сентября 1937 г. по 15 марта 1938 г. «тройка» на 18 заседаниях вынесла 2633 приговора заключенным (в среднем 146 приговоров за заседание), из них 1311 приговоров (49,8 %) — по политическим обвинениям. Работу «тройки» характеризуют такие факты: заключенный Н.П. Лукин был расстрелян 29 декабря 1937 г., а 2 января 1938 г. «тройка» вторично приговорила его к расстрелу. Заключенный А.П. Можаяев был трижды приговорен к расстрелу на заседаниях «тройки» 5, 9 и 11 января 1938 г. Из расстрельных актов следует, что четыре человека были расстреляны дважды. Заключенного Рахима Хасанова расстреляли уже после того, как было выяснено, что по ошибке был расстрелян его однофамилец Алим Хасанов. В актах в числе расстрелянных значатся Бесфамильный 1, Бесфамильный 2 и Бесфамильный 3, видимо сектанты-скрытники, отказавшиеся от какого-либо сотрудничества с властями и не назвавшие в лагере свои фамилии (118).

Расстрелы проводились на лагпунктах Кирпичный завод, недалеко от Воркуты, и Новая Ухтарка. Карательной операцией руководил присланный из Москвы оперуполномоченный ГУЛАГа лейтенант Е.И. Кашкетин. Большое число заключенных в условиях перенаселенных лагерей нельзя было быстро и незаметно казнить «обычным способом», поэтому заключенных партиями «переводили» в «другой лагерь» и в тундре расстреливали пулеметным огнем из засады. Живых добивали из револьверов. Могилы казненных до сих пор не найдены. Эти события стали известны среди заключенных как «кашкетинские расстрелы» (119). Массовые расстрелы заключенных проводились также в лесном урочище Сандармох в Медвежьегорском районе Карелии, в 9 км от поселка Повенец. Урочище Сандармох — одно из самых больших на северо-западе России захоронений жертв сталинских репрессий 1937—1938 гг., где на площади 7,5 гектара захоронено свыше 9500 человек 58 национальностей.

Кроме заключенных — строителей Беломорско-Балтийского канала и Соловецкого лагеря, в урочище Сандармох казнили также спецпоселенцев и жителей окрестных сел. Всего в урочище были обнаружены 236 расстрельных ям. Как и везде, расстрелы проводились тайно,

и первые захоронения были обнаружены лишь в июле 1997 г. В число казненных в Сандармохе входят и жертвы массового расстрела 1111 заключенных так называемого соловецкого этапа. Среди них — выдающиеся мастера культуры, государственные деятели, священнослужители из многих республик СССР. 27 октября 1937 г. этап погрузили на баржи, потом его след потерялся. Много лет существовало предположение, что людей утопили в Белом море. Однако в 1995 г. директор Санкт-Петербургского центра «Мемориал» Вениамин Иоффе нашел в архивах управления ФСБ в Архангельске документы, в частности расстрельные списки. Исполнителем приговоров был капитан НКВД Михаил Матвеев, заместитель начальника АХУ УНКВД Ленинградской области. Ему «ассистировал» помощник коменданта УНКВД Ю. Алафер. Из протокола допроса обвиняемого Матвеева Михаила Родионовича от 13 марта 1939 г.:

— Вы принимали участие в операциях по приведению приговоров в исполнение над осужденными к высшей мере наказания?

— Да, в таких операциях я принимал участие неоднократно, начиная с 1918 г., с перерывом с 23-го по 27-й год.

— Были ли вы командированы в период с 37-го года на операцию по приведению приговоров в исполнение в НКВД Карельской ССР?

— В 1937 г. примерно в октябре или ноябре месяце я от бывшего замначальника управления НКВД по Ленинградской области Гарина получил распоряжение выехать на станцию Медвежья гора в Беломорский Балтийский комбинат, во главе бригады по приведению приговоров в исполнение над осужденными к высшей мере наказания, что было мной выполнено в течение примерно 20—22 дней.

— Кто непосредственно приводил приговора в исполнение, и в чем заключалась обязанность остальных членов вашей бригады?

— Непосредственно приводили приговоры в исполнение я, Матвеев Михаил Родионович и Алафер, помощник коменданта.

— Расскажите, как приводились вами приговора в исполнение над осужденными.

— Осужденных к высшей мере наказания привозили на машине в предназначенное для этого место, то есть в лес, вырывали большие ямы и там же, то есть в указанной яме приказывали арестованному лечь вниз лицом, после чего в упор из револьвера в арестованного стреляли.

— Имели ли место случаи избиения арестованных до приведения приговора в исполнение?

— Да, такие случаи действительно имели место (120).

В начале «операции» случилось ЧП. Кто-то из «обслуживаемого контингента» пронес с собой нож, и во время перевозки к месту расстрела заключенные перерезали веревки, напали на конвой и попытались совершить побег. «Работу» приостановили на четыре дня и возобновили первого ноября, после усовершенствования технологии казней. Приговоренных «готовили» в трех комнатах барака, расположенных анфиладой. В первой комнате — «сверяли личность», раздевали и обыскивали. Во второй — раздетых связывали. В третьей — раздетых и связанных оглушали ударом деревянной «колотушки» по затылку. Потом грузили в машину, человек по сорок, и накрывали брезентом. Члены «бригады» садились сверху. Если кто-то из лежащих внизу приходил в себя, его «успокаивали» ударом «колотушки». По прибытии на полигон людей сбрасывали по одному в заготовленную яму, на дне которой стоял Матвеев. Он лично стрелял каждому в затылок. Трупы присыпали известью и засыпали. Расстрелы проходили накануне 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 27 октября, 1, 2, 3 и 4 ноября 1937 г. Всего были расстреляны 1111 человек: один по ходу дела умер, а четверо были истребованы и этапированы в следственные тюрьмы.

Михаил Родионович Матвеев с формулировкой «за успешную борьбу с контрреволюцией» был награжден орденом Красной Звезды (121). Расстрелы предписывалось проводить в строжайшей тайне, однако в какой-то момент произошла «утечка». Члены спецбригады — Бондаренко, Шондыш и Миронов — были уличены в жестоком обращении с приговоренными к смерти. Началось судебное разбирательство. Материалы следствия по делу Шондыша и Бондаренко (они были впоследствии расстреляны) и дали «мемориальцам» ключ к поиску места расстрела. Среди расстрелянных было около 300 узников из Украины — цвет украинской интеллигенции: историк Матвей Яворский, профессор филологии, поэт-неоклассик Николай Зеров, режиссер Лесь Курбас, драматург Николай Кулиш, министр образования УНР Антон Крушельницкий и его сыновья Остап и Богдан, министр финансов УССР Михаил Полоз, писатели Михаил Козориз, Мирослав Ирчан, Олекса Слисаренко, Валерьян Полищук, Павел Филиппович, Григорий Эпик, Михаил Яловый, Валерьян Пидмогильный, Марко Вороний... Среди тех, чей последний адрес — Сандармох, были и знаменитый адвокат россиянин А. Бобрищев-Пушкин (защитник Бейлиса и Пуришкевича), создатель Гидрометеослужбы СССР датчанин по национальности А. Вангенгейм, московский литературовед сибиряк Н. Дурново, основатель удмуртской литературы Кузубай

Герд, белорусский министр Ф. Волиц, татарский общественный деятель И. Фирдевс, председатель московского цыганского табора Г. Станеско, грузинские князья Н. Эристов и Я. Андронников, профессор истории ВКП(б) еврей Пинхус Глузман, черкесский писатель князь Х. Абуков, корейский деятель Тай До, православные епископы Алексей (Воронежский), Дамиан (Курский), Николай (Тамбовский), Петр (Самарский), лидер баптистов СССР В. Колесников, отец П. Вейгель — посланный Ватиканом для проверки данных о преследовании верующих в СССР, и многие другие.

## ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 8991. Л. 2. Опубликовано в журнале Новое время. 1996. № 16. С. 45.

2. *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 286 с.

3. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. М., 1953, С. 75.

4. *Шишов О. Ф.* Смертная казнь в истории Советского государства // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 124.

5. *Звягинцев В.* Первый смертный приговор. Журнал «Человек и закон» № 3—4, 1991 г.

6. *Андрей Соколов.* Что было в портфеле «красного адмирала»? (Военный архив). История. 30 ноября 2010 г. Интернет.

7. *Попов В.* Возвращение Руси. На пути к Русскому государству. — М., 2003. С. 330. Гл. 28.

8. 22 июня 1918 г. — скончался Алексей Михайлович Щастный (3.10.1881—1918), контр-адмирал. Синодальный отдел Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. (По материалам статьи капитана 1-го ранга Вадима Кулинченко «Алексей Щастный. Спаситель Балтийского флота».)

9. *Гордеева Елена.* Адмирала расстреляли за спасение флота? Военный архив. История. 17 февраля 2012 г. Интернет.

10. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917—1922 гг.). Сб. док. М., 1958, № 144.

11. *Яковлев Александр.* Гимн ненависти и мести // Гражданин. № 1. 2003 г.

12. *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. — М., 1996. — 336 с.

13. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М.: Всемирное слово, 1991. 352 с.

14. Балаян Л.А. Вернуть Сталина. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 256 с.

15. Мельгунов Сергей. Красный террор в России (1918—1923). М.: Изд-во «Айрис-Пресс», 2008. 400 с.

16. Архив КГБ СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 64—65.

17. Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. М.: Международные отношения. 1990. 580 с.

18. Чекист о ЧК (Из архива «Особой Следств. Комиссии на Юге России») // На чужой стороне: Историко-литературные сборники / Под ред. С.П. Мельгунова. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1925. Т. 9. С. 111—141.

19. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Гл. 9. На сайте militera.ru. Полная версия.

20. Николай Владимирович Рузский (1854—1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Военного и Государственного советов. Участник Русско-турецкой 1877—1878 гг., Русско-японской 1904—1905 гг. и Первой мировой войн. Активный участник Февральского переворота. В Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. командовал ротой. Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. был начальником штаба 2-й Маньчжурской армии. С 19 июля по 3 сентября 1914 г. командовал 3-й армией. За бои с австрийцами и в первую очередь за взятие Львова награжден орденом Святого Георгия 4-й и 3-й степени. За Галицийскую битву награжден орденом Святого Георгия 2-й степени, став одним из трех награжденных высших военачальников этой высокой наградой. Обрел славу «завоевателя Галиции» и громкую славу в общественных, в том числе оппозиционных, кругах. С 3 сентября 1914 г. — Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Один из активных участников военного заговора. Сыграл выдающуюся роль в отречении Николая II. 25 марта 1917 г. потерял пост Главнокомандующего фронтом. Уехал в Кисловодск. Был арестован 11 сентября 1918 г. в Ессентуках красными. 1 ноября 1918 г. был выведен в Пятигорск в составе группы заложников и зарезан кинжалом председателем ЧК Атарбековым.

21. Радко-Дмитриев (при рождении Радко Русков Димитриев (1859, Болгария — 18 октября 1918 г., Пятигорск) — болгарский и русский генерал. В 1904—1907 гг. начальник Генерального штаба болгарской армии. Командовал болгарской армией во время первой балканской войны. Во время второй Балканской войны занимал пост помощника главнокомандующего действующей армией. С 1914 г. болгарский посланник в Петербурге. С началом Первой мировой войны поступил на службу в русскую армию. Командовал 8-м армейским корпусом,

3-й армией. Командовал 2-м и 7-м сибирскими корпусами. С 20 марта 1916 г. — командующий 12-й армией, расположенной в районе Риги. С 20 июля 1917 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. С 1 января 1918 г. в отставке. Уехал на лечение в Кисловодск. Там был захвачен красными и по приказу председателя местной ЧК Атарбекова зарублен шашками в Пятигорске.

22. *Тепляков Алексей*. Сибирь: Процедура исполнения смертных приговоров в 1920—1930-х гг. // *Голоса Сибири*. Вып. 4. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006.

23. Ленин и ВЧК: сборник. С. 122.

24. *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. — М.: Терра-Книжный клуб, 2004. С. 508.

25. *Яковлев Александр*. Гимн ненависти и мести // *Гражданин*. № 1. 2003 г.

26. *Хомизури Г.П.* В.И. Ленин о терроре (теория и практика). М., 2005. С. 43.

27. Репрессивная политика РКП(б) — ВКП(б) — КПСС по отношению к религии и Церкви. 1917—1980 гг. от 20.12.95 и ПРЕСС-РЕЛИЗ на пресс-конференции А.Н. Яковлева 25.11.95 (Архив Православного Свято-Тихоновского Богословского института).

28. *Цыпин В.* История Русской Церкви, 1917—1997. — М., 1997, 832 с.

29. Послание Патриарха Тихона Совету народных комиссаров от 13/26 окт. 1918 г.

30. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947.

31. *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины. М.: Вече, 2012. 400 с.

32. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн.1. Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг. М., Новосибирск: «Сибирский хронограф». 1997. 600 с. С. 143.

33. *Мозохин О.Б.* Монография «ВЧК-ОГПУ». Глава «Правовое регулирование внесудебных полномочий ВЧК».

34. Постановление Конституционного суда РФ от 30.11.1992 № 9-п. «Ведомости СНД и ВС РФ», 18.03.1993, № 11, ст. 400.

35. Перед Октябрьской революцией в России находилось около 4 млн иностранных граждан, в том числе: более 2 млн немецких, австро-венгерских, турецких и болгарских военнопленных; около 500 тыс. беженцев из Австро-Венгрии, Румынии и турецкой Армении; не менее 1,5 млн пере-

селенцев и отходников из Болгарии, Чехии и Словакии, Сербии, Китая, и других стран. В это время в России проживало также свыше 2 млн отходников и беженцев из Польши, Финляндии и Латвии. В апреле 1918 г. всем находившимся в России иностранцам было дано право принимать советское гражданство. В это время и развернулось формирование интернациональных частей Красной Армии. К лету 1918 г. примерно в 90 городах России были сформированы интернациональные отряды, роты, батальоны, полки. Под ружье становились китайцы, венгры, немцы, корейцы, поляки и т. д. Из Европы и Америки для поддержания большевиков приехало немало иностранцев. Ударную силу Красной Армии составляли латышские стрелки. За героизм и отвагу многие из интернационалистов были награждены орденами Красного Знамени: хорват Т. Дундич, финн Т. Антикайнен, китаец Чу Чин-лин и другие; немец А. Кампф, венгр Л. Гавро и чех Э. Ку-жело были удостоены этой награды дважды.

36. *Бернштам М.* Стороны в Гражданской войне 1917—1920. (Проблематика, методология, статистика.) Вестник Русского Христианского Движения. М.: 1979. С. 252—357.

37. *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 337.

38. *Сенников Б. В.* Тамбовское восстание 1918—1921 гг. и раскрестьянивание России 1929—1933 гг. М.: Посев, 2004. 176 с.

39. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.

40. *Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.* Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины. М.: Вече, 2012. 400 с.

41. *Муравлев Анатолий.* Неизвестный Алтай. — Барнаул, 2011. С. 123.

42. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.

43. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Антоновщина. Сборник. Документы и материалы. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994.

44. *Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.* Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины. М.: Вече, 2012. 400 с.

45. РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 27 (Документы 198, 199, 210, 256). Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Антоновщина. Сборник. Документы и материалы. — Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994.

46. *Сенников Б. В.* Тамбовское восстание 1918—1921 гг. и раскрестьянивание России 1929—1933 гг. М.: Посев, 2004. 176 с.

47. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256. Цит.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Антоновщина. Сборник. Документы и материалы. Док-т 323. — Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994.
48. *Мельгунов Сергей*. Красный террор в России (1918—1923). М.: Айрис-Пресс, 2008. С. 400.
49. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256. Цит. по: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Антоновщина. Сборник. Документы и материалы. Док-т 313. — Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994.
50. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. — М., 2006. С. 337.
51. *Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.* Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины. М.: Вече, 2012. 400 с.
52. *Венков А. В.* Вешенское восстание. История казачества. М.: Вече, 2012. 336 с.
53. Труды 1-й Всероссийской конфер. аграрников-марксистов. Т. 1. М., 1930.
54. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 976.
55. СССР в цифрах ЦУНХУ Госплана СССР. М., 1935.
56. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 827. Л. 1—22. Подлинник // Вопросы истории, 1994. № 3.
57. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. Гл. 2.
58. Справки 1-го спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных в период 1921—1953 гг.
59. *Ноткин А. И.* Социалистическая индустриализация СССР и новый технический переворот // Вестник АН СССР. 1958. № 1. С. 18.
60. Вопросы ленинизма. Изд. 2. С. 217.
61. Цит. по: Советское государство и право. № 3, 1965. С. 24.
62. Стенограмма Бухаринско-троцкистского процесса. Утреннее заседание 2 марта 1938 г.
63. *Наумов В. П.* К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на съезде КПСС // Новая и новейшая история. № 4. 1996; *Геллер М. Я., Нечрич А. М.* История России. 1917—1995. В 4-х т. Т. 2. М.: МИК, 1996. 432 с.
64. ВИЖ 1993. № 1. С. 57, 59.
65. *Иван Иосифович Проскуров* / Ivan Iosifovich Proskurov.
66. ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-15301. Т. 7. Л. 33, 35—36.
67. ЦА ФСБ РФ. Ф. 30. Оп. 6. Д. 3. Л. 410. Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937—1939. Кн. 1.



68. *Папков С.А.* Апогей террора // Кровавая карусель. Сталинский террор в Сибири: 1928—1941. Гл. V. Красноярское общество «Мемориал». Архивировано из первоисточника 26 августа 2012 г.

69. *Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф.* Вертикаль большого террора. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.

70. *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим»: секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.

71. Сталинизм в советской провинции: 1937—1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447.

72. *Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф.* Вертикаль большого террора. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.

73. *Тепляков А.* Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг.

74. *Роговин В.* Террор против зарубежных коммунистов — партия расстрелянных.

75. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937—1938 гг.

76. Польская операция НКВД 1937—1938 гг.

77. Документы по Большому террору 1937—1938 гг.

78. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 118. Л. 54—62. Цит. по: *Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008.

79. Архив УФСБ РФ по ВО.Ф. 10. Оп. 1. Д. 7, 9, 11, 13, 21, 54.

80. Архив КГБ. Ф. 8. Оп. 1—1939 г., порядковый номер 14. Л. 100—112.

81. Архив КГБ. Ф. 8. Оп. 1—1939 г., порядковый номер 11. Л. 8.

82. *Шредер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. 255 с.

83. *Тепляков А.* «Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг.

84. Расстрелянный дважды. Правда ГУЛАГа. Спецвыпуск № 6 от 7. 07. 2008 г.

85. *Тепляков Алексей.* Сибирь: Процедура исполнения смертных приговоров в 1920—1930-х гг. // Голоса Сибири. Вып. 4. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С. 824.

86. *Тепляков Алексей.* Сибирь: Процедура исполнения смертных приговоров в 1920—1930-х гг. // Голоса Сибири. Вып. 4. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С. 824.

87. Материалы проверки о нарушениях законности. Т. 19. Л. 8, 61.

88. Документы по «Большому террору».

89. *Наумов В.П.* К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на съезде КПСС // Новая и новейшая история. № 4. 1996.

90. *Почтарев А.Н.* Трагедия маршала Блюхера // Независимое военное обозрение от 19.11.2004 г.

91. *Геллер М.Я., Некрич А.М.* История России. 1917—1995. В 4 т. Т. 2. М.: МИК, 1996. 432 с.
92. *Горбатов А.В.* Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. С. 123.
93. *Шредер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. — М.: Возвращение, 1995. 255 с.
94. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008. С. 350.
95. Материалы проверки о нарушениях законности. Т. 10. Л. 51—58.
96. Материалы проверки о нарушениях законности. Т. 10. Л. 5—6.
97. Архив Главной военной прокуратуры, архивно-следственное дело № 0061 по обвинению Рухадзе. Т. 44. Л. 368.
98. Архив ГВП, архивно-следственное д. № 0061. Т. 20. Л. 237.
99. Архив ГВП, архивно-следственное д. № 0061. Т. 43. Л. 98.
100. Архив ГВП, архивно-следственное д. № 0061. Т. 11. Л. 138.
101. Архив Парткомиссии; дела №№ 1/8672, 1/2997, 10/102.
102. Материалы проверки дела «Правотроцкистского блока». Т. 8. Л. 17—34.
103. *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с. Гл. 5. Политбюро и «Большая чистка».
104. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 390, 391, 416.
105. *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
106. Известия. 1992. 10 июня. С. 7.
107. Документы по «Большому террору».
108. Новая Газета, спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 16.10.2008. № 9 — Пытки от Сталина: «Бить смертным боем».
109. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 78.
110. Подписанная Сталиным директива ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г. «О применении мер физического воздействия» к «врагам народа» опубликована в сб.: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР СМЕРШ. 1939 — март 1946. М., 2006.
111. Сталинские расстрельные списки. Именной указатель. Географический указатель. НИПЦ «Мемориал». Архив Президента РФ. Введение. Т. 1—11. М., 2002.
112. *Петров Н.В.* История империи «ГУЛАГ». Гл. 12. «Псевдология».
113. *Попов В.П.* Государственный террор в советской России, 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы, 1992. № 2.
114. *Бацаев И.Д., Козлов А.Г.* Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах... Ч. 1. С. 217—218.

115. *Козлов А.Г.* Гаранин и «гаранинщина» / (Материалы научно-практической конференции) // Материалы сайта «Колыма.гу».

116. *Бацаев И.Д., Козлов А.Г.* Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах... Ч. 1. С. 219.

117. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования. В 3 кн. Кн. 2. — Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 2006. С. 100—101.

118. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 6. Оп. 8. Д. 42, 50, 55. Цит. по: Репрессии в Архангельске: 1937—1938. Документы и материалы: Изд-во Приморского гос. университета. 1999. С. 91, 103, 114.

119. *Рогачев М.Б.* «Операция по приказу 00409» в Ухто-Печорском ИТЛ. Мортиролог. Покаяние. Т. 8. Ч. 2.

120. Цит. по: *Тольц Владимир.* 1937—2007: Соловки-Сандормох. «Потерянный» этап. Разница во времени.

121. *Черкасов Александр.* Преуспевший в невозможном // Ежедневный журнал. М. 27.10.2007.

## ГЛАВА 3. КАРАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КАЗНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Первой жертвой войны становится правда.

*Джонсон Хайрам*

Это война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев.

*Илья Эренбург*

*Сборник статей «Война». М.: 1942.*

*С. 317. Статья «Нет тыла»,  
датированная 4 ноября 1941 г.*

## КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. СМЕРШ

СМЕРШ преобразован из Управления Особых отделов НКВД секретным Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 19 апреля 1943 г. Тем же Постановлением были созданы Управление контрразведки СМЕРШ НКВД СССР и отдел контрразведки СМЕРШ НКВД СССР.

21 апреля 1943 г. Иосиф Сталин подписал Постановление ГКО № 3222 об утверждении положения о ГУКР СМЕРШ НКО СССР. Текст документа состоял из одной фразы: Утвердить положение о Главном Управлении контрразведки СМЕРШ — (Смерть шпионам) и его органах на местах. Приложение к документу подробно раскрывало цели и задачи новой структуры, а также определяло статус ее сотрудников (1): «начальник Главного Управления контрразведки СМЕРШ является заместителем народного комиссара обороны, подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения;

органы СМЕРШ являются централизованной организацией: управления фронтов и отделы армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной Армии подчиняются только своим вышестоящим органам;

органы СМЕРШ информируют Военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной Армии о результатах борьбы с агентурой противника, о проникших в части армии антисоветских элементах, о результатах борьбы с изменой Родине и предательством, дезертирством, членовредительством;

решаемые задачи:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

Органы СМЕРШ освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с перечисленными задачами.

Органы СМЕРШ имеют право:

а) вести агентурно-осведомительную работу;

б) производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной Армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности;

в) проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР;

г) применять различные специальные мероприятия, направленные к выявлению преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов;

д) вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной Армии».

Органы СМЕРШ «комплектуются за счет оперативного состава бывшего Управления Особых отделов НКВД СССР и специального отбора военнослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной Армии. В связи с чем, работникам органов СМЕРШ присваиваются воинские звания, установленные в Красной Армии, и они носят форму, погоны и другие знаки различия, установленные для соответствующих родов войск Красной Армии».

В состав ГУКР СМЕРШ с апреля 1943 г. входили следующие отделы, начальники которых были утверждены 29 апреля 1943 г. приказом № 3 Наркома Оборона Иосифом Сталиным: 1-й отдел — агентурно-оперативная работа в центральном аппарате Наркомата обороны; 2-й — работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену; 3-й — борьба с агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии; 4-й — работа на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной Армии; 5-й — руководство работой органов в военных округах; 6-й — следственный; 7-й — оперативный учет и статистика, проверка военной номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной работе, проверка работников, командируемых за границу; 8-й — оперативной техники; 9-й — обыски, аресты, наружное наблюдение; 10-й — отдел «С»; 11-й — шифровальный.

В структуру СМЕРШ входили также политотдел, административно-финансово-хозяйственный отдел, отдел кадров и секретариат. Численность центрального аппарата составляла 646 человек. Для обеспечения оперативной работы, охраны мест дислокации, конвоирования и охраны арестованных из частей Красной Армии органам военной контрразведки

СМЕРШ выделялись: для фронтового управления — батальон, для армейского отдела — рота, для отдела корпуса, дивизии и бригады — взвод.

СМЕРШ возглавил В.С. Абакумов, который подчинялся непосредственно Сталину (2).

Для выполнения поставленных задач СМЕРШ создал и довел до совершенства систему слежки за военнослужащими и гражданским населением в тылу и на фронте. Для розыска агентуры противника работниками СМЕРШ активно использовались заградительные отряды. Накануне наступательных операций фронтов большой размах приобретали мероприятия, проводимые войсками НКВД по охране тыла, с участием органов СМЕРШ, по зачистке прифронтовой полосы от немецкой агентуры и антисоветского элемента. В частности, осуществлялось прочесывание населенных пунктов, лесных массивов, проводился осмотр нежилых помещений, заброшенных землянок и т. д. В ходе таких зачисток, как правило, задерживалось большое число лиц без документов, дезертиров, а также военнослужащих, имевших на руках документы, с признаками, указывающими на их изготовление в абвере.

Кроме очевидных успехов в борьбе против немецкой разведки, СМЕРШ приобрел в годы войны зловещую славу благодаря системе репрессий против мирного населения, которое находилось в оккупации на временно захваченной немецкими войсками территории или на принудительных работах в Германии.

В 1941 г. И.В. Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (филътрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника. Аналогичная процедура осуществлялась и в отношении оперативного состава органов госбезопасности. Филътрация военнослужащих предусматривала выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров. Для тщательной проверки военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или в окружении противника, решением ГОКО № 1069 от 27 декабря 1941 г. в каждой армии были созданы армейские сборно-пересылочные пункты и организованы спецлагеря НКВД. Проверка находящихся в спецлагерях военнослужащих Красной Армии проводилась отделами контрразведки СМЕРШ при спецлагерях НКВД (в момент постановления это были особые отделы). В 1941—1942 гг. было создано 27 спецлагерей, но в связи с проверкой и отправкой проверенных военнослужащих на фронт они постепенно ликвидировались (к началу 1943 г. функционировало всего 7 спецлагерей).

По официальным данным в 1942 г. в спецлагеря поступило 177 081 бывших военнопленных и окруженцев. После проверки особыми отделами

НКВД в Красную Армию было передано 150 521 человек. Цитата из справки: «...всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, 354 592 человек, в том числе офицеров 50 441 человек. Из этого числа проверено и передано: а) в Красную Армию 249 416 человек, в том числе в воинские части через военкоматы — 231 034, из них офицеров — 27 042, на формирование штурмовых батальонов — 18 382, из них офицеров — 16 163; б) в промышленность по постановлениям ГОКО — 30 749, из них офицеров — 29; в) на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей — 5924... Арестовано органами СМЕРШ — 11 556, из них агентов разведки и контрразведки противника — 2083, из них — офицеров (по разным преступлениям) — 1284. Убыло по разным причинам за все время в госпитали, лазареты и умерло — 5347. Находятся в спецлагерях НКВД СССР в проверке 51 601, в том числе — офицеров 5657. Из числа оставшихся в лагерях НКВД СССР офицеров в октябре формируются 4 штурмовых батальона по 920 человек каждый...» (3: 132—139).

Органы СМЕРШ осуществляли розыск, задержание и ведение следствия по делам советских граждан, действовавших в антисоветских вооруженных группах, воевавших на стороне Германии, таких как Русская освободительная армия. Постановлением СНК от 6 января 1945 г. при штабах фронтов начали функционировать отделы по делам репатриации, в работе которых принимали участие сотрудники органов СМЕРШ. Создавались сборно-пересыльные пункты для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной Армией. Сообщается, что с 1941 по 1945 г. органами СМЕРШ было арестовано около 700 000 человек, около 70 000 из них расстреляно (4).

СМЕРШ играл также большую роль в распространении сталинской системы террора на страны Восточной Европы, где установились дружеские к Советскому Союзу режимы. Например, сообщается, что на территории Польши и Германии после войны некоторые бывшие нацистские концлагеря продолжали функционировать под контролем СМЕРШ как место репрессий идеологических противников новых режимов (в качестве обоснования приводится информация, что в бывшем нацистском концлагере Бухенвальд еще несколько лет после войны содержалось свыше 60 000 противников социалистического выбора).

Военные контрразведчики иногда не только выполняли свои прямые обязанности, но и непосредственно участвовали в боях с гитлеровцами, нередко в критические моменты принимали на себя командование ротами и батальонами, потерявшими своих командиров. Немало армейских

чекистов погибло при исполнении служебных обязанностей, заданий командования Красной Армии и Военно-морского флота. В среднем оперативник служил три месяца, после чего выбывал по смерти или ранению. Только во время боев за освобождение Белоруссии погибли 236 и пропали без вести 136 военных контрразведчиков. За годы войны четыре сотрудника СМЕРШ были удостоены высшей награды — звания Героя Советского Союза: старший лейтенант Петр Анфимович Жидков, лейтенант Григорий Михайлович Кравцов, лейтенант Михаил Петрович Крыгин, лейтенант Василий Михайлович Чеботарев. Все они удостоены этого звания посмертно.

Деятельность ГУКР СМЕРШ характеризуется очевидными успехами в борьбе против иностранных разведок, по результативности СМЕРШ являлся самой эффективной спецслужбой во время Второй мировой войны. С 1943 г. до окончания войны одних только радиоигр центральным аппаратом СМЕРШ и его фронтовыми управлениями было проведено 186. В ходе этих игр на нашу территорию удалось вывести свыше 400 кадровых сотрудников и гитлеровских агентов, захватить десятки тонн грузов (5).

Кроме органов СМЕРШ аресты лиц, подозреваемых в нелояльности, производились сотрудниками территориальных органов госбезопасности. За годы войны территориальные подразделения НКВД-НКГБ арестовали по стране за политические преступления 452 292 человека. С 1 июля 1943 г. по 1 мая 1945 г. на освобожденной от врага территории органами НКВД арестовано 77 152 человека, в том числе дезертиров — 14 254, изменников, перебежавших на сторону врага — 6223, бандитов — 6187, старост — 4638 и т. д. По данным проф. В. Некрасова, к началу войны в лагерях и колониях НКВД находилось 2300 тыс. заключенных. За 1941—1944 гг. прибыло 2550 тыс., а убыло 3400 тыс., в том числе только в 1941—1942 гг. 900 тыс. бывших заключенных передано в действующую армию. По состоянию на 21 декабря 1944 г. в лагерях находилось 1450 тыс. заключенных.

## ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ

Заградительные отряды — подразделения, которые размещались позади основных войск и были предназначены для предотвращения бегства военнослужащих с поля боя, поимки шпионов, диверсантов и дезертиров, возвращения в части бежавших с поля боя и отставших военнослужащих. Заградотрядами также назывались подразделения,



целью которых была борьба с мешочниками и спекуляцией в годы Гражданской войны.

В российской (царской) армии заградительных отрядов никогда не было. Как и штрафные подразделения, первые заградительные отряды в Красной Армии появились в августе 1918 г. по приказу Льва Троцкого. Его позиция: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». «Надо заставить сражаться. Если ждать когда мужик расчухается, то поздно будет... Заградотряды должны размещаться в ближайшем тылу и подталкивать сзади отстающих, колеблющихся и голодных. В распоряжении заградотрядов должен быть грузовик с пулеметом, легковая машина с пулеметом или кавалеристы с пулеметами» (6).

Заградительные отряды Троцкого комплектовались как рабочими, так и солдатами РККА — в основном латышами, венграми, китайцами и прочими «интернационалистами». Троцкому же принадлежит первенство применения таких мер укрепления боеготовности, как расстрел каждого десятого (децимация) командира и красноармейца, а также применение института заложников для членов семей царских офицеров, служивших в Красной Армии.

С самого начала Великой Отечественной войны на фронте, совместно с Особыми отделами, действовали заградительные отряды войск НКВД по охране тыла. В знаменитом приказе №227 от 28 июля 1942 г. требовалось сформировать в каждой армии 3—5 заградительных отрядов. По состоянию на 15 октября 1942 г. было сформировано 193 заградительных отряда, имеющих в своем составе по 200—300 человек. О результатах деятельности заградительных отрядов на различных этапах войны можно судить по опубликованным документам. Из докладной записки заместителя начальника Управления Особых отделов НКВД СССР С.Р. Мильштейна наркому внутренних дел генеральному комиссару госбезопасности Л.П. Берии: «...С начала войны по 10 октября с. г. (1941) Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, оставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих. Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены

на фронт. В числе арестованных Особыми отделами: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, других — 4371. Всего — 25 878. По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек. По фронтам эти данные распределяются следующим образом...» (7).

Из цитируемого документа следует, что арестовывали больше всего на Западном фронте — по тысяче человек в месяц — 4013 человек за четыре месяца. На этом же фронте и расстреливали больше всего — 2136 человек (более 16 человек в день). Вероятность выжить после ареста меньше 50 процентов. А расстреливали перед строем чаще всего на Северо-Западном фронте — 730 человек за первые неполные 4 месяца войны (пять-шесть человек в день). Из докладной записки заместителя начальника Особого отдела НКВД Сталинградского фронта В.М. Казакевича в Управление особых отделов НКВД: «С 1 августа по 15 октября 1942 г. заградительными отрядами задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных: арестовано 3980 человек, расстреляно 1189 человек, направлено в штрафные роты 2276 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека». Докладная записка характеризует ситуацию в зоне действий Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. От общей численности этих фронтов число задержанных заградительными отрядами составляет 25,7 %, то есть каждый четвертый военнослужащий покинул поле боя (8).

Впервые в военной истории по указанию маршала Жукова были созданы подвижные (на танках) заградительные отряды, движущиеся сразу же за наступающими войсками. Об этой инициативе великого маршала свидетельствует цитата из его письменного доклада Сталину, приведенная в книге Д. Волкогонова «Триумф и трагедия»: «...Для предупреждения отставания отдельных подразделений и для борьбы с трусами и паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке следовали особо назначенные Военными советами армий командиры. В итоге всех предпринятых мер войска 31-й и 20-й армий успешно прорвали оборону противника. Жуков. Булганин». Необходимость в заградительных отрядах отпала при изменении обстановки на фронтах. Поэтому приказом НКО СССР № 0349 от 29 октября 1944 г. они были расформированы.

## ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ

Военные трибуналы и военно-полевые суды — временные органы правосудия, действующие на обороняемых, оккупированных и освобожденных территориях. Действуют в военное время или в условиях чрезвычайного положения на месте боевых действий или сразу же по их окончании. Учреждаются командующими наступающих или обороняющихся сил при каждой воинской части (соединении), а также военными комендантами в крупных населенных пунктах. В военное время из-за сложности обстановки вынесение военными трибуналами и военно-полевыми судами общеуголовных наказаний в большинстве случаев невозможно, поэтому основным наказанием для большинства категорий подсудимых часто являлся расстрел; для отдельных категорий преступников — показательная казнь через повешение. В годы Великой Отечественной войны расстрельные приговоры в боевой обстановке иногда приводились в исполнение перед строем воинских частей. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий было утверждено 22 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Военные трибуналы оказались ведущей формой осуществления правосудия в период войны. Они создавались при военных округах, фронтах и морских флотах, а также при армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях. Линейные суды на транспорте также реорганизовывались в военные трибуналы железных дорог и водных путей сообщения.

В районах, объявленных на военном положении, подавляющее большинство судов общей юрисдикции после 22 июня 1941 г. также были реорганизованы в военные трибуналы. Военные трибуналы рассматривали дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности в районах, объявленных на военном положении. К суду военных трибуналов привлекались и гражданские лица по делам о государственных преступлениях, хищениях социалистической собственности, разбоях, грабежах, умышленных убийствах, побегах из мест заключения, сопротивлении представителям власти, уклонении от службы в армии, незаконном хранении оружия. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» все дела такого рода рассматривались только трибуналами, как и дела о самовольном уходе рабочих и служащих с военных заводов и гражданских заводов, работавших на армию. Приговоры военных трибуналов кассационному

обжалованию не подлежали и могли быть отменены лишь в порядке надзора. Это существенно упрощало судопроизводство за счет ограничения прав подсудимых.

По данным генерал-полковника юстиции А. Муранова, за годы войны только военные трибуналы вынесли 2 миллиона 530 тыс. 663 приговора. При этом 284 тыс. 344 граждан СССР были приговорены к высшей мере наказания, или 8,9 % от общего количества представших перед военными трибуналами (9).

Показательна динамика «работы» военных трибуналов: в 1941 г. за «контрреволюционные преступления» приговорено к различным видам наказания (не только к расстрелу) «всего» 29 тыс. человек, в 1942 г. — 112 тыс., в 1943 и 1944 гг. — соответственно 96 и 99 тыс., а в победном 1945 г. — 135 тыс. осужденных контрреволюционеров. Столь же показательна и динамика роста числа осужденных за «измену Родине» (ст. 58—16). В 1941 г. за измену Родине было осуждено 8976 человек, в 1942—45 050, в 1943—52 757, в 1944 г. — 69 895 человек (10: 558, 576). Из приведенных данных следует, что чем ближе была победа, тем больше появлялось желающих изменить Родине и перейти на сторону гибнущей Германии. Сам В. Звягинцев считает, что такую динамику можно объяснить желанием руководителя созданного в апреле 1943 г. СМЕРШ Абакумова, показать «наличие» в армии и стране многочисленных «изменников», что подчеркивало политическую значимость СМЕРШ и обеспечивало рост авторитета его начальника. Возможными причинами такого феномена, по нашему мнению, могут быть следующие: во-первых, по мере продвижения на запад в сфере действия органов СМЕРШ оказывалось значительное число изменников и пособников врага, отступивших вместе с немецкими войсками; во-вторых, не следует исключать того, что Сталин «работал на опережение», и поэтому к концу войны, видимо, стали чаще судить за проявления вольнодумства, чтобы приучить воевавших к послевоенной покорности. Таким образом, за каждый день войны военными трибуналами всех видов выносилось 1784 приговора, в том числе около 200 граждан приговаривались к расстрелу. И это без учета работы судов общей юрисдикции, Особого совещания при МГБ-НКВД и внесудебных расстрелов органами СМЕРШ.

Исключительной жесткостью отличалось правосудие при рассмотрении дел военнослужащих. За время войны военными трибуналами осуждено всего 994 270 военнослужащих, в том числе за дезертирство 376 300 человек, 422 700 осужденным исполнение приговоров отсрочено до окончания военных действий с направлением в состав штрафных

подразделений, 436 600 осужденных направлены в места заключения (11: Гл. 5).

Из числа осужденных расстреляно 135 тыс. человек. По другим данным, по приговорам армейских военных трибуналов расстреляно 157 593 человека. Одним из объяснений такого расхождения может быть то, что в функции армейских трибуналов входило рассмотрение дел лиц, не являющихся на момент вынесения приговора военнослужащими: власовцев, карателей, полицейских, агентов карательных органов противника и т. д. Таким образом, за каждый день войны в среднем был осужден 701 военнослужащий, в том числе 92 человека приговаривались к расстрелу (без учета 70 тыс. расстрелянных сотрудниками СМЕРШ во внесудебном порядке). Таким образом, за каждый день войны расстреливался 141 человек. Если сложить 135 000 и 70 000 и если считать, что в дивизии 10 000 человек, то выходит, что доблестными смершевцами, а это они приводили приговоры в исполнение, расстрелян личный состав более 20 дивизий. (В вермахте за пять лет войны, с 1 сентября 1939 г. по 1 сентября 1944 г., расстреляно 7810 военнослужащих, т. е. в 17 раз меньше, чем по приговорам военных трибуналов в Красной Армии. И это без учета внесудебных расстрелов Особыми отделами, отделами СМЕРШ и загранотрядами.) На этом фоне карательная практика советской военной Фемиды выглядит чудовишной (12: 577).

## ШТРАФНЫЕ РОТЫ И БАТАЛЬОНЫ

Штрафные части — формирования (специальные воинские части) действующей армии, в которые в военное время в качестве наказания направлялись военнослужащие, совершившие преступления (кроме тяжких преступлений, за которые полагалась смертная казнь). Штрафные подразделения в Красной Армии стали создаваться в 1919 г. по указанию Троцкого.

В Великой Отечественной войне формирование штрафных подразделений началось по приказу наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г., подписанному Сталиным. На фронтах создавались штрафные батальоны, в которые направлялись средние и старшие командиры и политработники всех родов войск, проявившие трусость или неустойчивость. В армейские штрафные роты направлялись рядовые бойцы и младшие командиры. Право направлять подчиненных в штрафные батальоны получили командиры дивизий и отдельных бригад, а в штрафные роты — командиры полков. Срок пребывания устанавливался от 1 до 3 месяцев.

На такие же сроки в штрафные части направляли бойцов и командиров, осужденных с применением отсрочки исполнения приговора, военные трибуналы. Независимо от того, лишился ли военнослужащий воинского звания (по суду) или нет, все получали одно и то же новое звание — штрафной рядовой.

Перед отправкой военнослужащих в штрафные подразделения у них изымались государственные награды и передавались на хранение в отделы кадров армии или фронта. Старшими и младшими командирами и политработниками в штрафные подразделения назначались обычные кадровые военнослужащие, наиболее подходящие для этой роли. При этом постоянный командный состав для штрафных частей и подразделений специально не готовился. Согласно положению, командир и военный комиссар штрафного батальона по отношению к штрафникам пользовались властью командира и комиссара дивизии. Командир и комиссар отдельной штрафной роты пользовались властью командира и комиссара полка. Всему постоянному составу штрафных частей сроки выслуги в званиях по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии сокращались наполовину. Кроме того, каждый месяц службы в постоянном составе штрафной части засчитывался при назначении пенсии за шесть месяцев.

При необходимости штрафники могли приказом по части назначаться на должности младших командиров с присвоением звания ефрейтора, младшего сержанта и сержанта. За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафной части имел право и был обязан применять все меры воздействия, вплоть до расстрела на месте. За годы войны было сформировано 65 отдельных штрафных батальонов и 1028 штрафных рот. В 1942 г. в армии было 24 993 штрафника, в 1943 г. — 177 694, в 1944 г. — 143 457 и в 1945 г. — 81 766 человек.

Всего в годы войны в штрафные подразделения было направлено 427 910 человек. По отношению к общему числу призванных штрафники составляли 1,2 %, по отношению к находившимся в строю — 3,7—4 % и по отношению к служившим в действующей армии — 7,4—8,1 %. Поскольку штрафным частям поручались наиболее сложные боевые задачи, то потери как постоянного, так и переменного составов были высокими. Только в 1944 г. общие потери личного состава штрафных частей (убитые, умершие, раненые и заболевшие) составили 170 298 человек. Среднемесячные потери постоянного и переменного состава достигали

14 191 человека, или 52 % от среднемесячной их численности (27 326 человек). Это в 3—6 раз больше, чем среднемесячные потери в обычных войсках в таких же наступательных операциях (11: Гл. 5).

За проявленные отвагу, мужество и героизм в боях военнослужащие, отбывающие наказание в штрафных частях, могли быть награждены. Почти все награды, полученные в штрафных частях, были медалями «За отвагу». В авиационных соединениях решением Ставки ВГК № 170549 для летчиков, которые «проявили саботаж, трусость и шкурничество» были созданы штрафные авиаэскадрильи, используемые на наиболее опасных участках фронта (13: 204).

В штрафбаты летчики попадали прежде всего за невыполнение боевых задач. В приказе № 0685 от 9 сентября 1942 г., подписанном Сталиным, говорилось: «Фактами на Калининском, Западном, Сталинградском, Юго-Восточном и других фронтах установлено, что наша истребительная авиация, как правило, работает плохо и свои боевые задачи очень часто не выполняет. Истребители наши не только не вступают в бой с истребителями противника, но избегают атаковать бомбардировщиков. При выполнении задачи по прикрытию штурмовиков и бомбардировщиков наши истребители даже при количественном превосходстве над истребителями противника уклоняются от боя, ходят в стороне и допускают безнаказанно сбивать наших штурмовиков и бомбардировщиков. Приказом НКО за № 0299 предусмотрены для летного состава в качестве поощрения денежные вознаграждения и правительственные награды за боевые вылеты с выполнением боевой задачи. Этот приказ в авиачастях извращен. Боевым вылетом неправильно считают всякий полет на поле боя, независимо от того, выполнена или нет истребителями возложенная на них боевая задача... В целях ликвидации такой несправедливости и для того, чтобы поощрять честных летчиков, а ловкачей и трусов выявлять, изгонять из рядов наших истребителей и наказывать их, приказываю: 1. Считать боевым вылетом для истребителей только такой вылет, при котором штурмовики и бомбардировщики при выполнении боевой задачи не имели потерь от атак истребителей противника... 4. Летчиков-истребителей, уклоняющихся от боя с воздушным противником, предавать суду и переводить в штрафные части в пехоту» (14).

Второй по важности причиной направления летчиков в штрафные подразделения было уклонение различными путями от полетов, в том числе и путем вывода из строя техники. Штрафные эскадрильи существовали непродолжительное время, и после их расформирования провинившихся летчиков отправляли в штрафные батальоны сухопутных

войск. Кроме штрафных батальонов в 1943 г. были сформированы отдельные штурмовые стрелковые батальоны. «В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на территории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах, с оружием в руках доказать свою преданность Родине», приказом наркома обороны № Орг/2/1348 от 1 августа 1943 г. «О формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов» предусматривалось: «Сформировать к 25 августа из контингентов командно-начальствующего состава, содержащегося в специальных лагерях НКВД четыре отдельных штурмовых стрелковых батальона... Формирование батальонов произвести численностью 927 человек каждый... Батальоны предназначаются для использования на наиболее активных участках фронта». Срок пребывания в штурмовых батальонах устанавливался 2 месяца, либо до первого награждения или ранения. В отличие от штрафбатов офицерских званий здесь не лишали.

## КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Коллаборационизм (фр. *collaboration* — сотрудничество) — осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству. В уголовном законодательстве большинства стран мира такое сотрудничество квалифицируется как государственная измена. Первоначально означал сотрудничество граждан с немецкими властями в период оккупации Франции.

Коллаборационистское движение на временно оккупированной немцами территории Советского Союза было беспрецедентно массовым. Среди сотен тысяч восточных добровольцев, воевавших на стороне Гитлера, были разные люди, и их сотрудничество с оккупантами развивалось в различных формах: военной, политической, хозяйственной и административной. Причины, толкнувшие людей на этот шаг, были порождены разными обстоятельствами, однако у многих из них основной движущей силой был единственный мотив. Наиболее полно его выразил А.И. Солженицын: «А теперь... надо ж и о тех, кто еще до 1941 г. ни о чем другом не мечтал, как только взять оружие и бить этих красных комиссаров, чекистов и коллективизаторщиков... Эти люди, пережившие на своей шкуре 24 года коммунистического счастья, уже в 1941 г. знали то, чего не знал еще никто в мире: что на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем



более лукаво-изворотливого, чем большевистский... И вот — пришла пора, оружие давалось этим людям в руки...»

Жесткий тоталитарный сталинский режим, коллективизация, сталинские репрессии, утрата национальной независимости прибалтийскими государствами привели к тому, что многие воспринимали немецких оккупантов как освободителей. Поэтому среди коллаборационистов была значительная прослойка антисоветски настроенных граждан, которые добросовестно и преданно служили оккупантам.

Во время войны только вермахт и войска СС включали свыше 1,8 миллиона человек из числа граждан других государств. Из них в годы войны было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков, легионов и 176 батальонов. Общая численность советских граждан и русских эмигрантов в составе вермахта, войсках СС, полиции и военизированных формирований составляла до 1,2 млн человек (в том числе славян — до 700 тыс., представителей трех народов Прибалтики — до 300 тыс., представителей тюркских, кавказских и других малых народов — до 200 тыс.). Около трети из этого числа — боевые соединения и части, сражавшиеся на фронтах Второй мировой войны против армий антигитлеровской коалиции и на оккупированных территориях против партизан. К ним относились формирования восточных войск вермахта, войск СС и полиции, а также германских спецслужб — абвера и СД. Остальные представляли собой «добровольцев вспомогательной службы» («хиви»), личный состав т. н. индивидуальной службы вспомогательной полиции и отрядов местной самообороны.

Хиви (нем. *Hilfswilliger* — желающий помочь) — так называемые «добровольные помощники» вермахта, набиравшиеся (в том числе мобилизовавшиеся принудительно) из местного населения на оккупированных территориях СССР и военнопленных. С конца июля до ноября 1941 г. из лагерей военнопленных немцами было освобождено 318 770 человек, в том числе 277 761 украинцев, остальные — немцы Поволжья, белорусы и жители прибалтийских государств. С 1942 г. по 1 мая 1944 г. немцы освободили 823 230 военнопленных. Часть освобожденных военнопленных добровольно вступила в охранные и другие формирования. Первоначально они служили во вспомогательных частях водителями, ремонтниками, санитарями, саперами, поварами и т. п. Позже «хиви» стали привлекать к непосредственному участию в боевых действиях, в операциях против партизан.

С 1941 г. по мере продвижения вермахта число «добровольных помощников» непрерывно росло. Уже в апреле 1942 г. их было 200 тыс.

человек, а в июле 1943 г. — уже 600 тыс. С октября 1943 г. они были включены в штаты немецких пехотных дивизий. Численность личного состава немецкой пехотной дивизии по штатам на 2 октября 1943 г. составляла 10 708 человек и 2005 человек вольнонаемных, под последними многие исследователи сегодня подразумевают «хиви». По состоянию на февраль 1945 г. численность «хиви» составляла 600 тыс. человек в сухопутных войсках, от 50 до 60 тыс. в люфтваффе и 15 тыс. человек в кригсмарине. Эти категории частично также принимали участие в боевых действиях и использовались для пополнения боевых частей и соединений. Максимальная единовременная численность всех названных категорий достигала 800—900 тыс. человек (17). После тяжелых поражений на Восточном фронте в 1943 г. нацисты официально признали арийцами все славянские народы, кроме поляков, для того, чтобы их представители могли служить в Ваффен-СС (18).

Основным политическим органом, объединившим, по крайней мере формально, русских и ряд национальных организаций, сотрудничавших с Германией, стал Комитет освобождения народов России (КОНР), который был образован 14 ноября 1944 г. в Праге. Политическим руководящим органом КОНР стал возглавляемый Власовым Президиум КОНР в составе генерал-майоров Ф.И. Трухина и В.Ф. Малышкина, генерал-майора, профессора Д.Е. Закутного, генерал-лейтенантов Г.Н. Жиленкова и Е.И. Балабина, профессоров Ф.П. Богатырчука (представлял Украинский национальный совет), Н.Н. Будзиловича (представлял Белорусский национальный совет) и С.М. Руднева. Политической платформой КОНР стал «Манифест Освободительного движения народов России» или «Пражский манифест», целями которого были: «свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 г.; прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров» (19).

## ВЫДАЧА И КАЗНИ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ РОА И КАЗАКОВ

В конце войны на территориях, занятых союзниками, оказались миллионы наших соотечественников: военнопленных Красной Армии, солдат и офицеров РОА и других коллаборационистских соединений, граждан, угнанных на принудительные работы в Германию, членов семей казаков и коллаборационистов, ушедших на запад вместе с немцами.

Всего в СССР было репатрировано свыше 1 млн 866 тыс. бывших военнопленных и свыше 3,5 млн гражданских лиц. Отказались вернуться в СССР свыше 450 тыс. человек, в том числе около 160 тыс. бывших военнопленных. Основанием для репатриации стало подписанное 11 февраля 1945 г. в Ялте соглашение о выдаче всех находящихся в англо-американской зоне советских граждан. Обязательной репатриации, «независимо от желания и с применением силы, если это окажется необходимо» подлежали: а) взятые в плен в немецкой форме; б) находившиеся в рядах советских вооруженных сил 22 июня 1941 г. и после этой даты и не демобилизованные впоследствии; в) обвиняемые советскими властями в добровольной помощи врагу... при предоставлении убедительных доказательств с советской стороны.

Основная часть репатрируемых оказалась в Европе на территории Чехословакии, Франции, Австрии, Италии, Норвегии, Финляндии и других стран. Часть из них была вывезена в лагеря на территории Англии и Северной Африки, часть оказалась в США, Иране и Ираке. Многие из подлежащих репатриации, опасаясь наказания за совершенные преступления и по другим причинам, не хотели возвращаться в Советский Союз. Трагическим эпизодом в судьбах сотен тысяч этих людей стала их насильственная выдача советской стороне, которая проходила при силовом участии английских и американских войск, приводила к самоубийствам и сопровождалась расстрелами.

Массовая выдача, задержания и расстрелы власовцев начались сразу же после вступления советской армии в освобожденную накануне дивизией Буняченко Прагу. В боях за Прагу погибли сотни солдат РОА и многие были ранены. Когда Красная Армия заняла Прагу, генерал, а позднее Маршал Советского Союза Рыбалко несколько раз посетил Чехословацкий национальный совет, где профессор доктор Альберт Пражак убедительно просил его о сохранении жизни солдатам и офицерам РОА, которые попадут в плен к Красной Армии в Праге и в ее окрестностях. Сначала Рыбалко ответил, что все они будут расстреляны. Когда же к этой просьбе присоединились и остальные члены Совета, то он пообещал не допустить расстрелов. Раненых власовцев в пражских больницах поместили в отдельных палатах, с табличками «Героические освободители Праги».

Вскоре после вступления Красной Армии в город органы СМЕРШ начали регистрацию раненых. Об их судьбе рассказывает доктор Степанек-Штемп, впоследствии эмигрировавший в Израиль: «У меня была знакомая, моя землячка из Моравска-Острава, Е. Р., молодая женщина, чудом пережившая Освенцим, Терезиенштадт и Дахау. В первые

дни после окончания войны она работала в пригороде Праги Мотол. Она рассказала мне, что в больнице в Мотоле лежало около 200 раненых власовцев. Однажды в больницу явились советские солдаты, вооруженные автоматами. Они выгнали из здания врачей и санитарок, вошли в палаты, в которых лежали тяжелораненые власовцы, и вскоре оттуда раздались длинные очереди... Все раненые были расстреляны прямо в кроватях» (20: Гл. 8. РОА и Пражское восстание).

Такая же судьба постигла и солдат, лежавших в других больницах. При регистрации раненых власовцев сотрудниками СМЕРШ больничный персонал обязали удалить с палат надписи о героических освободителях Праги. Врачи отказывались выписывать раненых из госпиталей, однако 15 мая офицеры СМЕРШ насильно увели их в госпитальных халатах. С. Ауски на основании достоверных источников сообщает о расстреле в Праге и окрестностях более 600 солдат и офицеров 1-й дивизии РОА. «Они были похоронены на Ольшанском кладбище в секторе, который прилегает к Мланоневицкой улице (ныне имени Яна Желивского)».

Такая же судьба постигла и других добровольцев, принявших участие в Пражском восстании: «Во Французской гимназии, находящейся на Билой улице в районе Праги Дейвице, еще перед восстанием была размещена часть русских добровольцев. По-видимому, это был один из центров сосредоточения Запасной бригады РОА. Во время восстания эта часть принимала участие в боях на Ганспалке против частей СС, находящихся в общежитиях имени Масарика. Ввиду того, что эта добровольческая часть не принадлежала к 1-й дивизии РОА и командование дивизии о ней определенно не знало, она не получила приказа к отступлению из Праги и была захвачена в плен Красной Армией. Около 400 бойцов этой части были проконвоированы по улице На-Писках, начиная с Ганспалки вплоть до Боржиславки и на том месте, которое в настоящее время застроено блоком домов между Велварской и Суданской улицами, они были расстреляны из автоматов. Дальнейшие казни были произведены в местах с названиями На-Юлище, Под Градбами, на Оржеховце и в Певностни улице. Казни, производимые иногда невероятной жестокой образом, происходили в присутствии гражданского населения и даже детей» (21).

Генералы РОА Трухин, Боярский, Шаповалов, Благовещенский и Богданов были захвачены в районе города Пршибрама партизанами-коммунистами на пути в Прагу, где они надеялись установить связь с Власовым. Боярский 5 мая въехал в Пршибрам, который уже захватили партизаны-коммунисты. Его задержали и привели к командиру отряда

«Смерть фашизму», капитану Советской армии Олесинскому, который стал осыпать его оскорблениями. Боярский, человек вспыльчивый и горячий, не сдержавшись, дал советскому офицеру пощечину, и тот, вне себя от ярости, приказал повесить генерала.

Трухин, выбравший с генерал-майором Шаповаловым и немецким офицером связи майором Оттендорфом тот же путь, утром 8 мая попал у Пршибрама в засаду. Подробности стали известны из рассказа его адъютанта, старшего лейтенанта Ромашкина, которого позже освободили власовцы. Пригрозив оружием, Трухина заставили выйти из машины перед партизанским штабом. Шаповалова, привезенного в штаб в первой машине, уже увели куда-то и затем расстреляли. Капитан Красной Армии в форме, видимо тот же Олесинский, отобрал у Трухина и сопровождавших его власовцев оружие и документы и посадил всех под охраной в одиночки. Утром 9 мая генерал-майора Трухина передали представителям советских военных властей, которые отправили его из Дрездена самолетом в Москву.

В том же районе в руки к партизанам попали генералы Благовещенский и Богданов. Утром 10 мая Власова принял американский генерал, командующий округом, который сказал ему о предстоящей безоговорочной капитуляции, без каких бы то ни было гарантий от выдачи. Американские офицеры намекали Власову, что ему и его спутникам лучше всего бежать, и обещали снабдить их штатской одеждой и бензином. Некоторые офицеры власовского эскорта склонялись к тому, чтобы принять это предложение, но Власов отказался, объяснив старшему лейтенанту В. Реслеру, что не может бросить своих беззащитных солдат на произвол судьбы. Он послал офицеров в 1-ю дивизию с поручением передать, что он не видит иного выхода, как только согласиться на капитуляцию на американских условиях. (Власов был задержан сотрудниками СМЕРШ в Чехословакии в американской зоне 12 мая.)

Днем 10 мая 1-я дивизия РОА оказалась в американской зоне, где власовцы были взяты под стражу и интернированы как военнопленные. Американские офицеры приказали власовцам сдать оружие, при этом, как и в южной группе РОА, офицерам разрешалось оставить себе пистолеты и по 10 человек в каждой роте могли сохранить личное оружие. В полдень 12 мая приказ Власова был выполнен. Буняченко в последний раз вызвал по радио командиров полков и других офицеров в штаб дивизии. От имени Власова он освободил командиров от присяги и попросил их как можно скорей отправить солдат небольшими группами, минуя шоссе и населенные пункты, по направлению к немецкой границе. Полки РОА получили последний приказ: «Разойдись!»

До этого момента в частях сохранялся относительный порядок, но теперь все рушилось. Среди солдат царило отчаяние. Одни подходили к командирам, прощались, просили последнего совета, другие, не в силах снести надвигающийся ужас, покончили с собой, в лесу то и дело гремели выстрелы. Третьи, охваченные апатией, покорно ждали своей участи. Большинство же устремилось на юг и юго-запад к американской зоне. Командир 90-й пехотной дивизии генерал-майор Ирнест приказал любыми средствами задерживать бегущих. Однако, несмотря на приказ, американцы вели себя в этой ситуации по-разному. Например, командир 359-го пехотного полка разрешил власовцам пройти в американскую зону; в то же время в других полках их не пропускали и даже угрожали оружием. Однако переход границы американской зоны не гарантировал безопасности: любой встретившийся офицер мог отправить беглецов на место сбора для выдачи советским властям.

Множество власовцев попало в руки к чехам или частям Красной Армии, следовавшим по пятам за отходящими американцами, и было расстреляно на месте или взято в плен. Были и такие, как командир разведывательного отряда майор Костенко и его подчиненные, которые с оружием в руках ушли в лес, чтобы погибнуть в бою. Однако многие решили добровольно сдаться советским войскам, чем подвергнуться насильственной выдаче. Никаких различий между добровольно сдавшимися и взятыми в плен власовцами советская сторона не проводила.

Так в ночь с 11 на 12 мая, когда разоруженная 1-я дивизия РОА находилась на узкой полосе между американской и советской армиями, на советскую сторону перешел власовский офицер с подразделением, насчитывающим примерно 100 человек. На рассвете следующего дня этой группе, вместе со всеми остальными, перешедшими в ту ночь на советскую сторону, было приказано построиться. Власовский офицер, переодетый в форму Красной Армии, был поставлен перед строем солдат. Он был бледен и с трудом сдерживал себя. Остановившись перед построенным подразделением, он намеревался обратиться к солдатам с речью. После нескольких неуверенных попыток и колебаний он вдруг крикнул решительным голосом: «Я знаю, что меня сейчас же пристрелят. Вас...», но он не успел закончить фразу, так как один из сопровождавших его офицеров действительно застрелил его из пистолета. Часть солдат стала разбегаться во все стороны, остальные остались стоять и с ужасом ожидали, что произойдет дальше. По убегающим начали стрелять из автоматов и пулеметов из танков, которые стояли на краю поляны. Несколько очередей задело и тех солдат, которые оставались на месте. Люди падали на землю и молили о пощаде, но стрельба продолжалась.

После 12 мая несколько тысяч пленных из 1-й дивизии РОА были собраны в лагере недалеко от Шлюссельбурга. Их разделили на три категории: офицеры, унтер-офицеры и солдаты. Некоторые офицеры пытались скрыться среди солдат, но часть из них солдаты выдали сотрудникам СМЕРШ. В лагерь прибыл советский генерал, очевидно представитель военной юстиции, который объявил, что все офицеры приговорены к расстрелу, а рядовые — к 25 годам лагерей. К вечеру задержанным было приказано построиться. Перед строем, окруженным танками, были поставлены несколько десятков офицеров, которых тут же расстреляли. Некоторые солдаты также были расстреляны. Затем к пленным подошли три молодых офицера Красной Армии. Они были пьяными, громко разговаривали и смеялись. Один из них обратился к пленным с вопросом: «Ну, а кто из вас тут из Сталинграда? Подойдите ко мне!» Из рядов пленных вышло несколько человек, и офицер, со словами «Земляки из Сталинграда...», вытащил свой пистолет и на месте застрелил несколько человек. Оставшиеся в живых пытались спастись в строю, но разъяренный офицер продолжал стрелять.

На этом же месте пленных собирали в течение трех последующих дней. Все это время они не получали никакой пищи и даже воду получали в ограниченном количестве. У них отобрали все, что они имели, даже обувь, если она была в хорошем состоянии, они должны были отдать, оставаясь босыми. В руки Красной Армии попал также дивизионный лазарет, а вместе с ним и женщины-врачи, медицинские сестры, вспомогательный персонал и жены некоторых офицеров. Все они стали мишенью для издевательств и насилий. Больные и раненые были выброшены из санитарных машин и без оказания медицинской помощи присоединены к остальным пленным. На четвертый день пленных, оставшихся в живых, увели под сильной охраной в тыл армии. Во время этапирования также происходили случаи расправ над пленными. По данным подполковника Артемьева, в частях Красной Армии, вступающих в контакт с частями и подразделениями Власова, проводились специальные политзанятия. Цель этих занятий состояла в том, чтобы убедить солдат Красной Армии, что они встретились с предателями родины, с немецкими наймитами, с людьми, к которым можно питать одну лишь ненависть, не оправдывать, не щадить и только карать. Артемьев, вспоминая о своей встрече с полковником Мищенко, солдаты которого отличались особой жестокостью, спрашивает: «А где вы теперь, полковник Мищенко?» (22).

Вскоре после высадки в Нормандии вместе с немецкими пленными в США была отправлена группа власовцев. Многие из них не хотели возвращаться в СССР, но, учитывая настойчивые требования советских представителей, около 4300 человек были отправлены во Владивосток.

Оставшиеся 118 человек заявили о том, что находятся под защитой Женевских конвенций и категорически отказались возвращаться. Они ссылались на пункт Конвенций: «Военнопленные имеют право, чтобы с ними обращались, исходя из того, какая форма была на них в момент сдачи в плен, и пленившая их страна не должна без их согласия определять их гражданство или национальность иначе, как на основании их военной формы». Однако сразу же после окончания войны государственный секретарь США принял решение передать эту группу советской стороне. При этом он руководствовался сомнительной логикой: «если американские солдаты больше не используют преимуществ, предоставляемых им Конвенцией, то США могут позволить себе отказать в этих преимуществах и солдатам Германии».

После этого решения 118 пленных, претендовавших на немецкое гражданство, и еще 36 человек, находившихся в таком же положении, были собраны в обнесенном проволокой лагере в Форте Дике, штат Нью-Джерси. Им сообщили, что 29 июня 1945 г. их посадят на пароход, идущий в СССР. Сообщение коменданта лагеря о репатриации толкнуло пленных на отчаянные шаги. Они забаррикадировались в бараках и отказались выходить или впускать кого-либо. Комендант, прибывший на место событий, потребовал, чтобы три старших по званию офицера вышли к нему для переговоров. Ответом было молчание. Вскоре из окна барака потянулся дым. Комендант приказал забросать барак слезоточивыми гранатами, после чего оттуда стали выбегать люди, вооруженные ножами из столовых приборов и ножками от столов и стульев. Американские солдаты были захвачены врасплох. В суматохе пленные захватили и ранили трех солдат, оказавшихся впереди. Однако стоявший наготове отряд по команде открыл огонь, и семеро пленных упали. После полу часовой схватки американцы одолели узников.

Солдаты в противогазах ворвались в барак, где их глазам предстало жуткое зрелище. Три тела раскачивались на балках, и еще пятнадцать петель ждали своих жертв. На допросах выжившие показали, что применение комендантом слезоточивого газа предупредило самоубийство всех 154 человек. В лагере были приняты чрезвычайные меры по предотвращению самоубийств. Пленных поселили в бараках, где ничего не было, кроме матрасов. У них отобрали все предметы и вещи, которые могли бы быть использованы для самоубийства. Инцидент был крайне неприятен для правительств СССР и США. Газеты широко оповестили о том, что русские предпочитают смерть возвращению на родину. Одновременно советский представитель генерал Голубев в своем заявлении обвинил Соединенные Штаты в том, что те силой препятствуют возвращению



на родину людей, отчаянно рвущихся воссоединиться со своими соотечественниками. Его несколько не смутили возражения американцев, что сотрудникам советской военной миссии было разрешено посещать пленных и что только один из 154 пленных поддался на угрозы и посулы и согласился вернуться в СССР.

Несмотря на обращение пленных к генералу Маршаллу и Международному Красному Кресту с просьбой о предоставлении им «во имя человечности» убежища, Госдепартамент решил, что «в соответствии с обязательствами, принятыми в Ялте», все члены, являющиеся советскими гражданами, подлежат репатриации. В конце августа все пленные были отправлены в Германию и, «в условиях строжайшей секретности», переданы СМЕРШу. Их дальнейшая судьба оказалась скрытой от глаз американской общественности. Однако решимость, проявленная пленными, потрясла Госдепартамент и, несомненно, повлияла на принятые летом 1945 г. решения, касающиеся репатриации (23: 373—375).

Выдача власовцев и казаков в Европе также проводилась с особой жестокостью. Особенно трагические события происходили при выдаче казаков в Лиенце, а также власовских солдат и офицеров в Кемптене, Дахау, Платтлинге, Римини, Пизе и других лагерях. Ко времени окончания Второй мировой войны на территории Германии и Австрии, частично во Франции, Италии, Чехословакии и некоторых других государствах Западной Европы, по разным оценкам, находилось до 80 тыс. казаков. Большинство из них было выдано Советскому Союзу. Уже через несколько недель после окончания войны Ялтинское соглашение о репатриации впервые было применено к оказавшимся в Лиенце (Австрия) казачьим формированиям, воевавшим на немецкой стороне. Это были Казачий стан генерал-майора Доманова, насчитывавший 24 тысячи военных и гражданских лиц, группа кавказцев под командованием генерала Султан-Гирея Клыча, численностью в 4800 человек, и 15-й Казачий кавалерийский корпус под командованием немецкого генерала фон Паннвица, численностью в 30—35 тыс. человек.

Насильственная выдача 50—60 тыс. военнопленных и беженцев, обозначенная в документах английской армии как «военная операция», была тщательно подготовлена штабом 5-го английского корпуса. 28 мая 1945 г. 2756 офицеров генерал-майора Доманова под надуманным предлогом проведения «конференции» с фельдмаршалом Александером были отделены от своих подчиненных и семей и перевезены в строго охраняемый лагерь в Шпиттале. Среди них было 35 генералов, в том числе генерал кавалерии П. Н. Краснов, С. Краснов, Т. И. Доманов, Васильев,

Соломахин, Бедаков, Г.П. Тарасенко, Силкин, Ф. Головко, Тихоцкий, Тихорецкий, Задохлин, Скляр, Беднягин, Беседин, Толстов, Есаулов, Голубов, А.Г. Шкуро, В.И. Лукьяненко, В. Шелест, Черногорцев. (Генерал Шкуро был арестован англичанами 25 мая 1945 г.) На «конференцию» доставили также 167 полковников, 283 войсковых старшины (подполковника), 375 есаулов (майоров), 460 подесаулов (капитанов), 526 сотников (старших лейтенантов), 756 хорунжих (лейтенантов), 124 военных чиновника, 15 офицеров санитарной службы, 2 военных фотографа, 2 военных священника, 2 дирижера, 2 переводчика, 5 офицеров связи РОА. Офицеров доставили на грузовых автомобилях под усиленной охраной на мотоциклах и бронемашинах. Первым прибыл генерал Доманов, которому сообщили о выдаче и отвели в лагерь, выставив охрану.

Прибывающих офицеров обыскивали, изымали оружие и проверяли фамилии по списку. Английский полковник объявил Доманову, что казаки и кавказцы проведут ночь в лагере и он, Доманов, по-прежнему отвечает за дисциплину своих офицеров. Рано утром их построят группами по 500 человек и объяснят, что с ними будет дальше. Услышав о репатриации, многие начали срывать знаки различия, пытались избавиться от мундиров и черкесок, выбрасывали документы, по которым можно было определить их звания и должности. Офицеры хорошо понимали, что их ожидает. Ночью несколько человек бежали, некоторые, как генерал-майор Силкин, покончили с собой. Самоубийцы вешались на электрических проводах и перерезали себе вены и горло осколками стекла. Несколько человек были застрелены англичанами при попытке к побегу.

В 6.30 к воротам лагеря подошел первый грузовик, и английский офицер из охраны приказал сесть туда Доманову со штабом. Доманов отказался, добавив, что больше не властен над своими офицерами. Тогда полковник Брайар заявил, что дает десять минут на размышления, после чего примет меры. Поскольку ни Доманов, ни его офицеры не собирались повиноваться приказу, посадку в автомобили «обеспечил» взвод английских солдат, вооруженных автоматами, винтовками с отомкнутыми штыками и заточенными кирками. Офицеры сели на землю, взявшись за руки, но британские солдаты набросились на безоружных, среди которых были и старики, избивали людей прикладами винтовок и кирками, подкалывали штыками. Многие офицеры были избиты до потери сознания, только так удалось «усадить» их в грузовики.

Генерал Краснов наблюдал за этой сценой из открытого окна барака. Несколько английских солдат бросились к барaku, чтобы вытащить 76-летнего генерала, но такого надругательства казаки потерпеть не

могли. Молодые офицеры подбежали к окну, взяли 76-летнего генерала на руки и отнесли в грузовик. Краснову было разрешено сесть в кабине, рядом с водителем (24: 59). Три офицера во время посадки на грузовики спрятались, позднее им удалось оказаться на воле, за колючей проволокой, окружавшей лагерь. Нескольких казаков, прыгнувших с грузовиков во время движения, поймали, в других беглецов стреляли.

На всем пути казаки выбрасывали за борт ремни, шпоры и знаки различия. Они избавлялись и от вещей, которые могли стать добычей сотрудников НКВД и которые доставались охранникам в обмен на сигареты. Один из офицеров попросил у охраны разрешения оправиться: на мосту стояли специальные ведра для этой цели. Бежать ему было некуда, и английские охранники разрешили. Офицер прыгнул с грузовика, направился к ведру и вдруг, резко рванувшись вперед, прыгнул с утеса высотой около тридцати метров. Английские солдаты, подбежавшие к обрыву, смогли разглядеть лишь распростертое далеко внизу тело. Как писал позже майор Гуд из танкового эскорта, покалеченного офицера не без труда подняли и, умирающим, передали советским представителям.

Перейдя по мосту на другую сторону, майор стал наблюдать за ходом выдачи казаков. Стоявший рядом с ним казачий офицер вытащил откуда-то бритву, перерезал себе горло и окровавленный упал в предсмертных судорогах к ногам английского майора. Пораженный таким поворотом событий, майор осведомился у русской женщины-офицера, что ожидает казаков. Она заверила его, что «старшие офицеры будут посланы на перевоспитание, а младших отправят на работы по восстановлению разрушенных советских городов». Вскоре на тот же вопрос он получил совсем другой ответ: капитан Красной Армии многозначительно провел ладонью по горлу.

Среди выданных офицеров было 1430 эмигрантов, которые не являлись советскими гражданами. Многие из них, как генерал Краснов, во время Гражданской войны сражались на стороне английских войск против большевиков, а генерал-лейтенант Шкуро даже получил английский орден. Через два дня в Юденбург доставили еще 83 офицера — дежурных по лагерю и нескольких задержавшихся. Несколько дней и ночей на металлургическом заводе в Юденбурге работали расстрельные команды. Автоматные очереди палачи пытались заглушить работающими двигателями. После такой «предварительной фильтрации» оставшихся в живых казачьих офицеров перевезли под охраной в Грац в тюрьму НКВД, где также проводились расстрелы. Оставшихся в живых офицеров из Граца доставили в Баден под Веной, в другую тюрьму, где офицеры СМЕРШа подвергли пленных «пристрастным и грубым» допросам (25: 237—240).

После выдачи офицеров настала очередь рядовых казаков и членов казачьих семей. Оставшиеся в лагере узнали о предстоящей выдаче и, несмотря на расставленную охрану и вооруженные ручными пулеметами патрули, около двухсот человек той ночью бежали в окрестные леса. Во время выдачи несколько тысяч человек собралось в лагере Пегтец вокруг импровизированного алтаря. Молодые мужчины и юнкера образовали цепь вокруг пожилых, женщин, детей и священников, отправлявших литургию. Английские солдаты, выполняющие приказ, сначала пытались разделить эту толпу, но в результате образовалась куча истерически кричащих людей, причем двое оказались задавленными. Пытаясь разделить эту массу тел, чтобы спасти несчастных, солдаты пустили в ход приклады и палки. Убедившись в бесполезности такой тактики, они принялись избивать беззащитных людей дубинками и прикладами и подкалывать штыками, принуждая сесть в грузовики. Есть свидетельства о том, что детей вырывали из материнских рук, чтобы заставить женщин подчиниться.

В «Дневнике» Аргильского полка, проводившего выдачу, зафиксировано: «Пятеро убиты; трое отправлены в госпиталь со стреляными ранениями, семеро — с ранениями головы, двое — в бессознательном состоянии, в том числе женщин и детей — двое». За пределами лагеря также были погибшие. Во время операции солдаты стреляли в беглецов, особенно в тех, кто пытался перейти через мост. Некоторых разыскивали и убивали в горах. Многие бросались в бурную Драву. Иногда матери в отчаянии бросали детей в воду, чтобы избавить их от лагерных мук. Врач Прасковья Воскобойникова бросилась туда вместе детьми, матерью и сестрой. Один казак привязался к седлу лошади и вместе с ней прыгнул в Драву. В госпитале больной казак, за которым явились англичане, выбросился из окна.

Эти свидетельства крайнего отчаяния ужасали английских офицеров, руководивших выдачей. Кеннет Тайсон вспоминает, что видел тело, висевшее на дереве возле железнодорожной станции Дельшах. Полковник Дэвис в тот же день видел нескольких повесившихся. Обходя окрестный лес после утренней операции, Дэвис и его солдаты наткнулись на целую семью: мать и трое детей, младшей девочке всего год. Все они были убиты выстрелом в затылок. Чуть поодаль лежал труп мужчины: около него валялся револьвер, из которого он застрелил по очереди всю свою семью и покончил с собой. После выдач 1—2 июня тысячи казаков бежали в горы, и англичане выслали патрули для их поимки. Общее число сбежавших оценивается в 4100 человек. В поисковых операциях принимали участие и советские представители, вероятно сотрудники

СМЕРШ, которые имели оружие и стреляли по сбежавшим казакам. В окрестностях лагерей были найдены сотни трупов мужчин и женщин, детей и стариков, застреленных при проведении «операции» или покончивших с собой.

В период с 7 по 30 июня в горах были пойманы 1356 казаков и членов их семей, а также кавказцев, 15 июня 934 из них были доставлены на грузовиках в Юденбург, но советские представители потребовали, чтобы их отвезли в Грац, куда они и прибыли на следующее утро. У некоторых солдат, охранявших эту группу, сложилось впечатление, что все эти пленные или часть их были расстреляны вскоре после прибытия (23: 246—252).

Так же как и в Лиенце, производилась выдача казаков 15-го Казачьего кавалерийского корпуса, почти все старшие офицеры которого были немцами из родовитых семейств Германии и Австрии. До выдачи корпус принимал участие в боях против югославских и болгарских дивизий, а 25 декабря 1944 г. на реке Драве вступил в бой с советской 133-й стрелковой дивизией, носящей, к большому удовольствию казаков, имя Сталина. После жестоких схваток, которые часто переходили в рукопашную, 15-й корпус заставил врага отступить с большими потерями. Многие взятые в плен красноармейцы добровольно вступили в Казачий корпус. Этот бой можно назвать последней битвой Гражданской войны.

При выдаче офицеров отделили от подчиненных. Заверяя, что выдачи не будет, советской стороне были выданы 144 немецких и 690 казачьих офицеров корпуса. Благожелательно настроенные английские офицеры советовали фон Паннвицу бежать, но тот, как и Власов, не воспользовался этой возможностью, объяснив, что не может бросить вверившихся ему казаков. 28 мая генерал фон Паннвиц с группой немецких офицеров был передан в Юденбурге НКВД. Таким образом, английское правительство обрекло на бессудную расправу и смерть немецких офицеров, взятых в плен и являвшихся военнопленными. Казаков под надуманным предлогом переезда в новый лагерь в Италии, с последующей эмиграцией в Канаду и Австралию, посадили в автомобили и окружным путем повезли в Юденбург. Все было организовано так, чтобы казаки до самого последнего момента не догадались об обмане. Там, где подобные обманные маневры не удавались, прибегали к насилию. У самых стойких волю к сопротивлению ломали показными приготовлениями к расстрелам и демонстрацией работы огнеметов. В течение недели после 28 мая 46-я пехотная дивизия передала НКВД в Юденбурге 17 702 человека, включая 47 женщин, 5 детей и 7 священ-

ников. Аналогичная операция была проведена севернее, из лагерей, в которых размещались другие части корпуса.

К августу 1945 г. число репатриантов значительно сократилось, но оставшиеся хотели во что бы то ни стало избежать выдачи. Поэтому дальнейшие выдачи англо-американская военная администрация проводила с применением силы. Особенно жесткими были выдачи в лагере Ди-Пи («дисплейсед персонс») в Кемптене и сборном пункте на территории нацистского лагеря уничтожения Дахау. В Кемптене были собраны советские граждане, разными путями оказавшиеся в Германии, русские и украинцы, среди которых было много женщин и детей, а также эмигранты, покинувшие Россию после 1917 г.

Трагические события 12 августа 1945 г. в Кемптене описаны в письме Мюнхенского митрополита Русской зарубежной церкви Анастасия, направленном главнокомандующему войсками США за границей: «...Когда американские солдаты явились в лагерь с целью разделить эмигрантов на две категории и выдать бывших советских граждан в советские руки, то они нашли всех эмигрантов в церкви, горячо молившихся Богу, дабы Он спас их от депортации. Будучи крайне беззащитными и покинутыми, они считали церковь своим последним убежищем. Никакого активного сопротивления не было оказано. Люди, стоя на коленях, только молили о помиловании, стараясь в полном отчаянии, целовать руки и даже ноги офицеров. Невзирая на это, они были изгнаны из церкви. Женщин и детей солдаты волокли за волосы и били. Даже священников не оставили в покое. Священники всячески старались защитить свою паству, но безуспешно. Одного из них, старого и уважаемого священника, выволокли за бороду. У другого священника изо рта сочилась кровь, после этого один из солдат, стараясь вырвать из его рук крест, ударил его в лицо. Солдаты, преследуя людей, ворвались в алтарь. Иконостас, отделяющий алтарь от храма, был сломан в двух местах, престол перевернут, несколько икон брошено на землю. Несколько человек было ранено, двое пытались отравиться, одна женщина, пытаясь спасти своего ребенка, бросила его в окно, но мужчину, подхватившего этого ребенка на улице, ранили пулей в живот и он вскоре умер...»

Сохранились копии двух писем-обращений к американскому военному командованию и сенатору А. Вандербергу, подписанных генералом А.И. Деникиным с целью защиты русских в послевоенной Германии и предотвращению насильственной репатриации. В одном из них говорится: «...Я знаю, что имеются “Ялтинские параграфы”, но ведь существует еще, хотя и попираемая ныне, традиция свобод-

ных демократических народов — Право Убежища. Существует еще и воинская этика, не допускающая насилия даже над побежденным врагом. Существует, наконец, христианская мораль, обязывающая к справедливости и милосердию...»

Драма в Кемптене стала известна в США, где в прессе появились сведения о насильственной репатриации бывших советских военнопленных, власовцев, казаков и перебежчиков. В защиту эмигрантов вступилась церковь (26). О настроении пленных перед выдачей свидетельствуют слова Меандрова, сказанные им владыке Николаю: «Ложась спать, прежде всего, проверяешь, на месте ли бумажник с лезвием, чтобы успеть в смерти спастись от выдачи Советам». Самоубийство многим казалось избавлением от физических и моральных мук, которые, по общему мнению, должны были неизбежно предшествовать смерти в СССР. Власовцы говорили: «Выдача равносильна смерти, но смерти после мук и издевательств».

В послании «Спасите наши души», отправленном группой офицеров властям США перед выдачей в феврале 1946 г., говорилось: «В месте, над которым развевается звездный флаг свободы, мы вынуждены осколками стекла убивать наших жен и детей, перерезать себе вены — чтобы не возвращаться в красную Москву». И это не просто слова, их подтверждает множество примеров. Врач РОА Быстролетов, решив покончить с собой, несколько месяцев готовился к этому шагу и, наконец, как и многие, перед выдачей совершил самоубийство. Причины своего решения он изложил в дневнике.

События в Кемптене в августе 1945 г. вызвали беспокойство генерала Эйзенхауэра. Политический советник штаба посланник Мерфи, запрашивая у Госдепартамента более подробные указания, отмечал, что вследствие действий американской армии «значительно возросло число самоубийств». Приказом Эйзенхауэра, поставившего этот вопрос на обсуждение в Вашингтоне, применение насилия было временно запрещено. Но из Вашингтона на имя военного губернатора генерала Мак-Нарни пришла директива, подтверждающая, что практически все члены РОА подлежат репатриации, в случае необходимости — насильственной. Согласно этой директиве из сборного пункта на территории бывшего концентрационного лагеря Дахау была произведена депортация 400 солдат РОА и других русских военнопленных. Пленные узнали о готовящейся выдаче и, когда 17 января их построили, чтобы везти на станцию, наотрез отказались садиться в грузовики. Им стали угрожать оружием. Тогда они начали просить, чтобы их немедленно расстреляли, чем отдавать в лапы НКВД. Сконфуженные охранники вернули их в

бараки. Было ясно, что для проведения операции необходимо массированное применение силы.

Через два дня в лагерь прибыло формирование из 500 поляков, служивших в американской армии. Последовавшие за этим события описаны в рапорте, поданном Роберту Мерфи: «В рамках соглашения с Советами, 19 января была предпринята попытка отправить со сборного пункта в Дахау 399 бывших русских солдат, взятых в плен в немецкой военной форме. Все эти люди отказались садиться в грузовики и просили, чтобы их пристрелили. В знак протеста они разделись и отказались выходить из барakov. Чтобы выгнать их оттуда, пришлось прибегнуть к слезоточивому газу и применить силу. Те из них, кто еще внутри нанес себе ножевые раны, повалились на снег, истекая кровью. 9 человек повесились, один закололся, второй вскоре умер от ран, 20 человек все еще находятся в госпитале. Наконец, в поезд с американской охраной и в сопровождении советского офицера связи было посажено 368 человек. 6 человек бежало по дороге. Ряд лиц в группе заявили, что они не русские. После предварительной проверки местными военными властями об этом был уведомлен советский офицер связи, и в результате 11 человек были возвращены советскими представителями как не советские граждане».

Затем в рапорте рассказывалось о страшных страданиях, на которые были обречены эти люди в плену, о том, что у них фактически не было другого выбора, как только надеть немецкую форму. Рапорт заканчивался словами: «Случившееся произвело на всех очевидцев страшное впечатление. Американские офицеры и солдаты, от которых американское правительство потребовало проводить репатриацию этих русских, проявляют сильное недовольство...»

24 февраля 1946 г. американцы, по той же схеме что и в Дахау, насильственно репатриировали пленных из лагеря в Платтлинге. 21—22 февраля 1946 г. семьям в Платтлинге было разрешено собраться в последний раз. Среди обитателей лагеря царил глубокое отчаяние. 23 февраля в лагерь не допустили даже священника. Власовцы отказались садиться в грузовики и забаррикадировались в бараках. Американский комендант во избежание кровопролития сообщил пленным, что их скоро перевезут в новый лагерь, подальше от советской оккупационной зоны. Обманутые пленники успокоились и были застигнуты врасплох. Лагерь был окружен двумя полками. Утром 24 февраля на территорию лагеря бесшумно вошли еще несколько батальонов — всего в операции было задействовано около 3 тыс. американских солдат. Солдаты



вошли в бараки и по двое встали у каждой койки. Мертвую тишину барака прорезал пронзительный свисток. Американцы, с криками и ругательствами, размахивая дубинками, набросились на пленных и погнали ничего не соображавших спросонья людей в одном нижнем белье к лагерным воротам. На замешкавшихся обрушился град ударов. У ворот наготове стояла колонна грузовиков с заведенными моторами. Пленных загнали в грузовики и уже через несколько часов, погрузив в вагоны, повезли на восток. Поезд остановился посреди баварского леса около чехословацкой границы, где его поджидали солдаты в голубых фуражках. Американские и советские офицеры обменялись через переводчика несколькими фразами, и избитых и напутанных солдат высадили из поезда. Ошарашенные, они стояли, сбившись в группы между лужами у самого полотна. Перед отбытием с места встречи в лесу многие американцы заметили, что ближние деревья были буквально увешаны мертвыми телами. По возвращении с акции даже пленные эсэсовцы из соседнего сектора, стоявшие вдоль проволочного ограждения, осыпали американцев презрительной бранью. Сгоравшим со стыда солдатам оставалось только молча прятать глаза (27: 410).

Благодаря внезапности операции удалось избежать самоубийств на территории лагеря, и штаб американской 3-й армии смог сообщить в рапорте, что выдача была проведена «без инцидентов». Однако уже в поезде во время пути пятеро пленных покончили с собой, «а число покушавшихся на самоубийство было еще выше». Двое успели нанести себе раны еще в лагере, и одного из них сфотографировали для американской армейской газеты «Старс энд страйпс». Через три месяца таким же образом из Платтлинга была отправлена на восток еще одна группа из 243 русских.

Газета «Таймс» 4 июня 1945 г. писала, что в Берлине «с изменниками из власовской армии советские расправляются скопом». Об обменном пункте в Торгау в статье сказано: «Целое крыло тюрьмы было выделено для приговоренных к смертной казни, большинство которых составляли солдаты армии Власова. Они кричали из-за зарешеченных окон: “Мы умираем за родину, а не за Сталина”».

Военнопленных и перемещенных лиц из Англии, США, Италии и Норвегии в СССР доставляли на судах через Мурманск, Любек, Владивосток и Одессу. В 1944—1946 гг. только из Англии в Советский Союз было отправлено морем 32 259 военнопленных. Большинство интернированных из Англии составляли члены «восточных легионов» и трудовых батальонов Тодта, взятые в плен в Нормандии и привезен-

ные до сентября 1944 г. Среди них было немало женщин и детей. Перед перевозкой англичане переодевали интернируемых пленных в новое военное обмундирование. При отправке в Мурманск и Одессу каждый пленный получал военную куртку, шинель, подшлемник, шерстяной свитер, пару ботинок, шерстяные перчатки, брюки, по двое шерстяных кальсон, нательных рубашек и носков. Каждому выдавалось также одеяло, кисточка для бритья, расческа, рюкзак, бритва, жестяная миска, мыло, бутылка для воды, зубная щетка, вилка, нож, ложка, полотенце и комплекты сухого пайка. Как станет ясно из дальнейшего изложения, большая часть имущества на территории СССР у пленных изымалась.

Так же как и при перевозке по суше, перед погрузкой на суда среди репатриированных возникала паника, и множились случаи побегов и самоубийств. Самоубийства происходили как в лагерях, так и во время погрузки и перевозки. Самоубийцы вешались, ножами и бритвами перерезали себе горло и вены, разрезали животы, бросались с судов в море. Отказывающихся от репатриации на суда доставляли силой. При погрузке из числа пленных отделяли «предателей». К таковым относились скрывающиеся офицеры, лица отказывающиеся от репатриации или подписавшие петиции к властям, а также те, кто вел агитацию за невозвращение. Такие сведения собирали завербованные сотрудниками СМЕРШ из числа пленных осведомители, которые передавали ее офицерам, производящим репатриацию. При перевозках в поездах «предателей» помещали в особых усиленно охраняемых штрафных вагонах, а на судах в изолированных камерах.

Из воспоминаний очевидцев событий — иностранных моряков и военных, присутствующих при передаче интернированных в портах прибытия, вырисовывается совпадающая в деталях «картина» передачи коллаборационистов советской стороне. По прибытии в порт первым по трапу спускался сопровождавший судно сотрудник репатриационной комиссии (офицер СМЕРШа) со списком. Пленных выстраивали на причале, по списку отделяли «предателей», под усиленным конвоем отводили их за сооружения порта и, не особо скрывая акцию от иностранцев, расстреливали.

О том, как происходил прием 10 200 репатриантов, прибывших в Мурманск на двух судах накануне годовщины Великой Октябрьской революции, сообщило Агентство ТАСС 14 ноября 1945 г.: «Прибывших тепло встретили представители уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран, а также представители местных советских органов и обществен-

ности. Волнующей была встреча вернувшихся из фашистской неволи советских граждан с трудящимися Мурманска. Стихийно возник митинг. Один за другим поднимались на импровизированную трибуну советские граждане, насильно оторванные немецкими извергами от Родины, и выражали свою взволнованную благодарность советскому правительству, товарищу Сталину за отеческую заботу о них».

Из рассказа очевидца событий, майора английской армии С.И. Кригина, прибывшего вместе с пленными на судне «Герцогиня Бедфордская», предстает отнюдь не столь радужная картина: «7 ноября в Мурманске я возвращался в машине из штаба военно-морской миссии в порт. По дороге мы миновали длинную колонну репатриантов с прибывшего судна. Создалось впечатление, что с ними обращаются, как с военнопленными вражеской армии. Охранники были вооружены винтовками, на 10—15 пленных приходилось примерно по одному конвоиру. Никаких признаков теплого приема я не заметил. Поведение репатриантов лишний раз свидетельствовало об их униженности. Все они были одеты в английскую военную форму, вещей, с которыми их отправляли из Англии, у них не было, у большинства в руках были маленькие узелки с пожитками».

Но за кулисами творились вещи пострашнее. Лейтенант норвежской армии Гарри Линдстром также прибыл в Мурманск с тем же транспортом, что и русские. Весь день 7 ноября до него доносился треск автоматных очередей. Тогда он спросил двух советских офицеров, находившихся на судне, что происходит. Те ответили, что не знают. На это норвежский репортер Олаф Риттер не без сарказма заметил, что это, вероятно, дают салют в честь советских военнопленных, вернувшихся из Англии.

Аналогичный прием репатриантам оказывали и в Одессе. Английские моряки и военные описывают бессудную расправу с пленными, представителями народов среднеазиатских республик, доставленными в Одессу из Италии на судне «Альманзора». Конвой прибыл в Одессу в начале марта 1945 г. Не успели суда пришвартоваться, как на борту появились сотрудники НКВД. Им были вручены списки пленных и рапорта советских офицеров, находившихся на судах, и они немедленно приступили к работе. Пленных построили на палубе, офицер выкликал по списку фамилии, мертвенно-бледные люди выходили из строя. После короткого допроса пленных в сопровождении сотрудников НКВД с автоматами группами уводили с корабля за портовые сооружения. Покончив со специальными списками, приступили к выгрузке оставшихся. Очевидцем расстрела «предателей» стал прибывший на судне князь Ливен. Иностранные моряки и офицеры, присутствующие при выгрузке, утверждают, что во время расстрелов звуки выстрелов заглушали два бомбардировщика, специально

круживших над портом, и пронзительный визг работающей лесопилки. В Одессе пленным пришлось «расстаться» с добротным английским обмундированием и имуществом. Свидетельствует Дж. К. Гамильтон, освобожденный Красной Армией из немецкого плена и отправлявшийся на родину на тех же судах, на которых были доставлены русские пленные: «Я имел несчастье попасть в руки к Советам в 1945 г., и мне довелось собственными глазами увидеть, что случилось с советскими гражданами, репатрированными из восточной Германии. Наша группа бывших английских военнопленных прибыла в Одессу 8 марта 1945 г. Отсюда нам предстояло отплыть на судне “Принцесса гор”, прибывшем в Одессу с большим количеством бывших русских военнопленных, попавших в руки к союзникам во Франции. По словам корабельной команды, этим пленным была выдана полная смена обмундирования, и они вышли на берег в английской форме. Будучи в казармах в Одессе, мы видели, как группу этих людей вели к вокзалу, чтобы отправить на восток: они были одеты в лохмотья, а на ногах у них было нечто и вовсе невообразимое... Прочитав “Архипелаг ГУЛАГ” А. Солженицына, я понял, что он описывает именно то, что мы наблюдали в Одессе. Правда, мы не были непосредственными свидетелями того, как у них отбирали английское обмундирование и белье, ботинки, носки и т.д. — все это происходило в помещении склада. В двери склада входили хорошо одетые люди — а выходили оборванцы в некоем подобии обуви».

23 мая в Одессу на корабле «Гордость Империи» была отправлена новая партия русских. Среди них были пленные и еще «несколько русских, не видевших Россию с царских времен». Это плавание описал в своих записках канадский офицер, капитан Юматов: «Нижняя палуба была обнесена колючей проволокой. На ней были устроены четыре камеры, с расчетом каждая на двух человек. Сразу по прибытии на борт советские офицеры затолкали в эти камеры всех, кто содержался под арестом, — 51 человека, отказавшись размещать их на палубе, где было много свободного места. Через несколько дней, по настоянию капитана, камеры немного разгрузили. Капитан приказал также немедленно покончить с бесконечными воплями, доносившимися из камер. 30 мая, когда судно огибало Гибралтар, пленный по фамилии Данченко бросился за борт, и вытащить его не удалось. Еще один русский попытался покончить с собой в Босфорском проливе, но его спасли. Наконец судно прибыло в Одессу. Высадка началась в 18.30 и продолжалась четыре с половиной часа. На пароходе было много больных, но советские представители отказались от носилок, и даже умирающим пришлось самим спускаться по трапу с вещами в руках. Несли только двоих: у одного была ампутирована правая нога и сломана левая, второй был без сознания.

С пленным, покушавшимся на самоубийство, обращались очень грубо, рана его открылась, он истекал кровью. Его увели с корабля за пакгаузы в доках, затем раздался выстрел, но никто ничего не видел. Группу из 32 человек отвели в склад, в 50 ярдах от корабля, откуда минут через 15 последовали автоматные очереди. Еще через 20 минут из склада выехал в направлении города грузовик с крытым кузовом. Позже, когда поблизости никого не было, мне удалось заглянуть в склад, и я увидел на каменном полу темные пятна. Стены на высоте примерно пяти футов были испещрены дырками. Это были не единственные жертвы. Около 150 человек были отделены от прочих пленных и отведены за сараи на набережной и там их расстреляли...» Эту историю подтвердил также работавший на этом судне стюард Тед Хансон (27: 155, 165—166).

Канадский офицер попытался разобраться в причинах расстрела обреченных на скорую расправу 33 пленных из первой партии. По его мнению, их преступление состояло не в том, что они служили в немецкой армии, в ней служили 99 % пассажиров судна. Он выяснил, что из 33 расстрелянных 20 были русские, отрицавшие советское гражданство и попытавшиеся в Англии вступить в Польскую армию. Один был арестован на борту судна по неизвестной причине, он прыгнул за борт в Дарданелльском проливе и затем покушался на свою жизнь, вскрыв бритвой вены. Шестеро — немцы Поволжья, выразившие нежелание возвращаться в СССР, и пятеро — русские, отказавшиеся вернуться и описывавшие в Англии в присутствии советского генерала Ратова Советский Союз в самом черном свете. Наконец, последний — это охранник, случайно снабдивший незадачливого самоубийцу бритвой. «С него немедленно сорвали знаки различия, бросили в камеру и высадили вместе с прочими арестованными, так что он, скорее всего, разделил их судьбу».

Сколько человек было казнено бессудно, сразу же после выдачи, неизвестно, но, видимо, счет идет на тысячи. Возможно, что покончившие с собой и вправду выбрали не самый худший выход. Следует отметить, что в это сложное время немцы в рамках своих ограниченных возможностей старались помочь бывшим союзникам, попавшим в беду. Так, например, в Латвии, где почти все немецкие солдаты вынуждены были сдать советским частям, майору Васильеву и другим членам добровольческих формирований предоставили место на борту последнего танкера, покинувшего порт Виндава 8 мая 1945 г.

Кроме Германии, Австрии, Англии и США, выдачи производились также во Франции, Италии, Северной Африке, Дании, Норвегии, Финляндии. Даже такие нейтральные страны, как Швейцария и Швеция, послушно проводили депортацию интернированных и беженцев. Только

крошечное Княжество Лихтенштейн сумело противостоять давлению советского правительства и находившейся в стране советской репатриационной комиссии и отказало в выдаче.

Согласно документам, в 1943—1947 гг. западные государства передали СССР 2272 тыс. советских граждан. После предварительной «селекции» и перевозки все репатрианты подлежали проверке и фильтрации. К лету 1945 г. на территории СССР действовало 43 специальных лагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы действовали еще 74 таких лагеря и 22 сборно-пересылочных пункта. Проверкой бывших военнослужащих и гражданских лиц и решением их участи занимались сотрудники органов контрразведки СМЕРШ, НКГБ и НКВД в составе проверочных комиссий. Срок проверки предполагался не более 1—2 месяцев. Приступили к работе военные трибуналы, выносившие смертные приговоры или осуждавшие на большие сроки, чаще всего на 25 лет каторжных работ, в лагерях Воркуты, Инты, Асбеста, Норильска, Тайшета, Караганды и других. За 1944—1945 гг. военными трибуналами были осуждены свыше 98 тыс. репатриантов, а в следственных тюрьмах находилось еще свыше 42 тыс. человек.

Старший лейтенант Николай Краснов, внук Донского атамана П.Н. Краснова, в своей книге «Незабываемое» привел некоторые подробности о судьбе солдат РОА и казаков, с которыми он сталкивался во время своего десятилетнего пребывания в лагерях (28). Согласно его сведениям, большая группа оставшихся в живых казачьих офицеров была перевезена во Львов, оттуда их отправили в различные тюрьмы — в Лефортово и Бутырскую тюрьму в Москве, а также в Свердловск, Новочеркасск, Владимир, Молотов (Пермь) и другие. Большая часть бывших офицеров и солдат РОА и казаков была направлена в спецлагеря на Колыму, в Воркуту, в Камышлаг, Джезказган, Кемеровскую область и другие места. В лагерях сотрудники НКВД продолжали выявлять офицеров и пропагандистов. Большинство из них были приговорены военными трибуналами к смертной казни, остальные получили сроки, в основном по 25 лет. 17 сентября 1955 г. правительство Хрущева объявило амнистию для репатриантов, однако многие не дожили до амнистии: умерли от голода, холода, болезней и лишений. По амнистии многие заключенные были освобождены, многим сократили сроки, но тысячи остались в ГУЛАГе. В вышеупомянутой работе Н.Н. Краснова на стр. 185 приведена информация, что, по сообщению ЦРУ, «в 1956 г. на Кыштымском атомном заводе на Урале работало 25 тыс. бывших власовцев».



*Суд во времена Русской Правды. Художник И.Я. Билибин*



*Казнь новгородцев при Иване III. Из «Жития преподобных  
Зосимы и Савватия Соловецких»*



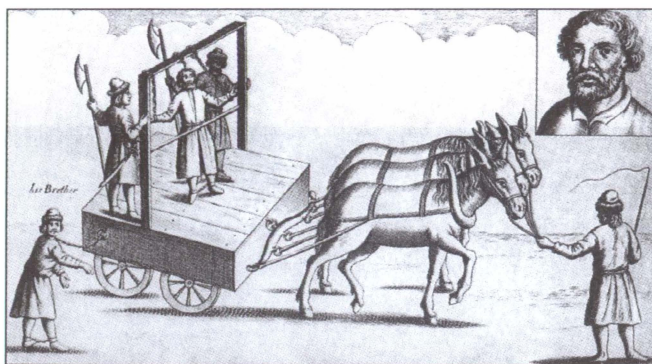


*Иван Грозный и Малюта Скуратов. Художник Г.В. Седов*





*Казни при Иване Грозном. Немецкая гравюра XVIII в.*



*Степана Разина везут на казнь. Английская гравюра XVII в.*



*Казнь Пугачева. Художник А.И. Шарлемань*



*Утро стрельцовой казни. Художник В.И. Суриков*





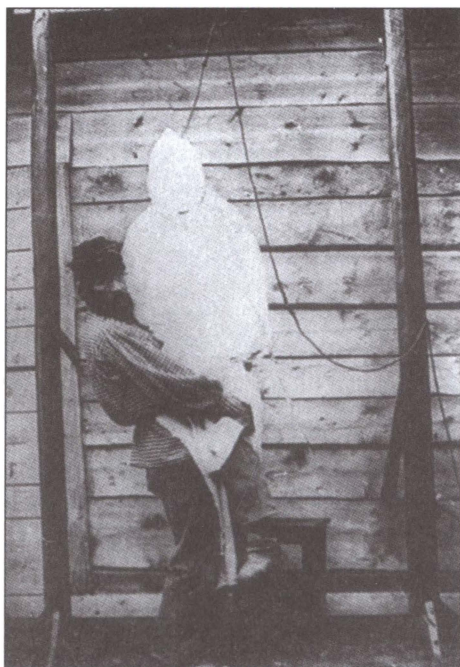
*Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе.  
Художник Н.Н. Ге*



*Сквозь строй иштырутенов. Художник Х.-Г.-Г. Гейслер*



*Лидеры декабристов. С обложки журнала «Полярная звезда»*



*Казнь через повешение на Сахалине*



*Адмирал А.М. Щастный*



*Генерал-адъютант  
Н.В. Рузский*



*Н.С. Гумилев*



Дело на Н.С. Гумилева

**В. Ч. К.**

**ДЕЛО № 214224**

„Л Б О“  
С О У Ч А С Т Н И К И.

(Гумилев Н.С. - 104 л.).

ТОМ № 177

Арх. № \_\_\_\_\_ в 382 ТОМАХ



Патриарх Тихон (Белавин)

*Ф.Э. Дзержинский*

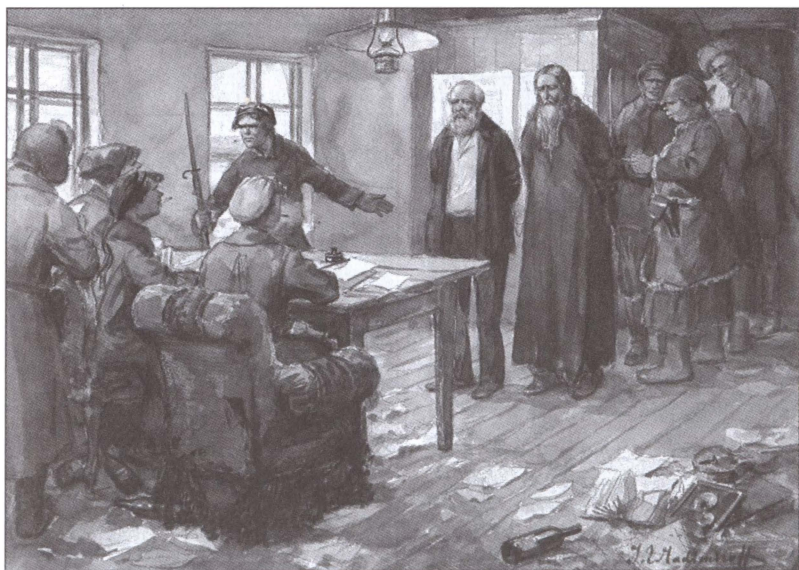


*В.И. Ленин и К.Е. Ворошилов с участниками подавления  
Кронштадтского мятежа*





*Конфискация зерна. Из «Революционных акварелей».*  
Художник И.А. Владимиров



*Допрос кулака и священника. Из «Революционных акварелей».*  
Художник И.А. Владимиров



*Александр Емельянов*



*Василий Шигалев*



*Иван Шигалев*



*Петр Магго*



*Н.И. Ежов*



*Л.П. Берия*



*А.А. Жданов*



*В.М. Молотов*





*Американцы грузят в вагон пленных из восточных формирований вермахта для выдачи в СССР*



*Суд. На первом плане — Г.М. Семенов, справа (в очках) — К.В. Родзаевский*



*Рауль Валленберг в годы войны*



*В.С. Абакумов*



*Бутовский полигон. Рвы с захоронениями*



*Н.И. Эйтингон*

## КАЗНИ ГЕНЕРАЛОВ-КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ

Боевые потери офицерского состава Красной Армии за время Великой Отечественной войны составили 1 023 093 человека. Кроме того, из армии было уволено по ранению 1 030 721 человек, умерло от болезней и по другим причинам — 5026 человек, осуждены военными трибуналами с лишением воинских званий — 20 071 человек, находились в плену — около 150 000 человек. Таким образом, общие потери офицерского состава за 1941—1945 гг. составили около 2 228 900 человек (29: 130, 340, 342).

За время войны в Красной Армии погибли, умерли от ран, пропали без вести и попали в плен 421 генерал, 2502 полковника, 4887 подполковников и 19 404 майора. По данным историков ФРГ, за годы Второй мировой войны у всех воюющих стран в плену побывало почти 35 млн человек. Офицеры от общего числа пленных составили около 3 %, а генералов, попавших в плен, насчитывалось всего несколько сотен человек. Однако именно эта категория военнопленных представляла особую ценность и особый интерес для карательных и политических структур воюющих сторон и поэтому больше других подвергалась различным формам физического и морально-психологического воздействия.

Из различных источников известно, что за годы Великой Отечественной войны в немецком плену оказались 83 генерала Красной Армии. Из них 26 человек были расстреляны, убиты лагерной охраной или умерли от болезней. Остальные после окончания войны были депортированы в Советский Союз. После депортации 32 человека репрессированы: 7 повешены по делу Власова, 17 расстреляны на основании приказа Ставки № 270 от 16 августа 1941 г. и 8 генералов приговорены к различным срокам заключения. Оставшихся 25 человек после более чем полугодовой проверки органами госбезопасности оправдали, а затем постепенно уволили в запас. 63 генерала Красной Армии попали в плен в 1941 г. В 1942 г., после нескольких поражений, в плен были захвачены еще 16 генералов, в 1943 г. попали в плен три генерала и в 1945 г. — один. Из них 5 командующих армиями, 19 командиров корпусов, 31 командир дивизии, 4 начальника штаба армии, 9 начальников родов войск армий и т. д. Из числа попавших в плен в 1941 г. погибли 16 генералов. Рискуя жизнями, совершили побег из плена генералы С.Я. Огурцов, И.И. Алексеев, И.А. Ласкин, П.В. Сысоев, П.Г. Цирульников и бригадный комиссар И. Толкачев. Генералы Огурцов и Сысоев после побега воевали в партизанских отрядах. Все они после ареста и проверки органами СМЕРШ были восстановлены в правах и продолжали службу в армии. Кроме погибших в плену, 19 генералов Красной Армии в 1941 г. пропали без вести. Значительный урон высшему

командному составу армии нанесли репрессии в начальном периоде войны, когда по приговорам трибуналов и по личному указанию Сталина были казнены многие генералы.

— Арженухин Ф.К. — генерал-лейтенант авиации, начальник Военно-воздушной академии. Расстрелян в 1941 г.

— Володин П.С. — генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Красной Армии. Расстрелян в 1941 г.

— Галактионов С.Г. — генерал-майор, командир 30-й стрелковой дивизии 9-й армии Южного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

— Гольцев Н.Д. — генерал-майор. 1897 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник отдела автобронетанковых войск 18-й армии Южного фронта. Расстрелян в 1942 г.

— Гончаров В.С. — генерал-майор. 1894 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1917 г. Командующий артиллерией 34-й армии Северо-Западного фронта. Расстрелян в сентябре 1941 г.

— Григорьев А.Т. — генерал-майор. 1889 г. рождения. Беспартийный. В Красной Армии с 1918 г. Начальник войск связи Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

— Гусев К.М. — генерал-лейтенант авиации. 1906 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1925 г. Командующий ВВС Дальневосточного фронта. Расстрелян в 1941 г.

— Дьяков Г.С. — генерал-майор. 1886 г. рождения. Беспартийный. В Красной Армии с 1918 по 1924 г. и с 1929 г. Заместитель начальника кафедры Военной академии им. Фрунзе. Дата смерти не установлена.

— Качанов К.М. — генерал-майор. 1901 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Командующий 34-й армией Северо-Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

— Каюков М.М. — генерал-майор технических войск, заместитель начальника управления Наркомата обороны СССР. Расстрелян в 1941 г.

— Кленов П.С. — генерал-лейтенант. 1894 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник штаба Северо-Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

— Климовских В.Е. — генерал-майор. 1895 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник штаба Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

— Клич Н. А. — генерал-лейтенант. 1895 г. рождения. Беспартийный. В Красной Армии с 1920 г. Начальник артиллерии Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

— Коробков А. А. — генерал-майор. 1897 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Командующий 4-й армией Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.



— Кособуцкий И.С. — генерал-майор, командир 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

— Локтионов А.Д. — генерал-полковник, командующий Прибалтийским особым военным округом. Расстрелян в 1941 г.

— Оборин С.И. — генерал-майор. 1892 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1917 г. Командир 14-го механизированного корпуса Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

— Павлов Д.Г. — генерал армии. 1897 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1919 г. Герой Советского Союза. Командующий Западным фронтом. Расстрелян в июле 1941 г.

— Проскуров И.И. — генерал-лейтенант авиации. 1907 г. рождения. Член ВКП(б). Герой Советского Союза. Командующий ВВС 7-й армии. Расстрелян в 1942 г.

— Птухин Е.С. — генерал-лейтенант авиации. 1900 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Герой Советского Союза. Командующий ВВС Юго-Западного фронта. Расстрелян в 1942 г.

— Пумпур П.И. — генерал-лейтенант авиации, командующий ВВС Московского военного округа. Расстрелян в феврале 1942 г.

— Рычагов П.В. — генерал-лейтенант авиации. 1911 г. рождения. Герой Советского Союза. Начальник Главного управления ВВС Красной Армии. Расстрелян в октябре 1941 г.

— Савченко Г.К. — генерал-майор. 1901 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Заместитель начальника Главного артиллерийского управления. Расстрелян в 1941 г.

— Салихов М.Б. — генерал-майор, командир 60-й горнострелковой дивизии 18-й армии Южного фронта. Расстрелян в 1941 г.

— Самойлов К.И. — контр-адмирал. 1896 г. рождения. Беспартийный. В Военно-морском флоте с 1918 г. Начальник Управления военно-морских учебных заведений Военно-морского флота. Дата смерти не установлена.

— Селиванов И.В. — генерал-лейтенант. 1886 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Командир 30-го стрелкового корпуса Западного фронта. Расстрелян в феврале 1942 г.

— Смушкевич Я.В. — генерал-лейтенант авиации. 1900 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1919 г. Дважды Герой Советского Союза. Помощник начальника Генерального штаба по авиации. Расстрелян в октябре 1941 г.

— Таюрский А.И. — генерал-майор авиации. 1900 г. рождения. В Красной Армии с 1919 г. Заместитель командующего ВВС Западного фронта. Расстрелян в 1942 г.

— Трубецкой Н.И. — генерал-лейтенант. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник Управления военных сообщений Генерального штаба Красной Армии. Расстрелян в июле 1941 г.

— Шахт Э.Г. — генерал-майор авиации, помощник командующего ВВС Орловского военного округа. Расстрелян в феврале 1942 г.

В перечень включены генералы, репрессированные в 1941 г. и реабилитированные посмертно (30). В этот скорбный список не вошел командир 9-й смешанной авиационной дивизии (САД) Западного фронта Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва (с 1937 г.) Черных Сергей Александрович. В Красной Армии с декабря 1930 г. Участник войны в Испании с ноября 1936 г. по февраль 1937 г., командир звена истребителей И-16 лейтенант Черных уничтожил 3 вражеских самолета и несколько самолетов в групповых боях. Он был первым из советских летчиков, кому удалось сбить новый немецкий истребитель «Мессершмитт-109В». При внезапном ударе противника по аэродромам Западного фронта из 409 самолетов 9-й САД были уничтожены 347. Не имея связи с командованием и действуя самостоятельно, генерал-майор Черных возглавил действия уцелевших истребителей, и к концу дня 22 июня им удалось сбить 19 немецких самолетов. В июле 1941 г. он был арестован, обвинен в преступном бездействии, трусости и невыполнении приказа. Военной коллегией Верховного суда СССР 28 июля 1941 г. приговорен к высшей мере наказания и лишен звания Героя Советского Союза. Расстрелян 16 октября 1941 г. вместе с группой других командиров, обвиненных в провале начального периода войны. Реабилитирован в 1958 г. и восстановлен в звании Героя Советского Союза.

По решению Особого совещания при НКВД СССР 23 февраля 1942 г. был расстрелян также комдив Александр Александрович Тальковский — советский военачальник, с 1931 г. командир и военный комиссар 3-й Крымской стрелковой дивизии, награжденный орденом Красной Звезды. Он был арестован в 1937 г., в 1940-м — освобожден и назначен заместителем начальника военной Академии имени Фрунзе, а в июне 1941 г. вновь арестован. Основанием для ареста послужили материалы архивно-следственного дела, которое было прекращено в мае 1940 г. постановлением Военной прокуратуры. После нового ареста бывший командир дивизии обвинялся в участии в антисоветском военном заговоре и работе на германскую разведку. Реабилитирован в 1956 г. Общая численность репрессированных в 1941 г. офицеров старшего и среднего звена неизвестна.

После разгрома Красной Армии в июне — августе 1941 г. «великому вождю и учителю» нужно было назвать народу «виновных», и они

нашлись. Сразу же после июльского расстрела генералов Павлова Д.Г., Григорьева А.Т., Климовских В.Е., Коробкова А.А. и Оборина С.И. были названы новые жертвы. В приказе № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии от 16 августа 1941 г., подписанном Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым и Тимошенко, дезертирами, паникерами и трусами названы генералы Качалов, Понеделин и Кириллов. Об их «преступлении перед Родиной» в приказе сказано: «...Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробившись из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу. Генерал-майор Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной как нарушитель военной присяги. Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен...».

Для наведения порядка и исключения случаев дезертирства Ставка приказывала: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам. Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев

вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев».

Названный в приказе первым среди трусов, паникеров и дезертиров генерал-лейтенант Владимир Яковлевич Качалов (27 июля 1890 г. — 4 августа 1941 г.) с июня 1940 г. командовал войсками Архангельского военного округа. В первые дни войны на базе войск округа была сформирована 28-я армия. Генерал-лейтенант Качалов принял командование этой армией и во главе ее прибыл на Западный фронт. Участвовал в Смоленском сражении. В 20-х числах июля 1941 г. Владимир Яковлевич возглавил оперативную группу в составе трех дивизий, которая нанесла наступающим немецким войскам контрудар из района Рославля и отбросила противника за реку Стометь, создав тем самым угрозу с тыла передовым соединениям вермахта. Чтобы парировать удар, немецкое командование было вынуждено подтянуть на этот участок фронта крупные силы, которые вскоре фланговыми ударами окружили группу Качалова. 4 августа 1941 г. при прорыве из окружения Владимир Яковлевич Качалов погиб и был похоронен в поселке Стодолище Починковского района Смоленской области. Обвиненный в измене Родине и сдаче в плен, через два месяца после гибели генерал Качалов Военной коллегией Верховного суда СССР был заочно приговорен к смертной казни, а его жена была арестована как «член семьи изменника Родины». После смерти Сталина жена обратилась с письмом в ЦК КПСС с просьбой восстановить справедливость и вернуть честное имя мужу. Генерал Качалов реабилитирован 23 декабря 1953 г. (31: 153—155).

Генералам Понеделину и Кириллову «повезло» меньше, чем Качалову: они остались живы и действительно попали в плен. Генерал-майор Павел Григорьевич Понеделин с марта 1941 г. командовал 12-й армией Киевского Особого военного округа. Участвовал в боях с первых дней войны, руководя действиями 12-й армии. В течение июня и июля 1941 г. 12-я армия отступала на юго-восток. Попал в окружение возле села Подвысокое в ходе битвы под Уманью и 7 августа при попытке выхода из окружения генерал-майор П.Г. Понеделин вместе с командиром 13-го корпуса генерал-

майором Н.К. Кирилловым попали в плен. Немцы использовали факт их пленения в пропагандистских целях. Генералов Понеделина и Кириллова сфотографировали рядом с немецкими офицерами, и листовки с этими фотографиями разбрасывали в расположении наших частей. Военной коллегией Верховного суда Понеделин в 1941 г. был заочно приговорен к расстрелу. С августа 1941 г. по 29 апреля 1945 г. находился в немецком плену. Его жена и отец были арестованы как «члены семьи изменника Родины».

«В период пребывания в плену немцы изыали у Понеделина дневник, в котором он излагал свои антисоветские взгляды по вопросам политики ВКП(б) и Советского правительства». 29 апреля 1945 г. он был освобожден американскими войсками и передан советским представителям. Арестован 30 декабря 1945-го и заключен в Лефортовскую тюрьму. Обвинялся в том, что «являясь командующим 12-й армией и попав в окружение войск противника, не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике и 7 августа 1941 г., нарушив военную присягу, изменил Родине, без сопротивления сдался в плен немцам и на допросах сообщил им сведения о составе 12-й и 6-й армий». В начале 1950 г. Понеделин написал письмо Сталину с просьбой пересмотреть дело. 25 августа 1950 г. Военной коллегией Верховного суда он был приговорен к расстрелу с немедленным исполнением приговора. Виновным в сотрудничестве с немцами себя не признал. Реабилитирован. Прах генерала Понеделина покоится в общей могиле № 2 на новом Донском кладбище в Москве.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов Николай Кузмич в августе 1941 г., во время тяжелых оборонительных боев в окружении, также попал в плен. 13 октября 1941 г. заочно приговорен к расстрелу. В немецком плену находился в концентрационных лагерях Вольфхайде и Дахау. Компрометирующих данных о поведении в плену не было. В 1945 г. освобожден союзными войсками и передан представителям советской военной администрации. 30 декабря 1945 г. арестован и до конца лета 1950 г. находился под следствием. 25 августа 1950 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР, приговорен к высшей мере и в тот же день расстрелян. Захоронен на Донском кладбище Москвы. 29 февраля 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело в отношении Николая Кузмича Кириллова «за отсутствием состава преступления» и посмертно «восстановила» его в воинском звании и наградах (32).

Однако среди советских генералов и высших офицеров были и те, кто действительно сотрудничал с врагом. В созданных немцами вооруженных формированиях и оккупационных административных структурах

служили генерал-лейтенант (А.А. Власов), 6 генерал-майоров, 3 комбрига, 29 полковников, один бригадный комиссар, 16 подполковников, 41 майор, 11 военинженеров, один капитан 1-го ранга ВМФ и 3 старших лейтенанта госбезопасности (33). 27 мая 1945 г. начальник военной контрразведки «СМЕРШ» генерал Абакумов в совершенно секретном сообщении на имя И.В. Сталина сообщал: «В соответствии с Вашим указанием, вчера, 26 мая с.г., работниками Главного управления «СМЕРШ», действовавшими под видом сотрудников уполномоченного СНК СССР по репатриации, на двух самолетах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной Армии, 3 комбрига и 1 бригадный врач, находившиеся в плену у немцев...» В списке значились тридцать три фамилии. Через некоторое время список пополнился еще четырьмя фамилиями. Таким образом, на Родину вернулись 37 генералов и комбригов. В правах были восстановлены только 26 человек. В итоговом донесении Абакумова от 21 декабря 1945 г. сообщалось, что кроме А.А. Власова, Ф.Н. Трухина, В.Ф. Малышкина, Д.Е. Закутного, И.А. Благовещенского и бригадного комиссара Г.Н. Жиленкова, изменивших Родине, 11 генералов Красной Армии объявлялись предателями, подлежащими суду, а 25 генералов предлагалось передать в распоряжение Наркомата обороны (34: 153—156).

Насколько зыбка грань между теми, кто предатель, и теми, кто оступись или проявил слабость во время боя, видно на судьбах многих генералов. Часть из них — попавшие в плен, обвиненные в предательстве и казненные генералы Артеменко, Крупенников, Белешев, Привалов и осужденный на длительный срок Самохин, — впоследствии были реабилитированы.

Генерал-майор Артеменко П.Д. — бывший командир 27-го стрелкового корпуса. «...Преступная деятельность Артеменко подтверждается захваченными органами СМЕРШ показаниями Артеменко, которые он давал немцам на допросах... Артеменко советовал немцам, как лучше организовать действия германских войск в борьбе против Красной Армии, клеветал на Советское правительство, политико-моральное состояние Советского народа и военнослужащих Красной Армии, а также заявлял о неизбежном поражении СССР в войне с Германией». В плену Артеменко находился в нескольких концлагерях и заболел дистрофией. В начале мая 1945 г. освобожден американскими войсками, передан советским представителям и отправлен в Москву, где подвергся проверке в органах НКВД. 10 декабря 1946 г. Артеменко был арестован, а 10 июня 1950 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению в потере управления войсками и добровольной сдаче в плен. Реабилитирован.

Генерал-майор Крупенников И.П. — бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии, в плен попал во время боя при нападении немецкой части на штаб армии. «В начале 1943 г., находясь в лагере военнопленных, по собственной инициативе поступил на службу в качестве преподавателя на созданные немцами курсы офицерского состава и пропагандистов так называемой “русской освободительной армии”. Крупенников содержался в Нюрнбергской тюрьме. В начале мая 1945 г. был освобожден американцами и отправлен в Москву, где подвергся проверке органами НКВД, арестован и отдан под суд. Военная коллегия Верховного суда СССР за добровольную сдачу в плен приговорила Крупенникова к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 28 августа 1950 г. Реабилитирован.

Генерал-майор авиации Белешев М.А. — бывший командующий ВВС 2-й ударной армии «сознался, что на допросе в разведотделе Ставки германской армии он одобрил предложение немцев об использовании пленных советских летчиков для борьбы против Красной Армии, после чего был назначен немцами на должность коменданта лагеря военнопленных в городе Мариенфельд, где содержались военнослужащие частей ВВС Красной Армии». Содержался в крепости Вайсенбург в Германии. В мае 1945 г. он был освобожден американскими войсками. После войны Белешев вернулся в СССР, 29 декабря 1945 г. и после проверки в органах НКВД был арестован. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Белешева к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 26 августа 1950 г. Реабилитирован.

Генерал-майор Привалов П.Ф. — бывший командир 15-го стрелкового корпуса, в августе 1941 г. при попытке выйти из окружения попал в плен. Содержался в нескольких концентрационных лагерях. Компрометирующих данных о поведении в плену получено не было. В начале мая 1945 г. Привалов был освобожден из лагеря американскими войсками и через советскую военную миссию по репатриации был отправлен в Москву. После проверки в органах НКВД 15 декабря 1945 г. Привалов был арестован и отдан под суд. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего генерал-майора Привалова к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 30 декабря 1951 г. Реабилитирован.

Генерал-майор Самохин А.Г. — бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной Армии, в апреле 1942 г. был назначен командующим 48-й армией Брянского фронта, но приступить к исполнению обязанностей не смог. Прибыв на фронт, он по ошибке попал в расположение немецких подразделений и в плен. Компрометирующих данных о поведении в плену не было. В мае 1945 г. Са-

мохин был освобожден из плена частями Красной Армии и отправлен в Москву. В конце 1945 г. он был арестован. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к 25 годам лишения свободы. 5 августа 1953 г. Самохин был реабилитирован, освобожден и восстановлен в звании и в армии. В 1954 г. он окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба, после чего работал старшим преподавателем на военной кафедре МГУ. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Скончался 17 июля 1955 г.

Генералы Егоров, Зыбин, Лазутин, Сиваев, Богданов, Бессонов, Будыхо и Наумов расстреляны за измену родине и реабилитации не подлежали. Генерал-майор Егоров Е.А. — бывший командир 4-го стрелкового корпуса «...также признал, что под влиянием Трухина и Благовещенского он в сентябре 1941 г. вступил в созданную немцами в Хаммельсбургском лагере военнопленных антисоветскую организацию “Русская трудовая народная партия” и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда. В ноябре 1941 г. Егоров участвовал в составлении обращения к германскому командованию, в котором группа предателей — бывших военнослужащих Красной Армии — просила разрешить им сформировать из числа военнопленных “добровольческие отряды” для вооруженной борьбы против Советского Союза. Впоследствии при “Русской трудовой народной партии” под руководством Егорова был создан специальный штаб, занимавшийся антисоветской обработкой военнопленных и вербовкой их в так называемые “добровольческие отряды”. Егоров признал, что за период существования возглавляемого им штаба в “добровольческие отряды” было завербовано около 800 человек». Военная коллегия Верховного суда СССР «за потерю управления войсками, добровольную сдачу в плен и пронемецкую агитацию среди военнопленных» приговорила Егорова к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 15 июня 1950 г.

Генерал-майор Зыбин Е.С. — бывший командир 36-й кавалерийской дивизии. «В ноябре 1941 г. под влиянием своих враждебных убеждений Зыбин вступил в созданную немцами в лагерях антисоветскую организацию “Русская трудовая народная партия” и являлся инициатором формирования из числа военнопленных так называемых “добровольческих отрядов” для борьбы против Красной Армии. Зыбин признал, что обработал и завербовал для враждебной деятельности против СССР около 40 военнопленных — бывших военнослужащих Красной Армии». В лагерях Зыбин был замечен в ведении антисоветской агитации и сотрудничестве с администрацией, в частности, он предлагал сформировать охранный батальон из военнопленных и предложил свои услуги в качестве командира этого



батальона. В мае 1945 г. Зыбин был освобожден американцами и отправлен в Москву, подвергся проверке в органах НКВД и был арестован. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Ефима Зыбина за потерю управления дивизией и антисоветскую агитацию в плену к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 25 августа 1946 г.

Комбриг Лазутин Н.Г. — бывший начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса, 28.7.41 сдался в плен. «Находясь в лагере военнопленных, в конце 1941 г. установил связь с немцами, после чего был назначен помощником, а затем комендантом отделения лагеря военнопленных, поддерживал в лагере жесткий режим, избивал военнопленных. Германской разведке составил описание боевых действий 61 стрелкового корпуса. Сотрудничал с гестапо. Выдал бежавшего из лагеря военнопленного Марцева. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР».

Генерал-майор технических войск Сиваев М.Н. — бывший начальник военных сообщений 24-й армии. «Сиваев, будучи в лагере военнопленных в Вульхайде, проходил обучение на курсах фашистских пропагандистов». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Наиболее зловещими фигурами из числа коллаборационистов были бывшие генералы Красной Армии Богданов, Бессонов, Будыхо и Наумов. Генерал-майор Богданов П.В. — командир 48-й стрелковой дивизии 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Северо-Западного фронта, 17 июля 1941 г. сдался в плен немецкому разьезду. Остатки его дивизии, оставшись без управления, были рассеяны под Расейняем в Литве. 22 июля Богданова поместили в лагерь военнопленных в Сувалках, где назначили старшим. Через несколько дней он выдал немцам своего комиссара и старшего политрука. 18 сентября Богданова перевели в одну из берлинских тюрем, где он написал заявление с предложением сформировать из военнопленных отряд для борьбы с Красной Армией. После этого его перевели в лагерь министерства пропаганды в Вульхайде, а летом 1942-го завербовали в агентурно-политическую организацию «Боевой Союз русских националистов», которую опекал «Цеппелин» — отдел Главного управления имперской безопасности. В августе Богданов написал два воззвания, а в декабре 1942-го вступил рядовым во «2-ю русскую дружину СС». В январе 1943 г. его произвели в чин поручика и назначили заместителем начальника штаба дружины. В марте, после объединения 1-й и 2-й русских дружин в 1-й русский национальный полк СС, Богданов был назначен начальником контрразведки, произведен в майоры и принимал участие в карательных операциях против партизан и местного населения. В июне 1943 г. Богданова назначают

начальником контрразведки «1-й русской национальной бригады СС». В середине августа командир бригады Гиль-Родионов накануне перехода к партизанам арестовал его и доставил командиру партизанского отряда, выполнив одно из его условий. Богданов был доставлен в Москву и 24 апреля 1950 г. расстрелян (34: 91—93).

Комбриг Бессонов И.Г — командир 102-й стрелковой дивизии, 26 августа 1941 г. сдался охране немецкого медсанбата в селе Раги Гомельской области. После пребывания в лагерях Гомеля, Бобруйска, Минска и Белостока в ноябре 1941 г. его поместили в Хаммельсбургский офицерский лагерь. Зимой 42-го он принял участие в работе «кабинета военной истории», созданного с целью сбора разведданных о Красной Армии. В апреле Бессонов предложил свои услуги по формированию из военнопленных карательного корпуса для подавления партизанского движения. В сентябре его освободили и направили в распоряжение «Цепелина», где он принял участие в создании «Политического центра борьбы с большевизмом» (ПЦБ), созданного для организации «повстанческого» движения в глубоком советском тылу путем десантирования вооруженных групп, сформированных из советских военнопленных. Ацию планировалось провести в районе от Северной Двины до Енисея и от Крайнего Севера до Транссибирской магистрали. Диверсионным отрядам ставилась задача овладеть промышленными центрами Урала, вывести из строя Транссибирскую магистраль и лишить фронт стратегической базы на Урале. Этот район был разбит на три оперативные зоны: правобережный район среднего течения Северной Двины, район реки Печоры и район Енисея. Численность десанта предполагалось довести до 50 тыс. человек. При подготовке акции учитывалась служба Бессонова в войсках НКВД, хорошие знания дислокации и системы охраны лагерей ГУЛАГа. Десант должен был захватывать лагеря, освобождать и вооружать заключенных и ссыльных и двигаться в южном направлении, расширяя свои действия.

2 июня 1943 г. был выброшен пробный десант из 12 человек, одетых в форму НКВД, в Кожвинском районе Коми АССР, который 9 июня был разгромлен. Второй десант, из 40 человек, был выброшен под Сыктывкаром в конце 1943 г., но на связь не вышел. Из остальных завербованных в диверсанты и остатков ПЦБ были созданы две диверсионные группы, которые предполагалось использовать в тылу Красной Армии. После перехода нескольких бывших советских офицеров к партизанам обе «спешгруппы» были вывезены в немецкий тыл и расформированы. Часть личного состава была арестована и посажена в концлагеря, а лояльные переведены в полицейские и охранные подразделения.

В июне 1943 г. Бессонова арестовали и посадили в концлагерь Заксенхаузен, в особый блок «А» для привилегированных заключенных со свободным режимом содержания, где он находился до апреля 1945 г. В конце войны он был эвакуирован с группой высокопоставленных заключенных на запад и попал в плен к американцам, которые выдали его советским представителям. 19 апреля 1950 г. Бессонов был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Мотивы перехода генерал-майора И.Г. Бессонова на сторону врага и сотрудничества с ним не совсем понятны. Его архивно-следственное дело в семи томах хранится в архиве ФСБ России и для исследователей недоступно.

Генерал-майор Будыхо А.Е. — командир 171-й стрелковой дивизии, будучи дважды раненным, передал командование дивизией начальнику штаба, а сам с двумя бойцами и младшим лейтенантом выходил из окружения самостоятельно. 22 октября 1941 г. их задержал в Белгороде немецкий патруль. После пребывания в Полтавском и Владимиро-Волынском лагерях в апреле 1942 г. его доставили в Хаммельсбургский лагерь. В июне он принимает предложение Бессонова И.Г. вступить в «Политический центр борьбы с большевизмом». С февраля и до конца апреля 1943 г. Будыхо исполнял обязанности начальника контрразведки и выявлял просоветски настроенных военнопленных. После расформирования организации написал заявление о вступлении в РОА. Вскоре Власов утвердил его в звании «генерал-майора», после чего Будыхо принял присягу и убыл в отдел формирования «восточных частей» при штабе 16-й армии вермахта в Ленинградской области. Однако 10 октября два «русских батальона» перебили немцев, и ушли к партизанам. 12 октября, не дожидаясь их возвращения обратно в лагерь, которое планировалось на 14 октября, Будыхо бежал, с денщиком. Через неделю его задержали партизаны. Приговорен к расстрелу 19 апреля 1950 г. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Генерал-майор Наумов А.З. — бывший командир 13-й стрелковой дивизии, захвачен в плен 18 октября 1941 г. на квартире в Минске и доставлен в минскую тюрьму. Через два месяца его перевели в лагерь для военнопленных, где он заявил о желании проводить разведывательную работу против СССР. В апреле 1942 г. Наумова перевели в лагерь в Литву, а затем в Хаммельсбург. В лагере он осуществлял вербовку военнопленных в «восточные» батальоны.

24 сентября 1942 г. Наумов написал коменданту лагеря заявление: «Доношу, что среди русских военнопленных лагеря ведется сильная советская агитация против тех людей, которые с оружием в руках хотят помогать немецкому командованию в деле освобождения нашей родины

от большевистского ига. Эта агитация исходит главным образом от лиц, принадлежащих к генералам и со стороны русской комендатуры. Последняя стремится всеми средствами дискредитировать тех военнопленных, которые поступают на службу к немцам в качестве добровольцев, употребляя по отношению к ним слова “Эти добровольцы всего-навсего продажные души”. Тех, которые работают в историческом кабинете, также игнорируют и оскорбляют такими словами, как: “Вы продались за чечевичную похлебку”. При таком положении дел русская комендатура вместо оказания помощи этим людям в поднятии производительности труда совершает обратное. Она находится под влиянием генералов и всячески старается препятствовать работе. Активное участие в этой агитации принимают генералы Шепетов, Тхор, Тонконогов, полковник Продимов, подполковник Новодаров. Все вышеприведенное соответствует действительности, и я надеюсь, что комендатура лагеря благодаря принятию соответствующих мер обеспечит успешное выполнение порученных ей задач. Генерал А. Наумов» (35: 342).

После этого доноса остался в живых только генерал Тонконогов. С октября Наумов работал начальником строевого отдела лагеря в военно-строительной организации ТОДТ, а затем комендантом участка работ. В 1943 г., после побега военнопленных, его сняли с должности и направили в лагерь для «фольксдойче». С осени 1944-го он работал черно-рабочим на трикотажной фабрике, а в июле 1945 г. был арестован в лагере для репатриированных и расстрелян 19 апреля 1950 г.

По данным Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, всего в советском плену было 376 германских генералов, из которых 277 были освобождены из плена и репатриированы на родину, 99 умерли. К числу умерших отнесены и 18 генералов, которые были повешены как военные преступники по Указу от 19 апреля 1943 г. Пленные германские генералы содержались в лагере № 48, в бывшем доме отдыха ЦК профсоюза железнодорожников, в поселке Чернцы Лежневского района Ивановской области в довольно сносных условиях. В январе 1947 г. в лагере находилось 223 пленных генерала, из них 175 немцев, 35 венгров, 8 австрийцев, 3 румына и 2 итальянца. Попыток к бегству из плена или поднять восстание среди германских генералов не было. Значительная часть из них активно и охотно сотрудничала с советскими властями.

В 1943 г. дополнительно к действующим законам, карающим за измену, шпионаж и коллаборационизм, были приняты два правовых акта чрезвычайного характера. Такими актами стали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для

немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» и Постановление Государственного Комитета Обороны «О членах семей изменников Родины» от 24 июня 1942 г. №1926 сс. Эти правовые акты предусматривали жестокие меры наказания для преступников и членов их семей, поэтому до последнего времени они не публиковались. Видимо, не совсем удобно было публично признать, что в стране, строящей коммунизм, законодательно вводится смертная казнь через повешение. Такая казнь для запугивания подданных применялась диктаторскими режимами во все времена. Она привлекала «вождей» тем, что не только лишала врагов жизни, она еще и унижала их. Враг в петле оправлялся в собственные штаны, испускал зловоние, хрипел, дергался и оттого делался смешным. Это был незабываемый урок для зрителей. Указом от 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР постановил:

«1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение.

2. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

3. Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках Родины из числа советских граждан и об их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно.

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях — повешение осужденных к смертной казни — производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие

постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предаёт свою Родину. Указ подписали председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин и секретарь А. Горкин» (36).

Почти через два месяца после принятия указа вышло постановление Комитета Оборона, определяющее уголовную ответственность членов семей изменников Родины, подписанное Сталиным. По этому постановлению совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), осужденных судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по ст. 58—1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик: за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, за переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на занимаемой ими территории и за попытку измены Родине и изменнические намерения, — подлежали аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет. Аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет подлежали также семьи лиц, заочно осужденных к высшей мере наказания судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории. Применение репрессий в отношении членов семей изменников Родины возлагалось на органы НКВД, действующие на основании приговоров судебных органов или решений Особого совещания при НКВД СССР. Членами семьи изменника считались отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родины или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. Не подлежали аресту и ссылке семьи тех изменников Родины, в составе которых после должной проверки будет установлено наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказывавших в период оккупации содействие Красной Армии и партизанам, а также награжденных орденами и медалями Советского Союза (37).

В 1946—1948 гг. в СССР по Указу от 19 апреля 1943 г. было проведено несколько судебных процессов над бывшими советскими генералами, служившими в коллаборационистских формированиях, бывшими царскими генералами, гражданами СССР — пособниками фашистов и военнослужащими гитлеровской армии, уличенными в совершении убийств и истязаний на оккупированной территории.

В середине июля 1946 г. в Москве начался процесс над руководителями КОНР и РОА. По официальным заявлениям, каждый пункт обвинения и каждый эпизод «преступной деятельности обвиняемых» был тщательно изучен в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, подтвержден показаниями свидетелей и другими доказательствами. Предварительное следствие длилось 16 месяцев, по делу были опрошены 28 основных свидетелей, приняты во внимание показания еще 83 человек. Материалы следствия составили три объемистых тома.

Уголовное дело по обвинению Власова и других руководителей КОНР планировалось рассмотреть на открытом процессе в Октябрьском зале Дома Союзов, на котором советские люди должны были гневно заклеить презренных предателей. Однако подсудимые проявили непривычное для сталинского следствия упорство, отстаивая свои политические взгляды. Поэтому начальник ГУКР «СМЕРШ» генерал-полковник В.С. Абакумов 26 апреля 1946 г. обратился к Сталину с письмом, в котором сообщил, что главным препятствием, не позволяющим провести открытый процесс, «стало поведение некоторых подследственных». Опасаясь изложения подсудимыми антисоветских взглядов, «которые объективно могут совпадать с настроениями определенной части населения, недовольной советской властью», Абакумов просил Сталина «дело предателей... заслушать в закрытом судебном заседании... без участия сторон».

Решение о казни генерала Власова и других руководителей КОНР было принято на заседании Политбюро 23 июля 1946 г., за неделю до начала «процесса», а Военная коллегия Верховного суда под председательством палача Ульриха лишь озвучила сталинский приговор. Процесс был действительно закрытым, на него не допустили никого даже из самого узкого круга «доверенных» лиц. Генерал-майор Григоренко в своих мемуарах пишет, что сначала было намерение провести открытый суд на манер показательных процессов 30-х годов, но «поведение власовцев все испортило». Сам Власов, Трухин и большинство других обвиняемых отказались признать себя виновными в измене Родине. Как пишет Григоренко (со слов знакомого офицера, принимавшего участие в подготовке процесса), все они — главные руководители движения — заявили, что боролись против сталинского террористического режима. Хотели освободить свой народ от этого режима. И поэтому они не изменники, а российские патриоты. ...Власов и Трухин твердо стояли на неизменной позиции: «Изменником не был, и признаваться в измене не буду. Сталина ненавижу. Считаю его тираном и скажу об этом на суде». Не помогли ни обещания жизненных благ, ни угрозы. Власов на эти угрозы ответил:

«Я знаю. И мне страшно. Но еще страшнее оклеветать себя. А муки наши даром не пропадут. Придет время, и народ добрым словом нас помянет». Трухин повторил то же самое (38: 117).

Очевидно, именно твердой позицией Власова и других руководителей РОА объясняется закрытость и поспешность заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, которое началось за закрытыми дверями 30 июля 1946 г. и закончилось 1 августа смертным приговором всем двенадцати обвиняемым. Власова и других руководителей движения повесили ночью 1 августа 1946 г. во дворе Бутырской тюрьмы. Останки казненных кремировали и захоронили в безымянном рву Донского монастыря, где с 1930-х гг. хоронили прах жертв сталинских репрессий.

О состоявшемся процессе советские люди узнали в августе 1946 г. из кратких заметок в газетах «Правда» и «Известия». Газеты сообщали, что Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению Власова А.А., Малышкина В.Ф., Жиленкова Г.Н., Трухина Ф.И., Закутного Д.Е., Благовещенского И.А., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова Н.С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза. Сообщалось также, что все обвиняемые признали свою вину, приговорены к смертной казни через повешение и что приговор приведен в исполнение.

Из всех названных в сообщениях газет лишь имя Власова было более или менее известно широкой общественности. Об остальных осужденных и их конкретной деятельности в газетах ничего не сообщалось. Властям не хотелось доводить до сведения народа, что в роли «агентов немецкой разведки и диверсантов» выступали генералы и старшие офицеры, занимавшие высокие посты в Красной Армии. Ведь все они являлись типичными представителями советского офицерского корпуса. П.Г. Григоренко рассуждает в своих воспоминаниях о том, как тяжело было многим понять, что знаменитый генерал Власов, «не какой-то выскочка — кадровый офицер, коммунист, чисто русский человек, выходец из трудовой крестьянской семьи», с помощью немцев создал Русскую освободительную армию. Григоренко задается вопросом: «Почему?! Не вязалась эта фигура у меня с образом изменника родины. Провокация, говорил я себе». Как же можно было публично признать, что кроме «выродка» Власова были и другие генералы и полковники, которые во время Великой Отечественной войны подняли оружие против советской власти. Это могло дать повод к нежелательным размышлениям о причинах такого явления. Кто же



такие эти воспитанные советской властью агенты германской разведки, шпионы, диверсанты и террористы?

Жиленков Георгий Николаевич, 1910 г. рождения, уроженец г. Воронежа, русский, был беспризорником, учился, образование среднетехническое, в 1940—1941 гг. секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) города Москвы. С июня 1941 года член Военного совета 32-й армии, бригадный комиссар; Малышкин Василий Федорович, 1896 г. рождения, уроженец Марковского рудника Сталинской области, русский, в Красной Армии с 1918-го, в ВКП(б) — с 1919 г., образование высшее, начальник штаба 19-й армии, генерал-майор; Трухин Федор Иванович, 1896 г. рождения, уроженец г. Костромы, русский, из дворян, высшее образование, профессор Академии Генштаба, заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта, генерал-майор; Благовещенский Иван Алексеевич, 1893 г. рождения, уроженец г. Юрьевец Ивановской области, русский, в Красной Армии с 1918-го, в ВКП(б) — с 1921 г., высшее образование, командовал бригадой, начальник военно-морского училища ПВО в г. Либава, генерал-майор береговой службы; Закутный Дмитрий Ефимович, 1897 г. рождения, уроженец г. Зимовники Ростовской области, русский, из крестьян, высшее образование, профессор Академии Генштаба, командир 21-го стрелкового корпуса, генерал-майор; Меандров Михаил Алексеевич, 1894 г. рождения, уроженец г. Москвы, русский, среднее образование, заместитель начальника штаба 6-й армии, полковник; Мальцев Виктор Иванович, 1895 г. рождения, уроженец Владимирской губернии, русский, из бедной крестьянской семьи, среднее образование, с 1918 г. в Красной Армии, окончил школу военных летчиков. Полковник авиации. Уволен из армии по состоянию здоровья и работал начальником санатория Аэрофлота в Ялте; Буняченко Сергей Кузьмич, 1902 г. рождения, уроженец села Коровяково Глушковского района Курской области, украинец, из бедной крестьянской семьи (большая часть семьи погибла во время голодомора), высшее образование, полковник, командир 389-й стрелковой дивизии. Зверев Григорий Александрович, 1900 г. рождения, уроженец г. Ворошиловска (Донбасс), русский, из рабочих, незаконченное высшее образование, с 1919-го в Красной Армии, с 1926 г. член ВКП(б), военный комендант Харькова, командир 350-й стрелковой дивизии, полковник; Корбуков Владимир Денисович, 1900 г. рождения, уроженец г. Двинска, русский, из рабочих, среднее образование, с 1919-го в Красной Армии, с 1925 г. член ВКП(б), помощник начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта, подполковник; Шатов Николай Степанович, 1901 г. рождения, уроженец деревни Шатово Котельничского района Кировской области, русский, из крестьян, среднее образование, член ВКП(б)

с 1929 г., начальник артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа, подполковник.

Следует отметить, что некоторые соратники Власова еще до процесса 1946 г. смогли оценить работу советских «правоохранительных» органов и сполна вкусили от «прелестей» сталинской демократии. Так, командир 389-й стрелковой дивизии полковник Буняченко, выполняя приказ генерала Масленникова, взорвал мост на участке Моздок—Червленое до того, как по нему успели переправиться все наши части. Его отдали под суд и 2 сентября 1942 г. Военным трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта по ст. 193—2, п. «б» УК РСФСР приговорили к расстрелу. Расстрел заменили 10 годами лагерей с отбытием после войны и отправили командовать 59-й стрелковой бригадой. В октябре 1942 г. Буняченко принял бригаду, в которой было 25 % личного состава, без танков и артиллерии. Бригада была укомплектована солдатами из народностей Кавказа, многие из которых дезертировали. Четверо суток Буняченко удерживал отведенный бригаде участок фронта, пока от бригады никого не осталось. После этого он командовал сборными частями. В следственном деле изложены две версии его пленения. По одной, он был захвачен в плен румынской разведгруппой, а по другой — сам перешел на сторону немцев в декабре 1942 г., когда узнал, что будет арестован по обвинению в поражении 59-й бригады. Видимо, он был захвачен в плен, так как перебежчиков немцы отправляли в специальные лагеря, а Буняченко до мая 1943 г. находился в обычном лагере.

В передаче «Офицеры власовской армии» на радио «Эхо Москвы» 4 января 2010 г. историк Кирилл Александров заявил: «...у меня есть основания предполагать, что именно к Буняченко применялись пытки на следствии. В 1945—1946 гг. один из протоколов его допросов очень любопытный, это такой лист бумаги, который написан наискосок, а время допроса, судя по записи в протоколе, заняло 6—7 часов». Генерал-майор Малышкин был арестован в 1938 г. и находился в заключении 14 месяцев. Чтобы вырвать «признание» и показания на товарищей, он подвергался пыткам, в камеру после допросов его приносили без сознания, но выстоял, был освобожден и назначен начальником штаба 19-й армии. Попал в плен в районе Вязьмы. Начальник Туркменского управления Гражданского воздушного флота полковник Мальцев в марте 1938 г. также был арестован органами НКВД по обвинению в участии в «антисоветском военном заговоре». Содержался в Ашхабадском управлении НКВД, где подвергался пыткам, виновным себя не признал. 5 сентября 1939 г. освобожден. В 1941 г. в Крыму перешел на сторону немцев, некоторое время был бургомистром Ялты. Подполковник Шатов должен был доложить прибывшему наво-

дить порядок в связи с прорывом немцев к Таганрогу маршалу Кулику об обеспечении вооружением двух только что сформированных дивизий и о срочной эвакуации артиллерийских складов. Кулик обвинил Шатова во вредительстве, а когда тот начал оправдываться, выхватил пистолет, потом избил его в присутствии других офицеров и выгнал. Шатов дезертировал и целый месяц до прихода немцев укрывался в Ростове. Из Ростова ушел в Таганрог и 29 ноября 1941 г. сдался немцам. Отец и брат генерал-майора Трухина были расстреляны в 1919 г. «за антисоветскую деятельность».

По слухам, казнь руководителей РОА была организована с ужасающей жестокостью — все казненные были повешены на пианинной струнной проволоке, на крюке, поддетом под основание черепа (39).

В 1946—1948 гг. были казнены и другие генералы и старшие офицеры, принявшие участие во власовском движении. Так, в 1947 г. были казнены генералы Владимир Арцизо, служивший в РОА под псевдонимом Ассберг, и Андрей Никитович Севостьянов.

В 1947 г. были проведены также судебные процессы над белогвардейскими генералами, принявшими участие в войне на стороне Германии. «Совершенно секретно. СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР товарищу СТАЛИНУ И.В. Прошу разрешить: 1. Судить Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР руководителей созданного немцами главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии, немецких агентов — атамана КРАСНОВА П.Н., генерала белой армии ШКУРО А.Г., командира “дикой” дивизии — генерала белой армии СУЛТАН-ГИРЕЯ Клыч, их ближайших сообщников КРАСНОВА С.Н. (племянника атамана КРАСНОВА П.Н.) и ДОМАНОВА Т.И., а также командира “добровольческого” казачьего корпуса германской армии генерала фон-ПАНВИЦ Гельмута (список прилагается). 2. Дело КРАСНОВА, ШКУРО, СУЛТАН-ГИРЕЯ и других заслушать в закрытом судебном заседании без участия сторон (прокурора и адвокатов). 3. Всех обвиняемых в соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы. 4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать, а по окончании процесса опубликовать в газетах сообщение от имени Военной Коллегии о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение. Как ранее Вам было доложено, арестованные КРАСНОВ П.Н., ШКУРО, КРАСНОВ С.Н. и ДОМАНОВ, возглавляя созданное немцами главное управление казачьих войск под руководством германского командования, вели активную вооруженную борьбу против советской власти, формируя казачьи части из числа белогвардейцев и военнослужащих Красной Армии, попавших в

плен к немцам. Сформированные казачьи части, находясь под командованием генерал-лейтенанта германской армии фон-ПАНВИЦ и атамана “казачьего стана” ДОМАНОВА, участвовали в военных действиях против частей Красной Армии, а также югославских и итальянских партизан. Кроме того, казачьи части ДОМАНОВА вели вооруженную борьбу против белорусских партизан и принимали активное участие в подавлении варшавского восстания. ШКУРО и ДОМАНОВ по заданию германской разведки создали специальную школу для подготовки из числа казаков шпионов и диверсантов для подрывной деятельности в тылу советских войск. Арестованный СУЛТАН-ГИРЕЙ являлся руководящим участником антисоветского “северо-кавказского национального комитета” при министерстве восточных областей Германии и по заданию немцев в 1942 г. выезжал в районы Северного Кавказа для организации немецкой администрации, выявления коммунистов и партизан, а также участвовал в формировании национальных легионов для борьбы против Советского Союза. Следствие по этому делу закончено, между обвиняемыми проведены очные ставки, и их показания документированы. Судебный процесс, по нашему мнению, можно было бы начать 15 января 1947 г. Прошу Ваших указаний. АБАКУМОВ. 11 января 1947 г.» (40).

В газете «Правда» за 17 января 1947 г. было опубликовано краткое сообщение, которое поставило точку в судьбе нескольких видных генералов царской и белой армии. Газета сообщала, что «Военная Коллегия Верховного Суда СССР 15—16 января 1947 г. рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А.Г., командира “Дикой дивизии” — генерал-майора белой армии князя Султан-Гирей Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С.Н. и генерал-майора белой армии Доманова Т.И., а также генерала германской армии, эсэсовца фон-Паннвиц Гельмута, в том, что по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР. Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях».

Далее сообщалось, что в соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. все обвиняемые приговорены к смертной казни через повешение и что приговор приведен в исполнение. Генералы были повешены 16 января во дворе внутренней тюрьмы

МГБ СССР в Лефортово, по мнению некоторых авторов, самым изуверским способом — на мясных крюках за ребро. В 1990-е гг. были опубликованы данные, что тела казненных были сожжены в Донском крематории, а прах сыпан в «братскую могилу невостребованных прахов № 3».

В сообщении об их казни имеются серьезные неточности, вернее приведены заведомо ложные сведения. Например, там говорится, что Доманов во время Гражданской войны был генералом белой армии. На самом деле он был майором Красной Армии, который попал в немецкий плен, а звание генерал-майора присвоили ему немцы. Вопреки сообщению, ни генерал фон Паннвиц, ни его 15-й Казачий корпус не имели никакого отношения к СС. Большинство казаков Доманова и фон Паннвица были не белогвардейцами, а дезертирами из Красной Армии и беженцами с Дона и Кубани. Наконец, ни одно из двух казачьих формирований не действовало «по заданию германской разведки» и не участвовало «в шпионско-диверсионной и террористической деятельности против СССР» или какой-либо другой страны. Казачий корпус был регулярным формированием вермахта, а Казачий стан Доманова был укомплектован беженцами и членами отрядов самообороны. Авторы этого сообщения, безусловно, пытались убедить советскую общественность о том, что против СССР боролись незначительные формирования предателей, завербованные германской разведкой среди реакционных эмигрантских элементов и подчиненные абверу и СС.

Через несколько месяцев после выдачи из Финляндии в Москве был казнен деятель Белого движения в эмиграции генерал-майор Северин Цезаревич Добровольский. Он был осужден военным трибуналом Московского военного округа по статье 58—4 Уголовного кодекса и приговорен к расстрелу. По воспоминаниям сидевших с ним узников, Добровольский отказался подавать прошение о помиловании и был расстрелян 26 января 1946 г.

В 1946 г. органы СМЕРШ и МГБ закончили продолжающееся более года следствие по группе лиц, обвиняемых в шпионаже, диверсиях и терроризме против СССР. По этому уголовному делу проходили атаман, генерал-лейтенант белой армии Г.М. Семенов, руководитель всероссийской фашистской партии К.В. Родзаевский, генерал-лейтенанты белой армии Л.Ф. Власьевский и А.П. Бакшеев, министр финансов правительства А.В. Колчака И.А. Михайлов, член Верховного Совета фашистской партии Л.П. Охотин, журналист князь Н.А. Ухтомский и офицер белой армии Б.Н. Шепунов. Начавшийся 26 августа 1946 г. суд широко освещался в советской прессе. Открыл его председатель Военной коллегии Верховного

суда СССР В.В. Ульрих. Подсудимым было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде, шпионаже против СССР, диверсиях, терроризме. Все подсудимые признали свою вину. 30 августа Военная коллегия признала подсудимых виновными: по приговору атаман Г.М. Семенов на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. был приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества как «враг советского народа и активный пособник японских агрессоров». Власьевский, Родзаевский, Бакшеев были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. Князь Ухтомский и Охотин, «учитывая их сравнительно меньшую роль в антисоветской деятельности», приговорены к 20 и 15 годам каторжных работ соответственно, с конфискацией имущества (оба скончались в лагерях: Охотин умер в 1948 г., князь Ухтомский — 18 августа 1953 г.). Семенова казнили 30 августа 1946 г. По словам дочери атамана Елизаветы Явцевой, спустя два года и одиннадцать месяцев после ареста отца в Маньчжурии все три его дочери были также арестованы, увезены в Союз, в так называемые «внутренние тюрьмы МГБ», а потом в сибирские лагеря. Сыновей атамана, Вячеслава и Михаила, забрали вслед за отцом в 1945 г. Всех детей Семенова приговорили к 25 годам заключения, кроме сына Михаила, 1922 г. рождения, инвалида детства, расстрелянного в Уссурийске 18 марта 1947 г. (41).

В 1994—1998 гг. Военная коллегия Верховного суда России пересмотрела уголовное дело в отношении всех подсудимых. По статье 58—10 ч. 2 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР дело было прекращено за отсутствием состава преступления, в остальной части приговор был оставлен в силе, а подсудимые признаны не подлежащими реабилитации. Кроме советских военачальников-коллаборационистов и белогвардейских генералов, Указ от 19 апреля 1943 г. широко применялся в судебных процессах по делам немецких военнопленных, совершавших преступления против мирного населения. Процессы над немецкими карателями прошли в Киеве, Ленинграде, Николаеве, Сталино (Донецк), Севастополе, Брянске, Смоленске, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишиневе и Гомеле. В январе 1948 г. руководители МВД, Верховного суда и Прокуратуры Круглов, Рычков и Горшенин направили Сталину, Молотову, Берии и Жданову совершенно секретную записку (№ 141/к) с отчетом об этих процессах. «Всего в октябре—декабре 1947 г. на открытых судебных процессах было осуждено 138 военных преступников, в числе которых 23 генерала, 78 офицеров и 37 унтер-офицеров и солдат. Среди них 117 немцев, 13 венгров, 7 ру-

мын и 1 австриец. Все они приговорены по части 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях: 128 преступников — к 25 годам, 9 — к 20 годам каждый и 1 — к 15 годам...» «...Кроме того, в октябре—декабре 1947 г. рассмотрен в закрытых судебных заседаниях ряд дел, по которым осуждены 876 военных преступников, совершавших злодеяния на подвергавшейся оккупации территории СССР. Все они приговорены к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет. Для отбывания наказания осужденные направляются в исправительно-трудовой лагерь МВД в Воркуту, где для них создано специальное лагерное отделение со строгим режимом».

В январе 1949 г. министр внутренних дел Круглов представил в Политбюро ЦК докладную записку, в которой привел статистику, характеризующую число казненных немецких военнослужащих. По его данным, всего по Указу от 19 апреля 1943 г. были повешены 18 немецких генералов и 66 немецких солдат и офицеров. Казненные относились преимущественно к войскам СС. Казни пленных немцев через повешение осуществлялись в 8 городах СССР.

По Указу от 19 апреля 1943 г. была также осуждена группа из двенадцати военачальников японской Квантунской армии. Обвиняемым вменялось в вину создание в Квантунской армии специальных подразделений, занятых разработкой бактериологического оружия, в частности, разведением бактерий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых заболеваний, проведение экспериментов над людьми (в том числе советскими военнопленными) по заражению их этими заболеваниями, использование бактериологического оружия против Китая. Процесс проходил в Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. в военном трибунале Приморского военного округа. Вина всех обвиняемых была доказана в ходе процесса, и всем им, с учетом степени виновности, были назначены наказания в виде различных сроков лишения свободы. К смертной казни не был приговорен никто.

Указ от 19 апреля 1943 г. широко применялся в судебных процессах по делам пособников оккупантов. Казни оккупантов через повешение на освобожденных территориях проводились в Краснодаре, Харькове, Ростове-на-Дону, Минске и многих других городах при большом стечении народа (42). Единых правил проведения казней не существовало: где-то сооружались стационарные виселицы, где-то роль эшафота играли кузова грузовых машин, которые отъезжали в сторону, оставляя висельников без опоры под ногами.

При рассмотрении дел о пособничестве врагу военным трибуналам не всегда удавалось соблюдать объективность и отличать истинных пособников от граждан, работающих в оккупационных структурах, чтобы не умереть с голоду. При отступлении Красной Армии более 70 миллионов человек вынужденно оказались в зоне оккупации и более миллиона из них работали в качестве старост, бургомистров, переводчиков, на транспорте, обслуживали органы государственного управления Германии на оккупированной территории. Де-юре к числу пособников относились как рабочие, врачи, учителя, агрономы, бухгалтеры и другие специалисты, «работающие на врага», так и каратели, принимающие непосредственное участие в убийствах и насилиях над населением. Поэтому зачастую под нож военной юстиции попадали граждане, чья деятельность явно «не тянула» на высшую меру наказания. Показательным в этом отношении является судьба «пособников фашистов», привлеченных к ответственности по делу о казни фашистами Зои Космодемьянской, первой женщины, которой во время войны присвоено звание Героя Советского Союза. В основе этого драматического события лежит неоднозначный и жестокий Приказ Ставки Верховного Главного Командования № 0428 от 17 ноября 1941 г. о создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск, подписанный И. Сталиным и Б. Шапошниковым. Этот приказ был рассекречен совсем недавно. Руководителям страны не хотелось обнародовать информацию о том, что бойцы действующей армии зимой жгли подмосковные деревни.

Из текста приказа: «...Ставка Верховного Главнокомандования ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20—30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.



3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

4. Военным Советам фронтов и отдельных армий систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта. Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты» (43).

Как видно из приказа, для полного уничтожения всех населенных пунктов в ближайшем тылу немецких войск предусматривалось применение авиации, артиллерии, минометов, разведчиков, лыжников, охотников по 20—30 человек из каждого полка и партизанских диверсионных групп. Естественно, что жителей прифронтовых населенных пунктов о грядущей каре, которая их ожидала в суровые зимние морозы, Сталин и Шапошников не предупредили. А ведь среди них были многодетные матери с малыми детьми, старики и больные люди. У большинства из них воевали с фашистами и погибали за родину сыновья, отцы, мужья и дети. Одной из воинских частей, предназначенных для выполнения этого приказа, стала сформированная в первые дни войны диверсионная бригада Западного фронта (в.ч. № 9903), которой руководил Артур Спрогис. Ее основу составили добровольцы из комсомольских организаций Москвы и Подмосковья. Во время битвы за Москву на базе этой воинской части было сформировано и отправлено за линию фронта 50 боевых групп и отрядов. Красноармейцем этой бригады стала и Зоя Космодемьянская, добровольно вступившая в армию. Вечером 20 ноября 1941 г. командиры диверсионных групп П.С. Проворов и Б.С. Крайнов под роспись получили приказ А. Спрогиса: «...сжечь 10 населенных пунктов: Анашкино, Грибцово, Петрищево, Усадково, Ильятино, Грачево, Пушкино, Михайловское, Бугайлово, Коровино. Срок выполнения — 5—7 дней». Участники групп имели по 3 бутылки с зажигательной смесью, пистолет (у Зои это был наган), сухой паек на 5 дней и бутылку водки. Выйдя на задание вместе, обе группы по 10 человек в каждой, в 10 километрах от Петрищева попали под обстрел немцев, понесли тяжелые потери и частично рассеялись. Их остатки объединились под командованием Бориса Крайнова.

27 ноября в 2 часа ночи Борис Крайнов, Василий Клубков и Зоя Космодемьянская подожгли в Петрищеве три дома (жителей Кареловой, Солнцева и Смирнова), в которых вместе с хозяевами располагались

немецкие офицеры и солдаты. Для предотвращения поджогов жители деревни стали дежурить по ночам. Одним из таких дежурных и был Семен Агафонович Свиридов, который и увидел Космодемьянскую, поджигающую его сарай. Здесь, очевидно, уместно вспомнить, что поджоги домов в российских селах во все времена считались тягчайшим преступлением. Застигнутых на месте поджигателей часто связанными бросали в огонь и сжигали заживо. Да и действующий во время войны в СССР Уголовный кодекс сурово наказывал поджигателей.

Бывший работник Управления НКВД по городу Москве и Московской обл. Б.Я. Чмелев 22 марта 1994 г. рассказывал: «...В 1942 г. в деревне Петрищево арестовали некоего Свиридова, ему вменили в вину, что он предал Зою и что поэтому ее схватили и казнили. Причем все так и было — он был причастен к тому, что немцы арестовали Зою, следовательно, и к тому, что ее казнили. И газеты, и радио уже сообщили обо всем этом, и благодаря “Правде” вся страна знала о героине Зое. Но когда на месте мы стали разбираться с тем, что произошло в деревне Петрищево, оказалось, что все выглядело несколько иначе, и что этот человек не был виноват в происшедшем. Во-первых, Зоя сама нарушила приказ командира партизанского отряда, запретившего какие бы то ни было самовольные акции, а она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево. Мы допросили и командира отряда, и других партизан и выяснили, что в Петрищево она пошла сама, без разрешения и начала поджигать сарай этого самого Свиридова, где не было ни немцев, ни военной техники — ничего, кроме сена... Но можете себе представить: хозяин сарая выходит из дома — а это было именно так — и видит, что кто-то поджигает его сарай! Какой должна быть его реакция?! А в это время рядом были немцы... Свиридов закричал: “Ты что там делаешь?!” Этого было достаточно, чтобы Зою схватили. Нам было понятно, что реакция Свиридова была вполне естественной, думаю, что точно такой же она была бы и у вас, и у меня: “Ты что делаешь? Почему поджигаешь мой сарай?” Конечно, на этот факт было наложено вето, и мне категорически запретили кому бы то ни было об этом говорить. Обо всем рассказал начальнику УНКВД по Москве и Московской области М.И. Журавлеву. Он долго молчал, наконец спросил: “А что ты думаешь обо всем этом?” Я говорю, что судить Свиридова на основании только того, что он бросился защищать свое имущество, нельзя. “А, черт с ним, в конце концов, — говорит Журавлев. — Давай будем его освобождать... Пишите постановление об освобождении”. Мы тут же написали соответствующую бумагу, и Свиридов неожиданно для себя, как я понимаю, оказался на свободе» (44).

Пособниками фашистов кроме Свиридова оказались также шестидесятилетняя Аграфена Смирнова, чей дом был сожжен Космодемьянской накануне, и Федосья Солина, которые утром пришли в дом Валентины Кулик, где находилась задержанная. Из показаний Валентины Кулик: «...Смирнова и Солина стали всячески ругать и оскорблять измученную, лежащую около печки Зою Космодемьянскую, подступая к ней, чтобы ударить... а Смирнова перед выходом из дома взяла стоящий на полу чутун с помоями и бросила его в Зою Космодемьянскую. Через некоторое время ко мне в дом пришло еще больше народу, с которыми вторично пришли Солина и Смирнова. Через толпу людей Солина и Смирнова продрались к Зое Космодемьянской, и тут Смирнова стала ее избивать, оскорбляя всякими нехорошими словами. Солина, находясь вместе со Смирновой, взмахивала руками и со злобой кричала: “Бей! Бей ее!”, оскорбляя при этом всякими нехорошими словами» (45).

16 февраля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР З.А. Космодемьянской было присвоено звание Героя Советского Союза. После этого в газетах и на радио началась активная пропагандистская кампания, и Зоя стала символом героизма советских людей в Великой Отечественной войне. После этого органы СМЕРШ и начали следствие, материалы которого, противоречащие официальному «мифу», долгое время держались в секрете. Ну а судьбу «пособников» решил военный трибунал войск НКВД Московской области, который приговорил Свиридова С.А., Солину В.Ф. и Смирнову А.В. за преступления, предусмотренные ст. 58—1 п. «а» УК РСФСР, к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией лично принадлежащего им имущества (46).

Разве можно сравнить вину расстрелянных «пособников»-погорельцев Свиридова, Смирнову и Силину, например, с карателями из Краснодара, которые вместе с гестаповцами изуверскими методами уничтожили сотни людей. Причем большинство советских граждан были уничтожены выхлопными газами в специальных автомобилях. Военному трибуналу Северо-Кавказского фронта было представлено заключение судебно-медицинской экспертизы: из 623 эксгумированных и подвергнутых исследованию трупов 523 погибли от отравления окисью углерода, а 100 — от огнестрельных ранений. 17 июля 1943 г. военный трибунал приговорил восьмерых карателей к высшей мере наказания — смертной казни через повешение и троих — всего к 20 годам каторжных работ. Приговор был приведен в исполнение 18 июля 1943 г. на центральной площади Краснодара в присутствии около 50 тысяч человек. Многочисленные случаи необоснованного обвинения граждан в пособничестве врагу признал даже Пленум Верховного суда СССР, который своим постановлением

№ 2216.У.СС. от 25 ноября 1943 г. разделил пособников на категории: Постановление Пленума Верховного суда СССР «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками».

«Судебная практика военных трибуналов показывает, что военные трибуналы квалифицируют как измену Родине всякое содействие, оказанное советскими гражданами немецким захватчикам в период временной оккупации той или иной местности, независимо от характера этого содействия. Такая квалификация в ряде случаев является неправильной и не соответствует Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., который проводит различие между изменниками Родины и пособниками врага. Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание:

1. Советские граждане, которые в период временной оккупации той или иной местности немецкими захватчиками служили у немцев в органах гестапо или на ответственных должностях (бургомистры, начальники полиции, коменданты и т. п.), доставляли врагу сведения, составляющие военную или государственную тайну; выдавали или преследовали партизан, военнослужащих Красной Армии, советских активистов и членов их семей; принимали непосредственное участие в убийствах и насилиях над населением, грабежах и истреблении имущества граждан и имущества, принадлежащего государству, колхозам, кооперативным и общественным организациям, а равно военнослужащие, перешедшие на сторону врага — подлежат ответственности за измену Родине по ст.ст. 58—1-а или 58—1-б УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в случаях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., по ст. 1 этого Указа.

2. Лица, выполнявшие задания немецких захватчиков по сбору продовольствия, фуража и вещей для нужд германской армии, по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства или оказавшие иное активное содействие, при отсутствии в их действиях признаков, указанных в п. 1, — подлежат ответственности как пособники, по ст. 58—3 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других республик, а в надлежащих случаях по ст. 2 Указа от 19 апреля 1943 г.

3. Не подлежат привлечению к уголовной ответственности:

а) советские граждане, занимавшие административные должности при немцах, если будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии или саботировали выполнение требований немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества или другими способами содействовали борьбе

с оккупантами; б) мелкие служащие административных учреждений, рабочие и специалисты, занимавшиеся своей профессией (врачи, ветеринары, агрономы, инженеры, учителя и т. п.), если они не совершили преступных действий, подпадающих под пункты 1 и 2 настоящего постановления.

4. Добровольная явка с повинной, при отсутствии тяжких последствий преступной деятельности обвиняемого, должна рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство. Председатель Верховного суда СССР — Голыков. Секретарь Пленума Верховного суда СССР — Смолицкий».

## СУДЬБЫ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ — ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Как ни горько это признавать, но коллаборационисты были и среди Героев Советского Союза. Пособником врага оказался даже «герой-панфиловец». Известно, что панфиловцами называли бойцов 316-й стрелковой дивизии (впоследствии 8-я гвардейская) под командованием генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, участвовавших в 1941 г. в обороне Москвы. Среди воинов дивизии наибольшую известность получили 28 человек («герои-панфиловцы» или «28 героев-панфиловцев») из личного состава 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка. Согласно широко распространенной версии событий, 16 ноября, когда началось новое наступление противника на Москву, бойцы 4-й роты во главе с политруком В.Г. Ключковым в районе разъезда Дубосеково, в 7 километрах к юго-востоку от Волоколамска, совершили подвиг, уничтожив в ходе 4-часового боя 18 вражеских танков. Все 28 героев погибли (позже стали писать «почти все»). Официальная версия подвига была изучена Главной военной прокуратурой СССР и признана литературным вымыслом. По мнению директора Государственного архива России профессора Сергея Мироненко, «не было 28 героев-панфиловцев — это один из мифов, насаждавшихся государством». При этом сам факт тяжелых оборонительных боев 316-й стрелковой дивизии против 2-й и 11-й немецких танковых дивизий на Волоколамском направлении 16 ноября 1941 г. несомненен. Вывод расследования Главной военной прокуратуры: «Таким образом, материалами расследования установлено, что подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещенный в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора “Красной звезды” Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты Кривицкого» (47).

Необычной оказалась судьба «героя-панфиловца» Добробабина (Добробабы) Ивана Евстафьевича. 16 ноября 1941 г. Добробабин, находясь в составе боевого охранения у разъезда Дубосеково, во время боя был засыпан землей в окопе и считался погибшим. Оказавшись в тылу про-

тивника, он был пленен немцами и помещен в Можайский лагерь военнопленных, из которого совершил побег или был отпущен как украинец. В начале марта 1942 г. он прибыл на родину в село Перекоп Валковского района Харьковской области, оккупированное к тому времени немцами.

В июне Добробабин добровольно поступил в полицию и до ноября того же года служил полицейским на станции Ковяги, где нес охрану железнодорожной линии, обеспечивая движение фашистских эшелонов. Затем он был переведен в полицию села Перекоп, где до марта 1943 г. служил полицейским и начальником караульной смены. В начале марта при освобождении села советскими войсками Добробабин с другими полицейскими был арестован особым отделом, но в связи с отступлением нашей армии оказался на свободе. После вторичного занятия села фашистами продолжал служить в полиции, был назначен заместителем начальника, а в июне 1943-го — начальником сельской полиции. Имел на вооружении карабин и револьвер.

Во время службы в полиции Добробабин участвовал в отправке советских граждан на принудительные работы в Германию, производил обыски, изымал у крестьян скот, задерживал лиц, нарушавших оккупационный режим, и участвовал в допросах задержанных, требуя выдавать коммунистов и комсомольцев села. В июле 1943 г. подчиненными ему полицейскими задержан и отправлен в концлагерь бывший советский военный служащий Семенов. При отступлении фашистов в августе 1943 г. Добробабин бежал в Одесскую область и при освобождении советскими войсками оккупированной территории, скрыв службу в полиции, был призван в армию. В 1948 г. за сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами был осужден на 15 лет и в отношении него указ о присвоении звания Героя Советского Союза был отменен. В 1955 г. срок заключения был сокращен до 7 лет, и Добробабин вышел на свободу. Добивался реабилитации, однако в реабилитации ему было отказано. Реабилитирован постановлением Верховного суда Украины от 26 марта 1993 г. Умер в 1996 г. в городе Цимлянске.

Какими непростыми были судьбы «фашистских пособников» в годы войны, можно увидеть на примере Петра Константиновича Меснянкина (1919—1993 гг.) — лейтенанта Советской Армии, участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза (1943), лишённого звания и наград в связи с осуждением. Меснянкин родился в деревне Комякино (ныне — территория Иванинского района Курской области) в семье зажиточного крестьянина. В 1930-е гг. семья Меснянкина подверглась раскулачиванию и высылке в Архангельскую область. Через несколько лет после высылки ей удалось переехать в Харьков, где Меснянкин в

1939 г. окончил среднюю школу и поступил в техникум. Осенью 1939 г. он был призван в армию и проходил службу в 275-м артиллерийском полку. С июня 1941 г. — на фронте, принимал участие в Смоленском сражении, Ельнинской операции. В ноябре 1941 г. подразделение Меснянкина попало в окружение и он попал в плен. Содержался в Орловской тюрьме, откуда в начале 1942 г. совершил побег и вернулся в родную деревню. В феврале 1942 г., не имея средств к существованию, пошел на службу в полицию. Занимал должности помощника начальника полиции, следователя мирового суда при районной управе, а с декабря 1942 г. — начальника полиции. За время службы в полиции снискал уважение местного населения тем, что «не зверствовал, а, наоборот, арестовывал лишь полицейских и старост, которые бесчинствовали по отношению к жителям». После освобождения района частями Красной Армии не стал бежать из села, был арестован и допрошен в особом отделе одного из соединений. По ходатайству местных жителей избежал смертной казни, и по постановлению Военного совета 60-й армии был направлен в штрафную роту сроком на три месяца. Отбывал наказание в 9-й отдельной армейской штрафной роте. За время пребывания в штрафной роте был трижды ранен и досрочно освобожден от наказания. При возвращении в часть по требованию сотрудников СМЕРШ был повторно отправлен в штрафное подразделение — 263-ю отдельную армейскую штрафную роту. После освобождения из штрафной роты Меснянкин воевал в 1285-м стрелковом полку 60-й стрелковой дивизии 65-й армии, был на должности командира расчета 45-миллиметрового орудия. Отличился во время битвы за Днепр. 17 октября 1943 г. в районе поселка Радуль Репкинського района Черниговской области Меснянкин на подручных средствах вместе со своим орудийным расчетом переправился через Днепр и, закрепившись на правом берегу, артиллерийским огнем уничтожил несколько огневых точек противника, «что способствовало переправе других подразделений на плацдарм» (48).

30 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» красноармеец Петр Меснянкин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 1541, став первым в полку героем. После окончания войны остался служить в Советской Армии. Окончил артиллерийское училище, получил звание лейтенанта, командовал учебным взводом 690-го артиллерийского полка 29-й отдельной гвардейской стрелковой латышской бригады. 5 апреля 1948 г. Герой Советского Союза лейтенант

Меснянкин был арестован и срочно этапирован в Москву. В Главном управлении контрразведки МГБ СССР ему предъявили обвинение в измене Родине, выразившейся в том, что он «...как происходивший из семьи кулака, сдался в плен немцам и сотрудничал с ними на территории временно оккупированной Курской области... Проживая в деревне Комякино Иванинского района Меснянкин занялся восстановлением своего прежнего кулацкого хозяйства, вселился в ранее конфискованный у них дом, вызвал к себе родственников, а в феврале 1942 г. добровольно поступил на службу в немецкие карательные органы... производил обыски, отбирал у местных жителей продукты и вещи, арестовывал советских граждан, подвергал их допросам и проводил профашистскую агитацию; отобранное у колхозников имущество передавал через “мировой” суд возвратившимся в район кулакам; выдал немецким карательным органам 10 коммунистов и комсомольцев, в отношении которых проводил следствие; принимал участие в расстреле бывшего председателя колхоза коммуниста Рассолова...».

Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 21 августа 1948 г. Меснянкин был осужден к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание в Воркутинских лагерях, работал в медсанчасти. В 1954 г. был досрочно освобожден из лагеря. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1955 г. судимость была снята. Проживал в Харькове, работал в совхозе в должности бригадира овощеводческой бригады. Неоднократно посылал ходатайства о восстановлении в звании Героя Советского Союза, однако все они были отклонены. Умер Петр Меснянкин 14 июля 1993 г. Похоронен на 3-м городском кладбище Харькова (49).

Поразительной оказалась и судьба сталинского и власовского «сокола» Семена Трофимовича Бычкова (1918—1946 гг.) — советского военного летчика, Героя Советского Союза (1943), лишенного званий и наград в 1947 г. за участие во «власовском» движении во время Великой Отечественной войны. Он родился 15 мая 1918 г. в селе Петровка Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил аэроклуб (1938), Борисоглебское авиационное училище имени В.П. Чкалова (1939). С 1939 г. служил в 12-м запасном авиационном полку. С 30 января 1940 г. — младший лейтенант, с 25 марта 1942 г. — лейтенант, затем старший лейтенант, с 20 июля 1942 г. — заместитель командира эскадрильи. В 1942 г. за совершение аварии осужден военным трибуналом на 5 лет исправительно-трудовых лагерей с отбывтием наказания после войны. В том же году судимость была снята. С 28 мая 1943 года — капитан. В 1943 г. — штурман 937-го истребительного авиационного полка, заместитель командира 482-го



истребительного авиационного полка 322-й истребительной дивизии. За отличия в боях награжден двумя орденами Красного Знамени. 2 сентября 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» за лично сбитые 15 самолетов противника (кроме того, один самолет был сбит им в группе).

В представлении к награждению отмечалось, что Бычков «проявил себя отличным летчиком-истребителем, у которого отвага сочетается с большим мастерством. В бой вступает смело и решительно, проводит его в большом темпе, навязывает свою волю врагу, используя его слабые стороны. Проявил себя отличным командиром-организатором групповых воздушных боев». 10 декабря 1943 г. Бычков был сбит огнем зенитной артиллерии противника и раненым взят в плен. Содержался в лагерях для военнопленных. В начале 1944 г. полковник Виктор Мальцев, сотрудничавший с немецкими властями с 1941 г., убедил его вступить в состав авиационной группы «Остланд».

На следствии в 1946 г. Бычков утверждал, что пошел на этот шаг под сильнейшим давлением, так как другой Герой Советского Союза, Бронислав Антилевский, к тому времени уже сотрудничавший с немцами, якобы избил его. По другим данным, Бычков принял решение о переходе на сторону врага добровольно, а с Антилевским они были друзьями. Участвовал в перегонах самолетов с авиазаводов на полевые аэродромы Восточного фронта, а также в антипартизанских боевых действиях в районе Двинска. Совместно с Антилевским письменно и устно обращался к пленным летчикам с призывами сотрудничать с немцами. После расформирования группы «Остланд» в сентябре 1944 г. Бычков, под началом Мальцева, принимал активное участие в формировании 1-го авиационного полка ВВС РОА, стал командиром 5-й истребительной эскадрильи, на вооружении которой находились 16 самолетов. 5 февраля 1945 г. был произведен в майоры. В конце апреля 1945 г. сдался американским войскам, вместе с другими «власовскими» летчиками был интернирован во французском городе Шербуре и в сентябре 1945 г. передан советским властям. 24 августа 1946 г. приговорен к расстрелу военным трибуналом Московского военного округа. Приговор приведен в исполнение в Москве 4 ноября того же года (50: 22—30).

Сталинским и власовским «соколом» был и Бронислав Романович Антилевский (1916—1946 гг.) — советский военный летчик, Герой Советского Союза (1940), лишенный званий и наград в 1950 г. Родился в 1916 г. в деревне Марковцы Узденского района Минской области в крестьянской семье. Поляк. Окончил техникум (1937), училище авиации особого назначения в Монино (1938), Качинское Краснознаменное во-

енно-авиационное училище (1942). С октября 1937 г. служил в Красной Армии. Во время советско-финской войны ему было присвоено звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». С апреля 1942 г. — младший лейтенант, участвовал в Великой Отечественной войне в составе 20-го истребительного полка 303-й истребительной дивизии 1-й воздушной армии.

28 августа 1943 г. заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Антилевский был сбит в воздушном бою и взят в плен. Содержался в лагерях для пленных. В конце 1943 г. вступил в состав авиационной группы «Остланд». Как и Семен Бычков, участвовал в перегонах самолетов и в антипартизанских боевых действиях, призывал пленных летчиков сотрудничать с немцами. После расформирования группы «Остланд» принимал активное участие в формировании 1-го авиационного полка ВВС РОА. С 19 декабря 1944 г. был командиром 2-й штурмовой эскадрильи ночных штурмовиков. 5 февраля 1945 г. произведен в капитаны. Был награжден двумя немецкими медалями и именными часами. В апреле 1945 г. эскадрилья Антилевского участвовала в боевых действиях на Одере против Красной Армии. Существует информация, что в конце апреля 1945 г. Антилевский должен был пилотировать самолет, на котором генерал Андрей Власов должен был вылететь в Испанию, но Власов отказался от бегства.

Был интернирован из американского сектора Германии в сентябре 1945 г. 25 июля 1946 г. он приговорен к расстрелу военным трибуналом Московского военного округа по статье 58—1 «б» УК РСФСР. Приговор приведен в исполнение в тот же день (51: 17—22).

Считается, что третьим Героем Советского Союза в РОА, возможно, был Иван Иванович Тенников, кадровый летчик, татарин по национальности. Выполняя боевое задание по прикрытию Сталинграда 15 сентября 1942 г. над островом Зайковский, он вел бой с истребителями противника, таранил немецкий «Мессершмитт-110», сбил его и остался в живых. Есть версия, что ему за этот подвиг было присвоено звание Героя Советского Союза, но его фамилии нет в перечне лиц, которые были лишены этого звания. В советской авиации Тенников служил до осени 1943 г., когда был сбит и считался пропавшим без вести.

Будучи в лагере военнопленных, он поступил на службу в органы немецкой разведки и затем был переведен во власовскую армию. По состоянию здоровья он не мог летать и служил как офицер-пропагандист. О дальнейшей судьбе этого человека после апреля 1945-го ничего не известно. По документам Главного управления кадров Министерства обороны он числится до сих пор пропавшим без вести (104).

Непростой оказалась судьба и у Героев Советского Союза отца и сына Соколов. Емельян Лукич Сокол родился в 1904 г. на хуторе Померки Лебединского района Сумской области Украины. Окончил шесть классов. В 1941—1943 гг. Сокол проживал с семьей на временно оккупированной немецкими войсками территории. После освобождения был призван на службу в армию и стал пулеметчиком 1144-го стрелкового полка 340-й стрелковой дивизии 38-й армии Воронежского фронта. Вместе с ним в одном пулеметном расчете служил его сын Григорий, 1924 г. рождения. Оба были награждены медалями «За отвагу». Отец и сын отличились во время битвы за Днепр, 3 октября 1943 г., при отражении атаки подразделений противника, они пулеметным огнем отсекали пехоту от танков, а затем уничтожили танк и бронетранспортер. После этого Григорий Сокол гранатой перебил гусеницу у второго немецкого танка.

После окончания боя в штаб было доложено, что Емельян и Григорий Соколы погибли, а 10 января 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» они были удостоены звания Героя Советского Союза посмертно. После войны выяснилось, что отец и сын Соколы остались живы, оказалось, что они подменили «смертные медальоны» у убитых бойцов и сдались в плен. По некоторым сведениям, Емельян Сокол, находясь в плену, занимал должность старосты барака военнопленных, а затем поступил на службу в полицию и стал начальником отделения. 5 мая 1945 г. он был освобожден из плена чехословацкими партизанами. После прохождения проверки ему были вручены орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». В 1945 г. Емельян Сокол был уволен в запас, вернулся в родное село, работал в колхозе (52).

По некоторым данным, в плену Сокол-младший служил начальником следственного отделения в полиции. 5 мая 1945 г. он, как и отец, был освобожден из плена чехословацкими партизанами. После прохождения проверки ему также были вручены медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина. Он продолжил службу в армии старшиной в военной хлебопекарне. В апреле 1947 г. Григорий Сокол был уволен в запас, вернулся в родное село и стал также работать в колхозе (53). В 1947 г. отец и сын Соколы были арестованы сотрудниками Министерства государственной безопасности СССР по обвинению в добровольной сдаче в плен. Суд приговорил отца к 10, а сына к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. 14 ноября 1947 г. Указ Президиума Верховного Совета от 10 января 1944 г. о присвоении им

званий Героев Советского Союза был отменен. После отбытия срока наказания они оба вернулись в родное село. Отец умер в 1985 г., а сын в 1999 г.

Пособниками врага оказались также Герои Советского Союза Иван Килюшек, Петр Куций, Николай Литвиненко и Георгий Вершинин. Килюшек Иван Сергеевич родился 19 декабря 1923 г. в селе Остров Ровенской области Украины. В начале войны оказался на оккупированной территории. После освобождения в марте 1944 г. Килюшек был призван в армию и уже через три месяца отличился во время форсирования реки Западная Двина. 22 июля 1944 г. Килюшеку за «мужество и отвагу, проявленные во время захвата и удержания плацдарма на берегу реки Западная Двина» было присвоено звание Героя, вручены орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». 23 июля 1944 г. Килюшек получил месячный отпуск на родину, а 10 августа в его дом ворвались боевики Украинской повстанческой армии и похитили его. Доподлинно неизвестно, дал ли Килюшек добровольное согласие на вооруженную борьбу против «москалей», или насильно удерживался боевиками, однако 14 марта 1945 г. он был арестован на чердаке своего дома с автоматом в руках. Он был обвинен в контрреволюционной деятельности, участии в расстреле семьи партизана из пяти человек, в том числе двоих детей, вербовке молодежи в Украинскую повстанческую армию.

На следствии Килюшек признал вину, однако оправдывался тем, что силой был вовлечен в формирование УПА и остался там лишь под угрозой расправы с семьей. 29 сентября 1945 г. военный трибунал 13-й армии приговорил Килюшека к 10 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на 5 лет и конфискацией имущества. В 1958 г. он был освобожден и проживал в Иркутской области. В 2009 г., во время вскрытия бункера в Волынской области, в котором во время войны базировалось формирование УПА, была обнаружена медаль «Золотая Звезда» Килюшека (54).

Куций Петр Антонович в начале войны также оказался на оккупированной территории. Весной 1942 г. Куций поступил на службу в полицейскую комендатуру соседнего села Великий Круполь Згуровского района Киевской области, которую возглавлял его отец, а секретарем был его дядя. Принимал участие в угоне советских граждан в Германию и облавах на партизан, в ходе которых был дважды ранен. После освобождения района был призван на службу в Красную Армию, где занимал должность командира отделения 1318-го стрелкового полка. В ночь с 1 на 2 октября 1943 г. Куций со своим отделением переправился на остров Жуковка у южной окраины Киева, отбил его у немецких подразделений, чем обеспечил переправу другим подразделениям своего полка. 29 октября 1943 г. Указом

Президиума Верховного Совета СССР за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» красноармеец Петр Куцый был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В начале 1953 г. вместе с двумя товарищами Куцый приехал в родное село и устроил там драку в клубе, в ходе которой избил председателя сельсовета. В феврале 1953 г. он был арестован. Березанским районным судом Киевской области Петр Куцый был приговорен к 5 годам лишения свободы. Через несколько дней он был освобожден по «бериевской амнистии», однако во время следствия показания против него дали односельчане, воевавшие в годы войны в партизанских отрядах. На их основании было написано ходатайство, и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1954 г. за «проступки, порочащие звание орденоносца», Петр Куцый был лишен звания Героя Советского Союза (55).

Литвиненко Николай Владимирович в начале войны также оказался на оккупированной немцами территории. В декабре 1941 г. он начал сотрудничать с оккупационными властями. Вначале работал статистом в сельскохозяйственной общине в родном селе, затем секретарем сельской управы. С марта 1942 г. Литвиненко — на службе в немецкой полиции. В должности полицейского принимал участие в карательных операциях против партизан Сумской, Черниговской и Полтавской областей, а также охранял от партизан населенные пункты. В августе 1943 г. при наступлении Красной Армии эвакуировался в Винницкую область, в тыл немецких войск, где находился до прихода советских войск, а в январе 1944 г. был мобилизован в действующую армию. 23 сентября 1944 г. за «образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками» младший сержант Николай Литвиненко был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В январе 1945 г. старшина Литвиненко был направлен на учебу в пехотное училище в Риге, а в июне 1946 г. вскрылись факты его предательства. В августе 1946 г. Литвиненко был арестован, и 11 октября того же года военным трибуналом Южно-Уральского военного округа приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года. 14 октября 1947 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Литвиненко был лишен всех званий и наград. О дальнейшей его судьбе ничего не известно (56).

Вершинин Георгий Павлович служил командиром отделения в саперно-подрывной роте 23-й воздушно-десантной бригады 10-го воздушно-десантного корпуса. Он отличился во время действий в немецком тылу,

когда 29 мая — 3 июня 1942 г. на территорию Дорогобужского района Смоленской области была десантирована 23-я воздушно-десантная бригада в количестве 4000 человек. Бригаде ставилось обеспечить выход из окружения 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Белова и 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майора Казанкина.

В ночь на 3 июня 1942 г. батальон десантной бригады, в котором служил Вершинин, скрытно подошел к селу Волочек, уничтожил немецкие дозоры, ворвался в село, уничтожил более 50 немецких солдат и офицеров и захватил 2 БТР и 4 миномета. Рядом с селом проходила немецкая танковая колонна, танкисты которой устроили привал рядом с засадой десантников. Выбравшиеся из машин танкисты были уничтожены и 22 танка захвачены. Отбивая атаку, отделение Вершинина уничтожило мост через реку вместе с тремя находившимися на нем немецкими танками. Сдерживая противника до наступления темноты, десантники отошли, выполнив основную задачу — оттянуть на себя часть сил противника, чтобы дать возможность окруженным корпусам прорваться из окружения. Младший сержант Вершинин считался погибшим при взрыве моста, и 31 марта 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за «мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. На самом деле Вершинин остался жив и попал в немецкий плен. На допросе он выдал все известные ему сведения о десанте, изъявил желание служить в немецких вооруженных силах и уже в июне 1942 г. был зачислен на службу во вспомогательный охранный батальон. Служил караульным на железнодорожном мосту в тылу немецких войск. За сон во время дежурства был арестован и отправлен в лагерь для военнопленных, где заболел тифом. После выздоровления в мае 1943 г. вновь поступил на службу к немцам в рабочий саперный батальон. Сотрудничал с немцами до июня 1944 г. и при разгроме немецких войск в Белоруссии перешел к партизанам. При соединении партизан с частями Красной Армии передан органам СМЕРШ, проходил проверку в фильтрационном лагере в Мурманской области, где работал бурильщиком на комбинате «Североникель». 28 февраля 1945 г. Вершинин был арестован. 6 июля 1945 г. военный трибунал войск НКВД Мурманской области приговорил его к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 5 лет с конфискацией имущества и лишением наград. Умер 1 января 1966 г. (57).

Предателем, которому высокое звание Героя Советского Союза было присвоено во время войны, стал и Антонов Георгий Семенович, 1916 г. рождения, призванный в армию в 1937 г. Он окончил артиллерийское военное училище и с 1941 г. был на фронте. 1 июля 1944 г. при форсиро-

вании реки Березины и освобождении белорусского города Борисова начальник артиллерии 1106-го стрелкового полка 331-й стрелковой дивизии капитан Антонов обеспечил артиллерийскую поддержку наступления подразделениям полка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистским захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм капитану Антонову Георгию Семеновичу присвоено звание Героя Советского Союза.

После окончания войны Г.С. Антонов был назначен командиром дивизиона 233-го пушечно-артиллерийского полка и проходил службу в составе советских оккупационных войск близ австрийского города Аппенштайт. 9 февраля 1949 г. судом чести старшего офицерского состава 95-й гвардейской стрелковой дивизии майор Антонов был признан виновным в организации коллективной пьянки и гибели в автокатастрофе его сослуживца. В связи с «моральным разложением» командование приняло решение об отправке Антонова на службу в Закавказский военный округ. 26 мая 1949 г. вместе с австрийской гражданкой Антонов бежал из района дислокации своей части в американский сектор Вены, а 7 сентября 1949 г. за измену Родине заочно осужден и приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей с лишением наград и воинского звания (58: 474—479).

Из 86 человек, лишенных звания Героя Советского Союза, большинство было лишено этого звания за тяжкие уголовные преступления, такие как убийства, дезертирство и изнасилования.

## БОРЬБА С ДЕЗЕРТИРАМИ И «ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЯМИ»

Дезертирство (от фр. *désertion*) — самовольное оставление места военной службы. Членовредительство — нанесение телесного повреждения (увечья конечностей, повреждения органов зрения, слуха и т. п.), искусственное обострение уже имеющихся заболеваний (растравление ран, умышленное переохлаждение и т. п.), а также симуляция с целью уклонения от воинской службы. При этом вред здоровью может быть причинен как самим виновным, так, по его просьбе или с его согласия, и другими лицами.

Дезертирство в военное время законами большинства стран квалифицировалось как измена и дезертиры жестоко карались. Древние египтяне бежавшим во время сражения воинам обрезали языки. Греки лишали дезертиров почетных должностей, одевали в постыдное платье, брили им половину головы и в таком виде выставляли в течение трех дней на торговой площади; за беглого спартанца, как человека бесчестного, не могла выйти замуж ни одна девушка. В 167 г. до н.э. римский полководец

Луций Эмилий Павел, разгромивший армию македонского царя Персея, обрек дезертиров и перебежчиков на растерзание дикими зверями. Первая партия дезертиров была растоптана слонами. Спустя 21 год по поводу победы Сципиона Эмилиана над Карфагеном очередная партия дезертиров была отдана на растерзание «зубастым хищникам». Древние германцы вешали дезертиров на деревьях, как изменников; некоторые полководцы обрезали дезертирам носы, уши и языки или выкалывали глаза. В наемных войсках, наряду с побегом со службы, дезертирством считался даже самовольный переход на службу из одной роты в другую или из одного рода войск в другой. За эти нарушения по немецким законам наемников также карали смертью.

В России всех уклоняющихся от государственной службы называли «нетчиками», причем неявка на службу не отличалась от побега со службы даже в военное время. В царствование Петра бессрочная тяжелая служба, строгая дисциплина, постоянные войны и дальние походы привели к увеличению числа лиц, уклоняющихся от службы. Боясь наказания, дезертиры скрывались в лесах, объединялись в шайки и промышляли грабежами и разбоями. Петр жестоко наказывал «нетчиков», в Артикулах 1716 г. «дезертирам и беглецам» была посвящена особая глава (12-я), им же были посвящены и несколько специальных императорских указов. Побег со службы нижних чинов и офицеров карался смертью, а беглые рекруты подвергались наказанию шпицрутенами и клеймению. Доносчики, давшие властям полезную информацию о «нетчиках», награждались половиной, а иногда и всем их движимым и недвижимым имуществом. По воинским уставам XIX века «побегом со службы» считалось «самовольное отсутствие военнослужащего, продолжающееся в мирное время более 6 дней, а в военное более 3 дней. Наказанием для офицеров в мирное время служило исключение из службы, или содержание на гауптвахте; в военное — исключение из службы с лишением чинов. Нижние чины за первый побег направлялись в военную тюрьму, за второй — в дисциплинарные батальоны, за третий — лишались всех прав состояния и ссылались на поселение в Сибирь. В военное время побег к неприятелю и побег со службы нескольких военнослужащих по предварительному соглашению расценивался как государственная измена и карался смертью.

Во время Гражданской войны массовое дезертирство было одной из острейших проблем Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Осенью 1919 г. из Красной Армии дезертировало солдат в несколько раз больше, чем служило всего в белогвардейских армиях. В период с июня 1919 по июнь 1920 г. из армии дезертировало до 2,6 млн человек, только



на Украине было выявлено до 500 тыс. дезертиров (59). Однако громадные мобилизационные ресурсы и жесткие меры по отношению к дезертирам позволяли большевикам с легкостью восполнять эти потери. По приказам Льва Троцкого производились массовые расстрелы солдат и командиров «дрогнувших» частей и дезертиров под Казанью (Свияжск) и на других фронтах. Из сообщения Троцкого (осень 1918 г.): «Причина постыдных неудач на Воронежском фронте — в полной распушенности восьмой армии. Главная вина лежит на комиссарах, не решавшихся принимать крутые меры... Полевые трибуналы приступили к работе. Произведены первые расстрелы дезертиров. Объявлен приказ, возлагающий ответственность за укрывательство дезертиров на совдепы, комбеды и домохозяев... Надеюсь, что перелом будет достигнут в короткий срок». За подписью председателя Революционного военного совета Республики в 1918—1919 гг. на всех фронтах массовыми тиражами издавались листовки, призывающие к борьбе с дезертирами: «Дезертиры — помощники Колчака». «Стой, дезертир! Скажи, кто ты таков? Вспомни, как ты зовешься? Подумай, каков твой долг?». «Дезертир — это человек, который в трудную минуту покидает своих собратьев, стремясь прежде всего спасти свою шкуру...» «Стой, товарищ! Прочти внимательно, что здесь написано. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны, — председатель которого Ленин, — постановил: чтобы дезертиры и все уклонившиеся от призывов на военную службу немедленно явились в ближайший к месту их нахождения Военный Комиссариат» (60).

Массовым было дезертирство и во время Великой Отечественной войны. По разным оценкам, в 1941—1945 гг. из рядов Красной Армии дезертировало 1,7—2,5 млн человек, включая перебежчиков к противнику. (Перебежчики на сторону врага составляли 1,4—1,5 % от числа военнопленных — около 40 000 человек.) Военными трибуналами осуждено за дезертирство 376 300 человек. Не разыскано дезертиров, бежавших из действующей армии, 212 400 человек. Около 500 тыс. человек, призванных по мобилизации в первые дни войны, пропали без вести и не явились в воинские части (61: Гл. 5).

8 февраля 1942 г. прокурор СССР В.М. Бочков представил Сталину доклад о преступности в Красной Армии за первые месяцы войны, впервые опубликованный в журнале «Коммерсантъ Власть», № 4 (958), 30.01.2012 г. За шесть месяцев войны, писал прокурор, «Военными трибуналами осуждено 90 322 военнослужащих... Из общего числа осужденных Военными трибуналами приговорены к ВМН — расстрелу 31 327 чел. и 58 995 к лишению свободы». Удивительными выглядят сроки расследования дел: «Более половины дел, — сообщал Бочков, — расследовалось

в срок до 1 дня, а в срок до 5 дней были расследованы 80,6 % всех законченных следствием дел». В докладе отмечалось, что «...массовые случаи дезертирства имели место главным образом из маршевых частей во время их передвижения на фронт. Значительное количество военнослужащих разбежались во время воздушных бомбардировок эшелонов». «Побеги с поля боя совершаются в подавляющем количестве случаев из трусости и желания спасти собственную шкуру. Чаще всего побеги с поля боя имели место в частях только что прибывших на фронт и еще не обстрелянных. Отрицательно сказывалось укомплектование на фронте целых подразделений из только что прибывшего пополнения. В первые месяцы войны наблюдались случаи массовых побегов с поля боя вследствие проявления паники и трусости со стороны некоторых командиров. Отдельные случаи такого порядка имеют место и в настоящее время».

С началом войны в СССР возрос уровень преступности. В 1942 г. число преступлений выросло на 22 % по сравнению с 1941 г., в 1943-м рост составил 21 % по сравнению с предыдущим годом, а в 1944-м — 8,6 %. Только в 1945 г. наметилось некоторое снижение уровня преступности. При этом наибольший прирост дали тяжкие преступления. Если во второй половине 1941 г. на неоккупированной территории было зарегистрировано 3317 убийств, то в 1944-м — уже 8369, а число разбойных нападений и грабежей выросло соответственно с 7499 до 20 124. Бандитские группы пополнялись дезертирами с фронта и уклонистами. По данным Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР, с июня 1941 г. по сентябрь 1944 г. было арестовано 1 666 891 уклонистов и дезертиров (62: 92).

Осенью 1941 г. чекисты с тревогой констатировали, что дезертиры начали объединяться в группы. Одну из таких групп организовали четверо красноармейцев, дезертировавших в октябре 1941 г. из войсковой части, находившейся в районе Волхова. С собой они унесли две винтовки, два револьвера, две гранаты и вернулись на родину в Чухломской район Ярославской области. Там они поселились в вырытой в лесу землянке, начали терроризировать местное население и ограбили несколько государственных складов. Сотрудники НКВД в феврале 1942 г. попытались ликвидировать банду. В результате операции погибло восемь сотрудников правоохранительных органов и один из бандитов. Остальных преступников задержали через несколько суток. Всего же в 1942 г. в Ярославской области при задержании дезертиров погибло десять сотрудников НКВД. При этом было ликвидировано 47 бандитских групп, убито 10 и арестовано 158 дезертиров. В ходе операций изъято 7 автоматов, 58 винтовок, 46 охотничьих ружей, 55 револьверов, 26 гранат и 3892 патрона. Осенью 1942 г. в

лесах и болотах Владимирской области начали действовать вооруженные группы «торфяников», ликвидировать которые правоохранные органы смогли лишь к концу войны. Наибольшее число дезертиров было в 1941 и 1942 гг. Только за 1942 г. в Горьковской области были выловлены и осуждены 4207 дезертиров, при этом были задержаны далеко не все.

В послевоенные годы жители вспоминали о целых лесных районах, в которых скрывались беглецы из армии и уклонисты. Дезертиры, имея оружие, совершали дерзкие набеги на населенные пункты. Так, в один из майских дней 1942 г. группа пьяных дезертиров среди бела дня напала на деревню Ломовка. Выйдя на центральную улицу, они открыли шквальный огонь по домам местных активистов: председателя сельсовета, его секретаря и комсомольцев-колхозников. Активисты успели укрыться, при обстреле погибла рядовая колхозница, а дезертиры ушли безнаказанными. В первые месяцы того же года дезертирами был совершен ряд убийств в Сергачском, Городецком и Борском районах Горьковской области. В городе Муром бандиты, дезертировавшие из Красной Армии с оружием, только при ограблении одного дома убили шесть человек. При этом погибла вся семья эвакуированного из Ленинграда профессора Буйновского.

Заместитель начальника УНКВД Горьковской области М.С. Балыбердин писал секретарю обкома: «В ряде районов партийно-политическая работа в направлении усиления революционной бдительности проводится совершенно недостаточно. Например, в Краснооктябрьском районе оперативной группой областного управления милиции выявлено и задержано свыше 50 дезертиров и уклоняющихся от призыва в Красную Армию. При проведении операций установлено проявление группового дезертирства, сочувственное отношение части населения к пойманным дезертирам, укрывательство дезертиров, в том числе местными активистами, демонстративные проводы пойманных дезертиров» (63).

В Сталинградской области только во второй половине 1941-го — январе 1942-го были ликвидированы двенадцать банд общей численностью 279 человек. Помимо этого, органы НКВД задержали 914 дезертиров и 814 уклонистов от службы в армии. В Саратовской области за 1942 г. были выловлены 5700 дезертиров, а рекорд был поставлен в Сталинградской области в 1944 г. — шесть тысяч дезертиров. В июле — сентябре 1944 г. по приказу Берии органы НКВД, НКГБ, прокуратуры и СМЕРШ провели масштабную операцию по выявлению дезертиров и уклонистов. В результате были арестованы 87 923 дезертира и 82 834 уклониста. Из числа задержанных 104 343 человека были переданы в райвоенкоматы и пополнили ряды Красной Армии на заключительном этапе войны. Не каждого

пойманного дезертира настигала суровая кара. Смертная казнь в отношении них применялась примерно в 8—10 % случаев. К высшей мере приговаривали только за неоднократное дезертирство и дезертирство, связанное с грабежами и другими тяжкими преступлениями (64: Гл. 7).

В годы Великой Отечественной войны число случаев бандитизма с участием дезертиров и уклонистов особенно возросло в отдаленных районах СССР. Типичной примером является банда Павлова в Томмотском районе Алданского округа Якутской АССР. Свое название банда получила по имени организатора Егора Павлова — 50-летнего эвенка. До войны он был членом ВКП(б) и занимал должность председателя колхоза. В августе 1942 г. из возглавляемого Павловым колхоза начался массовый выход колхозников. Почти одновременно из него вышли восемь промысловиков-охотников, которые с семьями ушли в тайгу, к ним присоединились единоличники и несколько родственников-уклонистов. 22 ноября 1942 г. бандиты напали на табор оленевода Хатырхайского прииска. Их трофеями стали двадцать оленей, принадлежавших прииску. На следующий день атаке подвергся участок «Крутой», где бандиты произвели подворный обыск и массовое изъятие оружия у населения. Попутно ими был ограблен местный магазин и взяты «пленные» — рабочие старательских бригад. В центре Хатырхайского прииска бандиты напали на контору с целью грабежа золота и денег. Однако вооруженный отряд во главе с начальником прииска и парторгом дал отпор нападавшим. Перестрелка длилась до поздней ночи. Бандиты несколько раз пытались поджечь здание, но им это не удалось. Вечером они взломали склад с продовольствием и, загрузив товарами 15 нарт, отправили добычу в тайгу. Перед уходом бандиты подожгли радиостанцию, а выбежавшую оттуда безоружную женщину, врача местной приисковой больницы, застрелили. В дальнейшем нападения на прииски следовали одно за другим. Только в феврале 1943 г., со значительными потерями личного состава, сотрудники НКВД сумели обезвредить банду.

В том же году на приисках стала действовать еще одна банда из дезертиров, уклонистов и уголовников во главе с неким Шумиловым. Бандитам удалось захватить прииск «Огонек» и, перестреляв представителей местных органов власти и сотрудников НКВД, забрать все имевшееся там золото. Затем нападениям подверглись прииски «Евканджа» и «Светлый». Розыск «шумиловцев» дорого обошелся органам НКВД. В июле в засаду, организованную бандитами, попала и была уничтожена в полном составе оперативная группа во главе с лейтенантом госбезопасности А. Коробовым. Вновь созданной оперативной группе с потерями удалось

уничтожить бандитов. Государству были возвращены свыше 115 кг промышленного золота и другие награбленные ценности (65).

По данным Отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, в 1941—1943 гг. в стране было ликвидировано 9161 бандитская группа общей численностью 54 130 человек, из них на Северном Кавказе действовало 963 бандитских группы, численностью 17 563 преступника. В первой половине 1944 г. была пресечена деятельность 1727 бандитских формирований численностью 10 994 человека, в том числе на Северном Кавказе — соответственно 145 бандитских групп и 3144 преступников. Милиция не могла справиться с армией бандитов, и ей на помощь пришли внутренние войска НКВД. Всего за время войны внутренние войска провели 9292 операции по борьбе с бандитизмом, уничтожили 47 451 и захватили в плен 99 732 бандита, кроме того, пограничными войсками НКВД ликвидировано 828 банд, в состав которых входило 48 тысяч бандитов (62: 98).

В вермахте за 1939—1942 гг. за дезертирство приговорено к смертной казни 2271 чел., в том числе 11 офицеров. Всего с 1939 по 1944 г. немцами расстреляно 7810 дезертиров, количество перебежчиков на сторону противника — 29.

Членовредительство как способ уклонения от воинской службы во все времена и у всех народов считалось одним из тягчайших воинских преступлений. История членовредительства теряется в веках. Известно много способов уклонения от воинской службы. Самый старый из них это применение рубящих орудий. Еще в легионах Цезаря наблюдались случаи отрубания пальцев рук или ног с целью уклонения от военной службы. До наших дней дошли сведения о том, что некий Кай Вацей был приговорен к пожизненному заключению за то, что, желая уклониться от военного похода, отрубил себе большой палец на левой руке. Известно и то, что император Август жестоко наказал своего врача, бросив его в клетку с тиграми за то, что, не желая отправить на войну двух своих сыновей, он отрубил им по одному пальцу на каждой ноге. А во времена императора Константина был принят закон, предусматривающий клеймение членовредителей каленым железом. Жестоко наказывали солдат за уклонение от службы в наполеоновской армии. Известен исторический факт, когда проиграв сражение, Наполеон заподозрил в уклонении от службы 20 тыс. своих солдат и приказал расстрелять каждого десятого из них. Только вмешательство главного хирурга французской армии предотвратило это беспрецедентное кровопролитие. В России первые упоминания о наказаниях за членовредительство относятся к началу XVIII века. В воинском артикуле Петра I есть параграф, предусматривающий жестокое наказание за уклонение от службы путем причинения вреда собственному здоровью.

Членовредительство было довольно распространенным явлением во время Первой мировой войны в армиях обеих воюющих сторон.

Членовредительство было и в РККА в Гражданскую войну. Об этом свидетельствуют листовки «Долой самострелы!», выпускаемые массовыми тиражами от имени Реввоенсоветов армий (66).

О степени распространения членовредительства во время советско-финской войны свидетельствует диалог Сталина с комиссаром А. Запорожцем: «Запорожец. Много было самострелов и дезертирства. Сталин. Были дезертиры? Запорожец. Много. Сталин. К себе в деревню уходили или в тылу сидели? Запорожец. Было две категории. Одна — бежала в деревню, потом оттуда письма писала. Я считаю, что здесь местные органы плохо боролись, вторая — бежала не дальше обоза, землянок, до кухни. Таких несколько человек расстреляли. Сидят в землянке 3—5 человек, к обеду выходят на дорогу, видят — идет кухня, возьмут обед и опять в землянку. Когда появился заградительный отряд НКВД, он нам очень помог навести порядок в тылу, до этого с тылом было тяжелое положение. Вот был такой случай в 143-м полку. В течение дня полк вел бой, а к вечеру в этом полку оказалось 105 человек самострелов. В одном полку 105 самострелов. Сталин. В левую руку стреляют? Запорожец. Стреляют или в левую руку, или в палец, или в мякоть ноги, и ни один себя не изувечит. Сталин. Дураков нет. (Смех.)» (67: 242).

Большое количество членовредителей, или, как их еще называли, «самострелов», было в годы Великой Отечественной войны. В начале войны широкое распространение получила «технология», когда самострелы простреливали себе руку или ногу, нанося не опасное для жизни ранение для того, чтобы быть отправленным в тыл. В докладе Главного военного прокурора Носова Сталину о преступности в Красной Армии за первые месяцы войны от 8 февраля 1942 г. говорится: «В декабре наблюдается большой рост осужденных за членовредительство. Это объясняется усилением борьбы и более умелым разоблачением членовредителей, но несомненно и то, что количество членовредителей возросло. Проведенные мероприятия по борьбе с дезертирством создали в массе мнение, что дезертирство безнаказанно не пройдет, поэтому малоустойчивые элементы стараются уклониться от участия в боях под видом ранения в бою. Членовредители прибегают в основном к самострелу. При этом характерно, что все возрастающее количество членовредителей прибегают к ухищренным способам самострела без признаков близкого выстрела, что, естественно, затрудняет их разоблачение. В частности, отмечены случаи членовредительства по взаимному сговору... В некоторых военных округах установлены многие факты, когда членовредители занима-

лись курением чая и хмеля, впрыскиванием керосина под кожу и т. п. ...Существенным пробелом в борьбе с членовредительством является недостаточная подготовка врачебного состава санитарных учреждений, действующих на передовых позициях, к распознаванию более сложных форм членовредительства, вследствие чего получается запоздалое разоблачение членовредителей лишь в тыловых санитарных учреждениях, а зачастую членовредители и вовсе не разоблачаются...» (68).

С самострелами стали вести жестокую борьбу. Были разработаны специальные инструкции врачебному персоналу по опознаванию самострелов, где были указаны признаки их отличия от «нормального» ранения. При самостреле, обычно, стреляют на близком расстоянии или чаще в упор; поэтому около раны образуется ожог и заметны следы от газов, вырывающихся из дула оружия. По этим признакам и стали отличать самострелы. После серии разоблачений и суровых наказаний, во избежание попадания частиц пороха в рану и на кожу, самострельщики стали простреливать себе руки и ноги через мокрые тряпки или через кусок хлеба. Ожоги исчезли. Выяснив это, врачи стали определять самострел по траектории движения пули через тело человека, по отдельным деталям ранения. Самострельщики стали стрелять друг в друга с большего расстояния. Кроме «самострелов», для уклонения от боевых действий получили распространение и другие варианты членовредительства, такие как «попадание» ног под проезжающий транспорт, отрубание пальцев на правой руке самостоятельно или с помощью, подрывание запала от гранаты в руке и другие. Получили распространение также растравливание ран в госпиталях различными веществами с целью увеличения срока выздоровления, искусственная провокация и симуляция различных болезней и т. д.

Число самострелов особенно возросло перед боями. Так, в мае 1942 г. число самострелов было вдвое выше, чем в июле 1941-го. На Северо-Западном фронте в мае 1942 г. было отмечено самострелов почти в девять раз больше, чем в январе того же года. Вследствие этого 18 июля 1942 г. Главный военный прокурор Красной Армии отдал приказ военным прокуратурам фронтов и отдельных армий применять в случае самострелов смертную казнь. После этого военные трибуналы приговаривали за самострел к расстрелу (69).

В октябре 1942 г. политотдел Сталинградского фронта доложил в Москву, что пораженческие настроения подавлены, и число переходов на сторону противника, дезертиров и самострелов значительно снизилось. За время Сталинградской битвы 13 500 военнослужащих были приговорены военными трибуналами к смертной казни. Расстреливали за отступление без приказа, за самострельные ранения, за дезертирство, за переход на

сторону противника, мародерство и антисоветскую агитацию. Солдаты также считались виновными, если не открывали огонь по дезертиру или бойцу, пытавшемуся сдаться в плен.

Э. Бривор в книге «Сталинград» описывает случай, который произошел в конце сентября, когда немецкие танки своей броней прикрывали группу солдат, пожелавших сдаться в плен, так как с советской стороны на них обрушился массированный огонь. Показательна также судьба солдата, уроженца города Смоленска, который попал в плен в августе во время боев на Дону, но вскоре бежал. Когда он добрался до своих, то был арестован как предатель и отправлен в штрафной батальон, откуда уже по собственной воле перешел на сторону немцев. «Комиссары считали, что одна из причин дезертирства — безответственность и попустительство со стороны офицеров. Это было не совсем так. Во многих случаях офицеры, не задумываясь, использовали свое исключительное право расстреливать за неисполнение приказа или за отступление с поля боя. Часто и сами офицеры становились жертвами суровой дисциплины. Когда в ночь с 17 на 18 октября из 204-й стрелковой дивизии (64-я армия) исчезли двое солдат, полковое начальство приказало командиру батальона расстрелять лейтенанта — командира роты, из которой убежали солдаты. Лейтенант, девятнадцатилетний юноша, прибыл в полк всего пять дней назад и вряд ли даже знал в лицо тех двух дезертиров. Командир батальона вынужден был подчиниться приказу и в присутствии полкового комиссара расстрелял лейтенанта» (70).

## «ЗАЧИСТКА» ТЮРЕМ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

В начальный период войны в тюрьмах западных областей страны оказалось значительное число заключенных. Всего пришлось эвакуировать 272 тюрьмы, в которых содержалось 141 527 заключенных. В западных областях Украины в предвоенный период проводились действия по ликвидации активно действовавшего подполья ОУН. В тюрьмах только этих областей к началу войны находилось более 23 236 заключенных. На 10 июня 1941 г. в 32 тюрьмах Белоруссии находилось 25 860 человек, причем самые большие тюрьмы были расположены в приграничных городах: Брест (около 4 тыс.), Белосток (около 4 тыс.), Гродно (около 3,5 тыс.). В Прибалтике перед самым началом войны была завершена операция по выселению «неблагонадежного элемента». Из Эстонии было выслано чуть более 10 тыс. человек, из Литвы около 17,5 тыс., из Латвии — по разным оценкам, от 15,4 до 16,5 тыс. человек. Эта операция была завершена к 21 июня 1941 г., однако в тюрьмах также оставалось много заключенных.



Территория Литвы была захвачена немецкими войсками в течение первых дней войны — Каунас и Вильнюс были заняты немцами 24 июня. Эвакуация около 1700 заключенных из тюрем Вильнюса была начата вечером 23 июня — но состав при отправлении был расцеплен, и в Горький эвакуировали только 609 заключенных. Всего из Литвы было эвакуировано 1363 заключенных. Латвия была захвачена несколько позже, отсюда были эвакуированы 3722 заключенных. Из Эстонии до 2 июля 1941 г. было эвакуировано 4047 заключенных.

Необходимость эвакуации большого числа заключенных беспокоила политическое руководство страны.

С началом Великой Отечественной войны выходит приказ Берии и Прокурора СССР В.М. Бочкова № 221 от 22 июня 1941 г.: «Приказываем:

1. Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников.
2. Указанных заключенных, а также польские контингенты, немцев и иноподданных сосредоточить в усиленно охраняемые зоны, прекратив бесконвойное использование на работах. Содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать.
3. Арестовать заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности.
4. Охрану лагерей, тюрем и колоний перевести на военное положение.
5. Прекратить отпуска всем работникам лагерей, тюрем и колоний и работникам прокуратуры ИТЛ, находящихся в отпусках немедленно вызвать.
6. Прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся в спецпоселках, с волей.
7. Исполнение донести в 24 часа».

Предлагаемый тюремными властями порядок эвакуации заключенных и «разгрузки» тюрем изложен в докладной записке от 4 июля 1941 г. «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР. тов. БЕРИЯ.** Дальнейший вывоз заключенных из тюрем прифронтовой полосы, как вновь арестованных после проведенной эвакуации тюрем, так и в порядке расширения зоны эвакуации, считаем нецелесообразным, ввиду крайнего переполнения тыловых тюрем и трудностей с вагонами. Необходимо предоставить начальникам УНКГБ и УНКВД <совместно>, в каждом отдельном случае, по согласованию с военным командованием решать вопрос о разгрузке тюрьмы от заключенных в следующем порядке: 1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага. 2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т. п. особо опасных, — освобождать. 3. Всех осужденных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26. 6, 10. 8 и

28.12—1940 г. и 9.4 с. г., а также тех осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления, или подследственных по делам о таких преступлениях, которые не являются социально опасными, использовать организованно на работах оборонного характера по указанию военного командования, с досрочным освобождением в момент эвакуации охраны тюрьмы. 4. Ко всем остальным заключенным /в том числе дезертирам/ применять ВМН — расстрел. Просим Ваших указаний. Зам. Народного Комиссара Внутренних дел СССР Чернышов, <ЧЕРНЫШОВ>, Начальник тюремного управления Никольский».

В связи с быстрым продвижением немецких войск советское руководство стало принимать срочные меры по вывозу заключенных. Телеграмма: «НКГБ — тов. Мешик Минск, НКГБ — тов. Цанава Рига, НКГБ — т. Шустину Таллин, НКГБ — тов. Кумм Петрозаводск, НКГБ — тов. Баскакову Мурманск, УНКГБ — тов. Ручкину, Ленинград, УНКГБ — тов. Куприну. Предлагаю Вам: 1. Проработать вопрос о вывозе подавляющего числа арестованных, числящихся за НКГБ, НКВД, судом и прокуратурой. Сообщите общее количество имеющихся у Вас арестованных, с указанием — сколько, за какими органами числятся и какое количество арестованных, по Вашему, следует вывезти. Арестованные будут вывезены в центральные и восточные районы СССР. Учтите, что вместе с арестованными будет направлено некоторое количество Ваших работников для ведения следствия по делам арестованных по новому месту их нахождения. 2. Примите меры к отбору из числа архивных дел наиболее важных, которые также должны быть Вами направлены в Москву, в адрес 1-го спец. отдела НКВД СССР. 3. Рассмотрите дела на всех имеющихся у Вас арестованных органами НКГБ и составьте списки на тех, которых Вы считаете целесообразным расстрелять. В списках укажите имя, отчество, фамилию, год рождения, последнюю должность или место работы перед арестом, а также краткое содержание обвинения, с указанием сознался ли арестованный. Указанные списки вышлите не позднее 23 июля. Меркулов. 23 июня 1941 г. № 2445/М. Москва».

В Литве, недалеко от населенного пункта Тельшяй, в лесу, найдены 74, по другим данным — 79 тел, которые опознаны как расстрелянные 24—25 июня 1941 г. заключенные тюрьмы Тельшяй. По одной версии, они были убиты сотрудниками НКВД, по другой — сотрудниками НКВД и военнослужащими РККА. В ряде источников указывается, что 26 июня 1941 г. НКВД уничтожил 400 человек заключенных и весь персонал тюрьмы вместе с семьями в колонии для заключенных в Правенешкес, в 12 км от Каунаса. Ряд современных латвийских источников, основываясь на изданных в 1942 г. в Риге работах Комиссии по расследованию зверств большевиков в Латвии под названием «Год ужасов» и «Обвинительные до-

казательства», указывают на то, что в Рижской тюрьме было расстреляно 78 заключенных (71). В Эстонии в ночь с 8 на 9 июля 1941 г. в тюрьме города Тарту было расстреляно 192 человека, в Лихула — 6, в Хаапсалу — 11, в Вильянди — 11, в Печорах — 6 человек (72).

Уже в первые часы войны тюрьмы в Перемышле и Бресте были обстреляны немецкой артиллерией, тюрьмы в ряде других приграничных пунктов подверглись авиаударам. Заключенные тюрьмы г. Брест, которая не была эвакуирована, начали грабить городские склады и магазины, «занялись пьянкой и приветствием вступления германских фашистских войск в город: “Да здравствует освободитель Гитлер” и т. д.». Часть охранников тюрьмы не успела уехать из города, и немцы отлавливали их с помощью заключенных и расстреливали на улицах (73).

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Чернышов передал по телефону народному комиссару внутренних дел Белоруссии Матвееву указание Берии о немедленной эвакуации тюрем. В этот же день ЦК КП(б) Белоруссии издал постановление о срочном приведении в исполнение приговоров в отношении заключенных, осужденных к высшей мере наказания. В условиях быстрого продвижения немецких войск и постоянного воздействия авиации на тыловые объекты, вызывавших панику и хаос, во многих местах этого сделать не удалось. Так 22 июня при эвакуации заключенных и задержанных из Перемышля 669 человек попали к немцам. В Самборе к немцам попал 181 заключенный, осужденный к расстрелу и задержанный «по контрреволюционным статьям». Во время эвакуации колонны заключенных, эвакуируемых в пешем порядке, подвергались налетам немецкой авиации и несли потери. Из 32 тюрем НКВД Белоруссии, функционировавших на 22 июня 1941 г., удалось провести эвакуацию лишь из 14. В результате в тюрьмы тыловых районов эвакуировано 9573 человека, «оставлено противнику» — 16 048 человек. Бежало в пути при бомбежке 775 заключенных, освобождено «налетом банды» — 76, расстреляно в тюрьмах — 530, незаконно расстреляно конвоем в пути — 714. Такая же обстановка сложилась в западных областях Украины.

23—24 июня 1941 г. НКГБ Украины передал указание в прифронтовые области о том, что «всех следственных и осужденных за контрреволюционные преступления по ст. 170 УК, по закону от 7 августа и лиц, совершивших большие растраты, расстрелять, а следственных и осужденных по другим статьям освобождать». С началом войны начали активно действовать вооруженные отряды ОУН, переброшенные ранее с немецкой стороны. Ими были предприняты попытки нападения на тюрьмы в Львове, Злочеве, Луцке, Дубно и других городах. Эвакуация сопровождалась большими потерями. Из 78 тюрем Украины в 1941 г. всего было эвакуиро-

вано 45 569 человек, расстреляно в тюрьмах — 8789, убито при попытке к бегству — 48 человек, расстреляно конвоем в пути при подавлении бунта и сопротивления — 123, незаконно расстреляно конвоем в пути — 55, оставлено немцам — 3536 заключенных (74).

Массовые расстрелы производились во внесудебном порядке НКВД и НКГБ. В официальных документах эти действия именовались как «разгрузка тюрем» или «убытие по 1-й категории». Расстрелы в основном проводились в тюрьмах, хотя известны случаи, когда это происходило при конвоировании. Наиболее массово такая практика применялась в западных областях УССР, в меньшей степени в БССР и эпизодически в Прибалтийских республиках, которые были быстро заняты немецкими войсками. Такие случаи имели место также в РСФСР и Карело-Финской ССР во время прорывов немцев.

Ужасная картина вырисовывается при ознакомлении с отчетными документами об эвакуации (данные А. Гурьянова — Польская комиссия общества «Мемориал» и А. Кокурина — Гос. архив Российской Федерации) (75): Из доклада начальника Тюремного управления НКВД УССР капитана госбезопасности Филиппова заместителю Народного комиссара внутренних дел СССР Чернышеву и начальнику Тюремного управления НКВД СССР капитану государственной безопасности Никольскому, от 12.06.1941 г.: «В отдельности по каждой области дело с эвакуацией заключенных обстоит в следующем виде: Львовская область: Из тюрем Львовской области убыло по 1-й категории 2464 человека, освобождено 808 заключенных, вывезено перебежчиков 201 и оставлено в тюрьмах 1546. Главным образом обвиняемые за бытовые преступления. Все убывшие по 1-й категории заключенные погребены в ямах, вырытых в подвалах тюрем, а в гор. Злочеве в саду. 27 июня при эвакуации тюрьмы г. Самбор — осталось 80 незарытых трупов, на просьбы нач. тюрьмы к руководству горотдела НКГБ оказать ему помощь в зарытии трупов — ответ был получен отрицательный. Станиславская область: По 1-й категории убыло 1000 человек. По заявлению нач. тюрьмы г. Станислава Гриценко погребение произведено за пределами тюрьмы в вырытой для этой цели яме. Часть 1-й категории погребено на территории тюрьмы в яме. Тернопольская область: По состоянию на 22/VI — в тюрьме г. Тернополь содержалось 1790 чел. заключенных. Из этого количества 560 чел. убыло по 1-й категории. Погребение произведено в вырытых специально для этой цели ямах, однако часть — 197 человек — погребены в подвале НКГБ, мелко очень зарыты, операцию проводил нач. УНКГБ. В тюрьме г. Бережаны по состоянию на 28/VI содержалось 376 чел. заключенных, убыло по 1-й категории 174 чел. Погребение произведено в расположении воинской части (старая крепость). Из общего количества убывших по 1-й катего-

рии осталось в подвале тюрьмы 20 человек, которых не успели вывезти, так как нач. райотдела НКГБ Максимов категорически отказал в предоставлении машин для вывоза трупов. Кроме того 40 чел. было вывезено на машинах к месту погребения, но не доехав к месту машины во время бомбардировки были разбиты и заключенные оставлены. В ночь на 30/VI начальник тюрьмы, оперуполномоченный и 5 надзирателей возвратились для погребения заключенных, но началась снова бомбардировка и их успели только скинуть с машины. Ровенская область: Из тюрьмы г. Дубно по 1-й категории убыло 230 человек, освобождено по бытовым статьям за маловажные преступления и осужденных по Указам 170 человек. Во-лынская область: Из тюрьмы г. Ковель убыло по 1-й категории 195 человек. Освобождено за маловажные бытовые преступления 300 человек, на месте осталось 145 человек, которых не успели этапировать. Из тюрьмы г. Владимир-Воыньска убыло по 1-й категории 36 человек, освобождено 15 человек, остальные 280 человек остались в тюрьме не вывезенными».

Здесь отсутствует упоминание тюрьмы в Луцке, областном центре Волынской области, однако другой документ — «Ведомость выбытия и движения эшелонов по тюрьмам НКВД Украинской ССР», сообщает: «В Луцке — выбыло осужденных к ВМН — 73 з/к. Освобождено — 44 з/к. Расстреляно около 2000 з/к.». Из докладной записки зам. начальника Тюремного управления НКВД УССР политрука Демехина «О результатах эвакуации заключенных из тюрем г. г. Чертков и Коломыя» начальнику Тюремного управления НКВД СССР Никольскому, от 31 июля 1941 г.: «Тюрьма гор. Чертков: В тюрьме гор. Черткова содержалось — 954 з/к, эвакуация которых производилась 2 июля 1941 г. Все заключенные были этапированы пешим порядком. Из гор. Чертков этап следовал через пункты: Каменец-Подольск, Жмеринка, Тывров, Ситковцы, Христиновка, Умань. В пути следования при попытке восстать и бежать было расстреляно 123 заключенных — членов ОУН. 20. VII. с. г. в г. Умани по распоряжению военного прокурора фронта и зам. Народного Комиссара Государственной Безопасности УССР — майора госбезопасности т. Ткаченко расстреляно и закопано 767 заключенных, осужденных и следственных по контрреволюционным статьям».

Из докладной записки начальника 3-го отделения НКВД 42-й бригады Конвойных войск мл. лейтенанта госбезопасности Компанийца начальнику 3-го отдела НКВД СССР ст. майору госбезопасности Белякову: «Старший лейтенант Дьячков и старший политрук Панченко возглавляли эшелон заключенных, погружавшийся из Виленской тюрьмы. Во время налета авиации противника и действия к-р групп в гор. Вильно, Дьячков и Панченко бежали, а за ними почти весь конвой. Оставшаяся группа в 4 человека во главе с младшим сержантом Умеренковым, силой оружия,

понудила паровозную бригаду вести эшелон по маршруту и четверо, вместо 80-ти человек конвоя, отконвоировали 609 человек заключенных в гор. Горький, не имея ни одного побега».

Из оперсводки командира 42-й бригады подполковника Ванюкова начальнику Управления Конвойных войск, по состоянию на 5.7.41: «В ночь с 24 на 25.6.41 конвоем 226-го полка 170 заключенных из тюрем г. Минска были отконвоированы за реку Березина для отрывки окопов. В пути движения в районе Червень состав конвоя вместе с колонной заключенных подвергся сильной бомбардировке с воздуха. Распоряжением начальника тюремного управления НКВД БССР Степанова заключенные за к/р преступления были расстреляны, а остальных распустили. Конвой в полном составе 37 человек возвратился в часть».

Из доклада о служебной деятельности частей 13-й дивизии конвойных (затем: внутренних) войск НКВД за период с 22.6 по 4.8.41 г. и за III квартал 1941 г.: «При эвакуации тюрем, как правило, принимались конвоями з/к неподготовленными (раздетые, босые и плохо обеспечивались продуктами: 200—400 г хлеба в сутки и рыба). Продукты выдавались на 5—7 суток, а конвоирование продолжалось 20—30 суток».

В Российской Федерации, в Медведевском лесу, в 10 км от Орла, 11 сентября 1941 г., т. е. более чем за три недели до взятия Орла немцами, сотрудники НКВД расстреляли 157 заключенных, содержавшихся в местной тюрьме, включая осужденных на третьем Московском процессе Х.Г. Раковского, С.А. Бессонова и Д.Д. Плетнева, большевика — деятеля оппозиции П.Г. Петровского, лидеров эсеров Марию Спиридонову, И.А. Майорова, А.А. Измайлович, жен «врагов народа» — Ольгу Каменеву (жена Л. Каменева и сестра Л. Троцкого), жен Я.Б. Гамарника, маршала А.И. Егорова, А.И. Корка, И.П. Уборевича, мужа Марины Цветаевой журналиста-евразийца и агента НКВД Сергея Эфрона, астронома Б.В. Нумерава и других. Основанием для расстрела стала докладная записка Берию Сталину от 6 сентября 1941 г. о том, что «некоторая — наиболее озлобленная часть содержащихся в местах заключения НКВД государственных преступников — ведет среди заключенных пораженческую агитацию и пытается подготовить побеги для возобновления подрывной работы. Представляя при этом список на 170 заключенных, одновременно осужденных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания — расстрел».

Список составлялся в спешке, без всякой проверки, и в него были включены фамилии 9 человек, которых к тому времени в Орловской тюрьме уже не было (одни умерли, другие были освобождены после пересмотра их дел). На основании этой записки было издано постановление № ГКО-634 сс от 6 сентября 1941 г., в котором указывалось: «Применить

высшую меру наказания — расстрел к 170 заключенным, одновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной коллегии ВС СССР». Без возбуждения уголовного дела и проведения предварительного и судебного разбирательства Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством Ульриха В.В. (члены коллегии Кандыбин Д.Я. и Буканов В.В.) вынесла смертный приговор 161 заключенному.

Известны и другие случаи бессудных расстрелов заключенных в начальном периоде войны. Виктор Кравченко в книге «Я избрал свободу» пишет: «...Некоторые из нас, в Совнаркоме, знали о случаях массового уничтожения заключенных, когда выяснилось, что их невозможно эвакуировать. Это происходило в Киеве, Минске, Смоленске, Харькове, в моем родном Днепропетровске, в Запорожье. Один такой эпизод остался у меня в памяти в подробностях. В маленькой Кабардино-Балкарской советской автономной республике, вблизи Нальчика, находился молибденовый комбинат НКВД, где работали заключенные. Когда Красная Армия отступала из этого района, несколько сотен заключенных, по техническим причинам, не могли быть своевременно вывезены. Директор комбината, по приказу комиссара кабардино-балкарского НКВД товарища Анохова, расстрелял из пулеметов этих несчастных мужчин и женщин до одного. После того как этот район был освобожден от немцев, Анохов получил награду и был назначен председателем совнаркома этой республики» (76: 151).

С 22 июня по 31 декабря 1941 г. в НКВД было осуждено за самочинные расстрелы и убийства — 19 человек. Так, зам. начальника тюрьмы Табер и пом. оперуполномоченного Мохов 13 сентября были приговорены военным трибуналом к высшей мере наказания «за участие в самочинном расстреле 714 заключенных, эвакуированных из тюрьмы № 28 белорусского города Глубокое». Проходившие по этому же делу И.Я. Баталов, В.Н. Малинин и П.И. Скребневский получили по 10 лет. На захваченных территориях в пропагандистских целях немцы проводили эксгумацию трупов расстрелянных. Для этого в ряде случаев насильственно привлекалось еврейское население. Так, в Тельшае (Литва), где гетто было создано коллаборационистами за несколько дней до обнаружения тел жертв «евреев из ЧК», 30 мужчин из гетто были привлечены к раскопкам общей могилы. В процессе раскопок их избивали и заставляли целовать раны трупов. 13 июля — в день погребения жертв — избиение было продолжено, а 15 июля большинство мужчин гетто было убито. Аналогичные события со схожим подтекстом («евреи — убийцы из НКВД») имели место и в других городах Прибалтики. В более широких масштабах такие мероприятия проводились в Западной Украине. Отчеты СД сообщают о убийствах евреев украинцами в Львове, Тернополе, Самборе, Злочеве и ряде других мест.

## ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Постановление ГКО об утверждении положения о ГУКР «Смерш» НКВД СССР // Цит. по: Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1991: Справочник. М., 2003. С. 623—626.

2. *Абакумов Виктор Семенович* (1908—19 декабря 1954 г.), советский государственный и военный деятель, комиссар госбезопасности 2-го ранга, генерал-полковник, заместитель наркома обороны и начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны СССР (1943—1946), министр государственной безопасности СССР (1946—1951). Родился в Москве в семье больничного истопника и прачки. Окончил 4-классное городское училище. В 1920—1930 гг. — рабочий на предприятиях Москвы. В 1930 г. вступил в ВКП(б). В органах ОГПУ—НКВД с января 1932 г. С конца 1938 по 1941 г. — начальник управления НКВД по Ростовской области. Руководил организацией массовых репрессий, обладая большой физической силой, иногда лично жестоко избивал подсудимых. 12 июля 1951 г. арестован, обвинялся в государственной измене, сионистском заговоре в МГБ. Была также арестована и его жена Смирнова А.Н. с 4-месячным сыном. Предан закрытому суду в Ленинграде, на котором виновным себя не признал. Расстрелян 19 декабря 1954 в Левашовском лесу. Лишен всех наград и воинского звания. Расстреляна и его жена. После смерти Сталина и прихода к власти Хрущева обвинения против Абакумова были изменены. Теперь ему вменялось в вину «Ленинградское дело», сфабрикованное им, согласно новой официальной версии, как участником «банды Берии».

3. *Дегтярев К.* СМЕРШ. (Энциклопедия спецслужб). — М.: Яуза, Эксмо, 2009. 736 с.

4. *Рожнов Константин.* «СМЕРШ»: контрразведка или орудие репрессий? BBC Russian.com.

5. *Север А.* Смерть шпионам! Военная контрразведка СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 480 с.

6. *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М.: Книга, 1990. С. 141.

7. ЛУБЯНКА. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «СМЕРШ». 1939 — март 1946. Документ № 202. РГНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 8. Л. 1—3.

8. Справка ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР о деятельности заградительных отрядов Сталинградского и Донского фронтов не ранее 15 октября 1942 г. // Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. — М., 2000. С. 230—232.

9. Государство и право. 1995. № 8.

10. *Звягинцев Вячеслав.* Война на весах Фемиды. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006, 768 с.



11. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

12. *Звягинцев Вячеслав*. Война на весах Фемиды. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. 768 с.

13. *Мединский В.* Война. Мифы СССР 1939—1945. М.: Олма. С. 204.

14. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны № 5. М., 1947. С. 37. Цит. по: Правда о штрафбатах-2. М., 2008. С. 32.

15. *Хенс Вилли, Пересвет Александр*. По другую сторону войны. М.: Интерэксперт, 2005. 384 с. С. 273—277.

16. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. В 2-х кн. Книга первая (22.06.1941—30.09.1941) / Пер. с нем. И. Плаголева; под ред. и с предисл. генерал-лейтенанта П.А. Жилина. М., 1971. С. 108—111.

17. По разным оценкам, число русских добровольцев на стороне Германии колеблется в значительных пределах. Официально комиссией по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ признаны служившими в полиции и вооруженных силах Германии в 1941—1945 гг. около 300 тыс. советских граждан. В сборнике «Великая Отечественная война. 1941—1945» утверждается, что к началу 1943 г. в вермахте насчитывалось до 400 тыс. «хиви», в службах по поддержанию порядка — 60—70 тыс. советских граждан и до 80 тыс. — в «восточных батальонах» и «восточных легионах». Всего — 540—550 тыс. человек. (Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В 12 т. Т. 1: Основные события войны. — М.: Воениздат, 2011. 933 с.) Немецкий историк Й. Хоффманн по состоянию на май 1943 г. называет число добровольцев из бывших советских военнопленных от 400 000 до 600 000 человек. (*Хоффманн Й.* История власовской армии / Пер. с нем. Е. Гессен. — Paris: YMCA-PRESS, 1990. 379 с.) Историк С. Стеенберг по состоянию на май 1945 г. называл 700 тыс. человек. (*С. Стеенберг.* Власов / Пер. с нем. Сабурова И. Мельбурн: Рус. дом в Мельбурне, 1974. 252 с.) Историк К.М. Александров говорил о более чем миллионе советских граждан, добровольно сотрудничавших с немцами. (*Александров К.М.* Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 752 с.)

18. Энциклопедия Третьего рейха / Под ред. С. Воропаева. М.: Локкид — Миф, 1996.

19. *Хоффманн Й.* История власовской армии. / Пер. с нем. Е. Гессен. — Paris: YMCA-PRESS, 1990. 379 с. Приложения.

20. *Хоффманн Й.* История власовской армии / Пер. с нем. Е. Гессен. — Paris: YMCA-PRESS, 1990. 379 с. На сайте: <http://militera.lib.ru/research/hoffmann/index.html>

21. *Ауски С.* Предательство и измена войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982. С. 203.

22. *Артемьев В.П.* Первая дивизия РОА. Материалы к истории освободительного движения народов России (1941—1945). London (Canada): Изд-во СБОНР, 1974. Интернет.

23. *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1996. 540 с.

24. *Краснов Н.Н.* Незабываемое: 1945—1956. М.: Рейтаръ: Станица. 2002. 252 с.

25. *Хоффманн Й.* История власовской армии / Пер. с нем. Е. Гессен. — Paris: YMCA-PRESS, 1990. 379 с.

26. *Холодюк Анатолий.* Русский Кемптен в августе 1945 г. Русская православная церковь. Свято-Воскресенская община городов Дахау и Мюнхена Берлинской епархии Московского патриархата.

27. *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1996. 540 с.

28. *Краснов Николай Николаевич* (1918—1959) — подъясаул, эмигрант, последний в роду Красновых. Родился в Москве в семье полковника Генерального штаба, казака станицы Урюпинской — Краснова Н.Н. (1886—1948). В 1919 г. вывезен родителями в Сербию. Окончил югославское юнкерское училище, служил в Югославской королевской армии в чине подпоручика. После нападения фашистской Германии на Югославию принимал участие в боях с немцами, попал в плен. После освобождения из плена вступил в немецкую армию и добился направления на Восточный фронт. Воевал в составе дивизии «Бранденбург». При организации Русского охранного корпуса на Балканах вступил в его ряды. Был ранен, за отличия по службе несколько раз награжден. Осенью 1943 г. был переведен в штаб походного атамана Т.И. Доманова. После окончания войны в числе офицеров Казачьего стана был выдан СССР вместе с отцом, дядей (генерал-майор С.Н. Краснов — начальник штаба Главного Управления казачьих войск) и дедом — казачьим генералом, Донским атаманом П.Н. Красновым. Попав в плен, Николай Краснов прошел по маршруту Лиенц — Юденбург — Москва — Заполярье, где он провел 10 лет в лагерях. После смерти Сталина, как иностранный подданный, в числе немногих смог вернуться на Запад, где выполнил завещание своего покойного деда и описал трагедию выдачи казаков англичанами, их пребывание на Лубянке и в лагерях.

29. Материалы ГУК МО СССР. С. 130, 340, 342.

30. Материалы ГУК МО СССР. С. 551—593.

31. *Звягинцев Вячеслав.* Война на весах Фемиды. М.: Терра—Книжный клуб, 2006. 768 с.

32. Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. М.: Жуковский, Кучково поле, 2006. Т. 1. 672 с.

33. РГАСПИ (ранее ЦГАОР СССР). Ф. 9501. Оп. 5. Ед. хр. 7. Л. 22.

34. *Свердлов Ф.Д.* Советские генералы в плену. М.: Изд-во фонда «Холокост». Энциклопедия еврейского героизма, 1999. С. 246.
35. *Смыслов О.С.* «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004. 512 с.
36. РГАСПИ Ф. 4. Оп. 11. Д. 75. Л. 568—570.
37. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 61. Опубликовано: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — Курск, 1999. Часть 1. С. 439.
38. *Григоренко П.Г.* В подполье можно встретить только крыс... — NY: Детинец, 1981. С. 216.
39. *Андреева Екатерина.* Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. — Cambridge.: Cambridge University Press, 1987.
40. Гипанис. Издательская деятельность «Станица». Архив номеров
32. Июнь 2000 г.
41. О пребывании детей Г.М. Семенова в Уссурийской тюрьме МГБ автору известно со слов старшего преподавателя Новосибирского сельскохозяйственного института Петра Леонтьевича Матюшина, работавшего в 1945—1948 гг. начальником Уссурийского городского отдела МГБ.
42. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 779.
43. ЦАМО.Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 257—258.
44. Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы. М., 2001. С. 644.
45. Зоя Космодемьянская. Документы и материалы. — М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, «Патриот», 2011. 211 с.
46. Статья 58—1а Уголовного кодекса РСФСР (1938 г). Измена Родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества.
47. Справка-доклад прокуратуры «О 28 панфиловцах». ГАРФ. Ф. Р—8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 310—320. Опубликовано в журнале «Новый Мир», 1997. № 6. С. 148.
48. Меснянкин Петр Константинович на сайте «Герои страны».
49. *Звягинцев В.Е.* Трибунал для героев. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 469—470.

50. *Конев В.Н.* Герои без Золотых Звезд. Прокляты и забыты. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 352 с.
51. *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001. 360 с.
52. Сокол Емельян Лукич на сайте «Герои страны».
53. Сокол Григорий Емельянович на сайте «Герои страны».
54. Надзорное производство ГВП № 108—59. С. 11—15.
55. Куций Петр Антонович на сайте «Герои страны».
56. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 4084.
57. Вершинин Георгий Павлович на сайте «Герои страны».
58. *Конев В.Н.* Прокляты и забыты. Отверженные Герои СССР. М.: Яуза, 2010. 480 с.
59. Статья: «В июле 1920 г. дезертировало 773 тысячи красноармейцев». Журнал «Коммерсантъ Власть», № 7 от 22 февраля 2010 г.
60. ГАРФ. Ф. Р9550. Оп. 5. Б.м; оп. 5. 90—91.
61. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
62. *Север Александр.* Великая миссия НКВД. М.: Издательство «Алгоритм», 2008. 240 с.
63. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2604. Л. 143—144.
64. *Зефиоров М.В., Дегтев Д.М.* Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М.: АСТ, 2009. 416 с.
65. *Енохова Л.* Борьба с бандитизмом в Алданском районе в период ВОВ. <http://portfolio.1september.ru>.
66. ГАРФ. Ф. Р9550. Оп. 5. Б.м. /1918 г./, 2 с.
67. *Чубарьян А., Вехвиляйнен О.* Зимняя война 1939—1940. Политическая история. М.: Наука, 1998. 382 с.
68. «Коммерсантъ Власть», № 4 (958), 30.01.2012 г.
69. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 1. М., 1960. С. 465.
70. *Бивор Э.* Сталинград / Пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплева, А. Марченко, А. Фельдшера. Смоленск: Русич, 1999. Книга на сайте: <http://militera.lib.ru/h/beevor/index.html>
71. Lettia.lv: Страшный год, 1940—1941.
72. Белая книга. С. 15; *Лаар М.* Красный террор. С. 27—29; Рапорты. С. 14; Обзор периода оккупации.
73. Приказано приступить: Эвакуация заключенных из Беларуси в 1941 г.: Сборник документов / Сост. А.И. Кокурин и др. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2005. 71 с. <http://belgazeta.by/20070423.16/530244991/>

74. Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. Учебное пособие. Чебоксары, 1999.

75. Эвакуация тюрем. А. Гурьянов, А. Кокурин. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 21.

76. Кравченко Виктор. Я избрал свободу. Нью-Йорк, 1946. С. 151. [www.belousenko.com/wr\\_Kravchenko.htm](http://www.belousenko.com/wr_Kravchenko.htm)

## ГЛАВА 4. ПАЛАЧИ РОССИИ И СССР

Палач — лицо, приводящее в исполнение приговор о смертной казни или телесном наказании, осуществляющее пытки. Согласно этимологическому словарю Фасмера, русское слово «палач» происходит от турецкого *pala* — «меч, кинжал». Палач в России назывался также «заплечных дел мастер» и «кат». В Средние века палача называли «мечник», т.е. носитель меча, оруженосец при воинствующем князе, его телохранитель и исполнитель смертных приговоров по его приказаниям. В древнерусских памятниках, переведенных с латинского и греческого, слова *carnifex* и *spekulator* (палач) переводились словом «мечник».

### ПАЛАЧИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Лично предавали смерти непокорных подданных и российские властители. Так, в 1076 г. новгородский князь собственноручно убил волхва, волновавшего народ против епископа. Изяслав, изгнанный киевлянами, по возвращении в 1069 г. «иссече тех, иже высекли Всеслава, 70 муж, а другия слепи, а иных погуби же не испытав». Иван Грозный не раз собственноручно казнил тех, кого он считал виновными, и принимал деятельное участие в больших казнях. Петр Великий в Преображенском 30 сентября 1698 г. собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам. Часто казни выполнялись руками приближенных властителей. При Иване Грозном обязанности палача по политическим делам принимали на себя князь Черкасский, царский любимец Малюта Скуратов, шурин царя князь М. Темрюкович и другие. Непосредственное участие в казнях при Петре I принимали его приближенные. «В Преображенском происходили кровавые упражнения: здесь 17 октября (1698 г.) приближенные царя рубили головы стрельцам: князь Ромодановский отсекал четыре головы; Голицын, по неумению рубить, увеличил муки доставшегося ему несчастного;

любимец Петра Алексашка (Меншиков) хвалился, что обезглавил 20 человек» (6).

В России долго сохранялся обычай привлекать в помощь палачу кого-либо из зрителей. Помощники должны были заменять подставки: на их спины вскидывали осужденных к наказанию кнутом. Сначала принятие на себя обязанностей помощника палача было добровольным. По свидетельству Г. Котошихина: «А в палачи на Москве и в городе ставятся всякого чину люди, кто похочет» (7). Впоследствии власти начали привлекать для помощи палачу людей силой: «ловятся насильно из зрителей подлые разного состояния люди не только солдатами и десятниками, но и палачами, не делая иногда отличия и самого честного состояния людям, хотя и подлым». Указом № 13108 от 28 апреля 1768 г. эта практика была вновь изменена. «...Для предупреждения происходящих от этого неурядиц и обид гражданам...» запрещалось это делать и повелевалось брать для исполнения сей должности преступников.

В России до XIX века первым нормативным актом, регламентирующим деятельность палачей, был «боярский приговор 1681 г.», по которому в палачи назначались охотники (добровольцы) из посадских и вольных людей. При отсутствии охотников посадские обязаны были выбирать из «самых гулящих людей, чтобы во всяком городе без палача не было». Охотников стать палачами было мало, и во многие города палачей для исполнения казней приходилось командировать из столицы. Указом Сената от 10 июня 1742 г. было установлено нормативное количество палачей. В столице их должно быть три, в губернских городах — по два, а в уездных — по одному. Жалованье палачам полагалось давать из «государевой казны, из разбойного приказа» (Уложение 1649 г.). По указу 15 марта 1798 г. палачей, отставленных от должности по старости или болезни, приказано было распределять на жительство в 60-верстном расстоянии от губернского города для пропитания посильными трудами или отдавать на попечение родственников.

Хронический дефицит палачей приводил порой к курьезам. Так, в 1804 г. вся Малороссия осталась всего с одним штатным палачом. Генерал-губернатор Куракин направил в Санкт-Петербург представление с предложением официально разрешить набор в палачи преступников, осужденных за незначительные преступления. Указ Сената от 13 марта 1805 г. такое право ему предоставил и определил категории преступников, из среды которых можно было вербовать палачей. Однако после оглашения этого указа в тюрьмах не нашлось ни одного желающего стать палачом. В 1818 г. ситуация повторилась, на этот раз в Санкт-Петербурге, где с интервалом в несколько месяцев умерли оба столичных палача. Эта

ситуация едва не вызвала паралич всей правовой системы государства, так как некому стало исполнять судебные приговоры в части наложения наказаний. Заключенных из столичной тюрьмы не могли отправлять по этапу до тех пор, пока они не получали определенных судом телесных наказаний и клеймения. Ситуация, когда столичная администрация оказалась не в силах отыскать палача, вызвала озабоченность на самом высоком уровне: Граф Милорадович предписал губернскому правлению набирать палачей среди преступников. Для повышения «престижа профессии» император Николай I произвел существенную индексацию жалования палачей. Для Москвы и Санкт-Петербурга величина «оплаты труда» вольного палача устанавливалась в размере 300—400 рублей в год, для губернских городов — 200—300 рублей, при том, что стоимость дойной коровы в то время не превышала пяти рублей. Кроме денежного оклада, палачам полагались деньги на казенную одежду (58 рублей) и питание, так называемые «кормовые». В случае выезда палача для экзекуции в другой город ему выплачивались командировочные.

Однако и повышение жалования не вызвало притока желающих стать палачом, а ведь в России нищих и голодных хватало. Ни одного добровольца, пожелавшего записаться в палачи, ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге так и не нашлось. Из-за дефицита палачей Государственный совет в декабре 1833 г. постановил избирать «в сию должность из осужденных решениями уголовных палат в ссылку в Сибирь и к наказанию плетью, освобождая таковых от присужденного им телесного наказания». Через три года Государственный совет уточнил, что «если бы никто из них не изъявил желания быть заплечным мастером, то предоставить губернским правлениям назначать из присужденных к отдаче в арестантские роты, по их на то согласию, или вольнонаемных. В случае же отсутствия желающих помещать в палачи насильно из преступников, названных в положении 1833 г.». Против воли нельзя было отдавать в палачи больше чем на три года.

Жалования «мобилизованным» палачам не полагалось, но на их питание отпускалась двойная норма арестантских кормовых денег. Им выдавалась также арестантская одежда. Для властей оказались неожиданными и неприятными жалобы посетителей пересыльных тюрем, где исполнялись наложенные судом телесные наказания и куда приходила масса народу для прощания с родственниками перед их отбытием в Сибирь. Посетителей шокировал внешний вид палачей, встречающихся им в тюремных коридорах. Палач, возвращающийся с экзекуции, был похож на мясника со скотобойни: окровавленные руки, кровь, стекающая по фартуку, брызги крови на лице, в руках кнут и дру-

гие палаческие инструменты. Когда такой «мастер» в сопровождении конвоя неожиданно встречался в полутемном коридоре, впечатление от встречи было не самое лучшее. После таких жалоб петербургскому и московскому обер-полицмейстерам для палачей во всех тюрьмах были построены особые помещения в тюремном дворе, устроенные так, чтобы исключить возможность их случайной встречи с заключенными или посетителями тюрьмы. Жили палачи при тюрьмах в отдельном от арестантов помещении. Кандидаты в палачи учились мастерству у опытных «коллег». Орудием наказаний были кнут, плеть, палки, розги, кошки, линьки, батоги и клейма. Обучение порке кнутом требовало около года ежедневных занятий. Поэтому человек, записавшийся в палачи, сначала проходил довольно долгое и напряженное обучение в тюрьме на манекене и лишь после получения некоторых навыков начинал привлекаться к участию в настоящих экзекуциях. Какое-то время он действовал в качестве помощника палача, привыкая к обстановке застенка, крови и крикам истязуемых. Постепенно ему поручали выполнять несложные действия, например порку плетью, но до кнута допускали далеко не сразу. Для ежедневных учебных занятий существовали специальные кнуты. Их отличие от настоящих экзекуционных состояло в том, что для учебного кнута использовался мягкий (непросолённый) «язык». От человеческой крови настоящий просолённый «язык» быстро размягчался; после каждого удара его надлежало тщательно протирать рукой или тряпкой. Но обычно больше 10—15 ударов «язык» не выдерживал, и его меняли на сухой. И использованные «языки» шли на учебные кнуты.

Обычно кнуты и другой «инструмент» хранились в том же помещении, где жили палачи. Но в июле 1832 г. один из московских палачей продал за 500 рублей два настоящих кнута. Эти кнуты купил у посредника князь Экмюльский, сын французского маршала Даву, единственного маршала Наполеона, который не проиграл ни одного сражения. Князь тайно вывез кнуты за границу, где демонстрировал их как русскую диковинку, чем произвел в Париже настоящий фурор. Император Николай I был чрезвычайно разгневан происшедшим. Он повелел ужесточить правила хранения палаческого инвентаря. Во всех тюрьмах были устроены специальные опечатанные шкафы для хранения палаческих инструментов. Они выдавались катам под запись в особом журнале. Было запрещено вышедший из употребления инструмент хранить, дарить, продавать и даже просто показывать кому-либо. По списанию инструмента его снимали с инвентарного учета и сжигали либо закапывали в землю на тюремном кладбище.



В сибирских каторжанских тюрьмах, в которых сидели закованные в кандалы самые опасные преступники империи, проблем с палачами было меньше. В палачи набирали каторжан, приговоренных к жестоким телесным наказаниям, т. е. к таким, которые вполне могли привести к смерти. В такой ситуации отмена наказания за согласие стать палачом была единственным шансом выжить. Это подтверждает судьба восьми каторжан, бежавших в 1801 г. из тюрьмы в Уссурийском крае. Каторжане переправились через реку Амур и стали грабить приграничные китайские деревни, используя свои цепи в качестве смертельного оружия. Грабителей с рваными ноздрями задержали лишь с помощью воинского подразделения, но не казнили, а передали российским властям. В России беглецов приговорили к телесному наказанию, но через год из восьми в живых оставался лишь один — тот, кого завербовали в палачи.

В качестве типичного представителя когорты дореволюционных российских палачей можно назвать известнейшего палача сахалинской каторги Комлева. Комлев — костромской мещанин, из духовного звания, учился в училище при семинарии. В 1875 г. он был осужден за «денной» грабеж с револьвером на двадцать лет. В 1877 г. бежал с Сахалина, но в самом узком месте Татарского пролива, почти достигнув материка, был пойман гиляком, получил 96 плетей и двадцать лет прибавки к сроку. В те жестокие времена палачам работы было много, и палачу, тоже сахалинской знаменитости, Терскому, потребовался помощник. В тюрьме бросили жребий: кому идти в палачи. И жребий выпал Комлеву. В 1889 г. Комлев совершил еще одну попытку побега, но был снова задержан, получил 45 плетей и добавку к сроку заключения 15 лет. Более бежать он не пытался. Невысокого роста и не очень сильный физически, Комлев, однако, был чрезвычайно ловок и сноровист. Владение кнутом он превратил в искусство. Вся каторга знала, что за порку палач берет деньги, но администрации так и не удалось доказать, что в зависимости от полученной взятки Комлев бьет сильнее или слабее, чем «положено».

Поразительный случай, отмеченный во многих каторжанских преданиях, произошел в 1892 г., когда Комлеву пришлось наказывать плетью двух беглецов — Губаря и Васильева. Эти каторжане, уйдя в побег, взяли с собой заключенного — «корову», которого предполагали съесть в пути. После поимки беглецов в мешке Губаря было найдено обжаренное человеческое мясо. Факт людоедства вызвал чрезвычайное негодование каторжан, и они собрали 15 рублей палачу, чтобы тот во время экзекуции заporол Губаря насмерть. Поскольку людоедство Васильева осталось недоказанным и сам он его всячески отвергал, последнего по решению каторжанских авторитетов было разрешено оставить в живых. Комлев деньги взял и пообещал, что забьет Губаря кнутом независимо от того,

к какому количеству ударов тот будет приговорен. Администрация каторги узнала о подкупе палача и постаралась помешать запланированному убийству. Губарь и Васильев были приговорены к сравнительно мягкому наказанию — 48 ударам кнута. Смертельным считалось наказание в 200 и более ударов кнутом, поэтому молодым и здоровым мужчинам перенести подобное наказание было вполне по силам. За экзекуцией наблюдали несколько представителей администрации каторги, и все они сошлись во мнении, что палач работал с одинаковым усердием. Однако результаты порки оказались различны. Губарь после экзекуции был унесен в лазарет и через три дня, не приходя в сознание, умер, а Васильев самостоятельно ушел в тюрьму и прожил еще много лет.

Исследователь каторги Влас Михайлович Дорошевич, бывший на Сахалине и встречавшийся с Комлевым, приводит некоторые факты, характеризующие палача. «Докторов, присутствовавших при наказаниях, поражало озлобление и утонченное мучительство, которому Комлев подвергал своих жертв. Комлев как бы смаковал свое могущество. На экзекуции он надевал особый костюм: красную рубаху, черный фартук, высокую черную шапку. И крикнув: “Поддержись!” — медлит и выжидает, словно любясь, как судорожно подергиваются от ожидания мускулы у жертвы. Докторам приходилось отворачиваться и кричать: “Скорее! Скорее!”, чтобы прекратить это мучительство. “А они меня мало бьют? всю жизнь из меня выбили”, — говорит Комлев, когда его спрашивают, почему он так “лютеет”, подходя к разложенному на кобыле человеку.

За покушение на жизнь конвойного или сотрудника администрации каторги заключенные приговаривались к повешению, поэтому помимо порки палач приводил в исполнение и смертные приговоры. Комлев лично повесил 13 человек. Чем-то действительно страшным веет от этого человека, который выкладывает по пальцам, “сколько их всего было”, — вспоминал Дорошевич: — “Сначала один в Воеводской... потом еще два в Воеводской... Двух в Александровской... Да двух еще в Воеводской... да еще один... да еще три... да еще один... да еще один... Всего мною было повешено 13 человек”. И было жутко, когда он рассказывал мне подробно, как это делал. Рассказывал монотонно, словно читал по покойнику, не говорил ни “казнимый”, ни “преступник”, а понижая голос: “Первым был Кучеровский. За нанесение ран смотрителю Шишкову его казнили в Воеводской, во дворе. Вывели во двор 100 человек, да 25 из Александровской смотреть пригнали. На первом берет робость, как будто трясение рук. Выпил 2 стакана водки... Трогательно и немного жалостливо, когда крутится и судорогами подергивается... Но страшнее всего, когда еще только

выводят, и впереди идет священник в черной ризе, — тогда робость берет. ...По вечерам было особенно трогательно, когда выходишь, бывало, все “он” представляется”. После первой казни Комлев пил сильно: “Страшно было. Но со второй привык и ни до казни, ни после казни не пил. Просят только: “нельзя ли без мучений”. Белеют все. Дрожат мелкой дрожью. Его за плечи держишь, когда на западне стоит, а через рубашку чувствуешь, что тело холодное. Махнешь платком, помощники подпорку и вышибают”. Какой ужасный и отвратительный человек, скажете вы. А я знал женщину, ласками которой он пользовался. И у этой женщины еще был мужчина, который избил ее и отнял подаренные Комлевым две копейки» (8).

В 1894 г. Комлеву разрешили жить на поселении. Он женился, купил дом (а это среди ссыльно-поселенцев почиталось за признак немалого достатка), с большим усердием занялся огородными работами. Но, как свидетельствовали каторжанские предания, Комлеву ни разу не удалось собрать урожай со своего огорода: все уничтожали каторжане. Не решаясь напасть на своего палача в открытую, они таким образом сводили с ним счеты, мстили ему за позор его промысла.

В августе 1906 г. в России в чрезвычайном порядке был принят закон о военно-полевых судах для террористов. Закон требовал, чтобы военно-служащих расстреливали, а гражданских лиц вешали. Но из-за нехватки палачей повешение часто заменяли расстрелом, который производился воинскими подразделениями. Командующий войсками Одесского военного округа А. Каульбарс доносил 20 сентября 1906 г. военному министру, что частые казни «через расстрел производят неблагоприятное впечатление на войска». На этом основании он просил отпустить ему аванс на оплату палачей для совершения казней через повешение вместо расстрела. Однако в этой просьбе ему было отказано. Сравнивая отношение к палачам в европейских странах и в России, следует подчеркнуть существенную разницу в восприятии профессии палача массовым сознанием европейцев и русских людей. Для жителя европейской страны палач воспринимался как слуга власти, так же как сборщик налогов или офицер армии. Палачи держали лавки, магазинчики и кабачки, люди знали, кому они принадлежат, и никто не гнушался такого рода соседством. В России же представители всех слоев общества видели в палаче преступника, прежде всего против собственной души, негодяя закоренелого и неисправимого. Палач зарабатывал своим ремеслом деньги на жизнь, но позорил навек свой род и фамилию, и не существовало обстоятельств или доводов рассудка, способных в глазах русского общества извинить выбор палачом своего страшного и постыдного ремесла.

## ПАЛАЧИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР

*Структура палаческого сообщества*

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, как только рабочие и крестьяне «взяли власть в свои руки», проблема дефицита палачей была решена. Если во всей Российской империи в 1916 г. насчитывалось 894 жандармских офицера, 38 чиновников и 14 451 рядовой, то уже в конце 1918 г. на сократившейся территории большевистской России чекистов насчитывалось в 2,5 раза больше, нежели жандармов в Российской империи. К лету 1921-го в органах ВЧК, включая отряды и части ВЧК и другие карательные части особого назначения, подчиненные Ф.Э. Дзержинскому, служили 262,4 тыс. человек, а это почти в 17 раз превышало число «карателей» во времена Николая Кровавого.

Кардинальным отличием чекистов от жандармских офицеров было то, что последние, в отличие от чекистов, лично никогда не выполняли палаческие функции. Как ни кощунственно это звучит, но октябрьский переворот, будучи изначально криминальным, обусловил появление десятков тысяч профессиональных палачей. Палаческое сообщество во времена ВЧК-ОГПУ-НКВД можно представить в виде многоступенчатой пирамиды, на самом вершине которой находились вожди с ближайшими подручными. Второй уровень пирамиды занимали высшие руководители ВЧК-ОГПУ-НКВД, Генеральной прокуратуры, Ревтрибунала и Верховного суда СССР. В разные годы это были возглавлявшие ВЧК-ОГПУ-НКВД польские дворяне Дзержинский и Менжинский, «представители эксплуатируемых классов» Ягода, Ежов, Берия и Абакумов, а также дворянин и царский офицер Меркулов. К этой же категории относились Генеральный прокурор СССР Вышинский и председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих. Третий уровень пирамиды занимали руководители республиканских и областных органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, Особых отделов военных округов и флотов, территориальных судебных органов и прокуратуры. На четвертом уровне находились непосредственные исполнители казней. Роль штатных палачей выполняли коменданты органов ВЧК-ОГПУ-НКВД и трибуналов.

В первые годы после революции наряду с комендантами палаческие функции выполняли также оперативные сотрудники и следователи карательных органов (следователи лично «исполняли» контрреволюционеров, дела которые расследовали). Штатные сотрудники органов особенно активно выполняли обязанности палачей и в годы массовых репрессий

в конце 1930-х гг. В это особо напряженное для палачей время для «исполнения» привлекались и другие лица: надзиратели тюрем, водители управлений НКВД, курьеры, сотрудники милиции и даже «партийный актив». На самом низу этой кровавой пирамиды находился «вспомогательный персонал» — «бойцы» и командиры специальных подразделений ВЧК-ОГПУ-НКВД, обслуживающие карательные органы. Эти «бойцы» широко использовались в качестве палачей в первые годы после революции. Кроме того, они наряду с надзирателями тюрем выполняли охрану, конвоирование к месту казней, раздевание перед казнью (при необходимости связывание и затыкание ртов), погрузку, транспортировку и захоронение трупов, уборку помещений для казней.

Большинство таких специальных подразделений в первые годы работы ВЧК состояло из «воинов-интернационалистов»: латышей, китайцев, австрийцев, венгров и поляков, беспрекословно и жестоко выполнявших преступные приказы красных комиссаров и безжалостно уничтожавших цвет нации. Вожди и их ближайшие подручные определяли, кого и в каких количествах на каждом историческом этапе следует уничтожить. Сразу же после революции такие установки давали Ленин, Свердлов и Троцкий, а позже — Сталин с подручными Молотовым и Кагановичем. На разных этапах уничтожению подлежали «эксплуататоры», «классовые враги», белогвардейцы, казачество, кулаки-мироеды, шпионы всех империалистических разбедок и просто «враги народа», пробравшиеся во все поры здорового советского организма.

На вершине пирамиды уничтожались и конкуренты в борьбе за власть. Яков Михайлович Свердлов (при рождении, по одним источникам, — Ешуа-Соломон Мовшевич Свердлов, по другим — Янкель Мираимович Свердлов), умер в возрасте 34 лет 16 марта 1919 г. По официальной версии, заболел испанкой, возвращаясь в Москву из Харькова. Выехал из Харькова 6 марта, вернулся в Москву 8 марта, о том, что он «тяжело болен», было сообщено 9 марта, 18 марта был похоронен у Кремлевской стены. Доктор юридических наук Аркадий Ваксберг, ссылаясь на источник в РГАСПИ, в своей работе «Из ада в рай и обратно» писал: «Точная причина его смерти неизвестна. Тогда же распространился, видимо, не лишенный оснований слух, что в городе Орле на митинге он был жестоко избит рабочими по причине своего еврейского происхождения, но этот факт был якобы скрыт, чтобы “не позорить революцию” и не разжигать еще больше антисемитские страсти» (9). Истинной же причиной устранения Свердлова, по версии Ваксберга, явилось то, что «покушение на убийство (Ленина) было организовано “верным другом и соратником”

Ленина Яковом Свердловым, который лично и приказал расстрелять Каплан, а осуществлено покушение работающими на шефа тайной советской полиции Феликса Дзержинского эсерами-боевиками — Григорием Семеновым и Лидией Коноплевой (10). Как отмечает Аркадий Ваксберг, «...какая-то возня, а если точнее — жестокая борьба за власть, на коммунистических верхах, несомненно, уже шла». О схожих слухах упоминал и историк Ю.Г. Фельштинский, также выдвигая гипотезу, что Свердлов мог быть отравлен по указанию Ленина (11).

Через 16 лет после смерти Свердлова был вскрыт его сейф, ключи от которого были утеряны. «Светлый» облик пламенного революционера, вождя Октябрьской революции и организатора «красного террора» во всем величии встает за краткими фразами служебной записки наркома Ягоды Сталину. «Сов. секретно. СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИН У. На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны. 26 июля с/г. этот шкаф был нами вскрыт, и в нем оказалось: 1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей. 2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями семьсот пять (705) предметов. 3. Семь чистых бланков паспортов царского образца. 4. Семь паспортов заполненных на следующие имена: а) Свердлова Якова Михайловича, б) Гуревич Цецилии-Ольги, в) Григорьевой Екатерины Сергеевны, г) княгини Барятинской Елены Михайловны, д) Ползикова Сергея Константиновича, е) Романюк Анны Павловны, ж) Кленочкина Ивана Григорьевича. 5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича. 6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены. Кроме того обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей. Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами. Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Подпись (Ягода). 27 июля 1935 г. № 56568» (12).

В 1920-х гг. высшая власть в партии, и фактически в стране, принадлежала Политбюро ЦК ВКП(б), в которое кроме Ленина и Сталина входили Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, «любимец партии» Н.И. Бухарин и М.П. Томский. После смерти Ленина в процессе внутрипартийной, а точнее «внутривидовой», борьбы за власть победителем оказался сильнейший — Сталин, как наиболее адаптированный к реальным условиям. На результаты борьбы за власть, видимо, повлиял предыдущий уголовный опыт «экспроприатора». Остальные «соратники Ильича» казнены по его повелению, лишь большевик М.П. Томский успел застрелиться, не дожидаясь, казни. Все

казненные большевики-ленинцы, как это принято, впоследствии были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления. Было установлено, что следствие по их делам опиралось на сфальсифицированные доказательства — самооговоры обвиняемых, получаемые под психологическим и физическим воздействием (пытками). Вожди на вершине пирамиды постоянно контролировали и направляли работу карательных органов. Сталина интересовала даже методика работы палачей. Руководители НКВД представляли ему совершенно секретные сообщения и доклады, в которых излагали подробные детали ведения следствия. Написанные с большим временным перерывом эти документы позволяют и нам сравнить и оценить методы работы довоенных и послевоенных палачей.

**«СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л.П. БЕРИИ И.В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЗАЯВЛЕНИЯ М.П. ФРИНОВСКОГО 13 апреля 1939 г. № 1048/6. ЦК ВКП(б) товарищу И.В. СТАЛИНУ. При этом направляем заявление арестованного Фриновского от 11.III.39 г. Допрос Фриновского продолжаем. Приложение: по тексту. Народный комиссар внутренних дел Союза ССР БЕРИЯ.**

**НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦ. РЕСПУБЛИК — КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1 РАНГА: БЕРИЯ Л.П. От арестованного ФРИНОВСКОГО М.П. Заявление “Перехожу к практической вражеской работе, проведенной ЕЖОВЫМ, мною и другими заговорщиками в НКВД. Следственная работа. Следственный аппарат во всех отделах НКВД разделен на “следователей-колольщиков”, “колольщиков” и “рядовых” следователей. Что из себя представляли эти группы и кто они? “Следователи-колольщики” были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометированных лиц, бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались “показаний” и умели грамотно, красочно составлять протоколы. К такой категории людей относились: НИКОЛАЕВ, АГАС, УШАКОВ, ЛИСТЕНГУРТ, ЕВГЕНЬЕВ, ЖУПАХИН, МИНАЕВ, ДАВЫДОВ, АЛЬТМАН, ГЕЙМАН, ЛИТВИН, ЛЕПЛЕВСКИЙ, КАРЕЛИН, КЕРЗОН, ЯМНИЦКИЙ и другие. Так как количество сознающихся арестованных при таких методах допроса изо дня в день возрастало и нужда в следователях, умеющих составлять протоколы, была большая, так называемые “следователи-колольщики” стали, каждый при себе, создавать группы просто “колольщиков”. Группа “колольщиков” состояла из технических работников. Люди эти не знали материалов на подследственного, а посылались в Лефортово, вызывали арестованного и приступали к его**

избиению. Избиение продолжалось до момента, когда подследственный давал согласие на дачу показания.

Остальной следовательский состав занимался допросом менее серьезных арестованных, был предоставлен самому себе, никем не руководился. Дальнейший процесс следствия заключался в следующем: следователь вел допрос и вместо протокола составлял заметки. После нескольких таких допросов следователем составлялся черновик протокола, который шел на “корректировку” начальнику соответствующего отдела, а от него еще не подписанным — на “просмотр” быв. народному комиссару ЕЖОВУ и в редких случаях — ко мне. ЕЖОВ просматривал протокол, вносил изменения, дополнения. В большинстве случаев арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи. Тогда следователи напоминали арестованному о “колольщиках”, и подследственный подписывал протокол.

“Корректировку” и “редактирование” протоколов, в большинстве случаев, ЕЖОВ производил, не видя в глаза арестованных, а если и видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов. При таких методах следствия подсказывались фамилии. По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные. Знали ли об этом руководство наркомата, т.е. я и ЕЖОВ? — Знали. Как реагировали? Честно — никак, а ЕЖОВ даже это поощрял. Никто не разбирался — к кому применяется физическое воздействие. А так как большинство из лиц, пользующихся этим методом, были врагами — заговорщиками, то ясно шли оговоры, брались ложные показания и арестовывались и расстреливались оклеветанные врагами из числа арестованных и врагами — следователями невинные люди. Настоящее следствие смазывалось... Сознательно проводимая ЕЖОВЫМ неприкрытая линия на фальсифицирование материалов следствия о подготовке против него террористических актов дошла до того, что угодливые следователи из числа “колольщиков” постоянно добивались “признания” арестованных о мнимой подготовке террористических актов против ЕЖОВА» (13).

О правилах ведения следствия в МГБ СССР в послевоенную бытность Абакумова министром свидетельствуют выдержки из его доклада Сталину в 1947 г.: «...4. При допросе арестованного следователь стремится добиться получения от него правдивых и откровенных показаний, имея в виду не только установление вины самого арестованного, но и разоблачение всех его преступных связей, а также лиц, направлявших его преступную деятельность, и их вражеские замыслы... Когда арестованный не дает откровенных показаний и увертывается от прямых и правдивых ответов на



поставленные вопросы, следовательно, в целях нажима на арестованного, использует имеющиеся в распоряжении органов МГБ компрометирующие данные из прошлой жизни и деятельности арестованного, которые последний скрывает. Иногда, для того чтобы перехитрить арестованного и создать у него впечатление, что органам МГБ все известно о нем, следователь напоминает арестованному отдельные интимные подробности из его личной жизни, пороки, которые он скрывает от окружающих, и др...

7. В отношении арестованных, которые упорно сопротивляются требованиям следствия, ведут себя провокационно и всякими способами стараются затянуть следствие либо сбить его с правильного пути, применяются строгие меры режима содержания под стражей. К этим мерам относятся: а) перевод в тюрьму с более жестким режимом, где сокращены часы сна и ухудшено содержание арестованного в смысле питания и других бытовых нужд; б) помещение в одиночную камеру; в) лишение прогулок, продуктовых передач и права чтения книг; г) водворение в карцер сроком до 20 суток. Примечание: в карцере, кроме привинченного к полу табурета и койки без постельных принадлежностей, другого оборудования не имеется; койка для сна предоставляется на 6 часов в сутки; заключенным, содержащимся в карцере, выдается на сутки только 300 гр. хлеба и кипятка и один раз в 3 дня горячая пища; курение в карцере запрещено.

8. В отношении изобличенных следствием шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа, которые нагло отказываются выдать своих сообщников и не дают показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ, в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., применяют меры физического воздействия...

9. В целях проверки искренности поведения арестованных на следствии, правдоподобности их показаний и для более полного разоблачения их практикуется подсада в камеру к арестованным агентам МГБ и организуется техника секретного подслушивания в камере...» (14).

На второй ступени пирамиды руководители ВЧК-ОГПУ-НКВД и Ревтрибуналов с учетом директив вождей распределяли по регионам «квоты» на казни, определяли признаки, по которым производить отбор жертв и устанавливали упрощенные процедуры следствия, суда и казней. Руководители республиканских и областных органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, судьи и прокуроры определяли круг конкретных обвиняемых, организовывали работу следователей и палачей, выносили приговоры о смертной казни и следили за «соблюдением соцзаконности». По должности большинство из них были обязаны лично присутствовать при казнях, а многие и сами выступали в роли «исполнителей». С момента образования ЧК казни проводились практически в каждом городе и уезде. Это подтверждается до-

кументами Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, в которых приводятся многочисленные факты кровавых преступлений в Пятигорске, Ставрополе, Таганроге, Армавире, Харькове, Ростове-на-Дону, Луганске, Воронеже, Чернигове и многих других населенных пунктах (15). В крупных городах создавалось по несколько «чрезвычайек» (губернские, районные, железнодорожные, морские, особых отделов и т. д.) со своими убойными застенками и палачами.

Разветвленная палаческая инфраструктура, включающая расстрельные подвалы, полигоны и места массовых захоронений, была в распоряжении карательных органов и в конце 1930-х гг. прошлого века. К настоящему времени на территории бывшего СССР Обществом «Мемориал» установлены сотни мест расстрелов и массовых захоронений жертв террора. Однако выявлена и отмечена памятными знаками лишь малая их часть. Из-за принятого в НКВД режима секретности многие места расстрелов и захоронений до сих пор неизвестны. Со временем тысячи кладбищ превратились в пустыри, распаханы, заросли лесом или застроены. До сих пор миллионы людей не знают, где погребены их родители, деды и прадеды. Наибольшая нагрузка на палачей и похоронные команды была в районе крупных городов. Так в Москве и Московской области документально установлены пять мест массовых захоронений. В 1921—1926 гг. расстрелянных хоронили на кладбище Яузской больницы, подведомственной органам госбезопасности, а в 1926—1935 гг. — на Ваганьковском кладбище. С 1934 г. до 1950-х гг. казненных кремировали в Донском крематории, и их прах захоронен на кладбище крематория.

В конце 1930-х гг., во время массовых репрессий, кладбища Москвы и Донской крематорий не стали справляться с потоком казненных, и в середине 1937 г. в Подмоскovie для НКВД были выделены две новые расстрельные «зоны». Таким образом, поселок Бутово на 24-м километре Варшавского шоссе и совхоз «Коммунарка», бывшее подсобное хозяйство НКВД, на 27-м километре Калужского шоссе, стали убойными цехами НКВД и рабочими местами московских палачей. В экспертном заключении архивной службы ФСК РФ от 06.04.1993 г. подтверждается, что в Бутово захоронено 25—26 тыс., в «Коммунарке» — 10—14 тыс. расстрелянных. Официально в Москве в 1937—1941 гг. по делам, которые велись органами НКВД — НКГБ, было расстреляно около 32 тыс. человек. Из них не менее 29 200 в 1937—1938 гг. Эти данные приведены на основании выявленных предписаний на расстрелы и актов о приведении приговоров в исполнение, хранящихся в архиве Управления ФСБ РФ по г. Москве и Московской области и в Центральном архиве ФСБ РФ (16).

Сколько людей на самом деле расстреляно и захоронено на этих «зонах», неизвестно. Некоторые исследователи считают, что число казненных в Бутово доходит до 90 000, а на Коммунарке — до 30 000 человек. Имеются также устные свидетельства о массовых захоронениях на Калитниковском и Рогожском кладбищах и других территориях, но документально это не подтверждено. В Бутово расстрелы производились по приговорам Московской городской и областной «троек», и поэтому основной контингент казненных составляли рабочие, крестьяне, представители интеллигенции, уголовники и священники (17). В Бутово расстреляны и похоронены 935 священнослужителей Русской православной церкви, включая митрополита Серафима Чичагова. За смену палачи редко расстреливали менее ста человек. В отдельные дни расстреливали по 300, 400 и более человек. «Рекорд» был поставлен 28 февраля 1938 г., когда на полигоне было расстреляно 562 человека. Пик расстрелов в феврале объясняется получением дополнительной квоты на расстрелы для НКВД Московской области, утвержденной Политбюро ЦК ВКП(б) 31 января, на казнь 4000 человек.

Вначале расстрелянных хоронили в отдельных ямах-могильниках, которые разбросаны по всей территории Бутовского полигона, а с августа 1937 г. казни в Бутово приняли такие масштабы, что «технология» пришлось изменить. С помощью бульдозера и экскаватора стали рыть рвы длиной примерно 500 м, шириной и глубиной по 3 м. Приговоренных к смерти привозили на автозаках, в которые вмещалось по 20—30, а иногда до 50 человек. К полигону подъезжали со стороны леса в 1—2 часа ночи. Зона расстрела была огорожена колючей проволокой. Там, где останавливались автозаки, находилась вышка для охраны. Неподалеку были два строения: небольшой каменный дом для «исполнителей» и длинный деревянный барак. Людей заводили в барак якобы для «санобработки». Перед расстрелом проверяли установочные данные приговоренных и объявляли решение. Приведение приговоров в исполнение в Бутово осуществляла расстрельная команда, в которую, по рассказам исполняющего обязанности коменданта, входило 34 человека, а в особо напряженные дни число исполнителей увеличивалось. После окончания процедуры установления личности приговоренных по одному выводили из барака. Палачи принимали их, и каждый вел свою жертву ко рву. Стреляли на краю рва, в затылок, почти в упор. Тела сбрасывали в ров на дно траншеи. Для казней в основном применяли револьвер «наган», который в среде палачей считался самым «подходящим» оружием. При расстрелах полагалось присутствие врача и прокурора, но соблюдалось это далеко не всегда. Для снятия напряжения в дни расстрелов для исполнителей привозили

водку. По окончании казней заполняли и подписывали акты о проведении расстрелов и «поминали» безвинно убиенных. После этого палачей, обычно совершенно пьяных, увозили в Москву. Работу завершал бульдозерист, чей дом до 1950-х гг. стоял на территории полигона. Он тонким слоем земли присыпал трупы, а на следующий день все повторялось. Так работал этот один из крупнейших в стране конвейер смерти. Бутовский полигон находился под охраной войск госбезопасности до 1995 г. Затем его передали Русской православной церкви и открыли для посещения по субботам и воскресеньям. На одной из братских могил установили поклонный крест памяти св. Новомучеников и Исповедников Российских.

Со временем конвейер смерти в Бутово стал давать сбои в работе, и нарком Ежов решил увеличить пропускную способность машины смерти. Он распорядился передать пустующую после ареста Ягоды дачу на территории совхоза «Коммунарка» под дополнительный полигон. Массовые расстрелы на «Коммунарке» начались в сентябре 1937 г. Первоначально ямы для захоронений копали лопатами, однако вскоре стали использовать гусеничный экскаватор «Комсомолец», которым, так же как и в Бутово, рыли длинные траншеи и бульдозером засыпали тела расстрелянных. Важной особенностью этого полигона было то, что он находился в ведении центрального аппарата госбезопасности. На расстрел и захоронение в «Коммунарку» направлялись в основном осужденные Военной коллегией Верховного суда СССР, оказавшиеся в сталинских расстрельных списках и приговоренные к смерти «в особом порядке». Поэтому на этот конвейер смерти попадали крупные партийные и советские работники, генералы и офицеры РККА, деятели культуры и искусства, работники НКВД. В настоящее время известны имена 6500 расстрелянных и захороненных на «Коммунарке», на 4527 из них в Книге памяти жертв политических репрессий имеются краткие биографические сведения.

На «Коммунарке» казнены члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. Бубнов, Н. Бухарин, А. Рыков, Я. Рудзутак, Н. Крестинский, нарком юстиции Н. Крыленко, В. Антонов-Овсеенко, первые секретари ЦК ВКП(б) семи союзных республик, члены ЦИК СССР и ВЦИК, члены Совнаркома СССР. Там нашли свой трагический конец более двадцати секретарей обкомов партии, председателей правительств союзных и автономных республик, исполкомов областей и городов, основатели и руководители Коминтерна Пятницкий и Берзин. Там же закончил свою жизнь один из крымских палачей Бела Кун. Среди погребенных много генеральских фамилий и более двухсот фамилий сотрудников НКВД, включая Артузова, Петерса, Паукера и Шпительгласа. Там же оборвался путь известного российского и советского экономиста Кондратьева Ни-

колая Дмитриевича, писателей Валериана Правдухина, Артема Веселого и Бориса Пильняка, ученого и поэта А. Гастева, историка Д. Шаховского, академика-микробиолога Г. Надсона, главных редакторов «Литературной газеты», «Красной звезды», «Труда», журнала «Огонек». На «Коммунарке» покоятся останки граждан 11 стран. 10 июля 1941 г. здесь в полном составе было уничтожено правительство Монголии во главе с А. Амаром. Здесь же похоронены политические и общественные деятели Литвы, Латвии, Эстонии, а также активисты коммунистического движения Германии, Румынии, Франции, Турции, Болгарии, Финляндии и Венгрии.

Массовые захоронения на «Коммунарке» производились до середины октября 1938 г., а в 1939 г. имели место лишь единичные случаи расстрелов. Данных о расстрелах в 1940 г. не найдено, но вскоре после начала войны за три дня — 27, 28 и 30 июля 1941 г. — на полигоне было расстреляно 513 человек.

Наиболее массовым был расстрел 16 октября 1941 г. В этот день, когда стала реальной угроза сдачи Москвы немцам, на «Коммунарке» расстреляли 220 человек. В числе расстрелянных были многие политические и военные деятели Латвийской Республики, комкор М.П. Магер, бригадный комиссар В.В. Давыдов, Н.А. Клич, С.И. Оборин, С.А. Черных и другие военные. Наиболее квалифицированные палачи работали в Москве в Варсонофьевском переулке, где имелась своя «расстрельная» команда. Эти палачи «работали» не только в Москве. Время от времени они выезжали в командировки туда, где производились массовые расстрелы, — в Медное под город Калинин, в Катынь, под Смоленск, под Харьков, в другие места. В других городах были свои палачи, свои расстрельные подвалы и полигоны и свои секретные кладбища.

В Ленинграде расстреливали в Левашовском лесу особого назначения. Это одно из самых крупных в стране захоронений репрессированных. По самым скромным подсчетам, здесь покоятся останки пятидесяти тысяч граждан, расстрелянных по политическим статьям. Полигон оставался секретным до начала 1990-х гг. Массовые расстрелы проводились также в Ковалевском лесу — урочище на территории Ржевского артиллерийского полигона, в 4 км к северо-востоку от железнодорожной станции «Ржевка» Всеволожского района Ленинградской области. В Киеве расстреливали в лесу под Быковней, возле сел Рыбное и Святошино, в Бабьем Яру. В Минске массовые расстрелы «врагов народа» производились в урочище Куропаты, где на территории в 30 га обнаружено 510 захоронений.

Палачи во внутренних тюрьмах НКВД областных городов не успевали «исполнять» приговоренных по квотам «первой категории», утверждае-

мым Политбюро ЦК ВКП(б), поэтому на периферии «ближе к потребителю» открывались дополнительные убойные застенки — филиалы основных. Так, в Иркутской области большая часть приговоров была приведена в исполнение в областном центре в подвалах УНКВД (ул. Литвинова, 13) и во внутренней тюрьме НКВД (ул. Баррикад, 63). Ночью трупы вывозили на грузовых автомобилях в лес под Пивоварику и к поселку Большой Разводной (ныне — в зоне затопления Иркутского водохранилища), где, по данным УКГБ по Иркутской области, захоронены 20 016 жителей Иркутска и области. Но расстреливали также в поселках Бодайбо, Киренске и в районе Озерлага. В Кузбассе кроме Кемерово расстреливали в Мариинске, Прокопьевске, Тисуле, Ягуновке и Темиртау. Многие места массовых политических убийств остаются неизвестными до сих пор. В Томске, например, основным местом массовых расстрелов и захоронения жертв репрессий был район горы Кыштак в Ленинском районе города. Репрессированных пригоняли партиями из тюрьмы (ныне СИЗО на ул. Пушкина, 48а) в Страшный ров и тут же расстреливали (18). Расстрелы проводились также в Асино и других городах области.

Случайно было обнаружено крупное массовое захоронение в городе Колпашево, в 270 км к северо-западу от Томска. В 1979 г., во время майских праздников, паводок на реке Оби подмыл берег Колпашевского яра и обнажил одно из крупнейших мест массовых захоронений. На этом месте в конце 1930-х гг. находилось здание Нарымского окружного отдела НКВД. Начальник городского отделения КГБ доложил о случившемся по инстанции. После проведения Первомайской демонстрации первый секретарь Томского обкома КПСС Лигачев и начальник управления КГБ Иванов поставили в известность о «находке» членов Политбюро ЦК КПСС Суслова и Андропова. Было принято решение размыть теплоходами берег, а трупы затопить в реке. Операция по уничтожению захоронения проводилась силами сотрудников госбезопасности под руководством начальника управления КГБ, секретаря обкома КПСС и московского чекиста генерал-майора Фокина.

Район захоронения был оцеплен силами КГБ и милиции. Прокурору города было дано указание не проводить судебно-медицинских экспертиз и опознаний трупов. Был собран партийно-хозяйственный актив, которому сообщили, что в захоронении находятся трупы расстрелянных в годы войны дезертиров. Берег высотой сорок метров размывали винтами двух теплоходов. При дальнейших обрушениях берега были обнаружены новые захоронения. В них находились как останки людей, так и засыпанные известью и хорошо сохранившиеся мумифицированные трупы. При размы-

вании берега трупы падали в реку. Специальные команды из сотрудников милиции и КГБ на моторных лодках дежурили у теплоходов, петлями из проволоки ловили плавающие трупы, буксировали их на середину реки, привязывали к ним грузы и топили. Часть трупов была разнесена по пойме Оби. С мая по сентябрь сотрудники КГБ и милиции обследовали берега реки ниже города Колпашево. При обнаружении трупов их притапливали или зарывали в землю без обозначения мест захоронения.

Вспоминает Черепанов Владимир Петрович, капитан теплохода, размывавшего берег: «9 мая 1979 г. я был вызван в кабинет начальника томского речпорта. В кабинете помимо председателя парторганизации находились два незнакомых мне товарища, которые представились работниками КГБ. Их интересовал вопрос технических возможностей теплохода ОТ-2010, на котором я в то время работал. В частности, интересовались возможностью размыва грунта. Сказали, что этим способом нужно убрать захоронение с Колпашевского яра. Ипользовать технику на кромке яра, высотой 25 метров было невозможно, поэтому они решили остановиться на применении теплохода. ...Теплоход стоял перпендикулярно берегу. Отбойной волной винтов начали мыть берег. Мыли часа два. Сначала падали кости. В срезе яра была одна яма-захоронение. Когда содержимое ямы обвалилось, появились темные прямоугольники, предвестники новых захоронений... Трупы из ям стали падать в воду. Верхний мерзлый слой земли обваливался большими глыбами, по мере размывания нижнего талого слоя грунта... Трупы были целые, разной величины, — в том числе и детей. Видел на трупах розово-белое белье. Запах был ужасный, врагу не пожелаешь. Все это падало в реку и размалывалось винтами. Трупов было много, очень много — количество никто не фиксировал, да и сделать это было невозможно. Трупы плавали, кагэбэшники их фотографировали. Теплоход почти весь ушел в берег, образовалась бухта. Мыли с 11 по 15 мая круглосуточно, пока не перестали из грунта выпадать трупы. Мы работали абсолютно бескорыстно. Выполняя эту работу, я считал, что выполняю ответственное государственное задание. По окончании работы меня повезли в КГБ на черной “Волге”, было страшно. От имени Ю.В. Андропова вынесли благодарность за отлично выполненную операцию и подарили приемник “Томь”».

Вспоминает Чепуров С.Ф., в 1979 г. работник уголовного розыска: «Трупы вымывали по ночам, затем привязывали к ним груз и топили в реке. Однако не все успевали потопить, часть плыли по реке. Сам я находил трупов семь, как по Оби, так и по ее притокам. Вернее, не я сам, люди сообщали в милицию, и раз я работал по розыску, то мне прихо-

дилось выезжать на место обнаружения трупов. Все трупы были внешне похожи: коричневые, плоские, с отверстиями в затылочной части. Из семи обнаруженных одна была женщина. Никаких проверок не проводилось. Я действовал согласно принятому решению руководства. На месте обнаружения их и закапывали». Вспоминает Витюк А.В., начальник объединения «Агропромстрой»: «Наше предприятие стояло на берегу, сторож сказал, что к берегу прибило труп. Позвонили в милицию. Те говорят: “Если есть отверстие в затылке, тогда пусть плывет дальше”. Посмотрели, в затылке действительно было отверстие. Мы привязали к трупу камни и оттолкнули от берега». Вспоминает Меринов Б.Е., в 1930-е гг. старший оперуполномоченный Колпашевского НКВД: «Новосибирск утверждал, кого расстреливать. Потом из тюрьмы приводили и стреляли в НКВД. Расстреливали из мелкокалиберного оружия. При мне несколько раз приводили этапы по 50 человек, назад никого не уводили. Хоронили во дворе. В 1965 г. ко мне обращались из КГБ, показать места захоронения, что я и сделал. Они говорили, что для эксгумации трупов. Я исключаю, что в найденном захоронении были трупы дезертиров Великой Отечественной войны. Тех отправляли в Томск» (19). Кто знает, сколько еще в стране таких захоронений?

## ХАРАКТЕРНЫЕ ТИПЫ И СУДЬБЫ ПАЛАЧЕЙ

«Не наказывая, даже не порицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость — мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости».

*А.И. Солженицын*

Множество жестоких и кровавых палачей оставили свой след в Советской России. История сохранила имена многих из них. В работе Виктора Выгодского «Преступления без наказания» приведены фамилии около 10 тыс. палачей и их пособников. Изучение документов Особой следственной комиссии дает ответ на вопрос, из какого источника черпались кадры первых палачей ЧК. Прочитируем фрагмент из сводки документов «О злодеяниях и беззакониях большевиков» (№ 53434, 17 ноября 1919 г., г. Ростов-на-Дону). «...6 апреля 1918 г. в г. Ейске большевики арестовали господина Руденко за тост в честь генерала Корнилова, морили в одиночной камере, раздевали, обыскивали и только через три месяца выпустили за плату 1000 рублей. По его свидетельству, 4 мая туда при-



была Чрезвычайная комиссия в 40 негодяев и в тот же день расстреляла 10 человек заключенных, 70 офицеров, 1 священника и других, ехавших домой от Кавказа. Убивали как разбойники. ...По данным, сообщенным господином Руденко, в отряде красноармейцев Ейска и большевиков состояли комиссар отряда Федька Мицкевич, каторжанин, отбывший 8 лет заключения за подделку кредиток; Хомяков, матрос, просидевший 12 лет на каторге за убийство семьи во Владивостоке; комиссар отряда по кличке или по имени Жлоба, фамилия неизвестна; комиссар контрразведки Колосов, без носа, осужденный к восьми годам каторги за убийство девушки; Колесников, член Совета Ейска — известный вор; Воронин, сидевший в ейской тюрьме за поножовщину; Готаров, сын известного ейского вора; Васильев, матрос, помощник комиссара флотилии, каторжник; 6 членов Чрезвычайной комиссии — каторжане, отбывшие 8—10-летнюю каторгу за участие в шайке «Степных дьяволов».

Характерный образ палача первых лет советской власти описан в работе Алексея Теплякова «Сибирь: процедура исполнения смертных приговоров в 1920—1930-х гг.», где автор приводит воспоминания бывшего помощника уполномоченного ОГПУ Спиридона Карташова, досрочно ушедшего на пенсию в связи с начавшимися у него припадками эпилепсии: «У меня была ненависть, но убивать я сперва не умел, учился. В Гражданскую войну я служил в ЧОНе. Мы ловили в лесах дезертиров из Красной Армии и расстреливали на месте. Раз поймали двух белых офицеров, и после расстрела мне велели топтать их на лошади, чтобы проверить, мертвы ли они. Один был живой, и я его прикончил. ...Мною лично застрелено тридцать семь человек, большое число отправил в лагерь. Я умею убивать людей так, что выстрела не слышно. Секрет такой: я заставляю открыть рот и стреляю (туда) вплотную. Меня только теплой кровью обдает, как одеколоном, а звука не слышно. Я умею это делать — убивать. Если бы не припадки, я бы так рано на пенсию не ушел». Из великого множества ставших известными палачей всех категорий и рангов сложно выделить самых «достойных» и «заслуженных», то есть самых кровавых, ведь расстрелами занимались практически все сотрудники ЧК. Из числа рядовых исполнителей в качестве эталонного можно назвать Степана Афанасьевича Саенко (1886 — 1973 гг.).

Бывший каторжник Саенко в 1919 г. занимал пост командира комендантского взвода Харьковской чека, затем коменданта ЧК и концентрационного лагеря при ЧК. Историк С.П. Мельгунов отмечает, что, несмотря на то, что харьковскими советскими властями он был окрещен «лагерем для буржуев», его заключенными были представители всех сословий и в особенности — крестьяне. Лагерь был расположен в бывшем здании

Харьковской каторжной тюрьмы (20). Именно в это время Саенко совершает большинство приписываемых ему злодеяний. Фотографии трупов, сделанные во дворе Харьковской ЧК после освобождения города белыми, потрясают воображение. Палачи применяли зверские пытки, включая отрезание половых органов, скальпирование и снятие перчаток с кистей рук. В ЧК имелаась китайская рота, «бойцы» которой пытали арестованных при допросах и расстреливали обреченных. Ежедневно расстреливалось от 40 до 50 человек, причем в последние дни (перед приходом в Харьков Добровольческой армии в июне 1919 г.) интенсивность казней возрастала. По приблизительным подсчетам, большевиками расстреляно в Харькове свыше 1000 человек.

Судьба к Саенко была более благосклонной, чем к другим палачам. С 1924 г. и до пенсии он возглавлял ряд предприятий в Харькове, а будучи на пенсии, часто рассказывал пионерам и комсомольцам в школах о героической борьбе большевиков за счастье трудового народа. Такие же палачи, как Саенко, были в многочисленных Киевских, Одесских и других ЧК. В Одессе главного палача Вихмана коллеги сами расстреляли «за садизм». Трудно даже представить себе облик и дела этого верно-го ленинца (21: 181,301). Колоритной личностью был и штатный палач Одесской ГубЧК В.И. Яковлев. За заслуги на палаческом поприще он был назначен председателем Одесской губернской ЧК, но проработал на этой должности всего месяц — с конца июля по конец августа 1920 г. Однако и за такой короткий срок он вошел в историю Одессы тем, что расстрелял собственного отца, посчитав его «контрреволюционером». Его мать, узнав об этом, повесилась (22: 21).

Не менее сложной является задача выбора «самого достойного» палача более высокого ранга. Из многочисленной «железной когорты» соратников Дзержинского явно выделяются такие личности, как Лацис, Атарбеков, Кедров и Реденс. Одним из страшнейших палачей, залившим кровью Украину, был видный деятель ЧК-ОГПУ, руководитель Всеукраинской ЧК, латыш Мартын Иванович Лацис (настоящее имя — Ян Фридрихович Судрабс) (1888—1938 гг.). Современники указывают на большую личную жестокость Лациса. Такая оценка подтверждается как материалами, собранными деникинской комиссией, расследовавшей действия Всеукраинской ЧК, так и рядом изречений и действий самого Лациса. Лацис писал в газете «Красный меч»: «Для нас нет, и не может быть старых устоев морали и “гуманности”, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации “низших классов”. Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено, ибо мы первые

в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех. ...Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды. Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира. Ибо только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем, и никак не можем кончить раз и навсегда...» (23). К словам Лациса можно добавить лишь то, что только за один 1918 г. ВЧК уничтожила в России в 3,3—4,9 раза больше людей, чем «кровавый царизм» за 90 лет (10 000—15 000 против 3015 человек). Лацис расстрелян коллегами по указанию вождя 20 марта 1938 г. и, как водится, реабилитирован.

Не менее одиозной фигурой, чем Лацис, был и участник борьбы за советскую власть на Северном Кавказе Георгий Александрович Атарбеков (при рождении Атарбекян) (1892 — 1925). В 1918 г. он заместитель председателя Северо-Кавказской ЧК, начальник Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта. В 1919 г. — председатель ЧК в Астрахани, затем начальник Особого отдела и председатель трибунала на Южном фронте. В 1920-м начальник Особого отдела 9-й армии, уполномоченный ВЧК по Кубано-Черноморской области, уполномоченный ВЧК в Баку. С 1921 г. — председатель Ревкома северных районов Армении, нарком почт и телеграфа Закавказья. Осенью 1918 г. Атарбеков, на посту председателя ЧК в Пятигорске, с отрядом чекистов шашками рубил заложников, среди которых было около 50 заслуженных генералов и полковников, при этом генерала Н.В. Рузского палач лично зарезал кинжалом. Там же, в братской могиле, двумя месяцами ранее закончил жизнь последний кубанский наказной генерал от инфантерии Михаил Павлович Бабыч. 74-летнему атаману палачи под руководством Атарбекова перебили руки и ноги и полуживого закопали в землю у подножия горы Машук...

При отступлении из Армавира Атарбеков расстрелял в чекистских подвалах несколько тысяч грузин — офицеров, врачей, сестер милосердия, возвращавшихся на родину после войны. Когда к Екатеринодару подступил белогвардейский отряд, он приказал расстрелять около двух тысяч заключенных, большинство из которых ни в чем не были виновны. В конце 1918 г. он появился в Астрахани и возглавил Особый отдел Каспийско-Кавказского фронта. Политкомиссар разведотдела штаба фронта К.Я. Грасис отмечал «недовольство существующей властью местного, особенного калмыцкого и киргизского населения, порожденное неслы-

ханским насилием и издевательством комиссаров». Рабочие устраивали забастовки, и одна из них переросла в восстание, жестоко подавленное ЧК. До 2 тыс. человек в возрасте от 25 до 42 лет были расстреляны. Часть восставших палачи под руководством «железного Геворка» топили с барж в Волге.

Атарбеков расстреливал восставших и собственноручно. Жестокость чекиста, который говорил, что подчиняется только Кирову, не знала пределов и порождала легенды. Окруженный телохранителями из своих земляков, он наводил ужас на мирное население. Самоуправство «железного Геворка», которого сравнивали с «восточным царьком», приобрело настолько скандальный характер, что его по ультимативному требованию Ударной коммунистической роты, во главе которой стоял большевик Аристов, отстранили от должности. Постановление об этом приняли в конце июля 1919 г., а 4 сентября того же года он под конвоем был доставлен в Москву. Специальная комиссия ЦК партии установила «преступность Атарбекова и других сотрудников Астраханского Особого отдела». Спасли чекиста от наказания его покровители — Камо, Орджоникидзе и Сталин: они не только оправдали, но и повысили Атарбекова в должности (24). «Железный Геворк» погиб при авиационной катастрофе в Тбилиси.

Характерной для палачей ленинско-сталинской эпохи является и судьба чекиста Кедрова. Революция раскрыла темные недра социальной преисподней и подняла на поверхность множество монстров, значительная часть которых оказалась в рядах «вооруженного отряда партии» — ВЧК. Здесь они могли безнаказанно давать волю своим садистским наклонностям, отправляя в небытие множество человеческих душ. Одним из таких монстров был первый руководитель Особого отдела ВЧК Михаил Сергеевич Кедров. В исследовании о Дзержинском Роман Гуль писал: «В 1919 г. Дзержинский отправил доктора М.С. Кедрова усмирять Север России». В качестве полномочного представителя ВЧК по Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниям полупомешанный садист Кедров стал обращать Север России к коммунизму. Из-за замерзшего моря и отсутствия дорог белое командование не сумело наладить эвакуацию. Страну покинуть сумели лишь 2500 человек, а более 20 000 угодили в плен. Первые массовые расправы над пленными произошли сразу же после капитуляции частей белой армии. Так, из полуторатысячного отряда офицеров, пытавшихся пешим порядком уйти из Архангельска в Мурманск, более 800 были расстреляны почти сразу. Случилось это 28 февраля 1920 г. Остальных военнопленных поместили в созданный в Архангельске концентрационный лагерь, где стали планомерно истреблять. Именно тогда Кедров выступил в роли организатора первых советских концентрационных лагерей.

В автобиографии, находящейся в его личном деле, он писал: «1919 г. С января Председатель Особого отдела ВЧК, ...Член ВЦИК. По совместительству член коллегии НКВД, заведующий лагерями принудит. работ Республики... 1920 г. С мая месяца полномочный представитель ВЧК по Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерн. Член коллегии НКВД, организатор Холмогорского, Пертоминского, Соловецкого лагерей». «Созданные Кедровым концентрационные лагеря не были предназначены для временного содержания арестованных или отбытия наказания. По сути своей, они являлись лагерями уничтожения, на целые десятилетия предвосхитившими своим появлением нацистские фабрики смерти» (25).

Наиболее страшным был Холмогорский концлагерь. Именно здесь, по многочисленным свидетельствам современников и сохранившимся документам, происходили массовые расстрелы. Казни совершались по приказу и при личном участии Кедрова. Собрав в Архангельске партию в 1200 офицеров, начальник Особого отдела погрузил их на две баржи, и когда они пришли в Холмогоры, приказал открыть огонь из пулеметов. Всего в результате этой варварской акции погибло до 600 человек. Только в Холмогорском концлагере и только в январе — феврале 1921 г. были убиты 11 000 человек. Расстрелы продолжались и в марте — апреле. Так, по приказу Дзержинского в районе Холмогор казнили свыше 400 офицеров и генералов.

Наравне с чекистскими пулями заключенных во множестве уничтожали болезни, голод и холод. Даже сейчас в Холмогорах находят человеческие кости и черепа. В июле 2010 г. на месте массовой гибели тысяч людей был установлен памятный крест. По приказам Кедрова и его жены, «палача в юбке» Ревекки Пластиной (Майзель), уничтожалось и гражданское население: сестры милосердия, священники, предприниматели, инженеры, врачи, а также крестьяне, симпатии которых на Севере в годы Гражданской войны были в основном на стороне белых. Как вспоминали очевидцы, в Архангельске было много расстрелов и детей в возрасте 12—16 лет.

Многие современники, лично знавшие Михаила Кедрова и его сына Игоря, отмечали психические отклонения в поведении обоих чекистов. Психические расстройства, по-видимому, были характерны для семьи Кедровых. Известно, что и старший брат Михаила умер душевнобольным в костромской психиатрической лечебнице. Факты, свидетельствующие о психических отклонениях при проведении следственных действий Игоря Кедрова и его отца, приводит в своей книге невозвращенец Орлов, лично знавший обоих (26). Назначение Берии главой чекистского ведомства не

предвещало Кедрову ничего хорошего. Дело в том, что в 1921 г., проверяя работу ЧК на Кавказе, Михаил Сергеевич выявил многочисленные нарушения со стороны Берии, бывшего в ту пору председателем Азербайджанской ЧК. Докладную записку по этому поводу Кедров направил Дзержинскому, однако благодаря заступничеству Микояна, Орджоникидзе и Сталина дело не получило развития.

Опасаясь мести со стороны Берии, Кедров решил сработать «на опережение» и посоветовал своему работавшему в НКВД сыну Игорю и его сослуживцу и другу Владимиру Голубеву написать и отнести в приемную Сталина письмо, в котором сообщалось о якобы обнаруженном ими заговоре в органах государственной безопасности, возглавляемом Берией. Копию письма передали Матвею Шкирятову, заместителю председателя Комиссии партийного контроля. Результатом этой акции стал арест и расстрел Кедрова-младшего и его товарища. Узнав об аресте сына, Кедров лично обратился к вождю с письмом, в котором напомнил о своей давнишней записке на имя Дзержинского, а также о том, что «НКВД стремится изолировать себя от партии», и Берия намеренно уничтожает накануне войны «лучшие партийные и военные кадры» (27). В результате Кедров был арестован, долго содержался в Лефортовской тюрьме НКВД, где коллеги выбивали из него признание во враждебной деятельности, но вину не признал. На суде 9 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР в составе председательствующего диввоенюриста М.Г. Романычева, военюриста I ранга А.А. Чепцова, В.В. Буканова он был оправдан. Несмотря на оправдательный приговор, Л.П. Берия дал указание не выпускать Кедрова из тюрьмы. 27 октября 1941 г. Кедров по личному приказу Берии вместе с другими арестованными был отправлен в тюрьму города Куйбышева и 28 октября 1941 г. там расстрелян. В 1953 г. реабилитирован.

В 1956 г., на XX съезде КПСС, в ходе своего доклада о культе личности Сталина Хрущев зачитал письмо Кедрова из тюрьмы: «Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку. Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-provokator царской охраны, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я незапятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа... Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими и жестокими и унижительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность

и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, не разоружающимся врагом и настаивая на усилении репрессии. Но пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага. Но у меня нет выхода. Я бессилен отвести от себя надвигающиеся новые, тяжкие удары. Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л.П. Берия не допустят свершиться той жестокой непоправимой несправедливости. Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств, необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что, правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю». Интересно бы узнать: а не вспомнил ли перед расстрелом этот верный ленинец о тысячах загубленных им жизней?

Густой кровавый след остался и за свояком Сталина (мужем сестры Надежды Аллилуевой — второй жены Сталина) поляком Станиславом Францевичем Реденсом (1892—1940 гг.). В ВЧК он работал с 1918 г. — следователем, секретарем Президиума ВЧК, и секретарем Дзержинского. В 1919—1924 гг. на руководящей работе в Одесской ГубЧК. После Одессы густой кровавый след за «сваяком» остался в Киеве, Харькове, Крыму, Закавказье, Белоруссии, Москве и Московской области и Казахстане, где он занимал руководящие должности в органах ЧК-ОГПУ-НКВД. С июня 1924 до 1926 г. он снова работал помощником председателя и секретарем Президиума ВСНХ СССР у Дзержинского. Реденс был одним из организаторов раскулачивания на Украине, массового террора в Москве и Подмоскowie, репрессий в РККА в 1937—1938 гг. Возглавлял Московскую областную «тройку» НКВД и репрессии в Казахстане. Его карьере прервал «сваяк» Сталин. В ноябре 1938 г. Реденс был арестован, 21 января 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян. На предварительном следствии и в судебном заседании Реденс признал факты применения им необоснованных репрессий в отношении многих советских граждан.

В процессе эволюции к середине 1930-х гг. в органах была выведена особая порода служивых — верных вождю, скованных строжайшей дисциплиной, окрыленных светлой идеей — установления на земле «рая» по советскому образцу. Они считали, что для достижения этой благородной

цели абсолютно все средства хороши. Подбирая кадры палачей, вождь и его подручные предпочитали людей необразованных и малограмотных. С ними было спокойнее, особенно на верхних эшелонах власти. Из 46 наркомов внутренних дел и их заместителей лишь 15 учились в вузах, а некоторые ограничились начальным образованием. Из взятых наугад в центральном аппарате НКВД 175 имен уровень образования был указан у 121 чекиста. Из них с высшим образованием оказалось 9, а с начальным — 77 человек. На местах картина совсем удручающая (28: 230).

Практически все руководители центрального аппарата и региональные руководители ЧК-ОГПУ-НКВД начинали свой путь к вершине пирамиды с ее нижних ступеней, с «черновой» работы в ЧК-ОГПУ. Характерной в этом отношении является карьера Виктора Семеновича Абакумова (1908—1954 гг.), который к 1932 г. имел образование 4 класса городского училища и опыт работы в качестве санитара, упаковщика и рабочего на «разных временных и вспомогательных» работах. С 1932 по 1941 г. Абакумов прошел путь от практиканта в ОГПУ Московской области до заместителя наркома внутренних дел СССР и начальника Управления Особых отделов НКВД СССР. С апреля 1943 по 1946 г. генерал-полковник Абакумов — начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ и заместитель народного комиссара обороны, а с 1946 по 1951 г. — министр государственной безопасности СССР. Во время движения по карьерной лестнице с декабря 1938 г. Абакумов работал исполняющим обязанности начальника, а после утверждения в должности с 27 апреля 1939 г. по 1941 г. — начальником управления НКВД по Ростовской области и руководил организацией там массовых репрессий. Обладая большой физической силой, он иногда лично жестоко избивал подсудимых (29).

Вождь высоко ценил заслуги своих подручных: хорошие квартиры (в том числе и за счет выселения семей репрессированных), зарплаты в пять — десять раз выше, чем средние по стране, ордена и медали, высокие звания. Лаврентий Берия стал Маршалом Советского Союза и сравнялся в звании с Георгием Жуковым. Генералом армии стал Всеволод Меркулов, ключевая фигура репрессивного аппарата. Звания генерал-полковника вождь удостоил семерых бериевских подручных: Виктора Абакумова, Сергея Круглова, Ивана Серова, Богдана Кобулова, Василия Чернышева, Сергея Гоглидзе и Карпа Павлова. Палач в судейской мантии Василий Ульрих стал генерал-полковником юстиции. Среди пятидесяти генерал-лейтенантов встречаются такие именитые палачи, как Влодзимирский, Гвишиани, Кобулов, Мамулов, Мильштейн, Наседкин, Райхман, Рапава и Судоплатов. Звание генерал-майора заработали убийца Троцкого Наум Эйтингон и главный палач страны Василий Блохин. Высокого звания



генерал-лейтенанта вождь удостоил и своего личного повара, товарища детских игр Александра Егнаташвили (30: 346).

Егнаташвили обеспечивал «продовольственную безопасность» вождя. Он отвечал за качество продовольствия и был личным дегустатором Сталина. В окружении вождя Егнаташвили получил прозвище Кролик. Он всегда был рядом со Сталиным, где бы тот ни находился. Кролик отвечал и за большие банкеты в Кремле, которые давались в честь иностранных гостей — например, Риббентропа в 1939 г. или Черчилля в 1942 г., — и частные обеды на сталинских дачах для членов Политбюро. Он и сам участвовал в обедах в узком кругу. Органами НКВД была арестована и расстреляна жена Александра Егнаташвили, немка по происхождению, но Кролик продолжал дегустировать еду диктатора. В подчинении Егнаташвили на одной из сталинских дач работал опытный и проверенный повар, который в свое время обслуживал Распутина и Ленина, а теперь — и Сталина. Это был дед президента Владимира Путина Спиридон Иванович Путин. Баллотируясь в 2000-е гг. в президенты, Путин с гордостью рассказал об этом факте из истории своей семьи, но отметил, что его дед, оставаясь верным чекистом, до последнего не раскрыл ни одной тайны своей выдающейся карьеры.

Вождь был мудр и знал, что свидетелей преступлений надо вовремя убирать. Он понимал также, что казни — это единственная возможность держать в руках обезумевших от человеческой крови людей. Иначе они могут броситься и на хозяина, как бросается стая волков на вожака, почуяв в нем слабость. Поэтому периодически подручные вождя уничтожались и заменялись новыми. Генрих Ягода был казнен, а затем были расстреляны его бывшие заместители Агранов и Прокофьев и начальники ведущих отделов Артузов, Бокий, Гай, Шанин, Миронов, Молчанов, Паукер и другие. Преемник Ягоды генеральный комиссар госбезопасности и глава НКВД Ежов, выполнив предначертания вождя, также был казнен по его приказу. И, как водится, следом были казнены и члены «банды Ежова», в которую входили Фриновский, Заковский, Берман, Дагин, Николаев-Журид, Евдокимов, Радзивиловский и многие другие палачи.

Трагически закончилась и блестящая карьера следующего министра государственной безопасности, Абакумова. В июле 1951 г. он был арестован по обвинению в государственной измене, сионистском заговоре в МГБ, в попытках воспрепятствовать разработке «дела врачей». Виновным себя не признал и был расстрелян 19 декабря 1954 г. в Левашовском лесу.

Следующим на этот кровавый конвейер, уже другим вождем, Н.С. Хрущевым, был поставлен один из главных организаторов сталинских репрессий, Маршал Советского Союза, первый заместитель Председателя

Совета Министров СССР и одновременно министр внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия. Он являлся членом ЦК ВКП(б) (1934—1953), кандидатом в члены Политбюро ЦК (1939—1946), членом Политбюро (1946—1953), членом Государственного Комитета Обороны СССР (1941—1944) и заместителем председателя ГКО (1944—1945) и входил в ближайшее окружение И.В. Сталина. Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности, в том числе все разработки, касавшиеся создания ядерного оружия и ракетной техники. Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени и другими наградами. 26 июня 1953 г. Л.П. Берия был арестован по обвинению в шпионаже, заговоре с целью захвата власти, в моральном разложении, злоупотреблении властью и организации незаконных репрессий. По официальной информации, 23 декабря 1953 г. дело Берии было рассмотрено Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР под председательством маршала И.С. Конева. Берия был приговорен к смертной казни и расстрелян в тот же день (за несколько часов до казни прочих осужденных по его делу) в бункере штаба Московского военного округа в присутствии Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко. По собственной инициативе первый выстрел по Берии якобы сделал из личного оружия генерал-полковник (вскоре Маршал Советского Союза) П.Ф. Батицкий (31). Тело Берия было сожжено в печи 1-го Московского (Донского) крематория. Он похоронен на Донском кладбище (согласно другим утверждениям, прах Берии был развеян над Москвой-рекой) (32).

По сведениям сына Берии Серго, его отец был убит без суда и следствия 26 июня 1953 г. в своем доме на Малоникитской улице в Москве (33: 384). 23 декабря 1953 г. были расстреляны «члены банды Берия»: Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Деканозов и Влодзимирский. Среди расстрелянных по делу Берии был и генерал армии Всеволод Николаевич Меркулов. Он входил в ближайшее окружение Берии, работал вместе с ним с начала 1920-х гг. и пользовался его личным доверием. Его чекистская карьера под руководством Берии началась с сентября 1921 г. в должности помощника уполномоченного, а затем уполномоченного и старшего уполномоченного экономического отдела ЧК при СНК Грузии. В отличие от версии добровольного поступления дворянина и царского офицера Меркулова на службу в ЧК имеются сведения о его принудительном привлечении к сотрудничеству в качестве осведомителя «по белому офицерству» (34). Меркулов в 1938—1941 гг. руководил ГУТБ НКВД СССР, в 1941 и 1943—1946 гг. — министр государственной безопасности и в 1950—1953 гг. —

министр государственного контроля СССР. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. он возглавлял «тройку» НКВД, которая выносила решения о смертных приговорах интернированным польским гражданам (35). 18 сентября 1953 г. Меркулов был арестован в связи с делом Берии, находился в одиночной камере в Бутырке. 23 декабря 1953 г. расстрелян в 21 час 20 минут. Похоронен на Донском кладбище. Определением Военной коллегии Верховного суда РФ от 29 мая 2002 г. Берия и Меркулов были признаны не подлежащими реабилитации.

Кара настигла практически всех палачей. Некоторые из них перед заслуженной расплатой вспоминали и о боге. По информации чекиста Орлова, после ареста Ягоды Ежов, опасаясь, что Ягода потеряет рассудок и будет непригоден для судебного спектакля, попросил начальника Иностранного управления НКВД Слуцкого время от времени навещать Ягodu в его камере. Ягода не таился перед Слуцким. Он откровенно обрисовал ему свое безвыходное положение и горько пожаловался, что Ежов за несколько месяцев развалит такую чудесную машину, как НКВД, над созданием которой ему пришлось трудиться целых пятнадцать лет. Во время одного из этих свиданий, как-то вечером, когда Слуцкий уже собирался уходить, Ягода сказал ему: «Можешь написать в своем докладе Ежову, что я говорю: “Наверное, Бог все-таки существует!”» «Что такое?» — удивленно переспросил Слуцкий, слегка растерявшись от бестактного упоминания о «докладе Ежову». «Очень просто, — ответил Ягода то ли серьезно, то ли в шутку. — От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал его заповеди. Теперь погляди, где я нахожусь, и суди сам: есть Бог или нет...» (36: 169).

В конце ноября 1954 г. было официально объявлено, что один из организаторов сталинских репрессий, Андрей Януарьевич Вышинский, 22 ноября 1954 г. скоропостижно скончался от сердечного приступа в Нью-Йорке (37). Труп Вышинского был кремирован, а его прах помещен в урне в Кремлевской стене. Однако в настоящее время на сайте Генеральной прокуратуры РФ появилась информация, что он покончил с собой (38). Извештие о смерти Сталина застигло Вышинского в Нью-Йорке. Он выехал на похороны и вернулся в Нью-Йорк, чтобы вновь возглавить советскую делегацию в ООН. Когда сообщение о казни Берии прибыло в Нью-Йорк, Вышинский понял, что и его карьера и жизнь висят на волоске. Люди, наблюдавшие его тогда в ООН, единодушно отмечали, что Вышинский сразу поблек, постарел, как-то ослабил свою недавнюю агрессивную манеру речи. Особенно это бросалось в глаза в осенние меся-

цы 1954 г. «Вышинский был отравлен» — под таким названием 24 апреля 1956 г. опубликовала статью газета «Русская мысль» во Франции. «По строго секретным данным, которыми располагает Си-Ай-Эй (Сентрал Интеллидженс Эдженси), Андрей Януарьевич Вышинский, главный делегат СССР в ООН, не умер собственной смертью 22 ноября 1954 г., а был отравлен специально подосланным агентом из Москвы. В конце октября или начале ноября его вызвали в Москву “для представления доклада и получения новых инструкций”». Вышинский сам не раз практиковал такого рода “вызовы” дипломатов и прекрасно отдавал себе отчет, что ему грозит. Под различными предложениями он оттягивал свой отъезд в Москву — и не ехал. Предполагают, что Вышинский готовился стать невозвращенцем и просить американское правительство о предоставлении ему убежища, как политическому эмигранту. Тогда 19 ноября 1954 г. из Москвы в Нью-Йорк прибыл с дипломатическим паспортом специальный агент МГБ, отравивший Вышинского. 22 ноября в 9.15 утра советская делегация официально сообщила о том, что Вышинский скоропостижно скончался за завтраком от сердечного приступа в помещении советской миссии ООН, расположенной по адресу 680 Парк Авеню. Никто из посторонних — дипломаты, журналисты, полицейские — в помещение миссии допущены не были. Акт о смерти Вышинского был подписан “доктором Алексеем Коссовым”, официальным врачом советского посольства в Вашингтоне и советской делегации ООН в Нью-Йорке.

Тогда же возник конфликт между американскими полицейскими властями, не хотевшими признавать акта, составленного “доктором Алексеем Коссовым”, не имевшим лицензии на медицинскую практику в штате Нью-Йорк, и советской делегацией. Полиция также хотела осмотреть труп Вышинского, но ее не допустили. Утром 23 ноября труп Вышинского был вывезен спецсамолетом в Москву. Вместе с ним улетели агент с дипломатическим паспортом, прибывший из Москвы за четыре дня до этого, и посольский “доктор Коссов”, больше в Америку не вернувшийся.

Таким образом, из всей «железной» когорты большевиков-ленинцев умер своей смертью лишь генерал-полковник юстиции Василий Ульрих. Один из главных исполнителей сталинских репрессий на посту председателя Военной коллегии Верховного суда СССР умер в 1951 г. от инфаркта миокарда. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Судьбы палачей республиканского и областного уровня можно проследить на примере судебных руководителей «троек» НКВД по «репрессированию кулацко-уголовного элемента». В конце октября 1937 г. нарком Ежов обратился с письмом в ЦК ВКП(б) на имя Сталина с просьбой утвердить председателей особых «троек» по 16 республикам и областям «ввиду произошедших изменений

в личном составе руководства республиканских наркоматов и областных управлений». На заседании Политбюро 2.11.1937 г. новые 16 председателей «троек» были утверждены (Протокол №55, п.76). Его подписали Сталин, Молотов и Каганович. «За» (видимо, опросом) проголосовали Микоян, Ворошилов, Калинин, Чубарь и Андреев. Шестнадцать карателей приступили к работе в самый разгар репрессий, и их стараниями были уничтожены десятки тысяч людей. Как же закончился их грешный путь?

Наседкин Алексей Алексеевич (1897—26.01.1940) — майор ГБ, Смоленская обл. Арестован 20 декабря 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован; Дейч Яков Абрамович (1898—27.09.1938) — комиссар ГБ III ранга, Ростовская обл. Арестован 29 марта 1938 г. Умер в тюрьме во время следствия. Не реабилитирован; Журавлев Виктор Павлович (1902—01.12.1946) — старший майор ГБ, Куйбышевская обл. Покончил жизнь самоубийством; Гречухин Дмитрий Дмитриевич (1903—23.02.1939) — майор ГБ, Красноярский край. Арестован 3 декабря 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован; Хворостян Виктор Васильевич (1903—21.06.1939) — майор ГБ, Армянская ССР. Арестован в феврале 1939 г. Умер в Бутырской тюрьме. Не реабилитирован; Апресян Дереник Захарович (1899—22.02.1939) — майор ГБ, Узбекская ССР. Арестован в ноябре 1938 г. В феврале 1939 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован; Загвоздин Николай Андреевич (1898—21.01.1940) — старший майор ГБ, Таджикская ССР. Арестован 9 февраля 1939 г. Расстрелян. Не реабилитирован; Михельсон Артур Иванович (1898—1939) — майор ГБ (1937), Крымская АССР. Арестован в декабре 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован; Михайлов Василий Иванович (1901—02.02.1940) — капитан ГБ, Татарская АССР. Арестован в январе 1939 г. 1 февраля 1940 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован; Медведев Александр Александрович (1900—25.06.1940) — капитан ГБ, Башкирская АССР. Арестован в январе 1939 г. Приговорен к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован; Ткачев Василий Алексеевич (1896—18.11.1941) — полковник, Бурят-Монгольская АССР. 26 июня 1941 г. приговорен к ВМН. Расстрелян; Карнаух Назар Васильевич (1900 — после 1955) — капитан ГБ (1937), Кабардино-Балкарская АССР. 14 мая 1939 г. осужден к 20 годам лишения свободы. Освобожден досрочно по болезни 7 июля 1954 г. Не реабилитирован; Миркин Семен Захарович (1901—1940) — сотрудник органов государственной безопасности, Северо-Осетинская АССР. Расстрелян в 1940. Не реабилитирован; Иванов Никита Иванович (1900—21.01.1940) — майор ГБ, Чечено-Ингушская АССР. Арестован 7 января 1939 г. Расстрелян. Не реабилитирован; Лоцманов Иван Петрович (1903—26.01.1940) — полковник, Киргизская ССР. Арестован в 1939 г. 25 января 1940 г. приговорен

к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован; Володзько Павел Васильевич (1888—1951) — майор ГБ, Алма-Атинская обл. Арестован в 1938 г. Осужден к 15 годам лишения свободы. Умер в исправительно-трудовом лагере.

Таким образом, из шестнадцати отборных палачей одиннадцать были расстреляны, двое умерли в тюрьме, один покончил жизнь самоубийством, один умер в лагере и лишь один выжил после 15 лет заключения в лагерях. Вот такая сталинская благодарность за их нелегкий «труд». Справедливости ради следует отметить, что и в органах НКВД были сотрудники, которые, хотя и пассивно, но сопротивлялись беззаконию. Такие люди встречались редко, но они были. Среди них можно назвать Салыня Эдуарда Петровича (1894—26 августа 1938 г.), начальника Управления НКВД по Омской области. Постановлением Политбюро от 2 июля 1937 г., подписанным Сталиным, он был утвержден руководителем «тройки» по «выкорчевыванию» врагов в Омской области. Тем же постановлением было приказано в области расстрелять 479 человек и 1959 человек выслать. И хотя число репрессируемых в области было ниже, чем в соседних областях, Салынь пытался опротестовать такое решение. Чекист Михаил Шрейдер так описал происходящее: «“Заявляю со всей ответственностью, — спокойно и решительно сказал Салынь, — что в Омской области не имеется подобного количества врагов народа и троцкистов. И вообще считаю совершенно недопустимым заранее наметать количество людей, подлежащих аресту и расстрелу”. “Вот первый враг, который сам себя выявил!” — резко оборвав Салыня, крикнул Ежов. И тут же вызвал коменданта, приказав арестовать Салыня. Остальные участники совещания были совершенно подавлены всем происшедшим, и более никто не посмел возразить Ежову». Салынь был арестован 10 августа 1937 г. Расстрелян (39); (40: 42).

Отказался проводить аресты по сфальсифицированным показаниям и начальник управления НКВД по Дальневосточному краю Терентий Дмитриевич Дерибас. Арестованный по обвинению «в шпионаже, сочувствии троцкизму и организации ряда заговоров в НКВД и Красной Армии» 28 июля 1938 г. он был приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение в тот же день на полигоне «Коммунарка» (41). Известно также о следователе Глебове, который «стал сбивать Якира на отказ от показаний». Глебов был отстранен от дальнейшего участия в следствии и впоследствии расстрелян. Известно и о чекистах, которые, не желая идти по преступному пути, покончили с собой. Так ушли из жизни заместитель Ежова Курский и начальники областных управлений НКВД Каруцкий, Капустин и Волков. В 1936 г. покончил с собой секретарь Горловско-

го горкома ВКП(б) Фурер В.Я. (1904—1936 гг.), «сотворивший» Никиту Изотова и Алексея Стаханова и организовавший им большую рекламу. В письме к Сталину он писал, что решается на самоубийство, так как не может примириться с арестами и казнями невинных людей. По словам Хрущева, обсуждая письмо Фурера, Сталин сказал: «Фурер застрелился, этот негодный человек. Он взял на себя смелость давать характеристики членам Политбюро, написал всякие лестные слова в адрес членов Политбюро. Это ведь он маскировался. Он троцкист и единомышленник Лившица. Я вас вызвал, чтобы сказать об этом. Он нечестный человек, и жалеть о нем не следует». Застрелился, «чтобы последний раз перед смертью обмануть партию путем самоубийства и поставить ее в дурацкое положение» (42). Мир праху их! Однако причина смерти большинства из них не сопротивление преступному режиму, а плановые сталинские «чистки», когда слой за слоем уничтожались одни чекисты, а на их место заступали другие.

## СТАЛИНСКИЕ ПАЛАЧИ-СТАХАНОВЦЫ

Среди множества отечественных палачей были и настоящие мастера, сталинские палачи-стахановцы, равных которым вряд ли можно найти в человеческой истории. Основным претендентом на это звание, на наш взгляд, является Блохин Василий Михайлович. Русский. Член ВКП(б) с 1918 г. Генерал-майор госбезопасности, главный кремлевский палач, «рекордсмен». Считают, что за годы своей «работы» лично расстрелял от 10 000 до 15 000 человек (43). Некоторые исследователи называют еще более страшные цифры.

Родился Блохин в 1895 г. в семье крестьянина-бедняка в селе Гавриловское Владимирской губернии. Работал пастухом в деревне, каменщиком у подрядчиков в Москве. С 1915 г. — в армии. В 1918 г. вступил в Красную Армию — помощник начальника военкомата, командир взвода. В 1921 г. поступил на работу в ВЧК — командир взвода войск ВЧК. С 1926 г. комендант ОГПУ-НКВД СССР. Почти 30 лет руководил расстрелами в НКВД-МГБ-МВД при Ягоде, Ежове и Берии, при котором и получил звание генерала. Наряду с Петром Магто считается одним из самых «результативных» палачей — лично расстрелял многих известных осужденных, в том числе Тухачевского, Якира, Уборевича, Смильгу, Карахана, Квининга, Чубаря, Косарева, Эйхе, Косиора, Ежова, Фриновского, Михаила Кольцова, Бабеля, Мейерхольда. За «героические» дела родина наградила Василия Михайловича орденом Ленина, тремя

орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны первой степени, Почетным знаком ВЧК-ГПУ, множеством медалей. За долгую безупречную службу был премирован автомобилем «Победа», именными золотыми часами и именным оружием. В 1953 г. уволен из органов МГБ по состоянию здоровья, а в 1954 г. лишен звания генерал-майора «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала». Согласно медицинскому заключению, Блохин страдал гипертонической болезнью 3-й степени. Умер от инфаркта миокарда, по другим данным — застрелился. По иронии судьбы похоронен на Донском кладбище, где в безымянные ямы ссыпали пепел его кремированных жертв.

Расстрельная команда Блохина, или «спецгруппа», как ее называли в документах, состояла из сотрудников разных подразделений. В конце 1920 — начале 1930-х гг. здесь были сотрудники специального отделения при Коллегии ОГПУ, которое занималось охраной советских вождей и персонально Сталина. То есть совмещали дело охраны вождей с участием в регулярных расстрелах «врагов народа». В штате центрального аппарата ОГПУ они значились как «комиссары для особых поручений»: А.П. Рогов, И.Ф. Юсис, Ф.И. Сотников, Р.М. Габалин, А.К. Чернов, П.П. Пакалн, Я.Ф. Родованский. Другая часть исполнителей служила в комендатуре ОГПУ: В.М. Блохин, П.И. Магто, В.И. Шигалев, И.И. Шигалев, П.А. Яковлев, И.И. Антонов, А.Д. Дмитриев, А.М. Емельянов, Э.А. Мач, И.И. Фельдман, Д.Э. Семенихин. Очевидцы вспоминали, что сам процесс казни доставлял Блохину высшее наслаждение. К расстрелам он готовился, как опытный хирург к сложной операции: не спеша облачался в кожаную куртку, натягивал перчатки до локтей, деловито поправлял длинный фартук, лихо сдвигал чуть набок кепку с длинным козырьком и с удовольствием оглядывал себя в зеркало. После этого проверял оружие и шел на «работу». Из всех видов оружия предпочитал немецкий вальтер, который отличался высокой надежностью и мало нагревался при «больших объемах работы». Случалось, что за рабочий день Василий Михайлович отправлял на тот свет до 200 человек и при этом чувствовал себя отлично.

В 1940 г. Блохин руководил массовым расстрелом пленных польских офицеров в Осташковском лагере под Тверью, где было уничтожено 6300 человек. За время командировки Блохин лично расстрелял 600 человек. В том же году он получает свой первый боевой орден Красного Знамени. Для расстрела поляков в Калинин вместе с Блохиным из Москвы были командированы палачи майор НКВД Николай Синегубов и комбриг Михаил Кривенко. Блохин привез с собой из Москвы также двух экскаваторщиков. Одним из них был сотрудник НКВД, штатный могильщик



Антонов. Массовое убийство польских военнопленных началось 5 апреля 1940 г. Поляки доставлялись в здание НКВД, где их расстреливали. Трупы вывозились автомобилями за 32 километра от Калинина к поселку Медное, где экскаватором были выкопаны рвы на 6300 человек. В расстрелах кроме Блохина приняли участие около 30 человек: Синегубов, Кривенко, сотрудники областного управления НКВД Павлов и Рубанов, тюремные надзиратели и водители.

В первый день на казнь привезли 343 человека. Палачи работали всю ночь, но им не удалось «исполнить» всех в темное время и пришлось расстреливать уже после восхода солнца. Блохиным было приказано, чтобы в дальнейшем ежедневно на казнь поставляли по 250 человек. Начальник Калининского областного управления НКВД генерал-майор Дмитрий Токарев на допросе показал, как в первый день расстрелов к нему в кабинет зашел Блохин и сказал: «Ну, пойдем». Мы пошли. И тут я увидел весь этот ужас... Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. На меня это произвело огромное впечатление — я увидел палача!» (44). Токаревское описание Блохина детально соответствует тому, которое со ссылкой на ветеранов НКВД привел в своей книге Теодор Гладков: «В швейной мастерской административно-хозяйственного управления НКВД Блохину сшили по его заказу длинный, до самого пола, широкий кожаный фартук, кожаный картуз и кожаные перчатки с раструбами — чтобы не забрызгивать кровью одежду». Перед казнями Блохин запрещал пить водку, но каждая кровавая ночь заканчивалась пьяными застольями. Блохин заказывал водку ящиками. Когда все поляки были уничтожены, Блохин устроил прощальный «банкет» для палачей.

26 октября 1940 г. нарком Берия подписал приказ № 001365 о награждении денежными премиями 125 сотрудников центрального аппарата НКВД и УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей «за успешное выполнение специальных заданий», а именно за расстрел поляков. 44 сотрудникам выдали премию в размере месячного оклада, 81 сотруднику — по 800 рублей. Среди получивших премии были: начальник Комендантского отдела АХУ НКВД майор ГБ В.М. Блохин (премия в размере месячного оклада); сотрудники для особых поручений Комендантского отдела АХУ капитан ГБ В.И. Шигалев, старший лейтенант ГБ И.И. Шигалев (он же — начальник АХО УНКВД Московской области), старший лейтенант ГБ Д.Э. Семенихин и лейтенант ГБ А.М. Емельянов; начальник следственной части и заместитель начальника Главного транспортного управления НКВД старший майор ГБ Н.И. Синегубов;

заместитель начальника Главного тюремного управления НКВД майор ГБ К.С. Зильберман; начальник штаба Конвойных войск НКВД комбриг М.С. Кривенко; начальник Оперативного отдела Главного управления конвойных и внутренних войск НКВД полковник А.А. Рыбаков; помощник начальника 1-го спецотдела НКВД капитан ГБ А.М. Калинин; зав. машбюро секретариата 1-го спецотдела сержант ГБ Р.С. Гецелевич.

Штатным палачом НКВД был также Магто Петр Иванович (1879—1941 гг.). Латыш, окончил два класса сельской школы, профессия — батрак. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. вступил в ВКП(б). С апреля 1918 — боец Свеаборгского отряда ВЧК, с октября 1919-го — надзиратель внутренней тюрьмы ВЧК, с 1920 г. — начальник внутренней тюрьмы ВЧК, комендант дома №11 на Большой Лубянке. В 1931 г. по собственному желанию стал сотрудником для особых поручений комендатуры ОГПУ, то есть палачом. Наряду с Блохиным считается лидером среди палачей НКВД по количеству исполненных приговоров. По мнению Бориса Сопельняка и других исследователей, имевших доступ в архивах к расстрельным актам, лично расстрелял около 10 000 человек — в среднем по 1000 человек в год (45).

Награды: Знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ», орден Ленина, орден Красной Звезды (1936 г.) — «за особые заслуги в борьбе за упрочение социалистического строя», орден Красного Знамени (1937 г.) — «за выполнение важнейших заданий правительства». Награжден также именными золотыми часами. В его служебной характеристике записано: «К работе относится серьезно. По особому заданию провел много работы». Борис Сопельняк в своей книге «Смерть в рассрочку» описывает, как однажды, расстреляв десятка два приговоренных, Магто настолько вошел в раж, что принял за своего «клиента» стоящего рядом начальника особого отдела Попова. И заорал: «А ты чего тут стоишь? Раздевайся! Немедленно! Не то пристрелю на месте!» Перепуганный коллега еле отбилсЯ от «серьезно относящегося к работе» палача. Однако в работе орденоносного палача были и недостатки. Так, в письменном отчете лубянскому руководству непосредственный начальник Магто И.Д. Берг отметил, что под пистолетом Магто многие приговоренные умирают со словами: «Да здравствует Сталин!» Резолюция руководства на отчете была чисто большевистской и гласила: «Надо проводить воспитательную работу среди приговоренных к расстрелу, чтобы они в столь неподходящий момент не марали имя вождя», «не допускать таких явлений в дальнейшем». Умер в 1941 г. от хронического алкоголизма. По слухам, в приступе белой горячки покончил с собой. Кремирован. Прах похоронен на Новодевичьем кладбище, буквально в двух шагах от могил Гоголя, Чехова, Маяковского, боевых

генералов — защитников отечества, мирового уровня инженеров, ученых, деятелей культуры и искусства.

Берг Исая Давыдович (1905—1939 гг.). Еврей. Родился в Москве. В 1920 г. вступил в ряды Красной Армии, с 1925 г. — командир взвода, с 1930 г. — член ВКП(б), с 1934 г. — начальник административно-хозяйственной части Московского областного управления НКВД. Возглавлял группу палачей, приводивших в исполнение решения «тройки» УНКВД Московской области в 1937—1938 гг. Прославился тем, что является создателем машин-«душегубок» (46). В кузова таких машин, внешне напоминавших хлебные фургоны, выводилось отверстие выхлопной трубы, и на пути следования к месту казни люди отравлялись газом. Арестованный Берг пояснил следствию, что без такого усовершенствования «невозможно было исполнить столь большое количество расстрелов, к которым приговаривали три “тройки” одновременно». По прибытии на место казни расстрельной команде оставалось только выгрузить трупы для погребения в заранее приготовленных рвах. Если же жертвы не умирали от удушья, то они находились в полубессознательном состоянии, что облегчало их ликвидацию. Впервые такая «технология» применена в 1936 г., значительно раньше, чем подобные машины (gasenvagen) появились в гитлеровской Германии. Уж не идею ли Исаю Давыдовича использовали гестаповцы для уничтожения евреев и других узников в концлагерях?

Из показаний Берга и из разговоров, которые ходили среди сотрудников УНКВД МО, было известно, что процедура приведения приговоров в исполнение, организованная Бергом, носила омерзительный характер: приговоренных к расстрелу раздевали догола, связывали, затыкали им рты и бросали в машину, имущество арестованных расхищалось. Массовые казни на Бутовском полигоне продолжались до 19 октября 1938 г. Всего здесь были расстреляны 20 765 человек. Сколько из них погибло в душегубках по пути к «спецобъекту», едва ли когда-нибудь станет известно. Берг был арестован 4 августа 1938 г. по обвинению в участии в террористической организации, действовавшей в НКВД. Расстрелян 7 марта 1939 г. Захоронен на Донском кладбище. По заявлению членов семьи реабилитирован решением Военной коллегии Верховного суда СССР 6 июня 1962 г. Воистину неисповедимы пути твои, Господи!

Мач Эрнст Ансович (1898 — не ранее 1945 г.). Латыш. Образование начальное. Работал пастухом. В 1915—1918 гг. — столяр Русско-Балтийского завода в Твери. В 1918—1919 гг. — столяр в Харьковской строительной конторе. В 1919—1920 гг. — рядовой в РККА. С 1920 г. — в ЧК, разносчик тюрьмы ВЧК, затем надзиратель тюремного отдела ГПУ-ОГПУ, с 1934 г. — помощ-

ник начальника пожарного отделения, с сентября 1937 г. — сотрудник для особых поручений комендатуры НКВД СССР. Лейтенант госбезопасности (1937). Приводил в исполнение расстрельные приговоры. Награды: Почетный знак ВЧК-ГПУ (1936), орден Красной Звезды (1937), орден «Знак Почета» (1937), орден Красного Знамени (1944), орден Ленина (1945). Майор госбезопасности. Отдавший двадцать шесть лет «любимому делу» был уволен из органов, как «страдающий нервно-психической болезнью».

Братья Василий и Иван Шигалевы. Русские. Одни из самых известных палачей сталинской эпохи. Старший, Василий, получив в родном Киржаче четырехклассное образование, учился на сапожника, вступил в Красную гвардию, был пулеметчиком, затем надзирателем в печально известной внутренней тюрьме. Прослужив некоторое время в комендатуре НКВД, в 1937-м становится сотрудником для особых поручений. Стал почетным чекистом, кавалером нескольких боевых орденов. Член ВКП(б). Младший, Иван, получил трехклассное образование и, отслужив в армии, пошел по стопам старшего брата: надзиратель во внутренней тюрьме, вахтер, начальник бюро пропусков и, наконец, сотрудник для особых поручений. Он быстро догоняет брата по количеству расстрелов, а по количеству наград даже обгоняет. Став подполковником, он получает орден Ленина. В числе его многих наград есть и медаль «За оборону Москвы», хотя палачу не довелось убить ни одного немца. Братья-палачи не знали, что их фамилия уже увековечена, и не кем-нибудь, а самим Достоевским. Это он нарисовал образ Шигалева и предвидел шигалевщину как уродливое порождение социалистической идеи и описал это явление в «Бесах». Выразитель этой идеи Верховенский пророчески говорит: «Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Тут каждая шелудивая “кучка” пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам».

К палачам-стахановцам можно отнести и П.А. Яковлева, бывшего одно время личным водителем Ленина и Сталина. Петр Яковлев «с 1922 по 1924 г. был прикомандирован в Кремль к личному гаражу В.И. Ленина и тов. Сталина. Был начальником гаража и обслуживал их лично». Надо ли удивляться, что, имея таких покровителей, малограмотный сормовский рабочий дослужился до полковника, поработав начальником отдела связи, руководителем автобазы ОГПУ и, наконец, добрался до «высот» — стал сотрудником для особых поручений. Всю войну и в послевоенные годы,

вплоть до увольнения в отставку, местом работы Яковлева был комендантский отдел, а его главным инструментом — наган. Трудно поверить, но это факт: некоторое время он был депутатом Моссовета. В его характеристике, выданной при очередной аттестации, написано: «К работе относится хорошо. За дело болеет. Обладает большой работоспособностью и достаточной долей энергии. Хорошо ориентируется при выполнении оперативных поручений. Находчив, дисциплинирован, в быту скромен и хороший семьянин». Руководство НКВД и страны за «самоотверженный» труд отметило «заслуги» Яковлева многочисленными медалями и орденами, включая высшую награду страны — орден Ленина.

Если по общему количеству жертв рекордсменами, вероятнее всего, являются Блохин и Магто, то по числу «исполненных за одну трудовую смену» лидером, безусловно, является С.Н. Надарая. Полковник госбезопасности, в 1930-е гг. — комендант внутренней тюрьмы НКВД Грузии, затем телохранитель и начальник охраны Лаврентия Берия. Будучи исполнителем смертных приговоров, славился уникальной скорострельностью. Установил непревзойденный пока «рекорд», расстреляв за одну ночь 500 человек. В сентябре 1955 г. в Тбилиси был приговорен к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Вышел на свободу в 1965 г., после освобождения проживал в Грузии (47).

Если посмотреть на биографии исполнителей, то видно, что это были немолодые люди, офицеры, члены ВКП(б), как правило, с начальным образованием и большим опытом работы в органах. Все они были неоднократно награждены государственными наградами. Их «работа» хорошо оплачивалась. Они имели хорошие квартиры, зарплаты и пайки, а также путевки в санатории в любое время года. Куда уж было до них «мобилизованным» царским палачам. Однако за получаемые блага приходилось расплачиваться. Условия их «труда» можно оценить по воспоминаниям старых чекистов: «У нас всегда под рукой было ведро водки и ведро одеколона. Водку, само собой, пили до потери сознания. Что ни говорите, а работа была не из легких. Уставали так сильно, что на ногах порой едва держались. А одеколоном мылись. До пояса. Иначе не избавиться от запаха пороха и крови. Даже собаки от нас шарахались, а если и лаяли, то издали». «У того, кого ведешь расстреливать, руки обязательно связаны сзади проволокой. Велишь ему следовать вперед, а сам, с наганом в руке, за ним. Где нужно командуешь “вправо”, “влево”, пока не выведешь к месту, где заготовлены опилки или песок. Там ему дуло к затылку и трррах!

И одновременно даешь крепкий пинок в задницу. Чтобы кровь не обрызгала гимнастерку, и чтобы жене не приходилось опять и опять ее стирать».

Политическая обстановка в стране создавала те условия, при которых эти люди могли исполнять любые приказы, не испытывая угрызений совести. Однако не все могли выдерживать большие психологические нагрузки. Для большинства из них характерны нарушения психики. Они часто болели эпилепсией и другими психическими болезнями, спивались, кончали жизнь самоубийством. Как видно из личных дел исполнителей, большинство из них не дожили до старости. Застрелился «исполнявший» пленных поляков водитель Калининского УНКВД Н.И. Сухарев, покончил с собой зам. начальника этого же управления В.И. Павлов, спился и сошел с ума, а затем застрелился комендант управления А.М. Рубанов. Комендант дач госбезопасности в Козьих Горах (Катынский лес) П.М. Карцев, по свидетельству его дочери, после войны показал ей место захоронения расстрелянных, лег на него и долго рыдал, а 18 января 1948 г. покончил с собой. Главный палач Советского Союза Блохин, по неподтвержденным данным, также застрелился в феврале 1955 г. Многие уходили в отставку инвалидами. Так, Петр Яковлев заработал кардиосклероз, эмфизему легких, варикозное расширение вен и глухоту на правое ухо — верный признак, что стрелял правой рукой. Его коллега Иван Фельдман уволился инвалидом второй группы с таким количеством заболеваний, что не прожил и года. В приказе об увольнении сошедшего с ума подполковника Емельянова говорится: «Тов. Емельянов переводится на пенсию по случаю болезни (шизофрения), связанной исключительно с долготетней оперативной работой в органах». Помешался в рассудке и один из водителей, перевозивший трупы на захоронение.

Так что же двигало орденосносными палачами? Что заставляло их брать наган и стрелять в беззащитных людей? Обеспеченная жизнь, награды, упоение властью? Видимо, не это главное. Во всех служебных характеристиках палачей отмечено: «Идеологически выдержан. Делу партии Ленина—Сталина предан» или «безгранично предан». Не в этом ли дело? Не безграничная ли преданность идеям коммунизма пробудила в людях низменные инстинкты и породила тысячи палачей с партбилетами?

Кроме заслуженных штатных палачей-стахановцев, были рекордсмены и из среды рядовых чекистов. Поражает, с каким рвением эти наследники железного Феликса выполняли преступные приказы и казнили, по существу, безвинных людей. Так в разгар зимы 1938 г. в небольшой сибирский город Бодайбо для выполнения приказов о репрессировании по «кулацкой и иностранным операциям» был командирован сотрудник

НКВД Б.П. Кульвец. О том, как он выполнял приказы, свидетельствуют сохранившиеся в архиве Иркутской области его рапорты начальству. Приведем цитаты из этих рапортов: «По приезде в Бодайбо установил, что к операциям аппарат не готовился. Кроме учетных списков, других материалов почти не было. Больше приходилось действовать чутьем». «Китайские дела — по городу арестовал всех до единого, ближайшие прииски тоже опустошил. Остались только дальние прииски в 200—300 километрах. Туда разослал людей. Разгромлю всех китайцев в ближайшие дни». «Аресты производятся в условиях территориальной разбросанности от 200 до 500 километров. Мобилизовал некоторых работников милиции. Райком ВКП(б) выделил несколько партийцев, но все это подсобный контингент, который еще не может заставить арестованного говорить, и я вынужден использовать их в командировках по арестам». «С содержанием арестованных у меня чрезвычайно тяжелая обстановка. Забито все здание РО, все коридоры, в каждой комнате по 10—12 человек, полнейшая профанация следствия, допросы производятся в присутствии остальных, занял столовую, здание милиции, склады РО и пр. Ведь лимит тюрьмы на 75 человек. Арестовано более 1000 человек. Большая скученность, массовые заболевания, ежедневные почти смертные случаи. Умерло уже 9 человек, причем смертность будет увеличиваться, так как питание скверное, баня пропустить всех не может, большая вшивость. Особенно скверно с китайцами. Все они еле двигаются. Врач говорит, что если им не давать опиум, многие поумирают, так как все они старые курильщики опиума. В связи с тем, что не получают опиум, сильно физически страдают — кровавые поносы, хиреют на глазах. Некоторых я поддерживаю небольшими порциями опиума». «Протоколы самые легонькие приходится писать самому. Аппарат малоквалифицированный до анекдотов. Помогают мне только двое и те пишут в день по одному простенькому протоколу. Меня хватает (физически) на 3—4 протокола в сутки. В помощь от 4-го отдела мне прислан практикант. Товарищ Бучинский меня обманул. Очевидно, он недооценивает значение Бодайбо, иначе не посылал бы практиканта, которого нужно обучать, но не за счет командировки в Бодайбо. В связи со всеми указанными мною обстоятельствами большая опасность: оформить показания не успеем; я не успеваю пропускать через себя арестованных, и, следовательно, некоторые фигуры могут быть недоработаны. Таким образом, произвести выкорчевку врага к сроку не успеем. Прошу Ваших указаний». «Прошу Вас сообщить мне — почему из 260 человек имеется решение на 157 человек? Какое решение в отношении остальных 100 человек? Это для меня важно с точки зрения дальнейшего

следствия». «Меня очень огорчило, что из двух партий в 260 человек по первой категории (приговариваемых к расстрелу) идут только 157 человек». «Прошу учесть, что при фиксации социальных признаков арестованные, как правило, выдают себя за социально близкую нам прослойку». «В поссоветах и спецсекторах учетных данных нет, и потому социальные справки заполняются со слов. Проверять по прямому местожительству невозможно. Следовательно, эти признаки (социальные) в следствии также смазываются, и на заседаниях Тройки может об арестованном создаться превратное впечатление. Между тем изымается исключительно сволочь». «Прошу учесть, что в условиях Бодайбо большой контингент врагов, которым надо дать почувствовать силу Советской власти. Для этого выделяемая Вами норма первой категории — капля в море и не даст никаких результатов». «Прошу Вас принципиально пересмотреть вопрос о лимите первой категории для Бодайбо». «Только сегодня 10-ого марта получил решение на 157 человек. Вырыли 4 ямы. Пришлось производить взрывные работы, из-за вечной мерзлоты. Для предстоящей операции выделил 6 человек. Буду приводить исполнение приговоров сам. Доверять никому не буду и нельзя. Ввиду бездорожья можно возить на маленьких 3—4-местных санях. Выбрал 6 саней. Сами будем стрелять, сами возить и проч. Придется сделать 7—8 рейсов. Чрезвычайно много отнимет времени, но больше выделять людей не рискую. Пока все тихо. О результатах доложу». «Чтобы не читали машинистки, пишу Вам не печатно. Операцию по решениям Тройки провел только на 115 человек, так как ямы приспособлены не более чем под 100 человек». «Операцию провели с грандиозными трудностями. При личном докладе сообщу более подробно. Пока все тихо, и даже не знает тюрьма. Объясняется тем, что перед операцией провел ряд мероприятий, обезопасивших операцию. Также доложу о них при личном докладе» (48).

Всего в небольшом районном городе Бодайбо в 1938 г. было расстреляно 948 человек. Места их захоронения не обнаружены до сих пор. Неизвестно также число приговоренных «по второй категории». Как же сложилась судьба этого образцового чекиста «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками»? Она достаточно характерна для «рыцарей революции». Выполнив с немалым трудом и энтузиазмом порученную ему грязную работу, Кульвец 30 июля 1940 г. был арестован и после восьмимесячного следствия 14 мая 1941 г. приговорен Военным трибуналом войск НКВД Забайкальского округа к расстрелу. По кассационной жалобе приговоренного высшая мера наказания была заменена 10 годами лагерей.

В следственном деле Кульвеца сохранилось заявление: «Заявляю еще раз и с этим умру, что работал я честно, не жалеючи себя, получил тубер-



кулез, не гнушался никакой работой вплоть до того, что по приговорам из Иркутска сам же приводил их в исполнение и в неприспособленных районных условиях приходилось таскать на себе, я приходил с операции обмазанный кровью, но мое моральное утешение я поднимал тем, что делал нужное и полезное дело Родине». Дальше его следы теряются. Во всяком случае, большевистская партия, служению которой Кульвеец отдал столько сил и рвения, по достоинству его не оценила.

При чтении рапортов чекиста Кульвеца невольно вспоминается знаменитый Ленский расстрел на приисках в Бодайбо, с которого ведет свое исчисление печатный орган РСДРП — ВКП(б) — КПСС — КПРФ газета «Правда». В передовой статье первого номера «Правда» объявила Ленский расстрел «толчком к перерастанию революционных настроений в массовое наступление против царизма и капитализма». По данным последнего издания Большой советской энциклопедии 1973 г., скорее всего завышенным, в ходе Ленского расстрела 1912 г. было убито 270 и ранено 250 человек, а Кульвеец лично расстрелял 948 человек. Дело, конечно, не в сопоставлении этих страшных цифр, дело в том, что чекист, в отличие от топорно выполненной полицейской операции, вызвавшей общероссийское возмущение, чинил расправы осознанно и тайно. Расправа над мирным шествием рабочих вызвала стачки и митинги по всей стране, в которых участвовали около 300 тыс. человек. На фоне «подвигов» сталинского чекиста Кульвеца кощунством кажутся слова самого Сталина, который в большевистской газете «Звезда» от 19 апреля 1912 г. писал: «Все имеет конец — настал конец и терпению страны. Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения. Тронулась!.. Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия, — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене».

Следующий палач-рекордсмен — помощник начальника 2-го отделения 3-го отдела ГУЛАГ НКВД, лейтенант Ефим Кашкетин (Скоморовский). В органах ОГПУ с 1927 г. В 1932 г. был признан негодным к службе «ввиду наличия выраженных невротических явлений и нарушения зрения на одном глазу», однако продолжал служить и был уволен из органов только в 1936 г. с диагнозом «шизоидный психоневроз». В начале 1938 г. был вновь зачислен в НКВД и направлен в Ухтпечлаг. По его словам, «был направлен Ежовым по борьбе с троцкистами». Руководил массовыми расстрелами заключенных и лично принимал участие в расстрелах и пытках. Вооруженный пулеметами взвод расстрельщиков под командованием Кашкетина весной 1938 г. расстрелял не менее 2508 человек. Кашкетин

зверски выбивал показания из уже приговоренных к смерти заключенных «об оставшихся связях в СССР, но и с выходом за границу». Арестован в январе 1939 г., расстрелян 9 марта 1940 г. (49).

К железной когорте палачей-стахановцев можно отнести и заместителя начальника АХУ УНКВД по Ленинградской области капитана госбезопасности Михаила Родионовича Матвеева, который был организатором и основным исполнителем расстрела 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы. Расстрелы проходили 1—4 ноября 1937 г. в урочище Сандармох, под городом Медвежьегорском, в Карелии. Матвеев за «смену» лично расстреливал от 180 до 265 человек. Среди его жертв около 300 лучших представителей украинской культуры. В 1938 г. Матвеева арестовали и приговорили к 10 годам лагерей по групповому уголовному делу на бывших оперативных работников Белбалтлага. Все они обвинялись в превышении власти при проведении расстрелов, в пытках и истязаниях. Отсидев около трех лет, в начале войны Матвеев был освобожден. Жил и умер в Ленинграде, спившимся, с трясущимися руками (50).

## ТАЙНЫЕ УБИЙСТВА И ИХ ИСПОЛНИТЕЛИ

Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД не афишировали совершаемые убийства. Исключение составляли казни во время «красного террора» и публичных политических процессов над «врагами народа», о которых сообщалось в газетах. Однако в практике органов были и тайные, особо засекреченные, убийства. Их применение позволяло избегать нежелательной гласности, например при убийствах за рубежом или «акциях» против общественно значимых личностей, открытое убийство которых могло бросить тень на светлый облик «самого демократического в мире государства» и его вождя. Часто такие убийства вызывались «оперативной необходимостью», например, когда без суда уничтожались невозвращенцы и предатели. Тайные казни осуществлялись различными способами: применялись прямые убийства, отравления ядами, убийства путем «неправильного лечения», имитации самоубийств и организации «несчастных случаев». Такие убийства на профессиональном языке чекистов назывались «операциями» и «акциями», для их выполнения разрабатывались специальные оперативные планы, которые реализовывали особо доверенные, и надежные палачи.

В результате селекционного отбора в ближайшем окружении руководителей ВЧК-ОГПУ-НКВД Ягоды, Ежова и Берии формировались неформальные группы (отделы, управления специальных операций и др.)

убийц для выполнения таких акций. Эта когорта государственных киллеров формировалась и воспитывалась под эгидой вождя. Операции по проведению тайных убийств были особо секретными и их организаторы и исполнители старались не оставлять никаких следов. Поэтому многие такие убийства никогда не будут раскрыты, а связанные с ними тайны ушли в могилы вместе со Сталиным и его подручными. О некоторых из них можно предположительно судить лишь по косвенным признакам или пытаться найти ответ на сформулированный еще в римском праве вопрос: кому выгодна эта смерть? Однако многие убийства палачам не удалось скрыть, и со временем информация о них стала доступной. Большинство ставших известными тайных убийств и имена выполнявших их палачей связаны с уничтожением «врагов» за границей. Однако на совести «вождя всех народов» и его подручных были как массовые, так и «штучные» засекреченные убийства и внутри страны. Наиболее крупным и тщательно скрываемым массовым убийством был расстрел польских пленных, содержащихся в Осташковском, Козельском и Старобельском лагерях. Казни длились с начала апреля до середины мая 1940 г. в рамках «Операции по разгрузке лагерей» (51).

По данным, приведенным в записке председателя КГБ Шелепина (1959 г.), всего было расстреляно 21 857 поляков, из них в Катыни 4421 человек, в Харькове 3820 человек, в Калининне 6311 человек и 7305 человек в лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии (52). Палачи, тайно казнившие пленных, будут названы позднее. Тайно были казнены видные большевики Карл Радек (Собельзон) и Григорий Сокольников (Бриллиант), осужденные 30 января 1937 г. на 10 лет заключения. Причем именно Сталин сохранил им жизнь. В архиве сохранился проект приговора, отправленный Ульрихом Ежову с предложением расстрелять всех проходивших по процессу «параллельного центра». Представить, что Ежов без одобрения Сталина изменил меру наказания Радеку и Сокольникову, немыслимо. Возможно, что на сохранение жизни Радеку и Сокольникову повлиял разговор 9 января Сталина с известным еврейским писателем Лионом Фейхтвангером, который проявил интерес к их судьбе. Столь мягкое наказание может быть объяснено также желанием Сталина получить от Радека дополнительные показания против Николая Бухарина, с которым ему была устроена очная ставка, и против других фигурантов готовящегося третьего Московского процесса. Радек отбывал наказание в Верхнеуральской, а Сокольников в Тобольской тюрьме. По официальной версии, оба узника были убиты заключенными, но на самом деле бывших оппозиционеров сгубила откровенность и незнание основ агентурно-оперативной работы.

По сообщениям внутрикамерной агентуры, Радек и Сокольников постоянно в самых резких выражениях обвиняли Сталина в фальсификации прошедших политических процессов. После докладов об этом вождь решил действовать по установленному им же правилу: «есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы» и распорядился исправить свою ошибку двухлетней давности. Карл Радек был убит 19 мая 1939 г. В акте о его смерти, составленном администрацией Верхнеуральского политизолятора, сказано: «При осмотре трупа заключенного Радека К.Б. обнаружены на шее кровоподтеки, из уха и горла течет кровь, что явилось результатом сильного удара головой об пол. Смерть последовала в результате нанесения побоев и удушения со стороны заключенного троцкиста Варежникова, о чем и составили настоящий акт».

При расследовании, проведенном ЦК КПСС и КГБ в 1956—1961 гг., бывшие оперуполномоченные работники НКВД Федотов и Матусов показали, что убийство Радека было проведено под руководством ст. оперуполномоченного НКВД Петра Кубаткина, действовавшего по прямому указанию Лаврентия Берии и Богдана Кобулова, а распоряжение о «ликвидации» заключенных исходило лично от Сталина (53). В Верхнеуральскую тюрьму, где сидел Радек, прибыл оперуполномоченный секретно-политического отдела НКВД Кубаткин. Сначала он использовал привезенного с собой заключенного, уголовного Мартынова, который спровоцировал драку, но убить Радека с первого захода не удалось. Через несколько дней Кубаткин привез другого заключенного, по фамилии Варежников — на самом деле это был Степанов, бывший комендант НКВД Чечено-Ингушской ССР, осужденный за служебные преступления. Степанов спровоцировал новую драку и убил Радека. В ноябре 1939 г. он был отпущен на свободу, а Кубаткин вскоре стал начальником УНКВД по Московской области (54).

Григорий Сокольников был убит 21 мая 1939 г. В Тобольскую тюрьму для выполнения «спецзадания» прибыл другой палач, оперуполномоченный того же секретно-политического отдела Григорий Шарок (55). Шарок вместе с начальником тюрьмы Флягиным и осужденным по Кировскому делу бывшим сотрудником НКВД П.М. Лобовым забили экс-министра финансов СССР Сокольникова до смерти в одиночной камере. В акте о смерти было указано, что убийство в результате ссоры совершил сокамерник Котов П.М. (под этой фамилией в тюрьме и был оформлен Лобов). В акте отмечено, что при попытке Сокольникова напасть на Котова последний «схватил парашу и ударом по голове отстранил его от себя» (56). Остается лишь добавить, что Радек и Сокольников посмертно реабилитированы и, что самое важное, восстановлены в КПСС.

Примерно в то же время, когда решалась судьба Радека и Сокольников, вождем было принято решение тайно убить видного чекиста, дипломата и разведчика И. Т. Бовкуна-Луганца (57). В марте 1939 г. Бовкун-Луганец был отозван из Китая. Его отправили на отдых в дом отдыха в Цхалтубо. Жена должна была присоединиться к нему позднее. Нарком внутренних дел Грузии Авксентий Рапава получил от Берии указание поселить в тот же дом отдыха двух специально прибывших из Москвы сотрудников НКВД, которые имели указание тайно ликвидировать полпреда путем отравления (58). Как показал на следствии Рапава, Бовкуна-Луганца с женой должны были ликвидировать тайно, «чтобы иностранная разведка не догадалась об их разоблачении, а подчиненные полпреда не стали невозвращенцами».

Узнав о планируемом способе казни, Рапава позвонил по телефону Берии и доложил, что внезапная смерть такого ответственного работника неизбежно повлечет за собой вмешательство врачей и вскрытие трупа, и просил изменить план операции. По словам Рапавы, Берия ответил: «Я спрошу и сообщу». План «операции» изменили, Бовкуна-Луганца тайно арестовали, доставили в Москву и отдали лубянским следователям. Как пояснил на следствии Рапава, «это указание Берии было мною выполнено скрытно, ночью, так что никто посторонний не знал об аресте».

9 июня 1939 г. Берия направил Сталину и Молотову протокол допроса Бовкуна-Луганца от 5 июня с признательными показаниями. Берия писал, что только после очной ставки с арестованными бывшим наркомом внутренних дел Ежовым и его заместителем Фриновским от Бовкуна-Луганца было получено признание в том, что он был в 1934 г. «вовлечен в анти-советскую заговорщическую организацию» в НКВД своим тогдашним начальником Фриновским. 14 июня Берия направил Сталину протокол допроса Бовкуна-Луганца от 11 июня, в котором он назвал в числе «заговорщиков» бывшего советника полпредства СССР в Китае, одновременно являвшегося резидентом НКВД в Чунцине, полковника Михаила Ивановича Ганина и секретаря полпредства, одновременно резидента НКВД в Ханькоу, — полковника Николая Александровича Тарабарина. Оба они еще не были арестованы, причем Тарабарин в это время находился в Китае. Арест бывшего полпреда решили не афишировать и план «операции» переработали по новому сценарию. Жену Бовкуна-Луганца арестовали, и ей предстояло разделить страшную участь мужа.

О дальнейшем развитии событий рассказал на допросе в прокуратуре 1 сентября 1953 г. один из палачей, Шалва Церетели (59). «Я был вызван в кабинет Кобулова Богдана, где увидел Влодзимирского и еще одного сотрудника. Кобулов объявил нам, что есть двое арестованных, которых нужно уничтожить необычным путем. Мотивировал он это какими-то

оперативными соображениями. Тогда же он объявил, что нам троим поручается выполнение этого задания и что мы должны это сделать прямо в вагоне, в котором будут ехать эти люди из Москвы в Тбилиси» (60). По плану, изложенному Кобуловым, все следовало обставить так, «чтобы народ знал, что эти люди погибли в автомобильной катастрофе при следовании на курорт Цхалтубо и что соответствующие указания наркому внутренних дел Грузии Рапава уже даны. От Кобулова сразу же все мы пошли в кабинет Берии. Берия не сказал нам ничего нового, повторив то, что говорил Кобулов. Не помню, или у Кобулова, или у Берии я попросил разрешения ликвидировать их с применением огнестрельного оружия, но нам этого не разрешили, сказав, что нужно ликвидировать тихо, без шума. Старшим группы был Влодзимирский. Помню, что вагон был необычным, в нем был даже салон, всего в вагоне было пять человек — нас трое и мужчина с женщиной». «...Мы ликвидировали этих лиц. Влодзимирский молотком убил женщину, а я молотком ударил мужчину, которого затем придушил наш сотрудник. Этот сотрудник сложил тела в мешки и перенес их в автомашину» (61). Третьим сотрудником был начальник внутренней тюрьмы НКВД Миронов (62).

Тела убитых выгрузили из вагона на небольшой станции, передав сотрудникам НКВД, присланным Рапавой. Об инсценировке катастрофы Рапава позднее рассказал: «На дороге между Цхалтубо и Кутаиси мною была пущена под откос пустая легковая машина, затем были вызваны работники милиции, которые соответствующим образом оформили катастрофу (в машине было умышленно испорчено рулевое управление), а в отношении погибших было сказано, что они отправлены в Тбилиси для оказания скорой медицинской помощи». Как пояснил Церетели: «Тела убитых были где-то похоронены, но затем поступило указание из Москвы похоронить их с почестями. Тогда тела были выкопаны, положены в хорошие гробы и вновь похоронены, но уже гласно».

Торжественное прощание с Бовкуном-Лутанцом и его женой прошло 15 июля 1939 г. при большом стечении народа в Доме Красной Армии в Тбилиси. Похороны с государственными почестями состоялись на Ново-Верийском кладбище. В числе высших руководителей Грузии, прибывших проводить «безвременно погибших» в последний путь, наряду с первым секретарем ЦК КП(б) Грузии К.Н. Чарквиани был соучастник убийства Рапава. Правда, на траурном митинге он не выступал. Через сутки после автокатастрофы, 10 июля 1939 г., газета «Заря Востока» опубликовала сообщение о трагической смерти в автокатастрофе отъезжающих после отдыха из Цхалтубо в Тбилиси посла с супругой. Из этого сообщения

следовало, что машина, задействованная в имитации аварии, была не «пустой», т.е. была с водителем. «В ночь на 8 июля с. г. легковая машина ГАЗ-А, в которой следовали полпред СССР в Китае тов. И.Т. Бовкун-Луганец и его жена Н.В. Бовкун-Луганец, потерпела аварию на 7-м километре от Кутаиси по Цхалтубской дороге. Машина шла по прямой дороге с небольшим подъемом. Свернув внезапно резко вправо, в сторону оврага глубиной 12 метров, машина пошла под откос и, ударившись о земляной бугор, перевернулась на левый бок. Авария произошла в результате того, что у продольной рулевой тяги, в месте крепления ее у рулевой сошки, отвернулась не зашплинтованная пробка. Рулевая тяга сошла с места крепления, и машина потеряла управление. При аварии погибли т.т. И.Т. и. Н.В. Бовкун-Луганец и водитель автомашины т. Б.А. Чуприн. Техническая комиссия: К. Кадагншвили, Мамаладзе, ст. госавтоинспектор Г. Гвания» (63).

Расчет Сталина оправдался. Смерть полпреда в результате случайной катастрофы, отмеченная в центральных газетах некрологами, не вспугнула «заговорщиков», и они не скрылись от правосудия. Названные на допросах Бовкуном-Луганцом «заговорщики» Ганин и Тарабарин были арестованы, 28 января 1940 г. приговорены Военной коллегией Верховного суда к высшей мере и на следующий день расстреляны. Реабилитированы 25 июня 1957 г. На следствии палачи Церетели и Влодзимирский пытались перевалить вину друг на друга. Влодзимирский утверждал, что «старшим по группе» ликвидаторов был не он, а Церетели, и жену Бовкуна-Луганца убил не он, а Миронов. К сожалению, остались невыясненными обстоятельства убийства Бориса Чуприна, водителя якобы потерпевшей катастрофу машины полпреда. Бывший начальник внутренней тюрьмы Миронов не был даже арестован, хотя на следствии он проходил как соучастник убийства. В ходе допросов и Церетели, и Влодзимирский заявили, что не считают содеянное преступлением. Церетели, в частности, сказал: «Ликвидацию этих людей я считал законной, поскольку возглавлял эту операцию Влодзимирский, работавший тогда начальником следственной части по особо важным делам НКВД СССР и знавший дела на этих арестованных». Влодзимирский же заявил: «Этот случай я не считал убийством, а рассматривал его как оперативное задание».

По приказу Сталина была тайно арестована, а затем так же тайно казнена вторая жена маршала Г.И. Кулика Кира Ивановна Симонич-Кулик, подозреваемая в шпионаже. Сталин приказывал НКВД присматривать за женами своих соратников, имевших «неправильное» социальное или национальное происхождение или подозрительное прошлое. Вождя бесило, и на этот счет есть множество свидетельств, «засилье» еврейских жен в его ближайшем окружении, на самом партийном верху. На еврейках

были женаты многие русские члены ЦК и даже Политбюро в двадцатые и тридцатые годы: Молотов (Перл Карповская, она же Полина Жемчужина), Ворошилов (Голда Горбман), Бухарин (сначала Эсфирь Гурвич, потом Анна Лурье), Рыков (Нина Маршак), Калинин (Екатерина Лорберг), Киров (Мария Маркус), Куйбышев (Евгения Коган), Андреев (Дора Хазан, она же Сермус), Орджоникидзе (Зинаида Павлуцкая), Крестинский (Вера Иоффе), Постышев (Татьяна Постоловская), Луначарский (Наталья Розенель), Межлаук (Чарна Эпштейн), Ежов (Евгения Файгенберг-Хаятина-Гладун) и еще многие другие — их перечень занял бы много места. Даже помощник Сталина, едва ли не его alter ego, Александр Поскребышев, выбрал себе в жены Брониславу Соломоновну Вайнтрауб... Такие жены, по мнению Сталина, могли представлять интерес для вражеских разведок.

По указанию вождя были арестованы жены членов Политбюро Калинина и Молотова, а также Поскребышева, и статус высокопоставленных мужей не изменил их участи. Прошлое Киры Ивановны, по мнению вождя, было далеко не безоблачным. Отец, начальник царской контрразведки в Гельсингфорсе, расстрелян в 1919 г., мать побывала в ссылке и, вернувшись, выехала в Италию к другой дочери и не вернулась, два брата осуждены. Муж сестры художник Храпковский, протеже Кулика, был разоблачен как «вражеский лазутчик». Последний (перед Куликом) муж, в прошлом крупный нэпман некий Шапиро, как выяснится впоследствии; был связан с иностранными разведками. Кира любила шумные веселые компании, и часто в доме заместителя наркома обороны появлялись незнакомые люди (64).

Александр Соколову, автору книги «Анатомия предательства: «Суперкрот» ЦРУ в КГБ: 35 лет шпионажа генерала Олега Калугина», в конце 1950-х гг. в КГБ СССР поручили ознакомиться с оперативно-розыскным делом на Киру Кулик-Симонич и дать заключение о целесообразности уничтожения архивного дела. Вот что пишет Александр Соколов в своей книге: «По материалам, эта женщина вышла из дома, чтобы поехать на служебной машине мужа в Кремлевскую поликлинику, и домой не вернулась. В связи с этим по ней был объявлен всесоюзный розыск. Дело состояло из двенадцати томов. В нем находились циркулярные и отдельные телеграммы во все территориальные и транспортные органы НКВД с приметами пропавшей, кратким изложением факта — «вышла из дома и не вернулась» — и указанием о розыске. Сообщения, в том числе на имя наркома Берии, о проведенных агентурно-оперативных мероприятиях и их результатах. Заявления самого Кулика об исчезновении жены не было. В томах были подшиты многочисленные агентурные сообщения о Кулике...»



«...Большинство материалов дела относилось к Кулик-Симонич и двум ее сестрам, с которыми она проживала в 1920—1930-х гг. в Ленинграде. В частности, сведения об их весьма свободном образе жизни, кутежах и близких связях с иностранцами. В отдельном томе находились справки о содержании периодически прослушиваемых телефонных разговоров Кулик-Симонич, а также ее разговоров на квартире одного из известных деятелей советской культуры, с которым она находилась в весьма близких отношениях. Поиск результатов не дал, но постановление о прекращении розыска не выносилось. С 1941 г. дело находилось в архиве. Хотя по делу проводились розыскные мероприятия, у меня сложилось твердое мнение, что поиск велся формально и никого не интересовал. По своему содержанию розыскное дело фактически являлось делом агентурной разработки Кулик-Симонич. Его уничтожили». По воспоминаниям Александра Соколова, «в розыском деле не было материалов о каких-либо антисоветских высказываниях или подозрениях о “работе на капиталистические разведки” самого Кулика или его жены».

Нарком Ворошилов несколько раз требовал от своего зама порвать с Симонич и ее семейством, но Кулик, как известно, был упрям. В конце апреля Кулика вызвал Сталин, показал документы о шпионской деятельности семейства Симонич и категорически посоветовал развестись с женой. Кулик пообещал, но, вернувшись, домой, обо всем рассказал жене. Та сильно испугалась, несколько дней была не в себе, куда-то звонила, к кому-то бегала. Ее друзья перестали приходить к ним в дом. 5 мая 1940 г., за два дня до присвоения Кулику звания маршала, его жена пошла к зубному врачу и исчезла. 8 мая Кулик заявил о ее исчезновении в НКВД, но до разоблачения «банды Берии» жена Кулика находилась в розыске (65: 202). Тайно арестовать жену маршала Кулика Берия приказал Вениамину Гульсту, заместителю начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД, отвечавшему за охрану руководителей партии и правительства (66). Вот что он рассказал в августе 1953-го на допросе в Генеральной прокуратуре: «В 1940 г. меня вызвал к себе Берия. Когда я явился к нему, он задал мне вопрос: знаю ли я жену Кулика? На мой утвердительный ответ Берия заявил: “Кишки выпущу, кожу сдеру, язык отрежу, если кому-то скажешь то, о чем услышишь”. Затем Берия сказал: “Надо украсть жену Кулика, в помощь даю Церетели и Влодзимирского, но надо украсть так, чтобы она была одна”».

В течение двух недель на улице Воровского чекисты вели наблюдение, но жена Кулика без сопровождения не выходила. Каждую ночь заместитель наркома внутренних дел Меркулов приезжал проверять тайный

пост. Наконец в мае 1940-го вышедшая одна из дома Симонич-Кулик была незаметно задержана и отправлена в Сухановскую тюрьму НКВД. О подробностях «операции» рассказал на допросе 4 августа 1953-го участник похищения Влодзимирский. По его словам, опергруппу возглавил Церетели, задание они получили непосредственно от Берии, а руководил операцией Меркулов. Влодзимирский пояснил, что сам не участвовал в допросах Симонич-Кулик.

По показаниям Меркулова, Симонич-Кулик в Сухановской тюрьме была допрошена 2 или 3 раза, а затем была завербована в агенты НКВД. Через некоторое время Берия, сославшись на «инстанцию», сказал, что освободить ее нельзя, а надо ликвидировать. Берия сказал также, что официальный розыск Симонич-Кулик был им объявлен «для видимости» и тоже по распоряжению «инстанции». Исходя из этого, пояснил Меркулов, он не считал ее физическое уничтожение «незаконным». «Инстанция» — под этим эвфемизмом Генеральная прокуратура в протоколах допросов членов «банды Берии» стыдливо прятала организатора и вдохновителя преступных акций Сталина. Хотя на следствии иногда его фамилия называлась и прямо. Только он мог решить судьбу Киры Симонич-Кулик.

О том, как ее убили, рассказал на допросе Влодзимирский. Он вместе с начальником внутренней тюрьмы Мироновым отправился в Сухановскую тюрьму. Там они получили арестованную, доставили ее в помещение в Варсонофьевском переулке, где во внутреннем дворе их встретил комендант НКВД Василий Блохин. Миронов и Блохин отвели Симонич-Кулик во внутреннее помещение нижнего этажа здания и застрелили. Буквально через несколько минут, когда они вышли во двор, к ним подошли прокурор СССР Виктор Бочков и Богдан Кобулов. Бочков выругал Блохина, что он произвел расстрел, не дождавшись его и Кобулова. Влодзимирский описал эту сцену так: «Я хорошо помню, как Блохин при мне доложил им, что приговор приведен в исполнение. Бочков тогда выругал Блохина, сделав ему строгое замечание, что он привел приговор в исполнение, не дождавшись его и Кобулова». Когда эти показания Влодзимирского зачитали на допросе в прокуратуре Бочкову 25 января 1954-го, он заявил, что «за давностью лет не припоминает» такого, поэтому ни подтвердить, ни опровергнуть показания Влодзимирского не может.

Блохин, долгие годы приводивший в исполнение смертные приговоры, на допросе 19 сентября 1953-го рассказал, что его вызвал Кобулов и сказал, что привезут женщину и ее нужно расстрелять без оформления бумаг, причем «Кобулов запретил ее о чем-либо спрашивать». В тот же день Влодзимирский и Миронов доставили в помещение для расстрела женщину, и в их присутствии Блохин ее расстрелял. На том же допро-

се Блохин вспомнил, что был еще один аналогичный случай в 1940 или 1941 году, когда он расстрелял в присутствии Кобулова и Влодзимирского какого-то неизвестного мужчину. При этом Кобулов его заверил, что бумаги о расстреле будут оформлены позже. Фамилия расстрелянного осталась невыясненной. Допрошенный по «делу Берии» 29 августа 1953-го еще в качестве свидетеля, Меркулов на вопрос, как он расценивает историю похищения и убийства жены маршала Кулика, ответил: «Расцениваю это как факт безобразный, противоречащий моим убеждениям и ничего не давший с точки зрения целесообразности. Однако я не сомневался, что таково было указание И.В. Сталина, а любое указание товарища Сталина я выполнял безоговорочно». И пояснил, что Берия четко ему сказал, что в отношении Симонич-Кулик есть прямое указание Сталина.

Также по указанию Сталина в ночь с 12 на 13 января 1948 г. в Минске был тайно убит актер, режиссер, педагог, общественный деятель, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Михоэлс (наст. фамилия Вовси) Соломон Михайлович. В качестве председателя Еврейского антифашистского комитета в годы Великой Отечественной войны Михоэлс внес весомый вклад в победу. В 1943 г. Сталин использовал С.М. Михоэлса для сбора средств на вооружение Красной Армии среди еврейской диаспоры ряда зарубежных стран. Вместе с поэтом И. Фефером Михоэлс семь месяцев находился в США, Англии, Канаде и Мексике.

«С помощью еврейских организаций США были собраны средства, на которые приобретено 1000 самолетов, 500 танков, значительное количество продовольствия, одежды и обуви. В СССР были отправлены два парохода с вещами, медикаментами и продуктами» (67).

Вскоре после смерти Сталина бывший министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов, находившийся тогда в заключении, показал: «Насколько я помню, в 1948 г. глава Советского правительства И.В. Сталин дал мне срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию которого я не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию...» (68).

Разработка и проведение операции были поручены заместителю министра госбезопасности СССР С.И. Огольцову и министру госбезопасности БССР Л.Ф. Цанаве (69); (70).

Сопровождавший Михоэлса театровед В.И. Голубов-Потапов, как выяснилось впоследствии, был тайным агентом МГБ. Было решено че-

рез агента «пригласить Михоэлса в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, привезти его на территорию загородной дачи Цанавы, где и ликвидировать, а труп вывезти на малолюдную улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машины...». Вот что показал Цанав: «...При приезде Огольцов сказал нам, что по решению Правительства и личному указанию И.В. Сталина должен быть ликвидирован Михоэлс, который через день или два приезжает в Минск по делам службы... Убийство Михоэлса было осуществлено в точном соответствии с этим планом <...> примерно в 10 часов вечера Михоэлса и Голубова завезли во двор дачи. Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, трупы Михоэлса и Голубова были погружены на грузовую машину и отвезены и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».

В Архиве КГБ Республики Беларусь хранится архивно-следственное дело в двух томах, которое проливает свет на последние дни жизни и обстоятельства смерти С.М. Михоэлса. Из дела следует, что каждый шаг Михоэлса в Минске находился под контролем МГБ БССР. Трупы Михоэлса и Голубова были обнаружены около строящейся трамвайной линии в семь часов утра рабочими. Погибшие были запорошены снегом, все вещи и деньги у них были целы. Все выглядело как несчастный случай, и расследование поручили милиции. В Минск была командирована группа оперативных работников Главного управления милиции МВД СССР, которая спустя месяц после гибели Михоэлса представила заместителю министра внутренних дел СССР генерал-полковнику И.А. Серову совершенно секретную записку о результатах проведенного расследования. В ней, в частности, было отмечено: «Оба трупа оказались вдавленными в снег, который шел с вечера 12 января при значительном ветре. Вся одежда покойных, деньги, документы и ручные часы (у Михоэлса золотые) оказались в сохранности. У часов Михоэлса отсутствовало лишь стекло, однако часы эти, как и часы Голубова-Потапова, в момент осмотра трупов были на ходу. Судебно-медицинским исследованием трупов, производившимся 13 января главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения БССР Прилуцким и экспертами-врачами Наумович и Карелиной, установлено, что смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда на них тяжелой грузовой автомашины. У покойных оказались переломанными все ребра с разрывом тканей легких, у Михоэлса перелом позвонка, а у Голубова-Потапова тазовых костей. Все причиненные повреждения являлись прижизненными... Никаких

данных о том, что Михоэлс и Голубов-Потапов погибли не от случайного на них наезда, а от каких-либо других причин, расследованием не добыто... Необходимо отметить, что работа по выявлению скрывшегося водителя представляет большие трудности. В автохозяйствах гор. Минска имеются свыше 4 тысяч машин. Кроме того, значительное количество машин ежедневно прибывает в Минск из других областей, а также из воинских подразделений, дислоцированных в Минской области. Таким образом, несмотря на принятые меры, установить водителя, совершившего наезд на Михоэлса и Голубова-Потапова, пока не представилось возможным...» (71).

В Москве были организованы пышные похороны Михоэлса. В те дни «Правда» вышла с большим некрологом, в котором Михоэлс был назван «активным строителем советской художественной культуры», «крупным общественным деятелем, посвятившим свою жизнь служению советскому народу».

Организаторы убийства С.М. Михоэлса впоследствии были награждены орденами. Особо была отмечена роль министра госбезопасности БССР Л.Ф. Цанавы. 12 августа 1950 г. Сталин подписал постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о награждении его орденом Ленина. Такой чести Цанавы был удостоен в связи с 50-летием и «за заслуги перед государством».

23 мая 1946 г. в Нюрнберге, в номере гостиницы, был найден мертвым советский прокурор, советник юстиции III класса Николай Зоря. Расследование, которое провел сын погибшего прокурора Юрий Зоря, показало, что прокурор не должен был допустить появления показаний Риббентропа о существовании секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении. Но и Риббентроп, и его заместитель Вайцзеккер под присягой раскрыли его содержание (72).

Накануне своей гибели Зоря просил непосредственного начальника — генерального прокурора Горшенина — срочно организовать ему поездку в Москву для доклада Вышинскому о сомнениях, возникших у него при изучении катынских документов, так как с этими документами он выступать не может. Горшенин отказал. Внезапная смерть молодого здорового члена советской делегации в центре внимания всего мира — это не сталинский стиль. Его можно было бы вызвать в Москву и там с ним расправиться. Однако Зоря совершил непростительную ошибку, и это потребовало немедленной реакции. Сомнение в сталинской правде о Катыни — это смертный приговор не только сомневавшемуся, но и его окружению. Зоря скорее всего этого не учел. Наверное, он надеялся, что Вышинский поймет слабость обвинения и не допустит компрометации советской стороны перед трибуналом, а может, позволит ему не возвращаться из Москвы в Нюрнберг.

На следующее утро Зорю нашли мертвым. Официальная версия — неосторожность при чистке оружия; семье сообщили о самоубийстве. Среди советской делегации ходили слухи, будто Сталин сказал: «Похоронить, как собаку!» (73). С событиями в Катыни было связано еще одно тайное убийство. 30 марта 1946 г. у себя в квартире в Кракове был убит польский прокурор Роман Мартини, собиравший материалы по Катынскому делу. Тотчас пошли слухи, что Мартини нашел документы, неоспоримо доказывающие вину НКВД за расстрел пленных, и за несколько дней до убийства передал их с соответствующим докладом в Министерство юстиции. Убийцами были 20-летний С. Любич-Врублевский, бывший во время войны солдатом Армии Крайовой, а затем сотрудником милиции (предположительно, агент госбезопасности) и его 17-летняя подруга Иоланта Слапянка. Любич-Врублевский был арестован и тотчас бежал (впоследствии расстрелян), а его подруга была судима за убийство с целью ограбления. По некоторым данным, Мартини нашел так называемый «рапорт Тартакова» — немецкую фальшивку времен войны, которую, однако, долгое время принимали за подлинный документ НКВД (74).

Кроме очевидных и доказанных убийств, историками до сих пор ведутся споры о причастности «вождя народов» к убийству Фрунзе, Бехтерева, Куйбышева, Крупской и других видных деятелей. Можно с уверенностью утверждать, что вряд ли найдутся документы, свидетельствующие о прямой причастности вождя к их убийству. Если они когда-то и были, их давно уничтожили. Коба показал себя непревзойденным мастером фальсификаций и не оставлял следов там, где это могло ему навредить. Вызвала много вопросов смерть революционера, одного из видных военачальников Красной Армии во время Гражданской войны Михаила Васильевича Фрунзе (1885—1925 гг.), умершего вскоре после убийства Кирова. Официально сообщалось, что Михаил Фрунзе болел язвой желудка и 29 октября 1925 г. ему сделали операцию, которая прошла успешно. Однако через 39 часов Фрунзе скончался «при явлениях паралича сердца». Спустя 10 минут после его смерти, ночью 31 октября, в больницу прибыли Сталин, Рыков, Бубнов, Уншлихт, Енукидзе и Микоян. Была произведена экспертиза, по результатам которой судмедэксперт записал: «Обнаруженные при вскрытии недоразвития аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции».

На вопрос, почему возникла сердечная недостаточность, приведшая к смерти, ответа в заключении не было. Недоумение по этому поводу высказывалось и в газетах. Еще более загадочной стала ситуация после

публикации в день его смерти заметки «Товарищ Фрунзе выздоравливает» в «Рабочей газете». На рабочих собраниях спрашивали: зачем делалась операция; почему Фрунзе согласился на нее, если с язвой можно прожить и так; какова причина смерти; почему опубликована дезинформация в популярной газете? В связи с этим врач И.И. Греков, ассистировавший при операции хирургу В.Н. Розанову, дал интервью, помещенное с вариациями в разных изданиях. По его словам, операция была необходимой, так как больной находился под угрозой внезапной смерти и Фрунзе сам попросил прооперировать его по возможности скорее. «Операция относилась к разряду сравнительно легких и была выполнена по всем правилам хирургического искусства, но наркоз протекал тяжело; печальный исход объяснялся также обнаруженными при вскрытии непредвиденностями». По словам Грекова, к больному после операции никого не допускали, «но, когда Фрунзе сообщили, что ему прислал записку Сталин, он попросил записку прочесть и радостно улыбнулся». Записка была краткой: «Дружок! Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе прийти, — не пустили, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем... Коба» (75).

Интервью вызвало еще большее недоверие к официальной версии. Используя слухи и пересуды на эту тему, писатель Пильняк написал «Повесть непогашенной луны», где в образе командарма Гаврилова, умершего во время операции, все узнали Фрунзе. Часть тиража «Нового мира», где публиковалась повесть, была конфискована, что было воспринято общественностью как косвенное подтверждение версии убийства.

Некоторые историки считают, что смерть Фрунзе произошла из-за врачебной ошибки — от передозировки наркоза. Свою точку зрения они подкрепляют тем, что Фрунзе был ставленником Сталина и вполне лояльным к нему политиком. К тому же до расстрельного 1937 г. было 12 долгих лет, и вождь еще не осмелился на проведение «чисток» и устранение неугодных.

Однако их оппоненты отмечают, что уже и в 1925 г. происходили события, часть из которых можно рассматривать как «устранения». Этот год был отмечен целой серией «случайных» смертей и катастроф. Так 6 августа 1925 г. при невыясненных обстоятельствах был убит легендарный герой Гражданской войны Григорий Иванович Котовский, сделавший карьеру от уголовного преступника до члена ЦИК СССР и члена Реввоенсовета СССР. Фрунзе внимательно следил за ходом следствия по делу об убийстве Котовского. Потрясенный нелепой на первый взгляд смертью командира одного из крупных соединений РККА, ставшего недавно членом Реввоенсовета СССР и приглашенного на пост его заместителя, Фрунзе,

по-видимому, заподозрил что-то неладное и затребовал в Москву все документы по делу убийцы Котовского Мейера Зайдера. Кто знает, чем закончилось бы это следствие и какие имена были бы названы, если бы сам Фрунзе в октябре того же года не умер на операционном столе? (76).

19 марта в Москве внезапно умер «от разрыва сердца» председатель Союзного Совета ЗСФСР и один из председателей ЦИК СССР Н.Н. Нариманов. 22 марта в авиационной катастрофе погибли первый секретарь Закрайкома РКП(б) А.Ф. Мясников, председатель ЗакЧК С.Г. Могилевский и летевший с ними уполномоченный наркомата почт и телеграфов Г.А. Атарбеков. 27 августа в США, катаясь на лодке, при невыясненных обстоятельствах погибли недруг Сталина Э.М. Склянский и председатель правления акционерного общества «Амторг» И.Я. Хургин. Склянский, бессменный заместитель наркомвоенмора Троцкого, весной 1924 г. был отстранен от должности и назначен председателем правления треста «Моссукно».

28 августа на подмосковной станции погиб под поездом соратник Фрунзе, член Реввоенсовета 6-й армии во время Перекопской операции, член бюро Иваново-Вознесенского губкома партии, председатель Авиатреста В.Н. Павлов. Примерно в это же время в автомобильной аварии погиб близкий к Фрунзе начальник Мосгубмилиции Ф.Я. Цируль. Да и сам Михаил Васильевич в начале сентября выпал на полном ходу из автомобиля, дверца которого почему-то оказалась неисправной, и чудом остался жив. На вопрос, был ли у Сталина резон устранять Фрунзе, сторонники версии насильственной смерти Фрунзе приводят следующие аргументы. Летом 1923 г. в гроте недалеко от Кисловодска состоялось законспирированное совещание нескольких партийных лидеров под руководством Зиновьева и Каменева, названное впоследствии «пещерным». На нем присутствовали отдыхающие на Кавказе и приглашенные из ближайших регионов партийные деятели той поры. От Сталина поначалу это совещание скрыли, хотя обсуждался вопрос об ограничении его властных полномочий в связи с болезнью Ленина. Ни один из участников этого совещания, кроме Ворошилова, который скорее всего был там глазами и ушами вождя, не умер своей смертью. Фрунзе там присутствовал в качестве военного представителя. Мог ли Сталин забыть такое?

В 1924 г. по инициативе Фрунзе была проведена серьезная реорганизация Красной Армии. Он добился упразднения института политических комиссаров в армии — они были заменены помощниками командиров по политчасти без права вмешиваться в командные решения. В 1925 г. Фрунзе произвел ряд серьезных перемещений и назначений в командном составе, в результате чего во главе некоторых военных округов, корпусов



и дивизий оказались подобранные им лично военные с учетом их квалификации, а не по принципу коммунистической преданности.

Бывший секретарь Сталина Б.Г. Бажанов вспоминал: «Я спросил у Мехлиса, что думает Сталин об этих назначениях?» «Что думает Сталин? — переспросил Мехлис. — Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти тухачевские, корки, уборовичи, авксентьевские — какие это коммунисты. Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной Армии». Кроме того, Фрунзе лояльно относился к партийной оппозиции, чего Сталин не терпел. «Конечно, оттенки должны быть и будут. У нас ведь 700 000 членов партии, руководящих колоссальнейшей страной, и нельзя требовать, чтобы эти 700 000 человек по каждому вопросу мыслили одинаково», — писал наркомвоенмор. Не осталась без внимания вождя и статья о Фрунзе под названием «Новый русский вождь» в английском ежемесячнике «Аэроплан». «В этом человеке, — говорилось в статье, — объединились все составные элементы русского Наполеона». Статья стала известна партийному руководству. По свидетельству Бажанова, Сталин выразил резкое недовольство этим. Однако вскоре он проявил трогательную заботу о Фрунзе, сказав: «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников», после чего политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе согласиться на операцию. Бажанов считал, что Сталин убил Фрунзе, чтобы на его место назначить своего человека — Ворошилова (77). Перед операцией Фрунзе пишет жене очень личное письмо, которое оказывается в его жизни последним...

«Москва, 26.10. Здравствуй, дорогая! Ну вот, наконец, подошел и конец моим испытаниям! Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично этим решением удовлетворен. Пусть же раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение. У меня лично все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо, в противном случае, как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения. Ну, уж теперь нужно делать... После операции думаю по-прежнему недельки на две приехать к Вам. Твои письма получил. Читал их, особенно второе — большое, прямо с мукой. Что это действительно навалилось на тебя все болезни? Их так много, что прямо не верится в возможность выздоровления. Особенно если ты, не успев начать дышать, уже занимаешься устройством всяких других дел. Надо попробовать тебе серьезно взяться

за лечение. Для этого надо, прежде всего, взять себя в руки. А то у нас все как-то идет хуже-хуже. От твоих забот о детях, выходит, хуже тебе, а, в конечном счете, и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья Фрунзе какая-то трагическая... Все больны, и на всех сыплются все несчастья!..» И правда, мы представляем какой-то непрерывный, сплошной лазарет. Надо попытаться изменить это все решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе. Ну, всего наилучшего. Крепко целую, поправляйся. Я настроен хорошо и совершенно спокоен. Лишь бы было благополучно у Вас. Еще раз обнимаю и целую. М. Фр.» (78).

Похоронили Фрунзе у Кремлевской стены. Сталин произнес короткую речь. Троцкий на похоронах замечен не был. Вдова Фрунзе, по слухам, до последнего дня была убеждена, что его «зарезали врачи». Она пережила мужа на год.

В ночь с 23 на 24 декабря 1927 г. в возрасте семидесяти лет скончался выдающийся русский психиатр, невропатолог, физиолог и психолог академик Владимир Михайлович Бехтерев.

По официальной версии, причиной смерти стало бытовое отравление. Известно, что Бехтерев был консультантом в Лечебно-санитарном управлении Кремля. В 1923 г. он дважды вызывался как невропатолог для консультаций больного Ленина. О состоянии здоровья Ленина и его отношении к своему здоровью ученый опубликовал статью «Человек железной воли» в газете «Петроградская правда» (26 января 1924 г. №21).

Версию о насильственной смерти В.М. Бехтерева изложил профессор А.М. Шерешевский, посвятивший много лет изучению его биографии. Он утверждал, что Владимир Николаевич Мясисhev, 22 года возглавлявший Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, и профессор, генерал-майор медицинской службы Николай Николаевич Тимофеев, долгие годы возглавлявший психиатрическую службу Советской Армии, независимо друг от друга сообщили ему, что В.М. Бехтерев накануне смерти по просьбе Лечебно-санитарного управления Кремля как невропатолог консультировал И.В. Сталина в связи с известной сухорукостью. «Сведения аналогичного характера сообщались в свое время также известным историком психиатрии и современником В.М. Бехтерева профессором Т.Н. Юдиным и председателем правления Всероссийского научного медицинского общества невропатологов и психиатров профессором В.М. Баншиковым. Следует обоснованно полагать, что сходные данные (из разных источников) об осмотре И.В. Сталина В.М. Бехтеревым в конце декабря 1927 г. делают этот факт в достаточной степени достоверным» (79).

О факте осмотра И.В. Сталина в эти дни В.М. Бехтеревым стало известно также профессору А.Е. Личко от доцента Е.И. Воробьевой, работавшей с В.М. Бехтеревым «с дореволюционных лет», профессора А.С. Чистовича, близкого сотрудника Бехтерева, и доцента К.М. Кондорацкой, дальней родственницы Владимира Михайловича, часто бывавшей в его семье (80).

По сведениям из тех же источников, врачебный осмотр Сталина Бехтерев проводил впервые. Будучи крупнейшим в мире врачом-невропатологом, ученый одновременно являлся виднейшим психиатром своего времени и «не мог не обратить внимание на аномальные личностные особенности своего пациента». «Остается неясным, присутствовал кто-либо из врачей при осмотре и беседе В.М. Бехтерева со Сталиным. Однако говорили, что по окончании этой процедуры ученый, выйдя из сталинского кабинета в приемную, бросил своего рода не совсем медицинскую, с точки зрения диагностики, короткую фразу “обыкновенный параноик”, которая тут же была услышана находящимися в комнате лицами». По другим сведениям, В.М. Бехтерев, сев в Президиум заседания съезда, на которое в тот день он прибыл с некоторым опозданием, на вопрос коллег о причинах его задержки с некоторым раздражением ответил: «Смотрел одного сухорукого параноика». Возможно, это высказывание и стало известно И.В. Сталину. Однако прямых свидетельств, подтверждающих, что смерть Бехтерева связана с осмотром Сталина, нет. Потомки Бехтерева называют другую причину его смерти. Его правнук, директор Института мозга человека С.В. Медведев, говорит: «Предположение, что мой прадед был убит, это не версия, а вещь очевидная. Его убили за диагноз Ленину — сифилис мозга... Он как раз собирался ехать на международный конгресс, где мог рассказать, и скорее всего это и послужило... доказать ничего нельзя если система хочет убрать доказательства, она делает это хорошо» (81).

Загадочными остаются и обстоятельства смерти видного революционера, крупного советского и партийного деятеля, бывшего председателя ВСНХ Валериана Владимировича Куйбышева (1888—1935 гг.), который скоропостижно скончался 25 января 1935 г. Его смерть последовала вскоре после убийства Кирова. В последней биографии В.В. Куйбышева, изданной в 1988 г., его смерть объясняется потерей здоровья в тюрьмах и ссылках, большим напряжением в работе после революции. «Натруженное сердце не выдержало», — писали его биографы. Однако свидетельства об обстоятельствах смерти Куйбышева крайне противоречивы. Имеются сторонники двух точек зрения — одни убеждены, что инициатором устранения Куйбышева был Сталин, другие отрицают это. В официальном медицинском заключении сказано: «...Смерть тов. Куйбышева наступила

вследствие закупорки правой венечной артерии сердца свертком крови (тромбом), образовавшимся в результате резко выраженного общего атеросклероза, поразившего в особенно сильной степени венечные артерии сердца». Журналист и историк В.Л. Боруля в книге «Радость жизни — битва. Повесть о В.В. Куйбышеве» так описывает его последние дни перед смертью: «В январе 1935 г. он чувствовал себя неважно. Мучили бессонница, боль, отдающая в поясницу. К концу дня снижалась работоспособность, моментами наплывала слабость, выступала испарина». Сестра Куйбышева Елена Владимировна вспоминала: «Поздно вечером 23 января я уходила от брата. Уже спустилась, чтобы одеться, и снизу — смотрела на сильную крепкую фигуру Валериана. — Сегодня у тебя был консилиум врачей, что они тебе сказали? — спросила я. — Они сказали, что я здоров. — А сердце? — Сердце? Это самое здоровое, что есть в моем организме».

Сын Куйбышева Владимир Валерианович, родившийся в 1917 г. в самарской тюрьме, уверен, что его отец был отравлен «лекарствами» — ядами по приказу Сталина. В числе исполнителей он называет секретаря Валериана Владимировича В. Максимова-Диковского и лечащего врача Л.Г. Левина. Вот как он описывает последний день жизни отца, когда тот внезапно почувствовал себя плохо и решил уйти домой: «Личный секретарь, В. Максимов, недавно сменивший (несмотря на резкие протесты отца!) верного и преданного Михаила Фельдмана, с кем отец провел многие годы, не сопровождает его и не вызывает лечащего врача Л.Г. Левина. Отец идет по Кремлю, домой, в тяжелом состоянии, обливаясь потом... Он направляется в амбулаторию, находившуюся в нашем подъезде на первом этаже. Амбулатория почему-то оказывается закрытой, что прежде никогда не бывало. С трудом поднимается на третий этаж. В квартире застаёт только домработницу Лену. Просит ее принести горячего молока, идет по коридору в свой кабинет. Там ложится на кушетку, накрывается пледом и вскоре в одиночестве умирает».

Версия отравления Куйбышева, которую поддерживает его сын, была официально озвучена через три года после смерти на знаменитом процессе конца 1930-х гг. Тогда же и был расстрелян В.А. Максимов-Диковский, которому инкриминировали «участие в террористическом акте» против Куйбышева. Эта версия имеет и дополнительное свидетельство. На медицинском вскрытии тела Валериана Владимировича присутствовала сестра жены Куйбышева — Нина Андреевна Лежава. С нее была взята подписка о неразглашении врачебной тайны, и только в 1953 г., после смерти Сталина, она рассказала своей сестре Ольге, вдове Куйбышева, что в его организме был обнаружен цианистый калий... (82).

Куйбышева похоронили в некрополе у Кремлевской стены. Через три года после смерти Валериана Куйбышева был расстрелян его брат Николай, военачальник, командир корпуса, герой Гражданской войны, награжденный четырьмя орденами Красного Знамени, трижды раненный в боях. Во время ареста он был командующим Закавказским военным округом. Его вызвали из Тбилиси в Москву и арестовали в поезде, ночью. 1 августа 1938 г., во время допроса в Бутырской тюрьме, Николая Куйбышева убили. По одной из версий, его застрелил лично Лаврентий Берия, новый руководитель НКВД. Официально он объявлен «участником анти-советского, троцкистского, военно-фашистского заговора» и «шпионом немецкой, польской, японской и литовской разведок». Реабилитирован. Расстреляна и первая жена Куйбышева, Евгения Соломоновна Коган. Известный историк и исследователь той эпохи Роберт Конквест в работе «Большой террор» пишет, что «живой Куйбышев мог представлять особо трудное препятствие на пути Сталина к осуществлению его планов, — и он умер точно в тот момент, когда Сталин начал нападение на других, главных своих противников».

До настоящего времени много неясного и в смерти Надежды Константиновны Крупской (1869—1939 гг.). После смерти Ленина ее отношения с вождем не складывались. В 1938 г. писательница Мариэтта Шагинян обратилась к Крупской по поводу рецензии и поддержки ее романа о Ленине «Билет по истории». Надежда Константиновна ответила ей подробным письмом, чем вызвала негодование Сталина. Разразился скандал, ставший предметом обсуждения ЦК партии. Роман из употребления изъяли, а всех причастных к его выходу в свет, включая Крупскую, наказали. О ней в решении говорилось: «Осудить поведение Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа на свет, но, наоборот, всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку. Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская сделала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело составления произведений о Ленине в частное и семейное дело и выступая в роли монополиста и истолкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал...» (83). Крупская скончалась в преддверии XVIII съезда партии, на котором собиралась выступить. Ходили слухи, что свое выступление она хотела посвятить осуждению сталинских репрессий.

Свой семидесятый день рождения Надежда Константиновна решила отметить в воскресенье, 24 февраля, на два дня раньше срока. В подмо-

сковном Архангельском на скромное застолье собрались старые друзья и близкие. Виновица торжества почти ничего не ела, выпила лишь несколько глотков шампанского за свое здоровье, а в семь часов вечера ей стало плохо. Впоследствии многие подозревали, что во время ужина Крупскую отравили. Однако, вероятнее всего, она умерла от несвоевременного оказания помощи. Скорая помощь из Лечсанупра Кремля прибыла к больной только через три с половиной часа. Прибывший врач М.Б. Коган, как считают некоторые специалисты, допустил ошибку в назначении лечения. Осмотрев Крупскую, которую мучили боли в животе, тошнота, рвота и высокое давление, он сделал ей стимулирующий сердечную деятельность укол и велел положить грелку на живот. Через час состояние больной ухудшилось, и врач сделал запись: «Сохнет во рту. Повторные позывы на рвоту, резкие боли в животе. Тепло не помогает. Пульс 110—120. Ввиду подозрения на острый воспалительный процесс вызваны на консультацию проф. М.П. Кончаловский и А.Д. Очкин. Доложено по телефону замнач. Лечсанупра Левинсону». Еще через полтора часа состоялся консилиум, на котором констатировали «весьма плохое общее состояние с резко учащенным неправильным пульсом, с посинением губ, носа и конечностей... При исследовании отмечены сильные боли в животе, особенно в нижней половине справа. Считаясь с наличием острых воспалительных явлений брюшной полости (заподозрен аппендицит)... и общего тяжелого состояния б-ной, решено б-ную срочно госпитализировать в Кремлевскую б-цу».

В больницу Крупскую доставили только в половине пятого утра, через девять с половиной часов после начала приступа аппендицита, что для пожилого человека было равносильно смертному приговору. Перитонит развивался, и больной становилось все хуже и хуже. Придя в сознание, она сказала: «Как там врачи хотят, а на съезд я все равно пойду», имея в виду открывающийся вскоре XVIII съезд ВКП(б). Возможно, она действительно собиралась сказать там что-то важное, и это занимало все ее мысли, или же просто пыталась подбодрить себя. 26 февраля врачи записали: «Больная по-прежнему находится в состоянии, близком к бессознательному. Значительная синюха. Похолодание конечностей. Липкий пот. Пульс аритмичный... Общее состояние остается крайне тяжелым, не исключаяющим возможность близкого печального исхода». Утром 27 февраля ее не стало. В записке Сталину и Молотову профессора С. Спасокукоцкий, А. Очкин, В. Виноградов и начальник Лечсанупра Кремля А. Бусалов написали, что «хирургическое вмешательство... при глубоком поражении всех внутренних органов и в 70 лет было абсолютно недопустимо» (84).

Прах Надежды Константиновны Крупской захоронен в Кремлевской стене. Урну с ее прахом нес Иосиф Сталин. Изучая архивы НКВД, историк Дмитрий Волкогонов пришел к выводу, что сотрудники секретно-политического и иностранного отделов этого ведомства и их агентура тайно уничтожили за пределами Советского Союза сотни людей, при этом многие террористические акции Сталин курировал лично (85). Особенно беспокоили вождя троцкисты, украинские националисты, деятели белой эмиграции и невозвращенцы, публично осуждающие массовые убийства внутри страны.

В то время когда Сталин и его окружение обвиняли троцкистов в подготовке террористических актов в СССР, за рубежом прошла серия убийств сторонников Троцкого и других революционеров, враждебных сталинскому режиму. Организацией политических убийств за рубежом занимался иностранный отдел (ИНО) ГУГБ НКВД СССР под руководством Абрама Слущкого (86).

Ареной политических убийств стала Испания, где с середины 1937 до середины 1938 г. под лозунгом уничтожения «фашистских шпионов» сотрудники и агенты НКВД тайно уничтожали оппозиционеров, и в первую очередь реальных или мнимых троцкистов. В это время пропали без вести или погибли многие сторонники Троцкого. Руководитель ИНО ГУГБ Слущкий и сам побывал в Испании. Он говорил своему подчиненному Вальтеру Кривицкому, позднее невозвращенцу: «Мы не позволим превратить Испанию в площадку для сбора всяких антисоветских элементов, слетающихся туда со всего света. Теперь это наша Испания, часть советского фронта. Кто знает, сколько шпионов среди этих добровольцев? Анархисты и троцкисты, даже если они борцы-антифашисты, они наши враги. Мы должны их выкорчевывать» (87).

Долгосрочная цель Сталина в Испании состояла в том, чтобы с помощью интернациональных бригад взять страну под контроль. Однако этим планам мешала Рабочая партия марксистского единства, известная как ПОУМ (исп: Partido Obrero de Unificacion Marxista). Это была марксистская, но не просоветская партия. Члены ПОУМ, в отличие от испанских коммунистов, были сторонниками Троцкого. Штаб-квартира партии находилась в Каталонии. Каталонские марксисты обвинили Сталина в создании «бюрократического режима» и пригласили Троцкого в Барселону. В мае 1937 г. ИНО НКВД отправил в Барселону группу агентов под руководством Иосифа Григулевича для подавления вооруженного выступления POUM (88). К этому времени накопились значительные противоречия между основными политическими партиями Испании. В период 3—8 мая 1937 г. в Барселоне шли уличные бои между анархи-

стами при поддержке поумовцев, с одной стороны, и вызванными из Мадрида отрядами республиканской «штурмовой гвардии» — с другой. Ввиду численного превосходства противников, анархисты и члены ПОУМ сдались. Лидер «сталинистской» Компартии Испании Долорес Ибаррури охарактеризовала события, как «анархо-троцкистский путч». Таким образом, в результате операции советской разведки, обладавшей обширной агентурой в Испании, ПОУМ была объявлена вне закона и уничтожена. В июне 1937 г. сорок руководителей ПОУМ были арестованы по сфабрикованным НКВД обвинениям в сотрудничестве с фалангистами Франко. Арестовали и лидера партии Андреса Нина, одного из самых популярных испанских политиков (89).

Арестованный на основании сфальсифицированных улик Нин категорически отказался признать свою «вину», чем поставил НКВД и испанские власти, готовившие показательный процесс по делу ПОУМ, в затруднительное положение. В результате НКВД приняло решение о его ликвидации («Операция Николай»). 20 июня 1937 г. агенты ИНО НКВД под руководством резидента НКВД в Испании А. Орлова и при участии Иосифа Григулевича похитили Нина из тюрьмы и, спустя два дня после похищения, убили. Исполнителями убийства были два испанца из состава группы (90). В архивах НКВД сохранились телеграммы майора госбезопасности Александра Орлова относительно судьбы некоего Николая, который был похищен и ликвидирован. День его ликвидации совпадает с днем исчезновения Андреса Нина. Что касается резидента НКВД и советника республиканского правительства по безопасности в Испании Александра Михайловича Орлова (настоящее имя Лейба Лазаревич Фельдбин) (1895—1973 гг.), то первая часть его биографии характерна для большинства чекистов-разведчиков. До того как попасть в Испанию, он прошел кровавую школу в Особом отделе 12-й армии и Архангельской ЧК, где в 1920-е гг. поочередно «трудился» начальником секретно-оперативной части, агентурно-следственного отделения по охране северных границ, следственно-розыскной части и особоуполномоченным по фильтрации белых офицеров на Севере. Можно представить, сколько российских офицеров «отфильтровал» марксист Фельдбин вместе с коллегой сумасшедшим Кедровым и его женой Ребеккой Майзель. После 1920 г. Орлов-Фельдбин под именем Льва Никольского работал в правоохранительных органах. С 1924 г. — в экономическом управлении ГПУ, под руководством своего двоюродного брата Зиновия Кацнельсона, затем в Закавказском ОГПУ. В 1926 г. перешел на работу в ИНО ОГПУ.

В сентябре 1936 г. был направлен в Мадрид в качестве резидента НКВД и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при



республиканском правительстве. Организовал вывоз в СССР испанского золотого запаса, за что награжден орденом Ленина и повышен в звании. Принимал участие в организации контрразведывательной службы республиканцев — Службы военной информации (исп: Servicio de Informacin Militar, SIM) и создании школ для подготовки диверсионных групп для действий в тылу противника. Руководил операцией по подавлению вооруженного выступления сторонников ПОУМ в Каталонии (91).

Предполагая, что его могут арестовать, прихватив 60 тысяч «казенных» долларов, что по тем временам были немалые деньги, Орлов с женой и дочерью бежал в США. Опасаясь возмездия, написал Сталину и Ежову письма, в которых предупредил, что в случае репрессий по отношению к нему и членам его семьи выдаст западным спецслужбам известных ему советских разведчиков и их агентуру. Преподавал в университетах США, где спокойно дожил до 78 лет. В 1956 г. опубликовал переведенную на многие языки книгу «Тайная история сталинских преступлений». Тогда же в крупном американском журнале «Лайф» Орлов опубликовал две статьи, в которых раскрыл «самый сенсационный, тщательно охраняемый секрет в чудовищной карьере Иосифа Джугашвили, вошедшего в историю под именем Сталина». Эта тайна якобы терзала душу «отца народов» и «обрекала на смерть любого, кого подозревали в проникновении в нее». В статьях Орлов попытался доказать, что Сталин являлся агентом царской охранки и профессиональным провокатором.

В августе 1937 г. Орлов получил приказ уничтожить приехавшего в Испанию австрийского социалиста Курта Ландау, который поддерживал ПОУМ и был сторонником Троцкого. Орлов докладывал в Москву: «Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подполье... Но я надеюсь, что мы и этот литер проведем так, как вы этого от нас требуете» (ликвидация на языке разведки именовалась тогда «литерным делом»). Курт Ландау по «литерному делу» был убит. Трагически сложилась судьба секретарей Троцкого — четверо из них были расстреляны в СССР, а двое — за его пределами. Гражданин Чехословакии Эрвин Вольф, являвшийся секретарем Троцкого в Норвегии, бесследно исчез в Испании осенью 1937 г. Рудольф Клемент, секретарь Троцкого в Турции и Франции и секретарь Бюро IV Интернационала, таинственно исчез в Париже в июле 1938 г. Клемент принимал активное участие в сборе материалов для расследования московских процессов и в подготовке учредительной конференции IV Интернационала.

Вскоре после его исчезновения несколько его коллег, а затем и Троцкий получили однотипные письма за подписью «Фредерик». Этим псевдони-

мом Клемент действительно пользовался, но лишь до 1936 г., когда он заподозрил, что эта кличка стала известна НКВД или гестапо. В письмах говорилось о разрыве Клемента с движением IV Интернационала. Автор письма упоминал о вымышленных беседах Троцкого с Клементом по поводу допустимости «временных уступок фашистским верхам во имя пролетарской революции».

Спустя несколько месяцев после исчезновения Клемента его зверски расчлененное тело было найдено в Сене. Подробности убийства Клемента стали известны после публикации воспоминаний Судоплатова. Агент НКВД литовец Эйл Таубман (кличка Юнец) сумел войти в доверие к Рудольфу Клементу и в течение полутора лет работал его помощником. Как-то вечером Таубман предложил Клементу поужинать с его друзьями и привел его на квартиру на бульваре Сен-Мишель, где их поджидали боевики — бывший офицер турецкой армии и молодой сотрудник НКВД Коротков, ставший в 1940-е гг. начальником нелегальной разведки МГБ СССР (92). Турок заколол Клемента, тело расчленили, уложили в чемодан и бросили в Сену. В Москве палачей наградили и трудоустроили. Турок стал «хозяином» явочной квартиры в Москве, а Таубман сменил фамилию на Семенов и был послан на учебу в Институт химического машиностроения. Впоследствии он перешел на службу в органы госбезопасности (93: 58).

16 февраля 1938 г. в возрасте тридцати двух лет при невыясненных обстоятельствах умер старший сын и помощник Троцкого Лев Седов. Он умер после операции по поводу аппендицита в русской клинике в Париже. Большинство политических сторонников Троцкого считали, что Седов был либо убит сталинскими агентами в больнице, либо отравлен ими ранее. Однако Павел Судоплатов, отвечавший в это время за проводимые НКВД убийства за рубежом (в том числе за убийство Троцкого), писал в своих мемуарах, что «ни в досье Седова, ни в материалах по троцкистскому интернационалу не нашел никаких свидетельств, что это было убийство» (94: 95).

В 1937 г. Седов жил особенно напряженной жизнью. Он проводил большую работу по сбору материалов для комиссии по расследованию московских процессов (комиссии Дьюи), отвечал на сотни писем и встречался с множеством оппозиционеров из разных стран. Ему удалось многое сделать для разоблачения убийц Райсса и для спасения Кривицкого от преследовавших его убийц из НКВД. В последние месяцы своей жизни он собирал материалы для картотеки зарубежных агентов ГПУ-НКВД. В письмах к отцу Седов не раз сообщал, что чувствует за собой неослабную слежку. Такая слежка действительно велась с 1935 г. боевиками группы Эф-

рона, которые следовали за ним буквально по пятам. Седова планировали убить на вокзале города Мюлуза, куда он собирался выехать на встречу с адвокатом, участвовавшим в расследовании московских процессов. Тогда он избежал гибели только потому, что накануне поездки заболел и не смог выехать из Парижа. Друзья Седова не раз писали Троцкому, что его сын подвергается в Париже серьезной опасности, и настаивали на его переезде в Мексику. Признавая возможность покушения, Седов считал свою работу в Париже слишком важной, чтобы ее можно было прекратить. В начале 1937 г. Седов опубликовал во французском журнале «Confession» статью, в которой заявлял, что обладает отличным здоровьем и не склонен к депрессии и самоубийству. Он предупреждал, что в случае его внезапной смерти виновников надо будет искать в лагере сталинистов (95).

В ноябре 1937 г. агент НКВД Зборовский доносил, что Седов, опасаясь внезапного покушения, составил завещание, в котором указал, где хранится его архив (96). В последнем письме Троцкому, отправленном 4 февраля 1938 г., Седов не сообщал о каких-либо признаках заболевания и рассказывал о своей активной деятельности в связи с предстоящим процессом по делу об убийстве Райсса (97). Болезнь Седова началась 10 февраля. В целях обеспечения безопасности его под именем французского инженера Мартэна поместили в частную клинику, принадлежавшую русскому эмигранту. (Во французской больнице при госпитализации необходимо было предъявить паспорт и тем самым раскрыть его настоящее имя.) Невестка Троцкого Жанна Молинье настаивала, чтобы о болезни и местонахождении Седова не сообщалось даже его близким товарищам. Однако, как вскоре стало известно, агент НКВД Зборовский, посещавший больного, «конфиденциально» сообщил об этом некоторым французским троцкистам.

Седову была сделана операция аппендицита, после которой на протяжении четырех дней наблюдалось явное улучшение его здоровья. Однако на пятую ночь Седов, находясь в бредовом состоянии, бродил без присмотра по коридорам больницы, а через сутки умер. В некрологе Троцкий возложил всю ответственность за его смерть на НКВД. Считая весьма вероятным отравление сына, Троцкий подчеркивал, что в распоряжении ГПУ имеются исключительные научные и технические средства, которые могут крайне затруднить работу судебно-медицинской экспертизы. Тайны искусства отравления, усовершенствованного в связи с развитием военной химии, «недоступны, правда, простым смертным. Но отравителям ГПУ доступно все» (98).

Аргументы Троцкого об отравлении Седова подкрепили прозвучавшие на третьем Московском процессе сообщения о специальной лаборато-

рии по испытанию новейших ядов, которая находилась в распоряжении Ягоды, и о применении московскими врачами ядов для убийства больных методами, которые не поддаются контролю. «С точки зрения интересующего нас вопроса, — подчеркивал Троцкий, — почти безразлично, были ли в данных конкретных случаях показания подсудимых правдивы или ложны. Достаточно того, что тайные методы отравления, заражения, содействия простуде и вообще ускорения смерти официально включены в арсенал ГПУ». 19 июля 1938 г. Троцкий направил письмо следователю, занимавшемуся расследованием причин смерти Седова. В нем он заявлял, что версия следствия о естественном характере вызывает сомнения уже потому, что «в течение долгого времени, особенно же последних двух лет, Седов жил в обстановке постоянной блокады со стороны шайки ГПУ, которая на территории Парижа распоряжается почти с такой же свободой, как в Москве». Поэтому гибель Седова следует рассматривать не как обычный случай, а как неожиданную даже для врачей «смерть одинокого изгнанника после долгого единоборства между ним и могущественным государственным аппаратом, вооруженным неисчерпаемыми материальными, техническими и научными средствами... Дело идет о совершенно определенной международной шайке, которая совершает уже не первое преступление на территории Франции, пользуясь и прикрываясь дружественными дипломатическими отношениями» (99). В этом Троцкий усматривал причину того, что расследование причин смерти Седова на протяжении пяти месяцев не привело ни к каким результатам, подобно расследованию кражи его архивов и попытки убить Седова в Мюлузе.

Одно из свидетельств загадочного характера смерти Седова Троцкий видел в том, что оперировавший Седова хирург спросил Ж. Молинье: не покушался ли ранее Седов на самоубийство. «Поворот к худшему в состоянии больного, — комментировал этот факт Троцкий, — оказался настолько резок и внезапен, что хирург, не зная ни личности больного, ни условий его жизни, увидел себя вынужденным прибегнуть к гипотезе самоубийства». Троцкий называл также ряд установленных следствием фактов, подтверждавших подозрения о насильственном характере смерти Седова. Директор клиники, в которой находился больной, по сведениям французской полиции, «сочувствовал большевикам». Настоящее имя Седова было сообщено только владельцу клиники Симкову, который разговаривал с больным по-русски, хотя тот был помещен в клинику под французским именем. Хирург, производивший операцию, отказался дать объяснения следователю, ссылаясь на профессиональную тайну. «Если бы смерть Седова естественно и неизбежно вытекала из характера его болезни, — писал по этому поводу Троцкий, — то у хирурга не могло бы

быть ни малейшего интереса или психологического побуждения отказываться от дачи необходимых разъяснений» (100).

Новые факты, связанные с обстоятельствами смерти Седова, выявились в 1955 г., при допросе Зборовского сенатской подкомиссией США. Зборовский был вынужден признать, что он передал резиденту НКВД сведения о болезни Седова и клинике, в которую тот был помещен (101).

Версия о смерти Седова как замаскированном убийстве находит подтверждение и в том, что она произошла в канун третьего Московского процесса, на котором Седов обвинялся в новых преступлениях, в связи с чем он неизбежно выступил бы с убедительными опровержениями.

Изучив хранящиеся в московских архивах донесения агента Зборовского, Волкогонов пришел к выводу, что остается мало сомнений в причастности НКВД к гибели Седова. Правда, прямых распоряжений об убийстве обнаружить не удалось. Волкогонов объяснял это тем, что подобные приказы давались устно, чтобы не оставлять компрометирующих следов. Кроме того, после завершения такого рода «операций» значительная часть связанной с ними документации уничтожалась (102). Косвенное подтверждение этой версии имеется и у Судоплатова, который пишет, что Шпигельглас, докладывая Ежову о смерти Седова, услышал в ответ: «Хорошая операция! Неплохо поработали, а?» (103: 96). Хотя Шпигельглас на допросе назвал эти слова беспочвенным хвастовством и утверждал, что НКВД не имел отношения к смерти Седова, его показания принимать на веру нельзя. Сталинские спецслужбы имели разветвленную структуру, и операция по убийству Седова могла быть осуществлена и без ведома Шпигельгласа.

Судьба самого Троцкого была решена Сталиным, который лично дал задание на его убийство. Павел Судоплатов в своих мемуарах подробно описывает разговор у Сталина в сентябре 1938 г., на котором присутствовал он и Берия. «Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил тогда Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого. Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин. — В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена. Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По

его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 г. поручалось Шпигельгласу, однако тот провалил это важное правительственное задание. Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил: Троцкий должен быть устранен в течение года — прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну» (104).

По предложению Судоплатова, непосредственным организатором операции по убийству Троцкого был назначен Эйтингон Н.И., который сформировал в рамках операции «Утка» две параллельные и ничего не знавшие друг о друге террористические группы из просталински настроенных испанских коммунистов. Это были группа «Конь» (Сикейроса) и группа «Мать» (Меркадера).

Агентом НКВД Григулевичем была также сформирована третья, резервная, террористическая группа. Первое покушение было произведено в ночь на 24 мая 1940 г. Около четырех утра 20 человек в форме мексиканской полиции и армии при поддержке завербованного НКВД охранника Роберта Шелдона Харта ворвались во внутренний двор дома Троцкого. Более 10 минут они обстреливали спальню, но Троцкий остался жив. Он и его жена Наталья Седова бросились на пол и оставались там до конца обстрела. Единственным пострадавшим оказался спавший в соседней комнате 14-летний внук Троцкого, которому пуля слегка задела ногу. Уходя, налетчики оставили у дверей спальни Троцкого бомбу, которая не сработала из-за технической неисправности. По мнению Судоплатова, причиной провала стала плохая специальная подготовка боевиков. Они имели опыт боев в Испании, но не имели опыта проведения спецопераций: не провели обыска и осмотра помещений после обстрела и не добились возможно оставшихся в живых. Открывший ворота нападавшим американец Шелдон Харт был ими ликвидирован. По утверждению Эйтингона, Шелдон Харт в ходе операции повел себя «неправильно» и привел налетчиков в помещение, «где не было ни архива, ни Троцкого». Троцкий же считал Харта жертвой нападения и распорядился закрепить на стене дома мемориальную табличку с надписью «В память Роберта Шелдона Харта, 1915—1940, убитого Сталиным».

После провала группы «Конь» охрана дома Троцкого была усилена. Стены были укреплены мешками с песком и дополнительной кирпич-

ной кладкой, на окнах установлены стальные ставни, возле дома начали дежурить полицейские патрули. В донесении о проведении операции Эйтингон выражал готовность понести наказание, однако Сталин оставил провал операции без последствий и приказал задействовать вторую террористическую группу, в которой ключевая роль отводилась Рамону Меркадеру.

Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, также известный как Рамон Иванович Лопес (1913—1978 гг.) — каталонец, член Компартии Испании, агент советских органов госбезопасности. Родился в богатой семье железнодорожного магната в Барселоне. В 1937 г. в Испании лейтенант Меркадер был завербован Эйтингоном при помощи своей матери Марии Каридад, агента советской разведки. Внедрение Рамона Меркадера в окружение Троцкого началось в 1938 г. в Париже, где он появился под именем бельгийского подданного Жака Морнара. Согласно легенде, Морнар был богатым наследником, поддерживавшим левое движение из эксцентричных соображений. В Париже в июле 1938 г. Меркадеру удалось сблизиться с проживавшей в Нью-Йорке Сильвией Агелофф, сестрой Рут Агелофф, одной из сотрудниц секретариата Троцкого. Знакомство развивалось, и через некоторое время речь зашла о браке.

В 1939 г. Меркадер, вслед за Сильвией, появился в Нью-Йорке, с фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона. Свой приезд он объяснил желанием избежать военной службы. В октябре 1939 г. Меркадер прибыл в Мексику, однако некоторое время, чтобы не вызывать подозрений, не делал попыток проникнуть в дом Троцкого. В январе 1940 г. в Мексике появилась и Сильвия Агелофф, которая начала работать в секретариате Троцкого. С марта 1940 г. якобы для встреч с ней Меркадер начал появляться в Кайоакане.

20 августа 1940 г. Меркадер приехал на виллу под предлогом того, что хочет показать Троцкому свою статью, а когда тот начал ее читать, ударил его ледорубом по голове. Удар был нанесен сзади и сверху. Меркадер надеялся бесшумно убить Троцкого и незаметно скрыться, но тот закричал и набросился на убийцу. На крик прибежали охранники и скрутили Меркадера, предварительно избив его. Рана Троцкого была глубиной семь сантиметров, но он после нападения прожил еще почти сутки. Во время покушения недалеко от дома Троцкого находился в готовности автомобиль с Каридад Меркадер и Эйтингоном. Однако операция прошла не по плану, и Каридад пришлось увидеть, как полицейские увозят ее сына. В тот же день вечером она и Эйтингон улетели на Кубу (105). По показаниям Меркадера в мексиканской полиции, Троцкий якобы вступил в сговор с представителями капиталистических стран и предложил ему

отправиться в СССР для совершения покушений на советских лидеров, в первую очередь на Сталина. По его словам, фальшивый канадский паспорт на имя Фрэнка Джексона ему был выдан неизвестным троцкистом из IV Интернационала.

Меркадер также утверждал, что Троцкий требовал от него «оставить жену» и планировал покушения на кандидатов в президенты Мексики Ломбарде Толеано и Авила Камачо. «Правда» от 22 августа 1940 г. сообщила, что убийство Троцкого совершил троцкист-одиночка: «Покушавшийся назвал себя Жан Морган Вандендрайн и принадлежит к числу последователей и ближайших людей Троцкого». Мексиканский суд приговорил Меркадера к 20 годам лишения свободы, максимально возможному наказанию. После разглашения перебежником его настоящего имени условия содержания Меркадера в тюрьме улучшились. Ему даже разрешали периодически выезжать в Мехико, где он мог обедать в ресторане со своим тюремщиком. Женщина, присматривающая за Рамоном в тюрьме, влюбилась в него и навещала еженедельно. Позднее он женился на ней и после освобождения привез с собой в Москву.

Меркадер полностью отбыл срок заключения, был освобожден 6 мая 1960 г. и доставлен на Кубу, а затем тайно переправлен пароходом в СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1960 г. Рамон Меркадер — Лопес Рамон Иванович удостоен звания Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Награду Рамон получил из рук главы КГБ А.Н. Шелепина. В СССР Меркадер работал сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ему была предоставлена государственная дача в Кратово и четырехкомнатная квартира недалеко от метро «Сокол». В середине 1970-х гг. он по приглашению Фиделя Кастро переехал на Кубу, где работал советником министерства иностранных дел. Умер в 1978 г. от саркомы на Кубе. Его прах был перевезен в Москву и погребен на Кунцевском кладбище под именем Рамона Ивановича Лопеса. На могиле установлен памятник (106).

Историк А. Авторханов в работе «Технология власти» высказал предположение о том, что Сталин приказал ускорить убийство Троцкого, чтобы предупредить его дальнейшие разоблачения. Это предположение представляется вполне правдоподобным, поскольку до Сталина не могли не доходить сообщения зарубежной печати, что Троцкий завершает работу над книгой «Сталин». Не могла остаться незамеченной аналитиками НКВД и опубликованная 10 августа 1940 г. в американской газете «Либерти» сенсационная статья Троцкого «Сверхбурджиа в Кремле», обвинявшая Сталина в отравлении Ленина. В статье в пользу этой вер-



сии, наряду с сообщением о рассмотрении на заседании Политбюро в феврале 1923 г. ленинской просьбы о яде, Троцкий выдвигал ряд других важных аргументов. Во-первых, неуклонное улучшение здоровья Ленина с июля 1923 г. сменилось 20 января 1924 г. резким и непонятным врачам переломом к худшему, приведшему спустя день к скоропостижной смерти. Во-вторых, этот перелом наступил сразу после отъезда Троцкого на Кавказ, откуда он не имел возможности возвратиться ко дню похорон и тем более — ко дню вскрытия тела. В-третьих, Сталин, хорошо знавший о положительных сдвигах в здоровье Ленина, в январе 1924 г. был более чем когда-либо заинтересован в его смерти. В подтверждение первого аргумента Троцкий ссылаясь на свои неоднократные разговоры с врачом Ф.А. Гетье, лечившим его и Ленина: «Неужели же, Федор Александрович, это конец? — спрашивали мы с женой его не раз. — Никак нельзя этого сказать, Владимир Ильич может снова подняться, — организм мощный. — А умственные способности? — В основном останутся, не затронуты. Не всякая нота будет, может быть, иметь прежнюю чистоту, но виртуоз останется виртуозом» (107).

Комментируя содержавшийся в статье «Сверхборджиа в Кремле» рассказ об обсуждении по инициативе Сталина на заседании Политбюро в феврале 1923 г. ленинской просьбы о яде, историк Авторханов писал: «Трудно найти в истории политиков, которые, планируя преступление, умели бы создавать себе наперед столь абсолютное алиби, как это умел делать Сталин. Можно быть уверенным, что Сталин никакого яда Ленину не дал, но Сталин откровенно предупредил Политбюро: смотрите в оба, я, конечно, Ленину яда не дал бы, а вот сам Ленин ищет яд, а кто ищет, тот и находит! В семье ли, среди ли друзей-посетителей (несмотря на “медицинский карантин”, Ленина посещали почти все, кроме Троцкого) может найтись человек, который даст яд из сострадания. Если же при вскрытии тела установят отравление, Сталин скажет: “Вот видите, что я вам говорил!” Сталин был не мелкотравчатым ловкачом и жуликом, а тем, кем его называли при жизни — корифеем. Но корифеем — науки преступления и искусства его маскировки. К тому же Сталин жил не в эпоху Римской империи, когда его духовный предтеча, Нерон, почти не скрывал, что убил собственную мать. И не в средневековье, когда тираны прибегали к ядам довольно по-дилетантски. Сталин жил в эпоху, когда яды были усовершенствованы, а их применение так скрупулезно дозировано, что человек может умирать неделями, а если нужно — то и годами» (108). В работах автора также звучит утверждение, что возвращение Ленина к активной деятельности означало бы политическую смерть Сталина.

Убийства украинских националистов в СССР и за рубежом происходили как при Сталине, так и после его смерти. 23 мая 1938 г. в Роттердаме (Нидерланды), в ресторане гостиницы Атланта, был убит Евгений Михайлович Коновалец (1891—1938 гг.) — создатель и руководитель организации украинских националистов (ОУН). Он погиб от взрыва бомбы, замаскированной под коробку с конфетами. В качестве палача выступил вошедший к нему в доверие молодой сотрудник НКВД СССР Павел Судоплатов (109). Задание на убийство Коновальца Судоплатов получил лично от Сталина в присутствии наркома Ежова и председателя Всеукраинского ЦИКа Г.И. Петровского. В кабинете Сталина Судоплатов доложил присутствующим план оперативных мероприятий против ОУН. «Сталин попросил Петровского высказаться. Тот торжественно объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тяжчайшие преступления против украинского пролетариата... Сталин, перебив его, сказал: — Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть... Прощаясь, Сталин спросил меня, правильно ли я понимаю политическое значение поручаемого мне боевого задания. “Да”, — ответил я и заверил его, что отдам жизнь, если потребуется, для выполнения задания партии. “Желаю успеха”, — сказал Сталин, пожимая мне руку. Мне было приказано ликвидировать Коновальца» (110: 30—31).

12 октября 1957 г. в Мюнхене был убит украинский публицист и адвокат, один из руководителей ОУН(б), а затем ее председатель Лев Михайлович Ребет (1912—1957 гг.). Украинская эмигрантская пресса сообщила о смерти Льва Ребета «от сердечного приступа», не зная, что он убит агентом КГБ специальным оружием, выбрасывающим яд. За ходом операции по ликвидации Ребета следил Никита Хрущев (111).

Агентами КГБ было сделано несколько попыток убийства идеолога и теоретика украинского национализма Степана Андреевича Бандеры (1909—1959 гг.). Для предотвращения возможных покушений служба безопасности ОУН(б) выделила своему лидеру усиленную охрану, которой, во взаимодействии с немецкой криминальной полицией, удалось сорвать несколько таких попыток. В 1947 г. служба безопасности раскрыла и предотвратила покушение на Бандеру со стороны завербованного киевским МГБ агента Ярослава Мороза. В 1948 г. был разоблачен агент МГБ Владимир Стельмащук, прибывший в Мюнхен по заданию варшавского отдела МГБ. Осенью 1952 г. очередное покушение на Бандеру, которое предстояло совершить агентам МГБ — немцам Легуде и Леману,

было сорвано благодаря информации западных разведок, передавших сведения о готовящемся убийстве немецкой полиции. Следующая попытка покушения, со стороны Степана Либгольца, в 1953 г. была снова предотвращена службой безопасности.

В 1959 г. немецкая криминальная полиция арестовала человека по фамилии Винчик, который несколько раз появлялся в Мюнхене и интересовался детьми Степана Бандеры (112: 352—356). В 1959 г. служба безопасности получила информацию, что новое покушение на Бандеру уже подготовлено и может состояться в любой момент. Руководство ОУН(б) пришло к выводу, что лидеру организации необходимо хотя бы временно покинуть Мюнхен. Поначалу Бандера отказывался уезжать из города, но в итоге согласился на уговоры своих сторонников, которые начали подготовку к его отъезду. Бандера был убит 15 октября 1959 г. в Мюнхене Богданом Сташинским, убившим ранее Льва Ребета. В день убийства Бандера в сопровождении телохранителей поехал домой на обед. Всегда осторожный, в этот раз, прежде чем войти в подъезд, он отпустил телохранителей, и те уехали. В подъезде его ждал Сташинский, наблюдавший за будущей жертвой с января. Оружие убийства — пистолет, стреляющий ампулами с цианистым калием, он держал завернутым в газету. Пистолет имел два ствола (второй выстрел предназначался охраннику). При выстреле пружины выбрасывали ампулы с цианистым калием, которые раскалывались и яд превращался в пар. Человек, вдохнувший его, терял сознание и умирал от инфаркта в течение 10 минут. Таким же оружием Сташинский убил и Льва Ребета. Для личной безопасности убийце выдавались ампулы с противоядием. Поднявшись на третий этаж, Бандера узнал Сташинского — утром он видел его в церкви. На вопрос «Что вы здесь делаете?» незнакомец вытянул руку с газетным свертком и выстрелил Бандере в лицо. Внимание соседей привлек крик Бандеры, который под воздействием цианида медленно осел на ступеньки. Когда соседи выглянули из своих квартир, Сташинский уже покинул место преступления. Бандера скончался по пути в больницу. Экспертиза показала, что его смерть наступила от отравления цианистым калием. Как выяснилось впоследствии, заказчиком убийства Бандеры был секретарь ЦК КПСС А.И. Кириченко, курирующий КГБ (113).

Убийца Ребета и Бандеры Богдан Николаевич Сташинский (1931 г. р.) родился в семье украинских националистов. Агент КГБ СССР с 1950 г., в 1959 г. за ликвидацию Ребета и Бандеры был награжден орденом Красного Знамени. Женился на немке Инге Польш. Весной 1961 г. Польш уехала рожать ребенка к родителям в Берлин, а в начале августа того же года ребенок умер. Руководство КГБ разрешило Сташинскому выезд в ГДР на

похороны ребенка, совершив тем самым роковую ошибку. Позднее чекисты, знавшие Сташинского, рассказывали, что на его рапорте с просьбой о выезде генерал Александр Михайлович Коротков, в то время заместитель начальника советской разведки, написал резолюцию: «Сташинского на Запад выпускать нельзя. Следует создать ему все условия для жизни, построить дачу в любой части Советского Союза по его желанию». Сташинского сопровождал его куратор подполковник Юрий Николаевич Александров, ранее работавший в Берлине. 12 августа 1961 г., в день похорон ребенка, супруги Сташинские скрытно оставили дом родителей жены недалеко от Берлина и выехали в Западный Берлин, где в полицейском участке заявили о бегстве из ГДР по политическим мотивам. Немецкая полиция сразу же передала супругов американцам. В Берлин из Москвы прибыла специальная комиссия для разбора чрезвычайного происшествия. Подполковника Александрова в сопровождении оперативников сразу же самолетом отправили в Москву, где он был арестован, а вскоре уволен из органов без пенсии и выходного пособия. Сташинский сообщил о совершенных им ранее убийствах и был осужден на 8 лет лишения свободы. Судебный процесс вошел в историю немецкой юриспруденции под названием «Staschinski-Fall» («дело Сташинского») и привел к некоторым реформам в немецком уголовном праве (114).

После завершения процесса над Сташинским в 1962 г. на Западе поднялась невиданная антисоветская кампания. Вся западная печать была наполнена грубыми выпадами в адрес Москвы, Советского Союза, КПСС и КГБ. Сташинский как-то ушел в тень. Газеты были заполнены заголовками вроде: «Убийцы в Москве — это Хрущев, Кремль и КГБ», «Сташинский — жалкий исполнитель, сознание которого сумели отравить коммунисты-чекисты». По заявлению историка советских и российских органов госбезопасности Бориса Володарского, после освобождения Сташинского из заключения ему сделали пластическую операцию, выдали новый паспорт и переправили в ЮАР (115).

Особое место в истории советских карательных органов занимают похищения и казни руководителей Белого движения за рубежом. 26 января 1930 г. в Париже агентами советской разведки был похищен председатель Русского общевоинского союза (РОВС), активный участник Белого движения, генерал Александр Павлович Кутепов (1882—1930 гг.). Операцией руководили начальник 1-го отделения ИНО ОГПУ Яков Серебрянский и заместитель начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ Сергей Пузицкий. Длительное время судьба Кутепова оставалась неизвестной, пока в 1989 г. не была опубликована информация о том, что сотрудники «группы Яши» (Серебрянского) втолкнули Кутепова в автомобиль, сделали инъекцию морфия и доставили на борт советского парохода,

стоявшего в порту Марселя. Кутепов скончался от сердечного приступа по пути из Марселя в Новороссийск. Возможно, что приступ спровоцировала большая доза морфия, которую генералу ввели при похищении. За успешно проведенную операцию ее участники были награждены орденами Красного Знамени.

По воспоминаниям П.А. Судоплатова «Разведка и Кремль», Кутепов был задержан на одной из улиц Парижа тремя сотрудниками иностранной резидентуры ОГПУ, одетыми в полицейскую форму, под предлогом проверки документов. При принудительном «усаживании» в автомобиль генерал оказал сопротивление и скончался от сердечного приступа. Он был тайно захоронен в саду частного дома, принадлежавшего одному из советских нелегалов в пригороде Парижа.

Примечательна судьба Серебрянского и Пузицкого, организаторов и участников похищения и убийства генерала Кутепова. Яков Исаакович Серебрянский (1891— 1956 гг.), сотрудник ИНО ОГПУ НКВД, один из ведущих специалистов по особым операциям. В органах ВЧК Серебрянский с 1920 г. С 1925 по 1929 г. — нелегальный резидент в Бельгии и Франции. С апреля 1929 г. — начальник 1-го отделения ИНО ОГПУ и руководитель Особой группы («группа Яши»), созданной для глубокого внедрения агентуры на военно-стратегические объекты на случай войны и для проведения диверсионных и террористических операций. Из «группы Яши» вышли такие специалисты по тайным акциям и ликвидациям, как Н.И. Эйтингон, С.М. Шпигельглас, С.М. Перевозников, А.И. Сыркин, П.Я. Зубов (116).

В 1934 г. Серебрянский утвержден руководителем Спецгруппы особого назначения (СГОН) при НКВД СССР. В ноябре 1935 г. Серебрянскому было присвоено звание старшего майора госбезопасности. В 1935—1936 гг. выполнял спецзадания в Китае и Японии. Во время гражданской войны в Испании занимался закупкой и поставкой оружия для республиканцев. В ноябре 1936 г. нелегалам его группы с помощью агента Зборовского (Тюльпан), внедренного в окружение Льва Седова, удалось похитить часть архива Троцкого. Несколько ящиков с документами были переданы легальному резиденту ИНО в Париже Г.Н. Косенко и переправлены в Москву.

В 1937 г. Лев Седов по указанию отца приступил к подготовке I съезда IV Интернационала, который должен был состояться летом 1938 г. в Париже. В связи с этим было принято решение о похищении Седова спецгруппой Серебрянского. В подготовке операции участвовало 7 сотрудников группы, в том числе и жена Серебрянского. Однако похищение Седова не состоялось из-за его смерти.

В 1938 г. Серебрянский был отозван из Франции и вместе с женой арестован в Москве у трапа самолета. До февраля 1939 г. содержался под стражей без санкции прокурора и подвергался «интенсивным методам допроса». Обвинялся в шпионаже в пользу Англии и Франции, в связях с «заговорщиками» из НКВД во главе с Г.Г. Ягодой и подготовке терактов против руководителей партии и правительства. В 1941 г. приговорен к расстрелу, а его жена — к 10 годам лагерей «за недоносительство о враждебной деятельности мужа». Но приговор не был приведен в исполнение. Шла война, и в разведке катастрофически не хватало опытных сотрудников. В августе 1941 г. благодаря ходатайству Судоплатова и вмешательству Берии Серебрянский решением Президиума Верховного Совета СССР был амнистирован и восстановлен в органах НКВД и партии. Во время войны он лично участвовал во многих разведывательных операциях, руководил разведывательно-диверсионной работой в Западной и Восточной Европе, в частности, осуществил вербовку взятого в плен немецкого адмирала Эриха Редера. Награжден двумя орденами Ленина (1936 и 1946 гг.), двумя орденами Красного Знамени (1930 и 1945 гг.), медалями «XX лет РККА» и «Партизану Отечественной войны» I степени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ» и именным оружием. В октябре 1953 г. Серебрянский был арестован в связи с делом Берии. Так как доказательств его вины как участника заговорщической деятельности Берии добыто не было, решение об амнистии отменили, а его осуждение в 1941 г. было признано обоснованным. Дело 1941 г. Прокуратурой СССР было направлено в Верховный суд с предложением заменить Серебрянскому расстрел 25 годами лишения свободы. 30 марта 1956 г. он скончался в Бутырской тюрьме на допросе у следователя Военной прокуратуры генерал-майора юридической службы П.К. Цареградского (117).

Сергей Васильевич Пузицкий (1895—1937 гг.) — сотрудник ЧК-ОГПУ-НКВД СССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, заместитель начальника Дмитлага, начальник третьего отдела НКВД. С 1918 г. следователь ревтрибунала, с 1920 г. — в ВЧК. С 1923 г. — помощник начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ. Принимал участие в аресте английского разведчика Сиднея Рейли, аресте руководителя антисоветской организации «Союз защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова в рамках операции «Синдикат», похищении генерала Кутепова в ходе операции «Трест». В январе 1928 г. вместе с чекистом Григорием Сыроежкиным принимал участие в ликвидации белогвардейского движения в Якутии. В 1931 г. назначен зам. полпреда ОГПУ в Северо-Кавказском крае. В 1935 г. присвоено звание Комиссара госбезопасности 3-го ранга, что соответствовало воинскому званию генерал-майор. С 1935 по 1937 г. Пузицкий — комиссар строительства канала Волга—Москва. Награжден

двумя орденами Красного Знамени, двумя знаками «Почетный чекист», а также золотым оружием с надписью «С.В. Пузицкому. За беспощадную борьбу с контрреволюцией. Ф. Дзержинский» (118). В 1937 г. арестован по ложному обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевскому блоку», под пытками признался в инкриминируемых преступлениях (119). Особым совещанием НКВД СССР осужден к ВМН и расстрелян 20 июня 1937 г. Реабилитирован в связи с отсутствием состава преступления.

22 сентября 1937 г. агентами НКВД был похищен и доставлен из Парижа в Москву председатель РОВС генерал-лейтенант Евгений-Людвиг Карлович Миллер (1867—1939 гг.). Целью операции было его устранение и продвижение на пост председателя РОВС агента НКВД генерала Скоблина. Генерал Скоблин и сам принял активное участие в похищении Миллера, заманив его на встречу с сотрудниками НКВД, действовавшими под видом немецких дипломатов. Помощь в похищении ему оказал агент НКВД Третьяков С.Н. (120).

Отправляясь на встречу и чувствуя опасность, Миллер оставил записку с указанием, к кому на встречу он отправился вместе со Скоблиным. Миллер был доставлен в СССР на теплоходе «Мария Ульянова» и заключен в тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался под именем Петра Васильевича Иванова. На допросах он не сообщил никакой информации, способной причинить вред деятельности РОВС. Миллер был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян во внутренней тюрьме НКВД 11 мая 1939 г.

Предавший товарища по оружию генерал-майор Николай Владимирович Скоблин (1893—1937 или 1938 гг.) был самым молодым (25 лет) командиром дивизии в белой армии. В 1930 г. он вместе с женой певицей Плевицкой был завербован своим бывшим однополчанином агентом Петром Ковальским, который передал ему письмо от брата, находившегося в СССР. В результате супружеская пара согласилась работать на советскую разведку. Они получили клички Фермер и Фермерша и получали двести долларов ежемесячно. Вербовку произвели сразу же после их крупных финансовых неудач, а Плевицкую убедили в возможности воскресить былую славу при возвращении в Россию (121).

По сообщению руководителя зарубежной разведки фашистской Германии Шелленберга, именно Скоблин передал Гейдриху документы о возможном союзе генералитетов вермахта и РККА и заговоре против Сталина, которые позднее послужили основанием для возбуждения «процесса Тухачевского» (122: 43).

В рассекреченном к 1993 г. деле Миллера хранится письмо Н.В. Скоблина, адресованное его куратору по НКВД, советскому резиденту в Па-

риже: «11 ноября 37. Дорогой товарищ Стах! Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено особой гордостью, ибо в настоящий момент я весь, целиком, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября (день похищения генерала Миллера). Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе... Сейчас я тверд, силен и спокоен и верю, что Товарищ Сталин не бросит человека...» (123).

По одним сведениям, Скоблин умер в 1938 г. По другой версии, он был убит агентами НКВД в Испании Орловым и Эйтингеном (сброшен с самолета) (124: 616). По официальной версии ФСБ России, обнародованной в 1993 г., Скоблин погиб при бомбежке франкистской авиацией Барселоны.

Измена генерала Скоблина потрясла всю белую эмиграцию, и ликвидацией ее последствий занимались многие эмигранты. Известная русская певица Надежда Плевицкая (Фермерша) после исчезновения мужа была арестована французской контрразведкой по обвинению в сотрудничестве с НКВД. Умерла в октябре 1940 г. в тюрьме французского города Ренн. В 1930-е гг. за рубежом произошла серия таинственных смертей и убийств «изменников» и невозвращенцев, выступивших с осуждением сталинских репрессий. Наиболее заметными фигурами из этой категории были Игнатий Рейсс, Вальгер Кривицкий, Георгий Агабеков и Федор Раскольников.

Один из руководителей агентурной сети НКВД в Западной Европе Игнатий Станиславович Рейсс (настоящее имя — Натан Маркович Порецкий) был убит в окрестностях Лозанны 4 сентября 1937 г. В начале июля 1937 г. Рейсс был отозван в СССР, но, зная судьбу многих дипломатов и разведчиков, отозванных в СССР, отказался возвращаться и установил связь с сыном Троцкого. 17 июля 1937 г. через сотрудницу торгпредства в Париже он передал в Москву пакет. В нем оказалось письмо в ЦК ВКП(б) и орден Красного Знамени, которым Рейсс был награжден в 1928 г. за выполнение специальных заданий. В письме он объяснил причину своего разрыва со сталинизмом: «...Тот, кто хранит молчание в этот час, становится пособником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма... У меня достаточно сил, чтобы начать все сначала. А дело именно в том, чтобы начать сначала, чтобы спасти социализм... Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу. Я хочу предоставить свои силы делу Ленина, я хочу бороться, и наша победа — победа пролетарской



революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз от сталинизма» (125: 9—11). В конце июля он выступил во французских газетах с открытым письмом, обличавшим политику Сталина и прежде всего массовые расстрелы. По свидетельству А. Орлова: «Когда Сталину доложили об “измене” Рейсса, он приказал Ежову уничтожить изменника, вместе с его женой и ребенком. Это должно было стать наглядным предостережением всем потенциальным невозвращенцам» (126).

После публикации письма Рейсс с женой и сыном около месяца скрывался в глухой швейцарской деревне, а в сентябре встретился в Лозанне с агентом Элизабет Шильдбах, бывшей у него на связи, которая и выдала его преследователям. Он был убит специально направленной из Москвы группой агентов НКВД под руководством С.М. Шпигельгласа (127).

В группу убийц входили Кондратьев, Смиренский, Эфрон и француз Дюкоме. В качестве палачей выступили некий Аббиат, он же Росси, и Борис Афанасьев (Атанасов). По данным вдовы убитого Элизабет Поретки, в организации убийства Рейсса принимал участие также Вениамин Белецкий, сотрудник ИНО ГУГБ НКВД во Франции под прикрытием сотрудника торгпредства, который после первого допроса по делу Рейсса скрылся из Парижа.

Окутана дымкой таинственности и смерть Вальтера Германовича Кривицкого (настоящее имя — Гинзберг Самуил Гершевич) (1899 — 1941 гг.), высокопоставленного сотрудника ИНО НКВД, непосредственного руководителя Рейсса. Кривицкий был информирован о том, что Рейсс порвал с советской разведкой, и ознакомлен с его письмом в ЦК ВКП(б). Оказавшемуся в сложном положении Кривицкому для его реабилитации перед Сталиным и Ежовым было предложено принять участие в ликвидации Рейсса, однако он предупредил своего бывшего сотрудника о надвигающейся опасности (128).

Осенью 1937 г. Кривицкий получил указание вернуться в СССР. Поскольку после возвращения в СССР его наверняка ожидал расстрел в подвале на Лубянке, он обратился к французскому правительству с просьбой о политическом убежище. В 1937—1938 гг. он проживал во Франции, затем переехал в США. Опубликовал серию разоблачающих сталинский режим статей, составивших затем книгу «Я был агентом Сталина». В книге Кривицкий писал: «Не задумываясь над тем, существует ли какое-либо иное решение мировых проблем я пришел к сознанию того, что продолжая работать на деспота тоталитарного режима, который отличается от Гитлера только социалистической фразеологией, доставшейся ему от его марксистского прошлого, о приверженности которому он так лицемерно заявлял... Из опыта последних трагических лет следует извлечь

урок, что наступление тоталитарного варварства нельзя остановить путем стратегического отступления на позиции полуправды и фальши» (129: 69). Утверждают, что Кривицкий выдал завербованного в 1934 г. шифровальщика британского МИД, который в сентябре 1938 г. был осужден к 10 годам тюремного заключения (130).

В США Кривицкий выступил перед комиссией палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Очередное слушание было назначено на 10 февраля 1941 г. Утром этого дня Кривицкий был найден в отеле мертвым, с простреленной головой. Американская полиция склонялась к версии о самоубийстве, однако многие считали, что Кривицкий стал жертвой политического убийства. Подтверждением этой версии служит свидетельство адвоката Кривицкого, которому последний много раз говорил: «Если когда-нибудь меня найдут мертвым, и это будет выглядеть, как несчастный случай или самоубийство, не верьте! За мной охотятся...» (131: 316). Косвенным подтверждением версии насильственной смерти являются полученные ранее французской полицией сведения о том, что на Кривицкого готовилось покушение и в Марселе, откуда он выехал в США. Эта акция сорвалась, так как до гавани Кривицкого сопровождал полицейский инспектор. По утверждению Кима Филби, Кривицкий покончил с собой, разочаровавшись в «свободном мире» (132).

Резидент нелегальной разведки в Константинополе Георгий Сергеевич Агабеков (настоящая фамилия — Арутюнов) (1895—1937 гг.) в 1930 г. бежал из Константинополя во Францию. Бегство объяснял несогласием с методами работы советских спецслужб и политикой Кремля. Выступил с публичными разоблачениями деятельности ЧК-ОГПУ. Автор книг «Г.П.У. Записки чекиста» и «ЧК за работой», переведенных на английский, немецкий и итальянский языки. После нескольких попыток был убит в 1937 г. По информации Павла Судоплатова, убийство Агабекова, как и Рудольфа Клемента, совершили агенты НКВД — турецкий боевик и сотрудник НКВД А.М. Коротков. Агабекова ликвидировали, заманив на явочную квартиру, где он должен был договориться с представленным ему агентом — армянином о вывозе из СССР спрятанных семейных сокровищ. Турок убил Агабекова ножом, тело «уложили» в чемодан, который выкинули в реку. Труп экс-резидента НКВД в Турции так никогда и не был обнаружен (133: 58). По версии, изложенной перебежчиком Борисом Бажановым, Агабеков был «ликвидирован» НКВД в районе испано-французской границы (134). 12 сентября 1939 г. в Ницце умер Федор Федорович Раскольников (настоящая фамилия — Ильин) (1892—1939) — видный советский военный и государственный деятель, дипломат, писатель и журналист. После революции Раскольников был

комиссаром Морского генерального штаба и заместителем Троцкого по морским делам, командующим Волжской военной флотилией и членом Реввоенсовета Республики. В июне 1919 г. Раскольников был назначен командующим Астрахано-Каспийской, а затем — Волжско-Каспийской военной флотилией, участвовал в обороне Царицына и высадке десанта в иранском порту Энзели с целью возвращения угнанных белогвардейцами кораблей Каспийского флота. Награжден двумя орденами Красного Знамени. С июня 1920 г. по март 1921 г. являлся командующим Балтийским флотом. С 1921 г. на дипломатической работе — полпред РСФСР в Афганистане, в Эстонии и Дании. С сентября 1934 по апрель 1938 г. — полпред СССР в Болгарии. В апреле 1938 г. по вызову из Наркомата иностранных дел СССР с женой и ребенком выехал в Москву поездом из Софии. Во время пересадки в Берлине, приобретя на вокзале газету, узнал о своем смещении с должности полпреда. Отказался от возвращения в СССР, предвидя неминуемый арест и расстрел. Проживал в Париже, откуда писал письма Сталину и М.М. Литвинову, прося оставить ему советское гражданство и объясняя «временную задержку» за границей различными формальными причинами. 17 июля 1939 г. Верховный суд СССР объявил Ф.Ф. Раскольникова вне закона, что, согласно постановлению ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в СССР», влекло расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности.

26 июля 1938 г. Расольников опубликовал в парижской русской эмигрантской газете «Последние Новости» протестное письмо «Как меня сделали “врагом народа”». 17 августа 1939 г. он завершил работу над знаменитым «Открытым письмом Сталину», в котором обличал репрессивную сталинскую политику в отношении руководителей партии и рядовых советских граждан. Его письмо — это жесткий обличительный документ, раскрывающий истинную суть сталинской «демократии» и подлинную сущность «вождя народов». Письмо было опубликовано после смерти Раскольникова, 1 октября 1939 г. Он умер в Ницце, предположительно, от пневмонии. По одной из наиболее распространенных версий, был убит агентами НКВД. Это утверждение впервые сформулировал российский ученый и публицист Рой Медведев. Да и мог ли остаться в живых человек, высказывающий публично такие мысли?

В августе 1925 г. в кафе города Майнца сотрудниками ИНО ОГПУ был отравлен советский военачальник и разведчик, герой Гражданской войны Нестерович Владимир Степанович. Нестерович отличался выдающейся личной храбростью. За проявленный героизм в боях с Добровольческой

армией он был награжден орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. С августа 1924 г. Нестерович сотрудник Разведупра РККА. Он легально работал в Австрии, координировал действия Военной организации Болгарской компартии (БКП) и был организатором операции по устранению болгарского короля и премьер-министра. 16 апреля 1925 г. коммунисты из Военной организации БКП произвели взрыв во время службы в соборе. В результате теракта 134 человека погибли на месте, 79 человек скончались от ран, 500 человек были ранены, но король и премьер-министр не пострадали. В числе погибших были и дети. На Нестеровича результаты операции произвели тяжелое впечатление. Он впал в депрессию, переехал в Германию, отказался вернуться в Москву и заявил, что уходит от дел. Тогда и было принято решение об его устранении (136). В ноябре того же 1925 г. порвал с советской разведкой и бежал в Польшу Игнатий Леонович Дзевалтовский — революционер, участник Октябрьской революции, разведчик, резидент Разведывательного управления Штаба РККА в Прибалтике. Был назначен советником маршала Пилсудского. Внезапно умер в декабре 1925 г., предположительно, был отравлен советскими агентами.

В 1932 г. в США была создана объединенная резидентура военной и политической разведок. На должность резидента был назначен сотрудник Маркин Валентин Борисович (Оскар). В 1934 г. он был найден в одном из баров Нью-Йорка с проломленным черепом и через несколько дней умер в больнице. Так и не было установлено, кто же ранил Маркина. Кое-кто из тех, кто его знал, склонялись к тому, что его ударили бутылкой по голове в пьяной драке, но некоторые подозревали НКВД. Его смерть по времени совпала с провалом попытки спецслужб СССР наводнить мировой рынок фальшивыми долларами. Эту аферу, санкционированную Сталиным, верившим в пользу подобных операций, должны были реализовать НКВД совместно с Разведупром РККА. Многочисленные аресты, следовавшие в США и Европе, серьезно скомпрометировали Разведупр и лично Берзина в связи с тем, что один из его протеже, латыш Альфред Тылтынь, оказался замешанным в этом деле. Из воспоминаний Кривицкого следует, что Маркин был троцкистом. Об этом ему сказал Слуцкий, и Кривицкий сделал вывод, что Маркина убили по приказу Сталина. Надо заметить, что не один Кривицкий считал, что причиной гибели Маркина была его симпатия к Троцкому. Троцкисты уже в конце 1930-х гг. занесли его в свой мартиролог «умученных от Сталина», однако серьезных доказательств по этому делу никто никогда так и не представил.

Весной 1937 г. в Нью-Йорке бесследно исчезла бывшая активистка Компартии США Джульетта Стюарт Пойнтц, работавшая на советскую

разведку, в конце 1936 г. порвавшая с Компартией и приступившая к написанию мемуаров. В ее похищении подозревались Жорж Минк и агент НКВД Шахно Эпштейн, редактор коммунистической газеты и в прошлом близкий друг Пойнтц (137).

Утром 25 января 1937 г. в Булонском лесу был убит директор советского коммерческого банка за границей Дмитрий Сергеевич Навашин. Тайна этого убийства не раскрыта до настоящего времени. В Навашина, прогуливавшегося в сопровождении двух больших собак, убийца трижды выстрелил в упор, а затем нанес ему несколько ударов кинжалом и скрылся с места происшествия. Называлось несколько версий его убийства, но ни одна из них не подтверждена документально. Эмигрантская пресса и часть западной называли убийцами «агентов НКВД». По утверждению журнала «Тайм», Навашин был убит за несколько дней до выступления с лекцией «Правда о московском процессе» (138). В это время в Москве проходил показательный процесс над участниками так называемого Параллельного троцкистского антисоветского центра, а на скамье подсудимых сидели старые знакомые Дмитрия Сергеевича — Григорий Пятаков, Григорий Сокольников и Леонид Серебряков, курировавшие экономические операции СССР за границей в двадцатые и в начале тридцатых годов. По сообщению Берберовой («Люди и ложи»), «в 1931—1932 гг. в Париже заговорили, что Навашин ушел из банка и отказался ехать на родину». Берберова утверждала также, что убитый банкир «хранил международные фонды».

22 октября 1940 г. возле селения Сэн-Марселлена, недалеко от швейцарской границы, охотниками был найден труп зверски изуродованного, задушенного и затем повешенного немецкого коммуниста, видного деятеля Коминтерна Вильгельма Мюнценберга. В апреле 1915 г. на Бернской международной социалистической конференции молодежи он был избран генеральным секретарем Международного секретариата молодежи. Во время войны часто встречался с Лениным в Швейцарии. В начале 1920-х гг. организовал Международный фонд помощи рабочим, собиравший деньги для помощи голодающим Поволжья. Самого Мюнценберга называли «красным миллионером», он владел собственными киностудиями, десятками журналов и газет по всему миру. В 1924 г. Мюнценберг был избран депутатом рейхстага от Германской коммунистической партии. После прихода Гитлера к власти Мюнценберг эмигрировал во Францию. Здесь он издал «Коричневую книгу гитлеровского террора и поджога рейхстага», которая была переведена более чем на 20 языков и стала важным инструментом антифашистской пропаганды. Во Франции Мюнценберг организовал Всемирное общество помощи жертвам гер-

манского фашизма, провел международный антифашистский конгресс деятелей культуры в Париже в 1935 г., а в 1936 г. принимал активное участие в организации интербригад для войны в Испании. Во время приезда в октябре 1936 г. в Москву Мюнценбергу было предложено оставить Париж и перейти работать в Коминтерн, то есть полностью встать под опеку Кремля. Его упрекали в «потере революционной бдительности»: в его организацию «внедрилась» Лилиан Клейн, отца которой НКВД считал агентом спецслужб Франко. Под предлогом передачи ключей от дома своему преемнику, завершения дел и отправки партии оружия для республиканцев Мюнценбергу разрешили вернуться в Париж. Осуждая аресты в СССР многих своих соратников, Мюнценберг порвал с коммунизмом. Он резко высказался против германо-советского пакта, подписанного 22 августа 1939 г. в Москве. «Сталин, ты — предатель!» — пишет он в статье в антинацистском журнале «Цукунфт» («Будущее»). Этим он, вероятно, и подписал свой смертный приговор. В 1937 г. он был выведен из состава ЦК КПГ и в 1939 г. исключен из партии. В 1939—1940 гг. работал на французском радио, организуя вещание на Германию. В июне 1940 г. бежал из Парижа, спасаясь от наступающих немцев. Интернированный, как немецкий гражданин после объявления войны, Мюнценберг находился в лагере на юге Франции во время ее краха. При наступлении немцев вместе с другим заключенным он совершает побег из лагеря навстречу своей гибели (139).

Похищения и отравления органами НКВД-КГБ практиковались и после войны. 19 августа 1947 г. из Египта был похищен известный египтолог, историк Древнего Востока, академик Академии наук СССР, бывший заведующий корреспондентским пунктом Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) Михаил Александрович Коростовцев (1900—1980 гг.). Коростовцев в 1934 г. окончил заочно исторический факультет Азербайджанского университета и был приглашен академиком В.В. Струве на научную работу в Институт востоковедения АН СССР. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации и в 1944 г. был направлен в Египет в качестве корреспондента ТАСС и представителя АН СССР по гуманитарным наукам. Заподозренный в попытке бежать в Англию, он в августе 1947 г. был похищен, доставлен из Египта в СССР и осужден по ст. 58—1а УК РСФСР на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Досрочно освобожден в январе 1955 г. Работал старшим научным сотрудником и заведующим отделом Древнего Востока. С 1974 г. — академик АН СССР по Отделению истории (140).

25 сентября 1947 г. из Западного Берлина был похищен писатель, активист антисоветской организации Народно-трудовой союз (НТС) Юрий Андреевич Трегубов (1913—2000 гг.). Трегубов родился в дворянской се-

мье. В 1926-м вместе с матерью уехал в Берлин (отец выездной визы не получил). В 1934 г. примкнул к политическому движению, впоследствии названному НТС. В 1944-м получил немецкое гражданство и, чтобы избежать призыва в вермахт, вступил в армию Власова. После войны находился в чешском плену, в 1946-м тяжело пострадал при аварии на шахте, где работал, и был освобожден. 19 сентября 1947 г. похищен агентами МГБ в Западном Берлине, вывезен в СССР и приговорен к 25 годам. Как немецкий гражданин, в 1955 г. был возвращен в ФРГ вместе с другими военнопленными и интернированными. В 1956 г. выпустил воспоминания о своем заключении «Восемь лет во власти Лубянки» (141).

В 1947 г. оперативной группой НКГБ в Вене был похищен американский генерал Станли Дубик, во время войны возглавлявший нелегальную американскую разведку в Польше, а в 1948 г. в Западном Берлине был похищен начальник немецкой контрразведки в Париже генерал Сарториус. Оба похищенных были доставлены в СССР, осуждены и отбывали срок в лагерях (142: 198). 15 февраля 1951 г. в Аргентине был отравлен Николай Михайлович Февр (1908—1951 гг.) — антикоммунист, журналист русского зарубежья. Жил в Сербии, Германии, Австрии, Аргентине. Вывезенный из России 12-летним кадетом Киевского кадетского корпуса в 1920 г., Николай Февр в 1927 г. окончил Кадетский корпус в Белграде и получил диплом журналиста. С 1933 г. он работал в берлинской газете «Новое слово», финансируемой нацистским правительством, — единственной газете на русском языке в Европе. В качестве ее корреспондента в годы войны он объехал большую часть оккупированной территории СССР, о чем в 1945—1946 гг. и написал книгу «Солнце восходит на Западе». После войны Н. Февр эмигрировал в Аргентину и стал корреспондентом русской газеты «Слово». В ноябре 1961 г. в Буэнос-Айресе был отравлен другой эмигрантский журналист и писатель, Михаил Байков.

4 марта 1953 г. — в Мюнхене убит секретарь и телохранитель Троцкого Вольфганг Залус. Об этом убийстве было подробно проинформировано руководство КПСС — Маленков, Берия, Молотов, Булганин, Хрущев. В рапорте С.Д. Игнатьева от 08.03.1953 № 951/И говорилось: «Ликвидация Залуса осуществлена через агента МГБ, немца по национальности, всыпавшего ему 13 января с. г. специальный препарат, вызвавший смерть через 10—12 дней. Вскоре после этого Залус заболел и в одном из госпиталей Мюнхена 4 марта с. г. умер. При проверке через различные источники выяснено, что отравление Залуса не вызвало у противника каких-либо подозрений. Врачи констатировали, что смерть наступила в результате воспаления легких» (143).

13 апреля 1954 г. в Западном Берлине советскими агентами был похищен видный деятель русской эмиграции, один из руководителей НТС и

председатель Комитета помощи русским беженцам Александр Рудольфович Трушнович. Словенец по национальности, он в июне 1915 г. в Карпатах, в числе многих военнослужащих-славян, с риском для жизни перешел на сторону Русской армии, стал офицером Сербской добровольческой дивизии. Во время Гражданской войны командовал пулеметной ротой Корниловского полка. Весной 1920 г. попал в плен к красным, бежал, скитался по югу России. Перед поступлением в институт сменил фамилию на девичью фамилию матери — Гостыша, под которой жил до отъезда из СССР. Учился в краснодарском медицинском институте. В 1927—1934 гг. работал врачом в станице Приморско-Ахтырская, а затем в Таджикистане. В 1934 г., как бывший подданный Австро-Венгрии, добился через посольство Польши в СССР выезда с семьей в Югославию, жил в Белграде. Вступил в НТС, работал врачом. В конце 1944-го уехал в Германию, служил пом. начальника санитарного отдела ВС КОНР. В мае 1945 г. сумел избежать насильственной репатриации в СССР. Жил в Западной Германии (144). Как выяснилось позже, он оказал активное сопротивление похитителям и на советскую сторону был доставлен уже «без признаков жизни». Факт похищения и убийства Трушновича был признан пресс-бюро Службы внешней разведки только после распада СССР. По утверждению историка разведки В.Г. Чернявского, «его завернули в ковер, чтобы никто не обратил внимания, и вынесли на улицу. Привезли, развернули, а он — уже труп, задохнулся. Убивать не хотели. Хотели похитить» (145). В 1992 г. его сыну, Ярославу, были возвращены найденные у покойного бумаги, переданы копии медицинского освидетельствования и справки о захоронении. Точное место захоронения А.Р. Трушновича не установлено.

15 сентября 1957 г. во Франкфурте-на-Майне произошло заурядное событие. Во время ежегодной политической конференции эмигрантского еженедельника «Посев» один из ее участников, Николай Хохлов, потерял сознание. Это происшествие осталось бы незамеченным, если бы не некоторые обстоятельства. Потерявший сознание Николай Хохлов в прошлом был чекистом-боевиком, организовавшим в 1943 г. покушение на наместника Белоруссии Кубе. Это он пронес в оккупированный немцами Минск мину и вручил ее Елене Мазаник — горничной в доме наместника. Кубе разнесло на куски. Девушка выполнила задание и стала Героем Советского Союза, а Хохлов был награжден и продолжал выполнять специальные задания за рубежом.

В 1954 г. капитан госбезопасности Хохлов должен был выполнить очередное задание, — застрелить одного из лидеров Народно-трудового союза, Георгия Сергеевича Околовича. Придя в дом к Околовичу, Хохлов



заявил: «Георгий Сергеевич, я приехал к Вам из Москвы. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза приказал ликвидировать вас. Задание поручено выполнить руководимой мною группой. Я не могу позволить этому убийству свершиться». Хохлов во всем признался, обратно дороги ему не было, и его переправили к американцам. Он написал книгу о своей жизни, о службе в управлении Судоплатова и о своем прозрении. Сразу же после появления этой книги на прилавках русских магазинов в Европе Хохлов и потерял сознание. Врач университетской клиники, куда доставили больного, заподозрил отравление. Лечение не привело ни к каким результатам. На пятый день пребывания Хохлова во франкфуртской больнице к нему в палату вошла сестра и уставилась на него, прикованная к месту ужасом. «Что случилось?» — спросил Хохлов. Потом он увидел в зеркале свое отражение и сам ужаснулся. Он вспоминал: «Что-то страшное случилось с моим лицом. Бурые полосы, перемежавшиеся темными пятнами, покрыли его хаотическим узором. Приглядевшись, я понял, что это были кровоподтеки разной формы и силы. Я оглянулся на постель. Наволочка была сплошь запятнана кровью. Сестра поспешно перевернула подушку, что-то сказала и вышла из палаты. Я продолжал смотреть в зеркало, как зачарованный. Я увидел и тут же ощутил, что треснувшие веки у меня покрыты сукровицей, что черные пятна испещрены точками нарывов, что кожа лица суха, натянута и горит, как в жару. Все это и еще что-то, не поддающееся определению, превратило мое лицо в подобие маски монстров из фильмов Бориса Карлова. Но это сравнение жило лишь секунду. Когда я разглядел клок волос, нелепо торчавший в сторону, как вихор клоуна, мое отражение превратилось в цирковую гримасу. Я невольно пригладил вихор. Он остался у меня в руке. Еще не веря, я поднес ладонь к глазам. В ней лежал пучок волос. Я повернул ладонь — и волосы, падая, закружились в воздухе. Я потянул еще один клок — и он точно так же, без боли и без сопротивления, остался у меня в руке. Это было почти нереально. Я ничего не чувствовал, когда продолжал тянуть пучок за пучком и ронять их на пол. Ничего, кроме отвращения к чему-то невероятному, вошедшему в мою жизнь. Мне показалось вдруг, что все это я уже видел в каком-то кошмаре. Вот так же я сидел на постели и снимал свои волосы с головы без малейшего ощущения, что эти волосы принадлежат мне. Я подумал, что, потяни я сразу за всю шевелюру, она отстанет без сопротивления от головы. И так же, как в кошмаре, я опустил руки, не решаясь проверить, правда ли это» (146).

В крови Хохлова шел невероятно быстрый процесс разрушения. Количество белых кровяных шариков падало, и достигло 700, вместо нормального 7000. У него взяли пробу костного мозга, и анализ показал,

что большинство кроветворных телец было мертво. Началось отмирание слизистой оболочки рта, горла и пищевода. Ему стало трудно есть, пить и даже говорить. Знаменитый немецкий профессор заподозрил, что он был отравлен таллием, очень редким токсическим металлом. Однако применение противоядий не дало результатов. Хохлова перевезли в американский военный госпиталь во Франкфурте. Госпиталь охранялся, и проникнуть посторонние туда не могли. Шесть американских врачей начали борьбу за его жизнь. Прибыло также несколько крупных специалистов для консультаций и исследований. Во Франкфурт спешно доставлялись новые лекарственные препараты. На протяжении недели врачи боролись за жизнь Хохлова. Постепенно квалифицированное лечение и воля Хохлова вернули его к жизни. Тем не менее врачи не смогли поставить ему точного диагноза. Позднее, в Нью-Йорке, знаменитый американский токсиколог нашел ответ. Хохлов был отравлен таллием. Предварительно таллий подвергли сильному радиоактивному излучению, вследствие чего металл стал распадаться на мельчайшие частички. Попавшие в тело с пищей радиоактивные частицы продолжали распадаться и поразили организм смертельной дозой радиации (147). Бывший диверсант и террорист выздоровел, учился, стал преподавателем, а затем и профессором одного из университетов США.

20 декабря 1975 г. оперативными сотрудниками КГБ в Вене был похищен и погиб перебежавший на Запад и работавший на ЦРУ бывший морской офицер Николай Артамонов. Ясность в историю его похищения и гибели внес бывший начальник управления «К» ПГУ КГБ Олег Калугин. «Перевербованный» в США советским разведчиком, Артамонов прибыл в Вену на встречу с новым куратором от КГБ (Калугиным). Однако в КГБ возникли подозрения по поводу правдивости поступавшей от него информации. Под благовидным предлогом его удалось заманить в Вену, куда он прибыл вместе с женой в сопровождении сотрудников управления безопасности ЦРУ. Все они остановились в гостинице «Бристоль». Под наблюдением сотрудников ЦРУ состоялись две встречи Артамонова с сотрудниками разведки КГБ и никаких подозрений они не вызвали; ни Артамонов, ни американцы не заметили ничего подозрительного. Вечером 20 декабря Николай отправился на встречу с нелегалом КГБ, которая должна была состояться в другом районе города. Недалеко от американского посольства его ждали оперативники Козлов и Курышев. Они предложили ему сесть в машину. О том, что произошло дальше, рассказал в своих мемуарах Калугин, который непосредственно руководил операцией: «В машине ему набросили на лицо маску с хлороформом, сделали усыпляющий укол для гарантии и повезли в сторону чехословацкой

границы. Однако обнаружили, что он, не выдержав стресса, скончался от острой сердечной недостаточности. Смерть констатировал словацкий врач, которого пригласили через пограничников. Труп был доставлен на спецсамолете КГБ в Москву. Похоронили его под латышской фамилией на одном из московских кладбищ».

Однако есть основания полагать, что причиной его смерти была не сердечная недостаточность, а большая доза хлороформа. За руководство и участие в операции по захвату и «доставке» в СССР Николая Артамонова Олег Калугин был награжден орденом Красного Знамени. В мемуарах А. Соколова изложена иная версия смерти Артамонова. Соколов обвинил Калугина в преднамеренном убийстве двойного агента Артамонова, который якобы мог раскрыть причастность самого Калугина к секретной работе на спецслужбе США (148).

Широкую известность получило убийство в Лондоне в 1978 г. журналиста-диссидента Георгия Маркова, активно выступавшего против коммунистического режима в Болгарии. Судоплатов пишет, что Маркова убили «с помощью яда, полученного в Спецлаборатории, которую раньше возглавлял Майрановский. Марков погиб от укола зонтиком, изготовленным в этой лаборатории» (149: 334). Незадолго до этого события секретная лаборатория № 12 КГБ, преемница Лаборатории № 1, была переименована в Центральный научно-исследовательский институт специальных технологий КГБ при Оперативно-техническом управлении КГБ, находившийся в непосредственном подчинении председателя КГБ Андропова. Болгарской секретной службе «Държавна сигурност» было передано специальное оружие — зонтик с отравленными ампулами. В качестве яда был выбран рицин. Операция находилась под непосредственным контролем руководителя Первого главного управления КГБ генерала Владимира Крючкова, позже председателя КГБ и участника августовского путча 1991 г. (150).

По словам бывшего генерала КГБ Олега Калугина, в 1978 г. руководившего советской контрразведкой в Лондоне и соответственно причастного к убийству Маркова, это была третья попытка убить Маркова. Сначала была использована мазь, которая должна была убить журналиста через один-два дня — вскрытие констатировало бы смерть от сердечного приступа. Затем яд был добавлен агентом в стакан с напитком, приготовленным для Маркова, однако только укол зонтиком с рицином сделал свое дело.

Сотрудники ВЧК-ОГПУ-НКВД по приказам вождя тайно убивали не только белогвардейцев, троцкистов и предателей-перебежчиков. Они могли тайно казнить и неугодного вождю правителя другого государства.

Так произошло, например, с генерал-губернатором четырех провинций Северо-Восточного Китая, командующим сухопутными и морскими силами Китайской Республики маршалом Чжан Цзолинем. Поводом к ликвидации Чжан Цзолиня послужила проводимая им антисоветская политика, провокации на Китайско-Восточной железной дороге, а также военные неудачи наших союзников в Китае. 4 июня 1928 г. поезд, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван (Хуангутуньский инцидент). В результате взрыва Чжан Цзолинь был смертельно ранен и через несколько часов скончался в госпитале. Кроме него, во время взрыва погибли еще 17 человек, в том числе и генерал. Взрыв долгое время приписывали делу рук японской разведки, однако в 2001 г. были опубликованы материалы о том, что операция по устранению Чжан Цзолиня была проведена советской разведкой, а организаторами акции были Наум Эйтингон и резидент военной разведки в Шанхае Христофор Салнынь (151: 398); (152).

Разработанный Салнынем первоначальный план предполагал ликвидацию Чжан Цзолиня взрывом мощной мины в его дворце в Мукдене. Пронести мину во дворец, установить ее в апартаментах маршала и поставить часовой механизм на ночное время должны были агенты Салныня в музыкальном оркестре, который давал там концерт. Доставить мину в Маньчжурию было поручено сотруднику разведки Бурлакову, который 24 сентября 1926 г. с документами на имя Ивана Яковлевича Шугина прибыл на железнодорожную станцию «Пограничная», где должен был передать мину агенту Салныня Медведеву, служившему в полиции КВЖД. Однако Медведев находился под наблюдением спецслужб Чжан Цзолиня и, заметив его контакт с одним из советских пассажиров, полицейские обыскали вагон, обнаружили мину и арестовали Бурлакова, Медведева и его помощника Власенко.

Официальные советские власти незамедлительно отреклись от Бурлакова, назвав его «белобандитом», а подготовку покушения на Чжан Цзолиня свалили на эмигрантов, хотя этому мало кто поверил. Летом 1927 г. харбинский суд приговорил участников покушения к заключению в каторжной тюрьме, где Бурлаков более двух лет находился в одиночке, закованный в кандалы. На свободу Бурлаков, Медведев и Власенко вышли лишь 14 апреля 1930 г., когда их обменяли на пять китайских офицеров, взятых в плен во время боев на КВЖД (153). После провала плана со взрывом бомбы во дворце был реализован план подрыва поезда.

Было сделано несколько попыток убийства руководителя Югославии Иосипа Броз Тито, на которого охотились как Гитлер, так и Сталин. Как пишет в своей книге «Заговоры и покушения на Тито» отставной генерал Мариан Кранич, известно как минимум три десятка фактов организации

покушения на Иосипа Броз Тито. Попытки его убийства были как на территории Югославии, так и в ходе его многочисленных зарубежных поездок, главным образом силами националистической эмиграции. Н.С. Хрушев не раз вспоминал о том, что Сталин публично угрожал Тито физической расправой и впервые попытался осуществить свою угрозу в феврале 1947-го, избрав для этого весьма хитроумный план.

Когда Тито потребовалась операция на прямой кишке, которую планировалось провести в Словении силами личных докторов маршала, Сталин предложил ему услуги опытных советских врачей, с чем Тито согласился, усмотрев в этом жест примирения со стороны Москвы. По версии начальника личной охраны Тито генерала Жежеля, изложенной в книге Мариана Кранича «Заговоры и покушения на Тито», в Люблянскую специальную больницу прилетели два советских хирурга и медсестра-анестезиолог. Именно она, как утверждал Жежель, должна была сделать маршалу смертельную инъекцию. В первую же ночь после операции Тито почувствовал себя плохо, рана воспалилась, и московские хирурги решили повторить операцию. Но в самый последний момент охрана не допустила их в операционную под тем предлогом, что один из хирургов явно был нетрезв. Тем самым жизнь Тито была спасена. Вскоре один из врачей, якобы осознавая, что не выполнил важнейшее задание Кремля, покончил с собой, а второй скончался от инфаркта в подъезде своего дома (154).

В 1953 г. был подготовлен и лишь в связи со смертью Сталина отменен очередной план убийства Тито. Об этом плане рассказал в своих мемуарах генерал-лейтенант Павел Судоплатов: «...В конце февраля 1953 г. меня вызвали в кабинет Игнатьева (министр госбезопасности. — В.И.), где находились Гоглидзе, его первый заместитель, и Коняхин, заместитель начальника следственной части. Игнатьев сказал, что мы едем в “инстанцию”. Был поздний час — Игнатьев, Гоглидзе и Коняхин вошли в кабинет Сталина, а я около часа оставался в приемной. Потом Гоглидзе и Коняхин вышли, а меня попросили вместе с Игнатьевым через два часа прибыть к Сталину для доклада на его ближнюю дачу в Кунцево. Сталин передал мне написанный от руки документ и попросил прокомментировать его. Это был план покушения на маршала Тито. Я никогда раньше не видел этого документа, но Игнатьев пояснил, что инициатива исходила от Рясного и Савченко, заместителей министра госбезопасности, и что Питовранов в курсе этой акции. Я сказал Сталину, что в документе предлагаются наивные методы ликвидации Тито, которые отражают опасную некомпетентность в подготовке плана.

Письмо Сталину гласило: “МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито, с использованием агента неле-

гала “Макса” — тов. Григулевича И.Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 г. (справка прилагается). “Макс” был переброшен нами по коста-риканскому паспорту в Италию, где ему удалось завоевать доверие и войти в среду дипломатов южноамериканских стран и видных коста-риканских деятелей и коммерсантов, посещавших Италию. Используя свои связи, “Макс” по нашему заданию добился назначения на пост Чрезвычайного и Полномочного посланника Коста-Рики в Италии и одновременно в Югославии. Выполняя свои дипломатические обязанности, он во второй половине 1952 г. дважды посетил Югославию, где был хорошо принят, имел доступ в круги, близкие к клике Тито, и получил обещание личной аудиенции у Тито. Занимаемое “Максом” в настоящее время положение позволяет использовать его возможности для проведения активных действий против Тито. В начале февраля с. г. “Макс” был вызван нами в Вену, где с ним была организована встреча в конспиративных условиях. В ходе обсуждения возможностей “Макса” перед ним был поставлен вопрос, чем он мог бы быть наиболее полезен, учитывая его положение. “Макс” предложил предпринять какое-либо действенное мероприятие лично против Тито. В связи с этим предложением с ним была проведена беседа о том, как он себе это представляет, в результате чего выявились следующие возможные варианты осуществления теракта против Тито:

1. Поручить “Максу” добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам “Макс” не будет знать о существовании применяемого препарата. В целях сохранения жизни “Максу” будет предварительно привита противочумная сыворотка. 2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон командировать туда “Макса”, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, попасть на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито. Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновременным выпуском слезоточивых газов для создания паники среди присутствующих, с тем, чтобы создать обстановку, благоприятную для отхода “Макса” и скрытия следов. 3. Воспользоваться одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются жены дипломатического корпуса. Теракт произвести таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому “Максу”, который как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен на такой прием. Кроме того, поручить “Максу” разработать вариант и подго-

товить условия вручения через одного из коста-риканских представителей подарка Тито в виде каких либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество. “Максу” предложено было еще раз подумать и внести предложения, каким образом он мог бы осуществить наиболее действенные мероприятия против Тито. С ним обусловлены способы связи и договорено, что ему будут даны дополнительные указания. Считали бы целесообразным использовать возможности “Макса” для совершения теракта против Тито. “Макс” по своим личным качествам и опыту работы в разведке подходит для выполнения такого задания. Просим Вашего согласия”.

Сталин не сделал никаких пометок на документе. Письмо не было подписано. В кабинете Сталина, глядя ему в глаза, я сказал, что “Макс” не подходит для подобного поручения, так как он никогда не был боевиком-террористом. Он участвовал в операции против Троцкого в Мексике, против агента охраны в Литве, в ликвидации лидера троцкистов Испании А. Нина, но лишь с задачей обеспечения выхода боевиков на объект акции. Кроме того, из документа не следует, что прямой выход на Тито гарантирован. Как бы мы о Тито ни думали, мы должны отнестись к нему как к серьезному противнику, который участвовал в боевых операциях в военные годы и, безусловно, сохранит присутствие духа и отразит нападение... Сталин прервал меня и, обращаясь к Игнатьеву, сказал, что это дело надо еще раз обдумать, приняв во внимание внутренние “драчки” в руководстве Югославии. Потом он пристально посмотрел на меня и сказал, что, так как это задание важно для укрепления наших позиций в Восточной Европе и для нашего влияния на Балканах, подойти надо к нему исключительно ответственно, чтобы избежать провала, подобного тому, который имел место в Турции в 1942 г., когда сорвалось покушение на посла Германии фон Папена.

На следующий день в министерстве мне выдали два литерных дела — “Стервятник” и “Нерон”, содержавших компромат на Тито. В досье я не нашел никаких реальных фактов, дающих возможность подступиться к ближайшему окружению Тито, чтобы наши агенты могли подойти достаточно близко для нанесения удара. Когда меня вызвали на следующий день в кабинет Игнатьева, там было трое из людей Хрущева — Савченко, Рясной и Епишев, — и я сразу же почувствовал себя не в своей тарелке, потому что прежде обсуждал столь деликатные вопросы лишь наедине с Берией или Сталиным. Среди присутствующих я был единственным профессионалом разведки, имевшим опыт работы за рубежом. Как можно было сказать заместителям министра, что план их наивен? Я не поверил своим ушам, когда Епишев прочел пятнадцатиминутную лекцию о по-

литической важности задания. Потом включились Рясной и Савченко, сказав, что Григулевич как никто подходит для такой работы, и с этими словами показали его письмо к жене, в котором он говорил о намерении пожертвовать собой во имя общего дела. Григулевича, видимо, страхуясь, вынудили написать это письмо. Я понял, что мои предостережения не подействуют, и сказал, что как член партии считаю своим долгом заявить им и товарищу Сталину, что мы не имеем права посылать агента на верную смерть в мирное время. План операции должен обязательно предусматривать возможности ухода боевика после акции, нельзя согласиться с планом, в котором агенту приказывали уничтожить серьезно охраняемый объект без предварительного анализа оперативной обстановки. В заключение Игнатьев подчеркнул, что все мы должны думать, думать и еще раз думать о том, как выполнить директиву партии. Это совещание оказалось моей последней деловой встречей с Игнатьевым и Епишевым. Через десять дней Игнатьев поднял оперативный состав и войска МГБ по тревоге и конфиденциально проинформировал начальников управлений и самостоятельных служб о болезни Сталина. Через два дня Сталин умер, и идея покушения на Тито была окончательно похоронена» (155: 390—391).

## ЖЕНЩИНЫ-ПАЛАЧИ

До XX века в истории не было женщин профессиональных палачей и лишь изредка встречались женщины серийные убийцы и садистки. В российскую историю как садистка и убийца нескольких десятков крепостных крестьян вошла помещица Дарья Николаевна Салтыкова, по прозвищу Салтычиха.

При жизни мужа за ней не замечалось особой склонности к насилию, но вскоре после его смерти она начала регулярно избивать прислугу. Основным поводом для наказания было недобросовестное отношение к работе (мытью полов или стирке). Она наносила провинившимся крестьянкам удары первым попавшимся под руку предметом (чаще всего это было полено). Затем провинившихся пороли конюхи и порой забивали до смерти. Салтычиха могла облить жертву кипятком или опалить ей волосы на голове. Она использовала для истязаний горячие щипцы для завивки волос, которыми хватала жертву за уши. Часто таскала людей за волосы и сильно била их головой о стену. По словам свидетелей, многие убитые ею не имели волос на голове. Жертв по ее приказу морили голодом и привязывали голыми на морозе. Салтычиха любила убивать невест, которые в ближайшее время собирались выйти замуж. В ноябре 1759 г., в ходе растянувшейся почти на сутки пытки, ею был убит молодой слуга Хрисанф Андреев, а в сентябре 1761 г. Салтыкова собственноручно забила



мальчика Лукьяна Михеева. Она пыталась убить и дворянина Николая Тютчева — деда поэта Федора Тютчева. Землемер Тютчев длительное время состоял с ней в любовных отношениях, но решил жениться на девице Панютиной. Салтыкова приказала сжечь дом Панютиной своим людям и дала для этого серы, пороха и пакли. Но крепостные испугались. Когда Тютчев и Панютина поженились и ехали в свою орловскую вотчину, Салтыкова приказала своим крестьянам убить их, но исполнители сообщили о поручении Тютчеву (156).

Многочисленные жалобы крестьян приводили лишь к суровым наказаниям жалобщиков, поскольку у Салтычихи было много влиятельных родственников и ей удавалось подкупать должностных лиц. Но двум крестьянам, Савелию Мартынову и Ермолаю Ильину, жен которых она убила, в 1762 г. удалось передать жалобу только что вступившей на престол Екатерине II.

Во время следствия, продолжавшегося шесть лет, были произведены обыски в московском доме Салтычихи и в ее усадьбе, опрошены сотни свидетелей, изъяты бухгалтерские книги, содержавшие информацию о взятках чиновникам. Свидетели рассказали об убийствах, сообщили даты и имена жертв. Из их показаний следовало, что Салтыковой было убито 75 человек, в основном женщин и девушек.

Следователь по делу вдовы Салтыковой, надворный советник Волков, основываясь на данных домовых книг подозреваемой, составил список из 138 фамилий крепостных, судьбу которых предстояло выяснить. Согласно официальным записям, 50 человек считались «умершими от болезней», 72 человека — «безвестно отсутствовали», 16 считались «выехавшими к мужу» или «ушедшими в бега». Было выявлено много подозрительных записей о смертях. Например, двадцатилетняя девушка могла поступить на работу в качестве прислуги и через несколько недель умереть. У коноха Ермолая Ильина, подавшего жалобу на Салтычиху, умерло подряд три жены. Некоторых крестьянок будто бы отпускали в родные деревни, после чего они или сразу умирали, или пропадали без вести.

Салтычиху взяли под стражу. При допросах применялась угроза пытки (разрешение на пытку получено не было), но она ни в чем не созналась. По итогам следствия Волков пришел к заключению, что Дарья Салтыкова «несомненно повинна» в смерти 38 человек и «оставлена в подозрении» относительно виновности в смерти еще 26 человек.

Судебное разбирательство длилось более трех лет. Судьи признали обвиняемую «виновной без снисхождения» в тридцати восьми доказанных убийствах и пытках дворовых людей. Решением Сената и императрицы Екатерины Второй Салтыкова была лишена дворянского звания и приговорена к пожизненному заключению в подземной тюрьме без света и человеческого общения (свет дозволялся только во время приема пищи, а

разговор — только с начальником караула и женщиной-монахиней). Она была также приговорена к отбыванию в течение часа особого «поносительного зрелища», в ходе которого осужденной надлежало простоять на эшафоте прикованной к столбу с надписью над головой «мучительница и душегубица».

Наказание было исполнено 17 октября 1768 г. на Красной площади в Москве. В московском Ивановском женском монастыре, куда прибыла осужденная после наказания на Красной площади, для нее была приготовлена особая «покаянная» камера. Высота отрытого в грунте помещения не превышала трех аршин (2,1 метра). Оно находилось ниже поверхности земли, что исключало всякую возможность попадания внутрь дневного света. Узница содержалась в полной темноте, лишь на время приема пищи ей передавался свечной огарок. Салтычихе не дозволялись прогулки, ей было запрещено получать и передавать корреспонденцию. По крупным церковным праздникам ее выводили из тюрьмы и подводили к небольшому окошку в стене храма, через которое она могла прослушать литургию. Жесткий режим содержания продлился 11 лет, после чего был ослаблен: осужденная была переведена в каменную пристройку к храму с окном. Посетителям храма было дозволено смотреть в окно и даже разговаривать с узницей. По словам историка, «Салтыкова, когда бывало, соберутся любопытные у окошечка за железною решеткой ее застенка, ругалась, плевала и совала палку сквозь открытое в летнюю пору окошечко». После смерти заключенной ее камера была приспособлена под ризницу. Она провела в тюрьме тридцать три года и умерла 27 ноября 1801 г. Похоронена на кладбище Донского монастыря, где была похоронена вся ее родня (157).

Эсерка Фанни Каплан прославилась своим покушением на Ленина на заводе Михельсона. В 1908 г., будучи анархисткой, она изготавливала бомбу, которая внезапно взорвалась у нее в руках. После этого взрыва она почти ослепла. Полуслепая, она стреляла в Ленина с двух шагов — один раз промахнулась, а два раза ранила его в руку. Ее расстреляли через четыре дня, а труп сожгли и развеяли по ветру. В книге «Ленин» профессор Пассони описывает ее как сумасшедшую. Во время Гражданской войны на Украине зверствовала банда другой пассионарии — анархистки Маруськи Никифоровой, которая выступала на стороне батьки Махно. До революции она отбывала двадцатилетний срок на каторге. Белые в конце концов поймали и расстреляли ее. Выяснилось, что она — гермафродит, т.е. не мужчина и не женщина, а из тех, кого раньше называли ведьмами.

Кроме Маруси Никифоровой и Фанни Каплан, было множество других женщин, оказавших влияние на исход кровавого октябрьского переворота. Деятельность таких революционерок, как Надежда Крупская, Александра Коллонтай (Домонтович), Инесса Арманд, Серафима Гопнер,

Мария Авейде, Людмила Сталь, Евгения Шлихтер, Софья Бричкина, Цецилия Зеликсон, Злата Родомысльская, Клавдия Свердлова, Нина Дидрихиль, Берта Слуцкая и многих других, безусловно, способствовала победе революции, которая привела к величайшим бедствиям, уничтожению или изгнанию лучших сынов и дочерей России. Деятельность большинства этих «пламенных революционеров» в основном ограничивалась «партийной работой» и на них нет прямой крови, т.е. они не выносили смертных приговоров и лично не убивали в подвалах ЧК-ГПУ- ОГПУ-НКВД дворян, предпринимателей, профессоров, офицеров, священников и прочих представителей «враждебных» классов. Однако некоторые «валькирии революции» умело сочетали агитационно-партийную и «боевую» работу.

Наиболее ярким представителем этой когорты является прототип комиссара в «Оптимистической трагедии» Рейснер Лариса Михайловна (1896—1926 гг.). Родилась в Польше. Отец профессор, немецкий еврей, мать русская дворянка. Окончила в Петербурге гимназию и психоневрологический институт. Член партии большевиков с 1918 г. В годы Гражданской войны боец, политработник Красной Армии, комиссар Балтийского флота и Волжской флотилии. Современники запомнили ее отдающей приказы революционным матросам в элегантной морской шинели или кожанке, с револьвером в руке. Писатель Лев Никулин встречался с Рейснер летом 1918 г. в Москве. По его словам, Лариса чеканила в разговоре: «Мы расстреливаем и будем расстреливать контрреволюционеров! Будем!»

В мае 1918 г. Л. Рейснер выходит замуж за Федора Раскольникову, заместителя народного комиссара по морским делам, и вскоре уезжает с мужем, членом Реввоенсовета Восточного фронта, в Нижний Новгород. Теперь она флаг-секретарь командующего Волжской военной флотилией, комиссар отряда разведки, корреспондент газеты «Известия», где печатаются ее очерки «Письма с фронта». В письме к родителям она пишет: «Троцкий вызвал меня к себе, я ему рассказала много интересного. Мы с ним теперь большие друзья, я назначена приказом по армии комиссаром разведывательного отдела при штабе (прошу не смешивать с шпионской контрразведкой), набрала и вооружила для смелых поручений тридцать мадьяр, достала им лошадей, оружие и от времени до времени хожу с ними на разведки. Говорю с ними по-немецки». В этой роли Ларису описала другая пассионария, Елизавета Драбкина: «Впереди на вороном коне скакала женщина в солдатской гимнастерке и широкой клетчатой юбке, синей с голубым. Ловко держась в седле, она смело неслась по вспаханному полю. Это была Лариса Рейснер, начальник армейской разведки. Прелестное лицо всадницы горело от ветра. У нее были светлые глаза, от висков сбегали схваченные на затылке каштановые косы, высокий чистый

лоб пересекала суровая морщинка. Ларису Рейснер сопровождали бойцы приданной разведке роты Интернационального батальона.

После героических подвигов на Волге Рейснер вместе с мужем, командовавшим Балтийским флотом, работала в Петрограде. При назначении Раскольников дипломатическим представителем в Афганистане выехала вместе с ним, однако, оставив его, вернулась в Россию. По возвращении из Центральной Азии Ларису Рейснер исключили из партии за «недостойное коммуниста поведение». Как пишет в своей книге близко знавшая Рейснер жена разведчика Игнаса Порецки Элизабет Порецки: «Ходили слухи, что во время пребывания в Бухаре у нее были многочисленные связи с офицерами британской армии, на свидание с которыми она отправлялась в казармы обнаженная, в одной шубке. Лариса рассказывала мне, что автором этих выдумок был Раскольников, оказавшийся безумно ревнивым и необузданно жестоким. Она показала мне шрам на спине, оставшийся от его удара нагайкой. Хотя ее исключили из партии и положение молодой женщины оставалось неясным, ее не лишили возможности выезжать за границу благодаря своим отношениям с Радеком...» (161: 70). Рейснер стала женой другого революционера, Карла Радека, вместе с которым пыталась разжечь костер «пролетарской» революции в Германии. Написала несколько книг, писала стихи. Пули, миновавшие ее на фронтах, убили всех тех, кто ее любил. Первым — ее возлюбленного в юности поэта Николая Гумилева, расстрелянного в ЧК. Раскольников в 1938 г. был объявлен «врагом народа», стал невозвращенцем и ликвидирован НКВД во французской Ницце. Погиб в застенках НКВД и Карл Радек — «заговорщик и шпион всех иностранных разведок». Можно только предполагать, какая участь ожидала ее, если бы не болезнь и смерть.

Умерла Рейснер от брюшного тифа в возрасте тридцати лет. Похоронена на «площадке коммунаров» на Ваганьковском кладбище. Один из некрологов гласил: «Ей нужно было бы помереть где-нибудь в степи, в море, в горах, с крепко стиснутой винтовкой или маузером». Жизнь этой «валькирии революции» весьма кратко и образно описал близко знавший ее и также расстрелянный талантливый журналист Михаил Кольцов (Фридлянд): «Пружина, заложенная в жизнь этой счастливо одаренной женщины, разворачивалась просторно и красиво... Из петербургских литературно-научных салонов — на объятые огнем и смертью низовья Волги, потом на Красный флот, потом — через среднеазиатские пустыни — в глухие дебри Афганистана, оттуда — на баррикады Гамбургского восстания, оттуда — в угольные шахты, на нефтяные промыслы, на все вершины, во все стремнины и закоулки мира, где клоочет стихия борьбы, — вперед, вперед, вровень с революционным локомотивом неся горячий неукротимый скакун ее жизни».

Такой же боевой и яркой революционеркой являлась и Мокиевская-Зубок Людмила Георгиевна, биография которой удивительным образом напоминает биографию Ларисы Рейснер. Она студентка того же Петербургского психоневрологического института, который, «выдал» целое созвездие революционеров и пассионариев. Родилась в Одессе в 1895 г. Мать, Мокиевская-Зубок Глафира Тимофеевна, дворянка, участия в политической жизни не принимала. Отец Быховский Наум Яковлевич. Еврей, социалист-революционер с 1901 г., в 1917 г. — член ЦК. Проживал в Ленинграде и Москве. Работал в профсоюзах. Арестован в июле 1937 г., расстрелян в 1938 г. Мокиевская-Зубок была первым и единственным в истории командиром и одновременно комиссаром бронепоезда. В 1917 г., будучи эсеркой-максималисткой, Людмила пришла в Смольный и связала жизнь с революцией. В декабре 1917 г. Подвойский отправляет ее на Украину для добычи продовольствия, но она под именем студента Мокиевского Леонида Григорьевича вступает в Красную Армию и с 25 февраля 1918 г. становится командиром бронепоезда «3-й Брянский» и одновременно комиссаром Брянского боевого отряда. Она ведет бои с немцами и украинцами на линии Киев—Полтава—Харьков, потом с красновцами под Царицыном, ее поезд участвует в подавлении Ярославского мятежа. В конце 1918 г. бронепоезд прибывает на Сормовский завод для ремонта, где Людмила получает другой бронепоезд — «Власть — советам» и назначается его командиром и комиссаром. Бронепоезд был придан в оперативное подчинение 13-й армии и вел бои в Донбассе на линии Дебальцево—Купянск. В бою под Дебальцево 9 марта 1919 г. Мокиевская погибла в возрасте двадцати трех лет. Ее похоронили в Купянске при большом скоплении народа, похороны были запечатлены на киноленту. После прихода белых в Купянск труп Людмилы Мокиевской был вырыт и выброшен на свалку в овраг. Захоронили ее заново лишь после повторного прихода красных (162: 59—63).

Однако была и другая, совершенно особая категория чрезмерно активных, а зачастую просто психически больных «революционерок», оставивших воистину страшный след в истории России. Много ли их было? На этот вопрос мы, наверное, никогда не получим ответа. Коммунистическая печать стыдливо избегала описания «подвигов» таких «героинь». Судя по известной фотографии членов Херсонской ЧК, свирепость которой подтверждена документально, где из девяти сфотографированных сотрудников три женщины, такой тип «революционерок» не редкость. Каковы их судьбы? Часть из них уничтожена системой, которой они служили, часть покончила с собой, а часть, наиболее «заслуженных», похоронена на лучших московских кладбищах. Прах некоторых из них замурован даже в Кремлевской стене. Имена большинства палачей до сего времени

хранятся за семью печатями как важная государственная тайна. Назовем же имена хотя бы некоторых из этих женщин, особенно отличившихся и оставивших кровавый след в истории русской революции и Гражданской войны. По какому принципу и как их ранжировать? Правильнее всего было бы по количеству пролитой каждой из них крови, но сколько ее пролито и кто ее замерял? Кто же из них самая кровавая? Как ее вычислить? Скорее всего, это наша с вами Землячка. Залкинд Розалия Самойловна (Землячка) (1876—1947 гг.). Еврейка. Родилась в семье купца 1-й гильдии. Училась в киевской женской гимназии и медицинском факультете лионского университета. Революционной деятельностью занималась с 17 лет (и чего ей не хватало?). Видный советский государственный и партийный деятель, член партии с 1896 г., активная участница революции 1905—1907 гг. и Октябрьского вооруженного восстания. Партийные псевдонимы (клички) Демон, Землячка.

В Гражданскую войну на политработе в Красной Армии. Член ЦК партии с 1939 г., депутат Верховного Совета СССР с 1937 г. В 1921 г. награждена орденом Красного Знамени — «за заслуги в деле политического воспитания и повышения боеспособности частей Красной Армии». Она была первой женщиной, удостоенной такой награды. За какие «заслуги» получен орден, будет ясно из дальнейшего описания ее «подвигов». Позднее награждена двумя орденами Ленина.

Выступая 6 декабря 1920 г. на совещании московского партийного актива, Владимир Ильич заявил: «Сейчас в Крыму 300 тыс. буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим». Когда преисполненные торжества победители пригласили в председатели Реввоенсовета Советской Республики Крым Льва Давидовича Троцкого, тот ответил: «Я тогда приеду в Крым, когда на его территории не останется ни одного белогвардейца». «Война продолжится, пока в Красном Крыму останется хоть один белый офицер», — вторил Троцкому его заместитель Э.М. Склянский.

В 1920 г. секретарь Крымского обкома РКП(б) Землячка вместе с руководителем чрезвычайной «тройки» по Крыму Георгием Пятаковым и председателем ревкома, «особоуполномоченным» Бела Куном (Арон Коган, заливший до этого Венгрию кровью), начали «переваривать» крымскую буржуазию: организовали массовые расстрелы пленных солдат и офицеров армии П.Н. Врангеля, членов их семей, представителей оказавшейся в Крыму интеллигенции и дворянства, а также местных жителей, принадлежавших к «эксплуататорским классам». Жертвами Землячки и Куна-Когана в первую очередь стали офицеры, которые сдались, поверив распространенному официальному обращению Фрунзе, обещавшего тем,

кто сдастся, жизнь и свободу. По последним данным, в Крыму расстреляно около 100 тыс. человек. Очевидец событий писатель Иван Шмелев называет 120 тыс. расстрелянных. Землячке принадлежит фраза: «Жалко на них тратить патроны — топить их в море». Ее подельник Бела Кун заявлял: «Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном развитии, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»

Учитывая особый, воистину зверский характер преступления, остановимся на деятельности Розалии Залкинд подробнее. Массовые репрессии под руководством Землячки осуществляли Крымская чрезвычайная комиссия (КрымЧК), уездные ЧК, ТрансЧК, МорЧК, возглавляемые евреями-чекистами Михельсоном, Дагиным, Зеликманом, Тольмацем, Удрисом и поляком Реденсом (163: 682—693).

Деятельностью особых отделов 4-й и 6-й армий руководил Ефим Евдокимов. Всего за несколько месяцев ему «удалось» уничтожить 12 тыс. «белогвардейского элемента», в том числе 30 губернаторов, 150 генералов и более 300 полковников. За свои кровавые «подвиги» он был награжден орденом Красного Знамени, правда, без публичного объявления об этом. На наградном списке Евдокимова командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе оставил уникальную резолюцию: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно». К уничтожению «контрреволюционеров» приложил руку и знаменитый полярник дважды Герой Советского Союза и кавалер восьми орденов Ленина, доктор географических наук, почетный гражданин города Севастополя, контр-адмирал Иван Дмитриевич Папанин, «работавший» в рассматриваемый период комендантом, т.е. главным палачом, и следователем Крымской ЧК.

Итогом его чекистской карьеры стало награждение орденом Красного Знамени... и длительное пребывание в клинике для душевнобольных. Неудивительно, что прославленный арктический исследователь не любил вспоминать о своем прошлом. Уничтожение несчастных принимало кошмарные формы, приговоренных грузили на баржи и топили в море. На всякий случай привязывали камень к ногам, и долго еще потом сквозь чистую морскую воду были видны рядами стоящие мертвецы. Говорят, что, устав от бумажной работы, Розалия любила посидеть за пулеметом. Очевидцы вспоминали: «Окраины города Симферополя были полны зловония от разлагающихся трупов расстрелянных, которых даже не закапывали в землю. Ямы за Воронцовским садом и оранжереи в имении

Крымтаева были полны трупами расстрелянных, слегка присыпанных землей, а курсанты кавалерийской школы (будущие красные командиры) ездили за полторы версты от своих казарм выбивать камнями золотые зубы изо рта казненных, причем эта охота давала всегда большую добычу». За первую зиму было расстреляно 96 тыс. человек из 800 тыс. населения Крыма. Бойня шла месяцами. Расстрелы шли по всему Крыму, пулеметы работали день и ночь.

Стихи о трагической бойне в Крыму, написанные очевидцем тех событий поэтом Максимилианом Волошиным, обжигают ужасом от всего, что там происходило:

Восточный ветер выл в разбитых окнах,  
А по ночам стучали пулеметы,  
Свистя как бич по мясу обнаженных  
Мужских и женских тел...  
Зима была в тот год Страстной неделей,  
И красный май слился с кровавой Пасхой,  
Но в ту весну Христос не воскресал.

Ни одна братская могила тех лет в Крыму до настоящего времени не вскрыта. В советское время на эту тему был наложен запрет. Розалия Землячка хозяйничала в Крыму так, что Черное море покраснело от крови. Умерла Землячка в 1947 г. Прах ее, как и многих других палачей русского народа, погребен в Кремлевской стене. Можно только добавить, что Пятаков, Бела Кун, Евдокимов, Реденс, Михельсон, Дагин, Зеликман и многие другие палачи не избежали возмездия. Они были расстреляны в 1937—1940 гг.

Островская Надежда Ильинична (1881—1937). Еврейка, член ВКП(б). Родилась Надежда Ильинична в 1881 г. в Киеве в семье врача. Окончила Ялтинскую женскую гимназию, в 1901 г. вступила в партию большевиков. Принимала активное участие в событиях революции 1905—1907 гг. в Крыму. В 1917—1918 гг. председатель Севастопольского ревкома, правая рука Землячки. Руководила казнями в Севастополе и Евпатории. Русский историк и политик Сергей Петрович Мельгунов писал, что в Крыму наиболее активно казнили в Севастополе. В книге «Севастопольская Голгофа: жизнь и смерть офицерского корпуса императорской России» Аркадий Михайлович Чикин, ссылаясь на документы и свидетельства, рассказывает: «29 ноября 1920 г. в Севастополе на страницах издания “Известия временного Севастопольского ревкома” был обнародован первый список казненных людей. Их число составило 1634 человека (278 женщин). 30 ноября опубликован второй список — 1202 казненных человека



(88 женщин). По данным издания «Последние новости» (№ 198), только за первую неделю после освобождения Севастополя расстреляно более 8000 человек. Общее же число казненных в Севастополе и в Балаклаве составляет около 29 тыс. человек. Среди этих несчастных были не только военные чины, но и чиновники, а также большое количество людей, имевших высокий социальный статус. Их не только расстреливали, но и топили в севастопольских бухтах, привязав к ногам камни» (там же, с. 122).

А вот приводимые автором воспоминания очевидца: «Нахимовский проспект увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же наспех казненных без суда. Город вымер, население прячется в погребах, на чердаках. Все заборы, стены домов, телеграфные и телефонные столбы, витрины магазинов, вывески — оклеены плакатами “смерть предателям...”. Офицеров вешали обязательно с погонами. Гражданские большей частью болтались полураздетыми. Расстреливали больных и раненых, молоденьких гимназисток — сестер милосердия и сотрудников Красного Креста, земских деятелей и журналистов, купцов и чиновников. В Севастополе казнили около 500 портовых рабочих за то, что они при эвакуации обеспечивали погрузку на корабли врангелевских войск» (там же, с. 125). А. Чикин приводит также свидетельство, опубликованное в православном вестнике «Сергиев Посад»: «...В Севастополе жертв связывали группами, наносили им саблями и револьверами тяжкие раны и полуживыми бросали в море. В Севастопольском порту есть место, куда водолазы отказывались спускаться: двое из них после того, как побывали на дне моря, сошли с ума. Когда третий решился прыгнуть в воду, то, выйдя, заявил, что видел целую толпу утопленников, привязанных ногами к большим камням. Течением воды их руки приводились в движение, волосы были растрепаны. Среди этих трупов священник в рясе с широкими рукавами поднимал руки, как будто произносил ужасную речь».

В книге описаны также казни в Евпатории 18 января 1918 г. На рейде стояли крейсер «Румыния» и транспорт «Трувор». «Офицеры выходили поодиночке, разминая суставы и жадно глотая свежий морской воздух. На обоих судах к казням приступили одновременно. Светило солнце, и толпа родственников, жен и детей, столпившихся на пристани, могла видеть все. И видела. Но их отчаяние, их мольбы о милосердии только веселили матросов». За двое суток казней на обоих кораблях было уничтожено около 300 офицеров. Некоторых офицеров сжигали живьем в топках, а перед убийством мучили 15—20 минут. Несчастным отрезали губы, гениталии, иногда руки и бросали в воду живыми. Семья полковника Сеславина в полном составе стояла на пирсе на коленях. Полковник не сразу пошел на дно, и с борта корабля его застрелил матрос. Многих полностью раздевали,

связав руки и оттянув к ним голову, бросали в море. Тяжело раненного штаб-ротмистра Новацкого после того, как с него сорвали присохшие к ранам кровавые бинты, заживо сожгли в топке корабля. С берега за издевательством над ним наблюдали жена и 12-летний сын, которому она закрывала глаза, а он дико выл. Казнями руководила «худенькая стриженная дамочка» учительница Надежда Островская. К сожалению, нет информации о революционных наградах этого палача в юбке. Правда, в Евпатории ее именем незвана улица. Расстреляна 4 ноября 1937 г. в урочище Сандармох. Приложившая столько усилий для упрочения коммунистической власти Островская, подобно многим другим партийным функционерам, была уничтожена той самой системой, к созданию которой была когда-то причастна. Боровшаяся против офицеров, дворян и прочих «вражеских элементов», Островская едва ли могла предполагать, что годы спустя разделит их участь.

В судьбе многих казенных в Крыму большую роль сыграла преступная семья евпаторийских большевиков Немичей, которая целиком вошла в состав судебной комиссии, заседавшей на «Труворе» в дни расстрелов. Эта комиссия была создана революционным комитетом и разбирала дела арестованных. В ее состав, наряду с «революционными матросами», вошли Антонина Немич, ее сожитель Феоктист Андриади, Юлия Матвеева (урожденная Немич), ее муж Василий Матвеев и Варвара Гребенникова (урожденная Немич). Это «святое семейство» определяло «степень контрреволюционности и буржуазности» и давало добро на казнь. «Дамы» из «святого семейства» ободряли матросов-палачей и сами присутствовали при казнях. Матрос Куликов на одном из митингов с гордостью говорил, что собственноручно бросил в море за борт 60 человек.

В марте 1919 г. Немичи и другие организаторы убийств на евпаторийском рейде были расстреляны белыми. После окончательного установления советской власти в Крыму останки сестер и других казенных большевиков с почестями захоронили в братской могиле в центре города, над которой в 1926 г. соорудили первый памятник — пятиметровый обелиск, увенчанный алой пятиконечной звездой. Несколько десятилетий спустя, в 1982 г., памятник заменили другим. У его подножия и сейчас можно увидеть живые цветы. В честь Немичей в Евпатории названа одна из улиц.

Брауде Вера Петровна (1890—1961 гг.). Революционерка-эсерка. Родилась в Казани. В конце 1917 г. по решению Президиума Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов была направлена на работу в следственную комиссию губревтрибунала, в отдел по борьбе с контрреволюцией. С этого момента вся ее дальнейшая деятельность связана с ВЧК. В сентябре 1918 г. вступила в ВКП(б). Работала в ЧК в Казани. Собственными руками расстреливала «белогвардейскую сволочь», при обыске самолично

раздевала не только женщин, но и мужчин. Побывавшие у нее на личном обыске и допросе эсеры в эмиграции писали: «Человеческого в ней не осталось ровно ничего. Это машина, делающая свое дело холодно и бездушно, ровно и спокойно... И временами приходилось недоумевать, что это — особая разновидность женщины-садистки, или просто совершенно обездушенная человекомашина». В это время в Казани практически ежедневно печатались списки расстреливаемых контрреволюционеров. О Вере Брауде говорили шепотом и с ужасом (164).

В Гражданскую войну она продолжила работу в ЧК Восточного фронта. Открещиваясь от подвергавшихся преследованиям коллег-эсеров, Брауде писала: «В дальнейшей работе как зам. Пред[седателя] губчека в Казани, Челябинске, Омске, Новосибирске и Томске я беспощадно боролась с с[оциал]-[революционе]рами всех видов, участвуя в их арестах и расстрелах. В Сибири член Сибревкома известный правый Фрумкин, вопреки Новосибирскому губкому ВКП(б), даже пытался снять меня с работы пред[седателя] Чека в Новосибирске за расстрелы с[оциал]-[революционе]ров, которых он считал “незаменимыми специалистами”». За ликвидацию белогвардейских и эсеровских организаций в Сибири В.П. Брауде была награждена оружием и золотыми часами, а в 1934 г. получила знак «Почетный чекист». Репрессирована в 1938 г. Предъявлено обвинение в том, что «является кадровой эсеркой; по заданию ЦК левых эсеров пробралась в органы ВЧК и в ВКП(б); информировала эсеров о работе НКВД». Освобождена в 1946 г. Сама Брауде отмечала, что осудили ее за «несогласие с некоторыми, так называемыми, “активными” методами следствия».

В письме В.М. Молотову из Акмолинского лагеря с просьбой разобратся в ее деле она подробно изложила свое понимание методов ведения следствия. В.П. Брауде писала: «Я сама всегда считала, что с врагами все средства хороши, и по моим распоряжениям на Восточном фронте применялись активные методы следствия: конвейер и методы физического воздействия, но при руководстве Дзержинского и Менжинского методы эти применялись только в отношении тех врагов, к[онтр] революционная деятельность которых, была установлена другими методами следствия и участь которых, в смысле применения к ним высшей меры наказания, уже была предreshена... Применялись эти меры только к действительным врагам, которые после этого расстреливались, а не освобождались и не возвращались в общие камеры, где они могли бы демонстрировать перед др[угими] арестованными методы физического воздействия, к ним применявшиеся. Благодаря массовому применению этих мер не по серьезным делам, зачастую как единственный метод следствия, и по личному усмотрению следователя... методы эти оказались скомпрометированными,

расшифрованными». Брауде вспоминала также: «У меня не было разрыва между политической и личной жизнью. Все, знавшие меня лично, считали меня узкой фанатичкой, возможно, я таковой и была, так как никогда не руководствовалась личными, материальными или карьеристскими соображениями, издавна отдавая себя целиком работе». Реабилитирована в 1956 г., восстановлена в партии, а также в звании майора госбезопасности. Получала приличную персональную пенсию (165).

Грундман Эльза Ульриховна — КрОВАВАЯ Эльза (1891—1931 гг.). Латышка. Родилась в семье крестьянина, окончила три класса церковно-приходской школы. В 1915 г. уехала в Петроград, установила связи с большевиками и включилась в партийную работу. В 1918 г. попала на Восточный фронт, назначена комиссаром отряда по подавлению мятежа в районе г. Оса, руководила принудительными реквизициями продовольствия у крестьян и карательными операциями. В 1919 г. направлена на работу в органы госбезопасности на должность начальника информационной части Особого отдела Московской ЧК. Работала в Особом отделе ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов, в Подольской и Винницкой губернских ЧК, боролась с крестьянскими восстаниями. С 1921 г. — начальник Осведомительского (агентурного) отдела Всеукраинской чрезвычайной комиссии. С 1923 г. — начальник секретного отдела в представительстве ГПУ по Северо-Кавказскому краю, с 1930 г. — в центральном аппарате ОГПУ в Москве. За время работы удостоивалась многочисленных наград: ордена Красного Знамени, именного маузера, золотых часов от ЦИК Украины, портсигара, лошади, грамоты и золотых часов от Коллегии ОГПУ. Она стала первой женщиной, удостоенной знака «Почетный чекист». 30 марта 1931 г. застрелилась (166: 132—141).

Хайкина (Щорс) Фрума Ефимовна (1897—1977 гг.). В стане большевиков с 1917 г. Зимой 1917/18 г. из китайцев и казахов, нанятых Временным правительством для строительства железных дорог, сформировала вооруженный отряд ЧК, который разместился на станции Унеча (ныне в Брянской области). Командовала ЧК на приграничной станции Унеча, через которую шли эмигрантские потоки на территорию Украины, контролируемую немцами по договору со Скоропадским. Среди тех, кто покидал Россию в тот год, были и Аркадий Аверченко с Надеждой Тэффи. И им тоже пришлось иметь дело с товарищем Хайкиной. Впечатления оказались неизгладимыми. В «Приятельском письме Ленину от Аркадия Аверченко» юморист поминает Фруму «добрым словом»: «На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи — знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять. — За что? — спросил я. — За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков». А вот что пишет Тэффи: «Здесь главное лицо —

комиссарша Х. Молодая девица, курсистка, не то телеграфистка — не знаю. Она здесь все. Сумасшедшая — как говорится, ненормальная собака. Зверь... Все ее слушаются. Она сама обыскивает, сама судит, сама расстреливает: сидит на крылечке, тут судит, тут и расстреливает» (167).

Хайкина отличалась особой жестокостью, принимала личное участие в расстрелах, пытках и ограблениях. Жаживо сожгла старого генерала, пытавшегося выехать на Украину, у которого нашли керенки, зашитые в лампасы. Его долго били прикладами, а потом, когда устали, просто облили керосином и сожгли. Без суда и следствия расстреляла около 200 офицеров, пытавшихся через Унечу проехать на Украину. Документы на эмиграцию им не помогли. В книге «Мои Клинцы» (авторы П. Храмченко, Р. Перекрестов) есть такой отрывок: «...после освобождения Клинцов от немцев и гайдамаков революционный порядок в посаде устанавливала жена Щорса — Фрума Хайкина (Щорс). Это была решительная и смелая женщина. Она разъезжала в седле на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку, который при случае пускала в дело. Ее называли в Клинцах “Хая в кожаных штанах”. В ближайшие дни под ее началом выявили всех, кто сотрудничал с гайдамаками или сочувствовал им, а также бывших членов Союза Русского Народа и расстреляли на Ореховке, на поляне за Горсадом. Несколько раз поляна обагрялась кровью врагов народа. Уничтожалась вся семья, не щадили даже подростков. Тела расстрелянных людей были похоронены слева от дороги на Вьюнку, где в те годы заканчивались дома посада...»

Немецкое командование, наслушавшись страшных рассказов от пришедших с другой стороны, заочно приговорило эту демоническую женщину к повешению, но этому не удалось сбыться (в Германии началась революция). Демоническая женщина на всякий случай меняет фамилию, теперь она Ростова. Следовала вместе с отрядом мужа и «зачищала» «освобожденные» территории от контрреволюционного элемента. Осуществляла массовые расстрелы в Новозыбкове и расстрелы восставших солдат Богунского полка, которым командовал Щорс. В 1940 г., после того как об украинском Чапаеве — Щорсе вспомнил Сталин и Довженко по его заказу снял свой знаменитый боевик, жена Щорса, как вдова героя Гражданской войны, получила квартиру в «доме правительства» на набережной. После этого и до самой смерти она работала главным образом «вдовой Щорса», тщательно скрывая свою девичью фамилию, под которой она руководила чрезвычайкой в Унече. Похоронена в Москве.

Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966 гг.). Известная революционерка (партийная кличка Товарищ Абсолют), неоднократно арестовывалась царским правительством, ближайший соратник Ленина. В 1900 г. Ленин писал: «На случай моего провала, мой наследник — Елена Дмитриевна Стасова. Очень энергичный, преданный делу человек». Стасова — автор

воспоминаний «Страницы жизни и борьбы». Для описания ее «заслуг» перед российским народом потребовалась бы отдельная большая работа. Мы ограничимся лишь перечислением ее основных партийных заслуг и государственных наград. Она делегат семи съездов партии, включая двадцать второй, была членом ЦК, ЦКК, ВЦИК и ЦИК СССР, награждена четырьмя орденами Ленина, медалями, ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. Нас же интересует карательная деятельность заслуженной революционерки, по понятным причинам не афишируемая большевиками.

В августе 1918 г., в период «красного террора», Стасова была членом президиума Петроградской ЧК. «Эффективность» работы ПЧК в это время можно проиллюстрировать сообщением газеты «Пролетарская правда» за 6 сентября 1918 г. за подписью председателя ПЧК Бокия: «Правые эсеры убили Урицкого и также ранили товарища Ленина. В ответ на это ВЧК решила расстрелять ряд контрреволюционеров. Расстреляно всего 512 контрреволюционеров и белогвардейцев, из них 10 правых эсеров». В книге «Богатырская симфония» П. Подляшук написал: «В работе Стасовой в ЧК особенно проявились присущие ей принципиальность, щепетильность к врагам советской власти. К изменникам, к мародерам и шкурникам была беспощадна. Твердой рукой подписывала приговоры, когда убеждалась в абсолютной правоте обвинений». Ее «работа» продолжалась семь месяцев. В Петрограде Стасова занималась также комплектованием красноармейских, в основном карательных, отрядов из пленных австрийцев, венгров и немцев. Так что на руках и этой пламенной революционерки немало крови. Прах ее погребен в Кремлевской стене.

Яковлева Варвара Николаевна (1885—1941 гг.) родилась в мещанской семье. Отец — специалист по золотолитейному делу. С 1904 г. член РСДРП, профессиональная революционерка. В марте 1918 г. стала членом коллегии НКВД, с мая — начальник отдела по борьбе с контрреволюцией при ВЧК, с июня того же года — член коллегии ВЧК, а в сентябре 1918 — январе 1919 гг. — председатель Петроградской ЧК. Яковлева стала единственной женщиной за всю историю органов госбезопасности, занявшей столь высокий пост. После ранения Ленина и убийства председателя ЧК Урицкого в августе 1918 г. в Питере бушевал «красный террор». Активное участие Яковлевой в терроре подтверждают расстрельные списки, публикуемые за ее подписью в октябре — декабре 1918 г. в газете «Петроградская правда». Яковлева отозвана из Питера по прямому указанию Ленина. Причиной отзыва послужил ее «небезукоризненный» образ жизни. Запутавшись в связях с кавалерами, она «превратилась в источник информации для белогвардейских организаций и зарубежных спецслужб». После 1919 г. работала на различных должностях: секретарем Московского комитета РКП(б), секретарем Сиббюро ЦК РКП(б), министром финансов РСФСР

и других, была делегатом VII, X, XI, XIV, XVI и XVII съездов партии. Арестована 12 сентября 1937 г. по подозрению в участии в террористической троцкистской организации и 14 мая 1938 г. приговорена к тюремному заключению сроком на двадцать лет. Расстреляна 11 сентября 1941 г. в Медведском лесу недалеко от Орла (168).

Бош Евгения Богдановна (Готлибовна) (1879—1925 гг.) родилась в г. Очаков Херсонской губернии в семье немца-колониста Готлиба Майша, который имел значительные земельные угодья на Херсонщине, и молдавской дворянки Марии Круссер. Три года Евгения посещала Вознесенскую женскую гимназию. Активная участница революционного движения в России. Устанавливала советскую власть в Киеве, а потом бежала с киевскими большевиками в Харьков. По настоянию Ленина и Свердлова Бош направлена в Пензу, где возглавила губком РКП(б). В этом регионе, по мнению В.И. Ленина, была «необходима твердая рука» для активизации работы по изъятию хлеба у крестьянства. В Пензенской губернии надолго запомнили жестокость Е. Бош, проявленную при подавлении крестьянских восстаний в уездах. Когда пензенские коммунисты — члены губисполкома — воспрепятствовали ее попыткам устроить массовые расправы над крестьянами, Е. Бош в телеграмме на имя Ленина обвинила их «в излишней мягкости и саботаже». Исследователи склоняются к мнению, что Е. Бош, будучи «психически неуравновешенным человеком», сама спровоцировала крестьянские волнения в Пензенском уезде, куда выезжала в качестве агитатора продотряда. По воспоминаниям очевидцев, «...в селе Кучки Бош во время митинга на сельской площади лично застрелила крестьянина, отказавшегося сдавать хлеб. Именно этот поступок возмутил крестьян и вызвал цепную реакцию насилия». Жестокость Бош по отношению к крестьянству сочеталась с ее неспособностью пресечь злоупотребления своих продотрядовцев, многие из которых не сдавали изъятый у крестьян хлеб, а обменивали его на водку. Покончила жизнь самоубийством (169: 279—280).

Розмирович-Трояновская Елена Федоровна (1886—1953 гг.). Активная участница революционного движения в России. Двоюродная сестра Евгении Бош. Жена Николая Крыленко и Александра Трояновского. Мать третьей жены В.В. Куйбышева Галины Александровны Трояновской. Окончила юридический факультет Парижского университета. В партии с 1904 г. Имела конспиративные имена Евгения, Таня, Галина. Разоблачила провокатора Романа Малиновского. По личной характеристике В.И. Ленина: «Свидетельствую, по опыту лично моему и ЦК 1912—1913 гг., что работник это очень крупный и ценный для партии». В 1918—1922 гг. была одновременно председателем Главного политуправления НКПС и председателем следственного комитета Верховного трибунала при ВЦИК. Занимала ответственные посты в НКПС, Наркомате РКИ, Наркомате

связи. В 1935—1939 гг. была директором Государственной библиотеки им. Ленина, затем сотрудница ИМЛИИ АН СССР. Похоронена на Новодевичьем кладбище (170).

Бениславская Галина Артуровна (1897—1926 гг.), член партии с 1919 г. С этого же времени работает в Особой межведомственной комиссии при ВЧК. Ведет богемную жизнь. В 1920 г. познакомилась с Сергеем Есениным, якобы влюбилась в него и некоторое время поэт с сестрами жил у нее в комнате. По другим данным, она была «приставлена» к нему ВЧК для наблюдения. Эту версию подкрепил Ф. Морозов в литературно-историческом журнале тем, что «Галина Артуровна состояла секретарем при “сером кардинале ВЧК-НКВД Якове Агранове, который был другом поэта”». Многие другие авторы также сходились в том, что Бениславская дружила с поэтом по указанию Агранова. Галина Артуровна лечилась в клинике от «нервного заболевания»; видимо, это наследственное, т.к. ее мать также болела психическими болезнями. Жизнь Есенина оборвалась, или ее оборвали, 27 декабря 1925 г. Бениславская застрелилась на могиле поэта 3 декабря 1926 г., почти через год после его гибели. Что это было? Любовь? Угрызения совести? Кто знает (171: 101—116).

Соболь Раиса Романовна (1904—1988 гг.) родилась в Киеве в семье директора крупного завода. В 1921—1923 гг. училась на юрфаке Харьковского университета, работала в уголовном розыске. С 1925 г. член ВКП(б), с 1926 г. — работа в экономическом, а затем в иностранном отделе ОГПУ. В 1938 г. по показаниям своего осужденного мужа, с которым прожила тринадцать лет, арестована и приговорена к восьми годам лишения свободы. По просьбе Судоплатова в 1941 г. освобождена Берией и восстановлена в органах госбезопасности. Работала оперуполномоченным Особого отдела и инструктором разведывательного отдела. В 1946 г. вышла в отставку и начала литературную деятельность под псевдонимом Ирина Гуро. Награждена орденом и медалями (172: 118).

Андреева-Горбунова Александра Азаровна (1888—1951 гг.). Дочь священника. В семнадцать лет вступила в РСДРП(б). Занималась пропагандистской деятельностью на Урале. В 1907 г. арестована и отсидела четыре года в тюрьме. С 1911 по 1919 г. продолжила подпольную работу. В 1919 г. в Москве поступает на работу в ЧК. С 1921 г. помощник начальника Секретного отдела ВЧК по следствию, затем заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ. Кроме того, она ведала работой следственных изоляторов ОГПУ-НКВД. За время работы в органах награждалась боевым оружием и дважды знаком «Почетный чекист». Она единственная женщина-чекист, которой было присвоено звание майора (по другим данным, старшего майора) госбезопасности, соответствующее армейскому званию генерала. В 1938 г. уволена по болезни, но в конце года арестована по подозрению во «вредительской деятельности» и осуждена на пятнадцать лет исправи-



тельно-трудовых лагерей и пять лет поражения в правах. В заявлениях на имя Берии писала: «Тяжело в лагере мне — чекисту, работавшему восемнадцать лет по борьбе с политическими врагами советской власти. Члены антисоветских политических партий и особенно троцкисты, знавшие меня по работе в ВЧК-ОГПУ-НКВД, встретив меня здесь, создали для меня невыносимую обстановку». Умерла в Интинском ИТЛ в 1951 г. Последний документ в ее личном деле гласил: «Труп, доставленный по месту погребения, одет в нижнее белье, уложен в деревянный гроб, на левой ноге умершей привязана дощечка с надписью (фамилия, имя, отчество), на могиле поставлен столбик с надписью «литер № И-16». Определением Военной коллегии Верховного суда от 29 июня 1957 г. реабилитирована (173).

Герасимова Марианна Анатольевна (1901—1944 гг.) родилась в семье журналиста в Саратове. В возрасте 18 лет вступила в РСДРП(б), в 25-летнем возрасте — в ОГПУ. С 1931 г. начальник отделения Секретно-политического отдела (агентурная работа в творческой среде). Была первой женой известного писателя Либединского, а ее сестра — женой Александра Фадеева. В конце 1934 г. Герасимову уволили из НКВД. Она «на пенсии по нетрудоспособности после мозговой болезни». В 1939 г. ее арестовали и осудили на пять лет лагерей. Обращения мужа к Сталину и Фадеева к Берии не помогли, и она отбыла назначенный ей срок. Фадеев вспоминал: «Она, которая сама допрашивала, сама вела дела и отправляла в лагерь, теперь вдруг оказалась там. Это она могла представить себе только в дурном сне». Кстати, в лагере наша героиня работала не на лесоповале, а на аптечном складе. После возвращения ей запретили жить в Москве и назначили местом проживания Александров. В декабре 1944 г. покончила с собой, повесившись в туалете «по причине психического расстройства» (174: 153—160).

Фортус Мария Александровна (1900—1980 гг.) родилась в Херсоне в семье банковского служащего. В возрасте семнадцати лет вступила в партию большевиков. С 1919 г. работает в ЧК: сначала в Херсонской, «славившейся» особой жестокостью, затем в Мариупольской, Елисаветградской и Одесской. В 1922 г. по состоянию здоровья уволилась из ЧК, переехала в Москву, где вышла замуж за испанского революционера, с которым уехала в Испанию. Вела подпольную работу в Барселоне, работала переводчиком у К.А. Мерецкова, потеряла в Испании мужа и сына. Во время войны была комиссаром в партизанском отряде Медведева, возглавляла разведывательный отряд 3-го Украинского фронта. Награждена двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, медалями. Воинское звание полковник. После окончания войны занималась розыском ценностей Третьего рейха для отправки в СССР (175).

Каганова Эмма (1905—1988 гг.). Еврейка, жена известного чекиста, соратника Лаврентия Берии Павла Судоплатова. Работала в ЧК, ГПУ,

ОГПУ, НКВД в Одессе, Харькове и Москве, где, по свидетельству мужа, «руководила деятельностью осведомителей в среде творческой интеллигенции». Интересно было бы узнать, сколько душ «творческой интеллигенции» отправил на тот свет этот «идеал настоящей женщины»? Два палача в семье, и все ближайшие родственники палачи, судя по мемуарам главы семейства. Не многовато ли? (176).

Езерская-Вольф Романа Давыдовна (1899—1937 гг.). Еврейка. Член партии с 1917 г. Родилась в Варшаве. С 1921 г. в ВЧК — секретарь президиума ВЧК, член коллегии ГПУ, уполномоченный юридического отдела. За поддержку троцкистской оппозиции уволена из ГПУ. Затем на подпольной работе в Польше — секретарь окружного комитета КПП. Арестована. Расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда 11 декабря 1937 г. (177: 76).

Ратнер Берта Ароновна (1896—1980 гг.). Еврейка. Так же как Лариса Рейснер и Людмила Мокиевская, училась в Петроградском психоневрологическом институте. Член партии с 1916 г. Участник Октябрьского восстания. Член ЦК партии, в 1919 г. член президиума Петроградской ЧК, затем на партийной работе. Репрессирована и реабилитирована. Умерла в Москве, похоронена на Новодевичьем кладбище (178: 274).

Тылтынь (Шуль) Мария Юрьевна (1896—1934). Латышка. Член Компартии с 1919 г. Владела немецким, английским, французским языками. Секретная сотрудница, уполномоченная особого отдела ВУЧК в Киеве (март—октябрь 1919 г.), секретная сотрудница особого отдела 12-й армии (октябрь 1919 — январь 1921 гг.). Начальник сектора Региструпра Полевого штаба РВСР (1920—1921 гг.). Машинистка, шифровальщица полпреда СССР в Чехословакии (сентябрь 1922 — 1923 гг.), помощник резидента во Франции (1923—1926 гг.), которым был ее муж А.М. Тылтынь. Работала в Германии (1926—1927 гг.), помощник резидента в США (1927—1930 гг.). Начальник сектора 2-го отдела РУ штаба РККА (июнь 1930 — февраль 1931 гг.), нелегальный резидент во Франции и Финляндии (1931—1933 гг.). Награждена орденом Красного Знамени «за исключительные подвиги, личное геройство и мужество» (1933 г.). Арестована в Финляндии в результате предательства вместе с возглавляемой ею группой (около 30 человек). Осуждена на 8 лет лишения свободы. Умерла в заключении (179).

Пилацкая Ольга Владимировна (1884—1937 гг.). Участница революционного движения в России. Член Коммунистической партии с 1904 г. Родилась в Москве. Окончила Ермоло-Мариинское женское училище. Участница Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве, член Городского райкома РСДРП. В 1909—1910 гг. член Русского бюро ЦК РСДРП. Вместе с мужем В.М. Загорским (Лубоцким) работала в организации большевиков в Лейпциге, встречалась с В.И. Лениным. С 1914 г.

вела работу в Москве. После Февральской революции 1917 г. партийный организатор Городского района Москвы, в октябрьские дни — член ВРК района. В 1918—1922 гг. — член Московской губернской ЧК. С 1922 г. на партийной работе на Украине. Делегат XV—XVII съездов ВКП(б), VI конгресса Коминтерна. Член советской делегации на Антивоенном женском конгрессе в Париже (1934 г.). Член ЦИК СССР и Президиума ВУЦИК. Репрессирована. Расстреляна (180).

Майзель Ревекка Акибовна (по первому мужу Пластинина). Еврейка. Работала фельдшером в Тверской губернии. Большевичка. Вторая жена знаменитого чекиста-садиста Кедрова М.С., расстрелянного в 1941 г. Майзель член Вологодского губкома партии и губисполкома, следователь Архангельской ЧК. В Вологде чета Кедровых жила в вагоне около станции: в вагонах проходили допросы, а около них — расстрелы. По свидетельству видной русской общественной деятельницы Е.Д. Кусковой («Последние новости», № 731), при допросах Ревекка была обвиняемых, стучала ногами, истуканно кричала и отдавала приказы: «К расстрелу, к расстрелу, к стенке!» Весной и летом 1920 г. Ревекка вместе с мужем Кедровым руководит кровавой расправой в Соловецком монастыре. Она настаивает на возвращении всех арестованных комиссией Эйдука из Москвы, и их всех группами увозят на пароходе в Холмогоры, где, раздев, убивают на баржах и топят в море. В Архангельске Майзель расстреляла собственноручно 87 офицеров и 33 обывателя, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами армии Миллера. Известный российский писатель Василий Белов отмечает, что Ревекка, «этот палач в юбке, по жестокости не уступала своему мужу и даже превосходила его» (181: 22). Летом 1920 г. Майзель принимала участие в жестоком подавлении крестьянского восстания в Шенкурском уезде. Даже в собственной среде деятельность Пластининой подвергалась критике. В июне 1920 г. она была выведена из состава губисполкома. На II Архангельской губернской конференции большевиков отмечалось: «Товарищ Пластинина — человек больной, нервный...» (182).

Гельберг Софа Нухимовна (Красная Соня, Кровавая Соня). Еврейка. Командир «летучего» реквизиционного отряда, состоящего из революционных матросов, анархистов и мадьяр. Действовала с весны 1918 г. в селах Тамбовской губернии. Приходя в село, приступала к ликвидации «богатеев», офицеров, священников, гимназистов и создавала советы в основном из пьяниц и люмпенов, ибо трудовые крестьяне туда входить не хотели. Видимо, была не совсем психически нормальна, так как любила наслаждаться мучениями своих жертв, издеваясь над ними и лично расстреливая их на глазах жен и детей. Отряд Кровавой Сони был уничтожен крестьянами. Она была захвачена и по приговору крестьян нескольких сел посажена на кол, где умирала в течение трех дней (183 : 46).

Бак Мария Аркадьевна (? — 1938 г.). Еврейка. Революционерка. Оперуполномоченный ЧК. Сестра чекистов Соломона и Бориса Баков, расстрелянных в 1937—1938 гг., и жена известного чекиста Б.Д. Бермана, начальника 3-го управления НКВД, расстрелянного в 1938 г. Расстреляна, как и ее сестра, Галина Аркадьевна (184: 106—108).

Гертнер Софья Оскаровна. Имя этой воистину кровавой женщины до недавнего времени было известно лишь узкому кругу «специалистов». Широкому кругу читателей еженедельника «Аргументы и факты» имя этой «славной» женщины-чекистки стало известно после вопроса любопытной читательницы Л. Верейской: «Известно ли, кто был самым жестоким палачом в истории КГБ?». На этот вопрос корреспондент Стояновская попросила ответить начальника отдела общественных связей Управления Министерства безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Е. Лукина. Товарищ Лукин сообщил, что в чекистской среде самым жестоким палачом в истории КГБ считают Гертнер Софью Оскаровну, служившую в 1930—1938 гг. следователем Ленинградского управления НКВД и имевшую среди коллег и заключенных кличку Сонька Золотая Ножка. Первым наставником Соньки был Яков Меклер, ленинградский чекист, за особо зверские методы допроса получивший кличку Мясник. Гертнер изобрела свой метод пытки: приказывала привязать допрашиваемых за руки и за ноги к столу и со всего размаха била несколько раз туфелькой по половым органам, без хлопот выколачивая «сведения о шпионской деятельности». За успешную работу Гертнер в 1937 г. была награждена именными золотыми часами. Репрессирована во времена Лаврентия Бери. Умерла в Ленинграде в 1982 г. на заслуженной пенсии в возрасте 78 лет. Не Соньку ли Золотую Ножку имел в виду Ярослав Васильевич Смеляков, когда писал известное стихотворение «Жидовка»? Ведь он как раз во время ее «трудовой деятельности» и был репрессирован.

Антонина Макаровна Макарова (в замужестве Гинзбург), по прозвищу Тонька-пулеметчица (1921—1979 гг.) — палач коллаборационистской «Локотской республики» во время Великой Отечественной войны. Расстреляла из пулемета более 200 человек.

В 1941 г., во время Великой Отечественной войны, будучи санитаркой, в возрасте 20 лет попала в окружение и оказалась на оккупированной территории. Оказавшись в безвыходной ситуации, она предпочла выжить, добровольно поступила на службу во вспомогательную полицию и стала палачом Локотского округа. Макарова исполняла смертные приговоры уголовникам и советским партизанам, борющимся против армии «Локотской республики». В конце войны устроилась на работу в госпиталь, вышла замуж за лечившегося там фронтовика В.С. Гинзбурга и сменила фамилию.

Розыскное дело Антонины Макаровой сотрудники КГБ вели более тридцати лет. За эти годы были проверены около 250 женщин на всей территории Советского Союза, носивших ее имя, отчество и фамилию и подходивших по возрасту. Поиски затянулись из-за того, что она была урожденной Парфеновой, но по ошибке была записана как Макарова. Ее настоящая фамилия стала известна, когда проживавший в Тюмени один из братьев заполнил в 1976 г. анкету для выезда за границу, в которой назвал ее в числе родственников. Макарова была арестована летом 1978 г. в Лепеле (Белорусская ССР), осуждена как военная преступница и по приговору Брянского областного суда от 20 ноября 1978 г. приговорена к смертной казни. Ее прошение о помиловании было отклонено, и 11 августа 1979 г. приговор был приведен в исполнение. В СССР это было последнее крупное дело об изменниках Родины в годы Великой Отечественной войны и единственное, в котором фигурировала женщина-каратель. После казни Антонины Макаровой женщин в СССР по приговору суда больше не казнили (185: 264).

Наряду с «известными» женщинами-палачами, оставившими «заметный след» в памяти народной, в тени остаются сотни их менее известных подруг. В книге С.П. Мельгунова «Красный террор в России» названы фамилии некоторых женщин-садисток. Приводятся страшные рассказы очевидцев и случайно выживших свидетелей о «товарище Любе» из Баку, расстрелянной за свои зверства. В Киеве под руководством известного палача Лациса и его помощников «работало» около полусотни «чрезвычайек», в которых зверствовало немало и женщин-палачей. Характерным типом женщины-чекистки является Роза (Эда) Шварц, бывшая актриса еврейского театра, затем проститутка, которая начала карьеру в ЧК с доноса на клиента, а кончила участием в массовых расстрелах.

В Киеве же в январе 1922 г. была арестована чекистка венгерка Ремовер. Она обвинялась в самовольном расстреле 80 арестованных, преимущественно молодых людей. Ремовер была признана душевнобольной на почве половой психопатии. Следствие установило, что Ремовер лично расстреливала не только подозреваемых, но и свидетелей, вызванных в ЧК и имевших несчастье возбудить ее болезную чувственность.

Известен случай, когда после отступления красных из Киева на улице была опознана и толпой растерзана женщина-чекистка. В восемнадцатом году в Одессе зверствовала женщина-палач Вера Гребенюкова (Дора). В Одессе же «прославилась» и другая героиня, расстрелявшая пятьдесят два человека: «Главным палачом была женщина-латышка со звероподобным лицом; заключенные звали ее “мопсом”. Носила эта женщина-садистка короткие брюки и за поясом обязательно два нагана...» В Рыбинске был свой зверь в облике женщины — некая Зина. Были такие в Москве,

Екатеринославле и многих других городах. С.С. Маслов описал женщину-палача, которую видел сам: «Она регулярно появлялась в центральной тюремной больнице в Москве (1919 г.) с папироской в зубах, с хлыстом в руках и револьвером без кобуры за поясом. В палаты, из которых заключенные брались на расстрел, она всегда являлась сама. Когда больные, пораженные ужасом, медленно собирали свои вещи, прощались с товарищами или принимались плакать каким-то страшным воем, она грубо кричала на них, а иногда, как собак, била хлыстом. Это была молоденькая женщина... лет двадцати-двадцати двух».

К сожалению, не только сотрудницы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ выполняли палаческую работу. При желании можно обнаружить дам с палаческими наклонностями и среди других ведомств. Об этом красноречиво свидетельствует, например, следующий акт о расстреле от 15 октября 1935 г.: «Я, судья города Барнаула Веселовская, в присутствии п/прокурора Савельева и п/нач. тюрьмы Дементьева... привела в исполнение приговор от 28 июля 1935 г. о расстреле Фролова Ивана Кондратьевича» (186).

В роли палача выступила и народная судья города Кемерово Т.К. Калашникова, которая вместе с двумя чекистами и исполняющим обязанности городского прокурора 28 мая 1935 г. участвовала в расстреле двух уголовников, а 12 августа 1935 г. — одного. Если сможешь, прости их всех, Господи.

## ПАЛАЧИ-УЧЕНЫЕ, ИЛИ «НАУКА В НКВД»

Одним из самых зловещих подразделений ОГПУ-НКВД-МГБ была токсикологическая лаборатория (лаборатория по использованию ядов и наркотиков). Она была создана в 1921 г. при председателе Совнаркома В.И. Ленине, задолго до Ежова и Берии, и именовалась «Специальным кабинетом». Возможно, что Ленин просил Сталина достать ему яд именно из запасов этой лаборатории-«кабинета». Яды и наркотики стали использоваться в ОГПУ с 1926 г. по указанию наркома Менжинского. Лаборатория стала обслуживать секретную группу, которую возглавлял бывший эсер-боевик Яков Серебрянский. «Группа Яши», созданная для проведения террористических актов за границей, подчинялась непосредственно наркому и существовала до 1938 г.

«Особых успехов» коллектив лаборатории достиг после 1937 г., с приходом в НКВД Лаврентия Берии и нового руководителя лаборатории Майрановского. При наркове Лаврентии Берии лаборатория была реорганизована. С 1938 г. она была включена в состав 4-го спецотдела НКВД, а с марта 1939-го ее возглавил Михаил Филимонов, фармацевт по образованию, имевший степень кандидата медицинских наук. С этого мо-

мента Майрановский стал начальником одной из двух лабораторий этого спецотдела. Начальником второй лаборатории стал Сергей Муромцев. Спецотдел подчинялся непосредственно наркому Лаврентию Берии и его заместителю Всеволоду Меркулову. «Лаборатория смерти» просуществовала до 1946 г., когда была включена в состав Отдела оперативной техники (ООТ) и стала Лабораторией № 1 ООТ уже при министре госбезопасности Викторе Абакумове. Майрановский внес большой «вклад» в развитие лаборатории.

Автобиография, копия которой хранится в архиве «Мемориала», помогает восстановить этапы его карьеры. Григорий Моисеевич Майрановский (1899—1964 гг.), еврей, обучался в Тифлисском университете и потом во 2-м Московском медицинском институте, который окончил в 1923 г. С 1928 г. был аспирантом, научным и старшим научным сотрудником Биохимического института им. А.Н. Баха, а в 1933—1935 гг. руководил токсикологическим отделом того же института; в 1934 г. назначен заместителем директора института. В 1935 г. Майрановский перешел во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), где по 1937 г. заведовал секретной токсикологической спецлабораторией. В 1938—1940 гг. он был старшим научным сотрудником отдела патологии терапии ОВ (отравляющих веществ) и одновременно начал работать в системе НКВД. С 1940 г. до момента ареста (13 декабря 1951 г.) Майрановский целиком отдавал себя работе в «лаборатории смерти», стал полковником госбезопасности, доктором медицинских наук, профессором. В июле 1940 г. на закрытом заседании ученого совета ВИЭМ Майрановский защищал диссертацию на соискание степени доктора биологических наук. Диссертация называлась «Биологическая активность продуктов взаимодействия иприта с тканями кожи при поверхностных аппликациях». Оппоненты — А.Д. Сперанский, Г.М. Франк, Н.И. Гаврилов и Б.Н. Тарусов — дали положительные отзывы. Любопытно, что объект исследования — кожа — не был назван в диссертации и не вызвал вопросов у оппонентов. Позднее, во время допросов после ареста, Майрановский был более откровенен. По словам допрашивавшего его позднее полковника Бобренева, Майрановский показал, что он не изучал действие иприта на кожу, а включил в диссертацию данные о действии производных иприта, вводимых «подопытным» заключенным в Лаборатории № 1 с пищей (187).

С утверждением диссертации Майрановского произошла заминка, Пленум Высшей аттестационной комиссии предложил ее доработать, но ученая степень доктора медицинских наук и звание профессора были присвоены Майрановскому по совокупности работ без повторной защиты диссертации по ходатайству наркома госбезопасности В.Н. Меркулова. В ходатайстве указывалось, что «за время работы в НКВД тов. Майра-

новский выполнил 10 секретных работ, имеющих важное оперативное значение».

Работа лаборатории определялась Положением, утвержденным правительством, и приказами по НКВД-МГБ. Непосредственно ее работу курировал министр госбезопасности или его первый заместитель. За время существования этого засекреченного объекта у него было несколько названий — Лаборатория № 1, Лаборатория № 12, Лаборатория X, Камера. Основная цель лаборатории состояла в поиске ядов, которые нельзя было бы идентифицировать при вскрытии. Яды и способы их применения испытывались на заключенных, приговоренных к высшей мере наказания. Лаборатория размещалась в угловом доме по Варсонофьевскому переулку, где было отгорожено пять отсеков, на дверях которых были смотровые глазки. У дверей во время отработки очередной серии опытов с ядами дежурили сотрудники, контролирующие процесс. Действие каждого препарата, как правило, опробовалось на 10 «подопытных». За мучениями жертв, не умерших сразу, экспериментаторы наблюдали в течение 10—14 дней, после чего их убивали. В конце концов был найден яд с требуемыми свойствами — «К-2» (карбиламинхолинхлорид), который убивал жертву быстро и не оставлял следов. Согласно показаниям очевидцев, после приема «К-2» «подопытный» делался «как бы меньше ростом, слабел, становился все тише и через 15 минут умирал». Для проверки надежности яда К-2 была проведена «независимая экспертиза»: труп одного из отравленных этим ядом был доставлен в морг института им. Склифосовского, и там патологоанатомы произвели обычное вскрытие. Диагноз ничего не подозревающих врачей был однозначный: человек умер от острой сердечной недостаточности.

В 1942 г. Майрановский обнаружил, что под влиянием определенных доз рицина «подопытный» начинает исключительно откровенно говорить, и получил одобрение руководства НКВД-НКГБ на работу по «проблеме откровенности» на допросах. Два года ушло на эксперименты по получению «откровенных» и «правдивых» показаний на допросах под влиянием медикаментов. Допросы с использованием медикаментов проводились не только в лаборатории, но и в тюрьмах Лубянки № 1 и № 2. Оценивались и способы введения ядов в организм жертвы. Сначала яды подмешивались к пище или воде, давались под видом «лекарств» до и после еды или вводились с помощью инъекций. Было опробовано и введение яда через кожу — ее обрызгивали или смачивали ядовитыми растворами. Проверялась возможность использования колющей трости и стреляющей авторучки.

Из доклада старшего следователя МГБ Молчанова в Прокуратуру СССР в 1953 г. следует, что по заданию Берии «Майрановский до конца 1949 г. занимался разработкой вопроса об отравлении пылеобразными



ядовитыми веществами через вдыхаемый воздух». Трудно назвать общее число жертв экспериментов с ядами, проводимых в лаборатории; разные источники называют цифры от 150 до 300 человек. По утверждению полковника Владимира Бобренева, имеющего доступ к следственным делам Бери, Судоплатова и Майрановского, часть жертв составляли уголовники, но большую часть — проходившие по статье 58 УК РСФСР. Среди жертв были немецкие и японские военнопленные, польские граждане, корейцы и китайцы. Бобренов указывает, что по меньшей мере четверо немецких военнопленных в 1944 г., а в конце 1945 г. еще трое немецких граждан были «использованы» для экспериментов. Последние трое были антифашистами-политэмигрантами, бежавшими из нацистской Германии; они умерли через 15 секунд после летальных инъекций. Тела двух жертв были кремированы, третье тело было доставлено в Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. Патологоанатомическое вскрытие показало, что покойный умер от паралича сердца; следов яда патологоанатомы не нашли. Японские военнопленные, офицеры и рядовые, а также арестованные японские дипломаты использовались в экспериментах по «проблеме откровенности» (188).

Как пишет Судоплатов: «Проверка, проведенная еще при Сталине, после ареста Майрановского, а затем при Хрущеве в 1960 г. в целях антисталинских разоблачений показала, что Майрановский и сотрудники его группы в 1937—1947 гг. и в 1950 г. привлекались для приведения в исполнение смертных приговоров и ликвидации неугодных лиц по прямому решению правительства, используя для этого яды» (189: 329—331).

Судоплатов в своих мемуарах заявляет, что ему известно о четырех фактах ликвидации «опасных врагов» Советского государства, в которых принимал участие Майрановский. В этих операциях участвовал и сам Судоплатов. Это были А.Я. Шумский — один из руководителей украинского националистического движения, Теодор Ромжа — архиепископ украинской униатской церкви в Ужгороде, Самет — польский еврей, установивший контакты с англичанами и намеревавшийся эмигрировать в Палестину, и Исайя Оггинс — американский гражданин, исполнявший задания НКВД за рубежом и арестованный по подозрению в двойной игре. Судоплатов высказывает предположение, что Майрановский мог быть использован также и в ликвидации Рауля Валленберга. Он пишет: «Похоже, Валленберг был переведен в спецкамеру “Лаборатории-Х”, где ему сделали смертельную инъекцию под видом лечения. ...Медслужба тюрьмы не имела ни малейшего представления об этом, и его смерть была констатирована в обычном порядке. Однако министр госбезопасности Абакумов, очевидно, осведомленный о подлинной причине смерти Валленберга, запретил вскрытие тела и приказал кремировать его».

Судоплатов также упоминает о других случаях, когда Эйтингон (который свободно говорил на нескольких языках) приглашал иностранцев на

специальные квартиры МГБ в Москве, где их ждал с «осмотром» «доктор» Майрановский. Судоплатов повторял, что все это происходило по прямому указанию высшего руководства ВКП(б) и членов правительства.

Известны имена сотрудников лаборатории: это помощник Майрановского А.А. Григорович, химик В.Д. Щеголев, руководитель бактериологической группы профессор (с 1948 г. академик ВАСХНИЛ) С.Н. Муромцев, фармацевт В. Наумов, Кирильцева, Маг, Дмитриев, Емельянов, Щеглов. Сотрудники МГБ М.П. Филимонов, Н.И. Эйтингон и Ф.Ф. Осинкин присутствовали при экспериментах и участвовали в них. К постановке экспериментов привлекались также ученые — заключенные Аничков и Горский.

«Специфика» работы лаборатории «давала свои плоды»: Филимонов начал серьезно пить после 10 «экспериментов», а Муромцев не смог продолжать работу после 15 «опытов». В своем прошении о реабилитации, посланном на имя генерального секретаря ЦК КПСС, Майрановский писал, что из-за стресса сотрудники Щеголев и Щеглов покончили жизнь самоубийством, Филимонов, Григорович и Емельянов превратились в алкоголиков или заболели психически, а Дмитриев и Маг стали неработоспособны.

В 1946 г. Лабораторию № 1 разделили на две — фармакологическую и химическую. Во главе их были поставлены упомянутый выше В. Наумов и А. Григорович. Лаборатории перевели из центра Москвы в новое здание, построенное в Кучино. В 1951 г. обсуждался вопрос о расформировании этих лабораторий. Похоже, что в то время руководство СССР отдавало предпочтение бактериологическим методам политических убийств: в 1946 г. руководитель бактериологической группы профессор Сергей Муромцев был удостоен Сталинской премии. Подтверждением этого является то, что в 1952 г. один из самых успешно действовавших за границей агентов МГБ, Иосиф Григулевич, готовился совершить убийство руководителя Югославии Иосипа Тито с использованием специального приспособления, распыляющего бациллы чумы.

В августе 1951 г. коллега Майрановского академик ВАСХНИЛ С.Н. Муромцев был уволен из органов МГБ «по состоянию здоровья» в звании полковника медицинской службы. В 1956 г. он был назначен директором Института эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи (ИЭМ) АМН СССР, однако до самой смерти (1960 г.) оставался только исполняющим обязанности директора, поскольку на выборах в директора его дважды не утверждали на сессиях Медицинской академии — научные «достижения» Муромцева никому из ученых не были известны. Муромцев поддерживал Трофима Лысенко: на пресловутой сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. он выступил с заявлением, что «микробиология ждет своего Лысенко». Неудивительно, что после той сессии он стал акаде-

миком ВАСХНИЛ. Когда после смерти Сталина Муромцев из ценного специалиста превратился в неудобного свидетеля, он умер от перитонита. Как и в случае с Крупской, консилиум медицинских светил спорил о том, делать или не делать ему операцию, до тех пор, пока хирургическое вмешательство не стало бессмысленным (190).

После окончания войны Майрановский и два других сотрудника лаборатории были командированы в Германию для розыска немецких специалистов по ядам, экспериментировавших на людях. Однако достижения нацистских ученых в этой области оказались более скромными, чем у советских. В 1946 г., после ухода с поста заведующего лабораторией, Майрановский под руководством Судоплатова и Эйтингона стал «трудиться» в «Управлении спецопераций» в качестве палача, орудием убийства у которого были яды. В 1951 г. Майрановский вместе с Эйтингоном, Райхманом, Матусовым и А. Свердловым (сыном Я.М. Свердлова) были арестованы и обвинены в незаконном хранении ядов, а также в том, что они являются участниками сионистского заговора с целью захвата власти и уничтожения руководителей государства, включая Сталина. Следователям удалось выбить необходимые признания у Майрановского (он отказался от них в 1958 г.) и у заместителя начальника секретариата Абакумова Бровермана. Показания начальника токсикологической лаборатории не подкреплялись признаниями врачей, арестованных по делу Абакумова, которые не имели понятия об этой лаборатории. Сам Майрановский на допросах 6 и 7 августа 1953 г. подробно рассказал, какие яды он испытывал на заключенных. В списке полтора десятка наименований, от неорганических соединений мышьяка и таллия, цианистых калия и натрия до сложных органических веществ: колхицина, дигитоксина, аконитина, стрихнина и природного яда — кураре. Причем параллельно шли испытания этих же ядов и на животных. Результаты этих опытов Майрановский опубликовал в 1945 г. Понятно, что об испытаниях на людях он в публикациях умалчивал.

Как увлеченный естествоиспытатель, Майрановский не мог не поделиться со следователем «своими открытиями» и впечатлениями. Он подробно рассказывал о картине отравления тем или иным ядом. Например, о том, что наиболее мучительной была смерть от аконитина, которым он отравил десять человек: «Должен сказать, что мне самому становится жутко, когда я вспоминаю все это». Ему был задан вопрос и об опытах с отравленными пулями. При таких опытах в подвале присутствовали Майрановский, Филимонов, Григорович, Блохин и его работники из спецгруппы. Применялись облегченные пули, внутри которых был аконитин: «В Варсановьевском переулке, в верхней камере мы проделали опыты, кажется, на трех человеках. Потом эти опыты проводились в подвале, где приводились приговоры в исполнение, в том же здании

Варсанофьевского переулка. Здесь, примерно, было проведено опытов над десятью осужденными. Производились выстрелы в “неубойные” места разрывными пулями. Смерть наступала в промежуток от 15 минут до часа, в зависимости от того, куда попала пуля. Стреляли в “подопытных” Филимонов или кто-либо из спецгруппы. Все случаи при применении отравленных пуль кончались смертью, хотя я вспоминаю один случай, когда подопытного достреливали работники спецгруппы. И был случай, когда пуля остановилась у кости, и подопытный ее вытащил». Майрановский вспомнил также об опытах с отравленной ядом подушкой, что вызывало сон, и о том, как подопытным давали большие дозы снотворного, что приводило к смерти.

Зафиксировать в полном виде признания Майрановского было чересчур рискованно, поскольку он ссылался на указания высших инстанций и полученные им государственные награды. Поэтому его дело рассматривалось Особым совещанием при министре госбезопасности. Его приговорили к десяти годам лишения свободы за незаконное хранение ядов и злоупотребление служебным положением. Срок наказания он отбывал во Владимирской тюрьме (в прошлом Тюрьма № 2 НКВД-НКГБ-МГБ). По иронии судьбы в той же тюрьме содержался и нацистский «коллега» Майрановского, один из самых страшных врачей-экспериментаторов Освенцима Карл Клауберг. Вместе с другими военнопленными он был освобожден в 1955 г., вернулся в Германию, где открыл собственную врачебную практику. Он не только не скрывал своего участия в «медицинских» экспериментах по стерилизации женщин в Освенциме, но даже широко рекламировал их. Он был вновь арестован и в 1957 г. умер в Киевской тюрьме, ожидая нового процесса.

Интересное свидетельство о пребывании Майрановского во Владимирской тюрьме приводит член Международной комиссии по расследованию судьбы Валленберга В. Бирштейн. Бывший врач тюрьмы Елена Бутова рассказала членам комиссии о поразившем ее случае, когда она попыталась сделать инъекцию одному из заболевших заключенных. Увидев женщину в белом халате со шприцем в руках, Майрановский закричал: «Не подходите ко мне! Вы хотите меня убить! Я знаю, как это делается!» (191). Находясь в тюрьме, Майрановский боролся за свое освобождение и написал несколько писем на имя министра государственной безопасности С.Д. Игнатьева, а позднее — Берии. В феврале 1953 г. он писал Берии: «Я обращаюсь к Вашему великодушию: простите совершенные мною преступные ошибки. У меня есть предложения по использованию некоторых новых веществ: как снотворного, так и смертельного действия; в осуществление этой вполне правильной Вашей установки, данной мне, что наша техника применения наших средств в пищевых продуктах и напитках устарела и что необходимо искать новые пути воз-

действия через вдыхаемый воздух. Мы яды давали через пищу, различные напитки, вводили яды при помощи уколов шприцем, тростью, ручкой и других коллоших, специально оборудованных предметов. Также вводили яды через кожу, обрызгивая и поливая ее». В письме из Владимирской тюрьмы в апреле 1953-го он писал: «Моей рукой был уничтожен не один десяток заклятых врагов Советской власти, в том числе националистов всяческого рода (и еврейских) — об этом известно генерал-лейтенанту Судоплатову» — и заверял Берию: готов выполнить «все Ваши задания на благо нашей могучей Родины». Между тем Берия в процессе следствия пытался всячески умалить свою роль в организации и функционировании «лаборатории Икс». Меркулов, будучи арестованным, на допросе признал, что лично давал разрешение Майрановскому на применение ядов к 30—40 осужденным, пояснив, что никто, кроме него и Берии, не мог давать таких разрешений.

На допросе 27 августа 1953-го Майрановский показал, что участвовал в операциях по устранению людей в ходе тайных встреч на конспиративных квартирах. Задания получал через Судоплатова. Обсуждение предстоящих акций проходило у Берии или Меркулова и во всех случаях в обсуждении принимал участие Судоплатов, а иногда Эйтингон и Филимонов. Как пояснил Майрановский, «мне никогда не говорилось, за что то, или иное лицо должно быть умерщвлено, и даже не назывались фамилии». Майрановскому организовывали встречу с потенциальной жертвой на конспиративной квартире, и во время еды и выпивки, как он пояснил, «мною подмешивались яды», а иногда предварительно «одурманенное лицо» убивал посредством инъекции. Как сообщил Майрановский, «это несколько десятков человек». Ряд преступных эпизодов так и не был расследован.

Как пояснил на следствии Майрановский, помимо руководителей НКВД об опытах на людях знали и подчиненные коменданту Лубянки Блохину сотрудники комендатуры: братья Василий и Иван Шигалевы, Демьян Семенихин, Иван Фельдман, Иван Антонов, Василий Бодунов, Александр Дмитриев, которые обычно производили расстрелы. При передаче приговоренных в лабораторию Майрановского они были избавлены от необходимости выполнять свои палаческие обязанности.

Комендант Василий Блохин на допросе 19 сентября 1953 г. показал: «При умерщвлении доставленных арестованных путем введения различных ядов присутствовал я, а чаще дежурные, но во всех случаях, когда умерщвление уже было произведено, я приходил в помещение Майрановского для того, чтобы закончить всю операцию». Блохин пояснил, что умерщвление таким способом приговоренных шло с конца 1938 по 1947 г. Больше всего было убито в 1939—1940 гг. — около 40 человек. С началом

войны это прекратилось, и с 1943-го, когда опыты на людях возобновились, было умерщвлено около 30 человек.

После освобождения в начале 1962 г. Майрановскому было запрещено жить в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик. Последние годы жизни он работал в одном из НИИ в Махачкале. В 1989 г. сыновья Майрановского попытались вновь подать прошение о посмертной реабилитации их отца. В своем ответе на это прошение старший помощник Генерального прокурора СССР В.И. Илюхин писал: «Его (Майрановского) вина в совершении преступлений материалами уголовного дела доказана. Оснований к пересмотру дела и реабилитации Майрановского Г.М. не имеется». «Прогресс» не остановить. В средствах массовой информации появляются все новые сообщения о случаях таинственных смертей и отравлений как в России, так и за рубежом. Без ответов остаются вопросы, связанные со смертью в Англии Александра Литвиненко, в России — Юрия Щекочихина, Владимира Ряшенцева, Ивана Кивелиди и его секретарши и других. До настоящего времени выясняются причины смерти главы Палестинской автономии Ясира Арафата. Много неясного и в отравлении экс-президента Украины Виктора Ющенко. Ясно, что в арсеналах спецслужб многих стран имеются эффективные средства для тайных убийств. Кто будет их следующими жертвами?

## ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. Репринтное издание. — Тула.: Издательство «Автограф», 2000. 353 с.
2. Магистрат (от лат. Magistratus — начальник) — государственные служащие в Древней Греции и Древнем Риме, выполняющие административные, в том числе и судебные, функции.
3. *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. — Тула: Издательство «Автограф», 2000. 353 с.
4. *Сансон А.* Записки Палача. — М.: Эксмо, 2008. 592 с.
5. *Левинсон К.А.* Палач в средневековом германском городе. В кн. «Город в средневековой цивилизации Западной Европы». Т. 3. М.: Наука, 1999. С. 223—231.
6. *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. — Тула: Издательство «Автограф», 2000. 188 с.
7. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб, 1906. 160 с.
8. *Новодворский В., Дорошевич В.* Коронка в пиках до валета. Каторга. — СПб.: Санта, 1994.
9. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2159. Л. 36—37.
10. Родина. 1995. № 7. С. 58—60; *Журавлев Сергей.* Человек революционной эпохи. Судьба эсера-террориста // Независимая газета. 31.03.2000.

11. *Фельштинский Ю.Г.* Тайна смерти Ленина // Вопросы истории, 1999. № 01. С. 34—64.
12. Куда хотел бежать Свердлов? / Публ. В. Лебедева // Источник. 1994. № 1. С. 4. Приведено факсимиле документа.
13. АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 373. Л. 3—44. Подлинник. Машинопись.
14. Из доклада министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова И.В. Сталину, 1947 г. Интернет. Материалы подготовили Светлана Кузнецова и Евгений Жирнов.
15. Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. докторов исторических наук Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. Лондон, 1992.
16. Общество «Мемориал»: расстрельные списки Коммунарки.
17. *Бакиров Э.А., Шанцев В.П.* Бутовский полигон, 1937—1938: Книга памяти жертв политических репрессий / Постоянная межведомственная комиссия правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий; Московский Антифашистский центр. Выпуск первый. — Москва: Институт экспериментальной социологии. 1997. 364 с.
18. *Тренин Б.П.* Массовые расстрелы на Каштаке: томские дома построены на костях тысяч репрессированных // Вечерний Томск. 16 октября 2002 г.
19. По святым и мистическим местам Сибири. Часть 2 (с приложениями) travel.drom.ru
20. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918—1923. М., 1990. С. 105.
21. *Файтельберг-Бланк В.Р., Савченко В.А.* Одесса в эпоху войн и революций. 1914—1920. — 1-е изд. — Одесса: Оптимум, 2008, 336 с.
22. *Зинько Ф.З.* Кое-что из истории Одесской ЧК. — 1-е изд. — Одесса: ПКФ Друк, 1989. — 148 с.
23. ВЧК/ГПУ: документы и материалы. Сост.: Ю.Г. Фельштинский. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995.
24. Страна должна знать своих «героев». Атарбековъ.
25. Русская линия. Дмитрий Соколов. Каратель с врачебным дипломом. 05.09.2011. <http://rusk.ru/st.php?idar=50148>
26. *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. — М.: Всемирное слово, 1991. 352 с.
27. *Яковлев Г.* «Дело» отца и сына. <http://www.warmech.ru/smersh/kudrin.html>
28. *Антонов-Овсеенко В.А.* Берия. Издательство АСТ, 472 с.
29. Он победил Абвер.
30. *Антонов-Овсеенко В.А.* Берия. Издательство АСТ, 472 с.

31. Маршал Батицкий в 1953 г. лично расстрелял Берию — ВВС РФ. РИА Новости (23 июня 2010).

32. *Гуссейнов Рафаэль*. Холодное лето 1953 г. // Трибуна, 01.08.2008.

33. *Берия С.* Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994. 431 с.

34. Самый образованный палач // Новая газета. 30.08.2010.

35. Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых.

36. *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. — М.: Всемирное слово, 1991. 352 с.

37. Вышинский Андрей Януарьевич родился в 1883 г. В 1913 г. окончил юридический факультет Киевского университета. С 1915 г. помощник присяжного поверенного в Москве. В 1917 г. председатель 1-й Якиманской районной управы. Тогда же подписал «распоряжение о неукоснительном выполнении на вверенной ему территории приказа Временного правительства о розыске, аресте и предании суду, как немецкого шпиона, Ленина». В 1925—1931 гг. — ректор МГУ. С 1931 по 1933 г. — Прокурор РСФСР. С 1933 по 1935 г. — заместитель Прокурора СССР. С 1935 по 1939 г. — Прокурор СССР. В 1939—1944 гг. — зам. председателя СНК СССР, одновременно в 1940—1949 гг. — зам. наркома иностранных дел, в 1949—1953 гг. министр иностранных дел СССР. С 1953 г. — зам. министра иностранных дел СССР и постоянный представитель СССР в ООН. Государственный обвинитель на сфальсифицированных Сталиным политических процессах. Доктор юридических наук, академик. Награжден шестью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Лауреат Сталинской премии первой степени 1947 г. (за монографию «Теория судебных доказательств в советском праве».

38. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Руководство. История в лицах. Андрей Януарьевич Вышинский — Прокурор СССР. 03.03.1935—31.05.1939.

39. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. М., 2004. С. 239—240.

40. *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. — М.: Возвращение, 1995, 255 с.

41. Кто руководил НКВД, 1934—1941: Справочник / Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. — М.: Звенья, 1999. 502 с.

42. *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 1. М., 1999.

43. *Петров Никита*. Человек в кожаном фартуке // Новая газета, спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 02.08.2010 № 10 (31).

44. Показания Д.С. Токарева.

45. Палачи сталинской эпохи. Часть 2.



46. *Петров Никита*. Человек в кожаном фартуке // Новая газета, спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 02.08.2010 № 10 (31).

47. Проект обвинительного заключения от 10 января 1955 г. по обвинению А.Н. Рапава, Н.М. Рухадзе, Ш.О. Церетели, К.С. Савицкого, Н.А. Кримяна, А.С. Хазана, Г.И. Парамонова и С.Н. Надарая. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 476. Л. 1—123. Копия; Политбюро и дело Берия. Сборник документов. — М., 2012. С. 740—810.

48. Архив ФСБ по Иркутской области, папка 7912.

49. *Рогачев М.Б.* «Операция по приказу 00409» в Ухто-Печорском ИТЛ. Мортиролог. Покаяние. Т. 8. Ч. 2.

50. Урочище Сандармох. Захоронение жертв массовых репрессий (1937—1938 гг.).

51. *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. Приложение: Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле—мае 1940 г.

52. Записка председателя КГБ при СМ СССР А.Н. Шелепина от 3 марта 1959 г. № 632-III с предложением ликвидировать все дела по операции, проведенной органами НКВД в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

53. Сталинский заказ. Как убивали Сокольников и Радека.

54. Кубаткин Петр Николаевич (1907—1950) — сотрудник органов государственной безопасности. Генерал-лейтенант. Занимал должности начальника УНКГБ по Московской области, начальника 3-го спецотдела НКВД СССР, начальника УНКВД по Ленинградской области и члена Военного совета Ленинградского фронта. В дни блокады Ленинграда выполнял работу по обеспечению безопасности и порядка в осажденном городе. В ноябре 1946 г. назначен начальником УМГБ Горьковской области. 30 марта 1949 г. уволен «за невозможностью дальнейшего использования» и назначен заместителем председателя Саратовского облисполкома. В июле 1949 г. был арестован по «ленинградскому делу» «за преступное бездействие, выразившееся в недоносительстве». 27 октября 1950 г. по ст. 58—1, 58—7 и 58—11 УК РСФСР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

55. Шарок Григорий Федорович (1900—1981). В органах ОГПУ с 1932 г. С октября 1939 г. — заместитель наркома НКВД Казахской ССР. Занимал руководящие должности в НКВД Литовской ССР, Белорусской ССР и в центральном аппарате НКВД и МГБ СССР. С мая 1954 г. — на пенсии, инструктор центрального автоклуба г. Москва. Умер в 1981 г. Полковник госбезопасности с февраля 1943 г.

56. ХРОНОС, Григорий Яковлевич Сокольников.

57. Бовкун-Луганец (Орельский) Иван Трофимович (1899—1939) — революционер, сотрудник ОГПУ с 1921 г., комбриг с декабря 1935 г. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ». В 1936 г. назначен вице-консулом в Урумчи вместе с женой Ниной Валентиновной Угапник, работавшей шифровальщицей. Тогда же взял себе новую фамилию — Орельский. С ноября 1937 г. полпред и одновременно резидент внешней разведки СССР в Китае.

58. Рапава Авксентий Нарикиевич (1899—1955) — с ноября 1938 г. нарком внутренних дел Грузии, с 1943-го нарком госбезопасности Грузии, с 1948 г. министр юстиции Грузии. Арестован в ноябре 1951 г. по «Мингрельскому делу», освобожден в апреле 1953 г., в апреле—июле 1953 г. министр госконтроля Грузии. Арестован 17 июля 1953 г., приговорен ВК ВС СССР на процессе в Тбилиси 19 сентября 1955 г. к ВМН. Расстрелян 15 ноября 1955 г. Не реабилитирован.

59. Церетели Шалва Отарович (1894—1955) — сотрудник НКВД 30-х — 40-х годов. Специалист по похищениям и тайным убийствам. Дальний потомок грузинского княжеского рода Церетели. Образования не получил. Зарабатывал на жизнь вооруженными ограблениями. В 1920 г. в Кутаисской тюрьме познакомился с Л.П. Берией. После установления в Грузии советской власти поступил на службу в грузинскую ЧК. В конце 1930-х гг. был переведен на работу в Москву. С 1939 г. начальник погранвойск Закавказья. С августа 1941 г. — 1-й заместитель наркома внутренних дел Грузии. После ареста и казни Л.П. Берии в 1953 г. Церетели, находившийся к тому времени на пенсии, был также арестован и в 1955 г. расстрелян (Архив Главной военной прокуратуры, архивное уголовное дело 0029, ОП, л. 220—221).

60. Политбюро и дело Берия. Сборник документов. — М., 2012. С. 242—243.

61. Влодзимирский Лев Емельянович (1903—1953) — в 1939 г. помощник начальника следственной части НКВД СССР, в 1941—1946 гг. начальник следственной части по особо важным делам НКГБ-НКВД-МГБ СССР, затем на руководящей работе в Главном управлении советским имуществом за границей при СМ СССР. В марте — июле 1953 г. начальник следственной части МВД СССР, генерал-лейтенант. Арестован 17 июля 1953 г. и расстрелян «по делу Берии» 23 декабря 1953 г. Не реабилитирован.

62. Миронов Александр Николаевич (1896—1968) — с 1923 г. в органах ОГПУ, начальник внутренней тюрьмы НКВД-МГБ СССР, полковник. С 1953 г. на пенсии в Москве.

63. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. — М.: Издательство «Крымский мост», 2007. 736 с.

64. Бобреев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. — М.: Воениздат, 1993. С. 201.

65. Там же, стр. 202.

66. Гульст Вениамин Наумович (1900—1972) — с 1921 г. в органах Грузинской ЧК, в 1938—1941 гг. замначальника 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с 1941 г. заместитель наркома госбезопасности Эстонии, в 1942—1947 гг. начальник 3-го отдела Транспортного управления НКВД—МГБ СССР. Уволен в декабре 1947 г. из МГБ по болезни. Проживал на пенсии в Москве. Лишен звания генерал-майора 23 ноября 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах госбезопасности».

67. *Иоффе Э.* Новые материалы о гибели Михоэлса // ЛЕХАИМ. Ноябрь, 2006, ХЕШВАН 5767—11 (175).

68. Аргументы и факты. 1992. № 19.

69. *Огольцов Сергей Иванович* (1900—1976) — видный деятель советских органов госбезопасности, генерал-лейтенант (1945), заместитель министра госбезопасности СССР (1946—1951). 3 апреля 1953 г. Огольцов был арестован по обвинению в убийстве Михоэлса, но Постановлением ЦК КПСС от 6 августа 1953 г. освобожден из заключения и уволен в запас МВД. Постановлением СМ СССР от 8 июня 1959 г. он был лишен звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала», а также ордена Трудового Красного Знамени, полученного за убийство Михоэлса.

70. Цанава Лаврентий Фомич (фамилия до 1938 г. — Джанджгава) (1900—1955) — деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР-МГБ, генерал-лейтенант, заместитель министра госбезопасности СССР в 1951—1952 гг., нарком внутренних дел БССР в 1938—1941 гг., министр государственной безопасности БССР в 1943—1951 гг. Близкий друг Л.П. Берии. Один из организаторов сталинских репрессий, входил в группу убийц Михоэлса.

71. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2894. С. 329—332.

72. Доклад Зори.

73. Яжборовская и др. Катынский синдром... Глава 3.

74. Катынь. Свидетельства, воспоминания, публицистика. Сборник статей. Януш Куртыка. Катынь — еще один документ.

75. *Катрич Николай.* Загадка смерти Михаила Фрунзе. Свободная пресса. 30 октября 2010 г. [svpressa.ru/society/article/32973/](http://svpressa.ru/society/article/32973/)

76. *Фомин Александр.* Если погибают комкоры, значит, это кому-то нужно.... Псевдология (14.08.2003).

77. *Бажанов В.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 141.

78. *Над Николай (Добруха).* Кто убил Михаила Фрунзе // Известия (26 октября 2010).

79. *Шерешевский А.М.* Загадка смерти В.М. Бехтерева. Патентно-информационный и редакционно-издательский отдел Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева.

80. *Мороз О.* Последний диагноз // Литературная газета, 1988, 28 сентября, № 39.

81. Репортаж «150 лет со дня рождения академика Владимира Бехтерева».

82. *Курятников В.* Как умер Куйбышев // Труд. 30.07.1998.

83. Подробнее: <http://www.kommersant.ru/doc/1115689>

84. Крупская компрометирует Ленина // Коммерсантъ Власть, № 7 (811), 23.02.2009.

85. *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Кн. 2. С. 191.

86. Слуцкий Абрам Аронович (1898—1938) — видный деятель советской разведки, комиссар государственной безопасности 2-го ранга. В ЧК с сентября 1920 г., с января 1930 г. во внешней разведке — помощник начальника ИНО ОГПУ. В 1931—1933 гг. — главный резидент ИНО по странам Европы. Лично принимал участие в специальных акциях по ликвидации «врагов» и невозвращенцев в Германии, Испании, Франции и Швеции. С мая 1935 г. — начальник ИНО НКВД. Значительную часть работы ИНО под управлением Слуцкого составлял розыск и физическое устранение противников Сталина за границей. Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», именным оружием. Слуцкий внезапно умер 17 февраля 1938 г. в кабинете начальника ГУГБ НКВД Фриновского. По официальной версии, смерть наступила от сердечной недостаточности. По другим данным, он был отравлен по приказу наркома внутренних дел Ежова. Арестованный в 1938 г. бывший начальник отдела оперативной техники НКВД М.С. Алехин показал, что Слуцкий был отравлен им путем инъекции цианистого калия при содействии Фриновского и Заковского. Арестованный бывший нарком внутренних дел СССР Ежов подтвердил эту версию.

87. *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика. — М.: «Тerra-Тегга», 1991. 365 с.

88. Григулевич Иосиф Ромуальдович (1913—1988) — советский разведчик-нелегал. В 1937 г. в Испании переводчик резидентуры иностранного отдела НКВД. Принимал участие в вербовке мексиканского художника — коммуниста Давида Сикейроса и в похищении и убийстве лидера РОУМ Андреса Нина. В мае 1938 г. направлен в Мексику для организации убийства Троцкого. В 1940 г. организовал вооруженное нападение на дом Троцкого в г. Койоакане группы боевиков Сикейроса, которое закончилось неудачей. В 1940—1948 гг. — на нелегальной работе в странах Южной Америки, в 1949—1952 гг. — на дипломатической и разведывательной работе в Италии. В ноябре 1953 г. возвратился в Москву, учился в Высшей партийной школе. Занимался научной работой, доктор исторических наук, автор книг по истории религии. Скончался в Москве, похоронен на Донском кладбище.

89. Андрес Нин (1892—22 июня 1937 г.) — каталонский коммунист, революционер, публицист, писатель и переводчик. Лидер ПОУМ. Известный деятель рабочего движения, принял участие в основании Испанской коммунистической партии. В апреле 1921 г. Нин в составе делегации Национальной конфедерации труда прибыл на III конгресс Коммунистического Интернационала и I конгресс Профинтерна (Интернационала красных профсоюзов) в Москве. Девять лет жил в СССР, работал в Коминтерне и генеральным секретарем Профинтерна. Вступив в РКП(б), был избран депутатом Моссовета, сблизился с левой оппозицией и сотрудничал с Львом Троцким. Добивался у советских властей разрешения на выезд с женой Ольгой Тареевой и двумя дочерьми в Испанию.

90. Нил Никандров «Григулевич». — М.: Молодая гвардия, 2005. С. 57, 63, 69—71.

91. *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 75.

92. Коротков Александр Михайлович (1909—1961) — советский спортсмен, разведчик. Окончил МГУ. В хоккей с мячом начал играть в 1923 г. в Москве. Завершил успешную спортивную карьеру в связи с началом работы в аппарате ГПУ. В ИНО ОГПУ с 1930 г., прошел оперативную и языковую подготовку. С 1933 г. на нелегальной работе во Франции. В декабре 1937 г. во Франции возглавил группу, созданную для ликвидации предателей. Этапы чекистской карьеры: начальник немецкого отдела ПГУ НКВД, заместитель начальника ПГУ МГБ СССР, заместитель начальника ПГУ КГБ. С 1957 г. — официальный представитель КГБ при МГБ ГДР. Генерал-майор. Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды. В середине июня 1961 г. Коротков был срочно вызван в Москву. 27 июня на теннисном корте Московского комплекса «Динамо» во время игры с начальником ГРУ Генштаба И.А. Серовым скончался от разрыва аорты. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

93. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: «Гей», 1996. 507 с.

94. Там же. С. 95.

95. Бюллетень оппозиции. 1938. № 68—69. С. 29.

96. *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Кн. 2. С. 167.

97. *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. С. 164.

98. Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 7.

99. Бюллетень оппозиции. 1938. № 68—69. С. 28—30.

100. Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 13.

101. Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing... February, 29. 1956. P. 92.

102. *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Кн. 2. С. 168.

103. Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: «Гая», 1996. 507 с.

104. Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: «Гая», 1996. С. 75—79.

105. *Эйтингон Наум Исаакович* (1899—1981) — генерал-майор НКВД. С 1919 г. — сотрудник ЧК. С 1930 г. — руководитель секции нелегальных операций ИНО ОГПУ. Занимался организацией диверсий и актов террора за рубежом: убийство диктатора Северного Китая и Маньчжурии Чжан Цзолиня, похищение генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера во Франции. Вероятно, причастен к судьбе агента НКВД генерала Н.В. Скоблина в Испании. Совместно с П.А. Судоплатовым разработал и подготовил операцию по убийству Троцкого. В 1942 г. назначен заместителем начальника 4-го управления НКВД СССР (Судоплатова), занимавшегося разведкой, террором и диверсиями в тылу противника. Провел оперативные игры «Монастырь», «Курьеры», «Березино», «Арийцы», которые привели к захвату немецких агентов. С 1945 г. заместитель начальника отдела «С» НКВД (затем НКГБ) СССР, которому было поручено добывание и обобщение разведанных по созданию ядерного оружия. В октябре 1951 г. был арестован по «делу о сионистском заговоре в МГБ». После смерти Сталина был освобожден по ходатайству Судоплатова и Берии. С мая 1953 г. — заместитель начальника 9-го отдела МВД СССР. В августе 1953 г. вновь арестован по «делу Берии» и приговорен к 12 годам заключения. В 1964 г. освобожден. Умер в Москве. Реабилитирован.

106. Меркадер Рамон на сайте «Герои страны».

107. *Троцкий Л.Д.* Портреты. С. 46.

108. *Авторханов А.* Убил ли Сталин Ленина? // Новый журнал. № 152 (Июнь 1983 г.). С. 240—259. См. также: Даугава. 1990. № 9. С. 65.

109. Судоплатов Павел Анатольевич (1907—1996) — советский разведчик, сотрудник ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД, генерал-лейтенант. Организатор ряда политических убийств. Во время войны, возглавляя 4-е управление НКВД, участвовал в организации минирования стратегических объектов в Москве, диверсионной деятельности против немецких войск на Кавказе, стратегических радиоигр с немецкой разведкой. После войны занимался получением информации о разработке атомной бомбы в США. В 1953 г. был арестован как «пособник Берии» по обвинению в заговоре. Симулировал помешательство и до 1958 г. находился в Ленинградской специальной психиатрической больнице. В 1958 г. был приговорен к 15 годам заключения за активное пособничество изменнику Родины Берии в подготовке государственного переворота, производство опытов над людьми, похищения и многочисленные убийства. Виновным себя не признал. Отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

Полностью отбыл наказание. Реабилитирован в 1992 г. Стал широко известен благодаря своим мемуарам «Разведка и Кремль», «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 гг.». Умер 24 сентября 1996 г. Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве.

110. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. — М.: «Гя», 1996. 507 с.

111. Світла і тіні ОУН, Лев Ребет, Мюнхен — 1964, В-ВО.: «УКРАЇНСЬКИЙ САМОСТІЙНИК».

112. *Частий Р.В.* Степан Бандера: мифы, легенды, действительность. — Харьков: Фолио, 2007. 382 с.

113. Степан Бандера у документах радянських органів державної безпеки (1939—1959) / За загальною редакцією професора Володимира Сергійчука[ru]. — К.: ПП Сергійчук М. І., 2009. Т. 1. — 680 с.

114. *Джон Стил.* Убийца, разоруженный любовью.

115. *Жирнов Евгений.* Дядей в органах КГБ немало, а умения нащупать врага еще не всегда хватает // Коммерсантъ Власть, № 40 (994), 08.10.2012.

116. *Симбирцев Игорь.* Спецслужбы первых лет СССР. 1923—1939. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 381 с.

117. Яков Серебрянский — трижды узник Лубянки // Военно-промышленный курьер, Москва, 01.11.2006; *Старосадский В.* Карающий меч разведки. Новости разведки и контрразведки. — М., 18.11.2005.

118. Служба внешней разведки Российской Федерации, 2000. Официальный сайт СВР России.

119. Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину с приложением протокола допроса С.В. Пузицкого от 29 мая 1937 г.

120. *Назаров М.* Миссия Русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992. С. 133—134.

121. *Дамаскин И.А.* Николай Скоблин (1893—1937).

122. *Шелленберг Вальтер.* Мемуары. — М.: Прометей, 1991, 352 с.

123. *Краевский В.* Похищение генерала // Литературная Россия. 1995. № 7. 17.02.1995. С. 5.

124. Россия забытая и неизвестная. Белое движение в России. Т. 17. Вооруженные силы на Юге России. Январь—июнь 1919 г. — М.: Центрполиграф, 2003. 672 с.

125. *Порецки Э.* Тайный агент Дзержинского; пер. с англ. — М.: Современник, 1996. 415 с.

126. *Орлов А.М.* Тайная история сталинских преступлений. — М.: Всемирное слово, 1991. 352 с.

127. Шпигельглас Сергей Михайлович (1897—1941) — видный деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД, майор государственной безопасности. В ЧК с начала 1920-х гг., с 1922 г. сотрудник Иностранного отдела. С 1936 г. — заместитель начальника ИНО НКВД. С февраля 1938 г. руководитель ИНО. «Специализацией» Шпигельгласа были похищения и тайные убийства. Среди

наиболее известных дел, к которым он имел отношение, были убийства Коновальца, Рейсса, Клемента и Агабекова, похищение Миллера. Шпигельглас арестован осенью 1938 г. по обвинению в «сотрудничестве с иностранными разведками и участии в троцкистском заговоре в НКВД». Расстрелян 29 января 1941 г. на Коммунарке. Посмертно реабилитирован. (См. Биография С.М. Шпигельгласа на сайте СВР РФ.)

128. *Старков Б.А.* Судьба Вальтера Кривицкого // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 82—93.

129. *Кривицкий Вальтер.* «Я был агентом Сталина»: записки советского разведчика. М.: «Терра-Тегга», 1991. 365 с.

130. Лучший охотник за шифрами // Владимир Антонов.

131. *Вальтер Кривицкий.* «Я был агентом Сталина»: записки советского разведчика. — М.: «Терра-Тегга», 1991. 365 с.

132. *Филби Ким.* Моя тайная война. — М.: Воениздат, 1989.

133. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: «Гёя», 1996. 507 с.

134. *Бортневский В.Г.* Невозвращенец Григорий Агабеков и секретная служба Сталина // Собеседник. 1989. № 34. Август. С. 12—13; Биография. Агабеков Георгий Сергеевич.

135. Опубликовано: «Новая Россия» 1939 г.; также см.: Неделя. 1988. № 26; и в кн.: Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В. Попов. — М.: Политиздат, 1989. С. 313—320. (Оригинал статьи на сайте Istmat.Ru).

136. *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002.

137. *Роговин Вадим Захарович.* 1937—1998. Была ли альтернатива? Т. 5. Партия расстрелянных. Гл. Заграничные убийства.

138. Stalin, Navachine & Blum // Time. Feb 08, 1937 <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,883575,00.html>

139. История спецслужб мира. Персоны. Вилли Мюнценберг, пионер «дезинформации». [drakancs.ru](http://drakancs.ru); Тайные убийства по приказу Сталина // Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 16.06.2010. № 08 (29).

140. *Коростовцев Михаил Александрович* (1900—1980) в Биобиблиографическом словаре репрессированных востоковедов «Люди и судьбы».

141. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. — 492 с.; *Трегубов Ю.* Восемь лет во власти Лубянки.

142. *Шифрин А.И.* Четвертое измерение. — Франкфурт/Майн: Посев, 1973. 452 с.

143. ЦОА МБРФ. Ф. 4ос. Оп. 11. Ед. хр. 29. Л. 214.

144. *Трушнович А.Р.* Воспоминания корниловца: 1914—1934 / Сост. Я.А. Трушнович. — Москва—Франкфурт: Посев, 2004. 336 с.



145. Мой первый начальник подполковник Чернявский.
146. *Николай Хохлов*. Встреча с прошлым // Новая Газета. № 46, 1 июля 2004 г.
147. *Батшеев Владимир*. Прогресс не дремлет: От таллия к полонию. <http://www.minskoldnew.com/War/Kube.htm>
148. *Соколов А.А.* Анатомия предательства: «Суперкрот» ЦРУ в КГБ. — М., 2005; *Тельман Иосиф*. Любовь и смерть перебежчика. История далекая и близкая // Секрет, № 11 (830).
149. *Судоплатов Павел*. Разведка и Кремль. — М.: «Гея», 1996. 507 с.
150. *Геворкян Н.* Чисто болгарское убийство // Московские Новости. № 17 от 28 апреля 1991 г. С. 15.
151. *Колпакиди А., Прохоров Д.* Внешняя разведка России. — Санкт-Петербург: Нева, Олма-Пресс, 2001. 512 с.
152. *Салнынъ Христофор Интович* (1885—1939) — латышский революционер-боевик, советский разведчик, резидент и военный советник в Китае. В 17-летнем возрасте вступил в РСДРП. Опытный подпольщик, выполнял поручения В.И. Ленина. До окончания интервенции и Гражданской войны на Дальнем Востоке работал в тылу противника. Из аттестации на Салныня, подписанной начальником разведки РККА Яном Берзиным: «Весьма опытный и развитый работник разведки. Обладает твердым характером и сильной волей; в трудных условиях не теряется, обладает большим мужеством и личной храбростью; быстро ориентируется в обстановке и быстро принимает решения. Умеет управлять людьми и подчинять их своей воле; любит дисциплину и сам дисциплинирован; с подчиненными тактичен; пользуется авторитетом и любовью...» В 30-е годы Салнынъ работал в странах Центральной и Восточной Европы, а во время гражданской войны в Испании был советником 14-го (партизанского) корпуса республиканских войск. Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени и золотыми часами. Арестован в Москве 20 апреля 1938 г. по обвинению в «участии в контрреволюционной, диверсионной, террористической и шпионской организации», приговорен к расстрелу. Расстрелян 8 мая 1939 г. Реабилитирован.
153. Автобиография. Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. Сост.: В. Гончаров, А. Кокурин. — Москва: Индрик, 2009. С. 285—287. 492 с.; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди.
154. *Пасхин Николай*. Маршал, не покоровившийся ни Гитлеру, ни Сталину // Свободная пресса. 4 мая 2010 г.
155. *Судоплатов Павел*. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: «Гея», 1996, 507 с.
156. Дело помещицы Салтыковой: страх и ненависть в селе Троицком.

157. *Кичеев П.Г.* Салтычиха. // Русский архив, 1865. — Изд. 2-е. — М., 1866. С. 641—652.
158. BBC. World's worst killers. Torture castle.
159. *Кодреску Андрей.* Кровавая графиня. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
160. *Климов Г.* Красная каббала. — Краснодар: «Советская Кубань». ТОО «Пересвет», 1996. 430 с.
161. *Порецки Элизабет.* Тайный агент Дзержинского. М.: Современник, 1996. 415 с.
162. *Гутман Е.И.* Командир. Без них мы не победили бы: Воспоминания женщин — участниц Октябрьской революции, Гражданской войны и социалистического строительства. Сост. М.О. Левкович. — М.: Политиздат, 1975. 446 с.
163. *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — Симферополь: Антиква, 2008. 728 с.
164. *Крючков Андрей.* Женская рука казанского ЧК. Элита Татарстана.
165. Воспоминания Веры Петровны Брауде. Моя жизнь и работа после февральской революции в Казани, Сибири и Москве. ЦГА ИПДРТ. Ф. 30. Оп. 3. Д. 118/2. Л. 65—69.
166. *Бережков В.И., Пехтерева С.В.* Женщины-чекистки. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 382 с.
167. *Рогов В.* Хая в кожаных штанах.
168. *Конквест Роберт.* Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991. Кн. 2. С. 608.
169. *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М.: Янус-К, 2001. 544 с.
170. *Зенькович Николай.* Самые секретные родственники.
171. *Бережков В.И., Пехтерева С.В.* Женщины-чекистки. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 382 с.
172. Там же. С. 118.
173. *Антонов-Овсеенко А.В.* Враги народа. М.: Интеллект, 1996. С. 353—363.
174. *Бережков В.И., Пехтерева С.В.* Женщины-чекистки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 382 с.
175. Фортус Мария: ненаписанный триллер.
176. *Павел Судоплатов.* Разведка и Кремль. М.: «Гея», 1996. 507 с.
177. *Тумишис Михаил, Папчинский Александр.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М.: Яуза, Эксмо. 512 с.
178. *Абрамов В.* Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М.: Яуза, Эксмо. 506 с.
179. *Горчаков О.А.* Ян Берзин — командарм ГРУ. СПб.: Нева, 2004. 172 с.
180. *Астахова Н., Целлариус Е.* Товарищ Ольга. — М., 1969; Герои Октября. — М.: Московский рабочий, 1967. 168 с.

181. *Белов В.* Год великого перелома // Новый мир, № 3, 1989.
182. Государственный архив общественно-политических движений и формирований (бывший партийный архив Архангельской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 57. Л. 57.
183. *Сенников Б.В.* Тамбовское восстание 1918—1921 гг. и раскрестьянивание России 1929—1933 гг. М.: ПОСЕВ, 2004. 176 с.
184. *Абрамов В.* Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. — М.: Яуза, Эксмо. 506 с.
185. *Петрушин А.А.* Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. — 1-е изд. — Тюмень, 2011. 320 с.
186. *Тепляков Алексей.* Сибирь: процедура исполнения смертных приговоров в 1920—1930 гг.
187. *Бириштейн В.* Эксперименты на людях в стенах НКВД // Человек. — 1997. № 5.
188. *Бобринев В.А.* «Доктор Смерть», или Варсонофьевские призраки. М.: Астрель: Олимп, 1997. 477 с.
189. *Судоплатов Павел.* Разведка и Кремль. М.: «Гея», 1996. 507 с.
190. Журнал «Коммерсантъ Власть», № 7 (811), 23.02.2009.
191. *Бириштейн В.* Эксперименты на людях в стенах НКВД // Человек. — 1997. № 5.

## Содержание

|   |     |
|---|-----|
| <b>ГЛАВА 1. ИЗ ИСТОРИИ СМЕРТНЫХ КАЗНЕЙ</b> .....  | 3   |
| ОСНОВНЫЕ ВИДЫ КАЗНЕЙ .....  | 5   |
| КАЗНИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ .....  | 25  |
| ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ.....   | 52  |
| <b>ГЛАВА 2. КАЗНИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР</b> .....   | 55  |
| ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СМЕРТНОЙ КАЗНИ .....   | 55  |
| ПЕРВАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ КАЗНЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ .....   | 60  |
| ВЧК — КАРАЮЩИЙ МЕЧ РЕВОЛЮЦИИ.....   | 63  |
| ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ<br>АРМИЕЙ .....                                      | 85  |
| УНИЧТОЖЕНИЕ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА.....  | 107 |
| КАЗНИ И ПЫТКИ В ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА.....  | 119 |
| КАЗНИ ПО СТАЛИНСКИМ СПИСКАМ.....  | 152 |
| КАЗНИ В ГУЛАГЕ .....  | 158 |
| ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ.....   | 166 |
| <b>ГЛАВА 3. КАРАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КАЗНИ<br/>В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ</b> ..... | 173 |
| КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. СМЕРШ .....  | 173 |
| ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ .....   | 178 |
| ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ .....   | 181 |
| ШТРАФНЫЕ РОТЫ И БАТАЛЬОНЫ.....  | 183 |
| КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ.....  | 186 |
| ВЫДАЧА И КАЗНИ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ РОА И КАЗАКОВ .....  | 188 |
| КАЗНИ ГЕНЕРАЛОВ-КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ.....   | 209 |
| СУДЬБЫ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ — ГЕРОЕВ<br>СОВЕТСКОГО СОЮЗА .....                                  | 239 |
| БОРЬБА С ДЕЗЕРТИРАМИ И «ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЯМИ».....  | 249 |
| «ЗАЧИСТКА» ТЮРЕМ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ .....   | 258 |
| ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ.....   | 266 |

|  |     |
|--|-----|
| <b>ГЛАВА 4. ПАЛАЧИ РОССИИ И СССР</b> ..... | 271 |
| ПАЛАЧИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ .....      | 271 |
| ПАЛАЧИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР .....     | 278 |
| ХАРАКТЕРНЫЕ ТИПЫ И СУДЬБЫ ПАЛАЧЕЙ.....     | 290 |
| СТАЛИНСКИЕ ПАЛАЧИ-СТАХАНОВЦЫ .....         | 305 |
| ТАЙНЫЕ УБИЙСТВА И ИХ ИСПОЛНИТЕЛИ .....     | 316 |
| ЖЕНЩИНЫ-ПАЛАЧИ.....                        | 370 |
| ПАЛАЧИ-УЧЕНЫЕ, ИЛИ «НАУКА В НКВД».....     | 392 |
| ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ.....                | 400 |

Научно-популярное издание

*Историческое расследование*

**Игнатов Владимир Дмитриевич**

## **ПАЛАЧИ И КАЗНИ В ИСТОРИИ РОССИИ И СССР**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректоры *М.М. Балашова, О.Н. Афанасьева*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Подписано в печать 14.08.2013. Формат 60×90<sup>1/16</sup>. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС». Печ. л. 26.

Тираж 2500 экз. Заказ С-1944.

Отпечатано в полном соответствии с качеством  
предоставленного электронного оригинал-макета  
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru



ISBN 978-5-4444-1238-1



9 785444 412381

---

## **- ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ -**

---

С древнейших времен человечество применяло смертную казнь как высшую меру наказания за преступления. Палачи — люди, приводившие приговор в исполнение, — имели зловещую репутацию в обществе.

В истории нашего государства были мрачные периоды, когда работа палачей кипела днем и ночью. Автор книги подробно рассказывает об истории и видах казней в России и Советском Союзе, о знаменитых палачах, о матерых преступниках и невинно пострадавших людях.